Масоны в России: от Петра I до наших дней

Брачев В.С.

Содержание

Предисловие

В основе этой книги - курс лекций по истории русского масонства, прочитанный в 1998/1999 учебном году автором на историческом факультете Санкт-Петербургского университета. С удовлетворением можно отметить: встретили слушатели этот курс хорошо, даже тепло; было много вопросов и пожеланий. Вскоре, однако, выяснилось, что рекомендуемые для подготовки к экзамену статьи и книги, как правило, труднодоступны для студентов. На просьбы указать одну книгу, где бы содержалось изложение на современном уровне всей истории масонства, начиная со времен Петра Великого и кончая нашими днями, автор с сожалением вынужден был констатировать, что такой книги просто нет. Мысль о целесообразности, отложив на время другие работы, попытаться восполнить существующий пробел в учебной литературе, родилась в сложившихся условиях, можно сказать, сама собой. Так появилась эта книга.

Главное назначение ее - ознакомить читателя не столько с собственными взглядами автора, которые он, разумеется, и не думает скрывать, а, главным образом, с фактической стороной дела, источниками и историографией вопроса.

Или, говоря другими словами, выводами науки. Другое дело, что характер этих выводов зачастую таков, что для того, чтобы разобраться в вопросе, автору и самому пришлось основательно поработать с источниками. Все это позволяет надеяться, что книга вызовет интерес не только у студентов, но и у более широкого круга читателей. В соответствии с традицией преподавания истории в Санкт-Петербургском университете автор старался избегать крайностей в собственных оценках; знакомя же читателя с оценками масонства другими исследователями, он стремился теснее увязать эти оценки с их общественно-политическими пристрастиями и особенностями интерпретации ими источников.

Потребность в университетском курсе истории русского масонства ощущалась уже давно. Дело тут, конечно, совсем не в том, что масоны сыграли или играют такую уж большую роль в русской истории. Парадокс как раз и состоит в том, что вопреки распространенному мнению, при ближайшем рассмотрении оказывается, что роль эта не так уж и велика. Дело, скорее, в другом. Знакомство с историей масонства позволяет нам взглянуть на нашу отечественную историю несколько в ином, чем обычно, свете, более внимательно присмотреться к ряду, казалось бы, уже хорошо известных политических и общественных деятелей. По-новому предстает перед нами, с учетом масонского фактора, и история русской интеллигенции, ее духовных исканий и политических устремлений. Другими словами, знакомство с историей масонства позволяет существенно обогатить и расширить наше историческое знание, сделать его более объемным.

Успехи, которых добились в последние десятилетия как отечественное, так и зарубежное масоноведение, привели к тому, что сейчас уже практически никто не сомневается в самом факте существования масонских лож в России в начале XX века. Спор идет лишь о степени влияния их на общественную жизнь и политические события этого времени. Причем в центре внимания, естественно, оказывается роль масонов как в подготовке, так и в непосредственном участии в революционных событиях 1917 года. Этим, собственно, и объясняется то сравнительно большое место, которое уделено этим сюжетам в предлагаемой вниманию читателя книге. Но оказывается, масонские ложи существовали не только в дореволюционной, но и в Советской России. Правда, по условиям времени это были уже не политические ложи, а преимущественно кружки и группы религиозно-нравственного, как бы мы сейчас сказали, характера. Принципиального значения, впрочем, для раскрытия заявленной темы обстоятельство это не имеет, и отделять в масонстве мистицизм, политику и нравственность - задача, прямо скажем, неблагодарная. Тем более, что, как ни стремились советские масоны не мешаться в политику, избежать этого вследствие пристального интереса к ним со стороны ОГПУ было нелегко.

Возвращаясь к теме политического русского масонства дореволюционного времени, следует подчеркнуть, что Керенский и Ко - это всего лишь видимая часть огромного масонского айсберга, с которым пришлось столкнуться в начале XX века тяжелому и неповоротливому кораблю русской государственности. В России начала века существовало громадное число и других, легальных, в отличие от масонства, организаций, деятельность которых, пусть и медленно, но зато верно подтачивала государственные устои империи. Основная часть этой работы, связанная, в первую очередь, с дискредитацией самодержавия, православия и традиционных ценностей народа, или, говоря другими словами, идеологической подготовкой переворота, развертывалась вне масонских лож.

Дело в том, что вопреки распространенному представлению, масонство это не только и не столько масонские ложи, а широкое общественное явление, подлинная суть которого ясна далеко не всем. Как своеобразная форма самоорганизации элиты общества, масонство включает в себя не только собственно масонские, но и полумасонские структуры. Это позволило включить в книгу главы о деятельности ряда религиозно-мистических кружков и групп начала XX века и первых лет Советской власти, существование и деятельность которых из-за "сомнительности" их масонского характера исследователи обычно обходят стороной. Большой материал на эту тему был привлечен автором в его предыдущей работе [1], что существенно облегчило подготовку данной книги.

Что касается интереса автора этих строк к теме, то в загадочный и таинственный мир ленинградских оккультных кружков и групп 1920-х годов он окунулся где-то лет 9-10 назад, когда по совету профессора С. обратился к так называемому "масонскому фонду" тогдашнего Музея истории религии и атеизма. Увиденное там: малопонятная для современного человека эзотерическая символика, с преобладанием звезд, крестов и черепов со скрещенными костями, посвятительные тетради с подробнейшим описанием степеней и таинственных масонских обрядов, клятвы, писанные кровью - поразили меня.

Казалось невероятным, что все это могло происходить здесь, в нашем городе, в XX веке. Правда, профессор С. несколько охладил мой пыл, заявив, что масоны эти - не настоящие, так как ложи были организованы едва ли не по инициативе ОГПУ, во всяком случае, находились под его контролем.

На самом деле картина оказалась куда более сложной. Но обнаружилось это уже позже, когда в начале 1990-х годов автор этих строк получил возможность ознакомиться с так называемыми "масонскими делами" архива УКГБ СССР по Ленинграду и Ленинградской области. Уникальность и несомненный интерес, который представляют обнаруженные им там материалы, собственно, и побудили написать эту работу.

В процессе подготовки ее выяснилась теснейшая связь ленинградских "масонов" с деятельностью оккультных кружков и групп дореволюционного времени, продолжением которой они, в ряде случаев, и являлись. Стало ясно, что без написания специальной главы о них не обойтись. Ею и открывалась изданная в 1997 году книга.

Данная работа носит конкретно-исторический характер. Ее цель - рассказать о конкретных масонских ложах, людях, которые их составляли, целях, которые они преследовали, и, наконец, результатах, к которым они пришли. Споры о том, настоящие это были масоны или ненастоящие, "правильными" или "неправильными" были устроенные ими ложи, я оставляю другим. В конце концов, как бы мы сегодня не назвали то или иное интеллигентское сообщество 1920-х годов: масонской ложей, орденом, братством или просто кружком, суть дела от этого, как, надеюсь, понимает читатель, не меняется. И в том, и в другом, и в третьем, и в четвертом случаях речь идет, все-таки, о конкретных людях и их конкретных взглядах и действиях.

Если рассматривать масонство как широкое общественное движение, а не узкую секту (а именно так смотрит на дело автор этих строк), то сама проблема так называемых "правильных" лож, то есть утвержденных Великой ложей Англии или Великим Востоком

Франции, и лож якобы "неправильных", которые такой чести не удостоились, теряет если уж не смысл, то, по крайней мере, свою остроту.

В процессе работы над книгой у автора сложились свои оценки описываемых в ней событий и лиц. Познакомить с ними читателя - его долг. Однако навязывать их кому бы то ни было не входило в его задачу. Напротив, обширные документальные выдержки из малодоступных пока еще архивов УФСБ РФ дадут, как надеется автор, возможность заинтересованному читателю и для собственных оценок и выводов.

И, наконец, последнее. Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена истории масонских и полумасонских кружков и ассоциаций, действовавших непосредственно на территории России. История зарубежного русского масонства в ней не рассматривается.

Как показали специальные работы на эту тему Н.Свиткова (Степанова) [2], В.Л.Вяземского [3], С.П.Тикстона [4], А.И.Серкова [5] и В.И.Старцева [6], зарубежные русские ложи 1920-х и последующих годов заметного влияния на масонские или полумасонские кружки и группы в Советской России не оказывали.

Глава 1. Источники и литература

Покров тайны, которой окутано масонство, способствовал внедрению в общественное сознание мнения об отсутствии сколько-нибудь значительной источниковой базы по его истории. Другими словами, масонская проблема вроде бы и есть, но нет источниковой базы, которая позволила бы удовлетворительно ее разрешить.

Действительно, определенные основания для такого умозаключения имеются.

Ведь многие источники по истории русского масонства, особенно относящиеся к неудобным для самих "братьев" сюжетам, безвозвратно утеряны. В конце XVIII и в 20-х годах XIX веков, то есть в период гонений и официального закрытия лож члены их уничтожали, жгли, в редких случаях прятали все, или казавшиеся им наиболее опасными орденские знаки, документы и книги [7].

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что некоторые масонские ассоциации, как например "Великий Восток народов России" начала XX века, опасаясь возможных репрессий, вообще не вели своего делопроизводства и никаких официальных бумаг после себя практически не оставили.

Все это так. И тем не менее, факт остается фактом: при ближайшем рассмотрении оказывается, что источников по истории масонства в наших библиотеках и архивохранилищах не так уж и мало. Особенно это относится к периоду начиная с 80-х годов XVIII века и кончая закрытием масонских лож в 1822 году.

Первую группу источников по истории русского масонства XVIII – первой четверти XIX веков составляет официальная правительственная документация: указы, постановления и предписания. Ценнейший источник этого рода - следственные дела о масонах: дело Н.А.Головина (1747) [8], донесение М.Олсуфьева о ложе Р.И.Воронцова (1756) [9] и другие. Особенно большое значение для историка масонства имеет дело Н.И.Новикова 1792 года (официальная переписка, показания, роспись конфискованных книг, прошения и прочие материалы, связанные с его арестом и заключением). Полностью дело (РГАДА, ф.8, оп.1., д.218 и ф.7, оп.2, а также ГИАМ ф.45, оп.1, ‘213) не опубликовано, однако наиболее существенные материалы его напечатаны в свое время Н.М.Лонгиновым [10], Д.И.Иловайским [11], А.Н.Поповым [12] и П.П.Пекарским [13].

В качестве дополнения к правительственным материалам историками могут быть использованы записки на имя Александра I и Николая I Ф.В.Ростопчина [14], Е.А.Кушелева [15] и противников масонства А.Б.Голицына и М.Магницкого [16].

Много данных по истории масонства содержат материалы из фондов бывшего Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне ГАРФ).

Это, прежде всего, фонд Третьего отделения собственной Е.И.В. канцелярии (ф.109), Особой канцелярии МВД (ф.1165), Собственной канцелярии А.Х.Бенкендорфа (ф.1717).

Другой важнейшей группой источников по истории масонства XVIII – начала XIX веков является официальная масонская документация. Прежде всего, это уставы или конституции [17], на основе которых действовали те или иные масонские ассоциации, материалы внутреннего делопроизводства масонских лож: прошения об открытии тех или иных мастерских, протоколы их заседаний, списки членов, анкеты и отчеты о деятельности "братьев", масонские обрядники, речи и песни. Ценнейший материал по истории русского масонства содержится в целом ряде личных фондов и коллекций общественных и государственных деятелей России конца XVIII - начала XIX веков, хранящихся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве (бывшая имени В.И.Ленина) [18]: В.С.Арсеньева (ф.13 и 14), Н.П.Киселева (ф.128), Голубинских (ф.76), С.С.Ланского-С.В.Ешевского (ф.147), Д.И.Попова (ф.237), а также Центрального государственного архива литературы и искусства: Д.Н.Альбицкого (ф.141), П.А.Вяземского (ф.195), Ф.Н.Глинки (ф.141). Немало документов по истории масонства найдет историк и в составе личных фондов Рукописного отдела Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (М.Ю.Виельгорского, Ф.И.Прянишникова и др.). Большая часть документов масонского происхождения, создававшаяся для целей внутреннего пользования, хотя и известна исследователям, но, в силу своей специфики, остается еще не напечатанной.

Ценнейшую информацию о работах лож XVIII - начала XIX веков содержат дневники и воспоминания как самих масонов, так и тесно общавшихся с ними лиц: И.В.Лопухина [19], С.Т.Аксакова [20], А.Д.Тейльса [21], Л.А.Симанского [22], Н.И.Греча [23], А.И.Михайловского-Данилевского [24], И.И.Виганда [25], А.Л.Витберга [26], П.А.Вяземского [27], И.И.Дмитриева [28], А.И.Тургенева [29], Д.П.Рунича [30], А.В.Храповицкого [31], И.П.Елагина [32]. Важное значение имеют для историка письма духовных руководителей русских масонов первой четверти XIX века И.А.Поздеева и Н.И.Новикова. До нас дошло свыше 200 писем И.А.Поздеева.

Только часть их была опубликована в 1872 году в "Русском архиве". Остальные хранятся в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки в Москве и представляют уникальный в своем роде материал для так называемой внутренней жизни ордена, воссоздания нравственно-психологической атмосферы масонских лож. Это же в полной мере относится и к письмам Н.И.Новикова к А.Ф.Лабзину, Х.А.Чеботареву, М.Л.Мудрову, В.И.Баженову [33], Д.П.Руничу [34], Н.Н.Трубецкому [35] и др. Особенно важны для исследователя опубликованная в 1915 году Я.Л.Барсковым "Переписка московских масонов XVIII века" [36].

Несмотря на кажущуюся простоту использования переписки "братьев" - "вольных каменщиков", на самом деле, вследствие конспиративного характера писем (употребление авторами инициалов, так называемых "рыцарских имен" "братьев" и вообще разного рода намеков, которые могли быть понятны лишь автору письма и его адресату), это далеко не простая задача для исследователя.

Большой интерес для историка представляют масонские сочинения (речи, лекции, брошюры). Некоторые из них, как например "Магазин свободнокаменщический" (Т.1 (ч.1-2). М., 1784), "Учение древнего любомудрия и богомудрия" И.П.Елагина [37], "Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов" И.В.Лопухина [38] напечатаны. В большинстве же случаев исследователю приходится иметь дело с рукописями [39].

Ценным источником для историка могут служить в ряде случаев и предметы масонского культа или, как их еще называют, "масонские предметы": ковры, мечи, кубки, перстни, кинжалы, перчатки, фартуки и пр. [40]. Библиография, посвященная истории русского масонства [41], насчитывает более 1000 названий и непрерывно растет. Как

правило, это статьи и брошюры за или против масонов, авторы большинства из которых серьезно проблемой никогда не занимались, источников по теме не видели и все свои познания черпают из литературы вопроса. Но не они, разумеется, определяют лицо современной историографии масонства в России. Основы ее были заложены в 1860-е годы, известные еще как "эпоха великих реформ". Наиболее крупный вклад в ее становление внесли, однако, не историки, а ученые-литературоведы той поры М.Н.Лонгинов и академик А.Н.Пыпин. О работах А.Н.Пыпина чуть ниже.

Что же касается М.Н.Лонгинова, то еще в 1858 году в журнале "Русский вестник" (август) он опубликовал свою работу "Новиков и Шварц. Материалы для истории русской литературы и просвещения XVIII века". Есть и отдельное издание [42]. Завершением же его разысканий в этой области стала капитальная монография ученого "Новиков и московские мартинисты", опубликованная в 1867 году в Москве [43]. Со времени написания этого труда прошло более ста лет. Однако богатый архивный материал, введенный в научный оборот автором (часть его дана в приложениях к книге), делает ее необходимым пособием для историка и по сей день.

Наряду с М.Н.Лонгиновым и А.Н.Пыпиным заметный вклад в разработку истории масонства внесли в эти годы и другие ученые: А.Н.Попов [44], Н.С.Тихонравов [45], П.П.Пекарский [46] и особенно С.В.Ешевский, опубликовавший в 1864 году большую работу "Московские масоны 80-х годов прошедшего столетия" в виде двух статей в "Русском вестнике" за 1864 год. В 1870 году она была переиздана в 3-й части (томе) сочинений С.В.Ешевского [47].

Характерно, что научный интерес исследователей 1860-х годов сосредотачивался почти исключительно на масонстве второй половины XVIII века. Это не было, разумеется, случайностью. Дело в том, что просветительская и филантропическая деятельность московских мартинистов XVIII века, преследование, арест и заключение в Шлиссельбургскую крепость Н.И.Новикова - это наиболее выигрышная страница в истории русского масонства. Естественно, что к ней в поисках своих духовных предшественников и обратились в первую очередь российские либералы 1860-х годов. Выйти за узкие пределы 80-х - начала 90-х годов XVIII века сумел в то время в своих исследованиях только А.Н.Пыпин. Ему же принадлежит и наибольший вклад среди дореволюционных исследователей масонства в разработку проблемы.

Первые публикации ученого по истории масонства, появившиеся во второй половине 1860-х годов на страницах журнала "Вестник Европы", шли, правда, вполне в традиционном для либеральной историографии русле: Н.И.Новиков, московские розенкрейцеры XVIII века и их предшественники: "Русское масонство в XVIII веке" (1867, ‘2), "Русское масонство до Новикова" (1868, ‘6, 7), "Розенкрейцеры" (1871, ‘1, 2). Однако основное внимание ученого оказалось вскоре сосредоточено не на эпохе Екатерины II, а на Александровском времени: его цикл статей о масонах первой четверти XIX века (Вестник Европы. 1872, ‘1, 2, 7) и опубликованная в этом же журнале в 1868 году (‘‘8-12) другая крупная работа о тесно связанном с масонами Российском библейском обществе (1812-1826 гг.).

Много внимания истории масонства первой четверти XIX века отведено А.Н.Пыпиным и в его капитальной работе "Общественное движение при Александре I", над которой он работал в эти годы. Первое издание ее было осуществлено в 1871 году [48]. Книга неоднократно переиздавалась.

А.Н.Пыпин первым в нашей историографии обратил внимание на масонскую подоплеку восстания декабристов. Ему же принадлежит и обстоятельно составленный на основе архивных данных список масонских лож XVIII – первой четверти XIX веков [49]. Уже после смерти А.Н.Пыпина (1904 год) его работы по истории масонства были собраны и опубликованы в 1916 году под редакцией Г.В.Вернадского в виде отдельной книги [50].

В 1872-1874 годах, отражая возросший интерес к масонству и явно с целью популяризации его в России было осуществлено переиздание в переводе с немецкого работы известного масонского историка И.Т.Финделя [51].

Много места истории масонства XVIII века отведено в вышедшей в 1875 году в Петербурге работе профессора Петербургского университета А.А.Незеленова [52].

Дальнейшее возрастание интереса исследователей к истории масонства приходится уже на 1890-е годы, в преддверии новых общественных потрясений начала грядущего века: работы В.О.Ключевского [53], С.А.Петровского [54], А.Суровцева [55], В.В.Сиповского [56]. В начале же XX века наблюдается самый настоящий бум в разработке масонской темы. Бум этот не был случаен.

Интерес к теме сознательно подогревался либералами, видевшими, как и их предшественники - либералы 60-х годов, в русских масонах XVIII – первой четверти XIX века своих духовных предтеч и никогда не упускавших возможности подчеркнуть их вклад в либерализацию общественно-политического климата в России. Однако на самом деле реальный вклад масонов в изменение сложившегося в России к началу XX века порядка вещей был весьма и весьма скромен. Другое дело - нравственные искания масонов, поиск ими нравственного идеала, правды и смысла жизни. Здесь масоны были, как говорится, на коне. Неудивительно, что именно эта сторона проблемы как раз и оказалась в центре внимания либеральной историографии начала XX века [57].

Заметной фигурой среди исследователей этого направления была Т.О.Соколовская, много сделавшая для разработки проблемы места русского масонства в истории общественного движения в России [58]. Другим "коньком" этой исследовательницы была масонская символика [59] и обрядность [60]. Наиболее крупной работой Т.О.Соколовской является ее монография по истории шведского масонства в России [61] - тема, к раскрытию которой исследовательница, как шведка по происхождению (Соколовская - это фамилия мужа) проявляла особый интерес. Сохраняют свое значение вследствие насыщенности архивным материалом и другие работы Т.О.Соколовской [62].

Однако Т.О.Соколовская, при всем уважении ее вклада в науку, профессиональным исследователем, ученым в собственном смысле этого слова все же не была, и работы ее носят, в известной мере, любительский оттенок. Характер их зачастую таков, что не всегда ясно, что же было основным для автора: поиск истины или же пропаганда масонства [63].

Продолжателем дела А.Н.Пыпина по разработке истории масонства Александровского времени стал в начале XX века В.И.Семевский: его большая работа "Политические и общественные идеи декабристов" [64] и цикл статей "Декабристы - масоны", опубликованный в журнале "Минувшие годы" за 1908 год [65]. Несмотря на то, что последняя работа В.И. Семевского посвящена сравнительно узкой проблеме - декабристы-масоны, содержание ее далеко выходит за очерченные в названии рамки.

Заметной вехой в историографии русского масонства стал выход в Москве в 1914-1915 гг. в свет коллективного двухтомника "Русское масонство в его прошлом и настоящем" под редакцией С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова [66].

Среди авторов: А.М.Васютинский, В.Н.Перцев, А.В.Семека, В.Н.Тукалевский, Н.И.Пиксанов, М.В.Довнар-Запольский, Т.О.Соколовская, И.С.Шумигорский, И.Н.Розанов, Н.К.Кульман. Собственно говоря, это первый и пока единственный в нашей историографии опыт обозрения всей истории масонства, причем не только в России, но и в Европе и Северо-Американских Соединенных Штатах.

Правда, следует иметь в виду, что изложение материала в опубликованных томах не выходит за рамки начала XIX века. Готовился и третий том, который должен был быть посвящен масонству XX века, однако из-за событий 1917 года и гражданской войны в России в свет он так и не вышел. Ценным фрагментом этого так и не увидевшего свет тома является работа А.А.Борового "Современное масонство на Западе" [67], вышедшая в Москве в 1923 году.

Существенным вкладом в разработку истории масонства явилась магистерская диссертация В.И.Вернадского "Русское масонство в царствование Екатерины II" [68], защищенная им в 1917 году на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Монография ученого (в 1999 году в Москве вышло второе издание этого труда) носит проблемный характер и в историографическом плане примыкает к работам А.Н.Пыпина. Заслуживает внимания и примыкающий к этой работе очерк Г.В.Вернадского о Н.И.Новикове [69], опубликованный в Петрограде в том же 1917 году.

В отличие от либералов, национально-консервативная мысль долгое время как бы не замечала масонства. Революция 1905 года, созыв Государственной Думы и резко активизировавшаяся в связи с этим деятельность прозападных, либеральных сил в обществе - все это заставило ее пересмотреть свою позицию и публикации на тему "происков масонов" стали обычными для консервативной прессы тех лет. Из крупных работ на эту тему обращают на себя внимание книги А.А.Бронзова [70], М.А.Бутми [71], А.Селянинова [72] и графини С.Д.Толь (урожденной Толстой) [73], авторы которых, ссылаясь на сочинения зарубежных, прежде всего французских историков и публицистов, единодушно отмечают антирусский, антигосударственный и шире - антихристианский характер деятельности масонских лож.

Продолжением национально-патриотической струи в изучении или, правильнее, освещении истории русского масонства стали после 1917 года публикации ряда эмигрантских авторов: Н.Свиткова [74], Г.В.Бостунича [75], Н.Е.Маркова [76], В.Ф.Иванова [77] и Бориса Башилова (Михаил Алексеевич Поморцев, 1907-1970) [78]. Научного значения эти работы не имеют, да, судя по всему, авторы их и не ставили перед собой такой цели. Наиболее интересные из них - сочинение Василия Иванова и "История русского масонства" Бориса Башилова, неоднократно переиздававшиеся в 1990-е годы. Несмотря на очевидную тенденциозность и недостаточную фундированность этих работ (а может быть, как раз вследствие этого) авторам удалось, как представляется, убедительно показать разрушительную роль деятельности ордена "вольных каменщиков" в России. Составлением перечня русских масонов XVIII - первой четверти XIX веков, а также популяризацией масонского вклада в русскую историю и культуру занималась в эмиграции Т.А.Бакунина (Осоргина) [79]. Ее работа "Знаменитые русские масоны" была опубликована в Париже еще в 1931 году, почти одновременно с книгой Н.Свиткова. В 1991 году увидело свет и второе, московское издание этого труда.

Особую ценность для историка имеет работа Т.А.Бакуниной - Le repertoire biographique des francs-masons ruses (XVIII et XIX secles)". Первое издание ее, осуществленное в 1940 году в Брюсселе, погибло, вследствие чего исследователю следует ориентироваться на второе, парижское издание 1967 года. Чисто масонский взгляд на историю эмигрантских лож 1920-х - 1940-х годов отражен в работе В.Л.Вяземского "Первая четверть века существования зарубежного масонства" [80].

В самой же России после 1917 года обращение к истории масонства долгое время считалось неактуальным для советских историков, и затрагивалась она в их трудах попутно, вскользь, в связи с другими сюжетами. Особенно много здесь сделали литературоведы и философы - специалисты по истории русского просвещения XVIII века (работы П.К.Алефиренко [81], Г.П.Макогоненко [82], Е.Г.Плимака [83], С.М.Некрасова [84]). Определенный интерес в связи с историей движения декабристов проявляли к масонству и профессиональные историки (Н.М.Дружинин [85], М.В.Нечкина [86]).

Господствующим в эти годы был тезис о реакционном или, по крайней мере, консервативном характере русского масонства (Г.П.Макогоненко, Е.Г.Плимак, С.М.Некрасов). В то же время в ряде работ (В.П.Семенникова [87], А.И.Болдырева [88], Ю.М.Лотмана [89], Б.И.Краснобаева [90]) осторожно проводился взгляд на масонство как на прогрессивную (с рядом оговорок, конечно) струю в русской общественной мысли.

Резкое изменение общественно-политической ситуации в стране в конце 1980-х - начале 1990-х годов привело к тому, что масоны опять начали входить в моду. Естественно, что в центре внимания наших историков и публицистов оказалось масонство XX века, его роль в событиях 1917 года и влияние ведущих масонских мировых центров на происходящее в современной России [91].

Однако и масонство XVIII-XIX веков не было совершенно забыто. Особенно важно, что неактуальная ранее тема уверенно внедряется в 1990-е годы на университетских кафедрах. Свидетельство этому - кандидатские диссертации А.И.Серкова [92], А.Е.Виноградова [93], К.С.Максимова [94], Л.М.Пахомовой [95], учебное пособие О.П.Ведьмина [96]. По прежнему, как и в былые годы, внимание исследователей привлекают, прежде всего, общественно-политические и философские взгляды отдельных представителей русского масонства XVIII века (Н.И.Николаев [97], С.В.Аржанухин [98], Л.М.Пахомова[99], С.М.Некрасов [100]).

Отрадным явлением последних лет является наметившийся интерес историков к масонству Александровского времени, остававшегося как бы "в тени" у масонства XVIII века: работы А.И.Серкова [101], В.И.Сахарова [102], И.Ю.Винницкого [103], Л.Г.Рогушиной [104], П.В.Акульшина [105].

Не осталась без внимания исследователей и масонская символика (Д.Д.Лотарева [106]). Появился за прошедшее десятилетие и ряд статей и кратких научных сообщений, затрагивающий те или иные частные аспекты истории русского масонства. Особого внимания здесь заслуживает сборник "Масонство и масоны" Московского открытого педагогического университета, издающийся с 1994 года [107]. Вышло уже три выпуска. Среди авторов статей - О.Ф.Соловьев, А.И.Серков, В.И.Новиков, С.П.Карпачев, Р.А.Городницкий, И.В.Сучков, В.И.Сахаров и другие исследователи.

Преобладающей тенденцией в отечественной историографии последних лет является навязчивое стремление ряда авторов утвердить версию о якобы прогрессивной роли масонов в русской истории. "Нам представляется, - пишет, например, Н.В.Михайлова, - что масонство играло далеко не последнюю и, к тому же, прогрессивную роль в истории России рубежа XVIII-XIX веков. Оно не было противоположно философии Просвещения и идеям либерализма, ибо провозглашало терпимость, братство людей, их равенство перед богом (высший закон), то есть то, что всегда объединяет. Кроме того, многие масоны были известными просветителями (Н.И.Новиков, М.М.Херасков и другие)" [108].

На таких же по существу позициях стоят и А.И.Серков [109] и С.П.Карпачев [110].

С тезисом о прогрессивной роли масонства в русской истории и культуре решительно не согласны историки и публицисты консервативно-патриотического направления О.А.Платонов, В.М.Острецов и другие. Наибольший интерес здесь представляет работа профессора О.А.Платонова "Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731-1996" [111] - одна из немногих попыток обозрения истории русского масонства с национально-патриотических позиций.

Не согласен с тезисом о прогрессивности русского масонства XVIII-XIX веков и О.Ф.Соловьев, хотя выпадов О.А.Платонова против масонов или, говоря его словами, "тотального их поношения" на базе "перелицовки и пристрастного толкования данных отечественных и зарубежных архивов" он и не разделяет.

Не по душе О.Ф.Соловьеву пришлось и "безудержное" прославление О.А.Платоновым Григория Распутина и дома Романовых [112].

Понять это можно так, что сам О.Ф.Соловьев принадлежит к совершенно противоположному О.А.Платонову направлению, ничего общего с русским патриотизмом и православием не имеющим. Парадокс, однако, состоит в том, что и историк казалось бы близкого с ним направления - А.И.Серков – тоже подвергся его нападению.

Речь идет о резкой рецензии О.Ф.Соловьева на уже упомянутую книгу О.А.Платонова "Терновый венец России" и работу А.И.Серкова "История русского

масонства"   (1845-1945 гг.) (СПб, 1997). О претензиях О.Ф.Соловьева к О.А.Платонову мы уже знаем. Основной же недостаток работы А.И.Серкова по его мнению - некритическое следование автора оценкам и свидетельствам самих масонов, а также его бездоказательные нападки на критиков ордена, начиная от С.П.Мельгунова и кончая Н.Н.Берберовой [113], с чем нельзя не согласиться.

Условия, в которых приходилось работать русским масонам начала XX века, были уже принципиально совсем другими, нежели у их далеких предшественников: масонство в стране было уже запрещено. Неудивительно, что первые ложи возрожденного в 1906 году французского масонства в России вынуждены были действовать здесь крайне осторожно и документальных следов после себя старались не оставлять. Русские масоны, отмечал в своих мемуарах А.Ф.Керенский, "не вели никаких письменных отчетов, не составляли списков членов ложи. Такое поддержание секретности не приводило к утечке информации о целях и структуре общества" [114]. Отсюда характерная особенность источниковой базы [115] по истории политического масонства в России начала XX века - львиную долю ее составляют позднейшие интервью, воспоминания и переписка самих масонов. Документов, вышедших непосредственно из лож начала века до нас дошло немного. И все-таки они сохранились.

В 1966 году русский эмигрант Борис Элькин опубликовал в Лондоне факсимиле 11 документов со списками членов первых масонских лож в России периода 1906-1908 годов - "Возрождения" (Москва) и "Полярной звезды" (Санкт-Петербург).

Хранились они в архиве Верховного совета "Великого Востока Франции", откуда их и извлек публикатор. Поступили туда они от русских "братьев", судя по всему, в 1908 году в связи с необходимостью официального утверждения "Великим Востоком Франции" только что образованных ими в России масонских лож.

Публикация Бориса Элькина [116] позволила установить имена 42 русских масонов первого, так сказать, призыва юрисдикции "Великого Востока Франции". Каких-либо сомнений обнаруженные Б.Элькиным документы у исследователей не вызывают, хотя петербургский историк А.В.Островский и попытался было взять под подозрение их подлинность [117].

Однако поддержки у исследователей эта крайняя точка зрения не нашла [118]. В 1993 году факсимильное воспроизведение ряда документов, относящихся к учреждению в конце 1906 года первых масонских лож в России из архива "Великого Востока Франции" осуществил в своей публикации Х.-К.-Х.Кайлер [119].

В 1994 году в архив "Великой Ложи Франции" был допущен московский историк А.И.Серков, обнаруживший здесь документацию едва ли не всех эмигрантских лож и все виды их внутреннего делопроизводства [120].

Большой интерес для историка представляют и пока еще недоступные для исследователя документы русских эмигрантских лож "Великого Востока Франции" в Рукописном отделе Национальной библиотеки в Париже. Из исследователей первой к ним была допущена Н.Н.Берберова. Книга ее, вышедшая в 1986 году на русском языке в Нью-Йорке [121], по богатству и уникальности собранного в ней материала по праву может быть отнесена к разряду первоисточников по теме. В 1990 году работа Н.Н.Берберовой была опубликована в журнале "Вопросы литературы" (‘‘1, 3-7). В 1997 году вышло, наконец, и отдельное издание этой книги в нашей стране с послесловием О.О.Коростелева.

Н.Н.Берберова, либеральная писательница и журналистка, всю свою сознательную жизнь провела в окружении "вольных каменщиков" и, будучи человеком любопытным, историю русского масонства XX века знала из первых рук. В свою очередь, и масоны питали к ней полное доверие. Свидетельством этого является допущение ее первой среди исследователей по решению Верховного совета "Великого Востока Франции" к хранящимся в Отделе рукописей Национальной библиотеки в Париже архивам русских эмигрантских лож. Удивление поэтому вызывают выпады против Н.Н.Берберовой со

стороны А.И.Серкова, подающего ее, вне всякого сомнения, полезную и нужную книгу как "написанную для сведения личных счетов" или, говоря его же словами, "образец беспринципной журналистики" [122].

Н.Н.Берберова, доказывает А.И.Серков, специально включила в свой биографический словарь русских масонов начала XX века (666 человек) ряд лиц (А.И.Гучков, Г.Е.Львов, В.И.Вернадский и другие), которые никогда ни в каких ложах заведомо не состояли и состоять не могли [123]. Какие такие личные счеты с уже давно покойными русскими масонами могли быть у престарелой либеральной писательницы и журналистки [124], восторженно встреченной своими единомышленниками во время посещения ею в 1989 году СССР [125]? - Остается только гадать. Но вот относительно того, откуда дует здесь ветер особенно сомневаться не приходится. Это, как доверительно сообщает нам сам А.И.Серков, покойная ныне Т.А.Осоргина (урожденная Бакунина) и ее окружение, возмущенное якобы грубой фальсификацией истории русского масонства в работе Н.Н.Берберовой [126].

Особое недовольство, причем не только у Т.А.Осоргиной, вызвала концепция Н.Н.Берберовой, которая сводится, по словам А.И.Серкова, к следующему положению: до революции масоны делали все для продолжения войны и, тем самым, играли на руку большевикам, в эмиграции же - способствовали признанию Советской власти [127]. Возмущение масонки Т.А.Осоргиной концепцией Н.Н.Берберовой понять можно. Можно понять, в конце концов, и самого А.И.Серкова: первым и единственным из современных российских историков, допущенным французскими масонами к своим архивам, был именно он. Только при чем здесь наука?

Пристрастность отзыва А.И.Серкова о книге Н.Н.Берберовой вовсе не исключает, однако, осторожного отношения к зафиксированным в ней фактам истории русского масонства. Особенно это важно, когда речь идет о сведениях, почерпнутых Н.Н.Берберовой не из официальных документов, а из ее частных разговоров с лицами, бывшими в свое время прикосновенными к дореволюционному масонству.

Прямо надо сказать: комментарии Н.Н.Берберовой к такого рода сообщениям вроде: "слышано от Горького" или "слышано от В.А.Маклакова" - не слишком убедительны и требуют обязательной проверки.

Попадаются в работе Н.Н.Берберовой и ошибки фактического характера [128].

Однако и впадать из-за этого в крайность, как это делает А.И.Серков, тоже не стоит. "Вызывает лишь удивление, - пишет он в своей последней работе, - что даже в отечественных энциклопедических изданиях появляются ссылки на работу Н.Н.Берберовой, что заставляет серьезно задуматься об уровне российской науки, а точнее, той своеобразной мафии от науки, которая контролирует академические институты, научные фонды и издательства" [129].

Мафия в науке или групповщина всегда, конечно, существовала, но какое отношение имело и имеет это обстоятельство к Н.Н.Берберовой? Думается, что никакого.

При всем критическом отношении к работе Н.Н.Берберовой игнорировать ее, к чему призывает А.И.Серков, добросовестный историк не вправе.

Камень, о который споткнулся А.И.Серков, - это некритическое восприятие им масонской историографии в собственном смысле этого слова, то есть книг и статей по истории русского масонства, написанных во Франции самими масонами:

"Записка о русском масонстве" Л.Д.Кандаурова, "История русского масонства первой половины XX века" П.А.Бурышкина (1887-1953), а также работы В.Л.Вяземского, Б.Н.Ермолова и К.К.Грюнвальда. Несмотря на внешнюю привлекательность их трудов (широкое использование документов масонских архивов и устных свидетельств "братьев", помогавших авторам своими консультациями), характерное для них отсутствие критического подхода к предмету исследования привело к тому, что рассчитывать на научные открытия здесь не приходится. Другое дело - чисто формальная сторона истории

русских масонских лож в эмиграции. С этой точки зрения труды "братьев"-масонов имеют, конечно, огромное значение.

К сожалению, только немногое из написанного в этом плане "братьями": работа К.К.Грюнвальда [130], доклад В.Л.Вяземского [131], небольшие отрывки из остающихся еще неопубликованными работ П.А.Бурышкина [132], Л.Д.Кандаурова [133] и М.А.Осоргина [134] опубликовано; все остальное – в архивах. За исключением записки Л.Д.Кандаурова, хранящейся в Российском центре хранения историко-документальных коллекций в Москве (ф.730, оп.1, д.173), все они, как правило, разбросаны по библиотекам и архивохранилищам Франции и практически недоступны для отечественных исследователей.

Во многом своему появлению они были обязаны деятельности образованной после войны (1948 год) при Совете объединения русских лож Древнего и принятого шотландского устава Историко-архивной комиссии. Возглавлял ее П.А.Бурышкин.

Сам он взялся было за составление по масонским архивам общего обзора истории русского масонства первой половины XX века. В ходе этой работы, помимо официальной масонской документации, им были использованы воспоминания и консультации ряда "братьев". Особый интерес представляет для нас первая часть его труда, посвященная истории русского масонства начала XX века.

Работа П.А.Бурышкина не была опубликована. Более того, даже собрать отдельные главы ее, разбросанные ныне по архивохранилищам и библиотекам Франции, как свидетельствует А.И.Серков, далеко не простая задача [135].

Как и работа Н.Н.Берберовой, основанная на недоступном пока еще для исследователей архивном материале и устных беседах с "братьями", труд П.А.Бурышкина, как, впрочем, и труды его коллег, вполне можно отнести к разряду первоисточников.

Из отечественных архивных фондов большой интерес всегда вызывали и вызывают материалы Департамента полиции в ГАРФ, архивно-следственные дела масонов из Архива бывшего КГБ СССР и масонские коллекции, отложившиеся в Особом архиве в Москве (ЦХИДК РФ). Интерес историков к материалам Департамента полиции понятен: кому, как не ему было следить за происками масонов. "Допустить, что Департамент полиции не располагал о них (политических масонах - Б.В.) никакими сведениями, не представляется возможным, так как в распоряжении Департамента имелась огромная армия провокаторов", - справедливо отмечает в связи с этим А.В.Островский [136]. Армия такая у Департамента действительно была, и она, конечно же, не дремала.

Свидетельство тому - отложившееся в бумагах Департамента полиции 7-томное дело "О масонах". Ближайшее знакомство с ним (О.Ф.Соловьев [137], А.Я.Аврех [138]) показало, однако, что в поле зрения Департамента полиции находилось не политическое, а оккультное масонство - члены разного рода мистических кружков и групп. Никакой угрозы империи они не представляли и наблюдение за ними было заведомо пустой тратой сил и средств.

Действительно ли Департамент полиции взял ложный след, как думал А.Я.Аврех [139], или же материалы слежки за политическими масонами в архиве Департамента полиции все-таки существовали, но были уничтожены после 27 февраля 1917 года заинтересованными лицами, мы не знаем. Не исключено, впрочем, что они разделили судьбу материалов, связанных с появлением и распространением в России так называемых "Сионских протоколов", на что прозрачно намекал в свое время хорошо осведомленный В.Л.Бурцев. "С весны 1917 года, - отмечал он, - все архивы Департамента полиции находились в распоряжении исследователей, кто не мог быть не заинтересован в разоблачении этой подделки. Сколько нам было известно, некоторые из них специально занимались этим вопросом" [140]. Интересовались материалами слежки за собой и "братья"-масоны, свидетельством чего является подготовленная в том же 1917 году по материалам Департамента полиции публикация масона П.Е.Щеголева [141]. Так что подозрения на этот счет вполне резонны [142].

Как бы то ни было, из сохранившихся в Департаменте полиции материалов видно, что многое, правда не из русских, а из французских источников (записки по масонству его секретных агентов в Париже - Б.К.Алексеева (1910 год, напечатаны в публикации П.Е.Щеголева) и Л.А.Ратаева [143] (1911-1914 гг.) о политических масонах Департамент полиции все-таки знал [144]. Не исключены новые находки документов по истории думского масонства и в архивах бывшего КГБ СССР. Первой ласточкой здесь стали использованные проф. Н.Н.Яковлевым в вышедшей в 1974 году книге "1 августа 1914 года" свидетельство масона А.А.Велихова и отрывки из показаний в ОГПУ одного из руководителей русского масонства в дореволюционной России Н.В.Некрасова. В 1998 году масонские показания Н.В.Некрасова были опубликованы в полном виде в журнале "Вопросы истории" [145].

Ввиду высокого положения Н.В.Некрасова в масонской иерархии - генеральный секретарь Верховного совета "Великого Востока народов России" в 1910-1912 и 1915 гг. - показания его (а они достаточно подробны) поистине бесценны для историка.

Курьезными в этой связи выглядят дилетантские попытки ряда исследователей (В.В.Поликарпов [146], В.М.Панеях [147]), никогда до этого историей масонства не занимавшихся, объявить показания Н.В.Некрасова в НКВД СССР от 13 июля 1939 года "полностью сфабрикованными", а саму проблему политического масонства в дореволюционной России - "происками черносотенцев". "Теперь, в связи с публикацией этой фабрикации (показания Н.В.Некрасова - Б.В.), - пишет В.М.Панеях, - и показом (В.В.Поликарповым, конечно, - Б.В.) ее истоков и целей, рухнула вся лживая версия о масонском заговоре, а вместе с ней и научная репутация тех исследователей, которые ее поддерживали"[148]. Злорадства и апломба у В.М.Панеяха, таким образом, хоть отбавляй. Да и заявка, которую делают гг. В.В.Поликарпов и В.М.Панеях, одним росчерком пера перечеркивающие все достижения как отечественной, так и зарубежной историографии в этом вопросе, весьма и весьма, как видим, серьезна. К ней бы еще хотя бы мало-мальский источниковедческий анализ документа, объявленного ими "фальшивкой". Но ничего этого у В.В.Поликарпова и В.М.Панеяха, конечно же, нет и впомине.

Не тот, как говорится, уровень у господ критиков. Зато неприязни к нашему недавнему прошлому и несогласным с ними коллегам в их публицистически-историографических эссе хоть отбавляй. Нет, к сожалению, главного – удовлетворительного владения источниками и литературой вопроса.

"После прочтения введения Поликарпова, - возмущенно пишет в связи с этим один из старейших и знающих наших масоноведов либерального толка, петербургский профессор В.И.Старцев, - у неискушенного читателя может возникнуть впечатление, что собственноручные показания Некрасова есть единственный источник, доказывающий существование масонства в России, который на самом деле сфабрикован еще в 1939 году, а затем пущен в оборот КГБ"[149].

И далее почтенный ученый чуть ли не на пальцах вынужден доказывать дилетанту В.В.Поликарпову, что это совсем не так, что существует, причем достаточно много, и других источников, причем вполне достоверных.

Но уж коли речь зашла конкретно о собственноручных показаниях Н.В.Некрасова 13 июля 1939 года, то "изюминка" их, и это не секрет для специалистов, как раз и состоит в том, что "они ни в чем не противоречат мемуарам и документам, обнаруженным в свободных странах. Сопоставление каждого факта, упоминаемого Некрасовым, с аналогичными материалами, опубликованными или хранящимися за рубежом, показывает полное их совпадение. Это я называю, - подчеркивает В.И.Старцев, - проверкой его (Н.В.Некрасова - Б.В.) показаний по первоисточникам"[150].

И проверка эта, от которой, по понятным причинам, уклонились гг. Поликарпов и Пониях, добавим мы от себя, неопровержимо свидетельствует, что масонские показания Н.В.Некрасова - это не фальшивка КГБ, а вполне полноценный, заслуживающий доверия исследователей исторический источник. Из этого вовсе не следует, что с таким же

доверием мы можем относиться ко всем другим показаниям Некрасова следователям НКВД. Напротив, делать этого ни в коем случае нельзя. "Каждое из них, - резонно замечает в этой связи В.И.Старцев, - заслуживает самостоятельного разбора"[151].

В 1990-е годы внимание исследователей оказалось привлечено к масонским материалам Российского центра хранения историко-документальных коллекций в Москве [152]. Речь идет о части довоенных масонских архивов, захваченных в свое время немцами в оккупированных странах Западной Европы [153]. В 1945 году в качестве военных трофеев они были перевезены в Москву, где и пролежали "под спудом" до горбачевской "перестройки". Поражает очевидное богатство представленных здесь материалов: только фонд "Великого Востока Франции" (ф.92) составляет более 17 тысяч единиц хранения, более 2000 единиц хранения насчитывает фонд "Великой ложи Франции" (ф.93), 763 дела - "Верховный совет Франции" и т.д.

Важные для истории русских эмигрантских лож 1920-1930-х годов в Европе, материалы эти мало что дают, однако, для истории собственно русского масонства в нашем отечестве до 1917 года. Наибольший интерес представляют здесь играющие роль первоисточника сообщение М.С.Маргулиеса "О возрождении масонских лож "Великого Востока Франции" в России в 1906-1908 годах" (РЦХИДК, ф.112, оп.2, д.26) и уже упоминавшаяся нами "Записка о русском масонстве" Л.Д.Кандаурова 1929 года (РЦХИДК, ф.730, оп.1, д.173) [154].

Как правило, продуктивным для раскрытия темы "масоны и масонство начала века в России" оказывается обращение к личным фондам "братьев-каменщиков":

А.В.Амфитеатрова (РГАЛИ, ф.34), В.А.Маклакова (ОПИГИМ, ф.1036), Г.Н.Вырубова (РГАЛИ, ф.1036), А.И.Сумбатова-Южина (РГАЛИ, ф.878, оп.1), Е.В.Аничкова (РГАЛИ, ф.1008), М.М.Ковалевского (Архив РАН, ф.103) и другим.

Поскольку отделить общественно-политическую деятельность от деятельности "братской", масонской едва ли возможно, значение этого рода материалов для историка не подлежит сомнению, хотя собственно масонские сюжеты в отложившихся здесь документах, как правило, редки. Но есть и счастливые исключения, как например личный фонд известного революционера-народника Николая Васильевича Чайковского в Государственном архиве Российской Федерации (ф.5805): черновики масонских выступлений фондообразователя, его записные книжки, масонские дипломы, устав "Великого Востока народов России", письма к нему таких известных масонов, как М.А.Алданов, Н.П.Вакар, Б.В.Савинков [155] и других.

При дефиците архивного материала по теме важное значение в деле воссоздания истории политического масонства начала века приобретает мемуарная литература, дневники, письма и интервью масонов. Начало ее изданию в СССР было положено еще в 1920-е - начале 1930-х гг.: воспоминания В.А.Поссе [156], В.Д.Бонч-Бруевича [157], Андрея Белого [158].

Но погоду здесь делали, разумеется, не отрывочные упоминания о масонах и масонстве советских мемуаристов, а письма, воспоминания и интервью масонов, оказавшихся после 1917 года на Западе. Правда, на публичные выступления на масонскую тему они, как правило, не шли, памятуя о клятве молчания, но в частных доверительных беседах и письмах могли рассказать, а в ряде случаев и рассказывали многое. Этим и воспользовался русский эмигрант Борис Иванович Николаевский. Собранные им в 1920-е годы воспоминания, письма и интервью бывших русских политических масонов начала века оказались после его смерти в архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете в США. В 1989-1990 гг. эти материалы были опубликованы в Москве Юрием Фельштинским [159] и ленинградским профессором В.И.Старцевым [160]. Они то, собственно, и составляют основной блок источников по теме: воспоминания Д.И.Бебутова, интервью Н.С.Чхеидзе, А.Я.Гальперна, Е.П.Гегечкори, М.С.Маргулиеса, В.Я.Гуревича, В.М.Шаха и др. [161].

Из мемуарных свидетельств о политическом масонстве, не вошедших в книгу Б.Николаевского, наиболее важны воспоминания А.В.Амфитеатрова [162], И.В.Гессена [163], В.А.Оболенского [164], Л.К.Чермака [165], А.Тырковой-Вильямс [166].

Дополнением к ним могут служить также мемуары А.Ф.Керенского [167], П.Н.Милюкова [168], С.П.Мельгунова [169], письма Е.Д.Кусковой [170], очерки и воспоминания памяти А.И.Браудо [171] и др.

Если для масонов политических продолжение деятельности после 1917 года в прежнем ключе было уже невозможным, то масонство мистическое или оккультное не только возобновило после Октябрьской революции свои тайные работы, но и переживало в 1920-е годы своеобразный ренессанс. Основным источником для его истории, наряду с семейным архивом одного из руководителей ордена мартинистов в Москве П.М.Казначеева (ОР РГБ, ф.116) и масонской коллекции Музея истории религии в Санкт-Петербурге являются документы официального характера: материалы слежки за оккультистами, отложившиеся в Департаменте полиции и хранящиеся ныне в ГАРФ, и архивно-следственные дела масонских сообществ 1920-х - 1930-х годов из архивов бывшего КГБ СССР. Часть документов этого рода, относящихся к истории мартинистов [172], тамплиеров [173] и розенкрейцеров [174] 1920-х - 1930-х годов, уже опубликована, другие еще ждут своего часа. Несмотря на предубеждение, еще существующее у ряда историков относительно использования архивно-следственных дел ОГПУ в исторических исследованиях ("фальшивки ОГПУ"), препятствия, которые неизбежно встают перед исследователем на этом пути, вполне преодолимы [175].

Ценным дополнением к архивно-следственным материалам ОГПУ-НКВД СССР является мемуарная литература. Особый интерес здесь представляют воспоминания самих участников оккультных кружков и групп. Связанные обетом молчания, авторы их, как правило, немногословны. Но есть и исключения: Андрей Белый [176], М.Н.Жемчужникова [177], М.Волошин [178], С.М.Эйзенштейн [179], Е.А.Шиповская [180].

Собственно то, что масоны в России в предреволюционные годы были, знали, кажется, все. Да и персоналии русских вольных каменщиков были у всех на слуху; о них чуть ли не ежедневно напоминала правительству национально-консервативная печать. Любопытен в этом отношении пассаж Андрея Белого "... Мысль о тайных организациях во мне оживала ... Заработала мысль о масонстве, которое ненавидел я; будучи в целом неправ, кое в чем был я прав. Но попробуй в те годы заговорить о масонстве как темной силе с кадетами? В лучшем случае получил бы я дурака: какие такие масоны? - Их нет. В худшем случае меня заподозрили бы в бреде Шмакова. Теперь, из 1933 года все знают: Милюков, Ковалевский, Кокошкин, Терещенко, Керенский, Карташев, братья Астровы, Баженов ... оказались реальными деятелями моих бредней, хотя вероятно, играли в них такую пассивную роль. Теперь обнаружено документально: мировая война и секретные планы готовились в масонской кухне" [181].

О каких документальных данных о масонах писал А.Белый, мы можем только догадываться. Одно несомненно: ни само русское масонство начала века (см. доклад М.С.Маргулиеса "О возрождении масонства "Великого Востока Франции" в России 1906-1908 гг." [182]), ни его секретные планы более позднего времени действительно большим секретом уже в 1920-е годы ни для кого не являлись. Все было, как говорится, на виду [183].

Надо было только собрать и профессионально обобщить имевшийся на этот счет материал.

Сделал это уже давно интересовавшийся масонством С.П.Мельгунов. В вышедшей в 1931 году в Париже книге "На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года" этот известный эмигрантский историк пришел к твердому выводу о существовании масонского заговора накануне и в феврале 1917 года. Вопреки распространенному тогда мнению, отнюдь не так называемый "Прогрессивный блок"

(1915) был центром, вокруг которого объединялись буржуазные заговорщики. Центром таким, утверждал С.П.Мельгунов, была тщательно законспирированная масонская организация [184].

Книга С.П.Мельгунова пробила первую брешь в стене молчания в среде либеральной эмиграции во Франции вокруг политического масонства и его роли в революционных событиях 1917 года. Правда о заговоре как таковом старались прямо не говорить, сводя все дело к роли негласных масонских связей в событиях этого времени (И.В.Гессен [185], П.Н.Милюков [186], А.Тыркова-Вильямс [187]).

Лед, тем не менее, тронулся, хотя понадобилось еще несколько десятилетий, прежде чем верная по своей сути версия С.П.Мельгунова стала обретать, наконец, в исследованиях историков зримые, осязаемые черты.

Следующий шаг в этом направлении сделал Григорий Аронсон. В октябре 1959 года в эмигрантской газете "Новое русское слово" он опубликовал подборку из четырех статей под общим названием "Масоны в русской политике". Проблема масонского заговора накануне февральской революции 1917 года получила у Г.Я.Аронсона свое дальнейшее развитие. Особенно неприятным для остававшихся еще в живых "вольных каменщиков" был его вывод о связи русских политических масонов начала XX века с большевиками.

Переломными в буквальном смысле этого слова в историографии русского политического масонства начала века стали, несомненно, 1960-е годы: издание в 1966 году Борисом Элькиным подлинных масонских документов начала века [188], публикации на масонскую тему Натана Смита (1968) [189], Л.Хаимсона (1965) [190], выход книг Джорджа Каткова "Россия. 1917. Февральская революция" (Лондон, 1967) [191] и Григория Аронсона "Россия накануне революции" (Нью-Йорк, 1962) [192], воспоминаний А.Ф.Керенского (Нью-Йорк, 1965) [193], В.А.Оболенского [194] сделали свое дело и то, что так долго и тщательно скрывалось, стало наконец явным.

Еще более это обозначилось в 1980-е и 1990-е годы, когда усилиями ряда исследователей (Н.Смит [195], Б.Нортон [196], Л.Хасс [197], Х.Кайлер [198]) удалось подвергнуть своеобразной инвентаризации источниковую базу по теме. Ощутимые успехи, достигнутые в это время западной историографией в исследовании русского политического масонства начала века, способствовали тому, что за разработку этой проблемы поневоле вынуждены были взяться и советские историки. Правда, на первых порах они попытались было подвергнуть сомнению сам факт существования русских политических масонов в начале XX века. Показательна в этом отношении разгромная рецензия Ю.И.Игрицкого на книгу Джорджа Каткова, опубликованная в 1968 году на страницах журнала "История СССР" [199].

Однако уже в начале 1970-х годов тема эта (в разоблачительном по отношению к масонам контексте, конечно) получила неожиданную прописку и в советской историографии. В 1974 году издательство "Молодая гвардия" массовым тиражом напечатало книгу историка-американиста Н.Н.Яковлева "1 августа 1914 года", наиболее интересными страницами которой, собственно, и стали те из них, которые были посвящены роли масонов в событиях "победоносного" Февраля 1917 года.

Опираясь как на уже известные к тому времени источники, так и источники новые, впервые введенные им в научный оборот (показания бывшего генерального секретаря Верховного совета "Великого Востока народов России" Н.В.Некрасова, данные им в 1920-х - 1930-х гг. в ОГПУ-НКВД СССР), Н.Н.Яковлев не только показал реальность самого факта существования думского масонства в России, но и впервые в советской историографии четко определил его роль и место в политической борьбе предреволюционных лет. Масонство, пришел к выводу Н.Н.Яковлев, играло роль "теневого штаба" либеральной буржуазии в борьбе за власть и, фактически, являлось руководящим центром в подготовке Февральской революции в России [200].

Как и следовало ожидать, реакция историков на книгу Н.Н.Яковлева была неоднозначной. Наиболее резко с ее критикой выступила "старая гвардия": И.И.Минц [201], Е.Д.Черменский [202] и М.К.Касвинов [203], обвинившие автора чуть ли не в возрождении "черносотенной" легенды о всемирном масонском заговоре.

"Стариков" поддержал и ряд авторов так называемого "среднего", послевоенного поколения советских историков: Е.Ф.Ерыкалов [204], О.Ф.Соловьев [205], А.Я.Аврех [206].

Они, правда, в отличие от Е.Д.Черменского, не подвергали сомнению сам факт существования политического масонства и необходимость его изучения, но как историки-марксисты, решительно отказывались признать его сколько-нибудь значительную роль в свершавшихся в 1917 году событиях, усматривая в таком подходе умаление народного характера Февральской революции и роли партии большевиков в ее подготовке. "Масонский сюжет есть, но масонской проблемы нет", - афористично заметил в связи с этим Аврех [207].

С ним не согласились, однако, Б.Ф.Ливчак [208] и В.И.Старцев [209].

Тем временем издательство "Молодая гвардия", идя навстречу пожеланиям своих читателей, опубликовало в 1984 году сборник "За кулисами видимой власти" [210] под редакцией В.И.Старцева.

Он же выступил и в качестве автора основных разделов этой книги. Достоинством сборника стало то, что это была первая за все годы Советской власти попытка, пусть и в научно-популярном варианте, но все-таки последовательного изложения истории масонства не только начала XX века, но и за более ранний период.

Отражением возросшего общественного интереса к масонской проблеме стал выход в 1976 году книги журналиста-международника Генри Эрнста "Новые заметки по истории современности" [211], значительное внимание в которой уделено масонским сюжетам.

В научном плане в 1980-е - 1990-е годы разработкой истории русского политического масонства начала XX века кроме В.И.Старцева [212] успешно занимались также еще и О.Ф.Соловьев [213], В.Я.Бегун [214], В.И.Шульгин [215], Л.Замойский [216], А.Я.Аврех [217], А.И.Серков [218], С.П.Карпачев [219], О.А.Платонов [220], В.М.Острецов [221], Д.А.Андреев [222], А.Н.Лунин [223], В.Н.Егошина [224]. В результате этих усилий история русского думского масонства, правда пока в самых общих чертах, более или менее прояснилась. Особенно важное значение имела в этой связи публикация в 1989-1990 гг. В.И.Старцевым [225] и Ю.Фельштинским [226] документов (письма, интервью, воспоминания) историка Б.И.Николаевского, хранящихся ныне в архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете в США.

Наибольшие разногласия вызывает у историков проблема масонского заговора в предреволюционные годы и участие "братьев"-"вольных каменщиков" в событиях февраля-марта 1917 года. Собственно, факт самого заговора сомнений не вызывает.

Но вот был ли этот заговор масонским? Н.Н.Яковлев, В.Я.Бегун и О.А.Платонов считают, что да. Напротив, С.П.Карпачев и А.И.Серков, правда каждый по своим соображениям (первый исходя из того, что масоны де были не настоящие, то есть не признанные заграничными масонскими центрами, а второй (А.И.Серков), не соглашаясь с этим, доказывает, что кадетское масонство начала века, хотя и было настоящим, но к 1917 году перестало быть масонством и выродилось в некую политическую группу [227]), отстаивают прямо противоположное мнение, вольно или невольно уводящее братьев-масонов от ответственности за крах исторической России.

Своеобразную позицию занял в этом споре В.И.Старцев. Не разделяя теории "масонского заговора", он, тем не менее, признает огромную роль, которую играли масонские связи в консолидации сил либеральной буржуазии на пути к власти. Из историков-масоноведов либерального круга В.И.Старцев, не только самый крупный, но, пожалуй, и единственный, кто (правда, предварительно подстраховавшись утверждением,

что "Великий Восток народов России" не был правильной масонской организацией) пытается, хотя и в очень осторожной форме, ставить вопрос о реальной роли масонов в событиях 1917 года [228].

В отличие от масонства политического, думского, интерес к масонству мистическому, оккультному наша историография стала проявлять только в 1990-е годы, что и понятно, ввиду того, что большого интереса к политике мистики и оккультисты никогда не проявляли. Пионером здесь оказался А.Я.Аврех.

Конечно, сами по себе оккультисты интересовали его мало. На материалы слежки за ними он наткнулся в фонде Департамента полиции. Сделав вывод о ложном следе, взятом царской охранкой в ее охоте на масонов (материалов о слежке за масонами политическими обнаружить не удалось), А.Я.Аврех добросовестно изложил все, что было известно полиции об оккультных кружках в России начала XX века [229].

После А.Я.Авреха историей оккультных кружков и групп начала века занимались А.И.Серков [230] и В.С.Брачев [231].

История масонских мистических сообществ 1920-х - 1930-х гг. (мартинисты, тамплиеры, розенкрейцеры) привлекла внимание В.С.Брачева [232], А.Л.Никитина [233], О.А.Шишкина [234], А.И.Немировского и В.И.Уколовой [235].

Большая и сложная тема - русская культура и масонство - привлекла в последнее время внимание В.И.Новикова [236] и В.М.Острецова [237]. Первому из них принадлежит большая вступительная статья "Масонство и русская культура" к сборнику статей и материалов под таким же названием. В.М.Острецов - автор вышедшей в 1998 году книги "Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки". В идеологическом плане В.И.Новиков и В.М.Острецов - люди, можно сказать, прямо противоположных воззрений. Если первый из них - типичный масонствующий либерал, то В.М.Острецов всецело стоит на ортодоксально-православной точке зрения. Такими же непохожими друг на друга получились и их книги.

Специальному вопросу о влиянии оккультизма на русскую литературу начала XX века посвятил свое исследование Н.А.Богомолов [238].

Место масонства в общественно-политической и культурной жизни России конца XIX - начала XX веков рассмотрел в своей диссертации (1998 год) С.П.Карпачев [239], книгу которого мы уже упоминали. Роли мистических кружков и групп в культурной жизни страны, но уже после 1917 года посвятил свое исследование А.Л.Никитин [240].

Проблему масонского заговора в отечественной историографии разрабатывает в последнее время В.Э.Багдасарян [241].

При общей характеристике русского масонства XVIII - XX веков крайние точки зрения, независимо от того, идет ли речь об объявлении масонов преступным сообществом (О.А.Платонов) или же, напротив, о попытке подать их как нравственно философское объединение, чуждое политике (А.И.Серков), не находят поддержки исследователей. При всех разногласиях, они предпочитают все же рассматривать масонство не в качестве некоей таинственной самодовлеющей силы, преследующей собственные глобальные цели долговременного порядка, а как средство или орудие в руках определенных общественных групп господствующего класса, тех или иных политических сил. В разные периоды своего существования в разных странах масонство было все-таки разным, и внимательный исследователь без особого труда обнаружит в нем либеральное и консервативное крыло, республиканцев и монархистов, верующих и атеистов, лиц, искренне преданных ордену и разного рода авантюристов и проходимцев. В полной мере это относится и к России.

Общие характеристики русского масонства типа "прогрессивное" или "реакционное" при таком понимании существа дела мало что дают.

Как явление протестантской западной культуры, масонство в России явно не прижилось. Оно всегда оставалось принципиально чуждым духу и нравственным ценностям русского народа. С этим, кажется, согласно большинство исследователей.

И это, учитывая периодически забрасываемые из-за рубежа после 1991 года на территорию нашей страны различного рода масонские "десанты", призванные возродить былую "мощь и славу" российского вольного каменщичества, прямо скажем, обнадеживает.

Глава 2. Происхождение и сущность масонства

"Масонство, - гласит конституция "Великой ложи Франции", - есть всемирный союз, покоящийся на солидарности. Цель масонства – нравственное совершенствование человечества. Его девиз - Свобода, Равенство и Братство. В глазах масонов все последователи равноправны, невзирая на различия национальные, расовые, религиозные, на различия в состоянии, звании и положении ... Конечное стремление масонов - объединение на основе свободы, равенства и братства всех людей, без различия рас, племен, наций, религий и культур в один всемирный союз для достижения царства Астреи, царства всеобщей справедливости и земного Эдема (рая)" [242].

Но это, так сказать, чисто масонский взгляд на идеальные цели и задачи ордена, нуждающийся в определенной научной корректировке. Масонство, согласно наиболее распространенному в современной историографии определению, есть ни что иное, как "религиозно-философское и политическое течение, возникшее в Германии в XIII веке" [243]. Что касается Германии как родины масонства, то это вопрос спорный, ибо никаких данных, что союз немецких каменотесов XIII века являлся сообществом духовного характера, у нас нет. Правильнее поэтому, как мы увидим в дальнейшем, связывать появление масонства как духовного сообщества не с Германией XIII века, а с Англией XVI века. "Целью масонства, - читаем мы в статье о масонах в вышедшем в 1999 году справочном издании "Словарь религий народов современной России" под редакцией М.П.Мчедлова, - является достижение всем человечеством, независимо от расовой, национальной, духовной культуры, принципов свободы, равенства, братства, "царства истины и любви", земного рая. Цель достижима, по мнению масонов, путем нравственного, физического и умственного совершенствования каждого человека. Препятствием на этом пути являются религия и национальные государства, которые должны быть уничтожены. Важное место в деятельности масонов занимает критика исторических религий и церкви. В то же время война с Богом, церковью и духовенством не означает еще отмену религий, веры вообще, поскольку масоны создают новую религию - религию гуманитаризма, где место Бога занимает человечество, а старую религию они заменяют новой - морального солидаризма.

Вторая задача масонства (наряду с борьбой с религией, религиозной моралью, церковью и духовенством) - это уничтожение национальной государственности.

Конечный идеал масонства - сверхгосударство, основными признаками которого являются свобода, равенство, братство и богом которого является человечество, мораль которого не религиозна и в котором разум человеческий будет мерой всех вещей. Осуществление всех этих идей моделируется в рамках масонских лож и в многочисленных обрядах и сложных символах" [244].

Идея установления царства справедливости на Земле, хотя и привлекательна, но в основе своей, конечно же, абсурдна и неосуществима. Особенно если иметь в виду предлагаемый масонами путь к ее осуществлению - нравственное совершенствование человечества. Неудивительно поэтому, что масонские определения сути и конечных целей своего братского союза если кого и удовлетворяют, то только самих масонов. Всем прочим, то есть "профанам" или "непосвященным" на сей счет остается только теряться в догадках.

"Что такое масонство? - Вот вопрос, который разрешается различными исследователями различно, - отмечал в далеком 1914 году М.Вашутин. - Оно и

религиозная секта всемирного де охвата и всесторонней веротерпимости. Оно и тонкое, тайное философское, чуть ли не научное символическое учение с притязаниями на всесветное значение. Оно и кодекс общей какой-то совершенной морали, особого гуманистического склада, поэтического настроения и поэтического строя. Оно - и гражданская социальная организация, не признающая никаких политических, этнографических и географических границ. Оно, наконец, - тайное внегосударственное, политико-обобщительное, скрытое правительство, входящее во все государства и исподтишка, подпольно (и надпотолочно и застенно - если можно так выразиться) ... Весь теперешний человек, его тело, его душа, его дух - всякое общество: семейное, сословное, державное объединение и все человечество вкупе, - все учение, все общественные учреждения, все религии окутываются каким-то неведомым, тайным, скрытным, темным (неизбежным, необходимым) ... - и эта мистическая, оккультная сила носит общее и неопределенное название "масонство"" [245].

Написаны эти строки давно, а звучат удивительно современно. Ведь как и много лет назад, вопрос о сущности масонства и его подлинной роли в истории человечества вызывает самые разноречивые оценки среди специалистов. Разброс мнений здесь широк: от определения его как общественной организации, выдвигающей задачу морального раскрепощения людей, обеспечения свободы и братства, до тайной интернациональной мировой революционной организации, ведущей бескомпромиссную борьбу с Богом, церковью и национальной государственностью.

Самое любопытное, что несмотря на, казалось бы, взаимоисключающий характер этих определений, каждое из них по своему справедливо.

Вопреки распространенному мнению, масонство не есть что-то неизменное и неподвижное. В разные времена в разных странах масонство проявляло себя по-разному. Неизменным оставался, пожалуй, только его характер, как формы самоорганизации элиты общества. В этом, собственно, и состоит суть современного масонства, его голая, так сказать, "правда века".

Немало споров среди исследователей вызывает проблема происхождения масонства [246]. По сути дела, она представляет собой как бы две отдельных проблемы: проблему интерпретации легендарной истории масонства и вопрос о том, как это движение сложилось в реально существующий и дошедший до нашего времени орден. Теперь уже ясно, что как всякое общественное явление, масонство впитало и отразило многие противоречия эпохи, в которой оно вызревало. С одной стороны, это Возрождение с его гуманизмом и социальными утопиями и вниманием к отдельно взятому человеку, а с другой - ярко выраженное религиозное сознание, неподдельный интерес к мистицизму и вера в сверхъестественное, таинственное.

Едва ли не основным источником масонства является христианское вероучение, (хотя и в специфической протестантской упаковке) с его заповедями добра, равенства, мира и справедливости. Влияние иудаизма на масонство исследователи усматривают, прежде всего, в увлечении братьев древнееврейской Каббалой (два трактата "Сияние" ("Зогар") и "Книга творения" ("Сефер Шецир"), посвященные, главным образом, толкованию Ветхого завета). Прослеживаются в масонстве и следы других мировых религий: ислама (запрещение изображения божества, обязательная милостыня) и даже буддизма (поиск масонами "среднего пути" и стремление к консенсусу) [247].

Непосредственными предшественниками современных масонов являются средневековые братства каменщиков, от которых, собственно, и пошли масонские ложи, унаследовавшие от них свою первоначальную организационную структуру (ученик - подмастерье - мастер) и символику (фартук, перчатки, отвес, циркуль, строительная лопатка) [248]. На этой же задаче построения Храма, правда, уже не в физическом, а в духовном плане, сосредотачивают свои усилия и масоны. Как и средневековые каменщики, они так же трудятся над обработкой "дикого камня", стараясь придать ему

правильные, совершенные формы. Только камень этот у них символический - душа человека со всеми присущими ей страстями.

Так, совместными усилиями "братьев" всех стран по предначертанию Великого архитектора Вселенной работают масоны над сооружением своего символического Храма - Храма Духа, Храма Человечности.

Слово "free-mason" (свободный каменщик) перешло из английского в другие языки уже после того, как оно потеряло и в Англии свой первоначальный смысл, и вопрос о его происхождении основательно запутался. Во всяком случае, упоминания о фри-масонах встречаются уже в английских документах XIV века.

Важно подчеркнуть, что первоначальное значение слова "свободный каменщик" имело сугубо профессиональный смысл - это так называемые "свободные каменотесы", т.е. каменщики, специализирующиеся на обработке мягких камней или, говоря другими словами, более искусная, квалифицированная их часть [249].

Другое широко распространенное ныне название масонов - "дети вдовы" - произошло, вероятнее всего, от древнееврейской секты манихеев. Существуют, впрочем, и другие версии происхождения этого названия.

Англия была первой из европейских стран, порвавших с догматами католицизма.

Поэтому и возникновение на ее земле организации, в основу которой положено представление о Боге как о некоей абстрактной первопричине сущего (один из основополагающих постулатов масонства), было вполне естественно. Тем не менее, масонские ложи как сообщества лиц, занятых по преимуществу не собственно строительством, а исканиями философского, религиозно-нравственного характера, начали складываться не ранее XVI века. Первым зафиксированным в источниках масоном, не имевшим никакого отношения к каменотесам, был некий помещик Джон Босвел, принятый в 1600 году в масонскую ложу в Эдинбурге (Шотландия). В Англии же первое зафиксированное в источниках посвящение в масонскую ложу лица, не имеющего отношения к строительному ремеслу, относится только к 1646 году. Это был Элиас Ашмол, известный банкир и антиквар. К концу XVII века только в Лондоне насчитывалось 7 масонских лож. Еще одна ложа зафиксирована в Йорке. В ряде лож соотношение каменщиков "спекулятивных" или, говоря другими словами, интеллектуалов, к каменщикам настоящим ("оперативным") составляло уже 39 к 10 [250]. К началу же XVIII века каменотесы и строители были практически полностью вытеснены из лож.

Но это, так сказать, академическая, научная версия происхождения современного масонства. Сами "братья" склонны возводить истоки своего ордена или "Великого братства посвященных", как они его еще иногда называют, едва ли не к первым шагам человеческой истории - от Адама. "Сам Господь по милосердию своему учредил масонство, дабы возвести человека внутрь себя" - читаем мы в одной из масонских рукописей XVIII века [251].

Исходя из этого, масонские авторы, "ничтоже сумняшеся", записывают в свои ряды едва ли не всех великих светил древности: Рама, Заратустра, Кришна, Конфуций, Будда, Моисей, Магомет и, конечно же, Иисус Христос. Характерно, что от Адама начинает историю вольного каменщичества и Джеймс Андерсон - автор основополагающего документа современного масонства - "Книги уставов" (1723).

Еще в III веке новой эры, спасаясь от гонений на них в Римской империи, часть масонов якобы перебралась в Англию, где и осела под крылом или "крышей" приютивших их строительных братств. В X веке, в связи с упадком церковного строительства и возникшей в связи с этим необходимостью сплочения усилий мелких братств произошло объединение всех, или, по крайней мере, значительной их части в единую корпорацию вольных каменщиков со своим статутом, что, якобы, и послужило основанием современного масонства [252].

Существуют и другие версии возникновения ордена. Главное тут не столько в фактической стороне дела, которая явно сомнительна, сколько в общей для всех этих версий мысли о непрерывном существовании масонства на протяжении тысячелетней истории человечества. И, что было особенно важно для европейских адептов ордена XVIII-XIX веков, людей, как правило, глубоко религиозных - так это божественность его происхождения.

Официальное утверждение в масонских анналах версии о седой древности вольного каменщичества произошло в 1782 году на Вильгельмсбадском масонском конгрессе. До этого, наряду с ней, возникновение первых масонских лож связывалось, обычно, с деятельностью ордена Тамплиеров в Палестине (основан крестоносцами в 1119 году). Непосредственной задачей ордена была охрана паломников, прибывавших для поклонения святым местам, от разбойничьих нападений мусульман. Резиденция ордена располагалась в Иерусалиме, близ развалин Соломонова храма. Отсюда и название ордена - храмовники или тамплиеры ("тампль" по-французски - храм).

Первоначально орден храмовников придерживался двух основополагающих принципов: обета бедности и беспрекословного послушания. На первых порах это был действительно братский союз единомышленников. Однако в дальнейшем картина постепенно стала меняться. Могущество ордена росло, а вместе с ним росло и богатство, быстро разрушавшее его первоначальные духовно-нравственные основы. К началу XIV века местом пребывания штаб-квартиры ордена Тамплиеров, к этому времени уже изгнанного из Палестины мусульманами, стала Франция.

Крупные недоразумения руководителей ордена с французским королем Филиппом Красивым и римским папой привели к трагедии. 13 октября 1307 года по приказу французского короля была арестована практически вся верхушка ордена во главе с его великим магистром Жаком де Молэ. Обвинение [253], выдвинутое 12 августа 1308 года против тамплиеров, вполне в духе того времени: попрание и оплевывание креста и сатанинское поклонение Бафомету - чудищу с рогами и женско-мужским торсом. Через шесть лет, 18 марта 1314 года руководитель ордена Тамплиеров Жак де Молэ по приговору суда как еретик был публично сожжен на костре.

Некоторые исследователи находят, что обвинение тамплиеров в ереси было построено на песке и, строго говоря, они вряд ли были в чем то винов ны[254]. Главной причиной репрессий принято считать богатства ордена, на которые якобы зарился остро нуждавшийся в деньгах французский король. Следует иметь в виду, что именно тамплиеры были первыми организаторами банков в Европе, они же ввели финансовое поручительство, а также систему чеков и аккредитивов. Полученные в результате финансовых операций прибыли тамплиеры опять пускали в дело, строя все новые и новые замки и крепости, что, конечно же, не могло не беспокоить королевскую власть.

Согласно данным итальянского историка Г.Франкоччи, на 1240-й год ордену Тамплиеров принадлежало в общей сложности 9000 приорств, замков и домов [255].

Согласно распространенной масонской легенде, взойдя на костер, Жак де Молэ якобы призвал римского папу и французского короля явиться вместе с ним на суд Божий. Последующая скоропостижная смерть последних (20 апреля 1314 года умер папа римский Клемент V, а несколько месяцев спустя, 29 ноября того же года - и король Филипп Красивый) породила легенду о так называемом "проклятии тамплиеров".

"Революция (1789 года - Б.В.) началась взятием Бастилии, потому что Бастилия была тюрьмой Якова Молэ. Авиньон был центром революционных зверств, потому что он принадлежал папе и там хранился пепел великого магистра.

Все статуи королей были низвергнуты для того, чтобы уничтожить статую Генриха IV, стоявшую на месте казни Якова Молэ ...", - писал в 1797 году французский историк Ш.-Л.Каде Гассинкур в своей книге "Гробница или краткая история древних и современных посвященных, тамплиеров, франкмасонов и иллюминатов" [256].

Считается, что части братьев ордена, его эзотерическому ядру удалось бежать в Шотландию, где они нашли приют в строительных корпорациях. Современные исследователи не склонны, однако, слишком доверять этой легенде. "30 лет спустя после падения тамплиеров их полностью забыли, за исключением народных легенд", - пишет, например, Марион Мельвиль, автор специального исследования об этом ордене. На вопрос: могли ли тамплиеры сохраниться? - ответ, по его мнению, может быть только отрицательным [257].

У масонов, разумеется, на этот счет своя собственная точка зрения. Тамплиеров они считают либо своими непосредственными предшественниками, либо одним из звеньев в тысячелетней истории ордена. Разгром же тамплиеров французским королем подается ими как беспримерный подвиг мученичества в борьбе за масонскую идею. Во всяком случае, обрядность так называемых "высоких степеней" в масонстве во многом сформировалась под влиянием обрядности тамплиеров.

Связав современное масонство с тамплиерами, его отцы-основатели сумели тем самым придать ему такие привлекательные в глазах европейской аристократии XVIII века черты, как жертвенность, служение истине и рыцарский дух.

Кроме тамплиеров, к числу непосредственных предшественников масонства, оказавших на него определенное влияние, относят, обычно, и розенкрейцеров (братья Розового Креста) [258]. Розенкрейцеры возводят свою родословную к легендарному немецкому рыцарю Христиану Розенкрейцеру.

В 1378 году он совершил поездку на Восток и в Индию, откуда он, якобы, и привез в Европу тайну философского камня и жизненного эликсира. Согласно другим данным, путешествие на Восток (Марокко), а следовательно, и основание братства приходится не на XIV, а уже на XV век [259].

Как бы то ни было, основанное Розенкрейцером в Европе после его возвращения из своего путешествия на Восток духовное братство, собственно, и дало толчок возникновению ордена, к числу адептов которого причисляют, обычно, таких известных магистров тайного знания, как Агриппа Неттесгеймский (1486-1535), Парацельс (1493-1541) [260] и известный прорицатель, составитель гороскопов, личный врач французского короля Карла IX Нострадамус (1505-1566). Как полагают исследователи, история с путешествием Христиана Розенкрейцера является вымыслом известного писателя начала XVII века Иоганна-Валентина Андреэ (1586-1654). Возрождение розенкрейцерства в XVII веке они связывают обычно с появлением в 1614 и 1615 годах в Касселе двух анонимных памфлетов: "Откровение" и "Исповедание", главным действующим лицом которых собственно и является легендарный основатель розенкрейцерского братства Христиан Розенкрейцер.

В 1616 году, как бы в дополнение к ним, вышел в свет еще один труд на эту тему - "Химическая свадьба Христиана Розенкрейцера". Автором этого сочинения уже вполне определенно был Иоганн-Валентин Андреэ. Что же касается двух предыдущих трактатов, то уверенности в их принадлежности перу И.-В.Андреэ у исследователей нет [261].

К 1622 году относится появление уже не легендарного, а реального розенкрейцерского братства в Европе с филиалами в Германии, Голландии и Италии. Члены его называли своим основателем Христиана Розе, а себя - истинными розенкрейцерами [262].

Орден "истинных розенкрейцеров" с центром в Гааге был, однако, далеко не единственной ассоциацией этого толка в Европе. Стоит упомянуть в связи с этим о братстве розенкрейцеров во главе с самим И.-В.Андреэ (1620). Однако успеха оно не имело. На гербе братства И.-В.Андреэ розы (воплощение тайны или мученичества) располагались по четырем углам принятого у розенкрейцеров косого андреевского креста (символ союза или страдания). Ряд исследователей (Г.Шустер) относит учреждение ордена розенкрейцеров к самому началу XVII века: приблизительно к 1604 году [263].

От своих последователей руководители ордена требовали клятвы молчания и безусловного подчинения. Одним из филиалов его были "чешские братья", тесно

связанные с гуситским движением. Как полагают, именно благодаря розенкрейцерам, бежавшим во время Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.) в Англию под защиту цехов, собственно и стала возможной быстрая эволюция английских строительных братств в сообщества духовного характера. "Розенкрейцерское братство постепенно преобразовалось в братский союз франкмасонов, - писал в связи с этим Георг Шустер. - Это случилось в Англии, куда скрылись во время Тридцатилетней войны остатки немецких розенкрейцеров" [264].

Как бы то ни было, считается, что именно от розенкрейцеров унаследовали масоны непреходящий интерес к тайному знанию: магии, древнееврейской кабалистике и средневековой алхимии.

Последней розенкрейцеры уделяли особенно много внимания. Это и не удивительно, поскольку именно алхимики, как тогда казалось, вплотную приблизились к тайне мироздания: получение опытным путем так называемого "семени металлов" или философского камня - вещества, позволяющего превращать неблагородные металлы (железо, медь и прочие) в благородные (золото и серебро) или, если пользоваться терминологией того времени, Большой и Малый магистериумы.

Не менее притягательной для масонов и розенкрейцеров была и "Панацея" - некий раствор из философского камня (золотой напиток) – универсальное средство против всех болезней на свете, в том числе и для омолаживания человека.

Еще одним увлечением "братьев", унаследованным от средневековых алхимиков, стала идея "сотворения мира" в пробирке. Речь идет о так называемом "гомункулусе", или "человеке в колбе", безуспешно выращиваемом ими в тайных подвалах и лабораториях. Характерно, что опыты такого рода сопровождались молитвами и заклинаниями, обращенными к духам и нечистой силе. Надо ли удивляться после этого позиции официальной церкви, справедливо видевшей в розенкрейцерах, а вслед за ними и в масонах еретиков и чернокнижников, каковыми они, в сущности, по правде говоря, и являлись. Однако алхимия и магия были пусть и важной, но все же только одной стороной розенкрейцерства. Другой была их негасимая вера в преобразующую силу знания и стремление к служению человечеству посредством своих научных открытий.

Но вернемся к уже упоминавшемуся нами Иоганну-Валентину Андреэ. Учеником его был Ян-Амос Коменский (1592-1671) - знаменитый чешский просветитель, строивший планы возрождения человечества и создания некоего универсального языка. В этом же ключе написано и широко известное сочинение Фрэнсиса Бэкона "Новая Атлантида" (1638), рассказывающее об "Ордене Соломонова храма", поставившем своей целью духовное возрождение человечества. Нельзя, поэтому, не согласиться с И.М.Херасковым, когда он пишет, что филантропические и реформаторские тенденции XVII века вместе с пристрастием к тайным братствам и символическому ритуалу "перешли к позднейшим поколениям и, несомненно, отразились на характере и судьбах современного масонства" [265].

Важная роль в становлении учения и обрядности современного масонства отводится преданию об убийстве строителями Соломонова храма в Иерусалиме его архитектора Хирама или Адонирама Абифа. Возникло оно, скорее всего, в XVII или в начале XVIII века, хотя сами масоны, по понятным причинам, относят его к седой древности. Целью убийства стало желание трех подмастерьев стать мастерами и получать большее вознаграждение за свой труд. Для этого им было необходимо узнать некую тайну мастерского слова и особые, присущие только мастерам, тайные знаки. Несмотря на угрозы в свой адрес, Адонирам так и не выдал, однако, тайны мастерского слова, а имевшийся у него символ всесовершенства духа - золотой треугольник с таинственным изображением имени Иеговы в центре - успел бросить в глубокий колодец. Мастер был убит, причем орудиями убийства стали орудия труда каменщиков - молоток, отвес и циркуль. Закопав тело убитого, подмастерья отметили это место веткой акации. Убийство, тем не менее, было раскрыто, причем решающую роль здесь сыграла ветка акации на

могиле мастера, которая вдруг зазеленела. Из боязни, что древнее мастерское слово уже потеряло свое значение, оно тут же было заменено первым словом, которое было произнесено при вскрытии захоронения: "плоть от костей отделяется". В современном масонстве этим словам, ветке акации (символ вечности), а также храму (символ духовности) придается особое мистическое значение [266]. Соломонов храм как символ возводимого братьями всех стран и народов по чертежам Великого архитектора Вселенной духовного храма человечности, - один из центральных в масонстве.

По одной из версий, после смерти Адонирама сам царь Соломон якобы и учредил масонский орден, придав ему черты сообщества духовного характера, члены которого объединяют свои усилия уже не для реального, а для духовного строительства некоего идеального храма духа. Обращает на себя внимание символ этого строительства - золотая змея, выползающая из Иерусалима, чтобы через тысячелетия, когда строительство будет завершено, опоясав кольцом земной шар, вползти в столицу царства уже с противоположной стороны, уцепившись в собственный хвост [267].

Воздвигнутое на фундаменте христианского учения в протестантской трактовке, масонство впитало в себя "ясно различимые черты иудаизма, обрядности духовно-рыцарских орденов и средневековых строительных братств. Чувствуется и влияние возникших ранее сект баптистов и квакеров" [268]. Обстоятельство это нисколько не мешает, однако, масонам (речь не идет здесь об атеистических ложах "Великого Востока Франции") неизменно выставлять себя как добрых христиан. "Истинный масон почитает Бога как творца и правителя мира. Он избегает всего, что может быть противно сему почитанию; признает святость религии христианской. А точным исполнением правил ее доказывает, что сердце его исполнено высокого учения Святого Евангелия и нравственный закон избирает он правилом поступков своих", - читаем мы в "Законах великой ложи Астреи" 1815 года [269].

Цели франкмасона, гласит "Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов"(1891 г.), те же, что и цели истинного христианства: любовь к Богу "паче всего" и к ближнему, как к самому себе, или еще более, молитва и упражнения воли во исполнение христианских заповедей, как то любить врагов своих, делать добро ненавидящим тебя, молиться о тех, кто гонит тебя, подставлять другую щеку, если ударят по одной и прочее [270].

Однако на самом деле масонство уже с первых своих шагов показало себя как сила, резко враждебная официальной католической церкви, и шире - ортодоксальному христианству вообще. Иначе, впрочем, и быть не могло, ибо современное масонство - прямое порождение еретического духа эпохи Реформации в Европе.

"Никакие ссоры по случаю политических мнений, вероисповеданий и разноплеменности да не дерзают приблизиться к вратам ложи, ибо как братья-масоны, мы все исповедуем одну и ту же древнейшую, общую, в течение многих веков не изменившуюся веру; и квадрат, отвес, и уровень напоминают нам долг наш жить со всеми людьми, какой бы науки не были, в братстве и любви", - гласит масонский закон [271]. "Древнейшая, общая, в течение многих веков не изменившаяся вера", о которой здесь идет речь, это конечно же, не католицизм, иудаизм или протестантизм, а некая новая, нравственная, универсальная масонская религия, или, проще говоря, обычная ересь. Неудивительно, что уже с первых шагов масонство показало себя как один из наиболее стойких оппонентов католической церкви, отстаивая секуляризацию мира и перестройку его на так называемых прогрессивных, рационально-космополитических началах.

И церковь сразу же это почувствовала. Уже в 1738 году вступление в масонскую ложу было запрещено католикам под страхом отлучения от церкви.

"Эта секта является сатанинской, проповедывающей учение, повторяющее грехопадение Люцифера (ангел, отпавший от Бога, воплощение зла - Б.В.)", - заявил в своей энциклике с осуждением масонства римский папа Климент XII. Резко отрицательно по отношению к масонству неоднократно высказывалась и Русская православная церковь.

"Под знаменем масонской звезды, - писал в 1932 году митрополит Антоний (председатель Архиерейского собора Русской православной церкви за границей), - работают все темные силы, разрушающие национальные христианские государства. Масонская рука принимала участие в разрушении России" [272].

В этом же духе высказываются и патриотически настроенные современные православные иерархи (митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн), определяющие масонство как "тайную интернациональную мировую революционную организацию борьбы с Богом, церковью, с национальной государственностью христианскою" [273]. Даже такой, казалось бы, духовно близкий к либералам человек, как Николай Бердяев, и тот вынужден был признать антихристианскую сущность масонства. "Сейчас масонство очень разнообразно, - отмечал он (1926 г.). - Так, в странах Латинской Америки и католических: во Франции и Италии масонство, прежде всего, имеет антицерковный и антихристианский характер. Таков, по видимому, Grand Orient (Великий Восток - Б.В.) во Франции. В Америке и Англии масонство имеет характер, по преимуществу, протестантско-христианский; есть даже епископы среди масонов ... Сейчас в масонской идеологии преобладает антихристианский гуманизм" [274].

И хотя далее Н.А.Бердяев оговаривается, что "не всегда так было и не везде", вывод его об антихристианском гуманизме масонства очень важен, так как расставляет, кажется, все точки над "i". Да и сами братья не всегда считают нужным скрывать своего отрицательного отношения к христианству.

"Мы, масоны, - говорят они, - принадлежим к роду Люцифера. Треугольник вместо креста. Ложа вместо церкви". Не удивительно, что сатанинские ложи на Западе не такая уж и редкость. На собрании одной из них присутствовал в январе 1924 года православный русский масон из эмигрантов Н.П.Вакар – член русской ложи "Астрея". Организованная французскими братьями церемония прославления сатаны произвела на него, как человека верующего, такое тяжелое впечатление, что он даже счел необходимым обратиться по этому поводу за разъяснениями к руководству своей ложи [275].

Впрочем, и без разъяснений было ясно, что верующему, а тем более православному человеку среди братьев делать нечего. В итоге Н.П.Вакар вынужден был прекратить свои дальнейшие посещения ложи.

Характерная особенность масонства - сочетание в нем мира как бы собственно библейских идей и образов с противостоящим ему антимиром, всегда давало и дает много поводов для обвинения масонов в служении дьяволу. Поклоняясь Верховному архитектору Вселенной, сами масоны предусмотрительно предпочитают не уточнять, что из себя этот Архитектор представляет. Конечно же, для атеиста все это не имеет серьезного значения, но для человека верующего это, пожалуй, самый главный вопрос для определения своего отношения к масонам и масонству.

Темная духовность масонства отчетливо проявляется уже в его мрачной символике и мстительных ритуалах с мертвецами в гробах. Центральным символом масонства является, как уже отмечалось, храм, на символическом строительстве которого и сосредоточены усилия вольных каменщиков всех времен и народов.

Уместно вспомнить в связи с этим, что согласно святоотческому учению именно в этом храме как раз и воссядет в конце концов антихрист - "человек греха", "сын погибели". Заслуживает внимания и то, что Ветхий завет указывает нам и на происхождение антихриста - из колена Данова. И именно оно единственное, которое не упоминается в Апокалипсисе среди спасенных колен Израилевых.

Полагают, что Хирам - легендарный строитель Соломонова храма - как раз и происходил по линии матери именно из этого колена [276].

Происходящие на наших глазах секуляризация и дехристианизация современного мира, над чем усиленно работают современные масоны, приобретает, таким образом, с христианской точки зрения зловещий, мрачный смысл. С этим, в частности, связана живучесть известной теории "мирового масонского заговора" против христианских наро-

дов и государств ("заговор сквозь века"). "В основе концепции масонства, изобличающей его зловещую мировую роль, - писал Н.А.Бердяев, - лежит философия истории, до крайности переоценивающая значение организованных и централизованных сил в мировой истории. В действительности в мировой истории огромную роль играют силы стихийно-иррациональные" [277].

Все это, конечно, так. Но у сторонников теории "заговора" свои резоны.

Наиболее последовательно точка зрения на масонский орден как на теневую структуру, которая во имя установления нового мирового порядка сознательно инициирует конфликты и нестабильность в современном мире, изложена в работе Энтони Саттона [278]. О том же, правда уже с православной точки зрения, пишут и некоторые наши отечественные исследователи.

"Масонство, - считают они, - имеет глубокую мистическую подоплеку и ориентировано на силы зла, так как служит своеобразной подготовкой базиса для утверждения мирового правительства, которое должен возглавить, согласно пророчествам святых " антихрист" [279].

Как справедливо писал уже цитированный нами Н.А.Бердяев, версии этой "нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Тайная организация не поддается извне изучению до глубины. Никакой легенды о тайной организации нельзя опровергнуть точно и документально" [280]. Действительно, это вопрос веры.

В основу масонства его отцы-основатели положили, в общем-то здравую мысль, что не войнами и революциями открывается дорога к счастью человечества, а постепенным "облагораживанием, путем нравственно-духовного усовершенствования, возможно большего количества лиц, которые к такому усовершенствованию склонны и смогут впоследствии оказывать благотворное влияние на окружающих в обыденной жизни" [281].

"Наши предки-крестоносцы хотели объединить в едином братстве подданных всех государств, чтобы со временем создать из них новый народ, который представляя многие нации, соединил бы их узами добродетели и науки", - писал в 1737 году один из основателей современного масонства шотландец А.Рамсей [282]. Как своего рода "моральный интернационал или толстовство своего времени" определял масонство П.Н.Милюков [283].

Видимая цель сообщества, таким образом, самая благородная. Но это-то как раз и вызывает подозрения: слишком уж часто мы видим, чем заканчиваются, к чему приводят благие намерения. Отсюда усиленный поиск критиками масонства неких скрытых, тайных целей ордена и естественная разноголосица между ними по этому поводу. "Едва ли мы ошибемся, - писали в 1914 году в своем предисловии к первому тому широко известного издания "Масонство в его прошлом и настоящем" С.П.Мельгунов и Н.П.Сидоров, - что в широких интеллигентных кругах имеется весьма неопределенное представление о той группе общественных и религиозных явлений, которые включает в себя прошлое масонства. Что скрывалось в действительности за этой таинственной полумистической пеленой? Что представляет из себя, наконец, современное масонство?" [284]. С сожалением приходится констатировать, что такими же неопределенными остаются представления "широких интеллигентных кругов" о масонстве и в наши дни.

Правда, на скудость литературы по масонской проблеме, о чем уже шла речь, жаловаться особенно не приходится. Проблема здесь, очевидно, в другом.

Разнобой среди исследователей масонства в оценке этого явления, по крайней мере применительно к истории нашей страны, настолько велик, что не только "широким интеллигентным кругам", но и самим историкам разобраться в этой сумятице нелегко.

Как "тайное преступное сообщество, преследующее цель достижения мирового господства на началах иудейского учения об избранном народе" характеризуется, например, масонство в аннотации к книге О.А.Платонова [285].

С этим, однако, решительно не согласен другой современный исследователь - Виктор Острецов. "Масонство, - пишет он, - это гуманизм, это Возрождение и Просвещение. Под этими терминами есть идейно-оккультная сила, их составляющая".

Речь, по его мнению, здесь идет о восприятии человеком современного мира, общего направления исторического процесса. "Считаем ли мы, - пишет В.М.Острецов, - что мир совершенствуется и улучшается под воздействием науки, литературы, искусств, а вместе с тем, становится лучше и человек? Что улучшения техники и повышение комфорта увеличивают радость и счастье на земле, и таким образом мир идет к райскому состоянию? - Если вы верите именно в это, то дело масонства в вас лично цветет и пахнет. И любой магистр ложи может довольно потирать свои холеные ручонки. Вы – его человек. Если же у вас есть сомнение в этих утверждениях пророков иудаизма и масонства, если вас начинает волновать мысль о жизни после смерти и вы всерьез думаете о спасении души через церковное делание, то вы своим существованием не доставляете радости никакому магистру никакой ложи. С вами ему еще придется поработать. И кто кого - вопрос.

Если вы верите, в то же время, что Церковь Христова - это и "большая культурно-историческая сила", то есть часть культуры, то вы больше в ложе, чем вне ее. А если у вас есть убеждение, что человек своим собственным трудом все может - вы целиком там, в храме Соломона. Тогда вы верите в труд как в спасающую силу и отвергаете благодать Святого Духа" [286].

Налицо явный публицистический перехлест, ибо, конечно же, отнюдь не масонам, которые, собственно, и заявили то о себе только в XVIII веке, обязаны мы таким явлениям человеческой культуры, как гуманизм, Возрождение и просвещение. Но записать их на свой счет масоны, конечно же, не прочь.

Стоит прислушаться в этой связи к тому, что писала о масонстве, правда уже с других, либеральных позиций, много занимавшаяся этой проблемой Т.О.Соколовская.

"Орден свободных каменщиков, - отмечала она, - есть всемирное, тайное собратство, поставившее себе целью вести человечество к достижению земного Эдема, Златого века, царства любви и истины, царства Астреи. Исходя из мысли, что никакие общественные отношения не могут даровать всемирного благополучия людям, коих не томит жажда всеобщего блага, коим неведомо чувство любви к страждущему ближнему, - вольные каменщики полагали достичь рая на земле путем нравственного, умственного и физического совершенствования каждой отдельной личности.

Наподобие каменщиков, которые заботятся о том, чтобы привести в совершенство каждый отдельный камень, отесать его, обработать, а уже затем приступать к кладке здания, - вольные каменщики должны были обращать внимание на воспитание в духе орденского учения каждого сочлена" [287].

"Масонство - это перевоспитание взрослых человеков", - говорили братья и мечтали в более или менее отдаленном будущем создать в обществе такое большинство, которое, будучи проникнуто масонским духом, помогло бы установить в мире взаимопонимание между людьми, основанное на любви ко всему человечеству.

Тогда, уверяют масоны, сами собой отпали бы, как обветшавшие уродливые формы, взаимоотношения между людьми, основанные на злобе, ненависти, корыстолюбии и других пороках. В этом же ключе, как совокупность "философско-этических, социально-политических явлений общественной и интеллектуальной жизни, основанных на определенных организационных принципах и предъявляющих своим членам определенные этические требования", трактует масонство современный российский исследователь С.П.Карпачев [288].

Но обратимся к самим масонам. "Первичная цель современного масонства, - читаем мы в популярной брошюре - издание Кружка русских масонов в Англии (1928 г.), - способствование нравственному, духовному усовершенствованию избранных лиц, а через них и возможно более широких кругов человечества".

Главная же цель Братства в том, чтобы "борясь со всем дурным в человеческой натуре" и развивая все то, что в ней есть хорошего, масонство помогает человеку найти искру божию внутри себя и развить ее в светлое пламя, которое освещало бы его собственную жизнь и, в то же время, служило бы путеводной звездой для окружающих [289].

Если в организационном плане масонство едва ли уходит далее средневековых товариществ строителей, то идейные основы его значительно глубже. Прежде всего, это античная философия и постулаты крупнейших мировых религий (христианство, иудаизм, отдельные элементы буддизма). Весомый вклад в становление идейных основ масонства внесла эпоха Возрождения с ее гуманизмом, социальными утопиями и мистикой. Но более всего почерпнуло масонство, конечно же, из христианского учения с его заповедями добра, мира, справедливости и равенства между людьми.

Недаром среди наиболее почитаемых персонажей масонства значатся Иоанн Креститель и апостол Иоанн Евангелист. От первых христиан усвоили масоны и характерное для них обращение друг к другу - "брат", а также понятие "вселенского света", изливающегося на братьев во время их работ в ложе. Не случайно и то, что центральное место в обрядах многих масонских ассоциаций занимает также и Библия. Да и присущая масонству мистика и так называемая "тайна" их работ также не чужды христианству. Что же касается заимствований из иудейских постулатов, то прежде всего, это Ветхий завет, древнееврейская Каббала и присущая масонству символика мотивов строительства Соломонова храма [290].

Идейную же основу философских представлений вольного каменщичества составляют деизм и пантеизм. Разница между ними невелика. Первые признают Бога только исключительно как творца мира и решительно отрицают его вмешательство в повседневные дела человеческие - это так называемый "божий промысел" [291].

Понятно, что различного рода молитвы и обрядность теряют при таком понимании божественного всякий практический смысл. В природе, считают деисты, Бог выразил свою сущность, но сам он стоит вне ее. Пантеисты же пошли дальше.

Природа и Бог для них - одно и то же. Этот безличный Бог, согласно их представлениям, есть не что иное, как творящий разум.

Человек по природе своей двойственен, утверждают масоны. Его в одинаковой степени влекут к себе и духовная, и материальная стороны бытия с его соблазнами и грехом. Было время, когда весь человек принадлежал свету и владея высшим знанием, обладал неслыханным могуществом. Грехопадение Адама лишило его этого состояния. Задача, следовательно, в том, чтобы, очистив себя от греха и отрешившись от мирских соблазнов, прислушаться к внутреннему голосу совести.

Торжествующая совесть и деятельная нравственная жизнь - вот истинный путь вольного каменщика к божественному свету. Можно сказать, что в философском плане масонство есть не что иное, как идеализм – неистовая проповедь превосходства духовного, вечного над земным, временным, материальным.

Непосредственная же задача масонского сообщества - троякого плана. Первая - сохранение и передача потомству так называемого тайного знания. Вторая - нравственное очищение, прежде всего братьев по ордену, конечно, а в принципе и всего человечества. Третья же и конечная цель братства - достижение человечеством "Златого века Астреи", века мира, счастья и процветания на земле. Масонство давало братьям известную систему, определенное миросозерцание, и призывало их к усиленной работе над собственной личностью. В этом, собственно, и заключался главный секрет его успеха.

Говоря о масонстве, не следует упускать из вида еще одну важную особенность этого ордена - определившуюся еще в XVIII веке ярко выраженную масонскую солидарность братьев. Проповедуя общие цели, масоны всегда стремились действовать солидарно друг с другом. Помимо мероприятий официального характера (съезды, конференции), немалую роль в поддержании братского духа в своей среде придают они

личным контактам между братьями. Этому, в частности, много способствуют особые пароли и знаки, при помощи которых масоны всегда могут узнать друг друга и попросить о содействии или помощи. Это и масонское приветствие от брата к брату (салют), которое основано на треугольнике: правая рука поднимается к левому плечу и опускается, слегка коснувшись правого плеча.

На этом же принципе треугольника основан и масонский знак молчания - быстрое движение правой рукой к левой стороне подбородка. Требование взаимной поддержки и взаимопомощи - одно из основных в масонской этике. Любопытно, что в отличие от "профанов", здороваться у масонов принято только левой рукой, так как согласно древнееврейской Каббале правая рука означает необходимость и зло, а левая - добро и свободу.

Считая себя братьями, масоны всех стран обращаются друг к другу только на "ты", независимо от своего должностного и социального положения. Яркий пример братской масонской солидарности и взаимопомощи приводит в своих воспоминаниях известный декабрист Г.С.Батеньков. "В одном из сражений в 1814 году, - пишет он, - в холодном и сыром январе месяце во Франции я, потерпевший многие раны и оставленный с трупами на поле сражения, был неприятельскими солдатами раздет до рубашки. Вслед за ними явились два офицера французской гвардии и обратили на меня внимание. Приникнув к моему лицу, удостоверились, что я жив, тотчас покрыли плащом убитого солдата и на своих руках донесли до шоссе через расстояние не менее полуверсты. Там сдали на фуры, собиравшие раненых, и строго приказали отвезти в госпиталь ближнего города и передать особому попечению медика. Впоследствии я узнал, что обязан спасением положению своей руки, которой закрывал одну из главных ран, случайно в виде масонского знака" [292].

Показателен еще один случай, произошедший с другим русским офицером-масоном П.П.Ланским под Кульмом. Догоняя свой эскадрон, он случайно наткнулся на раненого француза, которого солдаты хотели было пристрелить. Собрав все свои силы, увидев русского офицера, бедняга в порыве отчаяния высоко вскинул обе руки над головой, скрестив пальцы ладонями наружу. Это был масонский крик о помощи. И он был услышан П.П.Ланским, который не только остановил солдат в их намерении, но и оказал раненому брату первую помощь.

Случаев таких в масонских воспоминаниях можно найти немало. Настораживает, правда, что направлена масонская солидарность, в первую очередь, на своих же братьев. На "профанов" она, как правило, не распространяется, что всегда вызывало у последних, надо сказать, смешанные чувства. В воспоминаниях П.Н.Милюкова о его летней поездке 1893 года во Францию есть любопытный эпизод. "Рано утром, - вспоминал он, - я спустился в ресторан отеля. В зале сидели поодаль и пили кофе два-три ранних посетителя. Я встретил тут и вчерашнего спутника по омнибусу и с ним разговорился. Не помню почему разговор зашел о масонах. Он оказался сам масоном и заговорил о их всемогуществе во Франции. Чтобы доказать справедливость своих утверждений, он заметил: если бы мне сейчас здесь грозила опасность, мне было бы достаточно взять вот эту пепельницу и сделать условный жест. Я уверен, что кто-нибудь из присутствующих бросился бы мне на помощь. Проверить его слова не было повода, но они произвели на меня очень сильное впечатление: мне неоднократно впоследствии предлагали вступить в масонскую ложу. Я думаю, что это впечатление было одним из мотивов моего упорного отказа. Такая сила коллектива мне казалась несовместимой с сохранением индивидуальной свободы" [293].

Организационная структура ордена определилась к середине XVIII века и предполагает постепенное восхождение братьев к вершинам масонской иерархии по лестнице степеней, в ходе которого они знакомятся с символикой и обрядностью ордена [294]. Едва ли случайно, что масоны всегда берегли ее за тремя замками и за тремя

ключами. В сущности говоря, символика и обрядность - это своего рода некий мировой язык масонов, понятный только им самим.

Следует еще раз подчеркнуть, что основными, базовыми степенями масонства являются только первые три: ученик, подмастерье (товарищ) и мастер. Все остальное - только последующая надстройка над ними, когда еще в 1730-е - 1740-е годы простое трехстепенное иоанновское масонство стало дополняться так называемыми рыцарскими степенями, а возведение в них - сопровождаться пышными и торжественными обрядами.

Сами масонские степени разделяются на символические (ученик, подмастерье, мастер), средние или капитулярные, и высшие или философские. Из капитулярных степеней наиболее важная 18-я, розенкрейцерская. Из философских - степень "кадош", святой - 30-я. Три последних степени считаются административными; им и принадлежит реальная власть в ордене. Три первых степени составляют так называемое "голубое" (синее) масонство. Степени с 4-й по 18-ю образуют "красное" масонство. "Черное" или философское масонство составляют степени с 19-й по 29-ю. Наконец, так называемые административные степени (30-я - 33-я) образуют так называемое "белое" масонство. В степени с 4-й по 18-ю масоны возводятся капитулом, в степень с 19-й по 30-ю - ареопагом. Ритуальные ученые советы по возведению в степень с 31-й по 33-ю называются соответственно верховный суд, верховная консистория и верховный совет [295].

Наиболее распространенной среди масонских систем (и положение это сохраняется вплоть до наших дней) является так называемое шотландское масонство или, как его еще называют, старый принятый шотландский обряд. Число степеней в нем, как уже отмечалось, равняется 33-м.

Основной ячейкой масонского братства является ложа. Масонская ложа - это целый мир, символическое изображение которого в виде прямоугольника соответствует обозначению вселенной у Птолемея. В то же время это и помещение, в котором собираются братья для своих работ.

Во главе ложи стоит управляющий, или мастер стула (венерабль, председатель).

Остальные должности следующие: 1-й и 2-й надзиратели, секретарь (хранитель печати), ритор, обрядоначальник, казначей, привратник и прочие. Глава целого союза лож называется великим мастером. При наличии многих лож они объединяются в великую ложу, которая, в свою очередь, выделяет для управления ими более узкий по составу Капитул или Директорию. Само устройство великих лож может быть либо иерархическим (шотландское масонство), либо представительным, выборным (масонство иоанновское).

Открывается ложа ударом молотка почтенного мастера, побуждающего братьев "к порядку". Взявшись особым образом за руки, они образуют священную масонскую цепь, символ единения братьев всех стран. После этого надзиратель ложи направляется к алтарю и приветствует мастера. Затем он открывает Библию и возлагает на нее угольник и циркуль, символы прямизны и меры. Как правило, Библия открывается на Евангелии от Иоанна, содержащем признанный шедевр эзотеризма - пролог. Населенный пункт, где находится ложа, называется обычно "Востоком". "Востоком" именуется, как правило, и высшее масонское правление.

Учредительная грамота на открытие работ носит название Конституции.

Начинается процесс восхождения братьев по масонской иерархической лестнице со степени ученика. Именно здесь "познает ученик побуждение к исполнению обязанностей, которые каждый истинный масон должен хранить свято в ложе, так и вне оной. Здесь доставляется ему случай размышления о масонстве и той нравственной цели, которую имеет эта степень" [296].

На это же нацелен, в первую очередь, и тщательно разработанный ритуал масонского посвящения в эту степень. Профан ищущий степени ученика, прежде чем попасть собственно в ложу, проводил некоторое время в так называемой комнате размышлений, чтобы иметь возможность задуматься о бренности и скоротечности

человеческой жизни. После того, как с "ищущего" наконец то снимали повязку для глаз и оставляли одного, изумленному взору его представала странноватая картина.

В одном углу стол с черепом, из глазных впадин которого выбивается свет.

Рядом с ним Библия и песочные часы. В другом углу - человеческий скелет с подписью: "ты сам таков будешь". В двух других углах - по гробу: в одном мертвец, другой же гроб пуст. Через четверть часа в помещение входил обрядоначальник ложи и пространно излагал ищущему цель ордена, после чего тот получал наконец возможность пройти в центральное помещение ложи.

"Труден путь добродетели", - такими словами обычно начинал ритор свое наставление во время торжественного шествия в ложу ищущего посвящения.

"Необычное зрелище являло это шествие, - писала Т.Соколовская, - вели разутого, полураздетого человека с завязанными глазами, неуверенно ступавшего, невзирая на дружески направлявшую руку руководителя, одетого вычурно, украшенного различными знаками и лентами, в круглой шляпе и с накинутой на плечи епанчею; длинный сверкающий меч держал руководитель в протянутой свободной руке и острием его слегка касался обнаженной груди посвящаемого. Тремя ударами в дверь ритор просит доступа в ложу. Приоткрыв дверь, брат "стерегущий" спрашивает:

- Кто нарушает покой наш?

- Свободный муж, который желает быть посвященным в орден свободных каменщиков, - следует ответ" [297].

После того, как ищущий оказывался в центральном помещении ложи, его тут же подводили к масонскому ковру, задавали вопросы и наставляли о трудности избранного им пути. Далее ищущий должен был преклонить колена перед жертвенником и, положа правую руку на открытое на первой главе Евангелие от Иоанна дать клятву соблюдать все масонские обеты и свято хранить масонскую тайну. Характерно, что во время клятвы мечи братьев устремлены на посвящаемого. После этого загорался свет, к груди ищущего приставлялся развернутый циркуль, мастер ложи, ударял по его головке молотком и подставлял чашу, в которую стекала кровь из раны. На этом церемония считалась оконченной. Мастер торжественно объявлял о приеме в степень нового ученика, которому тут же возвращались отобранные у него при входе в ложу его собственные одежда и вещи. Масоны тепло приветствовали своего собрата.

Вторая степень - это степень "товарища" или подмастерья. "Товарищ должен приготовлять себя к получению достоинства мастера размышлением о свойствах совершенного масона". Он должен знать "те свойства, которых братство требует от совершенного масона, равно ему должно быть известно и управление ложею", - читаем мы в "Уложении Великой ложи Астреи на Востоке Санкт-Петербурга" 1815 года [298].

Центральная идея посвящения в следующую - мастерскую степень заключена в принципе так называемой "масонской тайны", даже если для этого понадобилось бы пожертвовать собственной жизнью. В основу ее обрядности положена уже упоминавшаяся легенда об Адонираме - строителе Иерусалимского храма. При приеме в эту степень помещение ложи специально затягивалось черными тканями; на стенах черепа и кости с надписью: "помни о смерти". На полу черный ковер с нашитыми на нем золотыми слезами. На ковре устанавливался открытый гроб; трехсвечные светильники поддерживались человеческими скелетами. Центральной частью обряда являлась символическая смерть Адонирама, в роли которого выступал посвящаемый. Основной мотив посвящения в мастерскую степень - идея жертвенности, презрения к смерти и пробуждения убитого Адонирама к жизни в каждом новом мастере [299]. Известны случаи, когда посвящаемого в степень мастера в буквальном смысле этого слова укладывали в гроб, причем на сердце его тут же возлагали золотой треугольник с именем Иеговы и ветку акации или терновника. А в голове и ногах - орудия убийства Адонирама: лопатка, циркуль и наугольник.

Если в основе обряда посвящения в мастерскую степень лежит легенда об

Адонираме, то при посвящении в одну из высших степеней ордена - 30-ю в старом и принятом шотландском обряде - "Рыцаря белого и черного орла, великого избранника кадош" использовались мотивы другой не менее распространенной масонской легенды - о якобы безвинной казни в 1314 году врагами ордена великого магистра Жака де Моле. Обрядность этой степени уже давно привлекает внимание исследователей, так как вопреки обычному представлению о миролюбивом характере масонства вся она буквально проникнута страстной проповедью необходимости борьбы со злом силою. Это и не удивительно, так как прямое назначение ее - подготовка посвящаемых в мстители за "попранные права человечества".

Как установила в свое время Т.О.Соколовская, изучавшая обрядники начала XIX века, цвет тканей, использовавшихся для украшения ложи при посвящении в 30-ю степень, был цветом печали, крови и смерти. "Ни сверкающий золотом и лазурью священный треугольник с оком Провидения, ни пламенеющая звезда с многозначащей буквой G, - не венчали балдахина, за которым почти скрывалось кресло командора. Над ним царил венчанный золотою короною двуглавый орел с распростертыми крыльями. Это был грозный орел непреклонной борьбы; в его сжатых когтях был меч. На груди орла в небольшом треугольнике начертано было священное имя: "Адонай"" [300].

Босой, с веревкой вокруг шеи, медленно следовал ищущий степени "рыцаря кадош" за своим водителем в полутемный зал ложи, освещенный горящими факелами в руках братьев. Слышалось бряцание мечей. Стоит отметить, что веревка вокруг шеи посвящаемого символизировала виселицы, на которых окончили свой земной путь многие храмовники. Горящие же факелы в руках братьев напоминали о костре, в пламени которого сгорел великий магистр Жак де Молэ. После обязательной в таких случаях клятвы испытуемого облачали в ритуальные одежды и вручали ему отличительный знак "Рыцаря кадош" - красный эмалированный восьмиугольный крест с овалом в центре, на одной стороне которого было изображение мертвой головы, пронзенной кинжалом. Обладатели степени "Рыцаря кадош" именовались в масонском кругу "сынами света" или "сынами Солнца", которым, якобы, только и было открыто великое знание.

Нами уже отмечалось христианское происхождение большей части принятых в масонстве символов: крест как символ спасения и искупления, круг или кольцо (символ вечности) и равносторонний треугольник – символ триипостасного Бога, святой Троицы. Вершина треугольника всегда должна быть обращена вверх.

В центре же его помещается обычно изображение всевидящего ока Провидения, либо таинственное написание имени Великого архитектора Вселенной. Широко распространены у масонов и звезды: пятиконечная или пламенеющая звезда - мировой разум, предвечная тайна, символ совершенства духа [301].

Обращенная, согласно древнееврейской Каббале, одним лучом вверх, она символизирует Спасителя. Напротив, обращенная двумя лучами вверх – силы тьмы. Шестиконечная же звезда или звезда Давида есть священный иудейский знак (печать Соломона) - символ вечного противостояния двух борющихся начала в мире: добра и зла, Бога и дьявола.

Среди других наиболее распространенных масонских символов: солнце (истина), луна (чистая любовь), три светильника (Святая Троица), циркуль и наугольник (символы меры, закона и совести), отвес (равенство), дикий камень (грубая нравственность), кубический камень (обработанная нравственность), пчелиный улей (трудолюбие), ветка акации (бессмертие), гроб, череп и кости (печаль, презрение к смерти), белые одежды, запоны и белые перчатки (чистота помыслов), круглая шляпа (вольность), три столба (сила и красота) [302].

Особо важное значение в масонской символике играет молоток - символ веры, власти и повиновения.

В отличие от "кроткого" "иоанновского" масонства первых трех степеней, в учении которого преобладают этические мотивы: надежда на изменение человека к лучшему,

непротивление злу насилием и пр., при посвящении братьев в высшие, "андреевские" степени ("красное" масонство) к уже известным им "иоанновским" знакам присоединяются новые: меч - как символ необходимости борьбы за идею, венец - знаменующий собой мудрость, роза - как символ вечной жизни, крест - символ страдания, ключ - как знак познания тайн бытия, и кинжал - как символ неизбежного возмездия предателям дела ордена [303].

Одним из распространенных девизов масонства высших степеней является знаменитое "победить или умереть!"

Закончить эту главу уместнее всего словами нашего известного философа Н.А.Бердяева. "Масонство есть то, чем все пользуются, а не то, что всем пользуется. И сейчас, - писал он в 1926 году, - им, по преимуществу, пользуются для целей нехристианских и антицерковных. Политически европейское масонство есть сейчас направление буржуазного радикализма. Менее всего масоны коммунисты.

Масонство есть чисто буржуазная идеология, и духовно буржуазная, и социально буржуазная. Вокруг него группируются левые и свободномыслящие буржуазные элементы, представители буржуазно-прогрессистского гуманизма. И, мне представляется, вредно окружать масонство ореолом" [304].

И действительно, вся история европейского, да и американского масонства в XIX-XX веках не оставляет места для иллюзий относительно действительной роли "братьев" - "вольных каменщиков" в мировой истории.

Глава 3. Образование Великой ложи Англии и распространение масонства в мире (XVIII-XX вв.)

Первые документальные свидетельства о братствах вольных каменщиков в Англии относятся к XIV веку (1376 г., Лондон). Проникли они сюда, скорее всего, из Германии, где уже в XIII веке существовал союз каменотесов, объединявший целый ряд братств. Первая ложа каменщиков – строителей церквей была создана в 1215 году в Магдебурге. Как бы то ни было, от XIV века до нас дошли сведения о первых уставах братств вольных каменщиков. Из них, в частности, видно, что помещение у них, как и у современных масонов, называлось ложей, за порядком в производстве работ следили мастера и смотрители, братства имели свои уставы, тайные пароли, прикосновения и знаки. Вступающий в братство давал присягу над Библией. На ежегодные собрания лож братья должны были являться в белых фартуках и перчатках - одним словом, все как у современных масонов.

Со второй половины XVI века братства каменотесов в Англии приходят в упадок. Новый архитектурный стиль (ренессанс), который пришел на смену готике, резко изменил условия труда каменщиков и потребовал от них новых приемов работы. С победой Реформации в стране исчез главный заказчик строительных работ - могущественная и богатая католическая церковь. Кризис строительного ремесла привел к тому, что часть братств распалась. Те же, что выжили, постепенно выделяются из цехов. Дело в том, что в то время, как цеха ведали чисто ремесленными делами, львиная доля усилий братьев вольных каменщиков была направлена на поддержание традиции, моральную и материальную поддержку братьев. В отличие от цехов, для вступления в братство вольных каменщиков теперь уже не требовались профессиональные знания, что открывало прямую дорогу к постепенному преобразованию строительных братств в сообщества духовного характера.

Первое упоминание о масонской ложе в Англии, точнее в Шотландии (Эдинбург) относится к 1600 году [305]. Документальным же свидетельством первого вступления профана в масонскую ложу является запись в дневнике лондонского антиквара Элиаса Ашмола (принят 16 октября 1646 года в одну из лож в Уоррингтоне (Ланкшир)) [306].

Во второй половине XVII века в масонских ложах Англии было уже немало знати, купцов и представителей ученого мира. Присутствие в это время среди масонов лиц, не имевших никакого отношения к строительному ремеслу, дает историкам право различать как "оперативных" (настоящих), так и "спекулятивных" (умозрительных или философствующих) братьев.

Такова предыстория исторического события 24 июня 1717 года, когда в лондонской таверне "Гусь и вертел" четыре лондонских ложи: "Гуся и противня", "Короны", "Яблони" и "Виноградной кисти" (по названиям таверн, в которых они собирались) решили объединиться в одну Великую ложу Англии, избрав из своих рядов великим мастером дворянина сэра Энтони Сэйера. Капитан Джозеф Эллиот и плотник Джекоб Лэмболл стали великими смотрителями ложи [307].

Упоминание о плотнике Джекобе Лэмболле весьма показательно: мы видим, что даже в начале XVIII века процесс вытеснения из масонских лож настоящих, или "оперативных" каменщиков каменщиками "спекулятивными" был еще не вполне завершен.

В 1718 году к масонству примкнул придворный проповедник принца Уэльсского Теофил Дезагюлье, а уже через несколько лет в масонских ложах оказались такие видные представители аристократического титулованного дворянства той поры, как герцог Монтегю, герцог Уортон, граф Долькес и другие. В первые годы существования ордена вольных каменщиков в Англии в нем было всего две степени посвящения (ученик и мастер). Немного позже по инициативе братьев к ним добавилась промежуточная степень подмастерья. Они то и составили так называемые "градусы" или степени "иоанновского" (голубого) английского масонства. Обсуждение в ложах волновавших в то время братьев вопросов (кроме политических и религиозных, что не допускалось) было свободным, начальство - выборным, общая обстановка - демократической. Несмотря на присутствие аристократов, преобладали в ложах все-таки буржуазные элементы, представители так называемого третьего сословия. Однако руководство ложами вскоре оказалось всецело в руках аристократов. "Тем самым ремесленные братства превратились в организацию среднего класса, желающего состоять под руководством аристократов", - писал в этой связи английский историк А.Роббинс [308].

Правильнее было бы все же сказать, что реалии тогдашней Англии, да и других стран Европы были таковы, что масоны вынуждены были искать покровительства у аристократов в интересах дела.

В 1721 году пресвитерианский пастор, доктор богословия Джеймс Андерсон составил кодекс масонских уставов и правил под названием "Новой книги конституций". В 1723 году с одобрения Великой ложи Англии она была опубликована в качестве официального руководства для масонских лож. "Масон является мирным подданным гражданской власти, где бы ни приходилось ему работать, - утверждалось здесь. - Он не примет участие ни в каких замыслах против мира и благополучия".

Запрещались в ложах и какие-либо религиозные, национальные и политические споры [309]. Основная мысль "Книги уставов" 1723 года - это утверждение религиозно-нравственного характера масонства.

"Нравственное усовершенствование признавалось средством достижения рая за гробом и золотого века на земле" [310].

"Согласно своему званию, масон обязан подчиняться нравственному закону", - читаем мы здесь. И еще: "... сегодня считается более целесообразным придерживаться той религии, которую исповедуют все люди, оставив для себя свои собственные взгляды". Но никакой религии, которой, якобы, придерживаются "все люди", никогда не существовало. У каждого народа своя вера. Понятно, что речь здесь идет о христианском универсализме, который, собственно и был провозглашен религией масонов. Так, уже буквально с первых шагов современного масонства определился деистический, внеконфессиональный характер его деятельности.

"Масонство есть чисто буржуазная идеология, - отмечал Н.А.Бердяев, - причем в сущности, очень плоская. Это есть самая банальная вера в прогресс и в гуманность, непонимание глубокого трагизма мировой истории. Масоны неатеисты исповедуют плоский деизм" [311].

Очень сильно сказывались в масонстве XVIII века мистические и оккультные черты, хотя в дальнейшем на протяжении XIX и особенно в XX веке влияние их на масонство непрерывно падало.

Что же касается исторической части труда Джеймса Андерсона, то начинал он, как водится у масонов, от Адама и Евы. После рассказа о падении Римской империи в центре его повествования оказывается, наконец, Европа, главным образом Англия, где в XI веке усилиями святого Олбена якобы и возрождается масонство [312].

Если у колыбели английского масонства наряду с Джеймсом Андерсоном стоял его близкий друг, французский эмигрант Джон Теофил Дезагюлье, то во Франции масонские ложи были организованы и патронировались уже англичанами, изгнанными в 1688 году из своего отечества противниками Якова II Стюарта. Первая ложа в Париже была образована в 1732 году и сразу же была признана англичанами.

Несколько раньше, в 1728 году ложи английского образца появились в Мадриде, в 1733 году - в Германии (Гамбург). В 1738 году в масоны был посвящен будущий прусский король Фридрих II. За каких-нибудь два десятка лет масонство охватило Европу, как пламя сухой стог сена [313]. И это не было случайностью. "Цех вольных каменщиков, - пишет современный исследователь, - был наиболее удобен для того, чтобы дать форму общественному течению, в котором религиозные (неортодоксальные) взгляды сочетались бы с практическими целями готовить элиту для грядущих перемен" [314].

Уже с первых шагов масонства в Европе стало ясно, что простое трехстепенное английское масонство не удовлетворяет аристократов континентальной Европы, на покровительство которых, собственно, и делалась ставка. Это побудило руководителей ряда масонских лож обрядиться в тогу реформаторов и учредить в 1740-е годы в Англии над тремя первыми степенями еще одну - Капитул Королевской Арки. Середина и вторая половина XVIII века в Англии были годами напряженной борьбы уже между самими реформаторами масонства, приведшей в конце концов к его расколу. В 1751 году, наряду с Великой ложей Англии, в Лондоне была учреждена еще одна великая ложа. После чего борьба между масонами разгорелась с новой силой. Главным предметом разногласий были нововведения, внесенные в обряды и уставы масонских лож, внесенные в 1730-е - 1740-е годы. Противники Великой ложи Англии, основанной в 1717 году, обвиняли ее в дехристианизации ритуалов и пренебрежении эзотерическим моментом в масонстве. Компромисс был найден только в 1813 году с образованием Великой соединенной ложи Англии.

Среди великих магистров Великой ложи Англии середины и второй половины XVIII века - внук Георга II герцог Кумберлендский (1745-1790), короли Георг IV, Вильгельм II и другие представители королевской фамилии.

Но вернемся к 1730-м - 1740-м годам, когда не удовлетворенные трехстепенным иоанновским масонством наиболее ретивые реформаторы его начинают борьбу за введение дополнительных, так называемых "рыцарских" степеней. Первой удачной попыткой такого рода стала Клермонтская "система". Возникновение ее исследователи связывают с иезуитской Клермонтской коллегией в Париже, которую любил посещать изгнанный из Англии король Яков II Стюарт. Здесь, в так называемой "королевской ложе", и возникла первая "высокая степень" - степень "шотландского мастера". В последующем число "рыцарских степеней" увеличилось до шести. Девизом "рыцарских степеней" стал боевой клич первых крестоносцев - "божья воля!".

Внутреннее устройство и обрядность Клермонтской системы так же во многом напоминали организационную структуру и обрядность средневековых духовно-рыцарских орденов, в частности тамплиеров. Особенно велик вклад в становление системы высоких

степеней в Европе сэра Эндрю Рамсея (1681-1743), с именем которого связывают возникновение того, что получило название "Шотландского ритуала" или "Древнего и принятого шотландского устава", общее число степеней в котором дошло в конце концов до 33 [315].

Свое название эта система получила из-за того, что учредителями ее были выходцы-эмигранты из Шотландии. Но родиной этой системы, широко распространившейся ныне по всему миру, была все-таки не Шотландия, а Франция.

Помимо претензий на родство с тамплиерами, шотландские масоны были не прочь записать в число своих предшественников и Мальтийских рыцарей, как хранителей и продолжателей традиций языческого и древнего иудейского вольного каменщичества [316]. Основное содержание работ шотландских братьев - просвещение, благотворительность, а также нравственная и материальная поддержка братьями друг друга [317].

В Германии [318] продолжателем дела Эндрю Рамсея стал барон Карл Готлиб Гунд (1722-1776), разработавший и внедривший в немецкие ложи систему так называемого "Строгого послушания". Устав лож этой системы был строг и требовал безоговорочного подчинения членов лож младших степеней старшим. Всего таких степеней по конституции системы Строгого послушания было шесть: три иоанновские, четвертая - "шотландский рыцарь", пятая - "послушник" и шестая - "рыцарь храма". Расцвет системы "Строгого послушания" приходится на 1760-е - 1770-е годы. В 1764 году состоялся первый съезд приверженцев Гунда. Заместителем Гунда в 1772 году стал герцог Фердинанд Брауншвейгский. Деятельным помощником его был также известный немецкий мистик Иоганн-Христофор фон Вельнер. Достойно упоминания, что в 1770 году масоном стал известный немецкий поэт и философ И.-В.Гете.

По их инициативе на масонском съезде в Вильгельмсбаде в 1782 году вся Европа была разделена на масонские державы или провинции. Россия среди них значилась как восьмая. В том же году среди лож системы строгого наблюдения или послушания произошел раскол. Дело в том, что исторической связи с тамплиерами немецким братьям показалось мало, и они на том же Вильгельмсбадском конгрессе принимают ответственное решение, согласно которому на самом деле вольное каменщичество якобы древнее ордена тамплиеров и ведет свое начало из глубины веков. С этим, однако, не захотели согласиться шведские масоны, которые и после 1782 года продолжали связывать начало своего ордена с орденом Храмовников.

Особенность шведской системы - ее строго христианский характер; лицам других конфессий вход в ложи был категорически воспрещен.

Если в чистом английском масонстве под масонской тайной понимается обычно тайна символов и тайны некоторых нравственных постулатов, то в шведском масонстве под тайной понималась уже самая настоящая мистика и оккультизм.

Шведская система весьма сложна, но основные составляющие ее, это - английское масонство в нижних степенях, розенкрейцерство в высших и система строгого послушания, отразившаяся на всех ее степенях (всего их было 10). Последняя 10-я степень - "рыцаря-командора красного креста" - составляла высшее правление в этом ордене.

Борьба между противниками и приверженцами закрепления в масонстве так называемых "рыцарских степеней" имела принципиальный характер. Дело в том, что английские или, правильнее, иоанновские ложи - это так называемое нравственно-философское масонство, отличались не только простотой обрядов (всего три степени), но и демократичным характером работ (благотворительность, изучение Ветхого завета, выборность и ответственность перед братьями начальников ложи и т.п.). Масонские же ложи, допускавшие так называемые "рыцарские степени", главным своим занятием считали изучение герметической философии и алхимии и отличались пышной обрядностью. Однако главной их особенностью была все же организационная. Во главе их лож стояли неограниченные и, как правило, тайные начальники; в самих ложах господствовала строгая дисциплина и беспрекословное повиновения нижестоящих вышестоящим.

Из масонских ассоциаций этого толка наиболее известны ордена мартинистов, филалетов и розенкрейцеров. Последний из них, пожалуй, наиболее показателен в этом плане. Официальное выделение берлинских братьев из брауншвейгской системы и образование ими собственного ордена "Златорозового креста" произошло в 1782 году. Организационная структура нового ордена имела ярко выраженный авторитарный характер: первые три иоанновские степени - ученик, товарищ, мастер; одна высшая шотландская степень мастера и обособленно стоявшая тайно от остальных каменщиков теоретическая степень соломоновых наук - как некое связующее звено между собственно масонами и "братством просветленных", представлявшим так называемый "внутренний орден" в масонстве [319].

Попадали в теоретическую степень иоанновские мастера по выбору старших братьев. Алхимия, теософия и мистика - вот обычный круг их занятий. В масонских бумагах розенкрейцеров сохранились подробнейшие описания их обрядов с целью вызывания злых и добрых духов и даже сотворения из майской росы и менструальной крови женщины гомункула - искусственного человека в колбе [320].

Наряду с масонством нравственным и мистическим, широкое распространение в Европе уже во второй половине XVIII века получило и масонство политическое, главной целью которого была борьба с абсолютизмом и церковью за овладение властью. Наибольшее распространение политические ложи получили в католических странах, прежде всего во Франции и Италии, так как именно здесь масоны подвергались наибольшим притеснениям и гонениям со стороны церкви и государства.

И напротив, там, где к ним относились терпимо (страны, где победила Реформация) и позиции церкви были ослаблены (Англия, часть германских княжеств, Голландия, Швеция), не встречая серьезного сопротивления по отношению к себе, масонство пошло по религиозно-мистическому пути и обрело здесь большую силу.

Стоит, очевидно, в этой связи привести слова известного русского масона барона Рейхеля, сказанные им в конце 1770-х годов Н.И.Новикову: "Всякое масонство, имеющее политические виды, есть ложное; и если ты приметишь хотя бы тень политических видов, связей и растверживания слов равенства и вольности, то почитай его ложным. Но ежели увидишь, что через самопознание, строгое исправление самого себя по стезям христианского нравоучения, в строгом смысле, нераздельно ведущее, чуждое всяких политических видов и союзов, пьянственных пиршеств и развратности проявлений членов его, где говорят о вольности такой между масонами, чтобы не быть покорену страстям и порокам ... " такое масонство уже есть истинное или ведет к сысканию и получению истинного" [321].

Политическая струя в масонстве XVIII века связана, прежде всего, с орденом иллюминатов (просвещенных), образованием в 1773 году Великого Востока Франции и активным участием масонов в Великой французской революции 1789 года.

Основан орден иллюминатов был в 1776 году профессором канонического и естественного права Ингольштадтского университета Адамом Вейсгауптом. Характерная особенность его - масонские формы и иезуитский характер деятельности, что не случайно, так как сам Вейсгаупт был воспитанником иезуитов. Цель братства, как это и водится в таких случаях, носила отвлеченный характер - усовершенствование разума и распространение просвещения [322].

"Наши люди должны быть предприимчивы, ловки, вкрадчивы ... Ищите прежде всего знатных, могущественных, богатых. Иногда необходимо даже унизиться, чтобы получше овладеть человеком", - учил Вейсгаупт своих последователей.

Главное препятствие на пути практического осуществления естественных прав человека иллюминаты усматривали в сложившихся в то время в Европе отношениях собственности и стоящих на их страже властных структурах и католической церкви. И хотя цели своей - золотой век Астреи – иллюминаты стремились достичь исключительно мирными средствами (просвещение и широкое привлечение в орден европейских

государей), католическая церковь и владетельные монархи в Европе сразу же почувствовали в них своих злейших врагов. Иллюминатов стали обвинять в заговорщических намерениях и 22 июня 1784 года орден был закрыт. Сам Адам Вейсгаупт был отправлен в отставку и бежал из Ингольштадта. Умер он в 1830 году [323].

Что касается французского масонства, то следует иметь в виду, что Париж накануне революции 1789 года буквально кишел масонами. Колыбелью масонской жизни здесь была в это время парижская ложа "Девяти сестер" или Ложа энциклопедистов или наук. Основал ее в 1769 году астроном Лаланд. Среди членов ее были такие известные французские просветители, как Кондорсэ, живописец Грез, скульптор Гудон, братья Монгольфье, Б.Франклин, Дантон, Демулен и другие [324].

Незадолго до своей смерти в 1788 году в нее был принят знаменитый Вольтер.

Согласно последним подсчетам историков, масоны располагали во Франции накануне революции 600 ложами с 30 тысячами братьев [325].

Так что не заметить масонского следа в Великой революции мог разве что слепой. Его и заметили. Более того, уже в то время было широко распространено убеждение, что принципиальное решение о казни короля Людовика XVI было принято не где-нибудь, а на масонских конвентах в Вильгельмсбаде и во Франкфурте еще в 1782 и в 1785 годах [326].

Первыми, кто публично высказал мысль о французской революции 1789 года как порождении масонского заговора, были католический аббат Ж.-Ф.Лефранс, автор пространного сочинения "Завеса, приподнимаемая для любопытствующих, или тайна революции, раскрытая при помощи франкмасонства" (1791) и бывший иезуит аббат Огюстен Баррюэль. Последнему принадлежит четырехтомное исследование "Мемуары по истории якобизма". Книга была опубликована в 1797-1798 годах в Лондоне, куда вынужден был эмигрировать ее автор. Причиной революции, по его мнению, был тройной заговор, а именно: философов-просветителей, масонов и баварских иллюминатов. Долгое время книга О.Баррюэля третировалась либеральной историографией как труд очевидно недоброкачественный. Однако сейчас оценка ее несколько поменялась, и историки уже не стесняются ссылаться на книгу Баррюэля, признавая тем самым как ценность собранного им богатого фактического материала, так и верность отдельных наблюдений автора.

Что же касается самой теории тройного заговора, то сторонников у нее среди серьезных историков в настоящее время нет [327].

Но зато никем не оспаривается факт несомненной идеологической подготовки масонами французской революции в духе "естественных прав человека", свободы, равенства и братства. Велик и неоспорим вклад масонов и в "практику" революции (Марат, Дантон, Демулен, Шометт, Кутон и др. [328]).

Не подтверждаются, правда, сведения о принадлежности к масонству М.Робеспьера.

Но зато масоном, как оказалось, был его отец - мастер стула в одной из провинциальных лож в Арраксе [329].

Сама за себя говорит и масонская символика Великой революции: ватерпас, масонский треугольник с оком Великого архитектора Вселенной, арка. Даже трехцветная кокарда, придуманная масоном Лафайетом, указывает на масонские цвета: первые три степени ордена - синие, с 4-й по 18-ю - красные и с 30-й по 33-ю - белые. Вспоминаются в связи с этим и устраивавшиеся во время революции торжественные шествия парижан в честь Верховного существа, призванного заменить христианского бога.

Во время якобинского террора, когда уничтожению подлежали уже не только чужие, но и свои, попали под подозрение и масонские ложи, объявленные революционерами под горячую руку контрреволюционными гнездами. Глава Великого Востока Франции Филипп Орлеанский вынужден был публично сложить с себя полномочия и осудить масонство. Это, однако, ему не помогло и он окончил свою жизнь на эшафоте.

"Французская революция, - пишет итальянский исследователь масон Микеле

Морамарко, - несет на себе масонский отпечаток только в том, что касается ее общих принципов: свободы, равенства и братства, а отнюдь не ее политических аспектов" [330]. Другими словами, масоны готовы признать своей заслугой только светлые страницы истории французской революции.

Темные они оставляют другим.

Несмотря на то, что участие масонов в революции 1789 года было весьма активным, предлагаемые ими рецепты достижения "царства Астреи" плохо стыковались с реалиями Франции того времени. Под угрозой полной утраты революционных завоеваний вожди поневоле вынуждены были перейти к террору. После казни ряда братьев масонство во Франции было настолько деморализовано, что смогло возобновить свою деятельность только при Наполеоне Бонапарте.

В XIX веке крупнейшими вехами в истории масонства романских государств стали активное участие вольных каменщиков в событиях французских революций 1830 и 1848 годов, Парижской Коммуне 1871 года, движении за объединение Италии, а также борьбе за независимость испанских и португальских колоний в Южной и Центральной Америке. По отношению к Парижской Коммуне 1871 года масоны Франции разделились: если левые братья поддерживали коммунаров, то правые, напротив, оказались в числе их душителей. Наибольшую активность в политической жизни Франции того времени проявляли ложи Великого Востока Франции. В 1877 году им была упразднена ритуальная формула о признании братьями Великого архитектора Вселенной. Фактически это означало полный отказ адептов этой масонской ассоциации от веры в Бога и бессмертие души, как обязательного условия приема в орден [331].

Официально одобренная в связи с этим формулировка этого пункта в уставе Великого Востока Франции гласила: "Франкмасонство всецело является филантропическим и прогрессивным учреждением, ставящим целью поиски истины, изучение всемирной морали, наук, искусств и осуществление благотворительности. Его признаками являются: полная свобода совести и солидарность людей. Оно никого не исключает за убеждения и выдвигает девизом свободу, равенство и братство" [332].

Формально Великий Восток Франции провозглашался философской ассоциацией, якобы занимающейся социальными вопросами. Но по существу же с этого времени он стал заниматься политикой. Главной своей задачей братья этой масонской ассоциации ставили всемерное проникновение под флагом борьбы за демократию и против засилья клерикализма в стране в Национальное собрание и во властные структуры Французской республики. Часть лож Великого Востока Франции работала по французской системе 7 степеней с тремя символическими и четырьмя высшими градусами, часть братьев предпочла Древний принятый шотландский обряд (33 степени). Были и такие, кто даже работал по ритуалу "Мемфис-Мизраим" (95 степеней).

Явная активизация масонства во Франции привела к тому, что оживились и противостоящие ему силы. В 1885 году шумную антимасонскую кампанию начал популярный журналист Г.Жоган-Пажес (Лео Таксиль), обвинивший "братьев" в служении дьяволу. Разоблачения Г.Жоган-Пажеса пользовались шумным успехом у непритязательной публики, но закончились скандалом. 19 апреля 1897 года журналист публично заявил, что он попросту мистифицировал своих читателей.

Более серьезное значение в смысле борьбы с масонским засильем в общественно-политической жизни Франции этого времени имела деятельность аббата Жюля Тормантэна, открывшего в 1897 году в Париже "Антимасонскую лигу" и журнал, обличавший происки франкмасонов. Пробой сил между клерикалами и масонами стало дело капитана французской армии Альфреда Дрейфуса - сына богатого еврея-фабриканта, обвиненного в 1894 году в шпионаже в пользу Германии. Естественно, что на его защиту поднялась вся прогрессивная Франция. И в первых рядах защитников были братья-масоны. Дело тут было совсем не в справедливости, за которую якобы боролись вольные каменщики, а в том, чтобы как можно больше дискредитировать противостоящий им так

называемый клерикально-консервативный лагерь политического спектра тогдашней Франции. Борьба за пересмотр дела Альфреда Дрейфуса, приговоренного в декабре 1894 года к пожизненному заключению, подавалась прогрессивной общественностью как борьба за демократию. Особенно громкий резонанс вызвало открытое письмо в связи с этим делом, которое направил в 1897 году президенту Французской республики известный писатель Эмиль Золя под весьма характерным заголовком: "Я обвиняю!".

19 сентября 1899 года президент капитулировал и вынужден был помиловать А.Дрейфуса. Однако это не удовлетворило масонов, настаивавших на его оправдании по суду. Сделать это им удалось только в 1906 году. После формального оправдания и награждения орденом "Почетного легиона" А.Дрейфус участвовал затем в Первой мировой войне и благополучно умер в 1935 году.

Активное участие в политической борьбе быстро вознесло масонов на самую вершину власти: премьер-министры Гамбетта, Ферри, Комба, президенты Гастон Думерг, Поль Думер. В 1908 году во Франции было уже 30 тысяч масонов. Особенно много было их среди членов Республиканской и Радикал-социалистической партий (в последней - до 40% состава). Значительным было масонское присутствие и среди членов Социалистической партии Франции (образована в 1905 году). Вскоре она становится главной опорой масонства [333].

Усиление роли масонства в политической жизни Франции в конце XIX - начале XX веков не уберегло их, однако, от внутренних несогласий и раздоров. Ряд братьев, недовольных переходом Великого Востока Франции на атеистические, деистские позиции, "хлопнули дверью" и образовали в 1894 году собственную ассоциацию под названием Великая ложа Франции, работавшую по Древнему принятому шотландскому обряду. Годом раньше, в 1893 году возникает еще одна масонская ассоциация - "Права человека", в ложи которой принимают и женщин.

Однако соперничать с Великим Востоком Франции эти ассоциации едва ли могли. Так, уже упоминавшаяся Великая ложа Франции, не одобрявшая занятий своих членов политикой и делавшая упор на обычные для масонов занятия нравственным самоусовершенствованием и филантропией, по числу своих членов уступала Великому Востоку почти в два раза. В 1913 году образовалась еще одна соперничающая с Великим Востоком Франции масонская ассоциация - "Великая национальная независимая и правильная ложа". Большого успеха она, однако, не имела.

Наконец, в 1948 году была образована Великая Французская национальная ложа, успешно работающая во Франции до настоящего времени.

Активно использовались масонские структуры и в борьбе за объединение Италии. Именно масоны помогали финансировать карбонариев и "Молодую Италию" Мадзини. Известным, причем высокопоставленным масоном Великого Востока Италии был и знаменитый Гарибальди [334].

На родине же масонства, в Англии, также происходил в начале века бурный рост лож. В 1903 году их было здесь уже 3 тысячи. Однако реалии социально-политической жизни в Англии серьезно отличались от реалий других европейских государств.

Как самостоятельная политическая сила, масонство себя в английских условиях заметно не проявляло, и продолжало сохранять определившийся еще в XVIII веке религиозно-нравственный, просветительский характер. Что касается Великой ложи Англии, то она играла роль своеобразного мирового центра по отношению к множившимся день ото дня все новым и новым масонским ассоциациям в мире.

Практически это выражалось в выдаче им в случае соответствия их деятельности основным масонским принципам соответствующих патентов.

"Крестным отцом" американского масонства является Б.Франклин, много сделавший для популяризации и распространения вольного каменщичества в Новом свете. В 1731 году при его участии в Филадельфии была открыта независимая от Лондона Великая ложа. Перед началом революции в Америке здесь уже насчитывалось целых 8 великих

лож. 4 мая 1752 года в одной из масонских лож получил свое посвящение будущий герой войны за независимость Соединенных Штатов Джордж Вашингтон. К масонам принадлежал практически весь командный состав американской армии и практически все выдающиеся американские политики того времени [335].

Наибольшее распространение в США получили шотландские ложи с пышными церемониями и обрядами, покоившимися на Ветхом завете и легенде о тамплиерах.

Центральным органом лож этого обряда в США был верховный совет во главе с Командором, который располагался в своей резиденции в городе Чарльстон.

Наряду с ним действовали и другие масонские центры. Крупнейшими из них были верховные советы Северной (Бостон) и Южной (Вашингтон) юрисдикции [336].

Первый проект Соединенных Штатов как масонского государства был разработан еще в 1747 году тогдашним главой американского масонства Б.Франклином.

И дело тут не только в масонском характере конституции США или Декларации 1776 года. Даже столица этого государства, город Вашингтон, строилась по масонским чертежам. Не случайно главной архитектурной доминантой этого города стали фигуры масонской символики [337].

К началу XX века из 1,5 миллионов масонов мира 908535, то есть почти две трети, проживали в Соединенных Штатах [338].

1 августа 1914 года началась, как известно, Первая мировая война. Причина этого первого в истории XX века мирового катаклизма, в общем то, банальна: борьба буржуазии ведущих государств Европы и США за новый передел уже поделенного к тому времени мира. Традиционный пацифизм, которым братья-масоны, можно сказать, десятилетиями дурили головы обывателю, тут же был сдан ими в архив.

Практически все сколько-нибудь серьезные масонские ассоциации немедленно высказались в поддержку своих национальных правительств и призвали к защите своего отечества. Тем не менее, некоторые уроки из трагедии, которой являлась эта мировая бойня, были все же ими извлечены. Речь идет о создании уже после окончания Первой мировой войны в 1919 году Лиги наций - международной организации, основной задачей которой было, согласно ее Устава, "развитие сотрудничества между народами и гарантия их мира и безопасности" или, проще говоря, недопущение новой войны. Возглавил Лигу наций масон Леон Буржуа.

В феврале 1919 года в Берне (Швейцария) воссоздается еще одна масонская структура - 2-й Интернационал, во главе которого встали старые масоны Вандервельде и Гюисманс. Через месяц в Москве Совещание коммунистических и социалистических партий и групп, среди делегатов которого также было немало масонов, возвестило об образовании 3-го, Коммунистического Интернационала. Попытка коммунистов определиться по отношению к масонам была предпринята ими на 4-м конгрессе Коминтерна (15 ноября - 5 декабря 1922 г.), одобрившем резолюцию о недопустимости пребывания коммунистов в масонских ложах. Докладчиком выступил Л.Д.Троцкий, сообщивший, между прочим, делегатам, что один из лидеров Французской компартии Марсель Кашен - масон, на что тот тут же подал реплику, что это де не так.

Тогда, как бы поправляясь, Лев Давыдович заявил, что в некоторых французских кругах говорят, что "Ленин и я тоже масоны". Он, мол, не понимает, почему подобные обвинения не адресуют нашим товарищам Зиновьеву, Радеку, особенно Бухарину, который "вполне подходит для масонства" [339].

Как заявил на конгрессе Коминтерна французский делегат Кер, во Французской компартии "очень много масонов", а в парижской ложе "Жан Жорес" системы Великого Востока из 200 адептов - 170-180 принадлежали к ФКП. Всего же Великий Восток Франции в одном только Париже насчитывал в начале 1920-х годов свыше тысячи коммунистов [340].

Аналогичным было положение в Итальянской и других компартиях. Так что принятая по докладу Л.Д.Троцкого антимасонская резолюция была как нельзя кстати.

Вскоре после конгресса газета "Юманите" стала печатать информацию о разрыве наиболее видных членов компартии М.Кашена, Кера, Арвара и других с орденом и о выходе их из масонской Лиги прав человека. Покинули масонские ложи далеко не все коммунисты. Однако никаких серьезных мер против ослушников предпринято, тем не менее, не было. Как пишет современный исследователь О.Ф.Соловьев, на практике "Коминтерн не настаивал на гонениях против масонов в других странах, несмотря на их наличие во многих компартиях. Возможно, Москва решила, что перестаралась и не посчитала нужным нагнетать страсти по данному вопросу. Мало того, либеральная буржуазия Запада вместе с орденом и Коминтерном с компартиями были объективно обречены на определенные формы сотрудничества перед надвигавшейся сперва в Италии, затем в других странах волной фашизма и крайней реакции" [341].

Политика уступок и соглашательства, которую проводили в 1930-е годы западные державы по отношению к фашистской Германии, имела самые печальные результаты. 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу. Началась Вторая мировая война. В декабре 1939 года, по настоянию Англии и Франции (США в эту организацию не входили) из Лиги наций был исключен Советский Союз.

Фактически это означало полный крах этой организации, хотя формально она просуществовала до мая 1946 года.

Тем временем 14 июня 1940 года немцы вошли в Париж, две трети территории Франции были оккупированы. Деятельность масонских лож на территории Франции и других оккупированных государств была прекращена. Часть братьев была репрессирована. Однако в целом отношение нацистов к масонству было куда более сложным, чем это принято думать. Дело в том, что несмотря на пропагандистский штамп о "жидомасонском заговоре", отношение нацистов к масонам было неоднозначным.

Репрессиям подвергались, как правило, ложи либерального толка: Великий Восток Франции (117 расстрелянных и умерших на территории Германии), Великая ложа Франции (180 расстрелянных и 520 умерших), ложа "Права человека" (31 расстрелянных и 59 умерших) [342].

Что же касается лож консервативного и оккультного направления, то члены их пострадали в гораздо меньшей степени, хотя сами ложи были, конечно же, закрыты. Дело в том, что в свое время (1920-е годы) и Гитлер, и Рудольф Гесс были завсегдатаями организованных при ложе "Туле Гезельшафт" оккультных кружков и спиритических сеансов, а лекции идеолога этой ложи профессора Карла Хаусхофера были положены впоследствии в основу "Майн кампф" [343].

Много пишут в последнее время и о влиянии на А.Гитлера и доктрину нацизма таких известных оккультистов того времени, как Рудольф фон Зеботтендорф и Ланс фон Либенфельс [344].

Говоря о своем отношении к масонству, Гитлер подчеркивал, что есть только один опасный элемент, который он позаимствовал у вольных каменщиков - это их эзотерическая доктрина. "Они развили эзотерическую доктрину и не только сформулировали ее, но передали ее через посредство символов и таинственных обрядов ... Таков этот опасный элемент, который я перенял", - отмечал он.

Импонировал Гитлеру и авторитарный характер масонства. "Не кажется ли вам, - говорил фюрер, - что наша партия должна иметь именно такой характер. Она должна быть орденом, вот что. Орденом, иерархическим орденом гражданского духовенства".

Неудивительно поэтому, что из 80 тысяч германских братьев за период с 1933 по 1945 годы было репрессировано всего 4800 человек, или 6%. Еще более либеральное отношение к масонству проявляло фашистское руководство Италии. Несмотря на его официальное запрещение в 1925 году, 45 руководителей режима (Бальбо, Гранди, зять Муссолини граф Чиано и др.) состояли в масонских ложах. Сам дуче был удостоен почетной 30-й степени ордена [345].

Перемены, которые произошли в Европе после Второй мировой войны, коснулись и положения в масонском сообществе. Роль "большого брата" окончательно перешла теперь к американским ложам, объединенным в два крупных союза в лице Северного и Южного округов. Из более чем 5 миллионов масонов шотландского обряда в мире почти две трети приходится на США. О том, как глубоко проникло масонство в политическую жизнь Америки, свидетельствует принадлежность к нему целого ряда президентов этой страны, начиная от Джорджа Вашингтона и кончая Джорджем Бушем - франкмасоном из ложи "Череп и кости", куда имеет доступ лишь элита университетской аристократии. Масоном был и первый послевоенный президент США Гарри Трумэн (кстати, 13-й член братства в этой должности), приказавший сбросить на Хиросиму и Нагасаки (надо полагать, исключительно в целях зашиты общечеловеческих ценностей) атомные бомбы. К числу вольных каменщиков принадлежали также основатель Центрального разведывательного управления США Аллен Даллес и президент США Дуайт Эйзенхауэр. Тесная связь масонства с ЦРУ (кстати сказать, широко использовавшего масонские каналы для своего проникновения в Европу), а также секретными службами своих стран, профашистскими элементами и мафией после скандала с масонской ложей "П-2" в 1981 году в Италии уже не вызывает сомнений [346].

Сейчас в Америке нет практически ни одного сколько-нибудь крупного города, где бы не было масонской ложи. Члены их - это, как правило, "лучшие люди" данной местности: мэр, начальник полиции, судья, профессора местного университета, а также наиболее влиятельные представители делового мира и местной интеллигенции.

Нетрудно заметить, что перед нами, по сути дела, сформировавшаяся при помощи масонских лож политическая, интеллектуальная и финансовая элита современного американского общества, которое, собственно, и контролирует ныне политическую, экономическую и интеллектуальную жизнь этой страны.

Что касается Европы, то наиболее прочные позиции, помимо Франции, были у масонов еще в довоенные годы в Чехословакии, оба президента которой Масарик и Бенеш были вольными каменщиками. И действительно, когда эйфория от успеха так называемой "бархатной революции" в этой стране стала улетучиваться, без особого труда обнаружился и заграничный масонский след в этих событиях.

Впрочем, западные коллеги восточноевропейских братьев и не думают отрицать этого факта. "Все эти годы мы были рядом, поддерживали контакты", - говорил в связи с этим глава масонской ложи Швейцарии Жан-Пьер Греньер. Как видим, руководители современного масонства отнюдь не скрывают своего активного участия в политической борьбе в других странах. Хотя и пытаются подвести под него теоретическую базу. "Не масонство подняло восстание американцев против английского империализма, - отмечал в этой связи бывший великий магистр Великого Востока Франции Роже Лерэй. - Но именно масоны были самыми решительными его участниками. Вашингтон стал Вашингтоном также и потому, что был франкмасоном. Как Франклин, как Лафайет. Именно масон О.Хиггинс сформировал Чили. Именно масон Сан-Мартин создал Аргентину, тогда как Боливар основал Великую Колумбию, а Хуарес – современную Мексику. Все они - франкмасоны. Эти люди сумели выразить дух масонства в своих политических и военных действиях" [347].

В настоящее время число приверженцев Великого Востока Франции оценивается в 300 тысяч человек, или 40% всех французских масонов. Несмотря на то, что в стране активно действуют соперничающие с ним более консервативные Великая ложа Франции (18 тысяч человек) и тесно связанная с Великой ложей Англии "Национальная ложа Франции", Великий Восток и по сей день остается наиболее влиятельной политической силой этой страны [348].

О роли масонов в истории Французской Республики красноречиво свидетельствуют следующие факты: с 1875 по 1967 год 22 премьер-министра страны были масонами.

В 1985 году в Национальном собрании Франции заседало 120 масонов, причем 10 из них входили в правительство социалистов.

Достаточно сильные позиции сохраняют масоны и в Италии. Крупнейшая масонская организация здесь - Великий Восток Италии (16 тысяч человек). До 80 тысяч человек насчитывает, по некоторым оценкам, в своих рядах Великая ложа Германии (официальные данные, впрочем, более скромные - 21 тысяча человек на 1984 год [349]).

Основные усилия западноевропейских и американских масонов после 1945 года оказались направленными на экономическую и политическую интеграцию буржуазной Европы перед лицом советской угрозы. Характерно, что именно масон Уинстон Черчилль озвучил согласованную с президентом США Трумэном и премьер-министром Великобритании Эттли так нашумевшую речь 5 марта 1946 года в Фултоне о якобы исходящей от СССР угрозе новой войны и необходимости объединения западных демократий для борьбы с "железным занавесом", якобы опущенным в СССР перед Европой. Наряду с созданием экономических и военно-политических объединенных структур (НАТО, Европейское сообщество и др.), упор был сделан на внутреннее разложение правящей в СССР элиты и обслуживавшей ее интересы "творческой интеллигенции". При всей показной мощи Советского государства, внутренняя слабость его: фантастичность самого замысла построения "справедливого общества", обуржуазивание, перерождение и, наконец, просто деградация в связи с отсутствием свобод и однопартийным характером системы, правящей элиты, по крайней мере для людей проницательных, была очевидной.

Распад СССР и победа демократий в ряде стран Восточной Европы подается масонами как убедительная победа идеалов вольного каменщичества. Однако и в этом случае масоны отнюдь не собираются отказываться от традиционной для них тактики и стараются войти в руководство практически всех политических партий стран Восточной Европы. И, следовательно, независимо от того, какая из них победит на очередных выборах, они неизменно должны оказаться "наверху".

Главная задача, которую ставят сегодня перед собой западноевропейские масоны и их коллеги на Востоке - широкая пропаганда идеи "приоритета общечеловеческих ценностей" и строительства Объединенной Европы, "общеевропейского дома", в который они хотели бы включить и Россию. Методы, которыми достигается эта цель, также вполне традиционны для масонов. "Мы привыкли действовать тайно, - говорил в связи с этим глава бразильских братьев сеньор Венансио Пессоа Лопес, - и члены наших лож проникают во все части общества. Там же, где масоны ... выступают открыто, они стремятся занять все важнейшие посты. Это наш образ действий, и веками он давал результаты" [350].

Исследователи уже давно обратили внимание на одно странное обстоятельство - наличие в ложах людей самой различной политической ориентации: от крайне правых до ультралевых. Действительно, как совместить принадлежность к масонству таких несхожих между собой лиц как декабрист-революционер Павел Иванович Пестель и шеф жандармов при Николае I А.Х.Бенкендорф, президент Чили социалист Сальвадор Альенде и консерватор Аугусто Пиночет? Однако у масонов другая логика. Главное для них – всегда быть "наверху" и контролировать ситуацию.

"Вы привыкли к политическим меркам. Альенде - левый, Пиночет - правый.

А важнее другое - в нашем движении каждый, независимо от ориентации, стремится к максимальному совершенству в своей области, - говорят масоны - Важно контролировать любое движение, которое имеет будущность, чтобы потом исправить неистинное влияние на истинное". Правда, в случае с Сальвадором Альенде масонская этика была все же нарушена. "Мне рассказывали, - свидетельствовал в интервью журналу "Пуэн" бывший великий мастер Великого Востока Франции Роже Лерэй, - что Альенде перед путчем говорил, что может доверять Пиночету, поскольку оба принадлежали к одной организации" [351].

Впрочем, от вероломства А.Пиночета орден нисколько не пострадал. От одного масона власть в Чили перешла к другому, только и всего.

"Мы утверждаем, - пишет американский политолог консервативного толка Энтони Саттон, - что современная ситуация в мире преднамеренно создана этой властной элитой (масонами - Б.В.) путем манипуляции правыми и левыми элементами. Мы утверждаем, что наиболее мощная из этих мировых элит (американская - Б.В.) в течение ста лет создала как правые, так и левые элементы с целью создания в конечном счете нового мирового порядка" [352].

Наряду с официальной историей существует, по мнению этого исследователя, и другая, в основном еще не написанная история о "преднамеренном создании войн, сознательном финансировании революций для смены правительств и об использовании конфликтов для установления нового мирового порядка" [353].

Конечно же, разделяют такого рода, прямо скажем, сомнительный взгляд на историю как заговор далеко не все исследователи. Но последователи у Энтони Саттона все-таки есть [354].

Выдвигаемые сегодня масонами идеи политического и социального партнерства между различными партиями и социальными группами находят поддержку у общественности Запада. Вместе с тем, с упрочением положения у себя дома основное внимание вольных каменщиков все более и более начинает смещаться в сторону конечной цели масонов всех стран и народов – создания нового мирового порядка во главе с США, основанного на демократических принципах, единым экономическим пространством и "прозрачными" границами. Влияние масонов в мире и, в особенности, в США сегодня настолько велико, что они позволяют себе устраивать своеобразные "смотрины" кандидатам на высшие государственные должности в этой стране.

Современное американское масонство тесно связано с военно-промышленным комплексом и транснациональными корпорациями, большинство руководителей которых являются в то же время и членами масонских лож.

В свое время антимасонские писатели и публицисты немало потрудились, чтобы доказать существование некоего зловещего международного тайного масонского правительства [355]. Сегодня нам приходится признать явью то, что вчера казалось всего лишь фантазией. Интеграционные процессы в мире набирают силу, и мировое правительство, о необходимости создания которого открыто пишет наша демократическая печать, уже вырисовывается в качестве правительства "Объединенной Европы" и организаций международного и, прежде всего, американского капитала, влияние которых, конечно же, выходит далеко за рамки чисто финансовых или экономических проблем. Речь идет о созданных после Второй мировой войны под эгидой масонства неправительственных организациях: Трехсторонняя комиссия, Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб и некоторых других, среди членов которых, наряду с влиятельными политическими деятелями, мы находим и президентов крупнейших банков и корпораций [356].

Организация Объединенных Наций и периодически проводимые совещания глав государств семи наиболее развитых капиталистических стран - это не более, чем рабочий инструмент для юридического оформления решений, принимаемых совсем в других кабинетах. Таким же рабочим инструментом в руках сильных мира сего (так называемой "мировой закулисы") являются и масонские ложи, которые так настойчиво насаждают в России ее зарубежные "доброхоты". Вся история масонства убедительно свидетельствует о неизменном крахе благородных всечеловеческих идеалов его адептов при столкновении с реальной действительностью.

Это нисколько не умаляет, разумеется, ни самих идеалов, ни их последователей, сыгравших важную роль в преобразовании мира на новых началах.

В настоящее время масонство составляет совокупность независимых федераций, объединенных идеологией, символикой, близкими ритуалами и общностью происхожде-

ния от образованной еще в 1717 году Великой ложи Англии, которая, собственно, и считается верховным судьей на соответствие организационных структур и характера деятельности тех или иных братств в мире масонским постулатам.

В 1929 году в качестве родоначальницы ордена, Великая соединенная ложа Англии приняла восемь так называемых фундаментальных принципов "правильности" или "неправильности" любой иностранной ложи: вера в бессмертие души, признание в качестве Бога Великого архитектора Вселенной, отказ от приема в ложи женщин, использование Библии в ходе масонских работ и прочее [357].

Великий Восток Франции и родственные ему масонские ассоциации отошли от этих требований, в очередной раз зафиксировав, таким образом, факт раскола между ассоциациями политического и так называемого "нравственного", или "философского" масонства.

Что касается численности масонов в наши дни, то следует заметить, что ряд исследователей оперирует явно завышенными цифрами. "К середине XX века, - пишет например О.А.Платонов, - общее количество членов масонских лож и организаций составило только в США около 50 миллионов человек" [358].

Из дальнейшего текста О.А.Платонова выясняется, что помимо собственно масонов исследователь, ничтоже сумняшеся, включил сюда и так называемые "подмасонские" или близкие к ним организации: "Ротари клуб", "Бнай брит", "Лайонс", "Рыцари Колумба", "Рыцари пифии" и тому подобные структуры, а также ложи и ордена оккультно-мистического характера, которым в Америке несть числа. Нельзя упускать из виду, что многие из них склонны искусственно завышать число своих последователей.

Ряд исследователей оценивает приблизительное число масонов в мире в 30 миллионов человек. Другие находят, что корректнее все же говорить об ориентировочной цифре в 10-12 миллионов [359].

Официальная же масонская статистика свидетельствует, что на 1991 год масонов шотландского обряда в США было всего 2,4 миллиона человек. До 700 тысяч, согласно все той же официальной масонской статистике, насчитывалось масонов на 1991 год в Англии, до 200 тысяч в Канаде, 70 тысяч во Франции, 21 тысяча в Германии, 17 тысяч в Италии. Общая же численность вольных каменщиков шотландского обряда определяется, согласно масонской статистике, в 5 миллионов человек [360]. Дело тут, конечно, не в цифрах, или, вернее, не только в них. Важно уяснить, что вопреки утверждениям о надуманности масонской проблемы, на самом деле проблема такая все-таки есть. Роль масонства в современном мире, во всяком случае на Западе, и в особенности в США, огромна. Без преувеличения можно сказать, что там оно уже давно вошло в плоть и кровь современного общества.

Сегодня масонские ложи в Америке можно встретить не только в крупных городах, но даже в самых захудалых населенных пунктах. "Посетив в 1996 году с экскурсией Великий каньон, находящийся в пустынной местности штата Аризона, - пишет О.А.Платонов, - я с удивлением увидел при въезде в поселок примыкающий к нему знак с указанием о работе в нем масонской организации ... Масоны и члены близких к ним организаций - обязательная и определяющая часть всех структур власти, от окружных и муниципальных до штатных и федеральных, а также непременный элемент властных вертикалей в бизнесе, финансах, армии, культуре, образовании, искусстве, литературе и, конечно, в журналистике. Все, кто хочет сделать карьеру в Америке, обязательно вступают в масонскую ложу или клуб" [361].

Прямо надо сказать, для серьезных политиков, бизнесменов и администраторов на Западе сегодня вообще немыслимо оставаться вне масонства; не быть включенным в его закрытые клубы, такие как, например, "Лайонс", "Ротари" и другие - слишком большой риск для деловых людей [362]. Сами масоны и им сочувствующие любят распространяться на тему о якобы полной победе масонства в современном мире, цитируя при этом аббата Лагори: "Масонство утратило свою силу, потому что оно победило". "Оно

победило потому, что девиз: свобода, равенство, братство, провозглашаемый с XVIII века в заключение всех масонских собраний, стал девизом Французской республики. Потому что терпимость, стремление избежать столкновений, неприятие расизма и исключительности, многим обязаны масонской культуре". Однако и они вынуждены признать, что масонство "по-прежнему пользуется дурной репутацией" [363].

Это и не удивительно. Несмотря на широкую пропаганду космополитизма, большинство людей на земле по-прежнему отдают предпочтение национальным интересам, традиционному обществу и традиционным человеческим ценностям, таким, как государство, семья, церковь, национальная культура. А это может означать только одно. Торжествовать и праздновать победу братьям-масонам рано. Впереди у них еще много трудной работы.

Глава 4. Первые масонские ложи в России. И.П.Елагин и его Союз. Шведская "система"

Как и многое другое, что вошло в русскую жизнь со времен Петра I, масонство проникло к нам с Запада. "Любимец Петра Великого Лефорт был масон и, вероятно, сообщил сведения о масонстве своему великому монарху, так как тогда учрежден был масонский орден Святого Андрея", - читаем мы в "Кратком очерке истории масонства в России" (1827) Карла Л...ра [364].

Граф Брюс, по утверждению все того же источника, был одним из высокопосвященных масонов и глубоко и плодотворно проник в тайны ордена [365].

В свое время мнение это было широко распространено среди масонов [366]. "Ложи братьев - свободных каменщиков, - писал в 1821 году в записке на имя Александра I великий мастер Великой ложи Астреи генерал-лейтенант Е.А.Кушелев, - возникли в России во времена царствования блаженной памяти государя императора Петра Великого по возвращении его из чужих краев. Первая ложа учреждена была сим государем в Санкт-Петербурге под управлением мастера оной любимого им советника его генерала Лефорта" [367].

Франц Лефорт умер, как известно, в 1699 году. Никакого Санкт-Петербурга в это время еще не существовало. Так что иначе, как масонской басней сообщение Е.А.Кушелева назвать трудно. Не заслуживает доверия и еще одна дата посвящения в масонство Петра I - 1717 год. Петр I действительно побывал в этом году за границей (Голландия, Франция), но в Англии, где только что была учреждена Великая ложа, не был. Г.В.Вернадский в свое время разыскал в Публичной библиотеке масонскую рукопись, рассказывающую, что Петр I якобы был принят в шотландскую степень Святого Андрея, причем при вступлении в орден дал обязательство "что сей орден восстановит в России, что и исполнил (орден Андрея Первозванного, 1698 год - Б.В.) ... Его письменное обязательство существовало в прошлом веке в той же ложе, где он был принят и многие оное читали", - говорится далее в ней. Называют и ложу, в работах которой якобы принимал участие Петр I - "Нептун" [368].

Как бы то ни было, даже такой серьезный ученый, как Г.Вернадский, склонен был доверять этому явно сомнительному сообщению. "Вполне правдоподобно, - писал он, - что вместе с образцами западного вооружения и одежды для армии и флота при Петре были заимствованы и формы товарищеского объединения офицеров. Ранние ростки русского масонства особенно возможны во флоте, так как флот был создан всецело по западному образцу и под западным влиянием" [369].

Однозначно относил основание первой масонской ложи в России к 1717 году и А.Н.Пыпин [370]. Заслуживают внимания в связи с этим и выдержки из работы по истории английского масонства Роберта Гульда, опубликованные в 1917 году в журнале "Море". "Согласно русским преданиям, - говорится здесь, - масонство в этой стране

возникло ранее Великой ложи Англии (1717), так как имеются серьезные данные, что Петр Великий был посвящен сэром Христофором Урэном и что еще до конца XVII столетия существовала ложа с Лефортом в должности управляющего мастера и Гордоном и Петром в качестве старшего и младшего надзирателей". Христофор Урэн или Врэн был главным смотрителем собора Святого Павла в Лондоне в 1698 году, то есть во время посещения Петром I Англии. Более того, в это время Христофор Врэн действительно был избран председателем лондонского общества каменщиков и, с этой точки зрения, полностью исключить возможность посвящения им русского царя в масонство в принципе нельзя. Другое дело, насколько серьезно сам Петр отнесся к этому гипотетическому событию. Что же касается Р.Гульда, то он относился к этой версии скептически [371].

Оно и понятно, так как документального обоснования версия о масонстве Петра не имеет. Но возникновение ее легко объяснимо. Дело в том, что российские масоны всегда считали себя (и не без оснований) прямыми продолжателями дела Петра Великого по перестройке России по западным образцам. Только Петр I стремился переустроить ее в экономическом и культурном отношении, в то время как братья-масоны мечтают переустроить ее в духовном плане [372].

Конечно, масоны в России во времена Петра I быть может и были, однако первое документальное упоминание о существовании масонской ложи в нашем Отечестве относится только к 1731 году в связи с назначением Великой ложей Англии капитана Джона Филипса Провинциальным Гроссмейстером для России [373].

В 1741 году его сменил новый гроссмейстер - генерал русской службы Джеймс (Яков) Кейт, очень скоро (1744), впрочем, навсегда покинувший Россию [374].

Но русскими эти ложи, состоявшие из подвизавшихся в Санкт-Петербурге англичан, были, конечно же, только по месту их работ. Никаких указаний на то, что среди масонов этих были русские люди, у нас нет [375].

Учитывая широкое распространение масонства в это время в Германии и засилье немецкого элемента в царствование Анны Иоановны, можно предположить существование в России того времени и немецких лож. Однако сведений о их деятельности не сохранилось.

Первые масонские ложи в России, как уже отмечалось, состояли из подвизавшихся в это время здесь иностранных специалистов и купцов. Такого же характера были, как можно предположить, и известные нам иностранные ложи Петербурга 1750-х - начала 1760-х гг.: "Скромности" (1750), "Постоянства" (1762), "Счастливого согласия" (1762) и другие [376].

Что касается масонских систем, по которым работали эти ложи, то едва ли они отличались от систем, по которым работали ложи в Англии, Франции и Германии.

Первой ложей, возникшей в России в XVIII веке автор уже упоминавшегося нами "Краткого очерка истории масонства в России" (1827), член петербургской ложи "К коронованному пеликану" Карл Л...р считал елагинскую ложу "Скромности" или "Молчаливости", возникшую в Санкт-Петербурге в 1768 году [377].

Однако А.Н.Пыпин счел возможным отнести ее возникновение к гораздо более раннему времени (1750 год) и считал иностранной [378].

В целом историю русского масонства XVIII века условно можно разделить на два периода. Первый из них (1731 - 1770-е гг.) - это период становления и укрепления масонских лож на русской почве. Само масонство в эти годы было скорее модой, чем потребностью определенной части русского общества. Преобладающим было масонство английское первых трех степеней. Второй период (конец 1770-х - 1780-е гг.) - это, безусловно, время расцвета русского масонства, господства в ложах мистики и повсеместного распространения так называемых рыцарских или высоких степеней: шведская система и розенкрейцерство.

Исключить, что наряду с иностранцами в петербургских ложах 1730-х - 1740-х гг. могли попадаться и отдельные представители русских родов, нельзя.

Однако согласно имеющимся источникам, первые посвящения русских людей в масонство произошли все же не в России, а за границей. Речь идет о показаниях в Тайной канцелярии действительного камергера при дворе императрицы Елизаветы Петровны графа Николая Александровича Головина - внука знаменитого фельдмаршала и генерал-адмирала петровского времениФедора Алексеевича Головина, взятых у него 22 февраля 1747 года. Дело в том, что за границей Николай Головин служил некоторое время волонтером прусской армии, и Елизавета Петровна заподозрила в нем агента прусского короля Фридриха II. Подозрения эти не подтвердились. В то же время Н.А.Головин показал, что вступил за границей в масонскую ложу и назвал среди известных ему масонов младшего брата фаворита императрицы графа Алексея Григорьевича Разумовского - Кирилла Разумовского, а также братьев Захара и Ивана Чернышовых. Посвящение их в заграничных ложах состоялось в 1741-1744 годах [379].

Из других источников выясняется, что масонами в 1740-е годы были также Г.В. фон Будберг, И.А. и Н.В.Корфы, Г.К.Миних, а возможно и ряд других лиц [380]. Но все это люди, пусть и состоявшие на русской службе, но вступившие в масонство за границей. О русских ложах, действующих в 1840-е годы непосредственно на территории нашего Отечества, сведений нет. Однако уже в следующем десятилетии русская масонская ложа в Санкт-Петербурге определенно существовала. Выясняется это из донесения Михаила Олсуфьева начальнику тайной канцелярии времен Елизаветы Петровны графу Александру Ивановичу Шувалову. Документ не датирован. Современный исследователь С.П.Карпачев относит его появление к концу 1740-х годов [381].

Но как определил еще М.Н.Лонгинов, относить его, скорее всего, следует к 1756 году [382].

Интересен же этот документ для нас тем, что речь здесь идет, на этот раз, не о масонах-иностранцах, а уже о собственно русских "братьях", посвященных в регулярно собиравшейся в Петербурге масонской ложе. Михаил Олсуфьев был настолько откровенен, что назвал практически всех известных ему масонов этой ложи - всего 35 человек. Среди них: сенатор Роман Илларионович Воронцов (отец известной Екатерины Дашковой), будущие историки Михаил Щербатов и Иван Болтин, поэт Александр Сумароков, а также другие офицеры кадетского корпуса, Преображенского и Семеновского гвардейских полков: князья Михаил Дашков, Сергей Трубецкой, Семен Мещерский, трое князей (Владимир, Алексей, Федор) Голицыных, капитан Петр Мелиссино, сержант Сергей Пушкин, а также Федор Мамонов, Петр Бутурлин и другие. Характерно, что помимо дворянства были среди этих первых наших масонов и представители других сословий: 4 музыканта, один купец и один танцмейстер, некий Пеле [383].

Руководил же ложей в начале 1760-х годов уже известный нам "гранмэтр" конференц-министр граф Роман Илларионович Воронцов.

Согласно сведениям источников, это было типичное французское масонство шотландской системы со всеми присущими ему атрибутами в виде мертвой головы в ложе, обнаженной шпаги, на которой должен был приносить клятву посвящаемый, проколами груди циркулем с истечением крови, приложением "Соломоновой печати" на левое плечо, троекратным поцелуем левой ноги мастера и прочими атрибутами рыцарских степеней. "Палата (ложа - Б.В.), - показывал М.Олсуфьев, - обита черным сукном и по оному сукну на стенах раскинуты цветы белые во образе звездам, и посреди оной палаты поставлен стол под черным сукном, и на оном столе лежит мертвая голова и обнаженная шпага с заряженным пистолетом ... и оная мертвая голова, вделанная на пружинах, имеет движение".

Что касается неофита, то перед обрядом посвящения с него в обязательном порядке снимали одежду и отбирали металлические вещи, разували правую ногу и, сняв рукав рубахи с левой руки, завязывали глаза. Затем следовали вопросы, после чего его под обнаженными шпагами вводили наконец в ложу, где на покрытом пунцовым бархатом

столе лежали шпага и циркуль. На полу же, как обычно в таких случаях, лежал масонский ковер, вокруг которого и толпились братья-масоны.

Наиболее ответственной частью обряда была церемония "трех мытарств", как символическое напоминание братьям о трех ударах, которыми якобы был убит Адонирам, и масонская присяга с приложением "печати Соломоновой" к левому плечу посвящаемого. Несомненно волнующим моментом посвящения являлся и прокол ему груди циркулем. "И потом, - отмечал М.Олсуфьев, - циркулем проколов грудь, сам стирает текущую кровь платком". Наконец, с посвящаемого снимали повязку с глаз, он целовал "гранд-мэтру" левую ногу три раза, после чего церемония считалась оконченной и новоиспеченному масону оставалось только принимать поздравления [384]. Проводником французского масонства в 1750-е годы в России был Генрих Чуди - швейцарец, личный секретарь И.И.Шувалова, ритор одной из французских лож в Санкт-Петербурге (1760 г.) [385].

Прямо надо сказать: первые русские масоны были далеки от высоких и благородных целей, декларируемых вольными каменщиками, и преуспели, главным образом, в том, что умели, как свидетельствовал масон тех лет И.П.Елагин, "при торжественной вечере за трапезой несогласным воплем непотребные реветь песни и на счет ближнего хорошим упиваться вином" [386].

Тот же И.П.Елагин чистосердечно признавался, что вступил в орден в молодые годы, движим исключительно тщеславием и любопытством. "При том и мнимое равенство, честолюбию и гордости человека ласкающее, более и более в сем собрании меня привлекало, да и хотя на самое краткое время буду равным власти, иногда и судьбою нашею управляющей. Содействовала к тому и лестная надежда, не могу ли через братство достать в вельможах покровителей и друзей, могущих спопешествовать счастью моему" [387].

Что касается императрицы Елизаветы Петровны, то она, будучи натурой глубоко православной, к масонам относилась безусловно отрицательно, хотя из-за высоких покровителей (И.И.Шувалов, К.Г.Разумовский) каким-либо преследованиям их и не подвергала.

Преемник Елизаветы Петровны Петр III уже и шагу не мог ступить без совета "братьев", усилиями которых и объясняется прогрессивная деятельность этого государя при всей ничтожности его как государственного человека. К 1762 году относится упоминание об иностранной, скорее всего немецкой ложе "Постоянство", которой Петр III подарил дом под масонские собрания. Впрочем, это могла быть и ложа "Счастливого согласия, обратившаяся 15 декабря 1762 года в берлинскую ложу "Трех глобусов" с прошением о признании. Сам Петр III, судя по всему, был масоном. Из иностранных источников известно, что он якобы собирал масонов у себя в Ораниенбауме [388].

Одним из активнейших масонов этого времени был личный секретарь Петра III Дмитрий Васильевич Волков, перу которого, собственно, и принадлежат знаменитые указы императора "О вольности дворянства" и об уничтожении Тайной канцелярии (1762 г.) [389].

Сумасбродный и вечно пьяный император, очевидно, не вполне удовлетворял братьев-масонов. Недовольны были им и более широкие дворянские круги. Фактическим организатором переворота 28 июня 1762 года был масон Никита Иванович Панин.

Масонами были и многие другие участники низвержения Петра III, в том числе и тогдашний фаворит Екатерины Алексеевны Григорий Орлов [390].

Кроме того, Н.И.Панин сумел привлечь в ряды своих сторонников К.Г.Разумовского, М.Н.Волконского и ряд других офицеров. Цель переворота - провозглашение императором Павла Петровича при регентстве Екатерины II. Что касается Григория Орлова и трех его братьев "со товарищи", а также Е.Р.Дашковой, то они были непосредственными исполнителями переворота.

Екатерина II, отмечает современный историк Олег Соловьев, пришла к власти при помощи аристократической группировки (Н.И.Панин), орудием которой являлись в это время масоны [391]. Это-то и предопределило благожелательное на первых порах отношение к масонам со стороны государыни.

Сама Екатерина II активно прокламировала в эти годы политику просвещенного абсолютизма, и готовность масонов горячо откликнуться на ее либеральные начинания была ей как нельзя кстати. И действительно, масоны той поры успешно использовали открывшиеся перед ними возможности. Они активно участвовали в работе Уложенной комиссии 1767 года, организации и деятельности Вольного экономического общества (1765 г.), других начинаний императрицы либерального толка. Благожелательное отношение к масонам Екатерины II не изменилось даже после того, как в декабре 1762 года Н.И.Панин представил ей проект манифеста об учреждении Императорского совета, отчасти ограничивавшего ее самодержавную власть [392]. После некоторой заминки государыня решительно отклонила проект Панина. Не насторожило Екатерину II даже обнаружение во время следствия по делу Василия Мировича, пытавшегося освободить бывшего императора Иоанна Антоновича из Шлиссельбургской крепости (1764 г.), у брата его сообщника Аполлона Ушакова - Василия - масонских бумаг [393].

Обстановка для распространения масонских лож в России была в это время благоприятной. Уже в 1762 году в Петербурге была открыта ложа "Счастливого согласия", а в 1765 дело дошло даже до учреждения здесь рыцарского тамплиерского капитула системы "строгого наблюдения" во главе с немецким купцом Людером.

Среди членов этого масонского сообщества - генералы И.Н.Болтин, Н .М.Бороздин, граф А.А.Брюс, А.К.Разумовский, А.С.Строганов, князья Ю.В.Долгорукий, Г.П.Гагарин, А.Б.Куракин, М.М.Щербатов и другие. В политическом плане почти все они принадлежали к аристократической группировке братьев Паниных [394].

Широкого распространения система "строгого наблюдения" в России, однако, не получила, и уже к началу 1770-х годов заглохла. Не получил здесь заметного распространения и так называемый клерикат - полукатолический обряд тамплиерской системы доктора И.А.Штарка (1768 г.) во главе с капитулом "Феникса" [395].

Упоминают источники и о ложе "Истинного постоянства" некоего Селлина. Масонов в 1760-е годы в России было уже немало, причем не только в Петербурге, но и в ряде других городов, в том числе и в далеком Архангельске - ложа "Святой Екатерины" (1766 г.) [396]. К 1765 году относится и появление собственно русской системы высших степеней.

Основал ее младший брат куратора Московского университета артиллерийский генерал из греков Петр Иванович Мелиссино (1724-1792). Председательствовал он и в петербургской ложе "Марс" (1774 г.). Широкого распространения эта система, в которой насчитывалось 7 степеней посвящения, однако не нашла [397]. В 1777 году П.И.Мелиссино тихо присоединился к союзу лож так называемой Циннендорфской системы. Возглавляемая же лично им ложа "Скромности" просуществовала вплоть до своего закрытия в 1782 году [398].

Эпоха 1750-х - 1760-х годов - это, собственно говоря, еще только предыстория русского масонства, когда для русских людей оно было еще не более чем модной забавой. Каких-либо общественных потребностей в масонском "свете" в высшем слое русского общества тогда еще не сформировалось и в ложи, по свидетельству уже упоминавшегося И.П.Елагина, молодых людей из знатных фамилий влекло любопытство, тщеславие и желание использовать масонские связи для более успешного продвижения по службе [399]. Всего за период с 1750 по 1770 годы зафиксировано 17 лож, главным образом в Петербурге, Москве, а также по одной ложе в Митаве, Риге и Архангельске [400].

Если исходить в среднем из цифры 20 человек на одну ложу, то получается всего 340 братьев. Это еще совсем немного.

Настоящая история русского масонства начинается только с 1770-х годов с внедрением в него Елагинской и Циннендорфской (Берлинско-Шведской) систем.

Ведущую роль среди русских масонов этого времени играл уже неоднократно упоминавшийся Иван Перфильевич Елагин (1725-1794). Писатель, сенатор, управляющий императорскими театрами (1766-1779), он был, в то же время, и одним из самых деятельных пропагандистов вольного каменщичества в нашем отечестве [401]. 22 мая 1770 года в Петербурге была открыта Великая Провинциальная ложа России, работавшая по системе трех иоанновских степеней и имевшая непосредственную связь с берлинской ложей "Ройял Йорк" - филиалом Великой ложи Англии в Пруссии. Неудовлетворенность Ивана Перфильевича Елагина, как главы нового масонского центра, тем, что ему приходилось общаться с Великой ложей Англии через берлинских посредников привела к тому, что в результате непосредственных переговоров его посланца В.И.Лукина с главой Великой ложи Англии де Бофором уже 26 февраля 1772 года на имя И.П.Елагина был оформлен официальный масонский патент, согласно которому он провозглашался великим мастером Провинциальной ложи России и обязывался давать ежегодный отчет в Лондон о проделанной работе и даже пересылать туда денежные взносы [402]. Кроме самого И.П.Елагина в возглавляемую им Великую Провинциальную ложу в Санкт-Петербурге входили такие известные в то время масоны, как граф Р.И.Воронцов (наместник-мастер), генерал-майор А.Л.Щербачев, князь И.В.Несвицкий и другие.

В общественно-политическом плане елагинские ложи 1770-х годов представляли собой умеренно-либеральное направление в русском масонстве. Консервативная линия обозначилась в нем не ранее начала уже следующего десятилетия. Это были ложи так называемой шведской рыцарской системы и розенкрейцеры. Что же касается елагинских лож, то они работали на основании своего устава "Права, преимущества и обряды Главной провинциальной ложи". Всего под ее управлением в первой половине 70-х годов XVIII века насчитывалось 14 лож:

"Муз" (мастер И.П.Елагин), "Урании" (мастер В.И.Лукин), "Беллоны" (И.В.Несвицкий), "Астреи" (Я.Ф.Дубянский), "Марса" (Яссы, мастер П.И.Мелиссино), "Минервы" (барон Гартенберг), а также "Скромности" (Санкт-Петербург), "Клио" (Москва), "Талии" (Москва-Полоцк), "Равенства" (Москва-Петербург), "Екатерины" и "Трех подпор" (Архангельск), "Эрато" (Петербург) и ложа под управлением Р.И.Воронцова во Владимире [403]. В одну из петербургских лож елагинского союза - "Астрею" - вступил в 1775 году известный впоследствии просветитель и масон Николай Иванович Новиков [404].

Общее число членов елагинских лож едва ли превышало, согласно современным оценкам, 400 человек [405].

Все обряды и ритуал, которых придерживались братья елагинских лож, были заимствованы из Англии. Сам И.П.Елагин, как уже отмечалось, ежегодно посылал в Лондон свои отчеты великому гроссмейстеру Великой ложи Англии и вступительные взносы. Устав союза исходил из масонской конституции Джеймса Андерсона.

Но сколько-нибудь серьезной работы в ложах И.П.Елагина все же не велось.

Как вспоминал позже Н.И.Новиков, "собирались, принимали, ужинали и веселились; принимали всякого без разбору, говорили много, а знали мало" [406].

К такому же выводу пришел в свое время и Г.В.Вернадский, по заключению которого елагинские ложи зачастую играли роль своеобразных дворянских клубов этого времени [407].

А между тем в это же время в Петербурге наряду с ложами И.П.Елагина росли и множились ложи другого, враждебного ему масонского союза во главе с гвардейским генерал-аудитором немцем бароном П.-Б.Рейхелем, работавшие по системе так называемых рыцарских степеней. Мода на них пришла в Россию из Германии. Приехавший оттуда 12 марта 1771 года бывший гофмейстер двора принца Брауншвейгского П.-Б.Рейхель учредил в том же году в Санкт-Петербурге ложу

"Аполлона" Циннендорфской (Шведско-Берлинской) системы, известной в литературе как система "слабого наблюдения". Успех этой системы был обеспечен тем, что в отличие от так называемой шведской системы "строгого наблюдения", дисциплине в ложах этого нового союза и, что самое главное, внешним блеску и пышности высоких степеней не придавалось сколько-нибудь серьезного значения.

Все свое внимание братья, придерживавшиеся системы "слабого наблюдения", сосредотачивали на вопросах нравственного порядка и морального самоусовершенствования.

На первых порах членами ложи П.-Б.Рейхеля были иностранцы. Сама ложа, впрочем, под своим первоначальным названием "Аполлон" просуществовала недолго и уже в 1773 году была закрыта. Взамен нее здесь было учреждено новое братство - ложа "Гарпократа" под управлением Николая Трубецкого. Большинство ее членов были уже природные русские. В 1774 году возобновила свою деятельность и ложа "Аполлона", а также открылось еще 5 новых лож. К началу 1776 года под руководством П.-Б.Рейхеля было уже целых 8 лож: "Аполлона" (Санкт-Петербург), "Гарпократа" (Санкт-Петербург), "Аполлона" (Рига), "Изиды" (Ревель), "Горусы" (Санкт-Петербург), "Латоны" (Санкт-Петербург), "Немезиды" (Санкт-Петербург) и "Озириса" (Санкт-Петербург - Москва).

Началось буквально повальное бегство масонов от И.П.Елагина к П.-Б.Рейхелю.

Особенно большое впечатление произвела на братьев "измена" своему великому мастеру елагинской ложи "Астрея" 22 марта 1776 года, члены которой практически в полном составе перешли к П.-Б.Рейхелю. "Закрыли ее все, и членство все братья с себя отдали и свечи погасили ... Когда закрывали "Астрею", - свидетельствовал масон А.Я.Ильин, - то в самое то время очень было жалко, так что у меня навернулись слезы" [408].

Положение рейхелевских лож, тем не менее, было не из легких. Дело в том, что берлинское масонское начальство П.-Б.Рейхеля по соглашению с Великой ложей Англии совершенно неожиданно отказалось от своего детища. Да и конкурировать с елагинскими ложами, пользовавшимися негласной поддержкой императрицы, П.-Б.Рейхелю было опасно. С другой стороны, и И.П.Елагин, видя, что все симпатии братьев целиком и полностью на стороне системы П.-Б.Рейхеля, вынужден был перейти к политике маневрирования. Закончилась она тем, что 3 сентября 1776 года обе системы объединились в одну, причем И.П.Елагину пришлось отказаться от английской системы трех степеней и перевести работы возглавляемых им лож по шведско-берлинским или рейхелевским актам. Со своей стороны, и П.-Б.Рейхелю тоже пришлось уступить, и немало, так как великим мастером новой Великой провинциальной ложи был провозглашен И.П.Елагин. Всего этот второй елагинский союз объединял 23 ложи (Г.В.Вернадский, правда, дает другую цифру - 18 [409], но принципиального значения эти расхождения, конечно же, не имеют). Это были 10 бывших елагинских и 5 бывших рейхелевских лож, относительно систем еще 8 лож, примкнувших к новому союзу, точных данных не имеется [410].

Великим провинциальным мастером в этом масонском объединении стал, как уже отмечалось, И.П.Елагин, наместным великим мастером - граф Никита Иванович Панин. Среди других руководителей Великой провинциальной ложи: генерал-лейтенант П.И.Мелиссино, генерал П.Бутурлин, барон В.Ф.Унгерн-Штернберг. Ложи этого союза стали называться теперь соединенными. Впрочем, мир в этом соединенном масонском семействе продолжался, как и следовало ожидать, недолго. Недовольный И.П.Елагиным П.-Б.Рейхель фактически устранился от участия в орденской работе. Недоволен был и князь Н.Н.Трубецкой. Воспользовавшись своим переездом в Москву, он не только перенес туда из Петербурга свою собственную ложу "Озирис", но и тесно с нею связанные ложи "Изиды" и "Латоны". Неудивительно поэтому, что уже в 1777 году начинаются переговоры оппозиционно настроенных к И.П.Елагину братьев с Великой шведской

ложей на предмет введения у нас шведской системы и основания в России Великой провинциальной ложи шведского обряда.

В стороне от елагинско-рейхелевского союза остались ложа "Аполлона" во главе с Георгием Розенбергом (Санкт-Петербург), а также ложи "Аполлона" (Рига) и "Марса" (Яссы). Что же касается масонского союза во главе с И.П.Елагиным, то они проработали до 1784 года, когда, якобы по собственному побуждению своего провинциального гроссмейстера (а фактически, надо полагать, по негласному повелению императрицы), и с согласия членов лож, деятельность их была временно приостановлена и возобновилась только в 1786 году.

Автор "Краткой истории русского масонства" Карл Л...р подчеркивает, что работы были приостановлены "без приказания со стороны высшего начальства", однако дальнейший его пассаж о полученной якобы И.П.Елагиным благодарности императрицы за добросовестность членов ордена, избегающих всякого сношения с заграничным масонами [411], показывает, что временная приостановка в деятельности второго елагинского союза была вызвана все же высочайшим пожеланием.

Работы елагинских лож возобновились, как уже отмечалось, в 1786 году. Но характер их уже принципиально отличался от прежней деятельности 1770-х - начала 1780-х годов. В основу этого фактически уже нового, третьего елагинского союза его основатель положил разработанную им программу, известную по его сочинению "Учение древнего любомудрия", которое удивительно напоминает нам духовные и мистические искания розенкрейцеров: Талмуд, тайна чисел, таинственные зефироты, стихии и прочее [412].

Впрочем, И.П.Елагин уже давно имел склонность к мистицизму. Во всяком случае именно он, а не кто-либо другой приютил в конце 1779 - начале 1780 года у себя в доме знаменитого в то время мага Александра Калиостро (1743-1795) во время его спиритических сеансов в Санкт-Петербурге [413].

"Основные понятия масонства английской системы, конечно, должны были затеряться среди таких занятий алхимической мудростью и еврейской каббалистикой. Елагин бродил здесь как в лесу", - справедливо писал об этом увлечении Ивана Перфильевича А.Н.Пыпин [414]. В конце 1780-х годов этот, уже третий елагинский союз влачил жалкое существование и в 1792-1793 гг. в связи с делом Н.И.Новикова тихо прекратил свое существование.

Особой популярностью у русских братьев конца 1770-х - начала 1780-х годов пользовались ложи так называемой шведской системы "строгого наблюдения".

Рыцарско-христианский характер и торжественно-пышная обрядность шведского масонства не могли не импонировать представителям русской аристократии.

Ценную услугу русским масонам оказал в этом смысле друг детства цесаревича Павла Петровича князь Александр Борисович Куракин. Дело в том, что отправленный в 1776 году Екатериной II в Стокгольм (другим членом посольства был князь Г.П.Гагарин (1745-1808)), А.Б.Куракин имел в то же время и тайное поручение от своего родственника Петра Ивановича Панина, только что избранного (1776 г.) заместителем И.П.Елагина, суть которого состояла в том, чтобы, войдя в непосредственное сношение с руководством Великой ложи Швеции, получить от нее учредительные документы на открытие лож этой системы в России. А.Б.Куракин вполне справился со своим спецпоручением. В Стокгольме он не только был принят главой ордена "Соломонова храма" братом шведского короля Густава III принцем Карлом Зюдерманландским, но и получил вместе с Г.П.Гагариным посвящение в один из самых высоких "градусов" в ордене, дающий его обладателю право самостоятельного посвящения братьев в младшие степени.

В Санкт-Петербурге А.Б.Куракин возвратился в 1777 году уже с учредительной грамотой (конституция) от Великого Стокгольмского капитула на право открытия здесь Великой главноуправляющей ложи шведской системы строгого наблюдения - капитула

"Феникса". Официальное открытие его произошло в феврале 1778 года. А провинциальная ложа была учреждена и того позже - в 1779 году.

Г.В.Вернадский связывал некоторую заминку с укоренением шведского масонства на русской почве с желанием руководителя шведского ордена Карла Зюдерманландского присоединить к нему всех русских масонов, в том числе и объединившихся в это время вокруг Великой провинциальной ложи во главе с И.П.Елагиным.

Возможно, это бы и произошло. Однако холодное отношение к шведскому масонству со стороны Екатерины II, которое не могло не быть известно И.П.Елагину, привело к тому, что он вынужден был ответить решительным отказом на лестное предложение.

В результате стокгольмская ложа решила обойтись без И.П.Елагина и его провинциального союза. 10 апреля 1778 года префектом русского капитула вместо отказавшегося от этой должности И.П.Елагина стал Г.П.Гагарин. А уже 22 декабря 1778 года произошло официальное открытие первой ложи шведской системы - "Феникс" [415]. Членами капитула стали такие "просветленные" братья, как И.В.Бебер, М.С.Бороздин, Г.П.Гагарин, И.А.Дмитриевский, В.В. и Ю.В.Долгоруковы, А.Я.Ильин, Б.А.Загряжский, А.Б.Куракин, И.В.Несвицкий, А.А.Ржевский, О.М.Дерибас, А.Ф.Сабуров, П.Соймонов, Ф.П.Фрез, А.Н. и А.С.Строгановы, А.Н.Щепотьев. Каждый из них должен был иметь дворянскую родословную в 16 коленах и по крайней мере в 4 последних не смешивать свою кровь с маврами, турками и иудеями [416].

Официальное название новой масонской структуры, в которую вошли русские братья - "Священный орден храма Иерусалимского". В 1778 году между русскими и шведскими масонами было заключено соглашение, по которому капитул "Феникса" должен был безусловно подчиняться верховному шведскому масонскому правлению - Великому Стокгольмскому капитулу. В России же капитул "Феникса" должен был играть роль некоего тайного масонского правления для лож шведской системы, официальным прикрытием которому как раз и должна была служить учрежденная в 1779 году Великая провинциальная ложа в Санкт-Петербурге во главе с князем Г.П.Гагариным. Открытие ее состоялось 25 мая 1779 года [417].

Но и этого масонам показалось мало, и в дополнение к двум уже существующим масонским структурам решено было добавить третью. 5 мая 1780 года была учреждена еще и так называемая Директория или Совет Великой национальной ложи в Санкт-Петербурге, в ведение которой входило поддержание связей между ложами и собственный масонский суд для братьев. Характерно, что в целях конспирации члены Директории имели двойные имена: под одними они были известны только избранным братьям, под другими – всей вольнокаменщической толпе [418]. Инструкцию для Директории подписал 9 июля 1780 года сам герцог Карл Зюдерманландский. Из нее, в частности, следует, что подлинная власть над русскими братьями сосредотачивалась в его руках, как великого провинциального мастера Ордена Соломонова храма [419].

Еще в 1777 году Петербург посетил шведский король. Русские масоны торжественно чествовали своего "брата" в ложе "Аполлона". Ходили даже слухи, что в это время состоялось посвящение в вольные каменщики наследника престола Павла Петровича [420]. Не следует забывать, что все эти лица: Панин, Куракин, Гагарин - были не только родственниками, но и, в то же время, как никто другой, были близки наследнику престола.

Все это не могло не насторожить подозрительную императрицу. Особенно когда стало известно, что в 1780 году герцог Зюдерманландский организовал так называемую 9-ю провинцию своего масонского ордена, куда помимо Швеции ничтоже сумняшеся включил и Россию. Таким образом, "вопреки их воле" русские масоны были поставлены в прямую зависимость от наследника шведского престола.

Это, прямо надо сказать, ненормальное положение продолжалось вплоть до 1782 года, когда в соответствии с решением Вильгельмсбадского конгресса (шведские масоны

его проигнорировали) Россия была признана самостояльной 8-й масонской провинцией или державой.

Свое происхождение шведские братья вели от рыцарей Храма или тамплиеров XI-XIII веков. И "система" их представляла собой весьма искусное соединение символического иоанновского масонства первых трех степеней с храмовничеством и розенкрейцерством. От иоанновского масонства они унаследовали, прежде всего, масонскую идею золотого века "Астреи". Храмовничество придало их системе внешний блеск, красоту одежд и пышность обрядов. Важным элементом шведской системы, также унаследованным ею от храмовников, стала идея беспощадной борьбы с врагами христианства. Наконец, розенкрейцерство придавало работе лож шведской системы таинственность и ярко выраженный мистический характер (теософия, пиэтизм, алхимия). В целом же шведская система носила ярко выраженный авторитарный характер и держалась на исключительной преданности братьев-рыцарей своим начальникам и беспрекословным подчинении младших лож ложам старшим.

Что касается степеней посвящения, то их у шведских братьев было 10: иоанновские первые три, андреевские или шотландские 4-я и 5-я, рыцарские (6-я - 9-я). 10-ю степень составляли братья Розового креста (просветленный капитул), членами которого могли быть лишь потомственные дворяне, насчитывающие не менее 4 поколений своих предков-дворян [421].

Вот как описывает помещение капитула "Феникса" и обряд посвящения в ложах шведской системы Т.О.Соколовская. "В золотых трехсвечниках и семисвечниках горят высокие восковые свечи; в средоточии капитула на месте верующих находится 81 свеча. Кроваво-красными тканями сплошь затянуты стены; красное сукно на полу; на четверо по диагонали андреевским крестом рассечено оно зелеными полосами. На востоке семь крутых ступеней ведут к жертвеннику и трону Префекта ... На жертвеннике - высеченный из камня гроб с изображением последнего гроссмейстера ордена тамплиеров Жака Молэ в орденском одеянии ... Слева от жертвенника висит походное знамя. Оно красное, с белым крестом ... Посреди зала черная виселица с подвешенным большим золотым крестом храмовников; у подножия разостлан черный гробовой покров ... Звоном мечей открывается капитул. Великий префект ударяет трижды молотком о жертвенник ... Капитул объявляется открытым и все рыцари скрещивают руки на груди - обычный знак верности рыцарей храма. Все рыцари в белых шерстяных плащах с красным восьмиконечным нагрудным крестом, в красношелковых поясах, в ботфортах со шпорами, в белых шляпах с красными кокардами и белыми перьями, в белых лайковых перчатках с красным крестом, нашейные ленты, нашейные цепи - все эти предметы указывают на различные степени посвящения братьев. У всех у них в руках мечи, длинные, обоюдоострые, с изображением короны и креста на рукояти. Наконец префект занимает свое место и раскрывает Библию на 21-й главе Откровения Святого Иоанна; обнаженный меч свой кладет он на раскрытые листы святой книги.

- Просвещенные братья, блюстители Храма, который час? - вопрошает великий префект.

- Солнце правды сияет на Востоке, - раздается в ответ.

Невидимый хор с воодушевлением поет масонский гимн "Коль славен Господь в Сионе". Скрестив руки на груди, братья преклоняют колени. Начинается молитва, после чего префект провозглашает открытие капитула" [422].

Сложный и таинственный обряд посвящения, пышный ритуал, богатые одежды братьев, великолепное убранство капитула и, что самое важное, подчеркнуто христианский характер ордена (духовное рыцарство) - все это обеспечило определенный успех шведской системы в России. Уже к маю 1780 года общее число лож шведской системы (или Гагаринского союза, как ее еще называли) достигло четырнадцати [423]. Шесть из них ("Аполлона", "Феникса", "Святого Александра", "Пылающей звезды", "Благотворительности" и "Горуса") располагались в Петербурге. Четыре ("Озириса", "Трех мечей",

Трех добродетелей" и "Аписа") - в Москве. Наконец по одной ложе удалось организовать в Ревеле ("Трех секир"), Кронштадте ("Нептуна"), Кинбурне (военная ложа) и в Пензе.

Борьба с вольнодумством и восстановление ордена храмовников XII века - вот какие задачи ставились перед российскими братьями-рыцарями. Первыми работниками на этом поприще стали представители знатнейших тогдашних русских фамилий: князья Гагарины, графы Апраксины, Шуваловы, князья Долгорукие, Куракины, Репнины, граф А.С.Строганов, граф А.И.Мусин-Пушкин и др. Г.В.Вернадский насчитал в свое время 17 масонских лож шведской системы на 1780 год, то есть год наибольших ее успехов в России [424].

Согласно новейшим разысканиям число их может быть увеличено до 21. Большинство располагалось в Петербурге: "Святого Александра" (мастера стула А.Б.Куракин и А.М.Карамышев), "Аполлона" (мастер стула Г.Розенберг), "Благотворительности к Пеликану" (мастера стула И.В.Бебер и Ф.П.Фрез), "Дубовой долины" (Ф.П.Фрез), "Пламенеющей звезды" (А.Ф.Сабуров), "Изиды" (Н.Н.Трубецкой). В Москве находились ложи: "Апис" (мастера стула Ю.В.Долгоруков и Г.П.Гагарин), "Латоны" (Н.И.Новиков), "Сфинкса" (Г.П.Гагарин), "Озириса" (Н.Н.Трубецкой), "Три меча" (Х.Ф.Маттеи), "Трех христианских добродетелей" (А.Я.Ильин). Кроме того, существовали масонские ложи шведской системы еще и в Кинбурне (мастер стула князь Н.В.Репнин), Кронштадте ("Нептун", мастера стула А.Г.Свиридов, С.К.Грейг, Х.И.Цубер), Митаве ("Три венчанных меча"), а также ложи в Нижнем Новгороде ("Совершенного согласия"), Казани и Пензе [425]. Активное участие в шведских ложах принимали в это время такие впоследствии известные масоны-розенкрейцеры, как И.А.Поздеев, Г.М.Походяшин, Н.Н.Трубецкой.

Успех шведской системы в России не был, однако, достаточно прочным.

Дело в том, что интерес и внимание шведских начальников ордена к России и русским преследовал не только и не столько масонские, сколько далеко идущие политические цели - упрочение братского союза знатного дворянства двух стран на основе вольнокаменщических идей. Где тут была, как говорится, "собака зарыта" - становится ясно, как только мы вспомним, что вся деятельность "Капитула Феникса" в Петербурге направлялась и контролировалась главой Стокгольмского великого капитула, братом шведского короля, генеральным визитатором и главным герольдмейстером "Священного Ордена Храма Иерусалимского", великим провинциальным мастером Швеции и России герцогом Карлом Зюдерманландским.

Швеция в это время готовилась к войне с Россией и не воспользоваться в связи с этим масонскими каналами в России было бы просто грешно.

Близость А.Б.Куракина к Павлу Петровичу и тесные связи новоявленных рыцарей "Священного Ордена Храма Иерусалимского" с их шведскими начальниками - врагами России, насторожили Екатерину II, и уже в 1781 году она распорядилась о негласной приостановке деятельности шведских лож [426].

А.Б.Куракин в 1782 году был выслан в свою саратовскую деревню. Что касается князя Г.П.Гагарина, то его еще в 1781 году перевели по указанию императрицы на службу в Москву. Здесь вокруг возглавляемой им ложи "Сфинкса" и сосредотачивалось в начале 1780-х годов шведское масонство, полностью независимое, впрочем, после Вильгельмсбадского масонского конгресса (1782 год) от Стокгольма.

В Петербурге же братья группировались, главным образом, вокруг ложи "Пеликан" [427].

Одним из наиболее принципиальных решений Вильгельмсбадского масонского конгресса стал факт признания того, что масонский орден гораздо старше храмовничества и история его теряется в веках. Шведские братья, которые вели свое происхождение именно от храмовников XII века, решения конгресса не признали, поставив себя тем самым вне мирового масонского сообщества.

Однако русские адепты шведских лож не поддержали своих шведских братьев и после окончания Вильгельмсбадского конгресса, объявившего Россию самостоятельной масонской державой (8-я провинция ордена), Г.П.Гагарин формально порвал со своим шведским начальством и пустился, так сказать, в автономное плавание, образовав в Москве собственную провинциальную ложу. Другая часть братьев - ложи "К коронованному пеликану" (Петербург) и "Нептун" (Кронштадт) - предпочла, тем не менее, сохранить верность Стокгольмскому капитулу.

Русско-шведская война 1788-1790 гг. резко осложнила положение "шведских" масонов в России. Дело в том, что главнокомандующий русской эскадрой на Балтике адмирал С.К.Грейг являлся, в то же время, и управляющим мастером ложи "Нептун", работавшей на корабле "Ростислав". По масонской линии С.К.Грейг непосредственно подчинялся врагу России - герцогу Карлу Зюдерманландскому, которому, по иронии судьбы, также было поручено в это время командовать шведским флотом. Тем не менее, как пишет Т.О.Соколовская: "Грейг и все масоны-моряки выказали себя верными россиянами и покрыли славой свои имена" [428].

6(17) июля 1788 года русская эскадра под командованием адмирала С.К.Грейга в ожесточенном Гогландском морском сражении сумела-таки нанести существенный урон шведскому флоту и заставила его уйти в Свеаборг. Верность присяге и выказанная С.К.Грейгом храбрость во время этой баталии не помешали ему, впрочем, состоять в тайной переписке с Карлом Зюдерманландским. Более того, стремясь как масон несколько смягчить свирепость войны, С.К.Грейг даже запретил во время уже упоминавшего Гогландского морского сражения отвечать на обстрел наших кораблей шведами, горючими ядрами, несмотря на то, что у него самого на корабле паруса трижды загорались от неприятельских снарядов.

Горючие ядра, пояснял С.К.Грейг, предназначены для действительно "бесчеловечного неприятеля" - турок, а не для человечных шведов [429].

Заслуживает внимания и своеобразная реакция уже известного нам масона князя Н.Н.Трубецкого на известие о долгожданном мире со Швецией. Получив его, по свидетельству очевидцев, он плакал "как баба", радуясь прекращению кровопролития между шведскими и русскими "братьями".

Из шведских лож, продолжавших свои работы в России, к 1788 году осталось всего пять: "Аполлона", "Святого Александра", "Дубовой долины", "Пе ликана"- все в Петербурге, и "Нептуна" (Кронштадт) [430].

Ложи "Нептуна" и "Аполлона" были закрыты в конце 1788 года по личному распоряжению императрицы в связи с организацией масонами траурной ложи памяти адмирала С.К.Грейга (умер в октябре 1788 года). В 1793 году в связи с делом Н.И.Новикова дошла, наконец, очередь и до елагинских лож, которые также были закрыты в это время по негласному распоряжению императрицы.

Подводя итог деятельности елагинских, рейхелевских и шведских масонских лож в России в 1770-х - 1780-х гг. можно констатировать, что, несмотря на внушительный размах движения, сколько-нибудь заметного следа в истории русской культуры, просвещения или общественной мысли их деятельность не оставила, да и едва ли могла оставить при той постановке дела, которая была характерна для этих масонских сообществ и при тех лидерах, которые их возглавляли. Совсем в другом ключе развивалась в эти годы деятельность другого, во многом отличающегося от них масонского сообщества – ордена розенкрейцеров.

Глава 5. Н.И.Новиков, И.-Г.Шварц и образование Ордена розенкрейцеров в Москве

Уже к началу 1780-х годов стало ясно, что время преобладающей роли Петербурга в русском масонстве прошло. Признанным центром вольного каменщичества в России в 80-е годы XVIII века была уже Москва. Именно Москва, или, правильнее сказать, особая, отличающаяся от казенного Петербурга, более свободная московская духовная атмосфера как раз и помогла вдохнуть в уже угасавшие вследствие очевидной пустоты их занятий русские масонские ложи новые силы.

Речь идет о московских розенкрейцерах, или мартинистах, как их еще называли.

Как и близкие к ним по духу адепты других масонских систем, цель свою московские розенкрейцеры видели, прежде всего, в собственной внутренней духовной работе, заключающейся в познании Бога через познание натуры и себя самого по стопам христианского вероучения [431].

Однако реальная, практическая деятельность розенкрейцеров 1780-х годов была связана не столько с их моральным самоусовершенствованием, сколько с усилиями братьев, направленными (прежде всего, путем массового издания книг и журналов) на просвещение русского общества и возбуждение в нем широких умственных интересов. Огромную роль в этом повороте сыграл выдающийся русский просветитель второй половины XVIII века Николай Иванович Новиков. Родился он 27 апреля 1744 года в селе Авдотьино (Тихвинское) Коломенского (позже Бронницкого) уезда Московской губернии в семье небогатого помещика. Есть известия (Г.В.Вернадский считает его, впрочем, сомнительным [432]) о пребывании Н.И.Новикова некоторое время в гимназии при Академическом университете в Санкт-Петербурге. В конце 1750-х годов Н.И.Новиков был определен в дворянскую гимназию при Московском университете. Однако закончить ее ему так и не удалось, и в 1760 году он был отчислен "за леность и нехождение в классы".

После этого (1762 год) Н.И.Новиков определяется в Измайловский полк солдатом, откуда был взят, будучи уже унтер-офицером, в Комиссию по составлению проекта нового Уложения. В 1768 году он был уволен из нее и в 1770 году "отставлен поручиком" [433]. Еще раньше, в 1769 году начинается журнально-издательская деятельность Н.И.Новикова - журнал "Трутень". В 1770 году по распоряжению Екатерины II журнал был закрыт.

Тогда Н.И.Новиков учреждает новые журналы: "Пустомеля" (1770), "Живописец" (1772-1773) и "Кошелек" (1774) [434]. В 1772 году Н.И.Новиков начинает издание своего "Опыта исторического словаря о российских писателях", в 1773-м издает "Древнюю российскую идрографию" (Описание Московского государства времен царя Федора Алексеевича), "Скифскую историю" Андрея Лызлова (1776), "Историю о невинном заточении боярина А.С.Матвеева (1776) и др.

Особенно большую ценность с научной точки зрения имела его "Древняя российская вивлиофика" (1773-1775, 2-е издание - М., 1788-1791), представляющая собой богатое собрание памятников древнерусской письменности: разного рода грамот, описаний посольств, царских свадеб и проч. Интерес Н.И.Новикова к русской истории не был случаен, так как именно в ней, или, вернее, в ее самобытности и добродетелях наших далеких предков искал он противоядие против усиленно насаждавшейся в то время галломании и бездумного подражания всему западному, европейскому. К этой же стороне издательской деятельности Н.И.Новикова примыкают и его "Санкт-Петербургские ученые ведомости" (1777) [435].

В своих журналах Н.И.Новиков обличал пороки и язвы современной ему русской действительности, в том числе и крепостное право, высказывал горячее сочувствие тяжелой судьбе народа и свою веру в силу просвещения, с широким распространением которого связывал надежды на более справедливые и гуманные отношения между людьми. Это и сблизило, по всей видимости, Н.И.Новикова с тогдашними масонами.

В 1775 году он был посвящен в елагинской английской ложе "Астрея". Однако практиковавшиеся в ложах И.П.Елагина бесконечные разгадывания символики масонских ковров и пережевывание знаменитой легенды об Адонираме мало удовлетворяли его. И уже через год он знакомится с П.Б.Рейхелем и присоединяется к возглавляемой им Цинnендорфской системе в России [436].

Коренное отличие масонских лож этой системы состояло в том, что главной задачей они ставили нравственное совершенствование человека, в то время как в елагинских ложах увлекались, преимущественно, разгадками "тайны масонской" [437].

Н.И.Новикова же привлекала в масонстве, главным образом, его нравственная и тесно с ней связанная просветительская сторона, чему, собственно, и была посвящена вся его последующая деятельность. Что же касается масонского влияния на нее, то оно сказалось сначала в усилении морализаторского, нравоучительного элемента в его публикациях, а затем и в появлении на страницах его изданий - прежде всего это журнал "Утренний свет" (1777-1780) - большого числа переводов сочинений европейских мистиков и пиэтистов: Якова Беме, Юнга, Паскаля и др.

Характерно, что доходы от своих изданий Н.И.Новиков часто употреблял наблаготворительные цели. В частности, для организации и содержания в Санкт-Петербурге частных народных училищ. Дало свои плоды и обращение Н.И.Новикова со страниц журнала к его подписчикам о содействии этому делу. Появились первые пожертвования, и уже в ноябре 1777 года первое из этих училищ (Екатерининское) - при церкви Владимирской Божьей Матери в Санкт-Петербурге – было открыто.

Рассчитано оно было на 30-40 человек, как платных, так и бесплатных учеников.

В 1778 году в Петербурге масонами было открыто еще одно начальное народное училище - Александровское, при церкви Благовещения на Васильевском острове.

Училища эти просуществовали до 1781-1782 гг. и финансировались после закрытия "Утреннего света" за счет доходов Н.И.Новикова от издания других масонских журналов: "Московское издание" и "Вечерняя заря" [438].

В обоих училищах в 1779 году обучалось в общей сложности 93 ученика, что по тем временам не так уж и мало [439].

Очевидные успехи Н.И.Новикова на журнально-издательском поприще привели к тому, что на него обратил внимание известный в то время масон, куратор Московского университета М.М.Херасков. В результате в 1779 году Н.И.Новиков получил возможность взять в аренду типографию Московского университета и издание "Московских ведомостей", причем на весьма выгодных для себя условиях.

Н.И.Новикову ничего не оставалось, как принять это предложение. Контракт об аренде типографии был подписан 5 июня 1779 года [440].

В том же году Н.И.Новиков переезжает в Москву. Здесь он сразу же очутился в тесном масонском кругу: Н.Н.Трубецкой, П.А.Татищев, М.М.Херасков, А.М.Кутузов, С.И.Гамалея и др. Особенно близко сошелся он с И.-Г.Шварцем. "Однажды, - вспоминал он, - пришел ко мне немчик, с которым я поговоря, сделался на всю жизнь до самой его смерти неразлучным" [441].

Среди московских масонов Иоганн-Георг Шварц - немец из Трансильвании, родился в 1751 году [442] - несмотря на свою молодость, пользовался большим авторитетом. В Россию он попал в 1776 году, воспользовавшись протекцией князя И.С.Гагарина [443].

Познакомившись с И.-Г.Шварцем во время своего очередного путешествия по Европе и узнав, что он масон, князь снабдил его необходимыми рекомендациями, и уже в

апреле 1776 года И.-Г.Шварц оказывается в Могилеве в качестве гувернера детей хорошего знакомого И.С.Гагарина А.М.Рахманова [444].

С разрешения И.П.Елагина И.-Г.Шварц быстро основывает в Могилеве масонскую ложу "Геркулес в колыбели" (1776-1777) и уже в 1779 году, благодаря своим новым масонским связям (М.М.Херасков) перебирается в Москву. Здесь он сразу же получает место лектора немецкого языка в Московском университете.

Поразительна общественная активность И.-Г.Шварца этого времени: уже 13 ноября 1779 года он учреждает при университете Учительскую или Педагогическую семинарию, инспектором которой и становится. Цель учреждения семинарии - подготовка учителей для народных училищ. Существовала семинария, как, впрочем, и другие предприятия московских масонов, на частные средства (масон Н.А.Демидов пожертвовал на ее нужды 20 тысяч рублей, некто Ш. - 50 тысяч и др.) [445]. Через епархиальных архиереев Учительская семинария стала вызывать на предмет обучения из духовных учебных заведений учеников, чтобы готовить их к педагогическому поприщу. Через три года в семинарии было уже 30 студентов [446].

Это было первое в России частное учебное заведение, готовившее будущих учителей. Располагалась семинария в специально купленном для этой цели масонами кирпичном доме около Меншиковой башни (церковь Архангела Гавриила).

За редким исключением, практически все воспитанники семинарии (А.Ф.Лабзин, Стефан Глаголевский (будущий митрополит Серафим), Матвей Десницкий (будущий митрополит Михаил) и многие другие) приобщились к масонству именно здесь.

Собственно, главным образом для этой сугубо прозаической цели и учреждалась эта семинария.

В марте 1781 года по инициативе все того же И.-Г.Шварца при Московском университете "с целью развития ума и вкуса" его выпускников путем чтения и обсуждения ими своих литературных произведений было открыто Собрание университетских питомцев. И опять-таки это было первое научно-литературное студенческое общество в России. Был у членов этого общества и свой печатный орган - журнал "Утренний свет". Редактором журнала стал сам И.-Г.Шварц.

Среди других издателей журнала такие известные масоны, как А.Я.Давыдовский, Л.М.Максимович, А.Ф.Лабзин, П.А.Пельский, А.В.Могилянский. В журнале печатались Ф.П.Ключарев, П.А.Сохатский, М.И.Багрянский, И.П.Тургенев. Публиковались здесь, как правило, либо выполненные студентами университета переводы трудов европейских масонов-мистиков, либо их собственные рассуждения на темы религиозно-мистического характера.

В июне 1782 года по плану И.-Г.Шварца при Московском университете на пожертвования братьев-масонов была открыта еще одна семинария или гимназия - переводческая (филологическая). Первый ее набор составили 16 студентов.

Целью учреждения переводческой семинарии была подготовка масонами квалифицированных переводческих кадров из числа студентов Московского университета. Поставив на поток публикацию на русском языке переводов западноевропейской художественной и религиозно-философской литературы, руководители этого издательского проекта И.-Г.Шварц и Н.И.Новиков поневоле должны были задуматься о переводчиках.

Располагалась переводческая семинария там же, где и учительская, с которой она впоследствии видимо слилась. Здесь же жил и сам И.-Г.Шварц с семьей, прочитавший в 1783 году слушателям семинарии свой спецкурс по философии истории [447].

Еще одним начинанием неутомимого И.-Г.Шварца стала организация им Дружеского ученого общества. Сложилось оно еще в 1779-1781 годах, однако формальное его открытие произошло только 6 ноября 1782 года в доме П.А.Татищева. Целью общества было объявлено печатание учебных книг, а также изучение и повсеместное распространение философских, исторических, педагогических и естественнонаучных знаний или, иначе говоря, просвещения в обществе [448].

"Цель нашего общества, - отмечал И.В.Лопухин, - была издавать книги духовные и наставляющие в нравственности истинно евангельской, переводе глубочайших о сем писателей на иностранных языках и содействовать хорошему воспитанию, помогая особенно готовящимся на проповедь слова Божия". Любопытно, что на открытии Дружеского ученого общества присутствовал сам московский главнокомандующий граф З.Г.Чернышев, а архиепископ Московский Платон публично объявил о взятии его под свое высокое покровительство. Общее число членов общества составляло около 50 человек: И.-Г.Шварц, Н.И.Новиков, И.В.Лопухин, князья Ю.Н. и Н.Н.Трубецкие, братья Е.П. и П.П.Тургеневы, В.В.Чулков, В.И.Баженов. А.Н.Новиков, М.М.Херасков, князь А.А.Черкасский, А.Ф., П.Ф. и Н.Ф.Ладыженские, Ф.П.Баузе, Я.Шнейдер, Ф.П.Ключарев, И.П.Страхов, князь К.М.Енгалычев, Г.М.Походяшин, Р.А.Кошелев, Ф.И.Глебов, князь А.И.Вяземский, А.М.Кутузов, князья И.С. и Г.П.Гагарины, Г.Шредер, князь А.М.Долгоруков, О.А.Поздеев, С.И.Плещеев, князь М.П.Репнин и другие [449].

Указ Екатерины II от 15 января 1783 года о вольных типографиях позволил Дружескому ученому обществу, в дополнение к арендуемой Н.И.Новиковым (а фактически, самими московскими масонами) университетской типографии, открыть еще две: одну на имя Н.И.Новикова, а другую на имя И.В.Лопухина. Кроме того, была заведена еще и так называемая тайная типография, предназначенная для издания специальной масонской литературы.

Собрание университетских питомцев, Педагогическая и Филологическая Семинарии, Дружеское ученое общество - и все это за каких-то 4 года, причем исключительно на частные масонские пожертвования, безо всякой помощи со стороны государства!

Нельзя не отдать должного инициативе и самоотверженности И.-Г.Шварца и сформировавшегося вокруг него тесного масонского кружка. Понятно, что столь энергичный и деятельный человек, к тому же еще и масон, в таком масонском гнезде, каким был в то время Московский университет, в скромной должности лектора немецкого языка долго оставаться не мог. Он и не остался. Уже 5 февраля 1780 года И.-Г.Шварц был произведен в ординарные профессора по кафедре философии. Кроме того, он читал в университете еще и курс эстетической критики. Свое профессорство И.-Г.Шварц - кандидат права Иенского университета - рассматривал, прежде всего, как хорошую возможность масонской пропаганды среди своих слушателей. "Разум научает нас, но он не может раскрыть истину ... Одно лишь Откровение может ясно показать нам истинный свет", - поучал он своих юных слушателей, сводя таким образом просвещение или "просветление разума", главным образом, к изучению так называемых "божественных наук": алхимии, каббале и магии. "Человек, - проповедовал И.-Г.Шварц, - в настоящее время гнилой и вонючий сосуд, наполненный всякой мерзостью". "Просветлить" его, по убеждению И.-Г.Шварца, могут только розенкрейцеры, ибо только им удалось сохранить "искру Адамову" предвечной мудрости тайного знания, доставшуюся им от еврейских сект ессеев и терапевтов.

"Как ни плохо знал Шварц русский язык, - вспоминал позднее один из его тогдашних студентов, - на котором он нам читал, однако истины, высказывавшиеся им, были так любопытны и, казалось, тем новее, чем старее и неизвестнее были источники, из которых он извлекал их". Философию И.-Г.Шварц читал, между прочим, по И.Канту. "Сила, с которой он говорил, смелость (скажу даже, безрассудная дерзость), с которой он, невзирая ни на что бичевал политические и церковные злоупотребления, были удивительны. И не раз боялся я, что ему начнет мстить духовенство, и в особенности монашествующие, которых он при всяком удобном случае выставлял самым безжалостным образом" [450].

Положение, впрочем, было таково, что ни о какой мести со стороны православного духовенства не могло быть и речи. В Москве масоны были у себя дома, и бояться им здесь было некого.

Успешная преподавательская и общественная деятельность И.-Г.Шварца в университете продолжалась вплоть до декабря 1782 года. Выжил его оттуда новый куратор Московского университета Иван Мелиссино (1718-1795), явно ревновавший к славе и популярности удачливого профессора [451].

Отставка И.-Г.Шварца, несмотря на очевидные моральные издержки, имела, в то же время, и положительную для масонов сторону. Получив ее, И.-Г.Шварц сразу же переехал в дом к Н.И.Новикову у Никольских ворот чтобы целиком отдаться своему любимому детищу - ордену Злато-розового креста, фактическим создателем которого в России он и являлся.

Дело в том, что не удовлетворенные состоянием тогдашнего русского масонства Н.И.Новиков и И.-Г.Шварц, успевшие к этому времени, как мы знаем, сдружиться, еще в 1780 году учредили свою собственную масонскую ложу "Гармония". В состав ее сразу же вошли практически все вожди тогдашнего масонства: князь Н.Н.Трубецкой, М.М.Херасков, князь А.А.Черкасский, князь К.М.Енгалычев, И.П.Тургенев, А.М.Кутузов и другие. Несколько позже к ним присоединились П.А.Татищев, Ю.Н.Трубецкой, И.В.Лопухин, С.И.Гамалея [452].

Ложа эта называлась еще и "сиентифической", и главной задачей ее была не обрядность, а научные изыскания и изучение истории масонства, причем главной заботой братьев объявлялось искание ими так называемого "истинного масонства" и высшего тайного знания.

Воспользовавшись желанием богача-масона П.А.Татищева отправить своего сына в сопровождении И.-Г.Шварца в ознакомительную поездку по Европе, московские братья решили заодно поручить ему поискать там и истинного масонства. И.-Г.Шварц с радостью принял это предложение. Заехав по пути в Митаву (ныне город Елгава, Латвия), он заручился здесь рекомендационными письмами к светилам тогдашнего немецкого розенкрейцерства (ложа "Трех глобусов" в Берлине) И.-Х.Вельнеру (бывший пастор) и генерал-штабхирургу Г.-А.Тедену [453].

22 октября 1781 года И.-Г.Шварц был уже в Брауншвейге, где ходатайствовал перед герцогом Фердинандом о признании России самостоятельной провинцией ордена. Герцог обещал свое содействие. Но не это было главной целью московского профессора. Он жаждал, как мы уже знаем, "истинного масонства". И он его получил. И.-Г.Шварц действительно был посвящен в таинства Ордена розенкрейцеров.

Более того, 1 октября 1781 года он получил от одного из руководителей берлинских розенкрейцеров Г.-А.Теддена грамоту, назначавшую его единственным верховным представителем теоретической степени Ордена Злато-розового креста в России.

В конце февраля 1782 года И.-Г.Шварц вернулся наконец в Москву. Из-за границы он привез две "системы": для рядовых, так сказать, братьев - систему строгого наблюдения, а для избранных - теоретическую степень и Орден Злато-розового креста [454]. Соответственно и работа, развернутая в это время под руководством И.-Г.Шварца московскими масонами, шла в двух направлениях - общемасонском и специальном, розенкрейцерском. И тут, и там ее было много. Особая сложность положения русских братьев заключалась в том, что ложа "Трех глобусов", с которой вступил И.-Г.Шварц в тайное соглашение, сама в это время еще формально входила в Брауншвейгскую систему строгого наблюдения: официальный разрыв с ней произошел только в ноябре 1783 года.

В августе-сентябре 1782 года состоялся Вильгельмсбадский масонский конгресс, о котором уже шла речь. Россию на нем представлял герцог Фердинанд Брауншвейгский.

Благодаря его поддержке Россия, собственно, и была признана самостоятельной масонской державой. Воспользовавшись этим, московские братья тут же организовали свой "Капитул Русской провинции". Приором его (должность чисто номинальная) стал Петр Алексеевич Татищев (1730-1810), канцлером - И.-Г.Шварц. Н.И.Новикову в этой масонской иерархии досталась скромная должность казначея. Деканом же VIII провинции

ордена стал князь Юрий Никитич Трубецкой, генеральным визитатором (инспектором) - его брат, князь Николай Никитич Трубецкой.

Кроме того была организована еще и так называемая Директория VIII провинции ордена. Президентом ее стал Н.И.Новиков, членами: В.В.Чулков, И.П.Тургенев, Ф.П.Ключарев и другие [455]. В Петербурге приорат ордена Благотворных рыцарей возглавил А.А.Ржевский. Должность Великого провинциального мастера VIII провинции ордена Благотворных рыцарей была оставлена вакантной.

"Роман" с Брауншвейгской системой, безусловно, сильно способствовал упрочению позиции русских братьев в глазах масонского сообщества Европы.

И вот тут-то обнаружилось, что никакой цены в глазах московских братьев Брауншвейгская рыцарская система не имеет, и все взоры и надежды их обращены на розенкрейцерство. Горячим пропагандистом его в Москве был в это время только что возвратившийся из-за границы И.-Г.Шварц. Недолго мешкая, он быстро собрал при помощи Н.И.Новикова и князя Н.Н.Трубецкого заявления московских братьев с просьбой о зачислении их в Берлинский розенкрейцерский капитул. Среди подавших такие заявления были С.И.Гамалея, И.В.Лопухин, А.И.Тургенев, А.М.Кутузов, В.В.Чулков, Ю.Н.Трубецкой, А.А.Черкасский, К.М.Енгалычев, М.М.Херасков, а также доктор Френкель и купец Туссень.

Все эти бумаги вместе со значительной суммой денег, собранной среди братьев, были немедленно отосланы И.-Г.Шварцем в Берлин, откуда весной 1783 года был, наконец, получен долгожданный ответ: все они были приняты в состав главного розенкрейцерского братства [456].

И.-Г.Шварц торжествовал и с жаром предавался в организованном им теоретическом градусе (степени) Соломоновых наук розенкрейцерским упражнениям. Крупным успехом И.-Г.Шварца стал переход на его сторону сразу четырех московских лож, в одночасье решивших отложиться от изрядно уже надоевшей им тамплиерской системы (Брауншвейгский ритуал) и перейти в розенкрейцерство. Это были ложи "Трех знамен" (П.А.Татищев), "Озириса" (Н.Н.Трубецкой), "Латоны" (Н.И.Новиков) и "Сфинкса" (Г.П.Гагарин) [457]. В 1783 году все они официально вошли в Орден Злато-розового Креста, образовав в нем так называемый "четверной союз". В 1784 году, уже после смерти И.-Г.Шварца, союз этот был преобразован в Провинциальную ложу. Великим мастером ее стал друг Н.И.Новикова, руководитель ложи "Озириса" князь Николай Никитич Трубецкой (1744-1821). Высшим тайным управлением Ордена Злато-розового Креста считался Капитул во главе с князем Ю.В.Долгоруковым. Среди членов его: князь Н.Н.Трубецкой, М.М.Херасков, князь Г.А.Щербатов, И.А.Поздеев. Кроме Москвы, где у провинциальной ложи состояло в подчинении 11 младших лож, были учреждены еще и ложи в Казани, Симбирске и Могилеве.

В том же 1784 году, еще при жизни И.-Г.Шварца московские розенкрейцеры учредили еще один масонский центр - ложу теоретического градуса, или степени, как своего рода подготовительный класс или переходную ступень к масонству высших розенкрейцерских степеней. Великим мастером здесь был князь Ю.В.Трубецкой, наместным мастером - князь В.В.Долгорукий, ритором - Н.И.Новиков, обрядоначальником - О.А.Поздеев. Теоретический градус был второй степенью ордена (первая была - "юниорат", она шла за 4-й степенью обыкновенного масонства - "шотландский мастер"). Третьей степенью ордена была "практика", 4-й - "философа". Последняя, 9-я степень - "мага". Всего "теоретических братьев", согласно показаниям Н.И.Новикова, данным им в 1792 году, было не более 60 человек. Согласно современным оценкам, цифра эта может быть увеличена до 85 человек. "Смотрение" над братьями осуществляли "главные надзиратели": И.П.Тургенев, И.А.Поздеев, З.Я.Корнеев (в Орле), А.А.Ленивцев, В.И.Остолопов (в Вологде) и С.И.Гамалея (в Москве) [458].

В конце 1783 года, в самый разгар масонских "работ", связанных с организационным становлением ордена, неожиданно заболевает И.-Г.Шварц. Вопреки ожиданиям,

болезнь оказалась серьезной, и 17 февраля 1784 года он умер. Похоронили И.-Г.Шварца по православному обряду в церкви села Очакова (имение князя Н.Н.Трубецкого) по Можайской дороге, в 10 верстах от Москвы. Могила прямо напротив алтаря; на белой каменной плите высечены годы жизни: 1751-1784, а также крест и герб покойного [459].

Соратники И.-Г.Шварца горячо оплакивали его кончину [460].

Высоко ставила его и либеральная историография, подававшая его как исключительно "тонко организованную и благородную натуру", "идейного и нравственного оракула своего кружка" и пр. [461]. Личность И.-Г.Шварца изображалась ими, как правило, только в радужных, светлых тонах, и доверчивому читателю оставалось только поражаться уму, благородству и энергии этого человека, так много успевшего сделать для русского просвещения.

Существуют, однако, и другие, менее лицеприятные оценки личности И.-Г.Шварца и его деятельности в России. Так, известный ученый В.В.Сиповский считал, что И.-Г.Шварц "едва ли не был иллюминатом" [462] (орден, основанный в 1776 году в Баварии профессором А.Вейсгауптом, ставивший своей основной задачей борьбу с деспотизмом [463]).

"В Голландии он служил унтер-офицером, - свидетельствует хорошо знавший И.-Г.Шварца ритор ложи "Трех знамен", - и несколько лет прожил в Ост-Индии... Вспыльчивость его, часто доходившая до бешенства, и многие нелепые выходки не оставляли сомнения в повреждении его умственных способностей. Он был суров, сумрачен, очень строг, никогда не смеялся; даже улыбка его была принужденной и неестественной ... Ко всему этому он был скрытен и, я смею думать, что это был искусный лицемер. Этот человек был, в собственном смысле слова, деспот, не терпевший никакого противоречия или сомнения.

Так, например, его голос был повелительным, брови его всегда были сдвинуты; никогда он не упускал из виду цели масонства и употреблял все средства без разбора, лишь бы они только привели к этой цели" [464].

Но это, так сказать, предвзятое мнение, исходящее из среды недоброжелателей И.-Г.Шварца. Есть смысл, поэтому, обратиться к свидетельству одного из его близких друзей - профессора всеобщей истории Московского университета Иоганна (Иван Иванович) Виганда (1744-1808). По его утверждению, И.-Г.Шварц далеко не случайно появился в Москве, а был послан туда немецкими братьями для того, чтобы произвести здесь среди русских масонов коренные реформы.

Питая к И.И.Виганду полное доверие, И.-Г.Шварц перед смертью якобы открыл ему "страшную" тайну, что конечной целью ордена розенкрейцеров в России является ни более ни менее, как полное ниспровержение здесь православия.

"Шварц, - отмечал в своих записках И.И.Виганд, - оказывал мне полное доверие и открыл мне сокровенные цели общества, клонившиеся ни к чему иному, как к ниспровержению православного вероисповедания в России; я советовал ему действовать осторожнее, оставить мистицизм и не смешивать своих целей с целями общими, чтобы они не повредили друг другу" [465].

"После возвращения И.Е.Шварца из-за границы, - констатирует в своей записке уже цитировавшийся нами неизвестный автор письма о московском масонстве XVIII века, - изменился дух московского масонства. До тех пор толковали только о распространении религиозного чувства ... Теперь же братьям стали назначать разные послушания: умерщвление плоти, посты, молитвы и тому подобное.

Клятвы, суеверия, чудеса вошли в ежедневный обычай. Те немногие, которые оставались еще не совращенными, были удаляемы, и их презирали. Самые нелепые сказки стали распространяться ... Шварц властвовал грубо над целою массою высокоуважаемых братьев; лишь один Новиков, кажется, имел еще собственные убеждения". Поборы с братьев стали нормой, причем поражает цинизм И.-Г.Шварца, обронившего однажды по поводу очередного крупного пожертвования на масонские нужды чудака П.А.Татищева

следующую фразу: "Вот так-то следует ловить лисиц! Дурак Татищев от расточенной ему похвалы сделался совершенно ручным, и дарит 18 тысяч рублей, которые нам надобны через три дня для одной расплаты" [466].

Не верить этим сообщениям нельзя. Другое дело, что перед смертью, по свидетельству уже упоминавшегося нами Иоганна Виганда, И.-Г.Шварц как будто раскаялся в содеянном, и горько сожалел о своих ошибках. "Я навещал его ежедневно, - пишет И.Виганд, - и он всегда просил меня беседовать с ним о Спасителе. Но мы не могли говорить свободно, так как нас всегда подслушивали масоны, опасавшиеся того, чтобы под влиянием столь нового для него настроения духа (христианской секты Гернгутеров - Б.В.) не выдал их тайн. Я и сам всячески избегал этого. Только однажды он высказался, что это дьявольский орден, и что если Господь пошлет ему исцеление, то он вступит в общину".

Когда И.-Г.Шварц умер, масоны упросили И.Виганда произнести от имени профессуры Московского университета надгробное слово над усопшим на русском языке, что и было им исполнено [467].

Основываясь на этих свидетельствах, Я.Л.Барсков пришел к выводу об И.-Г.Шварце как, говоря современным языком, несомненном масонском агенте влияния в России. "Желая ослабить влияние других наций - англичан, французов, шведов, - немецкие масоны посылали одного за другим своих агентов в Россию; наиболее видными из них были: Штарк, Розенберг, Рейхель, Шварц", - отмечал в этой связи ученый [468].

Характерно, что узнав о смерти И.-Г.Шварца, берлинский руководитель ордена И.-Х.А.Теден 9 апреля 1784 года немедленно распорядился учредить в Москве так называемую Директорию теоретической степени, куда вошли Петр Татищев, Николай Трубецкой и Николай Новиков. Надзирателем и секретарем в Директории, то есть фактическим руководителем ордена в России Теден назначил никому не известного в России немца из Мекленбурга капитана прусской службы (в 1783-1784 гг. - поручик лейб-гвардии гренадерского полка в Санкт-Петербурге) Генриха-Якоба (Генрих Яковлевич) Шредера [469].

Берлинское начальство, таким образом, цепко держало русских братьев в своих руках. Сначала ими руководил немец И.-Г.Шварц, теперь, когда Шварц умер, на освободившееся место нашли другого немца. Вскоре, однако, выяснилось, что к роли своей Шредер подготовлен плохо, и поссорившись с другими руководителями московского масонства, он уже в 1787 году был отозван в Берлин и навсегда покинул Россию.

Согласно показаниям Н.И.Новикова, всего под управлением Москвы в период с 1782 по 1786 годы насчитывалось 19 лож. Больше всего (13) их было в Москве. По одной - в Орле, Могилеве, Кременчуге, Казани, Вологде и Харькове [470].

Были приверженцы ордена и в Петербурге (здесь их возглавляли А.А.Ржевский и генерал-майор Ленивцев), однако прививалось здесь розенкрейцерство туго.

Что же касается Брауншвейгской системы, то всякие связи московских братьев с ее руководством были разорваны, а рыцарские степени оставлены [471].

Г.В.Вернадский попытался уточнить данные Н.И.Новикова по масонским архивам и насчитал 14 лож. Помимо уже известных нам 4 материнских лож ("Трех знамен", "Латоны", "Озириса" и "Сфинкса") это были московские ложи "Светоносного треугольника", "Девкалиона", "Святого Моисея", "Блистающей звезды", "Гермеса", "Астреи", а также еще одна ложа под управлением Е.Е.Гине. По одной масонской ложе было в Казани ("Восходящего солнца"), Могилеве ("Геркулеса в колыбели") и Симбирске ("Златого венца") [472]. Бурный рост розенкрейцерского сообщества продолжался, однако, недолго и уже в 1786 году вследствие недовольства императрицы руководство ордена вынуждено было временно приостановить работы лож первых трех степеней, сосредоточив все свое внимание исключительно на тайной деятельности лож теоретического градуса, общее число членов которых достигло 85 человек.

Орден розенкрейцеров во главе с берлинской ложей "Трех глобусов", к которому примкнули московские братья, не был древним: первую заявку о себе он сделал только в 1757 году во Франкфурте-на-Майне. В Северной Германии центром розенкрейцерской деятельности стал Берлин. Здесь братья Злато-розового креста, или, вернее, их руководители (Бишовсвердер, Вельнер и Теден) сумели вовлечь в свои ряды кронпринца Фридриха-Вильгельма (1781), что, собственно, и явилось залогом их дальнейшего влияния.

Учение розенкрейцеров XVIII века подробнейшим образом на основе подлинных масонских рукописей Императорской публичной библиотеки разобрал в свое время Александр Семека. По его заключению, оно может быть разделено на два отдела: духовно-нравственный и собственно научный, или философский.

Первый из них "взывал против упадка нравственности и указывал истинные пути к спасению; второй стремился удовлетворить другой потребности общества: дать пищу любознательному уму, заменив изучение энциклопедистов самостоятельным изучением Священного писания" [473].

Своей задачей розенкрейцеры, как и всякое масонское сообщество, ставили моральное, нравственное совершенствование личности, работу над своей собственной душой, понимаемую ими как непрерывная борьба человека со своими страстями, или, иначе говоря, с самим собой. Цель братства, показывал Н.И.Новиков в ходе следствия, состояла в "познании Бога через познание натуры и себя самого по стопам христианского нравоучения" [474].

Практическая деятельность братьев в этом направлении сводилась к постоянным наблюдениям как за самим собой, так и за своими коллегами или, вернее, их нравственностью, а также постам, молитвам и покаяниям. Но это, так сказать, основа розенкрейцерской работы, характерная и для других направлений в масонстве. Что же касается специфической розенкрейцерской надстройки над ней, то она сводилась к усиленному изучению ими тайного знания, то есть алхимии, магии и каббалы.

Как и берлинские братья, московские розенкрейцеры XVIII века были глубокими и убежденными мистиками. Практическим руководством для них являлся "теоретический градус Соломоновых наук", официальное сочинение для работ в теоретической степени, полученное в свое время И.-Г.Шварцем от берлинских начальников ордена. Из него, в частности, видно, что не отвергая нравственной стороны первых трех степеней масонства, главную свою цель розенкрейцеры видели все же в познании тайной науки, якобы сохраненной еще со времен Адама масонами и известной в настоящее время только начальникам их ордена. Что касается содержания этой тайной науки, то оно сводилось у них, как уже отмечалось, к исканию философского камня, панацеи, обращения металлов в золото и мистическим толкованиям Библии.

Большой интерес в этой связи представляет дошедшая до нас масонская рукопись, предназначенная для упражнений в 7-й степени (всего их в розенкрейцерском ордене было 9). В сосуд, читаем мы здесь, необходимо смешать майскую росу, собранную в полнолуние, а также две части мужской и три части женской крови от чистых и целомудренных людей. После того, как сосуд постоит некоторое время в тепле, с ним проделывался еще ряд аналогичных манипуляций и, как результат их, должен был наступить миг, когда в колбе, наконец, должен был послышаться "топот и свист" и взору братьев должны были предстать "два живых существа - мужчинка и женщинка", а между ними вырасти "прекрасное дерево с разными плодами". Речь здесь идет о создании так называемого гомункулуса или человека в колбе, над чем безуспешно бились средневековые чернокнижники [475].

Особенно привлекательными в глазах братьев казались высшие степени ордена, в частности, степень мага, сулившая ее обладателям ни много, ни мало, как непосредственное общение с самим Высшим существом. Но до степени этой русским братьям было еще далеко, так как теоретический градус - это, как мы уже знаем, самая младшая степень

розенкрейцерства. На ней и остановилось большинство русских адептов ордена. Обладателей более высоких степеней среди них было немного: И.-Г.Шварц, Н.И.Новиков, А.М.Кутузов, Г.Я.Шредер, Н.Н.Трубецкой, Ю.Н.Трубецкой.

Московские розенкрейцеры, констатировал Н.М.Карамзин, были "ни что иное, как христианские мистики: толковали природу и человека, искали таинственного смысла в Новом и Ветхом завете, хвалились древними преданиями, унижали школьную мудрость и прочее; но требовали истинных христианских добродетелей от своих учеников, не вмешивались в политику и ставили в закон верность своему государю. Их общество под именем масонства распространилось не только в двух столицах, но и в губерниях; открывались ложи, выходили книги масонские, мистические, наполненные загадками" [476].

Мистический туман ордена розенкрейцеров наложил неизгладимый отпечаток на обряды и порядки, царившие в ложах этого сообщества. Обстановка масонских собраний у розенкрейцеров была не для слабонервных и отличалась мрачностью и таинственностью: затянутые черным атласом стены помещения, жертвенник, треугольные столы для секретаря и ритора. При вступлении в "градус" посвящаемый давал торжественную клятву на всю оставшуюся жизнь "поклоняться вечному всемогущему Иегове и по возможности стараться премудрость его через натуру познать"; отрекался от сует мира и обязывался свято соблюдать обет молчания.

Такой же сумрачной и далеко не братской была и внутренняя обстановка в ложах, где процветали мелочный контроль, слежка и доносительство. Каждые три месяца - подробнейший отчет о всех делах и внутренних переживаниях.

Проверялась и личная корреспонденция братьев [477].

Любопытны в связи с этим письма-отчеты Н.И.Новикова ("Коловион"), которые он вынужден был давать, несмотря на свое высокое положение в ордене, своему непосредственному начальнику, уже известному нам немцу Г.Я.Шредеру.

"Высокопочтеннейший! Высокодостойнейший начальник! - униженно обращается наш знаменитый просветитель к этому проходимцу. - С радостным сердцем получил я отпуск ваш и повеление ваше относительно сочинению описания, в каком положении дела типографические находятся ... Но как ни тяжело бремя сие, однако повеления ваши и волю высших наших высокославных начальников с истинною покорностью во всю жизнь мою исполнять буду ...".

Но самое поразительное в этом письме-отчете - так это душевные откровения Николая Ивановича, уместные, быть может, по отношению к своему священнику на исповеди, но отнюдь не по отношению к заезжему поручику-немцу:

"Но коль чужд еще я сей Божественной любви. Часто еще, весьма часто и рано встать, и поздно лечь и в слякоть погоды для друга своего не хочется. С пролитием слез пишу я сии строки".

Коснувшись далее пункта 7 присланного ему вопросника о распространении любви в его сердце, Н.И.Новиков опять кается:

"Чувствую, однако, - пишет он, - что часто еще и ныне проступаюсь в рассуждении грубости и ласковости. Но благодаря милосердного моего Спасителя, что в ту же минуту и чувствую сии проступки, раскаиваюсь, стражду внутренне о сем и прошу и молю милосердия его, да подкрепит оно меня в сем искреннем истинном хотении быть со всяким ласкову, ни с кем грубу и стараться отпущать от себя всякого довольным" [478].

Настольными книгами московских розенкрейцеров являлись сочинения западноевропейских мистиков: Беме, Сен-Мартена, Арндта. Особенно популярен был среди них Сен-Мартен, русский перевод сочинения которого, принадлежавший П.И.Страхову, был опубликован Н.И.Новиковым в 1785 году. "Первые книги, родившие во мне охоту к чтению духовных, были: "О заблуждениях и истине" (Сен-Мартена - Б.В.) и Арндта "Об истинном христианстве", - отмечал в своих воспоминаниях И.В.Лопухин [479].

Учитывая особый пиитет московских розенкрейцеров перед Сен-Мартеном, любопытен отзыв о его сочинении знаменитого Вольтера. "Герцог Ришелье, - писал он д"Аламберу, - хвалил мне книгу, озаглавленную "О заблуждениях и истине". К моему несчастию, я ее выписал. Не думаю, чтобы когда-либо было напечатано что-либо более абсурдное, темное, сумасшедшее и глупое, чем эта книга" [480]. "Они, - писал о берлинских розенкрейцерах А.Н.Пыпин, - представляли собой партию ретроградов и обскурантов, от которых тем более можно было опасаться вреда, что деятели ее имели значение при прусском дворе" [481].

В идейном плане розенкрейцерство было ничем иным, как своего рода консервативной реакцией на французское просвещение XVIII века с присущими для последнего атеизмом, материализмом и культом разума. Науке и разуму розенкрейцеры противопоставляли интуицию и веру. Отсюда их резкие выпады против философов-энциклопедистов.

"Я думаю, что сочинения вольтеров, дидеротов, гельвециев и всех антихристианских вольнодумцев много способствовали к нынешнему юродствованию Франции", - писал И.В.Лопухин в письме А.М.Кутузову от 14 октября 1790 года [482].

Разум, учил уже известный нам руководитель московских розенкрейцеров И.Г.Шварц, способен к познанию лишь внешней, видимой стороны явлений, и явно бессилен проникнуть в мир внутренний, духовный. Познавательный процесс, с точки зрения розенкрейцеров, состоит не в логической работе ума, а в мистическом озарении сверху. Но кто может рассчитывать на это озарение? - Только нравственно совершенный человек. Масонской добродетели в учении розенкрейцеров отводилось, таким образом, чисто служебное, вспомогательное значение. Главная же цель их заключалась в познании истины, существа Бога, природы и человека [483].

Не меньший консерватизм проявляли московские розенкрейцеры и в политическом плане, выступая здесь как безусловные сторонники самодержавных форм правления и сохранения крепостного права [484]. Известны случаи и торговли братьями-масонами своими крепостными людьми, причем в роли продавцов выступали, как это ни странно, сами руководители ордена, духовные пастыри движения. У него, рассказывал сосед Н.И.Новикова по его подмосковному имению Д.П.Бутурлин, "был вроде секретаря молодой человек из крепостных, которому он дал некоторое образование. Он и при гостях всегда обедал за одним столом с барином". И вот, приезжает однажды старик Бутурлин к Н.И.Новикову и видит, что молодого человека у него уже нет, и спрашивает:

- Где же он?.

- Он совсем избаловался, - отвечал Н.И.Новиков, и я отдал его в солдаты.

- Вот вам и либерал, мартинист, передовой человек. А нет сомнения, что Новиков в свое время, во многих отношениях был передовым, либералом в значении нынешнего выражения. "Что же следует из того вывести?" – вопрошал в связи с этим П.А.Вяземский. - Ничего особенного и обыкновенно. Поступок Новикова покажется чудовищным, а потому и невероятным нынешним поколениям либералов ... Но в свое время подобная расправа была и законна, и очень просто вкладывалась в раму тогдашних порядков и обычаев. Дело в том, что можно быть очень передовым человеком по тому или иному вопросу, каковым был Новиков. Например, по вопросу о печати и журналистике. А вместе с тем, быть по иным вопросам строгим охранителем и сторонником порядков и учреждений не только нынешних, но и вчерашних" [485].

Но, может быть, сведения эти недостоверны, как полагают некоторые исследователи (А.А.Кизеветтер)? Ничего подобного! О продаже Н.И.Новиковым своих крепостных известно и из других источников, в том числе и из писем самого просветителя [486].

Другой известный масон, И.А.Поздеев своим жестоким обращением довел своих крепостных до бунта. "Русский гуманист XVIII века, даже Новиков или Кутузов с Сен-

Мартеном или Арндтом в руках оставался владельцем крепостных душ: противоречие между словом и делом было полным" [487].

В целом учение и практика московских розенкрейцеров оставляют противоречивое впечатление, вынужден был в свое время констатировать внимательно изучавший переписку "братьев" Я.Л.Барсков. С одной стороны, это, казалось бы, очевидный энтузиазм во всем, что касается их отечества: "восторг при известиях о победах русского оружия", а с другой - непримиримая вражда к философии, французскому просвещению, борьба с ложным духом свободомыслия, ненависть к революции. С одной стороны, авторы писем вроде бы с любовью относятся к русской литературе и культуре, а с другой эти "друзья русской национальной мысли", признают над собой власть "немецких обскурантов, готовых гнать у себя и повсюду свободу мысли и слова; стоило Карамзину слегка задеть масонскую мистику, как мартинисты жестоко его возненавидели и осыпали насмешками" [488].

На это же обстоятельство указывают и другие исследователи. "Историк, - писал А.В.Семека, - не может не обратить внимание на то обстоятельство, что розенкрейцерство, бывшее на Западе явлением умственной отсталости, у нас было совершенной новостью, и впервые давало русскому обществу известное миросозерцание, какое - это вопрос другой". Это была, пишет он далее, первая философская система в России, которая, составляя определенное идеалистическое мировоззрение, сыграла, тем не менее, немалую роль в борьбе с влиянием "чуждого русскому духу вольтерьянства". Московское розенкрейцерство, несмотря на свои "дикие крайности и смешные стороны, воспитывало, дисциплинировало русские умы" [489].

Критическое отношение к розенкрейцерам, справедливые указания на их мистицизм, консерватизм, расхождение между словом и делом ни в коей мере не должны заслонять от нас и положительных сторон их деятельности. Как ни декларативны и фальшивы были в условиях российской действительности XVIII века призывы масонов к братству, любви и взаимопомощи между людьми, уже сама постановка и обсуждение этих вопросов в ложах были большим шагом вперед и, несомненно, способствовали пробуждению духовных, нравственных интересов у наиболее развитой части тогдашнего русского общества. В принципе, это можно было бы сказать о ложах практически всех масонских систем, действовавших в России в царствование Екатерины II. И если московские розенкрейцеры сделали здесь намного больше других, то связано это было, в первую очередь, с тем, что от так называемой внутренней работы, направленной на собственное моральное усовершенствование они перешли к работе внешней, направленной на усовершенствование, просвещение не отдельных индивидуумов, а всего русского общества. Ведущая роль здесь принадлежала книгоиздательской деятельности розенкрейцеров.

Глава 6. Просветительская и благотворительная деятельность московских розенкрейцеров

Еще в 1779 году, как уже отмечалось, Н.И.Новиков берет в аренду типографию Московского университета, книжную лавку, а также газету "Московские ведомости".

Деньги на аренду ему помогли собрать масоны. Поэтому уже с самого начала это было не столько коммерческое предприятие самого Н.И.Новикова, сколько общее масонское предприятие или дело. Заполучив в свои руки печатный станок, Н.И.Новиков и братья-масоны тут же развернули кипучую издательскую деятельность.

Следующим шагом в этом направлении стало учреждение 1 сентября 1784 года на основе указа Екатерины II о вольных типографиях от 15 января 1783 года четырнадцатью наиболее деятельными членами Дружеского ученого общества Типографической компании [490].

Если с утверждением, что аренда Н.И.Новиковым университетской типографии была не только его частным, а несомненно, "братским" делом, еще можно спорить, то в отношении Типографической компании и спорить-то, в сущности, не о чем. Ведь с учреждением Типографической компании другие начинания московских масонов, как то Дружеское ученое общество, Переводческая и Филологическая семинарии - были фактически поглощены ею. В их существовании уже не было теперь большой надобности. Во всяком случае, с 1784 года определить, где кончается Дружеское ученое общество и где начинается Типографическая компания невозможно.

Соединенный капитал Типографической компании составился из взносов ее 14 учредителей - братьев-масонов. Наиболее крупные взносы были: братьев Н. и Ю.Трубецких (10 тысяч рублей), князя А.А.Черкасского (5 тысяч рублей), В.В.Чулкова (5 тысяч рублей), А.Ф.Ладыженского (5 тысяч рублей). Свой вклад на несколько тысяч рублей книгами и дом на Никольской улице внесли и Н.И.Новиков с братом, а также руководитель московских розенкрейцеров барон Г.Шредер.

Братья Лопухины, И.П.Тургенев, А.М.Кутузов, С.И.Гамалея и князь К.М.Енгалычев в компанию были приняты "без капитала" [491].

Общий первоначальный капитал компании составил 57 тысяч 500 рублей плюс нераспроданных книг, поступивших от Н.И.Новикова, на 320 тысяч рублей.

С учреждением Типографической компании издательские возможности розенкрейцеров резко возросли. Это позволило им сразу же развернуть невиданную по тем временам кипучую деятельность по изданию книг в нашем Отечестве, причем уже с самого начала наряду с литературой религиозно-нравственного характера видное место среди них принадлежало литературе коммерческого, как бы мы сейчас сказали, содержания, рассчитанной на широкий книжный рынок. Литература же специальная, сугубо масонская, печаталась в так называемой "тайной" типографии И.В.Лопухина. Руководство Компании на первых порах носило коллективный характер, и наряду с Н.И.Новиковым, бывшим у компаньонов что-то вроде коммерческого директора, его осуществляли также И.В.Лопухин, Г.А.Шредер, А.М.Кутузов, С.И.Гамалея, князья Николай и Юрий Трубецкие [492].

Но так продолжалось недолго, и на роль фактического и единственного руководителя Компании выдвинулся вскоре Н.И.Новиков. Не лишенный предпринимательской жилки, он установил прямые связи с книжными лавками, продавал книги в кредит.

Только в Москве число книжных лавок благодаря Н.И.Новикову увеличилось в 10 раз: было 2, стало 20. Им же была учреждена в Москве и первая публичная библиотека. За 8 лет (1784-1791) существования только одна Типографическая компания сумела издать 554 наименования книг. В предыдущее десятилетие, с 1771-го по 1780-й годы в России было напечатано 1466 наименований книг, из них Н.И.Новиковым - только 167 или 11%. В следующее же, так называемое "новиковское" десятилетие (1781-1790) из общего числа изданных за это время книг - 2685, за Н.И.Новиковым и его кружком было уже 749 книг или 28% [493].

Общий тираж их печатной продукции составил не менее 100 тыс. экземпляров.

Всего же за московский период (1779-1792) издательской деятельности новиковского кружка (университетская типография, Типографическая компания, типография И.В.Лопухина) им была напечатана 891 книга [494].

Видное место среди его изданий занимает литература, как бы мы сейчас сказали, общегуманитарного характера: сочинения Вольтера, Дидро, Руссо и других европейских авторов, а также учебники, словари грамматики, сочинения по истории, различного рода пособия с советами на все случаи жизни, направленные на повышение общеобразовательного, нравственного и культурного уровня русского общества. Широко представлена среди изданий московских розенкрейцеров 1780-х годов и переводная художественная литература, рассчитанная на самого широкого читателя. Так, за один только 1784 год

членами новиковского кружка были изданы: "Андрей и Цецила, комедия в одном действии, пер. с французского"; "Аффалия, трагедия, взятая из Священного писания г. Расина, пер. с французского"; "Беседы избранные святого отца нашего Иоанна Златоуста"; "Беглец, драма в 5 действиях г. Мершера, пер. с французского"; "Генриетта, или Она уже замужем, комедия в 5 действиях, вольный перевод с немецкого"; "Карманная или памятная книжка для молодых девиц, содержащая в себе наставления прекрасному полу"; "Лейнард и Гермилия, или злосчастная судьба двух любовников. Сочинение девицы Н.Н."; "Миртиль, пастушеская поэма, пер. с французского"; "Новый лексикон или словарь на французском, итальянском, немецком, латинском и российском языках" и т.п.

В то же время, наряду с этой, "ширпотребовской", как бы мы сейчас сказали, литературой в том же 1784 году из новиковского круга вышли и книги специального содержания, предназначенные для более подготовленного и более узкого круга русских читателей: "Братские увещания к некоторым братиям свободным каменщикам. Писаны братом Седдагом" (напечатано в типографии И.В.Лопухина); "Таинство креста и Иисуса Христа и Членов его" (напечатано в типографии И.В.Лопухина); "Сатирические и философские сочинения господина Вольтера" (издание Н.И.Новикова и Ко); "Феофаста Парацельса химическая псалтирь о камне мудрых" (типография И.В.Лопухина); "Рассуждения о книге Соломоновой, нарицаемой "Песней песней"" (издание 2-е, типография И.В.Лопухина); "Магазин свободнокаменщический, содержащий в себе речи, говоренные в собраниях, песни, письма ... Т.1, три части" (типография И.В.Лопухина); "Духовный рыцарь или ищущий премудрости" (типография И.В.Лопухина) и др. [495] В ряде случаев масонская литература из-за опасений преследования со стороны правительства издавалась братьями без указания на типографию: "Дух масонства. Нравоучительные и истолковательные речи" Вильгельма Гучинсона, "О тройственном пути души", "Соборное послание С.А.Иакова" де ла Мотт-Гюйона, "Речи, говоренные в присутствии Н.Н. братом Розового креста" и т.д.. Среди других переводных сочинений западноевропейских мистиков и собственно масонской литературы, напечатанной новиковским кружком, можно отметить: "Об истине христианства" Иоанна Арндта (1784), "О познании самого себя" Иоанна Массона (1783), "Рассуждение против атеистов ..." Гуго Гроция (1781), "Страшный суд и торжество веры" Эдуарда Юнга (1785), "Простосердечное о молитве наставление" (1783), "Апология или защищение ордена Вольных каменщиков" (1784), "О заблуждениях и истине" Сен-Мартена (1785), "Должность братьев Златорозового креста" (1784) - руководство для низших степеней ордена и т.п. [496] Что касается русских сочинений этого рода (И.П.Тургенев "Кто может быть добрым гражданином и подданным верным", 1790; И.В.Лопухин "Духовный рыцарь или ищущий премудрости", 1791 и др.), то они, по мнению специалистов, откровенно слабы и носят подражательный характер. Это, по словам А.Н.Пыпина, "повторение общемасонских и потом розенкрейцерских тем, вражда против "злоупотреблений разума", мистическая философия и защита Ордена" [497].

Из 448 книг, изданных Н.И.Новиковым к 1786 году [498], по крайней мере 290, то есть почти две трети, с определенными оговорками могут быть отнесены к литературе светского содержания [499], и только одна треть – к литературе религиозно-нравственной. Не удовлетворенный этими подсчетами, идущими еще от М.Н.Лонгинова и А.Н.Пыпина, советский исследователь Г.П.Макогоненко произвел свои. Всего с 1779 по 1792 годы, по его сведениям, все три типографии московских розенкрейцеров напечатали 891 наименование книг. По разряду художественной литературы (стихи, проза, драмы, комедии) у него проходят 384 названия. Вторую группу составляют сочинения по истории, философии, экономике, политике - 194 названия. Третья группа: лечебники, словари, официальные документы - 120 названий. Всего, таким образом, 698 книг безусловно светского содержания, и только 193 - религиозно-мистического. 49 из числа последних (33 – напечатаны И.В.Лопухиным и 16 - в тайной типографии розенкрейцеров), хотя и были собственно масонские, но Н.И.Новиков к их изданию прямого отношения не имел. В

своих типографиях Н.И.Новиков напечатал, по подсчетам Г.П.Макогоненко, всего только 17 собственно масонских книг. Все остальное - это переводные книжки назидательного и нравоучительного характера, проповеди русских архиепископов, сочинения и жития отцов церкви. Таким образом получается, что за 13 лет во всех трех типографиях московских масонов было напечатано всего 66 наименований собственно масонских книг. Если же исключить из их числа 16 масонских сочинений, напечатанных тайно, то из оставшихся 50 Н.И.Новикову принадлежало только 17. Остальные 33 были напечатаны в типографии И.В.Лопухина [500].

Даже если Г.П.Макогоненко несколько перегнул палку по части отнесения к литературе светского характера некоторых "сомнительных" сочинений, старая пыпинская точка зрения на Н.И.Новикова 1780-х годов как на неутомимого пропагандиста на Руси оккультной мистической литературы [501] может считаться уже пройденным этапом в нашей историографии. Но и особенно обольщаться подсчетами Г.П.Макогоненко тоже не следует. Ведь и из них ясно видно, что если уж не каждая третья, как думал М.Н.Лонгинов, то по крайней мере, каждая четвертая книга, напечатанная московскими розенкрейцерами, была все же религиозно-мистического или нравственного содержания. Нельзя забывать, что за проектами, которые реализовывал Н.И.Новиков, стояла весьма большая и сплоченная группа преданных масонскому делу людей. На книжное дело они смотрели не с нашей, а со своей, масонской точки зрения. Да и сам Н.И.Новиков, несмотря на свою холодность с некоторыми руководителями ордена, до конца дней своих оставался, тем не менее, ревностным масоном.

Что же касается художественной литературы, словарей, грамматик и различного рода руководств, то издание их могло быть связано не столько с заботой братьев-масонов о русском просвещении, как думают наши историки и литературоведы, сколько с обыкновенным коммерческим расчетом. Ведь издания такого рода всегда хорошо расходятся среди публики и даже способны принести немалую прибыль. Показательна в этом плане реплика видного розенкрейцера новиковского круга И.В.Лопухина в связи с переменами, которые произошли в издательской деятельности Типографической компании после указа 1787 года о запрещении светским типографиям печатать "духовные" книги. "Книги печатаются только такие, - язвительно писал в ноябре 1790 года И.В.Лопухин, - и не могу сказать какие, ибо такая дрянь, что я и не интересуюсь ныне знать о типографской работе. Сказки да побаски только для выручки денег на содержание" [502].

Раздражение И.В.Лопухина понятно: настоящей литературой для него, как масона-мистика, была, судя по всему, не светская, а религиозно-нравственная литература. А учебники, словари, романы, комедии и повести - так, одна дрянь, издаваемая исключительно ради выручки денег на содержание Типографической компании. Конечно, И.В.Лопухин – не Н.И.Новиков, и мнение последнего на этот счет могло отличаться, и скорее всего отличалось от мнения И.В.Лопухина.

Не стоит только забывать, что и он, при характерной для него широте взгляда на издательскую деятельность масонов, на первый план, как истинный масон, выдвигал все-таки не положительное знание, а мистическое откровение. "Помните слова хоть и глупого, но старика, - говорил Н.И.Новиков, - все науки сходятся с религией; лишь в ней разрешаются их важнейшие проблемы: без нее никогда не доучитесь, и притом не будете покойны" [503].

Можно предположить, что скорее всего, прогрессивные начинания московских масонов 1780-х годов (Дружеское ученое общество, Переводческая и Педагогическая семинарии, журналы, школы, аптеки и, конечно же, Типографическая компания) преследовали не только и не столько просветительские, сколько собственно масонские, пропагандистские цели. Это, разумеется, еще не перечеркивает укоренившейся в нашей историографии в целом позитивной оценки результатов издательской деятельности Н.И.Новикова и его товарищей. Конечно, главной фигурой здесь был Н.И.Новиков.

Значительный вклад внесли в общее дело и другие "братья": И.В.Лопухин, И.П.Тургенев, А.М.Кутузов, братья Н. и Ю.Трубецкие, братья А. и П.Ладыженские, В.В.Чулков, Г.М.Походяшин, Ф.П.Ключарев, Д.И.Дмитриевский, П.А.Татищев. Особенно велики здесь заслуги Алексея Михайловича Кутузова и Ивана Петровича Тургенева, подвизавшихся в качестве главных переводчиков и редакторов осуществленных изданий.

Масштабы филантропической и издательской деятельности розенкрейцеров были таковы, что не заметить ее было невозможно. Ее и заметили. Первые признаки надвигающейся на Н.И.Новикова грозы наметились еще в 1784 году в связи с перепечаткой им двух книг ("Сокращенный Катехизис" и "Руководство к чистописанию"), изданных ранее Комиссией о народных училищах, на что формально он не имел никакого права. Возникшая в связи с этим переписка (жалоба Комиссии народных училищ в Петербурге московскому главнокомандующему З.Г.Чернышову, относящаяся к августу 1784 года и вынужденное объяснение Н.И.Новикова по этому поводу от 11 октября) [504], хотя и причинила ему немало беспокойства, но последствий, тем не менее, не имела.

Но в покое масонов императрица оставлять не собиралась. В другой раз внимание ее привлекла напечатанная Н.И.Новиковым в 69-71 номерах "Прибавлений к Московским ведомостям" за 1784 год хулительная статья об ордене иезуитов, которому покровительствовала в это время Екатерина II. "Уведомившись, что будто бы в Москве печатают ругательную историю ордена иезуитского, повелеваем запретить таковое напечатание, а ежели бы оная издана была, то экземпляры отобрать", - гласит ее указ московскому губернатору генерал-поручику Н.П.Архарову от 23 сентября 1784 года [505].

Узнав (возможно из доноса) о заведении московскими масонами своей больницы, императрица спешит уведомить о том (23 января 1786 года) гражданского губернатора П.В.Лопухина и требует срочного обследования московских больниц и богаделен со стороны Приказа общественного призрения [506].

Еще раньше (7 октября 1785 года) она распорядилась в письме на имя московского главнокомандующего графа Я.А.Брюса об обследовании всех московских школ и училищ [507].

Особое беспокойство государыни вызывала издательская деятельность масонов.

"В рассуждении, что из типографии Новикова выходят многие странные книги, прикажите губернскому прокурору, сочиня роспись оным, отослать оную с книгами к преосвященному архиепископу Московскому", - писала императрица Я.А.Брюсу 23 декабря 1785 года [508]. Самого Н.И.Новикова было предложено призвать в московское губернское правление и объявить ему, что учреждение частных типографий предполагает издание "книг, обществу прямо полезных и нужных, а отнюдь не для того, дабы способствовать изданию сочинений, наполненных новым расколом для обмана и уловления невежд" [509].

Архиепископу же Платону прямо было предложено, во-первых, призвав к себе Н.И.Новикова, "испытать его в законе нашем", а во-вторых, "освидетельствовать" изданные им книги: "не скрывается ли в них умствований, не сходных с простыми и чистыми правилами веры нашей православной и гражданской должности" [510].

Что касается масонских больниц и школ, то опасения императрицы не подтвердились.

"Касательно же до заведения больницы и школ от составляющих скопище известного нового раскола, - докладывал 30 января 1786 года московский гражданский губернатор П.В.Лопухин, - ... то оных совершенно теперь нет, а пользовались прежде в доме содержателя Новикова находящиеся при его типографии работники. Посторонних же для пользования никого принимаемо не было ... Школы же и пенсионы, сколько их в городе имеется, еще прежде сего вследствие полученного от Вашего Императорского Величества господину главнокомандующему высочайшего повеления определениями от Преосвященного московского, от университета и от Приказа общественного призрения членами осматриваны и неспособные к обучению учителя все исключены. Закону же

обучать в оных дозволено единственно тем, кои от Преосвященного московского к тому удостоены". Теперь же, констатировал в заключение П.В.Лопухин, в Москве "ни заведенных школ, кроме предуставленных порядком, ни больниц, кроме казенных, нет" [511].

Не дали нужных результатов проверка книжной продукции Типографической компании и испытание самого Н.И.Новикова "в вере". В своем отзыве (январь 1786 года) архиепископ Платон сообщал императрице, что он лично испытал Н.И.Новикова в догматах православной церкви и "молит Всемогущего Бога, чтобы не только в словесной пастве, Богом и тобою, всемилостивейшая государыня, мне вверенной, но и во всем мире были христиане таковые, как Новиков" [512].

Что касается переданных на его рассмотрение 446 названий книг, то их он разделил на три разряда: 1-й - полезные или "собственно литературные", 2-й - мистические, которые он не понимает, а поэтому и судить о них не может, 3-й - "самые зловредные", к которым он отнес сочинения "так называемых энциклопедистов". Решение императрицы по этому делу последовало 27 марта 1786 года. Из него, в частности, следовало, что запрету подлежало всего только шесть масонских книг: "Апология или защищение Вольного Каменщичества" (пер. с немецкого, М., 1784), "Братское увещание к некоторым братьям Свободным Каменщикам, писанные братом Седдагом" (М., 1784), "Карманная книжка для вольных каменщиков и для тех, кто не принадлежит к числу оных" (пер. с немецкого, М., 1783), "О заблуждениях и истине" Сен-Мартена (М., 1785), "Химическая псалтырь или философские правила о камне мудрых" Парацельса (М., 1784) и "Хризомандер, аллегорическая и сатирическая повесть различного весьма важного содержания" (М., 1783) [513].

Все это - исключительно масонские сочинения. Что же касается книг "гнусных и юродивых, порождении так называемых энциклопедистов" [514], на запрещении которых настаивал архиепископ Платон, то их то как раз Екатерина II, как государыня гуманная и либеральная, запретить не захотела.

Это в корне меняло все дело. Запрещение из составленной по этому случаю московским губернским прокурором А.А.Тейльсом росписи 461 книги, продававшихся у Н.И.Новикова только 6, совершенно безобидных с политической точки зрения (хотя они и были впоследствии сожжены Московской управой благочиния) масонских сочинений свидетельствует о полном фиаско затеянной против Н.И.Новикова акции. В результате Н.И.Новиков отделался легким испугом и уже в марте 1786 года ему, правда, понесшему в связи с этой историей большие убытки, было опять разрешено торговать книгами [515].

Государыня продолжала однако зорко следить за Н.И.Новиковым, и уже 23 января 1787 года нанесла по нему серьезный удар, запретив светским типографиям печатать книги, "до святости относящиеся". 27 июля 1787 года последовал новый указ императрицы, согласно которому была запрещена и продажа таких книг [516].

Прямо надо сказать, известные основания для применения этих жестких мер у Екатерины II были. Дело в том, что литература, издаваемая Н.И.Новиковым, была в основном переводной. И дело тут не только в очевидно одностороннем (масонство, религиозная мистика) подборе им публикуемых авторов. Литература эта создавалась в ответ на общественно-политические и интеллектуальные запросы, или по крайней мере часть их, тогдашнего западноевропейского общества.

Интеллектуальная и общественно-политическая ситуация в России этого времени была совсем другой. Далеко не всегда то, что охотно "проглатывал" английский или французский читатель, и поистине с легкостью необыкновенной тиражировали московские розенкрейцеры, было приемлемо для читателя русского, православного.

Не было секретом и то, что как раз с православной религиозностью у адептов масонства и были большие проблемы.

Дело в том, что как и для их западноевропейских братьев, идеалом христианства для московских розенкрейцеров было так называемое "внутреннее христианство", резко

противопоставляемое ими официальной православной церкви, которую они, как, впрочем, и их современные духовные наследники - экуменисты, иначе как "пережитком" и не называли. "Масонство было у нас, - отмечал в связи с этим Н.А.Бердяев, - стремлением к внутренней церкви, на видимую церковь смотрели как на переходное состояние" [517].

Оставаясь формально в лоне православия, русские масоны явно тяготели к протестантизму. Что и не удивительно. Среди других новаций, которые принесла с собой Реформация в Европе, было и масонство. Здесь, видимо, нет необходимости доказывать, что "книги, до святости относящиеся" – это отнюдь не та литература, запрещение издания которой способно было нанести серьезный урон делу просвещения российского общества. Скорее уж наоборот. Конечно, к 1787 году в лавке и на складе Типографической компании литературы такого рода было не на одну тысячу рублей, но едва ли Н.И.Новиков, будучи человеком практичным, мог серьезно рассчитывать на ее успешную реализацию. Было ясно, что в известном смысле деньги, затраченные на ее издание - это были как бы уже закопанные деньги.

Тем не менее, некоторые авторы склонны придавать едва ли не решающее значение указу 27 июля 1787 года в судьбе Типографической компании. "Так как подавляющее большинство продававшихся Новиковым и компанией мистических книг, несомненно, относилось до святости, то указ 27 июля 1787 года приостановил всю деятельность компании. После его появления ей почти невозможно было продолжать существование. Список ее изданий с 1787 года заполнен, преимущественно, книгами исторического характера (в числе которых было второе издание Древней российской вивлиофики)", - отмечал в свое время Г.В.Вернадский [518].

Но верить здесь Г.В.Вернадскому нельзя. Как показал В.А.Западов, после указа Екатерины II от 27 июля 1787 года из обнаруженных у Н.И.Новикова 313 напечатанных им книг, "до святости относящихся", запрещены к продаже были только 14. Остальные книги были возвращены их владельцам с дозволением продавать их [519]. Согласно подсчетам другого исследователя, Г.П.Макогоненко, число книг, изданных Н.И.Новиковым после 27 июля 1787 года, не только не сократилось, но даже несколько возросло: 1786 год - 65 книг, 1787 год - 132 книги, 1788 год - 155 книг. И только после того, как Н.И.Новиков лишился в 1789 году университетской типографии и влез в долги, число издаваемых им книг резко пошло на убыль. В 1789 году было издано 44 книги и в 1790-1792 гг. - всего только 26 книг [520].

Можно сказать, что указ 27 июля 1787 года пошел даже на пользу русскому просвещению, так как место масонской и религиозно-нравственной литературы в издательской деятельности новиковского кружка прочно заняла теперь литература историческая, философская, художественная и политическая: 2-е издание "Древней российской вивлиофики", "Деяния Петра Великого" Ивана Голикова, "Женитьба Фигаро" Бомарше, комедии Дидро, Шеридана, а также сочинения Вольтера, Лессинга, Фильдинга, Локка и других европейских мыслителей. Если на то пошло, в финансовом отношении вынужденная переориентация издательских планов Типографической компании явно была ей на пользу.

Конечно, "вклада" Екатерины II в уничтожение Типографической компании отрицать нельзя. Крупной вехой здесь явилось запрещение государыни продлить аренду Н.И.Новиковым типографии у Московского университета, срок контракта на которую истек в 1789 году. Вот это действительно был серьезный удар по издательской деятельности московских розенкрейцеров. Но погубила Типографическую компанию не столько императрица, как это обычно подается в нашей историографии, сколько то, что уже буквально с первых шагов работа ее была подчинена задачам не столько коммерческого (самоокупаемость издаваемых книг), сколько идеологического плана - всемерная пропаганда и насаждение в России "масонского света", масонской идеологии. Самостоятельно, без финансовой подпитки со стороны, Компания при такой постановке дела существовать едва ли могла. И она, такая подпитка, у нее была.

"Правление Новикова, - констатировал неизвестный нам по имени ритор ложи "Трех знамен", - отличалось от всех прочих тем, что для распространения ордена требовались огромные суммы, и всегда оные доставлялись ... Заведение аптеки и многих других подобных учреждений требовало громадных сумм, через что состояние некоторых богатых и щедрых братьев расстроилось вконец. Я мог бы назвать некоторых бывших миллионеров, участвовавших во всем этом своим капиталом и ставших теперь чуть ли не нищими" [521].

Здесь мы вступаем в такую весьма непростую область, как благотворительность или, говоря современным языком, спонсорство у масонов. "Всякий каменщик, какого бы исповедания христианского, какой бы страны или состояния ни был, есть твой брат и имеет право в твоей помощи", - гласит вольнокаменщический устав [522]. Масонская благотворительность заключалась, прежде всего, во взаимной материальной поддержке братьями друг друга. За пределы ордена она выходила редко и ограничивалась, как правило, так называемыми "кружечными сборами" в пользу нищих. Крупные проекты масонской благотворительности вне масонских лож крайне редки [523] и связаны они, главным образом, с именем Н.И.Новикова. О заведенных им на масонские пожертвования двух петербургских училищах и богадельне мы уже говорили. Перебравшись в 1779 году в Москву, Н.И.Новиков и здесь попытался было открыть на свои деньги несколько школ и богаделен. Однако развитие его инициатива не нашла, и школы эти были сразу же прикрыты правительством.

Наряду со школами и типографией, новиковский кружок завел в Москве в Гендриковском доме и аптеку. Для ее организации масоны пригласили из-за границы известного фармацевта Френкеля. Провизорами в ней были Биндгейм, Кубе, Линрод, Берт и Эйнбродт. После того, как масонство было запрещено, каждый из них открыл свое собственное дело, собственную аптеку. Так было положено прочное основание развитию аптечного дела в Москве [524].

Собственно, сама идея широкого привлечения для нужд ордена так называемых "спонсорских денег" богатых и преданных масонским идеалам братьев исходила, видимо, от И.-Г.Шварца. Его циничный отзыв от "дураке Татищеве", охотно жертвовавшем большие деньги на нужды масонов, мы уже приводили. Как бы то ни было, за щедрые финансовые вливания в казну ордена "братья" возвели Петра Алексеевича в Приоры VIII провинции ордена. Никакими данными для выполнения своих, пусть во многом и формальных обязанностей, он не обладал, являясь постоянным объектом насмешек со стороны "братьев" [525].

И это при том, что Дружеское ученое общество при Московском университете всецело располагалось в его доме и во многом существовало на его деньги.

Тот же Татищев выступил и в качестве одного из учредителей Типографической компании (1784 г.).

Особенно много сделал для развития книгоиздательской деятельности Н.И.Новикова и его кружка Григорий Максимович Походяшин. Это был сын известного откупщика, миллионера-горнозаводчика Максима Михайловича Походяшина. Выходец из крестьян, он сделал себе целое состояние на разработке открытого им богатого месторождения медной руды в Верхотурье на Урале. В 1758 году им был основан знаменитый Петровский завод, в 1760 году - Николо-Павдинский и Туринский рудники, в 1768 - Богословский завод. Не брезговал М.М.Походяшин и откупами и винокурением.

Еще в 1740 году им были открыты 5 винокуренных заводов недалеко от Тагильского завода в Тюмени, Екатеринбурге и Ирбите. Из троих сыновей Михаила Михайловича только старший - Василий (рано умерший) унаследовал деловую хватку отца.

Два других его сына ничем себя не проявили и служили в гвардии. Младший из них - Григорий Походяшин, выйдя в 1786 году в отставку в чине премьер-майора, женился и поселился в Москве. Здесь он имел несчастье близко сойтись с Н.И.Новиковым

и, как человек богатый, и, следовательно, для масонов полезный, быстро вошел в избранный круг братьев "ордена теоретического градуса".

Человек недалекий, Г.М.Походяшин на полном серьезе воспринял религиозно-нравственные проповеди розенкрейцеров о помощи ближним и не жалел денег на масонские благотворительные мероприятия. Наиболее крупным из них является раздача Н.И.Новиковым хлеба нуждающимся крестьянам Московской губернии в голодном 1787 году. Дождь и последовавшие за ним морозы уничтожили ржаные посевы центральных губерний России. Четверть ржи стоила в это время в Москве 20 рублей. Листья, мох и сено сделались обычной пищей крестьян. Проводя значительную часть времени в своем селе Авдотьино, Н.И.Новиков воочию смог убедиться в трагизме ситуации. "У крестьян не было уже ни хлеба для пропитания, ни корму для скота. Я раздал весь свой хлеб, сколько его было, своим крестьянам, уделя часть из оного соседским крестьянам, пришедшим по соседству просить", - вспоминал позднее об этой истории Н.И.Новиков. Вместе со своим братом он закупил на три тысячи рублей семян для раздачи своим крестьянам на посев и ржи "для прокормления". Остатки же раздавались им немалому числу приходящих "бедных просителей".

Вернувшись в Москву и оказавшись здесь на ближайшем заседании масонской ложи, Н.И.Новиков выступил с горячей речью, закончив ее призывом о сборе средств для помощи голодающим. Тут же были собраны необходимые деньги для закупки хлеба, причем наиболее крупная сумма, по свидетельству Н.И.Новикова - 50 тысяч рублей - поступила от уже упоминавшегося нами Г.М.Походяшина [526]. Вернувшись в Авдотьино, Н.И.Новиков превратил его в центр по раздаче, правда не бесплатно, а взаймы, семян и хлеба нуждающимся. Акция эта продолжалась с лета 1787 вплоть до весны следующего 1788 года и охватила район в более чем 100 казенных и помещичьих селений. "Г.Походяшин, - отмечал Н.И.Новиков, - передал мне всего 50 тысяч рублей, на которые я закупил хлеба и раздал крестьянам взаймы до следующей осени, с тем, чтобы деньгами или хлебом заплатили. Хлеб раздаваем был с свидетельствами и расписками. Всех казенных и дворянских селений, из коих брали хлеб, кажется не ошибусь, если скажу было около ста. Посредством сего хлеба вся та окольность в тот несчастный год прокормилась и весною все поля обсеяны были яровым хлебом".

Возвращенные Н.И.Новикову крестьянами хлеб и деньги поступали в организованный им так называемый общественный фонд, из которого предполагалось продолжение помощи нуждающимся. В случае же невозможности отдачи взятой крестьянами ссуды у Н.И.Новикова последние привлекались им к общественным работам - выделке кирпича, постройке каменных амбаров для хранения общественного хлеба и даже обработке земли на отведенных Н.И.Новиковым в своем имении участках [527].

Любопытно, что раздача хлеба под расписку нуждающимся продолжалась Н.И.Новиковым и после 1787 года, когда угрозы голода уже не было. "В последующие годы, - показывал он на следствии, - раздача хлеба продолжалась повсегодно тем, которые просили. Из сих денег осталось на разных селениях на 1789 год, помнится, до 15 или, может быть, и до 20 тысяч рублей несобранных" [528].

Московская масонская верхушка во всей этой акции практического участия не принимала, препоручив все тому, кто, собственно, и заварил эту кашу, то есть Н.И.Новикову. Он, собственно (вместе со своими приказчиками), и обеспечивал всю ее организационную часть. Финансовая же сторона дела легла, главным образом, на Г.М.Походяшина. Н.И.Новиков в своих показаниях, как мы уже отмечали, говорил, что общая сумма полученных им от него денег на закупку хлеба не превышала 50 тысяч рублей. Не исключено, впрочем, что на самом деле сумма, пожертвованная Г.М.Походяшиным на эти цели, составила, по некоторым оценкам (Е.М.Гаршин), до 300 тысяч рублей [529].

Самые приблизительные подсчеты показывают, что за одну только "пятилетку" (1786-1791 гг.) масоны "выдоили" у Г.М.Походяшина более 500 тысяч рублей, в результате чего этот богач вынужден был влезть в долги.

Тем временем финансовое положение Типографической компании катастрофически ухудшалось, и в ноябре 1791 года она вынуждена была прекратить свое существование.

Имущество же ее вместе с долгами, по взаимному соглашению учредителей перешло к Н.И.Новикову [530]. Сам он впоследствии невразумительно объяснял случившееся князю А.А.Прозоровскому тем, что обстоятельства заставляли иногда Компанию входить в долги, которые возрастали не вдруг, но "по нужде и временам" [531]. Что имел в виду под "обстоятельствами" сам Н.И.Новиков - гадать не будем. Однако главным из них была, как нетрудно догадаться, слабая раскупаемость новиковских изданий, что оборачивалось для Типографической компании прямыми убытками.

К хорошо известному в литературе пассажу Н.И.Новикова во время допроса его князем А.А.Прозоровским о якобы 40-80 тысячах ежегодного дохода от деятельности Компании в первые годы ее существования [532] следует относиться скептически. Версия о прибыльности издательской деятельности Типографической компании понадобилась Н.И.Новикову для того, чтобы скрыть резкое (почти вдвое) увеличение ее основного капитала: А.А.Прозоровский заподозрил, что помимо официальных сумм, внесенных учредителями Типографической компании, были еще и другие суммы, или скрытые финансовые потоки, питавшие ее деятельность. Раскрывать их происхождение и повествовать А.А.Прозоровскому о деликатной стороне своих отношений с П.А.Татищевым и Г.М.Походяшиным Н.И.Новиков, кажется, не собирался.

Прямо надо сказать: 300-тысячный долг на момент ликвидации Типографической компании - прямой результат его издательской политики, когда, вопреки здравому смыслу, печатались не книги, отражающие пусть и непритязательные, но зато реальные запросы тогдашней читающей публики, а то, что пытались навязать русскому обществу его самозваные масонские радетели. Любопытно, что именно в это тяжелое для Компании время (1791 год) на занятые у Г.М.Походяшина деньги Н.И.Новиков покупает у генерал-майора Ладыженского небольшое имение в 110 душ в Орловском наместничестве стоимостью 18 тысяч рублей [533].

Как бы то ни было, финансовое положение Типографической компании к концу 1780-х гг. было критическим. Фактически Компания потерпела финансовый крах и в ноябре 1791 года ее учредителям пришлось официально признать это, составив официальный акт о ее роспуске. Все имущество Компании вместе с долгами переходило к Н.И.Новикову, который, собственно, и должен был теперь рассчитываться с ее бывшими учредителями и кредиторами [534].

Надо отдать должное Новикову. Не имея своих собственных денег и не рассчитывая на прибыли от изданий Типографической компании, он сделала то, что, собственно, ему и оставалось сделать: стал искать себе богатого компаньона. Искал он его недолго. Благоговевший перед ним Г.М.Походяшин легко согласился на эту авантюру. Задача, которая перед ним стояла, была весьма прозаической: рассчитаться своими деньгами с долгами Типографической компании и выплатить ее учредителям первоначально внесенный ими при ее учреждении в 1784 году капитал. "С помощью моего капитала, - простодушно объяснял впоследствии Г.М.Походяшин, - мог он (Новиков - Б.В.) очистить то имение от всех залогов, а потом утвердить за мной" [535]. Это была, говоря современным языком, явная подстава, так как "имение" Типографической компании (два каменных дома в Москве, аптека, типография) явно не стоило тех средств, которые предстояло вложить в это сомнительное предприятие Г.М.Походяшину.

Были, правда, еще нераспроданные книги "по продажным ценам на 700 тысяч рублей". Но надеяться на их реализацию мог разве что сумасшедший. Им, собственно, и был Г.М.Походяшин. Ничтоже сумняшеся, этот масон и филантроп решает продать в казну принадлежавшие ему вместе с братом медеплавильные и железоделательные заводы за два с половиной миллиона рублей. Как свидетельствовал современник Г.Походяшина А.Болотов, заводы были проданы почти что задаром. Впрочем, сама сумма по тем

временам была все женемалая. Другое дело, что наличными братья получили всего только 250 тысяч. Остальные 2250 тысяч были рассрочены им на 10 лет без процентов. "Как наличные деньги, так и большую часть облигаций отложили мы на платеж долгов наших, и мне из доставшихся облигаций (1 миллион 125 тысяч - Б.В.) при разделе с братом моим досталось на часть мою 490 тысяч рублей", - отмечал Г.М.Походяшин. "Из этого расчета видно, - констатировал исследователь Е.М.Гаршин, - что в течение 5 лет со времени выхода Походяшина в отставку до 1791 года им было прожито не менее полумиллиона рублей" [536].

Поскольку ни в чем предосудительном Г.М.Походяшин замечен не был, сумма эта (500 тысяч) - тяжелый грех московских масонов, без зазрения совести обиравших своего простодушного "брата". Однако самое интересное началось после того, как Г.М.Походяшин согласился вступить в компаньоны с Н.И.Новиковым и с легким сердцем вручил ему срочных облигаций на 375 тысяч рублей, из которых тот ко времени своего ареста успел потратить до 275 тысяч. После освобождения (1796 год) Н.И.Новикова из крепости "имение" его было передано в связи с долгами в ведение Московского приказа общественного призрения.

Теперь он, собственно, и должен был, пустив это имение с торгов, удовлетворить кредиторов. Претензии Г.М.Походяшина к Н.И.Новикову к этому времени составляли, по его словам, 400 тысяч рублей. К 1798 году эта сумма возросла до 462149 рублей. Примерно на 300 тысяч рублей предъявили к Н.И.Новикову свои претензии и другие "партикулярные люди". Учитывая иск Опекунского совета, составившаяся с набежавшими процентами общая сумма всех исков на "имение" Н.И.Новикова достигла, по словам Г.М.Походяшина, до 900 тысяч рублей (на самом деле несколько меньше - 753537 рублей на 1798 год) [537].

Как и следовало ожидать, в первую очередь был удовлетворен иск Опекунского совета. В пользу же "партикулярных исков" остались одни только нераспроданные книги Типографической компании на 500 тысяч рублей по каталожной цене [538]. Обратить их в звонкую монету наверное не под силу было даже Господу Богу.

Правда, в 1803 году Г.М.Походяшин попытался было открыть в Москве "для распродажи его книжного магазина лотерею в течение года", но ничего путного из этой затеи не вышло. Ярким свидетельством наивности и простодушия Г.М.Походяшина может служить его ходатайство взамен причитающихся на его долю нераспроданных книг на 400 тысяч рублей, которые он готов был уступить казне, вознаградить его, хотя бы в Белоруссии или Польше имением "до 1000 душ или хотя и менее" крестьян [539]. Домогательства Г.М.Походяшина, как и следовало ожидать, были отвергнуты.

Сложив 462 тысячи рублей, которые пытался вернуть теперь Г.М.Походяшин [540], с 300 тысяч рублей, пожертвованных им в свое время на борьбу с голодом, и прибавив к этому покупку в 1791 году у Типографической компании совсем не нужного ему убыточного книжного магазина, получим внушительную сумму не менее чем на 800 тысяч рублей.

То, что Н.И.Новиков использовал эти деньги не для себя лично, а в видах, так сказать, общественного блага, мало что меняет.

Но вернемся к Г.М.Походяшину. Из финансовой удавки, устроенной ему Н.И.Новиковым, он так никогда и не выбрался. Разорившись вчистую, он умер в 1820 году в полной нищете, всеми забытый. Но обиды на "братьев" он не таил и до конца дней своих продолжал боготворить Н.И.Новикова. С его именем на устах он и умер под портретом своего "благодетеля", который всегда висел над его кроватью [541]. Бедняга, надо думать, полагал, что благодаря Н.И.Новикову и другим масонам он сумел правильно распорядиться отцовскими миллионами и, умирая в нищете, достойно завершает свой жизненный путь.

Но Г.М.Походяшин и П.А.Татищев - это самые крупные, но далеко не единственные жертвы московских масонов. Наряду с ними Ф.В.Ростопчин называет и

другие фамилии: "двое князей Трубецких, А.Н.Щепотьев, С.И.Плещеев". Сделавшись жертвами своего легковерия, они, по его словам, потеряли большое состояние и горько раскаивались впоследствии в сделанных глупостях [542].

Но, быть может, Ф.В.Ростопчин несколько сгустил краски? Ничуть. "Походяшин, - показывал на допросе у А.А.Прозоровского (1792 год) приказчик Н.И.Новикова купец 2-й гильдии Никита Никифоров, сын Кольчугин, - побужден употреблять на все свое имение, яко он находится в числе их братства и теперь живет в Москве. Его члены сей шайки не выпускают почти из виду и обирают сколько возможность позволяет" [543].

Увлеченности Н.И.Новиковым издательскими проектами много способствовало и то, что уже в 1786 году по негласному распоряжению императрицы московские масоны вынуждены были формально объявить о приостановке своей деятельности [544]. В следующем, 1787 году временное прекращение масонских работ было подтверждено распоряжением берлинских начальников ордена розенкрейцеров. В качестве причины этого ими были выставлены интриги иллюминатов, которые якобы дискредитировали принципы истинного масонства [545]. Однако на практической деятельности московских розенкрейцеров это распоряжение отразилось мало, так как закрылись только обычные ложи. Ложи же высоких степеней по прежнему, как ни в чем не бывало продолжали свои "работы" и после 1787 года. Всего таких тайных розенкрейцерских теоретических лож, продолжавших свои работы, было, согласно данным Г.В.Вернадского, не менее 8 [546].

Великим мастером Провинциальной ложи в это время был князь Юрий Владимирович Долгорукий. Он же председательствовал (великий мастер) и в ложе Теоретического градуса. Обязанности наместного мастера Провинциальной ложи исполнял князь Николай Никитич Трубецкой.

В 1788 году с целью дальнейшей централизации управления была учреждена так называемая Гаупт-Директория, во главе которой встал князь Николай Никитич Трубецкой. В ордене он имел 8-ю степень, которую получил через барона Г.Шредера.

Н.И.Трубецкой, в свою очередь, посвятил в нее своего брата Юрия. "Выше сей степени в России нет никого, - докладывал А.А.Прозоровский императрице, - ... Здесь же (то есть среди конфискованных бумаг - Б.В.) находится патент, данный князь Николаю Трубецкому на здешнее начальство, который, как он сказывает, подписан Вельнером" [547]. "Здесь в Москве, - докладывал А.А.Прозоровский 20 мая 1792 года, - приором князь Николай Трубецкой, который во всей России над ложами имеет начальство, а под ним здесь капитул, а в Петербурге другой, а главный приорат в Брауншвейге" [548].

Но сам князь, как человек не сведующий в тайных науках, мало подходил для столь ответственной роли. Преемником и помощником ему "братья" определили премьер-майора Алексея Михайловича Кутузова. Но и он тайным наукам был не обучен. Ликвидировать этот пробел в эзотерическом образовании А.М.Кутузова должна была его командировка в Европу, в которую он отправился в 1787 году.

Здесь в штаб-квартире ордена в Берлине он должен был научиться "делать золото и искать философский камень" [549].

Эта же цель была поставлена и перед пансионерами ордена М.И.Невзоровым и В.Я.Колокольниковым, которые были отправлены в Берлин в 1788 году учиться там химии с тем, чтобы по возвращении "быть лаборантами" при орденских исканиях золота [550]. "В России, - показывал на допросе Н.И.Новиков, - первое основание сему братству положил профессор Шварц, который и был начальником здесь. По смерти его определен был начальником барон Шредер, который и был все время. А кто бы был определен по возвращении Кутузова, если барон действительно отрешен будет - сие мне было еще неизвестно. Главные здешние братья - двое князей Трубецких, Кутузов, я, Гамалея, И.В.Лопухин и Тургенев" [551]. Себе в этой масонской иерархии Н.И.Новиков отводил скромное четвертое место. Реально же, ввиду фактического руководства главным предприятием московских розенкрейцеров - Типографической компанией, он являлся в нем, несомненно, главной деловой фигурой.

Особое место среди воспитанников ордена занимал Н.М.Карамзин. Впервые в масонские сети он попал еще во время своей жизни в Симбирске (принят товарищем в ложу "Златого венца"). Летом 1785 года по совету И.П.Тургенева Н.М.Карамзин перебрался в Москву и поселился у масонов в доме Дружеского ученого общества у Меньшиковой башни. В мае 1789 года, перед самым отъездом за границу, Н.М.Карамзин фактически порывает свои масонские связи. Не возобновил он их и по возвращении из Европы (сентябрь 1790 года), чем окончательно восстановил против себя весь масонский круг [552].

Дело в том, что во время своего путешествия за границей Н.М.Карамзин имел возможность лично встретиться почти со всеми "столпами" тогдашнего европейского масонства и воочию убедился в несовместимости теории и практики вольного каменщичества с национальными интересами России. Некоторые мысли Карамзина в этой связи нашли свое отражение в его знаменитых "Письмах русского путешественника".

Характерно, что за несколько лет до смерти Н.И.Новикова Н.М.Карамзин посетил его в Тихвинском. В разговоре Н.И.Новиков поинтересовался у Карамзина, состоял ли тот в ордене. Н.М.Карамзин отвечал утвердительно. Выяснив далее, что Н.М.Карамзин остановился на низших степенях посвящения, Н.И.Новиков заявил: "Ну тут еще ничего не было важного; в высших степенях сообщались вещи истинно драгоценные" и тут же предложил Н.М.Карамзину посвятить его в эти высшие таинства. Однако Н.М.Карамзин дружески пожал ему руку и удалился [553].

Местом тайных собраний московских розенкрейцеров этого времени становится имение князя Н.Н.Трубецкого Очаково, где был похоронен И.Е.Шварц. "Тут, - докладывал императрице в 1790 году А.А.Прозоровский, - наделаны разные домики: один для хозяина, другой для упоминаемого Хераскова, третий для Сергея Никитича Трубецкого, четвертый - для зятя ево Гагарина ... Новиков живет в деревне в округе Бронницкой; строит, сказывают, превеликие каменные строения. Иногда и к нему ездют под видом посещения. А здесь в виде приятельского собрания съезжаются у Поздеева" [554].

Помимо уже известных нам Н.И.Новикова, И.Е.Шварца, к числу наиболее известных фигур в русском розенкрейцерстве XVIII века можно отнести Ивана Владимировича Лопухина (1756-1816) [555].

Его отец был племянником царицы Евдокии Федоровны Лопухиной. Сам И.В.Лопухин известен, главным образом, как автор "Записок" [556].

Желанием защитить братьев-розенкрейцеров от наветов их противников была вызвана публикация им в 1791 году сочинения "Духовный рыцарь или ищущий премудрости", представляющего собой свод правил, которым должен следовать истинный масон [557].

Гуманные в своей основе взгляды И.В.Лопухина (осуждение им смертной казни), причудливо переплетались у него с приверженностью старине, самодержавным и крепостническим порядкам. Не чужд был Иван Владимирович и чисто человеческих слабостей. Во всяком случае, хорошо знавший его граф Ф.В.Ростопчин характеризовал его как "человека самого безнравственного, пьяницу, преданного разврату и противоестественным порокам, имеющего 60 тысяч рублей дохода и разоряющего целые семейства" [558]. Но, быть может, Ф.В.Ростопчин несправедлив в своем отзыве? Попробуем разобраться. Вот свидетельство другого современника. "Одною рукою раздавал он милостыню направо и налево и не платил налогов своих, облегчая участь иных семейств, он разорял других.

Он не щадил и приятелей своих по мартинизму. Вдова Тургенева, мать известных Тургеневых, долго не могла выручить довольно значительную сумму, которую тот занял у мужа ее. Нелединский, товарищ И.В.Лопухина, так объяснял эти странности своего приятеля. По мистическому настроению своему И.В.Лопухин воображал себя неким посланцем, призванным на эту грешную землю для уравновешивания общественных положений" [559].

К этой же масонской когорте принадлежал и Семен Иванович Гамалея (1743-1822).

Преподаватель Морского кадетского корпуса, он был известен как неуемный организатор масонских лож в России. Ближайший друг и ученик Н.И.Новикова, он являлся принципиальным противником крепостного права, что было редкостью в то время. В братской среде этот "божий человек" пользовался репутацией гуманиста. Однажды его обокрал собственный слуга. Когда же того наконец поймали, изобличили и привели к господину, то тот, якобы, только изрек:

"Видно мне не суждено иметь людей; отпускаю тебя и вот деньги, которые ты взял. Ступай с Богом".

Существует еще одна масонская легенда, согласно которой С.И.Гамалею за его службу хотели наградить тремястами душ крепостных, однако Семен Иванович решительно отказался, сославшись на то, что не знает, как ему управиться и с одной только душой – своей собственной [560].

Менее известен как масон Иван Петрович Тургенев (1752-1807) – отец Александра и Николая Тургеневых. Питомец Московского университета, он принадлежал к числу лиц, наиболее близких к Н.И.Новикову. Ивану Петровичу принадлежат многие переводы, опубликованные московскими розенкрейцерами, в том числе и "Апология или защита Ордена Вольных Каменщиков" (М., 1784) [561].

Видным представителем масонства екатерининского времени был и поэт, автор масонского гимна "Коль славен" Михаил Матвеевич Херасков (1733-1807). Именно он, как куратор Московского университета, предложил Н.И.Новикову взять в аренду университетскую типографию. Профессура И.Е.Шварца в Московском университете также была обеспечена ему поддержкой М.М.Хераскова. Заслуживают внимания тесные родственные связи М.М.Хераскова с заправилами московского масонства, в частности с князьями Н.Н. и Ю.Н.Трубецкими, которые были его единоутробными братьями (через второй брак его матери) [562]. Своих детей у него не было, воспитанница же его, Анна Евдокимовна, вышла замуж за другого известного масона-мистика Александра Федоровича Лабзина.

Говоря об известных масонах екатерининского царствования, нельзя не упомянуть и о А.В.Суворове, хотя казалось бы, трудно представить себе эту кипучую и такую русскую натуру в масонском фартуке. Посвятили его, судя по всему, еще в 1750-е годы (ложа "Три звезды"). В 1761 году он был посвящен в "шотландские мастера" в ложе "К трем коронам" в Кенигсберге, которая входила, в свою очередь, в розенкрейцерскую систему во главе с ложей "Трех глобусов" в Берлине [563].

Несмотря на явное недовольство императрицы, масонство в России переживало в конце 1770-х и первой половине 1780-х явный расцвет. Масонов в это время, по крайней мере в Москве и Петербурге, можно было встретить чуть ли не везде: в императорском Совете, Сенате, Университете, Академии художеств, Государственном заемном банке, полиции, суде и т.п. По самым скромным подсчетам в сравнительно небольшой исторический период (вторая половина 1760-х - 1780-е годы) в стране функционировало не менее 96 масонских лож [564].

Любопытна динамика внедрения отдельных масонских систем в России в 1770-е - 1780-е годы:

1775 год - 13 лож первого Елагинского союза и 18 Рейхелевых лож

1777 год - 18 лож Елагинско-рейхелевого союза

1780 год - 14 лож Шведской системы

1783-1786 гг. - 14 (только явных) лож розенкрейцерских

1787-1790 гг. - 22 ложи второго Елагинского союза и не менее 8 розенкрейцерских тайных лож (теоретических собраний) [565].

Согласно донесению князя А.А.Прозоровского Екатерине II, в 1792 году в России было не менее 800 масонов [566]. Те же цифры приводит и его современник, ритор ложи "Трех знамен" [567].

Общее же число масонов за весь период его существования в России во второй половине XVIII века гораздо больше. "Принимая в среднем по 35 человек на ложу (цифра, очевидно, скорее низкая, чем высокая), получаем для сотни лож, какую, вероятно, можно было насчитать в годы масонского расцвета (конец 1770-х - начало 1780-х годов) - не менее 2500 человек", - считал Г.В.Вернадский [568].

Однако другой исследователь, О.Ф.Соловьев, ссылаясь на данные А.Н.Пыпина [569], пишет всего о 93 масонских ложах последней трети XVIII века, распределявшихся по десятилетиям следующим образом: 1770-е годы - 54; 1780-е - 35; 1790-е - 4. Г.В.Вернадский, по его мнению, сильно завысил цифры. На самом деле общая численность масонов в XVIII веке вряд ли превышала одну тысячу человек [570], - считает он.

Как бы то ни было, и одна тысяча братьев-масонов, учитывая их высокий социальный статус и положение в тогдашнем обществе для России было немало.

Характерный штрих: по свидетельству Рейнбека, Екатерина II очень часто на свой вопрос, где находится тот или иной сенатор или царедворец, получала лаконичный и многозначительный ответ: "В ложе!" [571].

Г.Р.Державин в своих записках приводит многозначительный эпизод из практики его председательствования как генерал-прокурора Правительствующего Сената.

Однажды, пишет Г.Р.Державин, во время заседания поднялся большой шум. "Сенаторы встали со своих мест и говорили между собою с горячностию, так что едва ли друг друга понимали". Прошел час. Державин несколько раз показывал господам сенаторам на часы, убедительно взывал к ним успокоиться и сесть на свои места, но тщетно. Никто его не слушал. "Тогда седши на свое место за генерал-прокурорский стол, ударил по оному молотком (деревянный молоток Петра I, хранившийся в ящике на генерал-прокурорском столе). Сие, - свидетельствует Державин, - как громом поразило сенаторов: побледнели, бросились на свои места и сделалась чрезвычайная тишина" [572]. Причина столь быстрого водворения порядка в Сенате лежит на поверхности. Многие, если не большинство из господ сенаторов, как то: граф В.П.Кочубей, П.А.Строганов, А.М.Голицин, граф В.А.Зубов и другие были масонами, а молоток в руках мастера "есть орудие начальства. Когда звук оного слышат братья, какого бы достоинства и звания в ордене не были, должны молчать", - гласит масонский артикул Законов шотландской директории андреевских братьев [573].

Да что там говорить. Даже личный секретарь Екатерины II А.В.Храповицкий был масоном и в свое время заседал в елагинской ложе (1776 год) [574].

Все это едва ли могло понравиться императрице. Однако в центре внимания Екатерины II оказалось не все русское масонство как таковое, что следовало от нее ожидать, а масонство московское. И это не случайно. Вступив по совету И.-Г.Шварца в розенкрейцерский орден, московские масоны, как полагал Я.Л.Барсков, тем самым совершили как бы двойную ошибку: "направили на ложную дорогу (в мистицизм) свою просветительскую работу и запутались в политической интриге". Последняя, собственно, и привела братьев к "неизбежной гибели" [575].

Глава 7. Масоны и политика: дело Н.И.Новикова

К началу 1790-х годов обстоятельства складывались так, что все враждебное Екатерине II в России и за границей так или иначе было связано с масонством.

Екатерина II, как известно, сама будучи немкой по происхождению, немцев, тем не менее, недолюбливала. Что же касается ее сына и наследника Павла Петровича, то он держался противоположного взгляда и простодушно восхищался всем немецким или, вернее, прусским. Неудивительно поэтому, что именно на него и ориентировались связанные со своим берлинским начальством братья московского Ордена Злато-розового креста.

"Когда в руках "больших господ", - писал в этой связи Я.Л.Барсков, - остаются лишь "малые дела", они заполняют досужее время разговорами о том, что не ими делается, как при них бывало и как они поступили бы, если бы их призвали к власти. Таких господ в екатерининской Москве было множество. Их объединяло все: общественное положение, родство, свойство, жизнь не у дел, на покое, в опале".

В конце 70-х годов, после Пугачевского восстания, в Москве пошли толки о тайных масонских собраниях с участием знатных вельмож, недовольных правлением Екатерины II. "В следующем десятилетии, - подчеркивает Я.Л.Барсков, - масоны выступили публично, с явным стремлением все захватить в свои руки - управление, суд, школу, печать, благотворительность. Правительство и общество насторожились" [576].

Нельзя сбрасывать со счетов и то немаловажное обстоятельство, что уже по складу своего ума - холодного и рассудительного - Екатерина II терпеть не могла никакого тумана и никакой мистики. И уже только на этом основании русские масоны едва ли могли рассчитывать на ее сочувствие и поддержку.

"Не сходит с трона на Восток", - одобрительно отмечал в связи с этим в своей оде "К Фелице" Гавриил Романович Державин. Более того, выясняется (письмо к графу А.А.Безбородко, 1790 г.), что Екатерина II предполагала даже обнародовать специальный манифест к русскому народу с предостережением его "от прельщения, выдуманного вне наших пределов под названием разного рода масонских лож и с ними соединенных мартинистских иллюминатов и других мистических ересей, точно клонящихся к разрушению христианского православия и всякого благоустроенного правления, а на место оного возводящих неустройство под видом несбыточного и в естестве не существующего мнимого равенства" [577].

Первое полемическое сочинение Екатерины II, направленное против масонов, - "Тайна противонелепого общества", остроумная пародия на масонские ритуалы - вышло в свет еще в 1780 году. В последующем ее недовольство деятельностью "братьев", подогреваемое ярым недругом масонов, фаворитом государыни А.М.Дмитриевым-Мамоновым вылилось в написанных ею и поставленных в 1786 году трех комедиях, разоблачающих и осмеивающих "вольных каменщиков": "Обманщик", "Обольщенный" и "Шаман сибирский". Внимательно изучивший эти комедии, как и вообще полемику Екатерины II с масонами А.И.Семека пришел к выводу, что негодование ее против "братьев" было вызвано, главным образом, их замкнутостью, мистическим настроением и критическим отношением к тогдашней российской действительности. "Подозрительным казалось ей и существование у масонов какой-то тайны; добродетель их она считала лицемерием, самих масонов - или обманутыми простаками, или ловкими мошенниками" [578].

Однако эффект от литературной полемики с масонами, как вынуждена была признать впоследствии сама Екатерина II, оказался крайне незначительным и на самих масонов ее критика их деятельности должного впечатления не произвела.

"Перечитав, - писала она, - в печати и в рукописях все скучные нелепости, которыми занимаются масоны, я с отвращением убедилась, что как ни смейся над людьми, они не становятся от того ни образованнее, ни благоразумнее" [579]. Стало очевидно, что одной литературной полемики с масонами мало: пора и власть употребить.

Целесообразность этого употребления власти была тем более очевидна, что несмотря на формальное прекращение своих работ в 1786-1787 гг. [580], тайная деятельность по крайней мере 6 розенкрейцерских лож "теоретического градуса" по-прежнему продолжалась [581]. Приостановлена была деятельность только так называемых "иоанновских" лож, т.е. лож первых трех степеней. Как ни в чем не бывало продолжалась просветительская и филантропическая деятельность ордена. Вопреки распространенному взгляду, она отнюдь не была так безобидна, как это представляется в трудах наших историков, а преследовала далеко идущие цели повсеместного распространения и внедрения в общественное сознание масонской идеологии. Обстоятельство это нисколько не противоречит, как представляется, ни чистоте побуждений некоторых братьев, жертвовавших огромные

суммы на общественные нужды, ни положительной оценке этой стороны деятельности московских масонов позднейшими исследователями.

Наиболее серьезной акцией этого рода после прикрытия в середине 1780-х годов Екатериной II масонских училищ [582] стала борьба с голодом в 1787 году, о чем уже шла речь. Для нас в данном случае важно подчеркнуть недовольство, которое не могла не вызвать раздача Н.И.Новиковым крепостным крестьянам и дворовым людям хлеба на столь огромные суммы. И дело тут не только в том, что неизвестен был финансовый источник неслыханных в тогдашней помещичьей среде благодеяний Н.И.Новикова [583].

В известной мере эта акция может рассматриваться и как вызов правительству со стороны уже начавшейся формироваться так называемой "общественности", которую, собственно, и представляли тогдашние масоны. И дело тут не только в излишней подозрительности Екатерины II. Само русское общество XVIII века, грубое и малообразованное, было еще не готово к тому, чтобы адекватно воспринимать такого рода благотворительные акции, которые всегда традиционно считались в России прерогативой государства.

При сложившихся обстоятельствах знаменитые указы Екатерины II от 23 января 1787 года о запрещении печатать, а 27 июня того же года уже и продавать партикулярным людям книги духовного содержания, напечатанные в светских типографиях, были как нельзя кстати: ведь под них едва ли не полностью подпадала и специальная масонская литература. Следующим шагомгосударыни в этом направлении стало ее запрещение от 15 октября 1788 года Московскому университету продлить договор с Н.И.Новиковым об аренде его типографии, срок аренды которой истекал 1 мая 1789 года [584].

Особенно ухудшилось положение масонов после выхода в 1790 году в отставку покровительствовавшего им московского главнокомандующего П.Д.Еропкина.

Сменивший его князь А.А.Прозоровский масонов однозначно не любил и слал в Петербург на них доносы.

В начале 1791 года Екатерина II вынуждена была послать в Москву А.А.Безбородко с Н.Л.Архаровым для производства следствия над масонами, если первый из них сочтет это нужным. Но А.А.Безбородко возложенной на него миссии не исполнил и возвратился в Петербург ни с чем [585].

Вояж А.А.Безбородко в Москву немало навредил в дальнейшем следствию над масонами. Предупрежденные о том из Петербурга, московские масоны основательно "почистили" свои архивы и все компрометирующие их бумаги были уничтожены [586].

Тем не менее, негласный надзор за масонами, который еще в 1790 году велела учинить Екатерина II А.А.Прозоровскому [587], был продолжен. В это же время по приказу Екатерины II были закрыты ложи генерала П.И.Мелиссино в Санкт-Петербурге [588] и инициировано дело А.Н.Радищева [589]. Несмотря на то, что ко времени выхода своей книги "Путешествие из Петербурга в Москву" (1790 год), содержащей резкое осуждение самодержавно-крепостнических порядков в России, автор ее А.Н.Радищев успел уже основательно подразочароваться в масонстве, для проницательной Екатерины II не составило большого труда определить, откуда здесь дует ветер. "Сочинитель сей наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и защищает все возможное к умалению почтения к властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства. Он едва ли не мартинист или чего подобное", - заключила она [590].

"26 июня (1790 года - Б.В.), - записал в своем дневнике А.В.Храповицкий, - говорили о книге "Путешествие из Петербурга в Москву". Тут рассеивание заразы французской, - сказала императрица, - отвращение от начальства; автор - мартинист ... открывается подозрение на Радищева". И еще одна запись в дневнике А.В.Храповицкого: "Автор "Путешествия" - бунтовщик хуже Пугачева; в конце хвалит он Франклина" [591]. 24 июня 1790 года А.Н.Радищев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

24 июля того же года его приговаривают к смертной казни, которая была заменена ссылкой в Илимский острог в Сибири "на десятилетнее, - как сказано в именном указе Сенату от 4 сентября 1790 года, - безысходное пребывание" [592], откуда его вызволил только Павел I.

Что касается Н.И.Новикова, то отношение к нему императрицы не всегда было неприязненным. Известно, что в 1773 году Екатерина II приказала даже выдать ему две тысячи рублей на издание "Древней российской вивлиофики", предоставив, в то же время, возможность воспользоваться некоторыми материалами как из государственного архива, так и из своей личной библиотеки [593].

Однако в дальнейшем их отношения дали трещину. Виноваты в этом были, конечно, как обстоятельства, так и сам Н.И.Новиков, явно выходивший в своей полемике с государыней из рамок не только "дозволенного", но и элементарных приличий.

Характерен в этом отношении цикл его коротких рассказов под общим названием "Пословицы русские". Помещены они были в издававшейся Н.И.Новиковым "Городской и деревенской библиотеке" за 1782 год. Каждому рассказу здесь предшествует какая-либо популярная в народе пословица, которая и ставилась в его заглавие.

Сам рассказ - это своего рода разъяснение, истолкование пословицы и причин ее бытования в народе. Всего в сборнике помещено 16 рассказов, значительная часть которых: "Близ царя - близ смерти", "Седина в бороду - бес в ребро", "Фортуна велика, да ума мало" и другие посвящена обличению русского самодержавия.

Особенно показательны в этом плане его рассказы (всего их шесть) о Старой и седой развратной женщине, в которой читатель безо всякого труда легко узнавал Екатерину II. "Была женщина, - читаем мы в первом рассказе, - которую морщины и седые волосы довольно безобразили, но искушением беса ей все казалось, будто она в 18 лет ... Ей беспрестанно казалось, будто все молодые мужчины ею пленяются". Во втором рассказе старуха, имеющая прекрасную и взрослую дочь, влюбляется в 20-летнего молодчика, с которым за его ласки она расплачивается, истощив запас наличных средств, "опустошая мешки казенные".

В третьем рассказе "имея седину в голове, женщина ... искушением же беса начинает думать, будто она в состоянии сочинять стихи и прозу, марает любовные сказочки, кропает идиллии, эклоги и другие мелкие сочинения, но успехов не видит" [594]. И т.д. и т.п. Даже сейчас, двести с лишним лет спустя, очевиден личный и несправедливый характер этих выпадов Н.И.Новикова против императрицы.

В то же время сводить все дело к личной неприязни государыни к Н.И.Новикову было бы неправильно. Екатерина II была государственным человеком. Поэтому и соображения, которыми она руководствовалась, преследуя Н.И.Новикова, были же конечно, в первую очередь, государственного порядка.

Весомый вклад в усиление подозрительности Екатерины II к московским розен-крейцерам внесла и Великая французская революция 1789 года, подготовку и проведение которой тогдашняя молва в клерикальных и монархических кругах однозначно связывала с происками масонского ордена иллюминатов [595].

Именно в эти годы слова "фармазон" (масон), "мартинист" и "вольтерьянец" приобретают в России ругательный, уничижительный оттенок. Согласно сведениям Ф.В.Ростопчина, арест Н.И.Новикова был связан с попавшим в правительственные руки письмом баварских иллюминатов к московским розенкрейцерам [596].

Последней каплей, переполнившей чашу терпения Екатерины II, стало убийство выстрелом в упор 16 марта 1792 года на бале-маскараде в Стокгольме шведского короля Густава III. Убийство сразу же было приписано масонам. Дело в том, что несмотря на то, что королем формально был провозглашен малолетний сын убитого - Густав IV, реальная власть в стране перешла к верховному руководителю шведских масонов Карлу Зюдерманландскому (Сезерманландскому).

Наконец, нельзя не обратить внимание и на сообщения, которые распространялись в это время в Санкт-Петербурге о прибытии якобы в Россию через Митаву с целью убийства Екатерины II некоего французского секретного агента Бассевиля.

"Едва ли можно считать случайностью, - писал П.Н.Милюков, - что в тот же день, когда в Петербурге полиция искала француза Бассевиля (13 апреля), императрица сделала решительный шаг и подписала указ А.А.Прозоровскому об аресте Н.И.Новикова" [597].

К этому времени по приказанию Екатерины II уже были арестованы (февраль 1792 года) и давали подробные показания масоны Василий Колокольников и Максим Невзоров. "Они, - говорил И.В.Лопухин о Невзорове и Колокольникове, - отправлены были за границу в следующем намерении, - что когда они выучатся химии, медицине, натуральной истории и протчего, чтобы по впадении их в розенкрейцеры тем удобнее могли упражняться по методе и системе оного ордена и быть у нас лаборантами" [598]. И тот, и другой были масонами низших степеней и явно не принадлежали к так называемому "внутреннему ордену". Интерес к ним императрицы был вызван, очевидно, тем, что оба они были (с 1788 года) пансионерами московских розенкрейцеров и имели неосторожность только что возвратиться из-за границы.

Собственно, за границей к 1792 году находилось трое "братьев": А.М.Кутузов (он жил в Берлине, где обучался розенкрейцерским премудростям) и уже упомянутые нами В.Я.Колокольников и М.И.Невзоров, которые только что окончили курс в университете города Лейден. Что касается Кутузова, то он не стал искушать судьбу и благоразумно остался в Берлине. В.Я.Колокольников и М.И.Невзоров же были арестованы едва ли не на самой границе (в Риге) и уже в марте 1792 года оказались в келье Невского монастыря в Санкт-Петербурге. Можно предположить, что имевшийся в руках следствия материал на них давал повод заключить, что оба они были отправлены за границу не для практических занятий алхимией и магией, а в целях политических, связанных с вовлечением в орден великого князя Павла Петровича. На самом же деле, как это выяснилось позже, сообщение руководителю ордена прусскому министру Вельнеру о великом князе Павле Петровиче и его близком друге князе Н.В.Репнине делал барон Генрих Шредер. Он же вел и переписку с Н.В.Репниным. Однако императрица, не обладая на тот момент нужной информацией, заподозрила Колокольникова и Невзорова. Только этим и можно объяснить очевидную жестокость, проявленную по отношению к этим молодым людям: "все метилось на подозрение связей с тою ближайшею к престолу особою, как я упоминал выше (Павел Петрович - Б.В.); прочее же было, так сказать, подобрано только для распространения завесы", - отмечал И.В.Лопухин [599].

Таков был, можно сказать, лейтмотив начинавшегося дела. В своих записках И.В.Лопухин передает следующий диалог М.И.Невзорова со следователем Степаном Ивановичем Шешковским. "Невзоров был болен и не мог отвечать. Да и нечего отвечать было, - отмечал И.В.Лопухин, - а Шешковский думал, что он упрямится и таит нечто важное. - Знаешь ли ты, где ты? - говорит ему Шешковский.

Невзоров: не знаю. Шешковский: как не знаешь? Ты в Тайной! Невзоров: я не знаю, что такое Тайная. Пожалуй схватят и Вас, завезут в какой-нибудь стан да скажут, что это Тайная и допрашивать станут ... Шешковский: государыня приказала бить тебя четверным поленом, коли не будешь отвечать.

Невзоров: не верю, чтоб это приказала государыня, которая написала наказ комиссии о сочинении Уложения". Шешковский бился с ним до утра, после чего вынужден был принести М.И.Невзорову собственноручную записку Екатерины II, в которой она приказывала ему отвечать на вопросы С.И.Шешковского [600].

В ходе последующих допросов выяснилось, что М.И.Невзоров явно не в себе и говорит не по делу. "Я за товарищей своих Ученого общества отвечаю головою ... А в Невском монастыре все иезуиты, и меня душили магнизациею, так как и в крепости все иезуиты, и тут также его мучают составами Калиостро, горючим материалом", - и нес прочий сумасшедший вздор [601].

Последние ответы М.И.Невзорова на следствии производят бесспорное впечатление ответов душевнобольного, констатировал в свое время историк М.В.Довнар-Запольский [602].

Сколько-нибудь серьезного материала, позволяющего уличить верхушку московского масонства в антигосударственной деятельности, допросы В.Колокольникова и М.Невзорова не дали, да и едва ли могли дать. Однако Екатерину II это не остановило. Розыск по масонскому делу решено было продолжить. 13 апреля 1792 года Екатериной II был дан указ князю А.А.Прозоровскому произвести обыск у Н.И.Новикова в связи с появлением в продаже "Истории об отцах и страдальцах Соловецких, неизвестно где напечатанной", а самого Н.И.Новикова допросить. Уже 14 апреля во исполнение указа был произведен обыск в Гендриковском доме и в книжных лавках и магазинах Н.И.Новикова. 24 апреля 1792 года у себя в Авдотьино был арестован и сам Н.И.Новиков [603].

Выяснить, что никакого отношения к изданию "Истории об отцах и страдальцах Соловецких" Семена Денисова Н.И.Новиков не имел не составляло большого труда [604], но сделать это никто в то время почему-то не захотел. Что касается самого Н.И.Новикова, то держали его в Москве в собственном доме "под крепким караулом". Допрашивал его сам А.А.Прозоровский [605]. Причина ареста Н.И.Новикова лежит, можно сказать, на поверхности. Это, как представляется, руководящее положение Н.И.Новикова в так ненавистном Екатерине II ордене московских розенкрейцеров, хотя с формальной стороны главой ордена являлся, как уже отмечалось, князь Николай Никитич Трубецкой.

После смерти И.И.Шварца место его, констатирует ритор ложи "Трех знамен" занял Н.И.Новиков. "И начал управлять так же неограниченно, как и Шварц.

В силу превосходства своего ума и точного знания своей нации, он вскоре приобрел себе полнейшее доверие и безусловное подчинение более почтенных братьев ордена. Он обладал в высшей степени искусством употреблять в свою пользу страсти и стремления других" [606].

Прямо надо сказать, Н.И.Новиков интересовал императрицу отнюдь не как незадачливый книгопродавец и издатель, корысти ради нарушивший ее запрет о продаже религиозно-нравственной литературы, напечатанной не в синодальной типографии, а как главная деловая фигура масонской "секты" или, как она выражалась, "шайки" в Москве. Непосредственно же от Н.И.Новикова иператрица желала узнать: "дозволяет ли устав ордена иметь сношения с неприятельскими государствами почти явными? Какой ради причины входили мартинисты в переписку с Вельнером? Зная, что Пруссия во время войны была против России, как общество столь многоумных людей могло осмелиться войти в переписки и пересылки с одним из министров прусских и получать от него наставления и руководство?.. Какое сделано употребление из предписаний, данных Вельнером касательно великого князя?.." [607].

Сказать на это Н.И.Новикову было нечего.

Что касается А.А.Прозоровского, то он явно тяготился своей новой ролью следователя по политическим преступлениям. "Я признаться должен перед Вашим Величеством, - доносил он 24 апреля 1792 года, - что я один его (Н.И.Новикова - Б.В.) открыть не могу: надо с ним сидеть по целому дню, а то он шепчет, слово скажет, другого искать будет" [608].

Инициатива передачи дела Н.И.Новикова другому лицу исходила, как мы видим, от самого А.А.Прозоровского, и императрице, в интересах следствия, не оставалось ничего другого, как внять просьбе престарелого князя. По ее распоряжению уже 15 мая 1791 года Н.И.Новиков был отправлен в Шлиссельбург, где был помещен в один из казематов крепости [609].

Дальнейшее следствие по его делу вел обер-секретарь Тайной экспедиции при Первом департаменте Правительствующего сената Степан Иванович Шешковский.

Допросу был подвергнут и близкий к Н.И.Новикову врач-масон М.И.Багрянский. Как и М.Невзоров и В.Колокольников, М.И.Багрянский после окончания в 1786 году Московского университета стажировался в чужих краях (1786-1790), получая от Н.И.Новикова по 500 рублей в год [610].

Что касается допросов Н.И.Новикова, то вопросы к ним готовила сама Екатерина. Больше всего ее, как выясняется, интересовали связи московских розенкрейцеров с масонами враждебно настроенной в это время по отношению к России Пруссии.

В свою очередь, и С.И.Шешковский поставил перед Н.И.Новиковым свои 57 вопросов [611]. Ответы Н.И.Новикова - настоящий кладезь для историка московского масонства, хотя и требуют вследствие специфики обстоятельств, в которых они получены, крайне осторожного к себе отношения [612].

Характерно, что Екатерина II не захотела пойти по пути дальнейшего раскручивания дела: вызова свидетелей, очных ставок и прочего. Первый допрос Н.И.Новикова у С.И.Шешковского состоялся 3 июня 1792 года. К 14 июля дело было закончено и соответствующий указ, по свидетельству А.В.Храповицкого [613], лежал на столе у императрицы. 1 августа 1792 года он был, наконец, подписан.

Поскольку в нашей литературе утвердилось ошибочная, как мы полагаем, точка зрения, что "Новиков пострадал очень сильно конечно не за масонство" [614], а за какие-то другие проступки, стоит остановиться на обвинениях, которыми было обставлено его осуждение. Первым пунктом здесь, как это ни странно, значится именно масонство, которое было обвинено Екатериной II в организации "тайных сборищ" со своими "храмами, престолами и жертвенниками". "Ужасные, - констатирует Екатерина II, - совершались там клятвы с целованием креста и Евангелия, которыми обязывались и обманщики и обманутые вечной верностью и повиновением ордену Злато-розового креста с тем, чтобы никому не открывать тайны ордена". Вторым пунктом обвинения значится подчиненный характер московских масонов "чертогу Брауншвейгскому мимо законной и Богом учрежденной власти". Третьим - "тайные переписки по масонской линии с принцем Гессен-Кассельским и с прусским министром Вельнером". Четвертый пункт обвинения заключается в том, что московские масоны "употребляли разные способы хотя вообще к уловлению в свою секту известной по их бумагам особы (то есть Павла Петровича - Б.В.). В сем уловлении, так и в упомянутой переписке Новиков сам признал себя преступником", - констатирует обвинение. Пятый пункт обвинял масонов в издании "непозволительных, развращенных, противных закону православному книг" и заведении тайной типографии.

Шестой и последний пункт содержал обвинения в практике насаждения в ордене непозволительных с православной точки зрения масонских ритуалов и обрядов [615].

То, что обвинение масонов в "уловлении в свою секту" Павла Петровича было выставлено Екатериной II не первым, а четвертым пунктом, понятно, так как очевидно, что императрица явно не хотела привлекать к нему излишнего внимания. Но вот что интересно: все шесть пунктов прямо направлены исключительно против масонства, представляя собой, по сути дела, суровый обвинительный акт против ордена. Поэтому и заявления ряда исследователей вроде того, что Н.И.Новиков был осужден-де "не за масонство" всерьез принимать, видимо, не стоит. Но подробнее об этом чуть позже. Пока же отметим, что приговор, единолично вынесенный императрицей по делу Н.И.Новикова, был суров и вполне под стать выдвинутым против него обвинениям: "Впрочем, хотя Новиков и не открыл еще сокровенных своих замыслов, но вышеупомянутые обнаруженные и собственно им признанные преступления столь важны, что по силе законов тягчайшей и нещадной подвергают его казни. Мы, однако ж, и в сем случае следуя сродному нам человеколюбию и оставляя ему время на принесение в своих злодействах покаяния, освободили его от оной и повелели запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость" [616].

Печальную участь Николая Ивановича разделили его ученик врач Михаил Багрянский, пользовавший его в крепости, и безымянный его крепостной слуга [617].

Обыски в лавках и магазинах Н.И.Новикова в Москве, а также в его доме в селе Авдотьино позволили обнаружить здесь целые залежи нераспроданных книг прошлых лет - 36 тысяч экземпляров, напечатанных после 1786 года.

Более половины из них - 18656 экземпляров было сожжено уже в ноябре 1793 года [618]. "Князь Александр Александрович, - писала Екатерина А.А.Прозоровскому в Москву 11 февраля 1793 года, - по поданному от Вас представлению повелеваем: 1) хранящиеся в конторе Синодальной забранные в деревне Новикова и в лавках три тысячи запрещенных книг и вновь секретно напечатанных до трех же тысяч предать огню все без изъятия, не внося и к нам экземпляров; 2) равным образом по внимательном разборе и рассмотрении двух иностранных библиотек, находящихся в одном из домов Новикова, вредных в оных все истребить, а из полезных богословские отдать в Заиконоспасскую академию; прочие же в университет" [619].

Во исполнение указа Московский университет отобрал для своей библиотеки 5194 книги, Духовная академия - 1964 [620]. Остальные были уничтожены, причем помимо ноябрьской 1793 года акции известны еще два случая сожжения книг - 20 апреля и 15 июля 1794 года [621].

Что же касается имущества Н.И.Новикова (дома, книги, аптеки, имения) то оно было пущено на уплату его 700-тысячного долга, точнее 753537 рублей [622].

Жестоко поплатились за свою причастность к этой истории и молодые пансионеры ордена М.И.Невзоров и В.Я.Колокольников, которых допрашивали так усердно, что оба они оказались вскоре в психиатрическом отделении Обуховской больницы.

В.Я.Колокольников здесь же вскоре и умер. М.И.Невзоров же, признанный как повредившийся умом, задержался здесь на целых шесть лет, пока его не вызволил отсюда в 1798 году "в рассуждении выздоровления его" Павел I [623].

Но "киты" московского масонства отделались, как это ни странно, только легким испугом. Самое любопытное здесь - это то, что приказ о допросе сообщников, как говорится в указе императрицы от 1 августа 1792 года, А.А.Прозоровский получил уже после осуждения Н.И.Новикова. Отсюда можно заключить, что допросы эти были чистой проформой, так как, независимо от характера полученных признаний, но обязательно "после истинного раскаяния допрашиваемых" И.В.Лопухина, Н.Н.Трубецкого и И.П.Тургенева Прозоровскому предписывалось объявить им о проявлении государыней милости: "из единого человеколюбия освобождая их от заслуженного ими жестокого наказания, повелеваем им отправиться в отдаленные от столиц деревни их и там иметь пребывание" [624].

"В приведенных словах указа, - комментировал его А.И.Незеленов, - поражает нас удивительное несоответствие наказания с возводимой на Трубецкого, Лопухина и Тургенева виной и странная уверенность императрицы, что из их ответов Прозоровский непременно усмотрит истинное их раскаяние" [625].

Странно в этой истории, однако, совсем другое: не то, что допросить, но и арестовать В.И.Баженова, Н.Н.Трубецкого и других масонов следовало, конечно, одновременно с Н.И.Новиковым, однако сделано этого не было, что конечно же далеко не случайно.

Хотя гнев императрицы, как мы знаем, был направлен не на одного только Н.И.Новикова, а против всех московских масонов, слишком уж ворошить это осиное гнездо Екатерина II почему-то не захотела. Не в последнюю очередь, надо думать, из-за прикосновенности к нему своего сына и наследника Павла Петровича и близких к нему лиц.

После формальных допросов Н.Н.Трубецкой и И.П.Тургенев были высланы в свои деревни: первый - в село Никитовку под Воронежем, второй - в село Тургенево Симбирской губернии [626]. И.В.Лопухин же, после ознакомления Екатерины II с его ответами на опросные пункты, и вовсе был оставлен в Москве. Милости этой Иван

Владимирович, по его собственному признанию, удостоился благодаря тому впечатлению, которое сумел произвести на императрицу его опус. "Государыню, - писал он, - тронули мои ответы до слез, как я слышал от Василия Степановича Попова, который читал их перед нею, тоже в слезах" [627]. "Государыня! - писал здесь И.В.Лопухин, - Я не злодей. Мать Отечества! Я один из вернейших твоих подданных и сынов его. Мать моя! Я исполнен нежнейшей к тебе любовью. Никогда мысль одна против тебя не обращается в душе моей ... Твой верный по гроб подданный И.Лопухин" [628].

Что касается других масонов, то "в подозрении" у императрицы оказался лишь лишенный ее милости близкий к Павлу Петровичу князь Н.В.Репнин. Прочие же: куратор Московского университета М.М.Херасков, О.А.Поздеев, князь Ю.В.Долгорукий, князь А.А.Черкасский, Р.Ф.Степанов, князь К.Н.Енгалычев оказались в этой истории как бы вообще в стороне. "Я не понимаю конца сего дела ..., - писал в этой связи князь А.А.Прозоровский С.И.Шешковскому из Москвы, - как ближайшие его (Н.И.Новикова - Б.В.) сообщники, если он преступник, то и те преступники" [629]. Что уж тут говорить об историках. Разброс мнений относительно удивительного исхода и подоплеки этого дела необычайно широк.

Невинным страдальцем, несчастной жертвой несправедливого подозрения императрицы выставлял Н.И.Новикова сочувствовавший ему Н.М.Карамзин. Как гражданин, отмечал он в своей записке от 10 декабря 1818 года на имя Александра I, он "полезною своею деятельностью заслуживал общественную признательность. Новиков как теософический мечтатель по крайней мере не заслуживал темницы: он был жертвою подозрения извинительного, но несправедливого" [630].

Подчеркивая неправовой характер действий императрицы, либеральная историография (А.Н.Пыпин, В.О.Ключевский, А.А.Кизеветтер), как, впрочем, и во многом шедшая в их русле советская историография не хотела, в то же время, замечать противоправного характера деятельности самого Николая Ивановича.

Первым, кто нарушил эту традицию, был профессор М.В.Довнар-Запольский.

Екатерина II, доказывал он, "поступала так, как только и мог поступать государь с убеждениями, в которые он веровал, а Новиков подвергся обычной участи общественного и политического деятеля, пошедшего вразрез с курсом правительства без надежд на возможность убедить его в правоте своих идеалов" [631]. Более того, если исходить не из либеральных представлений XX века, а из духа и нравов того времени, то Екатерина II поступила по отношению к Н.И.Новикову даже относительно мягко, считал он [632].

Что касается Н.И.Новикова, то строже всего из исследователей подходил к нему В.В.Сиповский. Допрос Н.И.Новикова, по его убеждению, дает "много подозрений против него: он, очевидно, знает рискованных тайн больше, чем другие масоны. В своих показаниях он многое валит на Шварца, говорит, что подозревал его, что следил за ним раньше других. Он допускает мысль, что он с товарищами может быть обманут". В деятельности своей Н.И.Новиков шагал, по мнению Сиповского, нога в ногу со Шварцем: публикует сочинения не только мистиков, но и сочинения энциклопедистов, покупает и распространяет либеральные сочинения, принимает участие в сношениях с Павлом Петровичем, имеет на руках бумаги, от которых сам приходит в ужас, однако переписывает их и сохраняет. "Он в своих ответах Шешковскому несколько раз хитрит, запирается, говорит неправду, невольно обличая себя в следующих ответах, или, будучи обличаем показаниями других масонов". Два раза, напоминает В.В.Сиповский, Н.И.Новиков давал подписку, что не будет продавать запрещенных книг, однако, тем не менее, по прежнему продолжал продавать их. В руки правительства попала писанная его рукой бумага, в которой запрещалось масонам преследовать иллюминатов. "Есть, наконец, основание думать, что правительством действительно было перехвачено писаное к нему письмо Вейсгаупта, основателя иллюминатского ордена" [633].

На близких к В.В.Сиповскому позициях стоял и Я.Л.Барсков. Независимо от французской революции и книги А.А.Радищева, которого Екатерина II считала мартинис-

том, арест Н.И.Новикова представлялся ей необходимым, отмечал этот исследователь. "Интриги немецких розенкрейцеров против России с воцарением Фридриха-Вильгельма II для нее не были тайной, как и старая дружба прусского короля с наследником русского престола. Она знала также, что царевича хотят привлечь московские розенкрейцеры, подчиненные берлинской Директории; круг замыкался сам собою. И государственные, и личные интересы побуждали императрицу искоренить тайные общества" [634].

Вступив по совету И.Е.Шварца в орден розенкрейцеров, московские братья, по словам Я.Л.Барскова, сделали большую ошибку и запутались в политической интриге, затеянной их немецкими начальниками. Несмотря на то, что инициаторами интриги были берлинские руководители ордена, московские братья также несут ответственность за нее, так как несомненно были в курсе дела, считал Я.Л.Барсков [635].

Несмотря на убедительность доводов Я.Л.Барскова, принять их либеральная историография, успевшая к началу XX века уже канонизировать Н.И.Новикова, не могла. В опубликованной в 1915 году большой статье-рецензии на книгу Я.Л.Барскова историк-кадет А.А.Кизеветтер прямо заявил о своем несогласии с ним. Московские розенкрейцеры, включая и Шварца, не были посвящены в политические замыслы берлинских братьев и не питали каких-либо задних мыслей и сокровенных планов, помимо тех религиозно-философских задач, которых они и не думали от кого-либо скрывать [636].

Идейная же трагедия московских розенкрейцеров охарактеризована здесь А.А.Кизеветтером как "носящая на себе все черты духовного подвига" [637]. Так приподнимала своих духовных предшественников русская либеральная мысль начала XX века.

Что же касается масонской подоплеки в деле Н.И.Новикова, то ей никогда не придавалось серьезного значения. Далеко не сразу, как мы уже убедились, нащупали исследователи и политическую подкладку случившегося. Тот же М.В.Довнар-Запольский, немало сделавший для установления более здравого взгляда на Н.И.Новикова и его дело, был в то же время уверен, что пострадал он, как мы уже цитировали, "очень сильно конечно не за масонство, а за свои политические и общественные идеалы" [638].

Такого же по существу взгляда на дело Н.И.Новикова держался и А.А.Незеленов.

"Весьма вероятно, - отмечал он, - что Н.И.Новиков пострадал за идеи, которые проводил в своих журналах, прежде всего в "Прибавлении к Московским Ведомостям" 1784 года и "Покоящемся трудолюбце"". Как раз в эпоху издания их, подчеркивал он, и начались гонения на Н.И.Новикова в форме запрещения ряда его статей [639]. В этом же ключе решал проблему и М.Н.Лонгинов.

Единственно, в чем можно было обвинить Новикова, считал он, - так это в тайном распространении напечатанных им ранее и теперь запрещенных мистических книг. Все другие преступления, инкриминируемые Н.И.Новикову, были, по его мнению, мнимыми [640]. В просветительской благотворительной деятельности Новикова усматривал основную причину его ареста и В.Боголюбов [641]. А А.Н.Пыпин - так тот вообще не находил какой-либо конкретной вины за Н.И.Новиковым и его товарищами-масонами. "Из всех показаний, вообще данных в этом процессе, - доказывал А.Н.Пыпин, - нельзя было не видеть, что масоны были совершенными агнцами в политических делах; их ответы исполнены были такой преданности, что нужно было крайнее и до последней степени несправедливое предубеждение против них, чтобы считать их опасными" [642].

Все дело, по его мнению, в посторонних обстоятельствах и чисто личных впечатлениях императрицы или, проще говоря, произволе и беззаконии ее царствования, невинной жертвой которых якобы и являлся Н.И.Новиков.

В этом же ключе решал проблему и советский исследователь Г.П.Макогоненко. Причиной ареста и осуждения Н.И.Новикова, доказывал он, была его "активная, неустрашимая, развивающаяся на протяжении двух десятилетий просветительская деятельность" [643], неутомимая забота о просвещении народа и даже организация им помощи голодающим [644].

Однако один, без обширных масонских связей, денег и интеллектуальной поддержки, Н.И.Новиков едва ли бы много сделал. Понимая это, Г.П.Макогоненко высказал интересное предположение, что Н.И.Новиков, собственно, и вступил то в Орден в тайной надежде воспользоваться им в своих просветительских целях (вспомним историю с арендой университетской типографии, спонсорскими деньгами П.А.Татищева, Г.М.Походяшина и пр.). "Веря, что основание масонской доктрины о братстве людей составляет главную цель ордена, Новиков стремился использовать состоящих в масонских организациях людей для больших общественных дел. Отсюда и привлечение им "братьев" к своей работе, и создание Типографической компании, и мероприятия, связанные с организацией школ, воспитательных домов, бесплатных аптек и т.д.", - подчеркивал исследователь [645].

В таком же панегирическом ключе написаны и работы о Н.И.Новикове С.М.Некрасова - "Апостол добра" [646] и Г.А.Лихоткина - "Оклеветанный Коловион" (орденское имя Н.И.Новикова - Б.В.).

Особый интерес для нас представляет последняя. "Клеветником" в ней выставлена, как уже наверное догадался читатель, императрица, игравшая во всем этом деле, по убеждению Г.А.Лихоткина, зловещую роль. Отпустить Н.И.Новикова, пишет этот исследователь, "значило бы навечно признать, что частная инициатива просветителя была полезной. Это значило бы, что заботу о просвещении, о распространении образования, критику "несовершенств" и "неустройств" могло брать на себя само русское общество". На самом деле Екатерина II, по Г.А.Лихоткину, ловко маскировавшая свой деспотизм, явно предпочла путь клеветы на Н.И.Новикова.

"Оклеветанный Коловион в темнице был для нее безопасен" [647].

В отличие от Г.П.Макогоненко и Г.А.Лихоткина, старавшихся во что бы то ни стало отделить масонство от Н.И.Новикова, современная исследовательница Л.М.Пахомова, отражая, очевидно, уже новые веяния в нашей историографии, напротив, всячески сближает их и старается вписать просветительские начинания Н.И.Новикова в рамки масонской идеологии. В деятельности масонских лож, считает она, Екатерина II увидела некую альтернативу официальным программам в области образования и просвещения. Нельзя, по ее мнению, сбрасывать со счетов уже определившееся к этому времени и значение масонства как политической силы, способной объединить вокруг себя с позиций нравственного императива наиболее образованную часть общества [648].

Истина здесь, как представляется, лежит где-то посередине. Действительно, у истоков практически всех просветительских начинаний Н.И.Новикова 1780-х годов стояли масоны с их деньгами, связями и интеллектуальной поддержкой.

Другое дело, что в отличие от И.В.Лопухина, А.М.Кутузова, А.Ф.Лабзина и других мистиков, свою задачу как издателя Н.И.Новиков понимал гораздо в более широком плане. Именно этим и объясняется столь успешные результаты возглавляемого им масонского "делания". "Я стараюсь особенно в том, чтобы книги пускать как можно дешевле и тем заохотить к чтению все сословия", - отмечал Н.И.Новиков [649]. Обстоятельство это, а также скептическое отношение Н.И.Новикова к увлечению розенкрейцеров мистикой, алхимией и каббалой определили некоторую холодность в отношении к нему со стороны братьев по ордену.

О "недоверчивости" между ним и И.-Г.Шварцем свидетельствовал сам Н.И.Новиков, связывавший ее с тем, что тот, якобы, подозревал его "в холодности к масонскому ордену". Сам он объяснял свое невнимание к орденским делам чрезвычайной занятостью по Типографической компании [650], но мы вправе подозревать и о более серьезных причинах разногласий.

Критическая проверка историографических версий, вот уже на протяжении более чем полутора столетий предлагаемых исследователями для объяснения дела Н.И.Новикова, а также знакомство с первоисточниками показывают, что ближе всех к его разгадке подошли дореволюционные исследователи М.В.Довнар-Запольский, Я.Л.Барсков и Г.В.

Вернадский. Двум первым из них удалось показать, что никакими невинными овечками, в чем пытался уверить читателей А.Н.Пыпин, московские розенкрейцеры никогда не были, как не был невинной жертвой самодержавия и сам Н.И.Новиков. Таинственные документы, фигурировавшие в его деле, отмечал в этой связи М.В.Довнар-Запольский, до нас не дошли, но из показаний самого Н.И.Новикова "ясно, что сношения с великим князем выражались не в одной только пересылке книг и, очевидно, имели какую-то политическую подкладку"

[651]. Этой "подкладкой" были, как установил Г.В.Вернадский, тайные сношения московских розенкрейцеров с их берлинским начальством и наследником Павлом Петровичем. Московских масонов, подчеркивал Г.В.Вернадский, погубили "сношения с цесаревичем и его берлинскими друзьями" [652].

Известно, что Екатерина II и ее сын не ладили друг с другом. Причин тому было много, в том числе и чисто человеческого плана. Несходными были и политические устремления матери и сына. В отличие от Екатерины II, воспитанной на идеях французского Просвещения, воспитание Павла Петровича происходило в другой обстановке и совершенно ином духе. С детства он был окружен масонами и воспитывался ими в соответствующем духе. Что побудило Екатерину II поручить воспитание сына масону Никите Панину - об этом можно только догадываться.

Важнее другое: добрых чувств по отношению к матери и ее царствованию своему воспитаннику он так и не внушил.

Навязчивым стремлением русской аристократической группировки, начиная с 1760-х годов, было введение в России конституционного правления. Уже сразу же после воцарения Екатерины II в 1762 году Н.И.Панин попытался навязать ей разработанный в узком масонском кругу свой конституционный проект (конституция Н.И.Панина), который, однако, государыня решительно отклонила. Неудача не обескуражила Н.И.Панина и его единомышленников. Взоры их обратились теперь к сыну императрицы наследнику Павлу Петровичу, в лице которого они видели будущего законного, в отличие от узурпировавшей трон Екатерины II, монарха, управляющего вверенным ему царством на основе "непреложных государственных законов". "Вельможная группировка, - пишет О.Ф.Соловьев, - не собиралась складывать оружия, делая ставку на приход к власти по достижении совершеннолетия в 1772 году цесаревича Павла Петровича". Идеологическим и организационным средством, способствовавшим осуществлению этой цели, аристократиическая группировка "считала масонские ложи, которым придавалось возрастающее значение как во внутриполитическом, так и в международном плане, учитывая связи с организациями ордена в других странах" [653]. Крайне важно в этих условиях было как можно прочнее привязать Павла Петровича к ордену, в связи с чем встает вопрос о масонстве самого наследника. Посвящение его И.П.Елагиным произошло, скорее всего, летом 1777 года и, во всяком случае, не позднее 1779 года. Как полагал Е.С.Шумигорский, известие это может считаться наиболее правдоподобным [654].

Косвенным доказательством принадлежности Павла Петровича к братству вольных каменщиков могут служить его масонские портреты со всеми орденскими регалиями на фоне статуи богини Астреи. Два из них находятся в Москве и один в Стокгольме. Не исключено, впрочем, что, как полагают некоторые исследователи, портреты эти могли быть написаны уже после смерти Павла Петровича по заказу самих масонов и, следовательно, в таком случае никакой доказательности не имеют [655].

Осенью 1781 года Павел Петрович отправился за границу. Сопровождали его масоны А.Б.Куракин и С.И.Плещеев. Сохранилось предание, что именно в эту поездку могло состояться еще одно масонское посвящение Павла Петровича.

Случилось это, якобы, в Вене в 1782 году [656].

Как бы то ни было, должность великого провинциального мастера – первая по своему значению, учрежденная для России на Вильгельмсбадском конгрессе 1782 года,

так и осталась вакантной. Полагают, что сделано это было специально, ибо должность эту берегли для Павла Петровича.

Конечно, прямых доказательств тесной связи Н.И.Новикова с вельможной оппозицией, кроме того, что руководители ее Н.И. и П.И.Панины (после их смерти ее возглавили братья Воронцовы) были в то же время и высокопоставленными масонами, в деле Н.И.Новикова нет. Но это еще не значит, что связи этой и не было. Особый интерес в этой связи представляет новый конституционный проект уже известного нам графа Никиты Ивановича Панина и его секретаря, известного драматурга Д.И.Фонвизина 1774 года. Сам проект до нас не дошел, известно только введение к нему – политическое завещание Н.И.Панина [657].

О содержании его мы можем судить только по сведениям, сообщаемым в сочинении потомка Д.И.Фонвизина - известного декабриста М.А.Фонвизина "Обозрение проявления политической жизни в России", более известное, как его "Записка" [658]. Из записки этой следует, что речь здесь действительно шла об ограничении самодержавия выборным дворянским сенатом.

Время работы над проектом М.А.Фонвизин относил к 1773-1774 годам. По другим сведениям, он был составлен немного раньше - в 1772 году, когда, согласно рассказам отца М.А.Фонвизина, братья Панины якобы планировали государственный переворот с целью низложения Екатерины II и возведения на престол Павла Петровича [659]. До самого заговора дело, впрочем, не дошло. Не был, судя по всему, представлен Павлу Петровичу из опасений гнева со стороны императрицы и сам конституционный проект.

После того, как 31 марта 1783 года Никита Панин умер, его сочинение вместе с другими бумагами оказалось у его брата Петра Ивановича. И тот, и другой, как уже отмечалось, принадлежали к числу вождей тогдашнего русского масонства. Петр Иванович продолжил дело брата, сочинив в 1784 году в своем селе Дугино дополнение к "Рассуждению" Никиты Ивановича – так называемое "Прибавление к рассуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина" [660]. Кроме того, П.И.Панин составил два проекта Манифеста по случаю ожидавшегося масонами восшествия Павла Петровича на престол и письмо с объяснением причин, побудивших его на составление этих бумаг. Начинается оно (само письмо датировано 10 октября 1784 года, село Дугино) так: "Державнейший император Павел Петрович, Самодержец Всероссийский, Государь Всемилостивейший! Вашему Императорскому Величеству сведомо, что покойный мой брат ..." и т.д. [661] Обращение П.И.Панина к Павлу Петровичу как к императору (и это при жизни Екатерины II!), интриги, которые плели вольные каменщики вокруг наследника - какие еще нужны доказательства того, что отнюдь не одна только издательская и общественная активность масонов была причиной гонений на них?

Судя по всему, Петр Иванович был гораздо более решителен, чем его брат. Однако и он не решился передать составленные им бумаги Павлу Петровичу. Ознакомиться с ними тот смог только в 1789 году, уже после смерти П.И.Панина.

Тем не менее, буквально за два дня до своей кончины Петр Иванович все же рассказал о нем Павлу Петровичу, горячо убеждая его в необходимости преобразования государственного строя России на конституционных началах. И, к удивлению своему, нашел в его лице заинтересованного слушателя [662].

На этом, впрочем, все и закончилось. А ведь могло быть и иначе, узнай об этой масонской интриге императрица. Впрочем, полной уверенности, что Екатерина II так ничего и не узнала, у нас нет. Во всяком случае, такой авторитетный исследователь, как Н.С.Тихонравов был уверен, что Екатерина II все знала и подлинной причиной ареста Н.И.Новикова как раз и был "конституционный акт, представленный великому князю Павлу Петровичу Паниным, одним из друзей и покровителей мартинистов" [663].

Существовал ли в действительности "масонский заговор" 1772-1774 гг. мы не знаем. Известный исследователь О.Ф.Соловьев считает, что да [664].

К этому же склонялся и Н.Я.Эйдельман. Екатерина II, по его мнению, своевременно узнала о заговоре и умело сорвала его, не подав и вида. Павел Петрович же во всем сознался и был прощен [665].

Важную роль в деле Н.И.Новикова сыграло уже упоминавшееся нами и попавшее в руки Екатерины II письмо герцога Карла Гессен-Кассельского к И.-Г.Шварцу от 1782 года. Из него, между прочим, следовало, что, говоря словами Екатерины II, "князь Куракин употреблен был инструментом к приведению великого князя в братство" [666]. В напечатанном в 1784 году типографией И.В.Лопухина "Магазине свободнокаменщическом" (т.1, ч.1) помещена, в частности, масонская песня со следующим многозначительным обращением к Павлу Петровичу: "С тобой да воцарятся блаженство, правда, мир! Без страха да явятся пред троном нищ и сир. Украшенный венцом, ты будешь всем отцом" [667].

Безусловно, прав был поэтому историк С.П.Мельгунов, который отмечал, что Павел I "более, чем кто-либо из царей, был связан невидимыми нитями с масонством" [668]. Очевидно, что существование в 80-е годы в России "прусской партии" в лице Павла Петровича и московских розенкрейцеров, пытавшейся играть роль внутренней консервативной оппозиции к Екатерине II, не должно вызывать больших сомнений.

В 1786 году, когда умер прусский король Фридрих II и преемником его стал Фридрих-Вильгельм II, берлинские розенкрейцеры, или, вернее, их заправилы (Бишофсвердер, Теден и Вельнер) фактически оказались у власти. Начался период так называемой "реакции" в Пруссии и гонений на просвещение. О том же мечтали, судя по всему, и московские розенкрейцеры. Разница была лишь в том, что немецкие братья уже вошли во власть, русские же их единомышленники еще только готовились к этому. "Это не значит, - писал Я.Л.Барсков, - что было полное сходство в мистике и политике тех и других. Есть основания думать, что в политике у русских братьев было больше искренности и бескорыстия, нежели у прусских. Общим же было то, что в Москве и Берлине мистика тесно сплелась с политикой" [669].

Как раз к этому времени (1785 год) относится поездка главы московских розенкрейцеров Генриха Шредера в Берлин за инструкциями. Однако когда Г.Шредер вернулся в 1786 году в Москву, о вовлечении в орден Павла Петровича нечего было и думать: в то время, как Г.Шредер отсутствовал, Екатерина II нанесла ряд ощутимых ударов по розенкрейцерам. Резко ухудшились из-за финансовых (но не только) недоразумений и отношения Г.Шредера с "головкой" московского масонства: Н.И.Новиковым и Н.Н.Трубецким. Это побудило берлинское руководство отозвать Г.Шредера из России. Вместе с ним для "дальнейшего успеха в орденской науке и получения новых степеней" отправился весной 1787 года в Берлин и Алексей Кутузов [670].

Как полагал Я.Л.Барсков, поездка Г.Шредера в Берлин в 1785 году была посвящена вопросу "о цесаревиче" [671]. В каком плане хотели использовать берлинские начальники ордена Павла Петровича, хорошо раскрывает дневник Г.Шредера, который он вел во время этой поездки [672]. "Лифляндию следует присоединить к Пруссии", "сделано было много замечаний о присоединении (к Пруссии, разумеется - Б.В.) Крыма", - читаем мы здесь о его беседах с руководителем ордена Бишофсвердером.

Нет сомнения, что московских розенкрейцеров берлинские начальники ордена рассматривали исключительно как инструмент, с помощью которого предполагалось включить Россию в сферу прусской политики. Отсюда и особый интерес берлинских братьев к Павлу Петровичу как будущему императору Российской империи. "Великий князь был бы, наверное, очень хорош в хороших руках", - цинично констатировал другой берлинский руководитель ордена Вельнер. Дотянуться до Павла Петровича из Берлина можно было только через Москву, используя тайные масонские каналы.

И такая негласная связь Берлина с наследником была вскоре действительно установлена. Речь идет о поездках архитектора Василия Баженова к наследнику престола Павлу Петровичу с тайными поручениями от московских розенкрейцеров.

Сам В.И.Баженов был ревностным масоном [673].

Полагают даже, что созданный им дворцовый ансамбль в Царицыне представлял собой ничто иное, как воплощенную в камне масонскую идею [674].

Первая поездка В.И.Баженова в Петербург состоялась зимой 1784-1785 гг., причем пользовавшийся доверием наследника архитектор якобы сказал Н.И.Новикову: "Ведь эта особа ко мне давно милостива и я у нее буду. А ведь эта особа и тебя изволит знать. Так не пошлете ли каких книжек?". После совета с С.И.Гамалеей и бароном Г.Шредером, а также князьями Н.Н. и Ю.Н.Трубецкими решено было послать Павлу Петровичу "Избранную библиотеку для христианского чтения" (М., 1784) и "О истинном христианстве" Иоганна Арндта (М., 1784) [675].

В.И.Баженов исполнил поручение. Павел Петрович, по его словам, книги принял. Что же касается состоявшейся беседы, то ее В.И.Баженов предпочел изложить на бумаге, и бумага эта почему-то страшно напугала С.И.Гамалею и Н.И.Новикова. Страх их был так велик, что они, якобы, даже хотели сжечь отчет В.И.Баженова, но почему-то не сделали этого, а познакомили с ним князей Трубецких, барона Г.Шредера и ряд других избранных братьев. Подлинник же его Н.И.Новиков оставил у себя. Самое любопытное в этой истории, что "экстракт" из отчета В.И.Баженова о своих беседах с наследником российского престола был отдан барону Г.Шредеру и отвезен им в том же 1785 году в Берлин для ознакомления с ним берлинских начальников ордена [676].

Это был уже явный "криминал" в деятельности братьев, явная прикосновенность их к большой политике.

О чем шла речь во время беседы Василия Баженова с Павлом Петровичем, мы не знаем. Предполагают, однако, что скорее всего масоны предлагали Павлу Петровичу вступить в их орден. Впервые эту идею, по свидетельству князя Н.Н.Трубецкого, выдвинул в свое время И.-Г.Шварц. Это же подтверждает и письмо Н.И.Новикова А.А.Ржевскому от 14 февраля 1783 года [677].

В 1786 - начале 1787 гг. розенкрейцеры сделали еще одну попытку завлечь великого князя в свой орден. По их согласному решению В.И.Баженов отвез Павлу Петровичу еще две масонских книги: "Таинство креста" на немецком языке и "Краткое извлечение лучших изречений" Фомы Кемпийского (М., 1787).

И на этот раз Павел Петрович был весьма милостив с Василием Баженовым и подарок принял. Содержание состоявшейся беседы наследника с В.И.Баженовым, так же как и после его первой поездки в Петербург, было изложено им в специальной записке-отчете для братьев. "Бог с вами, только живите смирно", - якобы закончил цесаревич разговор [678]. Пересылалось ли на этот раз содержание этого отчета в Берлин мы не знаем.

Третья поездка В.И.Баженова к великому князю пришлась уже на зиму 1791-1792 гг. На этот раз встревоженный подозрениями Екатерины II Павел Петрович встретил В.И.Баженова не очень ласково. "Я тебя люблю, - заявил он, - и принимаю как художника, а не как мартиниста. Об оных же и слышать не хочу. И ты рта не разевай мне об них говорить" [679].

Характерно, что в центре этой масонской интриги стоял именно Н.И.Новиков. Именно ему было предложено В.И.Баженовым послать наследнику масонские книги.

Возвратившись в Москву с докладной запиской о встрече с Павлом Петровичем, В.И.Баженов опять-таки приносит ее не кому-нибудь, а именно Н.И.Новикову.

Новиков же собственноручно делает и экстракт из докладной записки для берлинских братьев. Конечно, Н.И.Новиков не забывал при этом и советоваться с избранными братьями, но то, что главная роль во всей этой истории принадлежала именно ему - не подлежит сомнению. А между тем наши историки все еще спорят: почему из масонов больше всех пострадал именно Н.И.Новиков? "Новиков, - писала Екатерина II, как бы отвечая на недоуменные вопросы историков, - сочтен умным и опасным человеком" [680].

Поскольку в центре масонской интриги оказался ее сын, императрица потребовала объяснений и у него, предъявив ему обнаруженную в ходе обыска у московских масонов записку В.И.Баженова. Павел Петрович все отрицал. "Вы, Ваше Величество, - отвечал он матери по-французски, - вероятно, заранее сказали себе то же самое, что приходило мне в голову, когда я читал документ, который Вам угодно было мне доверить ... Только сумасшедший или дурак, я так полагаю, способен впутать меня во всю эту историю без явно клеветнических, лакейских намерений" [681].

Г.А.Лихоткин попытался было поставить под сомнение, что Екатерина II показала сыну именно записку В.И.Баженова, предположив, что это вполне мог быть и другой документ - донос протоиерея Архангельского собора в Москве П.Алексеева, однако убедительных доводов в пользу своей точки зрения не привел [682].

Конечно же, никакой клеветы на Павла Петровича записка не содержала. Будь это так, став после смерти Екатерины II императором, Павел I наверняка сгноил бы В.И.Баженова или другого предполагаемого автора записки П.Алексеева в тюрьме, но ничего этого, как мы знаем, не произошло. Что касается Екатерины II, то очевидно, что у нее не было намерения раскручивать и дальше эту историю, так как она явно выводила следствие на Павла Петровича и его ближайшее окружение. Следствие по "масонскому следу" было остановлено императрицей едва ли не на самом интересном месте.

Принципиально важен для понимания сути дела Н.И.Новикова характер предъявленных к нему (указ А.А.Прозоровскому от 1 мая 1792 года) предварительных обвинений.

"1. Новиков осмелился печатать и торговать такими книгами, коих по указу нашему не только продавать, но и печатать запрещено. 2. Новиков и его товарищи завели больницу, аптеку, училище и печатание книг ... не из человеколюбия, а для собственной корысти. Уловляя пронырством своим и ложною как бы набожностию слабодушных людей, корыстовались граблением их имений, в чем он неоспоримыми доказательствами обличен быть может" [683].

Но самое важное в этом указе - так это первоначальное намерение императрицы предать Н.И.Новикова "законному суждению, избрав надежных вам людей; по окончании же во всех судах того следствия и заключении должны они представить вам их ревизию. Вы же препроводите на решение в Сенат" [684].

Вывод, который из этого следует, может быть только один. Арестовали Н.И.Новикова, конечно же, не за "политику". Политика в его деятельности обнаружилась уже потом, в ходе допросов. Это-то и побудило государыню отказаться от своего первоначального намерения судить Н.И.Новикова законным порядком.

Несомненно, политическая составляющая дела Н.И.Новикова сильно усугубила его вину. Но не менее, а быть может и более важным преступлением московских масонов в глазах императрицы была все же их практическая и, прежде всего, издательская деятельность. Екатерина II могла терпеть и долго терпела самих масонов с их чудачествами вроде клятв, посвящений, алхимии, каббалы и прочего.

Но никакого практического масонского "дела" она терпеть не хотела. Главной же деловой фигурой в ордене розенкрейцеров в это время был, как мы уже знаем, Н.И.Новиков. Правда с формальной точки зрения сам орден уже как бы и не существовал. Основательно придушена попечением императрицы была и его издательская деятельность. Но книгопродавческая деятельность Н.И.Новикова, в том числе и запрещенными изданиями, по прежнему продолжалась. Печатались, хотя и в более ограниченных масштабах, и новые книги. Иными словами, "враг" в лице московских розенкрейцеров был хотя и основательно потрепан, но все еще не сломлен. Окончательно добить его - в этом, собственно, и заключалась главная цель ареста Н.И.Новикова. Именно "добить", ибо будь это по другому, Екатерина II, конечно же, не ограничилась бы одним Н.И.Новиковым. Но в том то и дело, что в том состоянии, в котором находился орден к 1792 году, никакой серьезной угрозы правительству он уже не представлял. Опасность, да и то гипотетическая, в смысле

восстановления прежней издательской деятельности розенкрейцерского кружка, могла исходить только от Н.И.Новикова.

И действительно, с его арестом деятельность московских розенкрейцеров фактически прекратилась, хотя тайные масонские связи и отношения, конечно же, по прежнему сохранялись. Но и они в условиях фактического запрета масонства после 1792 года стали давать ощутимые сбои. Характерный пример - трагическая судьба посланца московских розенкрейцеров в Берлине Алексея Михайловича Кутузова, отправленного в свое время в Берлин своими московскими начальниками с целью познания "масонской науки". С одной стороны, это спасло А.М.Кутузова от печальной участи его младших коллег В.Я.Колокольникова и М.И.Невзорова. С другой - сразу же лишило его финансовой поддержки со стороны московских братьев. После 1792 года ни один из них не захотел помочь умиравшему в Берлине с голоду "брату".

"Скажите мне, любезный друже, - писал 9 сентября 1797 года А.М.Кутузов своему приятелю И.П.Тургеневу, - что сделалось с нашими общими друзьями, и чем имел я несчастие заслужить такое от них нерадение. Сколько мне ни болезненно мое несносное положение, но признаюсь, что и они в глазах моих не менее жалости достойны. Всякому со стороны смотрящему человеку покажется, что я умышленно принесен в жертву, хотя впрочем и не знаю, что они лишением моей чести и, конечно, моим разорением могут приобресть. Противу моея воли отправлен я ими - довольно, кажется, доказательств моея к ним дружбы и повиновения. За сие ли в награду теперь ими совершенно я оставлен до того, что и самая моя крайняя нищета их не трогает". "Я в такой крайности, - сообщал А.М.Кутузов в своем другом письме на имя некоего Вегетуса (февраль 1797 года), - что иногда бываю без пищи. Все уже продано или в закладе; остались одни только книги, до которых - ибо суть собственность всего нашего общества, не коснулся и в самой моей крайности" [685].

Лишь тот, кто всем существом своим стремится к истине, способен предпочесть нужду и голод альтернативе выгодной продажи ценнейших книг из масонской библиотеки. Трагическая судьба А.М.Кутузова, отмечал Я.Л.Барсков, "тяжелый камень на совести московских братьев Злато-розового креста; редко расходятся между собой "слово" и "дело" до такой степени, как разошлись они на этот раз. Забыт был братьями не только розенкрейцер, но умный и добрый человек с золотым сердцем" [686]. 27 ноября 1797 года всеми позабытый Алексей Михайлович скоропостижно скончался в Берлине от горячки.

Что касается российских "братьев", то смерть его осталась незамеченной ими. Сами братья в это время, можно сказать, торжествовали, радуясь увидеть на троне в связи со смертью Екатерины II своего "масонского царя". И действительно, едва вступив на престол, Павел I уже 7 ноября 1796 года приказал немедленно освободить Н.И.Новикова из крепости [687], разрешил находившимся в опале князю Н.Н.Трубецкому и И.П. Тургеневу вернуться в Москву, причем последний был даже пожалован должностью директора Московского университета. Не забыл Павел Петрович и о М.И.Невзорове. 16 апреля 1798 года последовал императорский указ "содержащегося в здешнем сумасшедшем доме студента Невзорова в рассуждении выздоровления его отпустить в Москву к сенатору Лопухину с тем, чтобы он за него и поведение его отвечал" [688].

Кроме того, Павел I демонстративно приблизил к себе многих видных масонов: князь Н.В.Репнин, князь А.Б.Куракин, князь Г.П.Гагарин и других. 12 ноября 1796 года князь Н.Н.Трубецкой был пожалован в сенаторы, а в ноябре того же года другой видный деятель московского масонства М.М.Херасков – в тайные советники.

В 1797 году, приехав для коронации в Москву, Павел I приказал объявить великому мастеру московской ложи "Трех мечей" профессору Маттеи, чтобы он позаботился о созыве в назначенный день собрания всех главных московских масонов. Приказание это было исполнено. Явившийся на него император обратился к собравшимся с речью, причем не как государь, а как "брат". Смысл этой речи состоял в том, не признают ли они за лучшее, учитывая опыт трагических событий во Франции, прекратить на время свои

собрания. На это масоны отвечали, что не видят в этом необходимости, и только провинциальный великий мастер рижской ложи барон Унгерн-Штернберг якобы поддержал государя. Павел I остался очень доволен его выступлением и, обращаясь к профессору Маттеи и другим масонам, заявил: не собирайтесь более до моего особого повеления [689].

Освобожденный по приказу Павла I Н.И.Новиков сразу же уехал в свою деревню. "Он прибыл к нам, - вспоминал впоследствии С.И.Гамалея, - 19 ноября поутру, дряхл, стар, согбен, в разодранном тулупе" [690].

Павел I же, желая до конца излить на него свое великодушие, распорядился в начале декабря 1796 года срочно вызвать Н.И.Новикова в Петербург. 5 декабря Н.И.Новиков был уже в столице, где сразу же был принят императором. Поскольку Н.И.Новиков к этому времени, можно сказать, был разорен, Павел I, желая успокоить его, якобы сказал: "Я даю тебе мою руку и слово, что и копейка твоя не пропадет - дай только время и верь моему слову". Времени императору, как мы знаем, не хватило и "надежды моего родителя, - с горечью была вынуждена констатировать в связи с этим дочь Н.И.Новикова Вера Николаевна, - остались неисполненными" [691].

Хорошо знавший Н.И.Новикова архитектор Витберг рассказывал впоследствии, что Павел I якобы просил у Николая Ивановича прощения за поступок своей матери и даже встал перед ним на колени [692].

Верится, впрочем, с трудом. Более вероятен слух о том, что Н.И.Новикову была предложена должность директора Московского университета [693].

Назначение, однако, не состоялось и Н.И.Новиков опять возвратился в свое Авдотьино. В 1805 году он попытался было опять вернуться к своей просветительской деятельности, о чем свидетельствует его намерение взять в аренду типографию Московского университета за 11 тысяч рублей в год [694]. Сделка эта, однако, так и не состоялась.

С этого времени и вплоть до своей кончины 31 июля 1818 года Н.И.Новиков почти безвыездно прожил в своем имении, всецело погрузившись в хозяйственные дела. Но убеждений своих он не оставил. Более того, наряду с И.А.Поздеевым, он играл роль духовного лидера тогдашнего русского масонства. Вместе со своим другом С.И.Гамалеей Н.И.Новиков работал над составлением из масонских сочинений "Библиотеки высоко-хвальных свободных каменщиков", или "Библиотеки герметической", которую он намеревался впоследствии опубликовать. Под старость Николай Иванович сильно ударился в религию и всерьез уверял своих слушателей, что "все науки сходятся в религии", причем религиозность его, как справедливо заметил Г.И.Вернадский, была насквозь пропитана масонскими и розенкрейцерскими взглядами и привычками [695].

Любопытным штрихом к биографии Н.И.Новикова может служить его поведение в грозном 1812 году, когда этот старый масон не нашел ничего лучшего, как выкупать у своих крестьян захваченных ими в плен французских солдат и офицеров, платя им по рублю за человека. Все спасенные им таким образом солдаты наполеоновской армии после кратковременного излечения в имении Н.И.Новикова были переданы затем уже после прекращения военных действий полицейским властям [696].

Вместе с тем, справедливости ради следует отметить, что в отличие от большинства своих братьев по масонскому ордену, Н.И.Новиков в глубине души всегда оставался патриотом своей страны и людей "ненавидящих свое Отечество" (а таких в братской среде было немало), называл не иначе, как "кощунами" [697].

О том, как далеко заходили эти "кощуны", видно из уже цитировавшегося нами "дневника розенкрейцера" 1780-х годов (Г.Шредера), полного презрения к России и к русским. А между тем, Г.Шредер был далеко не рядовой и вполне ревностный и добропорядочный в глазах братьев масон. Любопытна в связи с этим реакция Н.И.Новикова на предъявленное ему в 1792 году обвинение в напечатании Типографической компанией в 1788 году переводной книжки врача и философа Циммермана "Народная гордость" (2-е

издание ее, или вернее второй перевод под названием "Образ народного любочестия" был напечатан в Санкт-Петербурге в 1793 году), содержащей в духе отрицательной философии XVIII века резкую критику такого понятия, как патриотизм и любовь к Родине. Сочинение Циммермана (кстати, одного из ученых заграничных корреспондентов Екатерины II) своим скептическим отношением к разбираемым им в своей книге проявлениям национальной гордости у различных народов, несомненно, сильно уязвил самолюбие многих тогдашних россиян. Книга его, отмечал А.Н.Пыпин, "могла показаться резкой по тогдашним, да и по нынешним русским понятиям" [698].

А что же Н.И.Новиков? Книгу, заявил он, я не читал "и когда мне из сей мерзкой книги места показали, то по прочтении я ужаснулся, что такая книга у нас напечатана" [699].

Умер Николай Иванович, как уже отмечалось, 31 июля 1818 года в четвертом часу утра "от удара" на 74-м году жизни, проболев перед этим 28 дней. Похоронен он был в местной церкви во имя Тихвинской Божьей матери напротив алтаря близ клироса [700].

Отделить Н.И.Новикова - мистика и масона от Н.И.Новикова – просветителя трудно, да очевидно, и не нужно. Гораздо важнее здесь другое. Объективное содержание деятельности Н.И.Новикова и его кружка намного переросло первоначально отведенные им сравнительно узкие масонские рамки и немало способствовало росту общественного самосознания и пробуждению умственных интересов русских людей. В этом, собственно, и состоит историческое значение его деятельности.

Глава 8. Масоны и дворцовый переворот 11 марта 1801 года. Возрождение и расцвет масонства в первые годы царствования Александра I (1801-1810)

Царствование Павла I, как бы к нему ни относиться, несомненно, гораздо ближе к александровскому времени, чем к царствованию Екатерины II. История русского масонства 1796-1801 гг. только подтверждает справедливость этого положения. Какого либо официального рескрипта о запрещении масонства в Росси в связи с делом Н.И.Новикова не последовало. Большая часть лож (шведские, розенкрейцеры), за исключением елагинских, к которым у Екатерины II было особое отношение, еще задолго до ареста Н.И.Новикова были вынуждены заявить о прекращении или приостановке своих работ. С прекращением в 1793 году по воле императрицы деятельности елагинских лож легальное масонство в России, можно сказать, исчезло [701]. Однако фактически же, согласно данным автора анонимной записки о русском масонстве (1817 г.), составленной в Особенной канцелярии Министерства полиции, масонские собрания в Петербурге прекратились только в 1794 году. В Москве же они продолжались еще дольше - вплоть до 1797 года. По другим сведениям, собрания масонских лож в Петербурге также продолжались не до 1794, а до 1797 года [702].

Ожидалось, как уже отмечалось, что император разрешит возобновить прерванные ранее масонские работы. Однако этого так и не произошло. Причина, очевидно, в том, что среди ближайшего окружения Павла, наряду с ревностными масонами (Н.В.Репнин, А.Б.Куракин, Г.П.Гагарин) оказалось немало и противников их: А.А.Аракчеев, И.П.Кутайсов, Ф.В.Ростопчин. Последний, в частности, воспользовался своей близостью к императору и сообщил ему об одном масонском ужине начала 90-х гг., когда братья-масоны якобы бросали жребий, кому убить императрицу Екатерину II [703]. Разговор этот неприятно поразил впечатлительного Павла I. Но по большому счету, дело здесь было все же не столько в посторонних влияниях на Павла I, сколько в его принципиальной позиции. При всей несомненной симпатии к масонам, учение их устроить Павла Петровича как самодержавного государя едва ли могло как противное "началам абсолютной его власти" и излюбленному им полицейскому характеру государственной

жизни, - считал Е.С.Шумигорский [704]. Хорошо знакомый с масонским учением, Павел I, по его словам, еще будучи наследником возненавидел в их деятельности "проявление общественной силы, независимой от верховного правительства" [705]. Трудно не согласиться с этим мнением.

В 1798 году Павел I принимает титул магистра католического полумасонского ордена Мальтийских рыцарей [706]. "Масоны не могут считать своим суверенный Мальтийский орден. Ведь это религиозный орден католической церкви", - пишет современный исследователь В.Л.Захаров [707]. Думается все же, что более прав здесь А.Н.Пыпин. "Мальтийские рыцари, - отмечал он, - не масоны, но орден их во многом схож с духовным предшественником масонов - католическим орденом тамплиеров" [708]. В западной историографии со ссылкой на официальные документы ватиканских архивов утвердилось мнение, что в обмен на признание его со стороны Ватикана Великим магистром ордена Святого Иоанна Павел I будто бы обещал переменить веру, то есть перейти в католичество или, во всяком случае, содействовать объединению католической и православной церквей под властью римского папы. "Я католик сердцем", - якобы признавался Павел I в одной из конфиденциальных бесед в Петербурге в ноябре 1800 года с иезуитом патером Грубером [709].

Наши историки относятся к этой версии скептически, справедливо полагая, что речь может идти всего лишь о тонкой политической игре Павла I, связанной с его желанием добиться официального признания со стороны римского папы великим магистром Мальтийского ордена. "Вместе с тем, - добавляет к этому современный исследователь Петр Перминов, - вполне очевидно, что в этой политической игре Павел I был готов дойти до опасной черты" [710].

Если мы припомним, сколь двусмысленным было отношение к православию сына Павла I - Александра Павловича, то вынуждены будем согласиться, что ничего удивительного в этом нет.

Новое увлечение императора, несомненно, отдалило его от русских масонов. Об официальном разрешении на открытие их работ в этих условиях нечего было и думать. Надежды братьев на приход в лице Павла I своего масонского царя рушились как карточный домик. Более того, мы имеем ряд иностранных свидетельств (все они относятся к 1797 году) о запрещении Павлом I масонских лож в России [711]. Современный исследователь Всеволод Сахаров также однозначно придерживается этого мнения, хотя и называет другую дату запрета масонских лож Павлом I - 1799 год. Однако и он связывает этот запрет с увлечением Павла I орденом Мальтийских рыцарей [712].

Можно предположить, что обстоятельство это основательно осложнило отношения Павла I с масонами. Отсюда попытки ряда авторов связать убийство императора 11 марта 1801 года с масонским заговором против него.

Заговор против Павла I созревал в масонских кругах, в масонском подполье, отмечает в связи с этим современный исследователь Олег Платонов [713].

Действительно, среди участников заговора было немало членов масонских лож: И.Вяземский, В.Мансуров, П.Кутузов, П.Толстой, Б.Голицын, Н.Бороздин, Я.Скарятин, братья Платон и Валериан Зубовы. Масоном (ложа "Искренность" в Москве, 1786) был и полковник А.Л.Беннигсен, возглавивший группу офицеров (братья Зубовы, князь Яшвиль, Татаринов, Скарятин и др.), которая, собственно, и умертвила Павла Петровича. Видную роль среди заговорщиков играл военный губернатор Санкт-Петербурга - Петр-Людвиг (Петр Алексеевич) Пален. Но П.-Л.Пален был всего лишь, если можно так сказать, больше техническим руководителем заговора. Вдохновителем же его была масонская аристократическая группировка во главе с бывшим российским послом в Англии Семеном Романовичем Воронцовым (член петербургской ложи "Скромность"). К числу вдохновителей и организаторов заговора можно отнести и графа Н.П.Панина, стоявшего во главе Коллегии иностранных дел [714].

Однако однозначно толковать события 11 марта 1801 года как исключительно масонский заговор [715] рискованно. Недовольство крутым нравом Павла I выражали в это время не только масоны, но и большая часть тогдашней правящей российской элиты. Да и политика сближения с Францией, которую проводил незадолго до своей смерти Павел I, явно шла вразрез с устремлениями русского дворянства, ориентированного (прежде всего экономически) на дружбу с Англией. Однако и доводы в пользу существования масонского заговора тоже весьма весомы. "Длительное участие в успешном заговоре против Павла I, - пишет В.Сахаров, - таких видных масонов, как Н.В.Репнин, А.М.Белосельский-Белозерский, Д.П.Трощинский, Н.П.Панин, С.Р.Воронцов и многих рядовых "братьев" из числа офицеров гвардии (пока не ясно, что объединяло таких разных людей, как И. де Рибас, П.Талызин, П.Пален, Л.Беннигсен и П.Зубов и придворных (тогда началась головокружительные карьеры родственника Репнина П.М.Волконского, будущего министра, фельдмаршала и светлейшего князя) показало, что масоны до конца использовали свое право на месть, не примирились с поражением и потерей влияния, готовы были расправиться с нарушившим клятву и обещания "тираном" Павлом I "мстящей рукой"" [716].

В свое время (1915 год), полемизируя с защитниками версии масонского заговора против Павла I из-за прикосновенности последнего к масонству: нарушил клятву на верность ордену, за что и был, якобы, приговорен ими к смерти [717], известный историк Е.С.Шумигорский справедливо отмечал, что истина здесь, по всей видимости, "заключается разве в том, что среди недовольных правлением Павла были лица, принадлежавшие ранее к масонским ложам", но, добавлял он, вслед за Н.М.Карамзиным, мы спросим: "кто же в России оплакивал смерть императора Павла?" [718].

Учитывая это, О.А.Платонов счел необходимым несколько подкорректировать свою позицию. Повторив, что заговор против Павла созревал в масонских кругах, он, вместе с тем, ясно дает понять, что далек от того, чтобы сводить все дело только к масонам и их проискам. "Мы, конечно, - пишет он, - не сводим убийство Павла I только к заговору масонов. Существовали и другие движущие силы, в частности, английский посол, группа недовольных при дворе. Однако масонское подполье сыграло определяющую роль в этом преступлении. Оно обеспечило организаторов и кадровый состав заговорщиков" [719].

Как бы то ни было, масоны в заговоре участвовали, хотя им самим опасаться за свою жизнь из-за принадлежности к ложам в царствование Павла I было нечего. Убедительное свидетельство этому - негласное открытие 15 января 1800 года, то есть еще при жизни Павла Петровича, в Петербурге старым масоном екатерининского времени Александром Федоровичем Лабзиным первой в наступившем столетии русской масонской ложи - "Умирающий сфинкс" [720].

"Ложа сия, - доносил 22 июня 1822 года Александру I Е.А.Кушелев, - называемая "Умирающий сфинкс", была на Васильевском острове, в разные наемные дома перемещаемая, собиралась раз в месяц, иногда чаще, иногда реже" [721].

Первыми членами ложи стали старые масоны А.А.Вахрушев, Г.Г.Беляев, С.Д.Микулин, П.И.Русановский, И.А.Петров [722].

С началом царствования Александра I оживились и "уснувшие" было во времена Екатерины II ложи и других масонских "систем". Сохранившееся предание утверждает, что в 1803 году состоялась конфиденциальная встреча Александра I с Великим префектом капитула "Феникса" И.-В.Бебером, в ходе которой император обещал негласное содействие возрождению масонских лож в России. Вскоре, то есть еще в этом же году, якобы произошло и посвящение Александра I в братство, причем свершилась эта церемония едва ли не на собрании всех масонов Петербурга [723]. Есть указания и на посвящение Александра I в одной из польских лож. Не исключено также, что император мог быть посвящен в орден в 1808 году в Эрфурте, в 1812 году в Петербурге и в 1818 году в Париже (вместе с Фридрихом-Вильгельмом III) [724].

Царь действительно мог посещать все эти ложи и даже принимать посвящения, однако самое первое из них состоялось, скорее всего, все же в 1803 году. Уж очень благоволил впоследствии император к ложам именно "шведской системы".

Простой случайностью явное предпочтение, отдаваемое им шведскому масонству, не объяснишь. Не следует, впрочем, думать, что император был посвящен в обычной масонской ложе, в присутствии всех братьев. Церемония его посвящения происходила, по всей видимости, по особому обряду и, скорее всего, в Зимнем дворце. Характерно, что в этой же ложе были посвящены и ближайшие друзья императора обер-прокурор Святейшего синода А.Н.Голицын и сенатор Г.Г.Кулешов [725].

Это сейчас историки спорят: был Александр I масоном или нет. В его царствование это было само собой разумеющимся, что приводило иногда к весьма курьезным случаям. Один из них связан с посещением Александром I в 1818 году ложи "Трех добродетелей" в Санкт-Петербурге. Наместный мастер ложи Александр Николаевич Муравьев рассказывал потом, что во время завязавшегося между ним и императором оживленного разговора он имел неосторожность допустить непростительный промах: обратился к императору по масонскому обычаю как к брату на "ты", что произвело на последнего крайне неблагоприятное впечатление [726]. Другими словами, принадлежность к ордену в глазах императора еще не давала повода для "братских отношений" между ним и масонами, которые в его глазах по прежнему оставались только подданными.

Это, однако, не могло уберечь Александра I от плотной опеки со стороны "братьев". Так, из четырех членов Интимного кружка, с помощью которого он управлял на первых порах империей, по крайней мере трое: Адам Чарторыйский, Виктор Кочубей и Николай Новосильцев были масонами. Опасаться каких-либо преследований со стороны правительства в этих условиях масонам было нечего. Они сами и были, по сути дела, правительством.

Мы уже упоминали о ложе "Умирающий сфинкс" (1801) во главе с А.Ф.Лабзиным. Это была розенкрейцерская ложа. Можно поэтому констатировать, что первыми оправились от удара, нанесенного по масонству Екатериной II, именно розенкрейцеры.

Показателен и состав ложи А.Ф.Лабзина, куда входили на первых порах исключительно старые масоны новиковского круга: А.А.Вахрушев, П.Г.Беляев, С.Д.Микулин, П.И.Русановский. Среди других: священник А.А.Сперанский, архитектор А.Н.Воронихин, знаменитые художники В.Л.Боровиковский, Д.Г.Левицкий, а также ряд менее известных представителей "изящных искусств": Кирилл Андреевич Лохвицкий, Иван Петрович Чернов, П.П.Чекалевский. Привлекательность для них именно ложи "Умирающего сфинкса" во многом объясняется должностным положением А.Ф.Лабзина в это время - конференц-секретарь, а с 1818 года и вице-президент Академии художеств [727].

В 1808 году А.Ф.Лабзин привлек в свою ложу знаменитого А.Л.Витберга, автора первого, так называемого "масонского" проекта храма Христа Спасителя на Воробьевых горах. Дело в том, что будучи масоном, А.Л.Витберг задумал его как систему трех храмов. Первый или нижний из них имел форму гроба или параллелепипеда и как бы пропадал в горе - масонском символе дикого необработанного камня. Здесь должны были, по замыслу архитектора, найти свое успокоение останки героев Отечественной войны 1812 года. Над этим храмом-гробом возвышался равноконечный православный греческий крест, лежащий в основе плана второго храма, храма распростертых рук – символа жизни, труда и человеческих страданий. Венчал же все сооружение третий, последний храм - храм Духа, в виде ротонды, увенчанный огромным куполом. В плане этого храма лежал масонский круг, символ вечности и покоя. Каких-либо наружных изваяний, призванных украсить храм, не предусматривалось [728].

Проект был с восторгом принят Александром I [729].

К сожалению, не будучи архитектором-профессионалом, А.Л.Витберг имел неосторожность лично возглавить строительство. Уже при Николае I он был обвинен в злоупотреблениях и сослан в Вятку, вследствие чего строительство храма так и не было

им завершено. Достраивать его, правда уже по своему проекту, пришлось другому архитектору - К.А.Тону.

Основываясь на том, что крупнейшие портретисты начала XIX века Ф.С.Рокотов, В.Л.Боровиковский, Д.Г.Левицкий были членами масонских лож, а также исходя из распространенного масонского обычая дарить друг другу свои портреты, которым придавалось мистическое значение, некоторые авторы приходят к выводу, что масонство якобы дало серьезный стимул развитию одной из сфер портретной живописи, а именно интимному мужскому портрету [730].

9 марта 1809 года из ложи А.Ф.Лабзина выделилась так называемая Теоретическая ложа для изыскания "премудрости соломоновой". Работала она по актам теоретической степени розенкрейцеров XVIII века. История розенкрейцеров начала царствования Александра I была бы неполной, если бы мы не упомянули о их тесной связи с религиозно-мистическим обществом графа Тадеуша Лещица-Грабянки "Народ Божий" (1806), известного еще и как "Новый Израиль". Само общество было учреждено еще в 1778 году в Берлине, затем в Авиньоне. Цель его состояла в том, чтобы возвещать народам по повелению Божию второе и близкое пришествие Иисуса Христа, причем посредником в сношении с небом граф Грабянка, естественно, объявил самого себя [731]. Как и у розенкрейцеров, в ложе графа Грабянки увлекались теософией, алхимией и магией. Это-то видимо и привлекло сюда розенкрейцеров. Среди адептов ложи: А.Ф.Лабзин, А.А.Ленивцев, П.И.Донауров, Ф.П.Лубяновский. Собиралась ложа в Мраморном дворце в Санкт-Петербурге в покоях цесаревича Константина Павловича или же в доме вдовы масона С.И.Плещеева.

Среди посетителей были и женщины, в том числе и М.А.Нарышкина. В 1807 году граф Грабянка был арестован и посажен в крепость. Общество прекратило свое существование [732].

В 1806 году А.Ф.Лабзин попытался было наладить издательскую деятельность розенкрейцеров, затеяв издание "Сионского вестника". Однако уже в том же году его журнал был закрыт правительством. 10 лет спустя, в 1817 году А.Ф.Лабзин опять возобновил свое издание, и опять оно вызвало энергичные протесты со стороны православного духовенства. Уже в который раз А.Ф.Лабзину воочию пришлось убедиться, как нелегко приживаются масонские идеи в нашем Отечестве.

В 1818 году "Сионский вестник" окончательно прекратил свое существование.

Деятельность А.Ф.Лабзина ограничивалась главным образом Петербургом.

Не меньшей активностью отличалась в этом отношении и Москва, где еще в 1803 году была открыта розенкрейцерская ложа. Называлась она "Нептун", возглавил ее куратор Московского университета сенатор Павел Иванович Голенищев-Кутузов.

Это был старый моряк - бывший флигель-адъютант адмирала Самуила Грейга и бывший член кронштадтской ложи "Нептун" (1779). Как и члены ложи А.Ф.Лабзина в Санкт-Петербурге московские "новые" розенкрейцеры тоже работали втайне и тоже по актам XVIII века. Характерной особенностью их являлся, пожалуй, только в большей степени, нежели это было характерно для ложи Лабзина, религиозно-мистический фанатизм. Настольными книгами П.И.Голенищева-Кутузова и его "братьев" были сочинения Якова Беме, Ф.А.Парацельса и других мистиков [733].

Среди первых членов "Нептуна" - П.А.Болотов, профессор М.Я.Мудров и другие. В 1809 году, по примеру Санкт-Петербурга, в Москве также были открыты работы Розенкрейцерской ложи Теоретического градуса. Называлась она "К мертвой голове". Среди членов ее: И.А.Поздеев, А.Х.Чеботарев, Р.С.Степанов, И.В.Лопухин, Ф.П.Ключарев, братья Н.Н. и Ю.Н.Трубецкие, адмирал Н.С.Мордвинов - всего до 20 человек [734].

Русские розенкрейцеры начала XIX века не представляли собой в идейном отношении единого целого и колебались между двумя идеологами масонства того времени: Н.И.Новиковым, представлявшим, по сути дела, левое крыло движения, и И.А.Поздеевым, придерживавшимся открыто консервативных взглядов.

Поскольку ни тот, ни другой формально никаких должностей в ордене не занимали, тогдашним руководителям розенкрейцерских лож в Москве (П.И.Голенищев-Кутузов) и Петербурге (А.Ф.Лабзин) приходилось нелегко. Мистик и консерватор И.А.Поздеев ориентировал их исключительно на так называемую "внутреннюю духовную работу" в ложах, направленную на постижение братьями "божественной премудрости".

До 1812 года И.А.Поздеев жил в селе Чистякове в 50 верстах от Москвы, а затем переехал в свое вологодское село Нелюбовское Кадниковского уезда, где у него был свой собственный стекольный завод. Горячими поклонниками И.А.Поздеева были впоследствии такие видные руководители Великой провинциальной ложи 2-й половины 1810-х годов, как С.С.Ланской, М.Ю.Виельгорский и А.П.Римский-Корсаков [735].

Либеральное крыло в раннем масонстве Александровского времени олицетворял собой Н.И.Новиков. Настоящий масон, доказывал он, не может ограничиваться только работой над своей собственной душой в ложе, а непременно должен ставить перед собой и более широкие, просветительские задачи, направленные на облагораживание и улучшение всего общества. Подспудное противостояние между сторонниками И.А.Поздеева и Н.И.Новикова продолжалось вплоть до кончины этих "патриархов" русского Розенкрейцерства, последовавшей в 1818 и в 1820 годах. Характерно, что наибольшей популярностью среди розенкрейцеров начала XIX века пользовался все же И.А.Поздеев. Не имея возможности непосредственного общения с московскими и петербургскими братьями, Н.И.Новиков и И.А.Поздеев общались с ними, главным образом, путем переписки. "Помните, что работа ваша есть повиноваться и молчать, и мир сей весь считать за единое ваше проходное училище. Не привязываясь ни к какому его углу и не делайте из того себе собственность. И приводите себя, будучи в мире, в такое равнодушное положение, чтобы вам до миру, что в нем не производится, не было нужды", - наставлял И.А.Поздеев своих младших коллег.

Русские масоны начала XIX века весьма достоверно изображены в романе Л.Н.Толстого "Война и мир": граф Вилларский, Пьер Безухов (его прототипом, возможно, был граф М.А.Дмитриев-Мамонов). Есть даже предположение о принадлежности самого писателя к "братству", настолько глубоко и верно удалось ему проникнуть в духовную сущность масонства [736]. "Меня очень радует, - писал Л.Н.Толстой 7 марта 1905 года К.Верксхагену, - что я, сам того не зная, был и есть масон по моим убеждениям. Я всегда с самого детства питал глубокое уважение к этой организации и думаю, что масонство сделало много добра человечеству" [737].

Впрочем, ничего интересного "новые" розенкрейцеры начала XIX века из себя не представляли, являясь сколком розенкрейцерства 1780-х годов. Характерен в этом плане эпизод, рассказанный известным писателем С.Т.Аксаковым. В 1808 году, желая завлечь его в свою ложу, масоны дали ему деликатное поручение: забрать масонские бумаги у покончившего с собой (уморил себя с голода) чиновника-масона И.Ф.Вольфа. Поскольку сделать это ему было весьма затруднительно (все бумаги самоубийцы были конфискованы), С.Т.Аксаков, не желая ударить лицом в грязь перед масонами, пошел на хитрость: масонскую рукопись, наполненную всякой белибердой, он сочинил и написал сам, взяв в качестве образца сочинение мистиков Штиллинга и Эккартсгаузена. Проделка эта удалась. Масоны (речь идет о ложе А.Ф.Лабзина) не только не заметили бессмысленности сочиненного Аксаковым опуса, но напротив, всячески хвалили его и даже предполагали напечатать его в "Сионском вестнике", когда он будет разрешен к изданию.

Естественно, что для самого Аксакова вопрос о его вступлении в масонскую ложу отпал после этого сам собой [738].

Не менее любопытно в этой истории и другое: масонов в то время, оказывается, боялись. "Тайна" тяготила С.Т.Аксакова, и он не удержался и поделился таки ею с неким И.И.Р-гом, считавшимся в его кругу "могилою секретов". "Я то думал, - вспоминал С.Т.Аксаков, - что он посмеется, но, к удивлению моему, он пришел в ужас. "Не сказывал ли ты кому-нибудь об этом", - спросил он меня. Я ответил, что никому не сказывал. "Ну

так и не сказывай. Сохрани тебя Бог, если проболтаешься. Я сам в молодости моей был масоном. Мартинисты - те же масоны. Если они узнают твой обман – ты пропал!"" [739].

Немногим лучше в этом отношении обстояли дела и в ложах так называемой "французской системы", появление которых в России было, в отличие от "новых" розенкрейцеров, действительно новым и, несомненно, отрадным явлением в русском масонстве. Начало им положила ложа "Соединенные друзья", открытая 10 июня 1802 года Александром Жеребцовым. Особенностью этой ложи было то, что она работала на французском языке и по французским обрядам. Сам А.А.Жеребцов был старым французским масоном, посвященным еще в бытность свою в Париже в качестве русского консула. Обрядовая сторона ложи "Соединенных друзей" заключала в себе культ солнца, разума и сил природы. Цель же работ заключалась в том, чтобы "стереть между человеками отличия рас, сословий, верований, истребить фанатизм, суеверия, уничтожить Национальную ненависть, войну и объединить все человечество узами любви и знания". Среди адептов ложи: великий князь Константин Павлович, генерал-губернатор Белорусского края герцог А.Виртембергский, министр исповеданий и народного просвещения Царства Польского Станислав Костка-Потоцкий, церемониймейстер двора Его Императорского Величества граф И.А.Нарышкин, будущий шеф жандармов при Николае I А.Х.Бенкендорф, министр полиции А.Д.Балашов, генерал-майор Н.М.Бороздин, граф А.Остерман-Толстой.

Среди других членов ложи, пополнивших ее ряды в уже более позднее время, можно назвать известного реформатора европейского масонства, подвизавшегося одно время в России Игнатия Аврелия Фесслера, а также П.Я.Чаадаева, П.И.Пестеля, А.С.Грибоедова [740]. Общее число членов ложи к 1810 году достигло 50 человек действительных членов и 29 членов почетных [741].

Характерно, что ложа имела свой собственный храм, оркестр и даже гимн.

Символическим знаком ложи "Соединенных друзей" был масонский треугольник с изображением внутри него рук, соединенных в рукопожатии. Существовал у ложи и свой девиз: "Солнце, наука, разум" [742].

По таким же французским актам, наряду с ложей "Соединенных друзей" работала и близкая ей по духу ложа "Палестины" (основана 4 мая 1809 года) во главе с известным меценатом и музыкантом польского происхождения графом Михаилом Юрьевичем Виельгорским. Состав этой ложи был смешанным. Наряду с людьми искусства много было чиновников и купцов. Общее число братьев в ней достигало 75 человек. Наместным мастером ложи был Сергей Степанович Ланской [743].

Можно сказать, что французские ложи олицетворяли собой либеральное направление в русском масонстве, хотя сколько-нибудь серьезной работы ни в ложе А.А.Жеребцова, ни в ложе М.Ю.Виельгорского не велось. Характерное же для них увлечение так называемыми столовыми ложами и дружескими пирушками в узком масонском кругу сближает их с неполитическими клубами того времени.

Еще одним направлением, или, правильнее, "системой" в русском масонстве начала XIX века может считаться так называемая система Фесслера. Ее основатель Игнаций-Аурелиус Фесслер из Трансильвании был приглашен в 1909 году М.М.Сперанским для преподавания еврейского языка в Духовной академии в Санкт-Петербурге.

В этом же году при поддержке М.М.Сперанского он основал здесь новую масонскую ложу - "Полярная звезда", работавшую по системе ложи "Рояль-Йорк" трех символических иоанновских степеней плюс "степень познания" для избранных, где бы масоны могли знакомиться с сущностью всех в то время известных масонских систем. Среди членов его ложи - П.П.Пезаровиус, Р.Ренненкампф, А.И.Тургенев, М.Л.Магницкий, С.С.Уваров [744]. В 1810 году в ложу И.А.Фесслера был посвящен государственный секретарь и первый в то время реформатор в России М.М.Сперанский. "Ложа сия, председательствуемая в тот день Сперанским, - писал позднее М.Л.Магницкий, - состояла из Фесслера, Дерябина, Пезаровиуса, Злобина, Гогеншильда и Розенкампфа" [745].

Сам М.М.Сперанский в подписке о непринадлежности к тайным обществам после их закрытия в 1822 году утверждал, что в связи с рассмотрением в 1810 году масонских дел в Особом комитете, членом которого он был назначен, ему действительно пришлось "с ведома правительства" принять посвящение в домашней частной ложе И.А.Фесслера. Ложа эта не имела ни своего названия, ни постоянства и посетил он ее всего лишь два раза [746].

Другой член этой ложи М.Л.Магницкий отмечал, что И.А.Фесслер систематически и прямо нападал на христианство и во всеуслышание заявлял, что Иисус Христос был никто иной, как сын ессеянина, обманывавший народ для утверждения своего учения [747].

Ложа Фесслера интересна для нас прежде всего тем, что именно в ней, судя по всему, как раз и родились широко известные ныне планы М.М.Сперанского по объединению всех масонских лож в стране в одну подчиненную государству структуру, а также реформирование на масонский лад Русской православной церкви. Как сообщает в своих мемуарах член ложи "Полярная звезда" Леопольд-Август Гауеншильд, по прямому совету И.А.Фесслера "предполагалось основать масонскую ложу с филиальными ложами по всей империи, в которую были бы обязаны вступать наиболее способные из духовных лиц всех сословий" [748].

Любопытное указание о планах М.М.Сперанского по реформированию православной церкви можно найти в биографии барона Штейна (автор – некто Перец) на немецком языке [749]. Опубликованы были в 1851 году в Лейпциге и воспоминания самого И.А.Фесслера, где он называет некоторых неизвестных из других источников новых членов своего кружка (М.М.Балугьянский, Е.Е.Эллизен, Х.А.Бек, А.Тургенев). Заслуживает внимания и оговорка, которую делает здесь И.А.Фесслер, что некоторых из членов его кружка, ввиду их высокого общественного положения в России, он назвать не может из соображений скромности [750]. И хотя источниковая база для каких-либо твердых выводов явно недостаточна, все это действительно похоже на правду. Ведь идеи такого рода, как мы знаем, были весьма и весьма близки тогдашнему умонастроению Александра I.

"Я замечал сколько раз в Его Величестве, - вспоминал в январе 1831 года князь А.Б.Голицын, - наклонность к всеобщей религии, которая его поставляла в некоторое недоверие к греко-российской церкви. Изданием "Сионского вестника" и учением И.А.Фесслера государь думал понять настоящий христианский дух, вывести нечувствительно из спасительных форм нашей церкви внутреннее христианство и быть орудием всех церквей" [751]. Похоже, что при поддержке императора М.М.Сперанский действиительно пытался преобразовать нашу православную церковь на масонский лад и первым шагом в этом направлении должно было стать широкое вовлечение православных священников в масонские ложи. Дело дошло до того, что Александр I даже обещал М.М.Сперанскому поставить "Полярную звезду" во главе всех других масонских лож в России [752].

В своих планах М.М.Сперанский не был одинок. Помимо императора, взгляды его всецело поддерживались как французскими ложами, так и розенкрейцерами новиковского круга. А.И.Серков даже пишет о сформировавшемся блоке А.А.Жеребцова - М.М.Сперанского и Н.И.Новикова, что похоже на правду. Но была еще и оппозиция, силу которой придавало то обстоятельство, что исходила она не столько от братьев-масонов консервативных лож так называемой "шведской системы" и розенкрейцеров – сторонников И.А.Поздеева, но и большей части русского дворянства той поры, отнюдь не разделявшего реформаторских планов императора.

Падение Сперанского положило конец его планам буржуазных преобразований в России. В марте 1812 года, как известно, он был отправлен в ссылку [753].

Еще раньше 22 июня 1810 года вынужден был оставить службу в Петербургской духовной академии и И.-А.Фесслер. Получив при поддержке тогда еще находившегося у

власти М.М.Сперанского звание корреспондента при Комиссии составления законов, он уехал в феврале 1811 года в Вольск Саратовской губернии, где и преподавал в частном учебном заведении. В 1813 году он поселился в Саратове.

В 1818 году А.Н.Голицын назначил его духовным председателем провинциальной Саратовской консистории для лиц евангелического вероисповедания [754].

И.-А.Фесслер и М.М.Сперанский вынуждены были, таким образом, удалиться из Петербурга. Однако идея их о реформировании православной церкви не была забыта и получила неожиданное воплощение в деятельности Библейского общества в России (учреждено 6 декабря 1812 года) [755].

Цель общества, как она декларировалась его учредителями, состояла в издании и распространении Библии в народе. Инициатива учреждения общества исходила от английских масонов. Неудивительно, что и в России деятельность Библейского общества всецело контролировалась и направлялась братьями - вольными каменщиками.

Президентом Библейского общества с подачи императора стал главноуправляющий духовным ведомством масон князь А.Н.Голицын. Секретарями общества - такие же масоны В.М.Попов и А.И.Тургенев [756].

Библейское общество - это первое в России экуменическое общество, где рядом с деистом, атеистом, масоном-мистиком сидели английские квакеры и методисты, католические патеры и пасторы лютеранские, а между ними православные архиереи: митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий, архиепископ Минский и Литовский Серафим - ученик московских розенкрейцеров, впоследствии знаменитый митрополит Московский, ставший затем поборником православия и сильно почитаемый москвичами, ныне канонизированный Русской православной церковью. В то время, впрочем, он находился под влиянием князя А.Н.Голицына и некоторых мистиков, в первую очередь Лабзина, в ложе которого "Умирающий сфинкс" он тогда состоял [757].

Здесь же в Библейском обществе мы видим также министра внутренних дел О.П.Козадавлева, обер-прокурора Святейшего синода князя Мещерского, будущего министра народного просвещения при Николае I графа С.С.Уварова и других масонов - видных деятелей правительственной администрации того времени.

Деятельное участие в работе Библейского общества в России принимали агенты британского Библейского общества Пинкертон, Патерсон и пасторы Питт, Шейрль и другие.

Но вернемся к первым масонским ложам Александровского царствования.

Наряду с розенкрейцерами и ложами французского обряда весьма уверенно заявили в это время о себе и шведские ложи.

Первым шагом на пути возрождения шведских лож в России стало открытие 11 октября 1805 года в Петербурге ложи "Александра благотворительности к коронованному пеликану". Масонская легенда гласит, что открытие ее стало возможным в результате разрешения, якобы полученного в 1804 году директором канцелярии Рижского военного губернатора А.С.Сергеевым. Согласно другой версии, еще раньше в 1803 году такое разрешение получил префект Капитула "Феникса" для лож шведского обряда И.В.Бебер. "То, что Вы говорите мне о масонстве, - якобы заявил ему император, - обязывает меня не только оказывать ему покровительство, но и просить меня принять в число франкмасонов. Считаете ли Вы это возможным?" - якобы спрашивал Александр I. "Государь, - отвечал Бебер, - я не имею права сам дать ответ Вашему Величеству. Я соберу масонов Вашей столицы, объявлю им о Вашем желании и убежден, они поспешат исполнить его". Вскоре, то есть в этом же 1803 году Александр I якобы действительно получил посвящение. Однако верить этому сообщению едва ли возможно, так как И.В.Бебер в своей записке "Несколько замечаний о масонстве в России" (1815 год) однозначно относил возобновление масонских лож шведской системы в Петербурге к 1805 году [758]. Что же касается версии о принадлежности Александра I к шведскому масонству, то В.И.Семевский находил ее весьма сомнительной [759].

Как бы то ни было, 11 октября 1805 года состоялось второе рождение еще одной екатерининской ложи "Пеликан" (1783 год) [760], правда под несколько видоизмененным названием в честь Александра I - "Александра благотворительности к коронованному пеликану". Отличительным знаком братьев, принадлежавших к этой ложе, был серебряный иоанновский крест, украшенный золотым солнечным сиянием, в центре которого было изображение коронованного пеликана, кормящего своих птенцов. Возглавил ложу уже известный нам И.В.Бебер.

К 1809 году ложа эта настолько разрослась, что было решено выделить из нее 1 июня еще одну шведскую ложу - "Елизаветы к добродетели" (названа в честь жены Александра I императрицы Елизаветы Алексеевны). Возглавил еепуже упоминавшийся выше старый масон екатерининского времени Александр Сергеевич Сергеев. Отличительным знаком ложи была золотая пятиконечная звезда. Как и в ложе "Соединенных друзей", в составе ее преобладала петербургская знать.

22 мая 1810 года от ложи "Александра благотворительности к коронованному пеликану" отпочковалась еще одна ложа - "Петра к правде", куда вошла по преимуществу немецкоязычная петербургская интеллигенция, чиновники, купцы, врачи, ремесленники, торговцы. Возглавил ее известный в то время врач Обуховской больницы Иоганн-Георг (Егор Егорович) Эллизен. Все три ложи работали по одним и тем же шведским актам и имели одну общую кассу. Для общего же управления ими в том же 1810 году была образована Великая Директориальная ложа "Владимира к порядку". Гроссмейстером ее и стал И.В.Бебер, который исполнял эту должность до 1815 года. Общее число масонов "шведской системы" в 1810 году составляло 114 человек.

Как и во второй половине XVIII века, пополнялись шведские ложи преимущественно представителями старого родовитого русского барства: князья Голицыны, Гагарины, Волконские, Долгорукие, Лобановы-Ростовские, Трубецкие, графы Апраксины, Разумовские, Строгановы, Толстые, Чернышевы, Шуваловы, а также Нарышкины, Бороздины, Римские-Корсаковы, Ланские и др. В дни официальных собраний Директориальной ложи "Владимира к порядку" перед домом, где обычно собирались масоны, стояло до 200 экипажей [761].

Всего в 1810 году в Петербурге насчитывалось до 239 масонов плюс 25 почетных членов масонских лож. Примерно столько же было, скорее всего, и в других городах [762]. Итого около 500 братьев. По тем временам это была уже немалая сила.

Глава 9. Национально-консервативная "партия" в русском масонстве 1810-х годов и ее либеральные противники. Образование Великой ложи "Астрея" (1815)

Резко возросшая в начале XIX века активность масонских лож была, таким образом, налицо. "Секта подняла голову", - констатировал Ф.В.Ростопчин.

В этих условиях в 1810 году правительство сочло необходимым более подробно, нежели это было ранее, войти в "правила сих обществ и удостовериться в тех основаниях, на коих они могут быть терпимы или покровительствуемы" [763]. Идея установления строгого правительственного контроля над ложами, можно сказать, носилась в это время в воздухе. Горячим ее сторонником был, в частности, государственный секретарь М.М.Сперанский с его планами государственного масонства. Одобрительно отнесся к этой идее и император Александр I. Правительству необходимо было только решить, на какой приемлемой для него масонской системе следует остановиться. Выбор его упал, после некоторого раздумья, на ложи шведской системы, известные своей приверженностью к строгому соблюдению христианских догматов (что редкость в масонстве) и высокими степенями (всего их насчитывалось 10).

В 1910 году руководитель лож шведской системы И.В.Бебер представил Александру I записку о масонстве, результатом которой, собственно, и явилось официальное признание правительством масонских лож в России. Надо сказать, что как гроссмейстер Великой провинциальной ложи "Владимира к порядку" (1810), И.В.Бебер пользовался большим доверием у правительства, предпочитавшем вести свои сношения с масонами именно через него. Таким же, по существу, было отношение к И.В.Беберу и заграничных масонов, направлявших свою корреспонденцию по делам ордена преимущественно на его имя.

События развивались следующим образом. 28 марта 1810 года министром полиции был назначен А.Д.Балашов, который уже в августе того же года потребовал от руководителей масонских лож в России представить ему на просмотр акты, на основе которых осуществлялись их "работы" [764].

Взятые у них бумаги (следует иметь в виду, что И.В.Бебер представил только акты иоанновских лож, а А.Ф.Лабзин не представил ничего) были просмотрены особой комиссией в составе А.Д.Балашова, М.М.Сперанского и ряда других лиц. Итогом работы этой комиссии стало то, что в октябре 1811 года терпимыми в нашем Отечестве были признаны только ложи шведской системы. Французским ложам "Соединенных друзей" и "Палестины", если они хотели продолжить свою деятельность, было предложено войти в непосредственное подчинение к И.В.Беберу.

И.В.Бебер, в свою очередь, обязывался регулярно представлять в министерство полиции все необходимые сведения о личном составе лож и их работах [765].

Объединение масонских лож в единую организационную структуру, подотчетную правительству, стало, таким образом, свершившимся фактом. Это позволило уже в 1811 году полностью восстановить под именем Верховного Орденского совета работу тщательно законспирированного и фактически бездействовавшего все это время Капитула Феникса с Директорией [766].

Но Капитул Феникса был тайной, неафишируемой высшей управленческой структурой ордена лож шведской системы. "На миру" он действовал под именем или, лучше сказать, личиной образованной в 1810 году Великой Директориальной ложи "Владимира к порядку".

Внутреннее устройство ее было то же, что и ее предшественницы – Великой провинциальной ложи XVIII века. Однако поскольку сохранились не все акты, ритуалы и клейноды, в печать ложи были внесены некоторые новации. Изменены были также и надписи на орденском мече [767].

Единогласным постановлением старейших братьев префектом Капитула Феникса стал уже известный нам выходец из Веймара Иоганн-Якоб (Иван Васильевич) Бебер (1746-1820). В братском кругу он проходил под именем Викария Соломона Мудрого из Мудрых. Профанам же известен как преподаватель математики и механики Второго кадетского корпуса в Санкт-Петербурге, член-корреспондент Петербургской академии наук.

Великая Директориальная ложа "Владимира к порядку" получила свой статус как признанная и негласно разрешенная правительством. Любопытны в связи с этим слова, сказанные управляющим министерством полиции С.К.Вязмитиновым управляющему ложею "Петра к правде" Е.Е.Эллизену: "Государь император убедился по представлениям моим, что ложи никак сомнительными быть не могут. Нельзя их актом аккредитовать, но мне государь приказал вас удостоверить в своем благоволении" [768].

Правда, не все ложи подчинились И.В.Беберу. Розенкрейцеры во главе с А.Ф.Лабзиным, И.А.Поздеевым и П.И.Голенищевым-Кутузовым, а также ложа Н.С.Всеволожского в его союз не вошли и по прежнему продолжали свои работы в глубокой тайне от правительства. Тем не менее, задача установления плотного правительственного контроля над деятельностью масонов была в основном решена. Масонские ложи, или по крайней мере большая их часть были фактически легализованы и поставлены под строгий

контроль правительства. Великий магистр И.В.Бебер находился, как уже отмечалось, в непосредственном подчинении у министра полиции (правда тоже "брата" – ложа "Соединенных друзей") А.Д.Балашова.

Следует, впрочем, иметь в виду, что требование доставлять в министерство полиции ежемесячные отчеты о всем происходящем в собраниях масонских лож, что свято соблюдалось при Балашове и Вязмитинове, было тут же оставлено при В.П.Кочубее, возглавившем соединенное министерство полиции и внутренних дел. Правительство, заявил он И.В.Беберу, явившемуся к нему с отчетом, не требует больше от братьев отчетов, хотя и оставляет за собой полное право вмешательства в их деятельность, если в том возникнет необходимость [769].

Крупной вехой в истории русского масонства стала Отечественная война 1812 года и Заграничный поход русской армии 1813-1814 гг. И дело тут не только в национально-патриотическом подъеме, захватившем часть тогдашних русских масонов. Дело в том, что с событиями Отечественной войны и Заграничного похода связано появление так называемых походных военных масонских лож в армии (ложа "Святой Георгий" и другие) [770].

Тесное общение русских масонов из числа офицеров действующей армии со своими немецкими и французскими братьями по ордену во время Заграничного похода, о чем пишет в своих воспоминаниях А.И.Михайловский-Данилевский [771], не могло не способствовать их более критическому отношению к русской действительности: ведь добрая треть членов масонских лож в России этого времени были военными.

На первом месте среди масонов - героев Отечественной войны 1812 года стоит, несомненно, прославленный фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов.

Его посвящение произошло в городе Регенсбурге (ложа "К трем ключам"), впоследствии Кутузова принимали в ложах Франкфурта, Берлина, Москвы и Петербурга. При посвящении в 7-ю степень шведского масонства М.И.Кутузов получил орденское имя "Зеленеющий лавр". После смерти полководца в июле 1813 года масоны Петербурга под председательством И.В.Бебера устроили торжественную траурную церемонию, посвященную его памяти. "В масонском ордене Кутузов занимал высокое место у кормила ордена и постоянно был опорою вольнокаменщического братства. Не подлежит сомнению, что сила сплоченного масонского братства, в свою очередь, способствовала назначению Кутузова предводителем наших вооруженных сил в борьбе с Великой армией", - писала в связи с этим Т.О.Соколовская [772]. Среди других активных участников Отечественной войны 1812 года был и будущий предводитель Южного общества декабристов Павел Иванович Пестель, вступивший в ложу "Соединенных друзей" в Петербурге в том же 1812 году [773].

Горькие чувства патриотически настроенных русских офицеров - победителей Наполеона Бонапарта при встрече с отечественной действительностью едва ли требуют каких-либо комментариев. Не удовлетворяло их и положение, сложившееся к этому времени в масонских ложах России, добрую половину личного состава которых составляли иностранцы, которым, в большинстве своем, конечно же были чужды национальные стремления русских. Но как раз именно они - иностранцы - традиционно и задавали тон в масонских ложах нашего Отечества. Главным требованием патриотически настроенных русских "братьев" в этих условиях стало ведение работ в ложах наряду с французским и немецким языками и на природном нашем русском языке. Первым успехом в этом направлении стало принятое под их давлением в декабре 1813 года ложей "Палестины", работавшей до этого исключительно на французском языке, исторического постановления открыть, наконец, свои работы и на русском. "Кто из братьев свободных каменщиков мог бы не возрадоваться, что в престольном граде дражайшего нашего Отечества еще в одной из соединенных лож открываются работы на любезном нам отечественном языке", - радостно вопрошал 23 декабря 1813 года в своей речи перед братьями наместный мастер этой ложи Сергей Степанович Ланской [774].

Помимо самого С.С.Ланского представителями этой так называемой "русской партии" в масонстве александровского времени были М.Ю.Виельгорский, А.П.Римский-Корсаков, Ф.П.Толстой [775].

Заслуживает в этой связи внимания отмеченный Т.О.Соколовской отрадный факт появления после 1812 года в тексте ряда масонских клятв пункта об обязанности братьев распространять и пропагандировать не просто христианскую, а именно нашу святую православную веру. Характерно, что при молчаливом согласии И.В.Бебера именно в это время начинают переводиться на русский язык и некоторые масонские обрядники. Не случайно в этой связи появление среди немецких братьев-масонов мнения, что И.В.Бебер якобы совершенно подпал под "русское влияние" и ведет братьев "не туда". "Этим, - отмечала Т.О.Соколовская, - лишний раз подтверждается, что русские вольные каменщики в масонство временами вливали чисто национальные идеи, заставляя его как бы отклоняться от широкой дороги космополитизма" [776].

Как бы то ни было, с известными оговорками можно утверждать, что в лице Великой Директориальной ложи "Владимира к порядку" мы имеем дело с национально-консервативным направлением в тогдашнем русском масонстве. Во всяком случае, существенные подвижки свидетельствующие о ее движении в этом направлении налицо. Крайне любопытны в этом плане процессы, происходившие в это время в немецкоязычной ложе "Петра к истине". Несмотря на то, что тон в ней всегда традиционно задавали немцы, наплыв русского элемента (до половины братьев) привел к тому, что в 1815 году было принято решение о выделении последних в отдельную русскую ложу "Избранного Михаила". Правда руководитель ее Ф.П.Толстой, как истинный масон, уверял, что все дело де было в том, что некоторые русские плохо понимали немецкий язык [777]. Но что тогда, зададимся мы вопросом, привело их именно в эту немецкоязычную ложу, работ которой они не понимали? И что мешало братьям вести работы в этой ложе на двух языках? Но в том то и дело, что ничего этого сделано не было, и немцы предпочли отделиться от русских, разрешив им организовать собственную ложу.

Конечно, надо понимать, что национальный вопрос не был, да и едва ли мог быть главным для масонов. Для нас приведенные факты важны как отражение общей тенденции, характерной для масонства этого времени: появление лож с учетом профессиональных, конфессиональных и национальных интересов адептов ордена.

Не следует забывать, что, как и в XVIII веке, цвет русского масонства Александровского времени по прежнему составляло старое родовитое барство: князь М.П.Баратаев, князья Гагарины, князь М.И.Кутузов, князья Голицыны, Грузинские, Волконские, Долгоруковы, Лобановы-Ростовские, Трубецкие, графы Лопухины, Виельгорские, граф Иван Воронцов, граф Александр Остерман-Толстой, Разумовские, Строгановы, Толстые, Чернышовы, Головины, Ланские, Нарышкины, Римские-Корсаковы и многие другие. "Не забывая целей ордена, - подчеркивала Т.О.Соколовская, - эти русские масоны-баре решили, в то же время, по преимуществу использовать масонство на благо России" [778].

Конечно, работали на благо России далеко не все родовитые русские масоны, но то, что такая государственно-патриотическая тенденция в русском масонстве действительно имела место быть - не вызывает сомнений. В то же время очевидно, что потомки Рюрика и Гедимина, стремились в ложи, где сидели такие же как и они баре, а не аптекари, спекулянты и ювелиры.

В свою очередь, и немцы-протестанты также стремились попасть прежде всего в немецкие ложи, католики-французы - естественно, во французские, поляки - в польские. Жизнь брала свое, и в конце концов получилось, что в ложе "Елизаветы к добродетели" объединялись по преимуществу придворные, ложу "Соединенных друзей" составляли, в основном, военные, ложа "Александра благотворительности к коронованному пеликану" была популярна у буржуазных элементов, главным образом из немцев. Ложа "Нептун к надежде" состояла из офицеров-моряков, но не русских, а иностранцев. Из немцев (врачи,

ювелиры, купцы, аптекари) состояла по преимуществу ложа "Петра к правде" после отделения от нее в 1815 году русских братьев.

Общим же для русского масонского сообщества первой четверти XIX века было засилье иностранцев (до 50% состава) и невиданный ранее наплыв в ложи буржуазного элемента, главным образом, немецкого происхождения. Характерно, что русские представители "третьего сословия", как люди богобоязненные, православные, в масонские ложи шли неохотно, в то время как для иностранцев пребывание в масонской ложе было делом очень даже обыкновенным.

Весьма различным было и отношение русских и немцев к царившим в тогдашних петербургских и московских ложах мистике и авторитаризму. Если русские воспринимали их как должное, то немцы, как и вообще иностранцы - совсем даже напротив. Жесткие порядки, царившие в ложах Директориальной ложи "Владимира к порядку", незаметно перешедшей от работ по шведским актам XVIII века к работам по так называемой Системе строгого наблюдения, где мистическая сторона вольного каменщичества была доведена до крайних пределов [779], была им явно не по душе. Не нравились им и сохранение в ложах этого союза высоких степеней и самовластное управление орденом со стороны "неведомых начальников". Так исподволь в немецких ложах зародилась идея требования ответственного перед братьями управления. Критике подверглось увлечение русских братьев мистикой и оккультизмом, объявленное ими как несовместимое с духом первоначального вольного каменщичества.

Проведение правительственной линии в масонском вопросе осуществлял министр полиции С.К.Вязмитинов. От него, конечно же, не укрылось недовольство немецких братьев ни высокими степенями, ни фактический отход Директориальной ложи "Владимира к порядку" от шведской системы и переход ее к работам по актам Системы строгого наблюдения. Конечно же, сами немецкие братья никогда не пошли бы на открытый бунт на "масонском корабле", если бы он не был согласован с правительством. Какие выгоды надеялось получить русское правительство от фактически санкционированной им либеральной революции в русском масонстве, остается только гадать. Но санкция такая, тем не менее, получена масонами была.

Союз Великой Директориальной ложи "Владимира к порядку" в 1814 году, когда и разразилась так называемая "либеральная революция" в масонстве, насчитывал в своих рядах 7 лож: "Палестины", "Изиды", "Петра к правде", "Нептуна", "Александра к коронованному пеликану", "Елизаветы к добродетели" и "Соединенных друзей". Четыре первых из них находились в явной оппозиции к И.В.Беберу, остальные еще не успели определиться. Перчатку руководству Директориальной ложи и лично И.В.Беберу бросил 14 июня 1814 года управляющий мастер немецкой ложи "Петра к правде" врач Обуховской больницы в Санкт-Петербурге Иоганн-Георг Давид (Егор Егорович) Эллизен (1756-1830). В своем письме на имя руководителя Директориальной ложи "Владимира к порядку" И.В.Бебера, "как христианин, гражданин и каменщик", он весьма недвусмысленно заявил от имени братьев о незаконности существования, по его мнению, капитула, и своем отказе от каких-либо дальнейших сношений с ним [780].

Намек Е.Е.Эллизена на незаконность существования Капитула Феникса связан с тем, что в 1810 году правительству И.В.Бебером были представлены обрядники и уставы одних только иоанновских степеней (ученик, товарищ и мастер) символического "голубого" масонства, ставившего перед собой вполне благородные цели: путем усовершенствования каждой отдельно взятой личности приблизить в конечном счете наступление всеобщего благоденствия на земле. Что касается актов шотландских лож, ставивших целью изучение тайных наук, тайного знания, как впрочем, и актов рыцарских степеней, связывавших братьев обетом беспощадной борьбы с врагами ордена, а также насилием и деспотизмом, то они представлены правительству так и не были. Значит, доказывал на этом основании Е.Е.Эллизен, само существование лож высших степеней незаконно.

Письмо Е.Е.Эллизена заставило Капитул Феникса для управления шотландскими ложами "Сфинкса" и "Святого Георгия" срочно учредить так называемую Шотландскую Директорию. Открытие ее состоялось 8 января 1815 года. 20 апреля в ложе "Сфинкса" было торжественно отмечено 35-летие учреждения первой шотландской ложи шведского обряда в России (1780). Другим ближайшим последствием выступления Е.Е.Эллизена стала уступка И.В.Бебером в начале августа 1815 года управления низшими степенями (так называемые иоанновские ложи) своему "брату" графу В.В.Мусину-Пушкину-Брюсу. Высокие же степени и Капитул Феникса остались за самим И.В.Бебером.

Маневрируя, И.В.Бебер еще 26 июня 1815 года представил правительству записку, предложив согласиться на существование в России двух масонских союзов: одного во главе с ним, И.В.Бебером, и другого, составленного из "диссидентов" - противников высоких степеней. Как ни странно, но правительство разрешило. 10 августа 1815 года граф В.В.Мусин-Пушкин-Брюс сообщил мятежным ложам о согласии министра полиции С.К.Вязмитинова с разделением русского масонства на два самостоятельных и соперничающих между собой союза [781].

Это была несомненная победа реформаторов. Уже 30 августа 1815 года Е.Е.Эллизен из четырех солидарных с ним немецких лож: "Петра к правде", "Палестины", "Изиды" и "Нептуна к надежде" учреждает новый союз под управлением Великой ложи "Астрея" [782].

Крайне любопытен персональный состав этих "диссидентствующих" либеральных лож, подписавших еще 30 июня 1815 года, то есть еще за месяц до официального учреждения Великой ложи "Астрея" 16 условий образования нового масонского союза: Георг Эллизен, Карл Унгерн-Штернберг, Эрих Шредер, Иоганн Кейзер, Янаш, Фольборт, Бонеблюст, Квосиг, Ризенкампф, Фридрих Унгерн-Штенберг, Риземан, Ниман, Тонелиус, Берловский, Вейер [783].

Всякий может убедиться, что среди этих отважно либеральничающих масонов, бросивших, правда с предварительного разрешения министра полиции, вызов консервативному союзу Великой Директориальной ложи "Владимира к порядку", не было ни одного русского. Либеральный бунт на "масонском корабле" подняли исключительно немцы (или евреи?). И требование немедленного введения представительного правления в масонском сообществе было, таким образом, по крайней мере на первых порах, чисто немецким делом. Русские братья в этой маленькой масонской революции играли явно второстепенную вспомогательную роль.

Характерно, что сам Е.Е.Эллизен благоразумно уклонился от руководящей роли в союзе Великой ложи "Астреи". Великий мастер ее был избран из русских - уже известный нам граф Василий Валентинович Мусин-Пушкин-Брюс, игравший роль своеобразного прикрытия для немцев, так как все другие должности в Великой ложе "Астрее" были заняты исключительно немцами из немецкоязычной ложи "Петра к правде". Конечно, это не было случайностью, так как по отзыву Ф.П.Толстого, именно эта ложа "более всех других изобиловала серьезными, образованными, дельными людьми" [784]. Либеральный соблазн был велик. Вскоре к союзу Великой ложи "Астреи" присоединились еще три ложи: "Александра к коронованному пеликану", "Елизаветы к добродетели" и "Соединенных друзей". Одновременно с этим в том же 1815 году из ложи "Петра к правде" выделилась, как уже упоминалось нами выше, русскоязычная ложа "Избранного Михаила". Мастером стула в ней стал известный медальер, отставной флотский лейтенант граф Федор Петрович Толстой [785].

Должность оратора ложи занял полковник Федор Глинка, секретаря - Н.И.Греч, церемониймейстера - А.И.Уваров, надзирателями ложи - А.И.Кусков и купец Толченов. Наместным мастером ложи братья избрали полковника А.И.Михайловского-Данилевского - бывшего адъютанта М.И.Кутузова и известного впоследствии военного историка [786].

В истории нашего просвещения ложа эта известна тем, что по ее инициативе в 1819 году было учреждено общество по распространению ланкастерских школ в России для

первоначального обучения русской грамоте детей крестьян, бедных мещан и мастеровых людей. Председателем общества стал Ф.П.Толстой. Заместителями председателя - Николай Греч и Федор Глинка, казначеем - Николай Усов. Первая ланкастерская школа на 100 детей была открыта масонами на одной из отдаленных улиц Петербурга в простом деревянном доме. Существовала она, естественно, на взносы членов общества - масонов. Срок обучения был невелик - всего три месяца. Стоит отметить, что этой ланкастерской школе лично покровительствовал граф А.А.Аракчеев, неоднократно ее посещавший [787].

"Система", к которой обратился в поисках истинного масонства Е.Е.Эллизен, была так называемая Шредерова система, названная так по имени известного в то время реформатора масонства Фридриха-Людвига Шредера (1744-1810), актера и писателя, яростно восстававшего против мистики и высоких степеней.

Воспользовавшись тем, что великий мастер Великой ложи "Астрея" В.В.Мусин-Пушкин являлся в то же время еще и великим мастером (с августа 1815 года) и Великой Директориальной ложи "Владимира к порядку", где "правил" иоанновскими степенями, "реформаторы" попытались с его помощью сразу же "прикрыть" своего врага: 11 августа 1815 года В.В.Мусин-Пушкин-Брюс предложил закрыть Директориальную ложу "Владимира к порядку". Братьям высоких степеней удалось, однако, на время отстоять ее. Необходимость перемен в разваливающейся на глазах Великой Директориальной ложе "Владимира к порядку" была, тем не менее, очевидна.

В этих условиях И.В.Беберу не оставалось ничего другого, как подать в отставку со всех своих постов. 10 ноября 1815 года великим мастером Великой Директориальной ложи "Владимира к порядку" братья избрали управляющего шотландской ложей "Сфинкса" генерал-майора А.А.Жеребцова, ставшего, таким образом, преемником И.В.Бебера. Первым и вторым мастерами ее стали граф Михаил Юрьевич Виельгорский и генерал-адъютант Александра I Павел Андреевич Шувалов (1774-1823). Первым и вторым надзирателями стали сенатор, барон Генрих Федорович Корф (1765-1823) и Сергей Степанович Ланской [788]. Должность великого канцлера занял доктор права Густав-Иоганн Буденброк (1758-1821), великого маршала – еще один генерал-адъютант Александра I граф Станислав Станиславович Потоцкий (1787-1831) [789].

В мае 1816 года Г.Ф.Корф был сменен С.С.Ланским, а С.С.Потоцкий - П.А.Ржевским.

Крупным событием в истории этого союза стало открытие им 26 ноября 1815 года в Санкт-Петербурге ложи "Трех добродетелей", остававшейся в нем вплоть до официального запрещения масонства в 1822 году. Среди учредителей этой ложи - Павел Ланской, Павел Лопухин, Сергей Волконский [790].

Состоявшиеся по инициативе высшего тайного масонского правления в России - Капитула Феникса - конфиденциальные переговоры руководителей двух соперничавших между собой масонских союзов закончились тем, что 19 сентября 1816 года Великая Директориальная ложа "Владимира к порядку" была объявлена закрытой.

Вместо нее 4 ноября того же года в торжественной обстановке состоялось открытие новой великой ложи для лож шведской системы высоких степеней - Великой провинциальной ложи [791]. Возглавил ее уже нам известный преемник И.В.Бебера генерал-лейтенант А.А.Жеребцов.

Все иоанновские ложи, входившие в Великую провинциальную ложу, работали в трех первых степенях по ритуалу, введенному в 8-й провинции ордена (то есть в России) еще в 1783 году. Что касается шотландских лож: "Сфинкса" и "Александра - Златого льва", то они работали под управлением специальной шотландской Директории, подчинявшейся, в свою очередь, Капитулу Феникса и его Верховному совету. Раскол среди масонских лож России стал, таким образом, свершившимся фактом.

"Причиной разделения, - дипломатично отмечал А.Н.Пыпин, - было то, что в наши ложи проникло новое представление о масонстве, которое тогда особенно развелось в Германии и имело своими представителями Шредера и Фесслера.

Эта школа хотела оживить масонский союз ... и отвергала масонскую иерархию высших степеней, которые справедливо казались ей пустым и даже вредным извращением первоначального простого масонства" [792].

Все это, конечно, так, если не замечать, что первыми откололись от Великой Директориальной ложи "Владимира к порядку" все-таки немецкие ложи, в то время как ложи по своему составу преимущественно русские на первых порах продолжали еще сохранять верность И.В.Беберу. Очевидно, что раскол произошел не только по идейному, но отчасти и по национальному признаку.

Притягательная сила нового союза была, тем не менее, слишком велика, чтобы дело ограничилось переходом на его сторону одних только немцев. Принцип строгого единоначалия и присущие мастерским Великой провинциальной ложи мистика и консерватизм претили, оказывается, и многим русским "братьям".

Отпадение мастерских от Великой провинциальной ложи и переход их под юрисдикцию соперничавшей с ней Великой ложи "Астреи" приобрели вследствие этого в 1816-1818 годах, можно сказать, массовый и даже скандальный характер. Неприятным сюрпризом для братьев Великой провинциальной ложи стал переход во враждебный ей лагерь мастерских "Пламенеющей звезды" и "Соединенных друзей". Особенно влиятельной среди них была последняя, среди членов которой за 1816 год мы встречаем имена гвардейских офицеров Александра Грибоедова, Петра Чаадаева, Авраама Норова, А.Х.Бенкендорфа, П.И.Пестеля и ряд других [793].

Однако больше всего неприятно поразила "братьев" измена самого И.В.Бебера.

Правда, к этому времени он уже формально как бы и отошел от дел, но влияние его на масонские умы было, тем не менее, по прежнему велико. 17 марта 1817 года оставшиеся верными Провинциальному союзу братья вынуждены были исключить этого "патриарха" русского консервативного масонства из своих рядов. Преобразована была вследствие этого и сама шотландская Директория. Поскольку практически все иностранцы к этому времени покинули мастерские Великой провинциальной ложи, работы в ней было предложено вести исключительно на русском языке [794].

Соперничество двух масонских союзов продолжалось, и вскоре стало ясно, что Великая провинциальная ложа и стоящий за нею Капитул Феникса безнадежно проигрывают своему либеральному противнику - Великой ложе "Астреи". Характерно, что если первое время союз Великой провинциальной ложи покидали, главным образом, иностранцы, вследствие чего произошло своеобразное очищение русских лож от чуждого им немецкого духа, то в 1817-1818 годах ситуация принципиально изменилась, так как покидать ее мастерские стали уже, причем в массовом порядке, и природные русские "братья". Понять их можно: показной либерализм немцев, царящий в мастерских союза Великой ложи "Астреи" был куда привлекательнее, нежели иерархическое и самовластное правление начальников Великой провинциальной ложи. Неудивительны поэтому и ощутимые успехи мастерских Великой ложи "Астреи" по "перемагничиванию" на свою сторону братьев-масонов.

Цель союза Великой ложи "Астреи", как она была сформулирована в ее учредительных документах, заключалась в "усовершенствовании благополучия человеков исправлением нравственности, распространением добродетели, благочестия и неколебимой верности государю и отечеству и строгим исполнением существующих в государстве законов" [795]. "Эта новая великая ложа, - отмечал в связи с ее появлением современник, - приняла представительную форму правления и отмела у себя все высшие степени, так что в состав ее вошли только законные представители ее четырех иоанновских лож" [796].

Для своих работ Великая ложа "Астрея" избрала шведскую систему, приняв однако за правило, когда каждая из лож вправе была, тем не менее, выбирать себе любую из существовавших тогда в Европе масонских систем. Демократия, таким образом, в этом вопросе была в мастерских Великой ложи "Астреи" полная.

С целью более эффективного привлечения на свою сторону братьев-масонов Великая ложа "Астрея" гарантировала им право свободного избрания своих должностных лиц и свободное распоряжение ими своими финансами. Всякие поборы с мастерских, которые практиковались прежде, были безусловно отменены, за исключением только "иоанновского червонца" на благотворительные нужды "братьев".

Организационная структура, порядок и характер работ нового союза подробнейшим образом были регламентированы в "Уложении Великой ложи "Астреи"". Первые 16 пунктов его были приняты братьями еще 13 августа 1815 года. Недостаточная удовлетворенность ими побудила наших "реформаторов" своим решением от 20 августа того же года прибавить к ним еще 156 параграфов. 20 января 1816 года число параграфов "Уложения" увеличилось еще на 389. В результате число параграфов "Уложения" составило 561. Характерно, что "Уложение Великой ложи "Астреи"" было рассчитано всего на 6 лет. Это означало, что братья отнюдь не намеревались останавливать свою законотворческую реформаторскую деятельность, хотя пустота и бессодержательность большинства параграфов "Уложения" очевидна. "Потом еще сочинили, - писал в связи с этим Е.А.Кушелев, - под названием "Прибавление к книге законов", присовокупляя к сему последнему еще разные дополнения, что и утвердили подписанием: первое дополнение - 14 октября 1816 года, второе дополнение - 14 апреля, третье - 21 апреля 1817 года и, наконец, четвертое - 24 марта 1818 года" [797].

Занималась этим, по сведениям все того же Е.А.Кушелева, особая комиссия, куда помимо Е.Е.Эллизена входили: доктор Кейзер, ювелир Янаш, негоциант Бонеблюст, адвокат Лерх, часовой мастер Квосинг и книгопродавец Вейер [798].

Все это была буржуазная публика, что, конечно же, не могло не сказаться на содержании "Уложения". Важно подчеркнуть, что этот акт или "конституция" Великой ложи "Астреи" не имел, как уже отмечалось, постоянного характера.

Таким образом, и здесь руководители "Астреи" демонстрировали братьям свою приверженность курсу реформ в возглавляемом ими масонском сообществе. Утверждение же разработанного братьями "Уложения" или "Книги законов", как названо оно в тексте, произошло 29 числа 11 месяца 5815 (по масонскому календарю) или 29 января 1816 года по принятому тогда в России юлианскому календарю [799].

Великим мастером Великой ложи "Астреи" стал, как уже отмечалось, граф В.В.Мусин-Пушкин. Напомним, что костяк союза составляли образовавшие его первые четыре ложи: "Петра к правде", "Изиды", "Палестины" и "Нептуна".

"Означенные четыре ложи, - гласит первый параграф "Уложения Великой ложи "Астреи"", - соединяются для образования высшего масонского правления под именем Великой ложи "Астреи", коей главный член великий мастер, избираемый каждые два года большинством голосов, есть поручитель и представитель, уполномоченный Великой ложей "Астреей" и всех зависящих от оной лож перед правительством" [800].

Во втором параграфе этого документа декларировалась полная лояльность нового масонского союза перед правительством и давалось обязательство не иметь от него никаких тайн, сообщать ему свой устав. Особенно важным следует признать обязательство Великой ложи "Астреи" "никогда не состоять в посредственной или непосредственной зависимости от неизвестных начальств или чужестранных Великих Востоков и лож" [801]. Обязательство это не случайно, так как было очевидно, что никакого другого масонства, кроме лояльного и тщательно опекаемого и патронируемого полицией правительство терпеть не собиралось. Что же касается либеральных порядков, царивших в мастерских союза Великой ложи "Астреи" (выборность и отчетность масонского начальства перед братьями, равенство и финансовая самостоятельность лож в союзе), то строить какие-либо иллюзии на этом основании не следует. Это была "демократия" с ведома и разрешения министерства полиции. Не следует забывать и то, что требование этой демократии исходило от немецких лож, отказать которым "просвещенное"

правительство Александра I едва ли могло, тем более, что сами братья нового союза не скупились на выражение своих верноподданнических чувств.

"Масон должен быть покорным и верным подданным своему государю и отечеству; должен повиноваться гражданским законам и в точности исполнять их. Он не должен принимать участие ни в каких тайных или явных предприятиях, которые могли быть вредными отечеству или государю", - гласит параграф 174 "Уложения Великой ложи "Астреи"". Более того, когда масон даже случайно узнавал о "подобном предприятии", он обязан был тут же известить о том правительство, "как законы повелевают" [802]. Важно отметить и то, что открытие новых лож также предполагалось "с ведения и дозволения правительства" [803].

В пику Великой провинциальной ложе, в мастерских которой процветала мистика, мастерские Великой ложи "Астреи" обязывались "не иметь в предмете работ своих изысканий сверхъестественных таинств, не следовать правилам так называемых иллюминатов и мистиков, неже алхимистов, убегать всех подобных несообразностей с естественным и положительным законом и, наконец, не стараться о восстановлении древних рыцарских орденов" [804].

Основным принципом работ нового союза провозглашался последовательный, говоря современным языком, демократизм: "равенство в правах представителей общества" в распоряжении масонскими работами. Особенно большое значение имело заявленная в "Уложении" терпимость Великой ложи "Астреи" к различного рода масонским системам. Провозгласив свою приверженность так называемому иоанновскому масонству трех первых степеней, сама Великая ложа "Астрея" декларировала вместе с тем терпеть в своих рядах и инакомыслящих братьев.

"Каждая из лож, состоящих под управлением Великой ложи "Астреи" или впредь имеющих присоединиться к оной, " читаем мы в "Уложении", - может работать по избранной ею системе" [805].

Контраст с порядками, царившими в мастерских Великой провинциальной ложи (мистика и авторитаризм) - разительный. Это-то и дало повод некоторым исследователям без должных на то оснований, как представляется автору этих строк, объявить союз Великой ложи "Астреи" "очагом прогресса", который, якобы, поставил во главу угла свое служение - идеям демократии" [806].

Ближе к истине здесь все же американский профессор из Иллинойского университета Г.Лейтон [807], убедительно показавший, что при наличии в мастерских союза Великой ложи "Астреи" прогрессивных элементов большинство в нем составляли все же люди как правило консервативных убеждений, не помышлявшие ни о каком преобразовании тогдашнего общественного строя России. Демократизм и либерализм братьев-масонов из Великой ложи "Астреи" был, таким образом, весьма и весьма относительным и во многом носил формальный, показной характер.

Глава 10. "Охранители" и "либералы" в русском масонстве после 1815 года. Запрещение масонских лож в России как результат либеральной революции" в масонстве середины 1810-х гг.

12 декабря 1817 года от Рождества Христова или "Лета Истинного Света 5817 в 12 день X-го месяца" по календарю масонскому руководители двух соперничающих масонских союзов подписали, наконец, уже давно ожидавшийся братьями "Акт взаимных отношений двух Великих лож на Востоке Санкт-Петербурга" [808].

Это не было, однако, как может показаться, заключение перемирия между двумя противоборствующими масонскими союзами. Нет, война между ними продолжалась.

Но вестись с этого времени она должна была уже в определенных, цивилизованных и строго согласованных формах. Наиболее важной с этой точки зрения была 4-я статья

достигнутого соглашения, определявшая условия и порядок перехода братьев "из под управления одной великой ложи под начальство другой". Непременным условием такого перехода всей ложи на сторону противника было требование "чтобы намеревающаяся о том ложа составила протокол за подписанием больше половины наличествующих действительных ее членов мастерской степени и доставила бы оный в Великую ложу, коей принадлежит, за месяц" [809].

Заслуживает внимания и третий пункт 1-й статьи "Акта взаимных отношений", где оба союза единодушно заявили о том, что не намерены "признавать в России никакой такой ложи законною, которая получит конституцию или учреждена будет от какого-нибудь иностранного Востока или иностранной Великой ложи" [810].

Великая провинциальная ложа насчитывала к этому времени в своих рядах всего только шесть лож: "Елизаветы к добродетели" (Санкт-Петербург) во главе с Сергеем Ланским, "Трех светил" (Санкт-Петербург) во главе с Иваном Евреиновым, "Дубовой долины к верности" (Санкт-Петербург) во главе с управляющим мастером Христианом Уттехтом (это была немецкая ложа), "Северных друзей" (Санкт-Петербург) – управляющий мастер Федор Гернгросс, "Северной звезды" (Вологда), представителем которой в Санкт-Петербурге был Сергей Ланской и "Трех добродетелей" (Санкт-Петербург) - второй великий надзиратель князь Павел Лопухин. Кроме того, среди мастерских Великой провинциальной ложи было, как уже отмечалось, еще несколько так называемых шотландских лож, учрежденных для братьев - обладателей высших степеней в ордене. Наиболее влиятельной из них была ложа "Александра - Златого льва" во главе с Сергеем Ланским (великий мастер). Должность наместного мастера в ней занимал с 1818 года Андрей Римский-Корсаков. Среди наиболее деятельных членов ее - Иван Мельников, Александр Дмитриев-Мамонов, П.Кайсаров, Ф.Рунич [811].

Из рядовых лож наибольшую активность проявляла ложа "Елизаветы к добродетели" во главе с Сергеем Ланским (куда входили Андрей Римский-Корсаков, Роман Шулепников, Яков Скорятин) и "Трех светил" (Иван Евреинов, Петр Рубец, Гавриил Апухтин). Привлекательность союза в глазах масонской братии продолжала, тем не менее, падать. В 1818 году из него ушло большинство будущих декабристов, либо убедившихся в невозможности подчинить мастерские этого союза своим целям, либо переведенных (большинство из них были люди военные) на новые места службы. Дело дошло до того, что заколебался и сам руководитель Великой провинциальной ложи и Великий префект Капитула Феникса А.А.Жеребцов, давший ни с чем не сообразное разрешение на переход в "Астрею" ложи "Северных друзей" [812].

Это была прямая измена союзу, причем предателем оказался его руководитель.

17 декабря 1818 года "братья" вынуждены были отрешить его от занимаемой должности. Великим префектом Капитула Феникса и преемником А.А.Жеребцова в качестве руководителя Великой провинциальной ложи был провозглашен граф Михаил Юрьевич Виельгорский [813]. Один из образованнейших людей своего времени, большой знаток музыки, а отчасти и сам композитор-любитель, он много сделал для распространения "масонского света" в нашем Отечестве и обработки "дикого российского камня" (русское интеллигентское общество той поры) для придания ему "правильных" европейских цивилизованных форм. В этом же ключе работали и соратники М.Ю.Виельгорского по ордену: великий секретарь Капитула Феникса А.П.Римский-Корсаков, прокурор Сената П.С.Кайсаров и статский советник Н.А.Головин. Среди других наиболее видных членов Провинциального союза: Николай Бородин, Иван Евреинов (первый великий надзиратель ложи "Трех светил"), князь Павел Лопухин (второй великий надзиратель ложи "Трех добродетелей"), граф Николай Чернышов и другие [814].

В дни собраний Великой провинциальной ложи в доме Великого префекта в Прачечном переулке собирался едва ли не весь цвет тогдашней русской петербургской интеллигенции. Не меньшей популярностью пользовались и масонские собрания в доме второго префекта - Сергея Степановича Ланского на Большой Подьяческой улице.

Официальные же собрания Капитула Феникса и Великой провинциальной ложи происходили в доме купца Королева в Новом переулке [815].

В идейно-теоретическом плане М.Ю.Виельгорский, а отчасти и С.С.Ланской находились под влиянием розенкрейцеров-мистиков: Н.С.Гамалеи, И.А.Поздеева и Р.С.Степанова. Духовной пищей для них были творения Сен-Мартена, Иоганна Арндта, Якова Беме, Жана Мария де ла Мот, Генриха Юнг-Штиллинга и Карла Эккартсгаузена. Чтили в их рядах и А.Ф.Лабзина, хотя он официально в Провинциальной ложе не состоял. Непосредственное управление ложами "Святого Андрея" Провинциального союза осуществляла, как уже отмечалось Шотландская директория. Работы ее происходили в особой комнате за длинным столом, покрытым красным сукном с вышитым на нем зеленым крестом святого Андрея; на столе - Библия и секира.

Подчинялась директория Капитулу Феникса или, точнее, его верховному совету.

В мастерских Великой провинциальной ложи, как подчеркивал один из ее руководителей С.С.Ланской "не допускались никакие политические толки, а всегда внушаемы были братьям правила, основанные на христианстве и исполненные гражданских обязанностей, нашему образу правления свойственных. Сношений же с другими тайными обществами у нас никаких не бывало и иметь их воспрещалось" [816].

Массовый выход из союза Великой провинциальной ложи сначала немцев, а затем в 1818-1819 годах и радикалов - будущих декабристов привел к тому, что пожалуй впервые за всю историю масонства в России оно стало обретать наконец свое собственное русское национальное лицо. Большой интерес в этой связи представляет состав начальствующих лиц Капитула Феникса на январь 1818 года: Великий префект, командор - А.А.Жеребцов, великий субпрефект - граф М.Ю.Виельгорский, блюститель короны - Ф.Ф.Герланд, блюститель лампады - граф Д.А.Зубов, блюститель меча - С.С.Ланской, блюститель наугольника - И.М.Евреинов, блюстители хоругви - П.А.Ржевский, Х.И.Уттен, первый блюститель храма - П.И.Левенгаген, второй блюститель храма - Р.С.Шулепников, канцлер - граф Г.И.Чернышов, первый герольдмейстер - И.А.Мельников, второй герольдмейстер - князь П.П.Лопухин, великий секретарь - А.П.Римский-Корсаков, великий казнохранитель - П.И.Рубец, первый великий обрядоначальник - П.И.Мунт, второй великий обрядоначальник - А.Л.Грессап. Небезынтересен и рядовой состав членов Капитула Феникса: Н.М.Бородин, С.С.Потоцкий, П.А.Шувалов, Ф.Ф.Франкен, А.Н.Муравьев, Ф.К.Нейнич, Я.А.Кашперов, князь С.Г.Волконский, граф А.И.Дмитриев-Мамонов, С.П.Фонвизин, П.А.Курбатов, Н.А.Головин [817].

За небольшим исключением, все это коренные русские люди. Таким же русским по сути дела был и личный состав входивших в союз Великой провинциальной ложи мастерских.

На 1 марта 1822 года в Провинциальном союзе насчитывалось 7 лож: "Святого Иоанна Предтечи", "Елизаветы к добродетели", "Дубовой долины к верности", "Орфея", "Трех небесных светил", "Трех небесных добродетелей" (все шесть в Петербурге) и "Ищущих манны" (Москва). Общее число братьев союза составляло 178 человек (по крайней мере, таково было количество собранных с братьев в 1822 году подписок) [818]. На самом же деле число братьев, входивших в мастерские союза Великой провинциальной ложи, было немного больше: по крайней мере, в 1820 году их, по сведениям С.С.Ланского, насчитывалось 350 человек [819]. Но и эта цифра ни в какое сравнение не идет с числом адептов соперничавшей с ней Великой ложи "Астреи", общее число членов в мастерских которой составляло в 1822 году 1403 человека [820].

Великим мастером Великой ложи "Астреи" стал, как уже отмечалось, граф Василий Мусин-Пушкин-Брюс, первым и вторым великими надзирателями соответственно Христиан фон Гинцель и барон Василий Россильон, великим секретарем - Густав Лерхе, великим витием - Фридрих Фольборт, великим казначеем - Егор Брандт, первым и вторым великими исполнителями – Петр Корсаков и Петр фон Гельмерсен [821]. Уже простой

перечень начальствующих лиц - убедительное свидетельство нерусского характера Великой ложи "Астреи".

Об этом же свидетельствует и анализ начальствующего состава мастерских этого союза. На январь 1816 года их было у него 6: "Петра к правде" (управляющий мастер Георг фон Эллизен, наместный мастер барон Карл Унгерн-Штернберг, первый и второй мастера - Фридрих Шредер и Иван Кайзер фон Нимсгейм), "Палестины" (управляющий мастер Федор Янаш, наместный мастер Фридрих Фольборт, первый и второй надзиратели - Иван Бонеблуст и Карл Квозиг), "Изиды" (Ревель, управляющий мастер И.И. фон Ризенкампф, наместный мастер барон Фридрих Унгерн-Штернберг, первый и второй надзиратели - Риземан и Ом), "Нептуна к надежде" (Кронштадт, управляющий мастер О.Ф.Ниман, наместный мастер Карл Вейер, первый и второй надзиратели - Александр Тонелиус и Иван Берловский), "Избранного Михаила" (управляющий мастер граф Федор Толстой, наместный мастер Владимир Паткуль, первый и второй надзиратели – Петр Головлев и Федор Греч) и "Александра к коронованному пеликану" (управляющий мастер О.Ф.Тевес, наместный мастер Г.Шуберт, первый и второй надзиратели - Г.М.Бартельс и С.Ф.Либ) [822]. На немецком или французском языках велись и работы большинства лож.

Что касается систем, по которым работали мастерские Великой ложи "Астреи", то здесь царил полный разнобой. Так, наиболее многочисленная и влиятельная из них, "Александра к коронованному пеликану", придерживалась так называемой Йоркской новоанглийской системы, принятой в свое время в ложах И.П.Елагина.

Ложа "Орла российского" (учреждена в 1818 году) работала по Старошведской системе. По Старошведской системе работала и ложа "Ключ к добродетели на Востоке Симбирска". Ложа же "Любви к истине" (Полтава) предпочла держаться Староанглийской (шредеровой) системы. Ложа "Соединенных славян на Востоке Киева" (мастер стула поляк Ростишевский) работала по системе Великого Востока Варшавы. Ложа "Александра к тройственному спасению" (Москва) - по системе Вильгельмсбадского конгресса [823]. Все это, как мы увидим в дальнейшем, несмотря на внешние успехи движения, предопределило в конечном счете внутреннюю слабость и даже несостоятельность союза Великой ложи "Астреи".

Мы уже познакомились с начальниками Великой ложи "Астреи" на 1816 год. К марту 1818 года здесь произошли некоторые изменения. Суть их состояла в том, что, по мере перехода на сторону Великой ложи "Астреи" все новых и новых мастерских, русский элемент начинает потихоньку теснить немцев.

Но происходило это медленно. Высшее начальство союза (великий префект В.В.Мусин-Пушкин-Брюс, наместный мастер князь А.Лобанов-Ростовский), правда, было русским. Однако реальная работа лож по прежнему контролировалась немцами (наместные мастера, надзиратели, витии, казначеи и пр.): Христиан Гинцель, Федор Шеллер, Густав Лерхе, Фридрих Фольборт, Егор Брандт, Петр Гельмерсен, Отто Виттенгейм и другие. Что касается входящих в союз лож, то если судить по составу начальствующих в них лиц, русскими из них могут быть признаны всего только четыре. В первую очередь это уже известная нам ложа "Избранного Михаила на Востоке Санкт-Петербурга" во главе с графом Федором Толстым. Рабочим языком этой ложи был русский. Русской по своему составу была и другая петербургская ложа - "Орла российского" во главе с управляющим мастером князем Иваном Гагариным. Наместным мастером ее был Алексей Картмазов. Первым надзирателем - князь Павел Гагарин, вторым надзирателем - Алексей Дудин. Русскими по своему составу были, судя по всему, также и ложи "Ключи к добродетели" в Симбирске и "Любви к истине" в Полтаве.

Прочие мастерские Великой ложи "Астреи" практически полностью находились в руках иностранцев. Так, ложа "Соединенных друзей" конца 1810-х - начала 1820-х годов состояла, главным образом, из подвизавшихся в Петербурге французов.

Управляющим мастером ее был в 1818 году Оде де Сион, наместным мастером - Август Прево де Люмиан, надзирателями - Александр де Бофиз и Карл Вальц.

Полностью в немецких руках находились ложи "Петра к правде" (управляющий мастер Иоганн Эллизен), "Палестины" (управляющий мастер Федор Янаш), "Нептуна" (управляяющий мастер Карл Вейер), "Александра к коронованному пеликану" (управляющий мастер Павел Пезаровиус), "Пламенеющая звезда" (управляющий мастер Андрей Корф) [824].

Наши наблюдения над личным составом союза Великой ложи "Астреи" подтверждаются и данными В.И.Семевского. Наибольших успехов, по его мнению, Великая ложа "Астрея" достигла в 1818 году, когда у нее было уже целых 24 мастерских (открытие последней, 25-й - "Овидий" в Кишиневе произошло в 1821 году), в которых насчитывалось 1300 человек [825].

Однако из этих лож восемь работало исключительно на немецком языке, четыре - на французском, одна - даже на польском. И только всего пять – на русском. Остальные ложи работали на двух языках: три на русском и французском, одна на польском и французском. Две ложи работали даже на трех языках: русском, польском и французском [826]. В общем можно сказать, что из 24 мастерских этого либерального масонского союза русская речь, пусть даже и вперемешку с французской, звучала только в 10. Что же касается лож, работы в которых велись только на русском, то их, как уже отмечалось, было всего 5. Простое сопоставление этих соотношений: три русских из семи консервативного Провинциального союза и всего пять из 25 у либеральной Великой ложи "Астреи" не оставляет сомнений относительно того, что размежевание среди российских масонов середины и второй половины 1810-х годов имело не только идеологическую (либералы - консерваторы), но и национальную подоплеку, так как консерваторами оказывались почему то, как правило, именно русские "братья".

Официально, как уже отмечалось, по списку в союзе Великой ложи "Астреи" насчитывалось в 1818 году 24 мастерских. Однако реально работало из них, судя по всему, несколько меньше. Так, в 1821 году, согласно данным руководителя этой ложи Е.А.Кушелева, в ней насчитывалось всего 19 реально функционировавших на то время мастерских общей численностью в 1404 "брата" (797 в Петербурге и 607 в других городах империи) [827]. На русском языке работы велись только в четырех из них: "Избранного Михаила", "Орла российского", "Ключ к добродетели" (Симбирск, управляющий мастер – князь Михаил Багратион) и "Восточного света" (Томск). Общее число братьев в этих четырех ложах составляло всего 299 человек. Остальные 15 лож работали на немецком и французском языках, хотя и среди их членов было, конечно же, немало русских.

Из новоучрежденных мастерских союза Великой ложи "Астреи" особого внимания заслуживает ложа "Овидий" в Кишиневе, в которой подвизался некоторое время А.С.Пушкин. Именно здесь 4 мая 1821 года и состоялось посвящение великого поэта в степень ученика [828]. Интерес Пушкина к масонству не был случаен. Масонами были его отец и два дяди: Николай и Василий Львовичи. Да и сам Александр Сергеевич пытался приобщиться к масонству еще в 1818 году. Речь идет о ложе "Трех добродетелей", в качестве кандидата в члены которой он успешно баллотировался в сентябре этого года.

Однако вследствие изменения личного состава ложи, из которой ушли близкие А.С.Пушкину люди: Н.М.Муравьев, С.Н.Муравьев-Апостол, П.И.Колошин, И.А.Долгоруков, дальнейшего развития история с его посвящением именно в эту ложу так и не получила [829]. "Я был масон в кишиневской ложе, то есть в той самой, за которую уничтожены в России все ложи", - писал в январе 1826 года А.С.Пушкин В.А.Жуковскому [830].

А.С.Пушкин ошибался. Масонство было "уничтожено" или, правильнее, запрещено, конечно же, не из-за кишиневской ложи, которая едва ли могла что-либо натворить вследствие краткости своего существования. Дело в том, что зарегистрирована она была 7 июня 1821 года, а уже 9 декабря этого же года была закрыта Великой ложей "Астреей". Побудительным мотивом к ее закрытию стало недовольство правительства: ведь Пушкин в это время находился в Кишиневе на положении ссыльного. Наместным

мастером ложи был П.С.Пущин. Кроме А.С.Пушкина, в ложе состояли М.Ф.Орлов, В.Ф.Раевский и несколько проживавших в то время в Кишиневе французов. Пребывание А.С.Пушкина в ложе было, таким образом, крайне непродолжительным и уже вследствие этого сколько-нибудь серьезного влияния на него оказать едва ли могло. Известно правда, что вскоре после своего посвящения наш поэт отрастил длинный ноготь на большом пальце правой руки – характерный отличительный знак масона. Но придавать этому обстоятельству серьезное значение, конечно же, не следует. С длинными ногтями на большом пальце правой руки в эти годы расхаживали по петербургским и московским гостиным слишком многие господа [831].

Не следует придавать большого значения в связи с этим и знакомству поэта с учением, символикой и обрядами вольного каменщичества, хотя масонская тема в той или иной степени действительно проскальзывает во многих произведениях поэта: "Вакхическая песня", "Пророк", "Странник", "Скупой рыцарь", "Моцарт и Сальери", "Пиковая дама" и другие [832].

Ведь о масонском учении и обрядах ордена знал в это время едва ли не каждый образованный человек. Знать о масонах - это еще совсем не значит быть масоном, в настоящем, глубоком, а не формальном, как у А.С.Пушкина, значении этого слова. А то, что масонство А.С.Пушкина было случайным эпизодом в его биографии - это несомненно. И убедительное свидетельство тому - резкое охлаждение отношений поэта со своими братьями по ордену в 1830-е годы. И виноват в этом был, прежде всего, сам А.С.Пушкин, или вернее, его государственно-патриотическая позиция в эти годы. Одно уже стихотворения "Клеветникам России" многого в этом отношении стоит. В результате, как отмечают современники поэта, в последние годы своей жизни он уже совсем перестал посещать Английский клуб - традиционное место сборища петербургских масонов того времени. Некоторые исследователи даже считают, что дуэль и смерть А.С.Пушкина были спровоцированы именно масонами, как месть поэту за его якобы отступничество от идеалов ордена. Орудием мести якобы был избран Жорж Дантес, действовавший по указанию некоего таинственного зарубежного масонского центра [833].

Большое внимание в связи с этим придается "последнему предупреждению" поэту - полученному им накануне дуэли "диплому Ордена рогоносцев", изобилующему масонской фразеологией, вроде "командор", "Большой капитул", "рыцари" и т.п. Отчетливо просматривается масонская символика и на печати "диплома": циркуль, птица и прочее. Едва ли случайно и то, что рассылался "диплом" от имени Д.Н.Нарышкина - бывшего мастера петербургской ложи "Северных друзей".

Организатором же заговора "космополитической клики" против А.С.Пушкина считается ненавидевший поэта министр иностранных дел России граф Карл Нессельроде.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что сторонники этой увлекательной версии оперируют больше эмоциональными и логическими доводами, нежели достоверными критически проверенными фактами. Согласно дошедшей до нас легенде, по масонскому обычаю во время погребения великого поэта в Святогорском монастыре присутствовавший при этом масон А.И.Тургенев бросил на его гроб белую перчатку.

Тем временем, в ночь с 15 на 16 июня 1820 года скончался престарелый И.В.Бебер, кончину которого горячо оплакивали оба масонских союза. На похоронах этого патриарха русского масонства в 18 часов вечера в лютеранской церкви Святой Екатерины близ 1-й линии Васильевского острова собрались едва ли не все масоны Санкт-Петербурга. Посреди церкви на катафалке был установлен гроб с телом покойного. Два "брата" в траурных шарфах стояли возле него.

Пастор сказал свое надгробное слово, была воспета масонская кантата. Характерно, что вместе с масонами активное участие в похоронах И.В.Бебера принимали офицеры и воспитанники 2-го кадетского корпуса, в котором он работал многие годы. Похоронили И.В.Бебера на Смоленском лютеранском кладбище. 29 декабря 1820 года по масонскому

обычаю была свершена траурная ложа его памяти. На ней присутствовало свыше 500 братьев [834].

Однако в целом российское масонство переживало далеко не лучшие времена и уже не пользовалось прежним кредитом ни у правительства, ни в обществе.

"Много раз старались меня вовлечь в общество масонов, - писал генерал А.П.Ермолов А.А.Закревскому в письме от 20 мая 1819 года. - Я не опровергаю, чтобы не было оно весьма почтенно. Но рассуждаю как простой человек, что общество, имеющее цель полезную, не имеет необходимости быть тайным" [835].

"Они скрывают свои замыслы под покровом религии, любви к ближнему и смирения. Они отлично едят и пьют, преданы роскоши и сладострастию. А между тем, постоянно разглагольствуют о целомудрии, воздержании и молитве. Через это приобретают они легковерных последователей с деньгами", - отмечал Ф.В.Ростопчин в своей записке о мартинистах от 1811 года [836].

Но Ф.В.Ростопчин был патриотом и убежденным противником масонства. Однако и сами адепты ордена хорошо сознавали внутреннюю пустоту содержания работ большинства тогдашних лож и несомненный вред, который приносила их деятельность обществу. "Ныне правительством дозволены или терпимы масонские ложи, - писал 26 мая 1816 года А.Н.Голицыну известный масон А.Ф.Лабзин. - Развелось множество лож, и каждая ничего более не делает, как только принимает новых членов, которых напринимано теперь уже более тысячи. Что в этом? Хорошо ли правительству попускать обирать деньги ни за что ни про что. Кажется либо не позволять ложи, либо поставить их на хорошую ногу, а то ... есть управляющие ложами - люди весьма вредные, не только неверующие, но и не скрывающие своего неверия. За что же давать развращать полезных людей?" [837].

Ненормальность положения, сложившегося в это время в русском масонстве, сознавал не только А.Ф.Лабзин. Начинало понимать это, похоже, уже и правительство.
Наибольшие опасения у него вызывал, естественно, либеральный союз Великой ложи "Астреи", который возглавил после отставки В.В.Мусина-Пушкина-Брюса великий мастер, поляк, сенатор, граф А.С.Ржевуский [838].

В декабре 1820 года его сменил в этой должности генерал-лейтенант сенатор Егор Андреевич Кушелев (зять И.В.Бебера). Ему и суждено было сыграть роль могильщика русского масонства.

Уже первоначальное знакомство Е.А.Кушелева с состоянием дел во вверенном ему масонском сообществе произвело на него самое неблагоприятное впечатление.

Дело в том, что, как мы уже знаем, каждая из входивших в союз мастерских работала по собственной масонской системе под началом своего собственного, не зависящего от Великой ложи "Астреи" начальства. Не замечать аморфности, рыхлости, а следовательно, и неэффективности союза Великой ложи "Астреи" мог разве что только слепой. Было очевидно, что поддержка правительством в 1814-1815 годах так называемого "реформаторского крыла" в русском масонстве (что, впрочем, было вполне в духе Александровского царствования) на самом деле было большой и непоправимой ошибкой. Не менее очевидной была и бессодержательность масонских работ. О прежнем размахе, которого достигла благотворительная и просветительская деятельность московских масонов 80-х годов XVIII века, не могло быть и речи. Несмотря на благоприятные, казалось бы, условия александровского царствования, русские масоны этого времени так и не сумели выдвинуть из своей среды ни энтузиастов типа Н.И.Новикова, ни привлечь в свою среду богачей-филантропов, вроде Г.М.Походяшина и П.А.Татищева. Из наиболее крупных масонских начинаний этого плана можно отметить лишь учреждение в 1816 году ложей "Елизаветы к добродетели" в Петербурге Дома призрения для малолетних сирот. В 1819 году (февраль) симбирская ложа "Ключа к добродетели" обязалась собирать до 1400 рублей ежегодно на оплату обучения и воспитания детей неимущих дворян Симбирской губернии [839].

Этим, собственно, все и ограничилось.

"Мы садимся, встаем, зажигаем и гасим свечи, слышим вопросы и ответы. Мы баллотируем и принимаем в масоны непросвещенных, то есть немасонов. И, наконец, мы собираем несколько рублей для бедных, - вот для чего мы собираемся в ложу", - печально констатировал в 1820 году масон Никитин, член ложи "Избранного Михаила" [840]. Но, быть может, в каких-то других ложах все обстояло по иному? Ничуть. Братья, свидетельствовал о своей ложе Ф.Ф.Вигель, были все "народ веселый, гулливый: с трудом выдержав серьезный вид, спешили они понатешиться, поесть, попить и преимущественно попить" [841]. Но это еще сравнительно "благополучная" масонская ложа. Были ложи и похуже. "Здесь, в ложе "Соединенных друзей", по прежнему так, что ложи нет. Мы намереваемся некоторые меры принять, поговорить с Бороздиным, чтобы укротить эту гидру или уничтожить ее", - с горечью отмечал в своем письме к С.С.Ланскому от 29 января 1820 года М.Ю.Виельгорский [842].

Так что основания для беспокойства за состояние дел в масонском сообществе у Е.А.Кушелева, как видим, были.

Поставив своей ближайшей задачей наведение должного порядка в ложах, Е.А.Кушелев начал с того, что предложил своим братьям по Великой ложе "Астрее" возвратиться к единой для всех лож "истинной масонской древнейшей системе" шведского образца времен Великой Директориальной ложи "Владимира к порядку".

Однако братья, как и следовало ожидать, отнеслись к его предложению холодно, обставив свое согласие рядом неприемлемых условий. А две ложи - "Петра к истине" и "Палестины" - так те и вовсе высказались против его предложения.

Е.А.Кушелев был, однако, настойчив и благодаря его стараниям 12 марта 1822 года было объявлено о формальном объединении двух ранее враждебных масонских союзов: Великой ложи "Астреи" и Великой провинциальной ложи на началах, как он и предлагал, "принятой некогда в Великой Директориальной ложе "Владимира к порядку" истинной древней шведской системы" [843].

Нечего и говорить, что объединение это было вынужденным, и пошли на него братья под явным нажимом правительства. Как бы то ни было, 24 июня 1822 года в святой для каждого масона Иоанновский день по этому случаю в помещении Великой провинциальной ложи было устроено большое торжество, где произносились пламенные речи в связи с историческим, как утверждалось, событием - объединением двух враждовавших ранее друг с другом масонских союзов.

Однако победа Е.А.Кушелева была "пирровой победой". Объединение братьев Великой провинциальной ложи и Великой ложи "Астреи" было непрочным и носило формальный характер. Братья из Великой ложи "Астреи" справедливо обвиняли Е.А.Кушелева в ренегатстве. Недоволен был своими "братьями" и царившими в ложах порядками или, правильнее сказать, беспорядками, и сам Е.А.Кушелев.

Демократический элемент, ворвавшийся в мастерские Великой ложи "Астреи" вместо господствовавших ранее принципов слепого повиновения масонскому начальству, был Е.А.Кушелеву явно не по душе.

Неудивительно поэтому, что еще в 1821 году он начинает "бомбардировать" Александра I своими записками о масонстве (всего их было четыре), в которых развивает в общем-то здравую мысль о необходимости коренных преобразований масонских лож в России на началах "законности и порядка", ибо в настоящее время, как подчеркивал Кушелев, ложи наполнены "людьми большей частью презренными, можно сказать, совершенной сволочью".

Известны, как уже отмечалось, четыре докладных записки Е.А.Кушелева на имя Александра I, представленные им при всеподданнейшем рапорте от 11 июня 1821 года. В первой из них Е.А.Кушелев излагает причины, побудившие его принять на себя должность великого наместного мастера Великой ложи "Астреи", а также принципы, которыми он намерен руководствоваться при управлении масонским сообществом. Вторая записка

есть краткий обзор деятельности масонских лож в России времен царствования Александра I и всевозможных беспорядков в них. Третья посвящена преобразованиям, намечаемым Е.А.Кушелевым в возглавляемом им масонском союзе. Наконец, четвертая записка есть краткая ведомость состава мастерских, входящих в союз Великой ложи "Астреи" с показанием числа членов и управляющих мастеров [844].

План Е.А.Кушелева состоял в том, чтобы закрыв два соперничавших между собой союза, то есть Великую ложу "Астрею" и Великую провинциальную ложу, восстановить затем незаконно, по его мнению, распущенную в 1816 году Великую Директориальную ложу "Владимира к порядку", что лишний раз подчеркивает эфемерность достигнутого под его руководством объединения. В обоснование своей идеи Е.А.Кушелев проводит в общем то здравую мысль, уподобляя масонство "мечу обоюдоостру". Можно смело сказать, отмечал он, что масонство "как весьма полезно, так и весьма вредно" быть может. В первом случае это "когда ложей управляет истинный каменщик, неустанный труженик Христов, верный подданный ... В другом же, в противном случае, то есть когда ложа управляется мастером, не почитающим христианство, безбожником, вольнодумцем ... все хорошее гибнет, разрушается и произрастают горькие плоды ко вреду христианской веры, самодержца и всего государства его" [845].

Не только из иностранных, но и из наших отечественных "ведомостей", подчеркивал Е.А.Кушелев, известно, "что во многих королевствах и наипаче в Королевстве Неаполитанском, равно и в прочих землях Италии от тайных сект и обществ, особенно от секты карбонариев возникло вольнодумство, революции, мятежи, кровопролития" [846]. Современное ему русское масонство, доказывал Е.А.Кушелев императору, уже давно отошло от целей истинного, нравственного масонства, заключающихся в "глубочайшем благоволении к Творцу всякого, безмолвное повиновение царям и гражданским властям, от них учрежденным, любовь к ближнему, трезвая тихая жизнь и совершенное удаление от разврата и соблазна. Все это достигается только "содействием взаимного братолюбия и просвещения, то есть изъяснением Священного Писания, особливо же Нового Завета" [847].

Нечего и говорить, как далеки были от этого идеала масонские ложи начала 1820-х годов. Однако либерального царя, судя по всему, сей факт, в отличие от консерватора Е.А.Кушелева, не очень то и тревожил. Показательна в связи с этим его реплика, относящаяся, правда, к несколько более раннему периоду (1816 год), когда в ответ на рапорт московского генерал-губернатора графа А.П.Тормасова об открытии здесь масонской ложи "Александра тройственного согласия" император заявил следующее: "Я не даю явного позволения, но смотрю сквозь пальцы. Опытом доказано, что в них (ложах - Б.В.) нет ничего вредного, и то представляю на твою волю" [848].

В дальнейшем, однако, наметилось некоторое охлаждение Александра I и правительственной власти в целом к масонству. Во всяком случае, в 1818 году от руководителей масонских лож опять стали требовать предварительного объявления в полицию о месте и времени своих собраний. Великие же мастера опять должны были возобновить свои систематические отчеты министру полиции о переменах в составе и обо всем, происходившем в ложах [849].

"Ныне масонство не имеет уже счастья пользоваться покровительством правительства", - с огорчением констатировал в январе 1819 года в письме к управляющему министерством полиции С.К.Вязмитинову тогдашний руководитель Великой ложи "Астреи" граф В.В.Мусин-Пушкин-Брюс [850].

Но вернемся к Е.А.Кушелеву и его "Запискам". По видимому, он был уверен в успехе. Свидетельством этому служат разработанные им подробные "правила Главной Директории Святого князя Владимира к порядку" [851] на началах шведской системы, которую он и намеревался, как мы уже знаем, учредить, заручившись предварительной поддержкой императора. Если же государю, писал далее Е.А.Кушелев, будет угодно отклонить его проект, то "полезно будет, всемилостивейший государь, масонские ложи

закрыть, ибо от нынешнего их положения и образа действий ... нельзя ничего ожидать, кроме таких же гибельных последствий, каковые уже раскрылись и безпрестанно раскрываются в прочих европейских государствах" [852].

Поразительно, но факт: беспрецедентное предложение о запрещении масонства в России исходило от его руководителя! Уж ему ли было не знать подлинное состояние дел в масонском сообществе. Не прислушаться к такого рода сигналам Александр I не мог. Тем более, что с решительными протестами против масонского засилья в идеологической сфере выступали в это время и отдельные патриотически настроенные представители православного духовенства [853].

Однако рассчитывать на поддержку царя в этом вопросе особенно не приходилось.

Еще 24 мая 1821 года царь возвратился из-за границы и прибыл в Царское Село. Уже в своем первом докладе председатель Государственного Совета генерал-адъютант И.В.Васильчиков доложил ему о деятельности тайных обществ в России. Реакция царя была неожиданной. "Дорогой Васильчиков. Вы, который находитесь на моей службе с начала моего царствования, Вы знаете, что я разделял эти иллюзии и заблуждения. Не мне подобает карать" [854].

Не получила у него поддержки и докладная записка А.Х.Бенкендорфа (сентябрь 1821 г.) о тайных обществах в России [855].

Более того, когда несколькими месяцами позже в декабре 1821 года полиция опечатала незаконно работавшую розенкрейцерскую ложу А.Ф.Лабзина в Петербурге и изъяла протоколы ее заседаний и уставы, царь не поддержал своих подчиненных.

Когда петербургский генерал-губернатор Милорадович доложил ему об этом инциденте, Александр I был крайне недоволен столь ревностным исполнением своего долга полицией и распорядился о немедленном возвращении изъятых у А.Ф.Лабзина бумаг, заметив при этом, что масонам "бумаги сии нужнее, нежели полиции" [856]. Столь трогательная забота повелителя земли Русской о вольных каменщиках, конечно же, впечатляет.

Ничто, таким образом, казалось бы, не предвещало решительного закрытия масонских лож. И тем не менее, оно произошло. Непосредственной причиной, толкнувшей государя на этот шаг, послужил, как надо полагать, так называемый меморандум графа Х.-А.Гаугвица, бывшего масона, предостерегавшего теперь европейских государей от происков своих бывших собратьев по ордену. В представленном на конгрессе "Священного Союза" в Вероне специальном документе Гаугвиц утверждал, что подлинной целью всемирного масонского ордена является достижение "всемирного владычества" путем превращения государей в послушные орудия своих целей. Этот документ не мог не произвести должного впечатления на Александра I, явное предпочтение которым дел внешних перед внутренними слишком хорошо известно, хотя, конечно же, нельзя сбрасывать со счетов и недовольство масонами внутри страны.

1 августа последовал высочайший рескрипт на имя управляющего министерством внутренних дел графа В.П.Кочубея "О уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ". "Все тайные общества, - читаем мы здесь, - под какими бы они наименованиями ни существовали, как то: масонские ложи или другими - закрыть и учреждения их впредь не дозволять" [857].

Характерно, что в самом тексте рескрипта в качестве причины закрытия лож прямо были выставлены "беспорядки и соблазны, возникшие в других государствах от существования тайных обществ" и желание царя "дабы твердая преграда полагаема была по всему, что к вреду государства послужить может". Так что спорить о причинах запрещения масонских лож в России вроде бы и нечего.

"Вот какой сюрприз сделал нам государь при отъезде своем отсюда! Не знаю, чем провинились перед ним наши братья-масоны", - с горечью отмечал в связи с появлением рескрипта "брат" А.Е.Измайлов [858].

Напомним, что союз Великой ложи "Астреи" насчитывал к этому времени (1821) в своих рядах 1404 брата, которые были объединены в 19 лож. Его соперник - Великая провинциальная ложа насчитывала всего 7 лож и 230 братьев [859].

11 августа 1822 года В.В.Мусин-Пушкин известил петербургского военного генерал-губернатора, что Великая ложа "Астрея" и восемь зависящих от нее в Петербурге масонских лож отныне закрыты. На следующий день было получено донесение, что и Провинциальная ложа с четырьмя принадлежащими к ней ложами в столице империи тоже объявила о своем закрытии. Характерно, что извещая об этом государя, Милорадович счел необходимым добавить, что бывший начальник ее С.С.Ланской обнаружил, узнав о запрещении масонства, "большое огорчение и неудовольствие [860]. Однако большинство братьев восприняли известие о запрещении масонства достаточно равнодушно.

Еще раньше, 25 сентября 1821 года великий князь Константин Павлович закрыл 43 польских масонских ложи, действовавших под эгидой Великого Востока Польши [861].

Связь запрещения масонских лож в России с революционными событиями в Западной Европе сомнений не вызывает. Прав был, по видимому, А.Н.Пыпин, который, говоря о причинах запрещения масонства в нашем Отечестве, отмечал, что они заключались, главным образом, "в том предубеждении, которое умели поселить за границей в императоре Александре против европейского либерализма.

Когда начались там преследования тайных обществ, а также отчасти и масонских лож, русскому правительству казалось, что и наши ложи представляют такую же опасность" [862]. В несколько ином ракурсе раскрывает подоплеку запрета масонства в России современный российский историк О.Ф.Соловьев. Одной из причин рескрипта 1 августа 1822 года, считает он, было то, что, кроме православной церкви и императора, "и верхи аристократии не были удовлетворены длительным опытом с масонством, которое так и не сумело дать им вспомогательного политического и идеологического инструмента в деле отстаивания своих известных требований" [863].

Логика рассуждений О.Ф.Соловьева такова: за масонами стояла либеральная аристократия. Рядовое же дворянство (А.А.Аракчеев и Ко) было настроено, в массе своей, весьма консервативно и к масонству относилось отрицательно.

Главную роль в запрете масонства сыграли, таким образом, по мнению Соловьева, не внешнеполитические события, а внутриполитические соображения [864].

Масонство в России всегда было орудием вельможной группировки. Резкое ослабление ее позиций в 1820-е годы и особенно после 14 декабря 1825 года и объясняет, по мнению О.Ф.Соловьева, почему масонство в нашей стране ушло после 1822 года в небытие и мало кто пожалел об этом [865].

Еще одна точка зрения на эту проблему была высказана в свое время Александром Лебедевым, который доказывал, что запрещение масонства стало результатом свидания Александра I с архимандритом Фотием в Зимнем дворце 5 июня 1822 года. Именно Фотий, по его мнению, и раскрыл изумленному императору глаза на антигосударственную деятельность вольных каменщиков в России. "Что государь обещал Фотию уничтожить масонство, - отмечал А.А.Лебедев, - можно видеть из того, что в этот же день 1 августа, когда в Петропавловском соборе совершалось торжественное богослужение, и митрополит Серафим возлагал на Фотия дар императора - наперстный алмазный крест, государь прислал нарочного поздравить Фотия и передать ему, что указ о запрещении масонских и тайных обществ ныне же им издан" [866]. То, чего не могли достичь докладные записки Е.А.Кушелева, князя Васильчикова и Бенкендорфа, подчеркивает А.А.Лебедев, архимандрит Фотий совершил в одно посещение государя.

О том же, правда без прямой связи этого факта с запрещением масонских лож, пишет и Н.К.Шильдер. Вручение Серафимом Фотию алмазного креста 1 августа 1822 года произошло по личной просьбе императора. В тот же день архимандрит Фотий получил и копию указа об этом [867].

Современный исследователь Ю.Е.Кондаков решительно не согласен с этим. "Истинной причиной указа 1 августа 1822 года, конечно же был страх императора перед тайными обществами и сходное направление политики европейских дворов", - замечает он [868].

Конечно же, не подлежит сомнению, что и свидание Александра I с Фотием также внесло свою лепту в решение императора о запрещении масонства и, быть может, даже явилось той каплей, которая переполнила чашу его терпения по отношению к ним. Принципиальное же решение о закрытии лож было, скорее всего, принято императором гораздо раньше в связи с активным участием братьев - вольных каменщиков в европейских революциях.

Насколько же обоснованным было запрещение масонских лож? Действительно ли их существование угрожало целостности и безопасности Российского государства?

Современный исследователь В.И.Старцев весьма энергично доказывает, что никаких оснований, по большому счету, для запрета масонских лож не было, так как русское масонство этого времени было консервативным. Оно, по его мнению, могло бы и дальше быть "оплотом трона и монархии, если бы Александр I не испугался доносов и начавшегося в 1819-1821 годах обсуждения в масонских ложах политических вопросов" [869]. Согласиться с этим, в свете отмеченных выше фактов, трудно. Хронологический указатель русских лож за 1717-1829 гг., составленный А.Н.Пыпиным, включает в себя 187 мастерских: 115 до 1800 года и 72 после [870].

По другим, уточненным данным, в России первой четверти XIX века работало не менее 90 лож.

Т.А.Бакунина в своем списке русских масонов XVIII - первой четверти XIX вв. [871] установила фамилии 3267 русских масонов этого времени, хотя на самом деле их, согласно ее оценкам, было от четырех до пяти тысяч [872]. Впечатляет и установленное Т.А.Бакуниной общее число лож в России за эти годы - 220.

Несмотря на неполноту списка Т.А.Бакуниной, произведенные ею на его основе подсчеты могут считаться вполне представительными. Хотя результаты их шокируют, так как выясняется, что русских людей среди масонской братии этого времени было немногим более половины - 1731 человек из 3267. Все остальные - подвизавшиеся в России иностранцы, главным образом немцы и евреи. Особенно много их было среди военных (немцев 407, русских 621) и торгового сословия (немцев 213, русских всего 43 человека) [873]. И хотя состав лож, отражая реальности тогдашней элиты Российской империи, был пестрым: представители торгового сословия (305 человек), врачи (113), профессура и вообще ученые (103), композиторы и музыканты (40), художники и скульпторы (50), актеры (25), писатели и переводчики (135) и даже, как курьез, 8 крепостных - дворовые люди, записанные в масонство их владельцами для прислуживания в ложах [874], первое место в нем прочно занимают (1078 человек или одна треть всего состава лож) "чины военные". Учитывая богатый опыт тогдашних господ офицеров по части организации дворцовых переворотов, нельзя не признать обоснованности опасений правительства на сей счет. Так что вопрос о запрете масонства к 1822 году не только назрел, но и перезрел.

Резкое охлаждение Александра I к масонству в конце своего царствования и его неожиданный (по крайней мере, для самих масонов) запрет позволяют некоторым исследователям ставить вопрос о восстании декабристов, планировавшемся, как известно, на лето 1826 года, и разрабатывавшихся планов убийства императора как своеобразной масонской мести Александру I за "измену" ордену. Что же касается гипотетического "ухода" Александра I из Таганрога в ноябре 1825 года под именем старца Федора Кузьмича, то этот сюжет однозначно трактуется некоторыми публицистами как заранее спланированное бегство императора, опасавшегося, якобы, за свою жизнь от руки "братьев". Веских оснований для такого рода смелых умозаключений не имеется.

Глава 11. Масоны и масонство в России после 1822 года. Масоны и декабристы

Запрещение тайных обществ Александром I больно ударило, прежде всего, по официальным масонским структурам: Провинциальному союзу и союзу Великой ложи "Астреи". На тайные же работы розенкрейцеров оно, по крайней мере, на первых порах, повлияло мало. Смерти Н.И.Новикова (1818 г.), И.А.Поздеева и И.В.Бебера (оба в 1820 г.), способствовали, как это ни странно, определенной консолидации московских и петербургских масонов-мистиков. В отсутствие признанных и не ладивших между собой лидеров "поздние розенкрейцеры" Александровского времени поневоле вынуждены были объединиться вокруг ложи "Теоретического градуса", сначала (1820 г.) в Москве, а затем и в Петербурге.

7 апреля 1821 года здесь, наряду с официальным капитулом, была учреждена новая тайная ложа Теоретической степени во главе с Сергеем Степановичем Ланским. В своей речи на ее открытии С.С.Ланской говорил о неких тайных начальниках, от имени которых он якобы и руководит ложею. "Получив приказание заниматься с вами, я с трепетом приступаю к сему, но долг повиноваться начальству подкрепляет меня!", - восклицал он. О каком масонском начальстве говорил С.С.Ланской (в то время второй мастер Провинциальной ложи и будущий министр внутренних дел) остается только гадать. "Речь Ланского, - писала в этой связи Т.О.Соколовская, - не оставляет ни малейшего сомнения, что существовал действительно тот невидимый капитул, коему повиновались и за страх, и за совесть правившие Капитулом Феникса в России наивысшие известные нам русские масоны. Кто были эти неизвестные орденские начальники и где имели они пребывание, о том доныне неизвестно" [875].

Продолжалась после 1822 года, несмотря на августовский рескрипт Александра I, и тайная деятельность лож, в той или иной мере связанных с декабристами, причем характерно, что наряду с непосредственными участниками движения немало оказалось в их числе и активных гонителей участников восстания 14 декабря 1825 года: В.А.Перовский, А.И.Нейдгард, Е.А.Головкин, И.И.Левенштерн, О.И.Прянишников. Среди членов и сотрудников Верховного уголовного суда над декабристами также было немало масонов: М.Сперанский, Н.Ланжерон, А.Боровков, С.Апраксин, М.Бороздин, А.Бенкендорф, М.Виельгорский. В этом же ряду оказался даже такой, казалось бы, записной либерал, как Николай Семенович Мордвинов (член петербургской ложи "Молчаливости" [876]).

В свое время графиня С.Д.Толь в своей известной книге "Масонское действо" даже высказала догадку, что масоны - участники суда над декабристами якобы старались так вести дело, чтобы, с одной стороны, не дать обнаружить главных вождей заговора, а с другой - подвергнуть наказанию руководителей восстания, не сумевших выполнить должным образом порученное им задание. "Павел Пестель, - писала С.Д.Толь, - ставленник высшей масонской иерархии, не сумел или не захотел (мечтая для себя самого о венце и бармах Мономаха) исполнить в точности данные ему приказания. Много пообещал, но ничего не сделал.

Благодаря этому он подлежал высшей каре. Не следует забывать, что он был шотландским мастером, что при посвящении в эту высшую тайную степень у посвящаемого отнималось всякое оружие. Объяснение гласило, что в случае виновности от масона отнимаются все способы защиты" [877].

Легенда эта дожила до наших дней. Всем памятен медальон с пятью профилями казненных декабристов в альманахе "Полярная звезда". "В литературе, - пишет в связи с этим В.А.Кобылин, - высказывалось соображение, что молодых масонов-декабристов судили их старшие братья - руководители более засекреченные, которые собственно и

спланировали декабристский путч. Поэтому выбор имен пяти казненных был не случаен, а символичен. Символ этот - пятиконечная масонская звезда Пламенеющего Разума - был нацелен в революционное будущее России". Законная казнь, таким образом, в тайном масонском плане братьев старших степеней "превращалась в ритуальную жертву, к которой, конечно, не имела никакого отношения законная русская власть", - пишет В.Кобылин [878].

Источники, однако, не подтверждают столь смелой интерпретации описываемых событий.

Что касается большого числа консерваторов и приспособленцев среди бывших членов масонских лож, то удивляться тут нечему. Более того, можно сказать, что как раз именно такого сорта люди в сущности и определяли его общий фон. Неудивительно поэтому, что трезво оценив обстановку, наиболее радикальная часть братьев приходит в это время к выводу о необходимости поиска какого-то другого пути, отличного от масонского. Путь этот - военная революция, во многом, как это теперь очевидно, был подсказан русским братьям их европейскими духовными собратьями - итальянскими и испанскими карбонариями. Так возникли первые преддекабристские организации: Орден русских рыцарей, Семеновская артель, а затем уже и собственно декабристские структуры: Союз спасения, Союз благоденствия, Северное и Южное общества.

Для либеральной историографии всегда была характерна недооценка степени влияния масонства на декабристское движение. Политический консерватизм русских вольных каменщиков, крайне незначительные размеры их просветительской и благотворительной деятельности, не говоря уже о господствовавшем в ложах мистицизме, отвратили от масонства многих будущих декабристов. Присмотревшись к нему ближе, они вынуждены были разочароваться в нем и поспешно покидали масонские мастерские, доказывал известный дореволюционный историк В.И.Семевский.

Масонство в его представлении, конечно же, сыграло "некоторую роль лишь на первых ступенях организации тайных обществ во второй половине 10-х годов XIX века". И уже только поэтому историк не может обойти масонскую проблему при изучении движения декабристов [879].

Из этого же исходили и другие историки, в том числе и советского времени.

Да, говорят они, декабристы были масонами. Это интересно, но не более того, так как скоро им стало тесно в ложах, и они их покинули. Одним словом, масонские ложи, по их мнению, оказались малопригодными для революционных целей, и декабристы как бы переросли их. Что касается связей декабристов с международным масонством, то усилия исследователей здесь обращаются, прежде всего, к итальянским карбонариям. Уже упоминавшаяся нами дореволюционная исследовательница С.Д.Толь, посвятившая изучению этой проблемы немало времени, пришла к следующему выводу: "Влияние масонства на события 14 декабря я документально доказать не могла, но надеюсь, что доказала это логически" [880]. Сегодня уже никто не сомневается, что движение декабристов в известной степени было аналогом карбонарского ответвления европейского масонства на отечественной почве. "Для российских масонских заговорщиков, - пишет О.А.Платонов, - деятельность карбонариев служила образцом для подражания" [881].

Истоки декабризма, как установлено отечественной исторической наукой, восходят к событиям Отечественной войны 1812 года и Заграничного похода русской армии 1813-1814 гг. Длительное пребывание русских офицеров на территории западноевропейских государств, прежде всего Германии и Франции, привело к тому, что либеральные идеи, широко укоренившиеся в этих странах, захватывали и русских "братьев" - членов походных военных лож. Особенно большое значение в этом плане имели непосредственные контакты русских масонов с их заграничными братьями, так как и германские, и французские ложи считали за честь принять в свои ряды русских офицеров. Не следует забывать, что европейское масонство начала XIX века, в полной мере испытав на себе влияние Великой Французской революции 1789 года, отличалось радикализмом, что не

могло впоследствии не сказаться на мировоззрении ориентировавшихся на них русских братьев - будущих декабристов.

Среди четырех так называемых преддекабристских организаций: Семеновская (1815) и Священная (1814) артели (в последнюю входили офицеры Главного штаба), кружок Владимира Раевского в Каменец-Подольске (1816) и Орден рыцарей русского креста (или Русских рыцарей, 1814-1817 гг.), наиболее показательной с точки зрения выявления масонской родословной идеологии и практики декабризма является история последнего, созданного Михаилом Орловым и Матвеем Дмитриевым-Мамоновым.

Инициатива основания Ордена принадлежала генералу Михаилу Федоровичу Орлову (1788-1842) - внебрачный сын Ф.Г.Орлова. Деятельным членом Ордена был и граф Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов (1790-1863) – сын известного фаворита Екатерины II). Оба генерала принадлежали к числу богатейших людей Империи, и уж кому-кому, а им на судьбу вроде бы и грех было жаловаться.

Тот же Михаил Орлов, будучи всего 26-ти лет от роду, уже генерал-майор и по поручению Александра I и союзного командования в марте 1814 года принимает капитуляцию Парижа (подписал текст этого акта). Парадокс, однако, в том, что как раз именно такие умные и образованные люди, хорошо представлявшие, как живут в так называемых "цивилизованных странах", и выражали свое недовольство существующими в России порядками.

В 1814 году, будучи уже в Москве, М.Ф.Орлов посвятил в свои планы по созданию Ордена М.А.Дмитриева-Мамонова [882], который горячо поддержал эту идею и в том же году набросал свои "Пункты преподаваемого во внутреннем ордене учения". В 1816 году им же в типографии Московской медико-хирургической академии тиражом всего 25 экземпляров были опубликованы "Краткие наставления русским рыцарям" на французском языке, предназначенные для новопринятых братьев Ордена [883].

Целью пока еще только двух братьев проектируемого ордена была борьба за учреждение в России конституционной монархии с ограничением самодержавной власти посредством Сената, часть членов которого была бы назначаемой, а часть - выборной от дворянства и горожан. Предусматривались также отмена крепостного права, наделение солдат землей по выслуге лет и другие преобразования.

Новая программа, разработка которой Дмитриевым-Мамоновым относится к концу 1816 года, так называемый "Краткий опыт", имела еще более радикальный характер, так как предусматривала уже парламент или вече из двух палат: вельмож и мещан. О монархе в новом проекте даже не упоминалось, что позволяет думать, что автор его был безусловным сторонником республики. Первенствующее место в ней должно было принадлежать землевладельческой аристократии (палата вельмож). Что касается палаты мещан, то наряду с купцами и мастеровыми людьми видное место в ней отводилось представителям многострадального русского крестьянства или "поселянам" [884]. "Проект Дмитриева-Мамонова восходит к масонско-мистическому революционаризму эпохи Великой Французской революции: канву своего плана он почерпнул из влиятельного издания "La bonche de fer", которое выпускали Фуше и Бонневиль" [885].

Активная деятельность Ордена продолжалась, однако, недолго: где-то со второй половины 1815 по начало 1816 года. Что касается членов его, то среди них мы встречаем таких известных масонов Александровского царствования, как Н.И.Тургенев, М.Новиков (племянник известного просветителя), поэт Денис Давыдов, мистик Максим Невзоров и, возможно, князь А.С.Меньшиков и будущий шеф жандармов при Николае I А.Х.Бенкендорф [886].

Каких-либо документальных следов своих заседаний Орден не оставил и, по мнению М.В.Нечкиной, "весьма сомнительно, чтобы указанная шестерка или восьмерка хотя бы один раз вместе заседала за одним столом" [887].

Жизнь диктовала свои условия, и большую часть времени члены Ордена проводили в служебных разъездах.

В 1818 году Орден русских рыцарей, фактически прекративший к этому времени свою активную деятельность, и декабристский Союз спасения объединились в новую декабристскую организацию - Союз благоденствия. Тем не менее, как полагает московский исследователь А.И.Серков, разногласия между ними сохранялись даже и после 1821 года. Если Северное и Южное общества декабристов, считает он, сошлись в конечном счете на идее военной революции, то члены Ордена русских рыцарей в лице М.Ф.Орлова стояли за органичное сочетание заговора с распространением революционных идей среди русского дворянства [888].

В 1819 году М.А.Дмитриев-Мамонов, который и раньше страдал "помрачением рассудка", подает в отставку "за болезнью" и поселяется у себя в подмосковной деревне. Последние 40 лет своей жизни (а умер он в 1863 году от ожогов, случайно поджегши на себе обильно смоченную одеколоном рубашку) периодически страдавший психическим расстройством М.А.Дмитриев-Мамонов провел под опекой.

Совсем другое дело М.Ф.Орлов, который не только был принят в тайное общество (г. Тульчин, 1820 г.), но и назначенный в том же году командиром 16-й дивизии в Бессарабию, возглавлял Кишиневскую управу Общества. В декабре 1825 года, как и другие участники заговора, был арестован, и только вмешательство близкого к Николаю I брата М.Ф.Орлова спасло его от Сибири. Уволенный со службы, он был выслан в свое имение. С 1831 года – в Москве, где имел репутацию либерала и западника.

Как сколько-нибудь действенная масонская структура, Орден проявил себя слабо и существовал, говоря словами самого Матвея Дмитриева-Мамонова "только в идее" [889]. Для нас в данном случае более важно другое. Орден русских рыцарей - это первая, или, во всяком случае, одна из первых преддекабристских организаций, которая была ничем иным, как масонской ложей. "Страстный масон, - пишет о Дмитриеве-Мамонове М.В.Нечкина, - он разрабатывает детальные ритуалы заседаний ордена с бесконечным множеством обрядов, пишет катехизисы для каждой из трех проектируемых степеней ордена и в особой рукописи распространяется о том, что орден должен в окрестностях обеих столиц, а также во всех главных пунктах Империи иметь обширные "дачи", принадлежащие его членам, где будут подземелья и ложи со сводами для ведения великих масонских таинств" [890].

"Везде и всюду, - отмечал Н.М.Дружинин, - масонство ценилось как форма общественного сцепления, не только охраняющая тайну организации и боевой подготовки, но и способствующая подбору людей определенного идеологического устремления" [891]. При отсутствии независимых политических структур и недостатке революционного опыта декабристы не могли не вступить в масонские ложи и не встать, по примеру Западной Европы, на путь использования их организационных форм в своих целях.

Настоящим инкубатором и рассадником будущих декабристов была, несомненно, масонская ложа "Трех добродетелей" [892], учрежденная в 1815 году князем С.Г.Волконским, П.П.Лопухиным и М.Ю.Виельгорским [893]. Это была иоанновская ложа трех первых степеней. По крайней мере, не менее 10 членов ее на 1817 год были, в то же время, и членами декабристской организации "Союз спасения" [894]: генерал-майор князь С.Г.Волконский, князь И.А.Долгорукий, князь С.П.Трубецкой, М.И.Муравьев-Апостол, С.И.Муравьев-Апостол, Н.М.Муравьев, П.И.Пестель, А.Н.Муравьев, А.С.Норов, Ф.П.Шаховской [895].

Из членов масонской ложи "Трех добродетелей" и вышла первая декабристская организация "Союз спасения" (1816 г.). Характерно, что уже изначально она создавалась по образцу и подобию прусского тайного союза "Тугенбунд" (Друзья добродетели) - полумасонская структура патриотической направленности, образованная в 1808 году в Кенигсберге. Устав "Союза спасения", объединявшего в своих рядах несколько десятков офицеров, был разработан П.И.Пестелем. Согласно показаниям С.П.Трубецкого, уже

изначально организация ориентировалась на широкое использование в целях революционной борьбы масонских структур.

Так, согласно показаниям С.П.Трубецкого, руководитель ложи А.Н.Муравьев пытался воспользоваться масонской ложей для прикрытия политических целей "Союза спасения". Признавал это обстоятельство и сам А.Н.Муравьев. "Хотя я и не был начальником ложи "Трех добродетелей", а был оным Лопухин, - заявил он, а я же был вторым по нем в ложе сей, но сознаюсь, что имел ... намерение под покровом сей масонской ложи обезопасить членов Общества, почему и старался я привлечь в нее членов" [896].

К лету 1818 года относится памятное для масонов посещение ложи "Трех добродетелей" императором, в ходе которого А.Н.Муравьев имел неосторожность обратиться к нему по братски на "ты" [897].

"Мирное завоевание" ложи "Трех добродетелей", отмечал Н.М.Дружинин, совсем не исключало необходимости образования крепкого и спевшегося ядра, которое должно было внедриться в расплывчатую масонскую организацию и "переделать ее по своему образу и подобию" [898]. Инициатива исходила от Александра Муравьева. Горячо поддерживал на первых порах идею придания тайному революционному обществу защитной оболочки в виде фактически легализированных правительством масонских лож и другой известный руководитель декабристского движения - Павел Пестель.

Заслуживает внимания, что симпатии такого, казалось бы, радикала, как П.И.Пестель, оказались не на стороне либерального союза Великой ложи "Астреи", а его консервативных противников из союза Великой провинциальной ложи.

Ларчик тут открывается просто. Безначалие и полное отсутствие дисциплины, царившие в мастерских союза Великой ложи "Астреи" уже, можно сказать, заранее обрекали их на полную непригодность для революционной работы. Ложи же консервативного Провинциального союза, основанные на строгой дисциплине и беспрекословном подчинении младших братьев старшим, выглядели в этом отношении куда предпочтительнее.

Главное здесь было как можно выше забраться по масонской лестнице степеней, что открывало перед братьями практически неограниченную власть над "младшими".

И надо сказать, П.И.Пестель преуспел и в этом, быстро получив посвящение сначала в 4-ю, а затем и в 5-ю степень шотландской ложи "Сфинкса". Соответствующий патент на пергаменте за печатью "Сфинкса" на латинском языке был получен П.И.Пестелем 12 февраля 1817 года. Скрепили его тогдашние начальники ложи А.А.Жеребцов, О. де Сион, Г.Зубов, Д.Нарышкин и другие [899].

П.И.Пестель остановился на 5-й степени. Его коллегам П.П.Лопухину и Ф.П.Шаховскому повезло больше: в 1817 году они были посвящены в 7-ю степень - Рыцарей храма, а в 1818 году их даже ввели в святая святых - Капитул Феникса, где царствовали М.Ю.Виельгорский, Г.И.Чернышов, С.С.Ланской и другие "начальники ордена".

Прочными были связи с масонством и второй тайной декабристской организации - "Союза благоденствия" (1818-1821 гг.), в полулегальный филиал которого превратилась под влиянием ее "оратора" Ф.Н.Глинки масонская ложа "Избранного Михаила". Членами этой ложи были такие известные впоследствии декабристы, как Н.А.Бестужев, В.К.Кюхельбекер, Г.Батеньков, М.Н.Новиков, А.Д.Боровков.

Не случайно и то, что эмблемой "Союза благоденствия" стал пчелиный улей - один из распространенных символов масонства. Связь "Союза благоденствия" с масонством отчетливо проявляется и в истории ложи "Любви к истине", основанной в 1818 году в Полтаве. Эта мастерская принадлежала союзу Великой ложи "Астреи".

Управляющим мастером ее был Михаил Новиков, член первых декабристских организаций "Союза спасения" и "Союза благоденствия". Наместным мастером ложи был С.Н.Кочубей. Среди членов - члены "Союза благоденствия" В.А.Глинка и В.С.Лукашевич.

В 1819 году ложа была закрыта. Справедливости ради следует сказать, что далеко не все участники тайных декабристских кружков были такими уж горячими поклонниками масонства. Некоторые из них, как например декабристы В.И.Штейнгель, И.Д.Якушкин, так те и вовсе относились к масонству враждебно. Однако они были все же в меньшинстве.

В 1818 году под Киевом была основана ложа "Соединенных славян" союза Великой ложи "Астреи". Инициатором открытия ее был флигель-адъютант князь Лобанов-Ростовский. Должность управляющего мастера занимал Василий Лукашевич.

В 1820-1822 гг. в качестве управляющего мастера подвизался Франц Харлинский, наместным мастером был полковник Леонтий Дубельт. Преобладающим элементом в ложе был польский [900]. Ложу эту ни в коем случае не следует путать с тайным декабристским обществом масонского толка - "Соединенных славян", основанном в 1823 году подпоручиком Борисовым 2-м [901].

Влияние декабристов на масонские ложи было, конечно же, весьма и весьма значительным. На их основе ими были созданы управы Союза благоденствия в Полтаве и Нижнем Новгороде. Полностью в руках декабристов находились масонские ложи Кишинева, Одессы, Киева и ряда других городов. В ряде случаев эти масонские ложи можно рассматривать как филиалы Союза благоденствия [902]. Материала на эту тему набирается столько, что это позволяет ставить вопрос о декабристах как радикальном направлении в русском масонстве после 1815 года [903].

Будущих декабристов в это время можно было встретить практически во всех масонских ложах: И.Ю.Поливанов ("Елизаветы к добродетели", Петербург), Е.С.Мусин-Пушкин ("Орла российского", Петербург), К.Ф.Рылеев ("Пламенеющей звезды", Петербург), И.Г.Бибиков ("Тройственного благословения", Москва), В.М.Бакунин ("Орла российского", Петербург) и другие [904].

Однако отношение будущих декабристов к масонским работам было неоднозначно.

Любопытен в этой связи отрывок из письма масона Н.И.Тургенева к брату Сергею от 11 февраля 1818 года: "Князь Баратаев пишет мне, что завел ложу в Симбирске, "Ключ к добродетели", и предлагает мне титло почетного члена и представителя их ложи у здешней директориальной ложи. Я от сего отказался, видя, что масонство у нас процветать теперь не может ... В здешних ложах я также не бываю, да оне того в теперешнем их церемониальном ничтожестве и не стоят" [905].

Однако самое важное здесь - это то, что не оправдывала себя из-за жесткого правительственного контроля над ложами первоначальная установка организаторов первых декабристских кружков на широкое использование их в революционных целях. "По справедливости следует заключить, - отмечала в связи с этим Т.О.Соколовская, - что ко времени образования ложи "Трех добродетелей" все ложи того союза, к которому принадлежала ложа "Трех добродетелей" (Провинциальный союз - Б.В.) для правительства не были тайными" [906].

Смущали будущих декабристов и господствовавший в мастерских Великой провинциальной ложи мистицизм и обскурантизм. Убедившись в безнадежном консерватизме большинства своих "братьев" и явном несоответствии масонских работ своим собственным видам, большая часть будущих декабристов уже в 1818-1819 гг. покинула ложи.

И хотя массовому исходу их из петербургских лож во многом, как теперь оказывается, способствовали чисто житейские обстоятельства - перевод их как офицеров на новые места службы, в принципиальном плане это дела не меняет. Очевидно, что дороги декабристов, вставших на путь военного заговора, и дороги вольных каменщиков к началу 1820-х годов явно разошлись.

Убедившись в этом, П.И.Пестель, как один из наиболее дальновидных декабристов, перестал поддерживать организационную связь с петербургскими масонами еще в 1818 году. Это повлекло его автоматическое выбытие сначала из шотландской ложи "Сфинкса"

(1818 год), а затем, 5 ноября 1819 года, и из иоанновской ложи "Трех добродетелей" [907]. Еще раньше, в 1818 году покинули ложу "Трех добродетелей" И.А.Долгорукий и Н.Муравьев.

В 1819 году были исключены из списка членов ложи С.И.Муравьев-Апостол и Н.М.Муравьев, в 1820-м такая же участь постигла Ф.Шаховского и М.Муравьева-Апостола [908]. В то же время следует иметь в виду, что часть будущих декабристов сохранила верность масонским ложам и продолжала свои работы в них вплоть до официального их закрытия: М.С.Лунин, Н.А.Бестужев, В.К.Кюхельбекер, К.Ф.Рылеев.

О том, какое значение имел для декабристского движения масонский фактор, можно судить на основании следующих данных. Из 121 преданного Верховному уголовному суду декабриста в масонских ложах состояло по крайней мере 23 человека: П.И.Пестель (1812-1819), А.Н.Муравьев (1811-1818), братья Матвей Иванович (1816-1820) и Сергей Иванович (1817-1818) Муравьевы-Апостолы, Н.М.Муравьев (1817-1818), князь С.П.Трубецкой (1816-1819), Ф.П. фон Визин (1820), князь С.Г.Волконский (1812), М.Ф.Митьков (1816-1821), Ф.П.Шаховской (1817), М.С.Лунин, Н.Бестужев (1818), братья Вильгельм (1819-1822) и Михаил (1818) Кюхельбекеры, Г.С.Батеньков (1818), А.Ф. фон дер Бригген (1817), Янтальцев (1816), С.Г.Краснокутский (1816-1818), Н.И.Тургенев (1814-1817), К.Ф.Рылеев (1820-1821), Е.Мусин-Пушкин (1821), И.Юрьев. Кроме того известно, что членами заграничных масонских лож были декабристы В.А.Перовский, П.П.Каверин и Н.И.Лорер.

Можно утверждать, что по крайней мере пятая часть, т.е. 20% декабристов, преданных Верховному уголовному суду, были членами масонских лож. Кроме того, масонами был еще целый ряд лиц - членов декабристских тайных обществ, привлеченных к следствию в качестве свидетелей. Среди них: П.Я.Чаадаев, князь И.А.Долгоруков, М.Н.Новиков, Ф.Н.Глинка, князь П.П.Лопухин, П.И.Колошин, граф Ф.П.Толстой, генерал П.С.Пущин, В.Глинка, И.Бибиков, В.Н.Бакунин, барон Г.Корф, Н.В.Мейер, А.Скалон, Ф.В.Гурко, И.Н.Хотяинцев, В.Ф.Раевский, князь С.П.Трубецкой, В.Л.Лукашевич, Г.Ф.Олизар, князь М.Баратаев, В.П.Зубков, С.Проскура, граф П.И.Мошинский.

Таким образом, даже по самым минимальным подсчетам масонов среди декабристов было не менее 50 человек. "Дальнейшие исследования, - выражал надежду впервые введший в научный оборот эти цифры историк В.И.Семевский, - нужно думать, еще более увеличат численность лиц, в которых проявилась непосредственная связь русских политических тайных обществ с масонскими" [909].

Они и увеличили. Так, согласно последним данным А.И.Серкова, с некоторыми допущениями число декабристов-масонов может быть увеличено до 120 человек [910]. О 121 декабристе-масоне пишет со ссылкой на материалы Т.А.Бакуниной из Особого архива в Москве и Олег Платонов [911].

Попытку разобраться в столь запутанном вопросе предпринял в последние годы О.П.Ведьмин. Всего, согласно его подсчетам, к следствию по делу декабристов было привлечено 83 масона. Однако 25 из них (М.П.Баратаев, Л.В.Дубельт, С.М.Кочубей, Эрнст-Вениамин Соломон Раупах и другие) никакого отношения к декабристскому движению не имели. Таким образом, в масонском декабристском списке остается всего 58 человек [912].

Можно констатировать, что не будь в России Александровского времени масонских лож, не было бы, скорее всего, и самого восстания. С другой стороны, по мнению ряда исследователей, именно с будущими декабристами связано возникновение и такого нового для первой четверти XIX века явления в русском масонстве, как появление в нем, наряду с либеральным и консервативным еще и так называемого радикального крыла, нацеленного на коренное изменение политического строя и проведение революционно-демократических преобразований в стране.

Но вернемся к судьбе масонских лож после августа 1822 года. Масоны – не герои. Царских рескриптов (в 1826 году указ Александра I о запрещении тайных обществ был

повторен Николаем I) оказалось вполне достаточно, чтобы большинство братьев навсегда позабыло дорогу в ложу. Только немногие из числа просветленных и наиболее преданных ордену братьев высоких степеней в глубокой тайне осмеливались продолжить свои работы. Речь идет, прежде всего, о Капитуле Феникса, который и после 1822 года продолжил свои работы.

Кроме того, продолжали свои работы в доме И.А.Поздеева на окраине Москвы и московские масоны. Правда, в Петербурге в 1828 году хранившиеся в ложе масонские рукописи были изъяты правительством. Однако главные святыни, в том числе и большая пергаментная "Великая рыцарская книга" Капитула Феникса с именами всех русских рыцарей храма в руки правительства так и не попала.

Удалось сохранить масонам от конфискации и "Великую синюю книгу" со вписанными в нее великим префектом наименованиями всех русских лож, подчиненных Капитулу Феникса. Что касается розенкрейцеров, то уже в феврале 1828 года они полностью возобновили прерванные ранее собрания ложи "Теоретических братьев". Активное участие в них принимали С.С.Ланской, П.И.Шварц, В.В.Беликов и некоторые другие масоны [913].

Нет сомнения, что после официального запрещения масонских лож отношение русского общества к вольным каменщикам стало более критическим. Любопытен в этом плане следующий рассказ М.Ф.Каменской, относящийся к началу 1830-х годов. Речь идет о сватовстве некоего инженерного офицера Д.Н.Булгакова к дочери профессора А.Е.Егорова, которое чуть было не закончилось грандиозным скандалом. Оказывается, как пишет М.Ф.Каменская, "самодур Егоров чуть было Булгакова за дверь не выпроводил ... И за что? - За то, что он раз обедая у них, положил около своего прибора крестом вилку с ножом (масонский знак, принятый в столовых ложах - Б.В.), а сложил только потому, что у Егоровых подставочек под вилки и ножи и в заводе не было. Заметил это на грех Алексей Егорович и на стену полез ... - Чтобы я, - говорит, - русский человек, я, профессор Егоров, дочь свою за масона выдал!.. Да этому никогда не бывать!"" [914].

В то же время следует иметь в виду, что и после официального запрета работ масонских лож масоны и масонство, по крайней мере на первых порах, представляли собой такую силу, не считаться с которой было нельзя. Стоит, очевидно, в этой связи привести обобщенные результаты так называемых "подписок", собранных среди масонов в 1822 и 1826 годах о их принадлежности к масонству.

Конечно, данные эти далеко не полны. Но и они впечатляют. Так оказывается, что одних только господ офицеров среди масонов этого времени насчитывалось 517 человек [915]. Немало было масонов и среди тогдашней профессуры: профессора и преподаватели Московского университета - И.И.Давыдов, Х.И.Лодер, А.А.Прокопович-Антонский, М.Я.Мудров, М.Я.Малов, М.Гаврилов, Ф.Рейсс, Ф.Кистер, И.Веселовский, О.Ежовский, В.Будревич [916].

Из петербургских масонов, принадлежащих к ученому миру, можно отметить профессоров петербургского университета К.И.Арсеньева и В.Шнейдера, а также профессоров Царскосельского лицея Н.Ф.Кашанского и барона Л.-А.Гауеншильда [917]. Масонами в эти годы были также А.С.Грибоедов, В.А.Жуковский, П.А.Чаадаев, Ф.П.Толстой, К.А.Тон, А.Л.Витберг, И.П.Мартос, И.Н.Воронихин, А.А.Дельвиг, Н.И.Греч, А.Григорьев и многие другие известные деятели отечественной культуры.

Успех масонской пропаганды в России во многом был связан с тем, что в условиях русской действительности масонство наши образованные классы воспринимали как некий символ прогресса. А отставать от прогресса, конечно же, никому не хотелось. "На масонство у нас смотрят как на людей высшей интеллигенции, как на людей "передовых"", - констатировал современник описываемых событий [918]. Как отмечал в своих мемуарах масон Пржецловский, масонство в те годы составляло "едва ли не единственную стихию движения в прозябательной жизни того времени; было едва ли не

единственным центром сближения между личностями даже одинакового общественного положения".

"Вне этого круга, - подчеркивает мемуарист, - общительность, как ее видим в европейских городах, не существовала; все как-то чуждались друг друга, да и не было таких центров, где можно было бы свести хотя бы случайное знакомство" [919].

Исчезнуть в одночасье после царских запретов 1822 и 1826 годов эта сила, понятное дело, не могла. Она и не исчезла. Некоторое представление об этой стороне дела дают нам воспоминания выпускника Казанского университета Н.А.Мотовилова, как раз и относящиеся к 1826 году. Несмотря на то, что масонство было уже запрещено, симбирская ложа во главе с уже известным нам губернским предводителем дворянства князем М.П.Баратаевым [920], как ни в чем ни бывало продолжала свои тайные работы. Было предложено вступить в ложу и Н.А.Мотовилову, от чего он, будучи человеком православным, имел неосторожность отказаться. Это разозлило М.П.Баратаева, и он стал чинить молодому человеку всяческие препятствия, не давая ему возможность устроиться на должность смотрителя одного из уездных училищ Симбирской губернии. "Этой должности, - заявил ему М.П.Баратаев, - Вам не видать, как своих ушей. И не только Вы этой должности не получите, но и не попадете ни на какую другую государственную должность, ибо и Мусин-Пушкин (попечитель Казанского учебного округа - Б.В.), и министр князь Ливен – подчиненные мне масоны. Мое приказание им - закон" [921]. Вскоре Н.А.Мотовилов воочию убедился, что угрозы М.Баратаева - не пустые слова, а масонское братство и солидарность - отнюдь не миф, а тогдашняя российская реальность.

"С этого времени, - пишет биограф Н.А.Мотовилова С.А.Нилус, - началось преследование им, вернее травля Мотовилова. Не было клеветы, насмешек, тайных подвохов и ухищрений, которыми не подвергали его человеческая злоба" [922].

Но быть может, Н.А.Мотовилов, будучи человеком заинтересованным, несколько преувеличивал незримую власть ордена в тогдашней России? Ничуть. Вот что записал в своем дневнике в 1825 году под впечатлением беседы с одним из высших руководителей ордена масон С.Д.Нечаев (будущий обер-прокурор Святейшего Синода). "Невидимые министры, управляющие миром, прозорливее и дальновиднее обыкновенных вельмож, которые приписывают своему благоразумию сохранение общественного порядка. Есть и невидимая полиция, с которой мирская полиция есть один сколок, весьма несовершенный и часто карикатурный" [923].

Яснее и не скажешь.

Какого-либо единого масонского центра после 1822 года в России, видимо, не существовало. Наиболее значительные масонские силы группировались вокруг ложи "Ищущих манны" в Москве. Среди участников этих собраний - Н.А.Головин, Р.С.Степанов, В.Д.Комынин, С.Н.Арсеньев [924].

Ложа эта просуществовала в Москве до середины 1830-х годов, после чего распалась на более узкие по своему составу кружки братьев "Теоретической степени" и "Капитула ордена". Провинциальным филиалом ложи "Ищущих манны" была мастерская "Соединение" в Тульской губернии, где у ряда ее членов были поместья. Есть сведения и о других масонских мастерских этого времени из бывших членов ложи "Александра тройственного благословения". Численность их непрерывно падала, и к началу 1860-х годов в Москве функционировал, по-видимому, всего один только эзотерический кружок В.С.Арсеньева, в котором подвизалось не более десятка членов. Что касается Петербурга, то здесь в конце 1820-х годов возобновилась было на короткое время деятельность Великой ложи "Астреи". Однако к началу 1860-х годов о каких-либо масонких кружках в Петербурге сведений уже нет.

Из провинциальных масонских кружков 1820-х - начала 1830-х годов исследователи отмечают нижегородский во главе с А.Н.Сверчковым, тверской во главе с Ю.Н.Бартеньевым.

Имеются сведения о масонских кружках в Вологде (бывшие члены ложи "Северной звезды"), Симбирске (бывшие члены ложи "Ключ к добродетели"), Иркутске и Саратове. Но уже к началу 1840-х годов от них не осталось и следа. Следует упомянуть и о возобновлении в 1822-1825 гг. деятельности киевской ложи "Соединенных славян", в которой принимали участие декабристы Н.Н.Раевский, В.Л.Лукашевич и М.Ф.Орлов. Ложа вскоре, однако, была закрыта.

В отсутствие притока свежих сил, русское масонство 1830-х - 1840-х годов явно замыкалось в узких по своему составу семейных кружках, ограничивавшихся, как правило, членами одной семьи и их близкими знакомыми. Наиболее известна из них семейная масонская династия Комыниных-Арсеньевых, насчитывающая целых пять поколений масонов. От старших к младшим переходили в этих семьях предания, масонская символика и обрядность и, конечно же, масонские архивы.

Были, хотя и крайне редко, и новые посвящения. В идейно-теоретическом плане все это были убежденные мистики. Некоторые из них, как то С.С.Ланской, А.Н.Муравьев, А.Н.Голицын, С.Д.Нечаев, В.И.Кутневич занимали видное положение в обществе. Судя по всему, пишет современный исследователь, В.С.Арсеньев, протоиерей С.Соколов, Д.И.Попов, С.С.Ланской, Д.Ф. и Ф.А.Голубинские, А.Григорьев, граф М.В.Толстой, генерал-майор П.А.Болотов, В.А.Жуковский, А.Н.Пыпин и ряд других известных лиц принадлежали к одному и тому же масонскому кругу, хотя и не все из них были москвичами [925].

Свое масонское общественно-политическое лицо эти люди проявляли в Николаевское царствование в активном участии в различного рода секретных комитетах по крестьянскому делу и разработке планов либеральных преобразований в России, чем, несомненно, способствовали приближению эпохи так называемых "великих реформ". "В английской франкмасонской литературе, - отмечал в своей записке по истории масонства в России Л.Д.Кандауров, - имеется указание на то, что с 1856 по 1863 год русское правительство не преследовало существовавших тогда в России лож, может благодаря тому, что император Александр II был, кажется, посвящен в одной из английских лож в молодости. Не преследовало, но отнюдь не поощряло. Есть сведения, что в эти годы были возобновлены работы новиковской ложи "Нептун" в Санкт-Петербурге, где тогда и были посвящены известный историк русского франкмасонства А.Н.Пыпин и П.Беклемишев, впоследствии руководивший ложей "Карма" в Петрограде" [926].

Масонство, отмечал князь П.В.Долгоруков, превратилось в эти годы "в общество взаимного вспомоществования и поддержки взаимной; богатые люди щедро помогали бедным. Люди влиятельные, сильные, имеющие связи, усердно покровительствовали своим собратьям". Любопытное описание масонских лож этой поры читатель найдет в известном романе А.Ф.Писемского "Масоны" (СПб, 1880). Тайную масонскую ложу в Москве возглавлял вплоть до начала 1860-х годов Сергей Павлович Фонвизин. Начальником петербургских братьев был Сергей Степанович Ланской [927]. Ленивый, бестолковый и беспечный, он ничего не делал по своей должности, но благодаря обширным масонским связям, дошел в 1855 году до должности министра внутренних дел.

Загнанные в подполье и лишенные внутреннего импульса, масонские кружки этого времени тихо угасали. Последнее ритуальное посвящение в ложе относится к 1850 году. И хотя некоторые исследователи (А.И.Серков) подчеркивают, что "масонские встречи продолжались по 1899-й год" [928], для всякого непредвзятого историка очевидно, что ни о каких прямых продолжателях дела Н.И.Новикова и С.И.Гамалеи далее 1860-х гг. не может быть и речи.

Последним масонским актом в России стало закрытие ими работ "Теоретического градуса" в 1863 году [929].

Глава 12. Феномен русского политического масонства начала XX века. Первые масонские ложи в России (1906-1909 гг.)

После запрета масонства в 1822 году некоторые "братья" надеялись, что со временем станет возможной хотя бы негласная легализация масонских лож в стране. Но этого не случилось. Николай I был непреклонен и, во избежание каких-либо кривотолков, после восстания декабристов счел необходимым повторить в 1826 году указ своего брата о запрете масонства, взяв к тому же с государственных служащих и военных на сей счет специальные подписки. Правда, если верить запискам П.В.Долгорукова, тайная деятельность "братьев" все же продолжалась: в Москве масонскую ложу возглавлял, как уже отмечалось, С.Фонвизин, в Петербурге же, вплоть до своей смерти (1862 г.), великим наместником Великой провинциальной ложи шведского обряда был ни кто иной, как сам министр внутренних дел (1855-1861 гг.), старый масон С.С.Ланской [930].

На этом, собственно, история масонства в России в XIX веке и заканчивается.

Приходится констатировать, что к концу его старая посвятительная традиция эзотерического масонства второй половины XVIII - начала XIX вв. была утрачена.

Правда ряд исследователей, не желая "верить фактам", ссылаясь на якобы "беспрерывное" существование на протяжении всего XIX века новиковской ложи "Нептун" в Петербурге и доверительные отношения последнего представителя старого масонства - В.С.Арсеньева (умер в 1916 году) с некоторыми из московских мартинистов начала XX века (П.М.Казначеев), пытаются оспорить этот бесспорный, с нашей точки зрения, факт. В 1822 году, подчеркивал, например, князь Владимир Вяземский, "указом масона императора Александра I ложам было рекомендовано не собираться. Лишь в 1828 году - через целых четыре года после декабристского восстания - начинается, опять-таки, не запрещение, а очень строгий полицейский надзор. Ложи, собственно, перестали открыто собираться, боясь полиции. Но не подлежит сомнению, что многие продолжали собираться. Ложи мартинистских систем ..., которые по своему замыслу являются маленькими ячейками, продолжали существовать во многих русских городах беспрерывно, равно как и розенкрейцерские. И отчасти иллюминаты" [931].

"Есть сведения, - писал он, - что, например, новиковская ложа "Нептун" в Петербурге существовала беспрерывно; в ней был посвящен известный историк масон Пыпин, а также адмирал Беклемишев, доживший до глубокой старости, до наших дней, и после "Нептуна" принимал видное участие в ложе "Карма" уже при досточтимом брате великом князе Александре Михайловиче. Ее членом был А.П.Веретенников". Что касается Александра II, то он, как известно, продолжает В.Л.Вяземский, "был посвящен в английское масонство во время поездки в Англию еще наследником престола. С его воцарением полицейские меры отменены не были, но собственно он и его правительство (в котором многие были негласными масонами, вроде графа Лорис-Меликова, графа Панина и др.) смотрели на вольных каменщиков сквозь пальцы" [932].

Разделяют мнение о беспрерывном якобы существовании масонской традиции в России и некоторые современные российские историки либерального толка.

"Последнее ритуальное принятие, - пишет, например, московский исследователь А.И.Серков, - относится к 1850 году. Масонские встречи продолжались по 1899 год; закончили же свой жизненный путь некоторые прямые продолжатели дела Н.И.Новикова и С.И.Гамалеи уже в нашем столетии" [933].

Согласиться с этим трудно, ибо никакие гипотетические "масонские встречи" бывших "братьев" и их духовных последователей (что еще требуется доказать) серьезным аргументом в пользу якобы беспрерывности существования масонства в нашей стране на всем протяжении XVIII- XX вв. служить, конечно же, не могут. На самом деле, если не

выдавать желаемое за действительное, а исходить из твердо установленных фактов, нельзя не признать, что взоры будущих адептов вольного каменщичества в России XX века были обращены не в далекое прошлое русского масонства, представление о котором у большинства деятелей либеральной оппозиции самодержавию (а именно их среда и являлась потенциальным резервом масонства) было смутным, а в его блестящее настоящее, причем не в России, где оно было запрещено, а в Западной Европе, на которую и равнялась в те годы русская интеллигенция.

Не имея возможности приобщения к вольному каменщичеству у себя на родине, наши оппозиционеры стремились не упустить такой возможности, оказавшись на Западе. Так, еще в 1845 году получил посвящение в одной из масонских лож ("Социальный прогресс") Великого Востока Италии известный русский революционер-анархист Михаил Александрович Бакунин. Через 20 лет, 3 апреля 1865 года ему был торжественно вручен патент на одну из высших - 32-ю масонскую степень Древнего и принятого шотландского обряда Великого Востока Италии. Стоит отметить, что М.А.Бакунин был не только автором известного "Катехизиса революционера", но и "Современного катехизиса франк-масонства", где обосновывал революционную сущность вольного каменщичества [934]. Впрочем, отношение М.А.Бакунина к масонству, судя по всему, не было однозначным.

"Только друзья, прошу вас, перестаньте же думать, что я когда-либо серьезно занимался франкмасонством, - писал он своим друзьям А.И.Герцену и Н.П.Огареву в 1866 году. - Это может быть полезно, пожалуй, как маска или как паспорт - но искать дело в франкмасонерии все равно, пожалуй, хуже, чем искать утешения в вине" [935]. В 1850-е годы в итальянской масонской ложе принял посвящение и друг А.И.Герцена Н.П.Огарев. О масонстве А.И.Герцена нет достоверных сведений, но зато масоном был другой не менее известный деятель этого времени князь П.В.Долгоруков [936].

Более подробные сведения о русских масонах, подвизавшихся в заграничных ложах, относятся к периоду 1870-х - 1880-х годов. Среди них: философ-позитивист Г.Н.Вырубов (1842-1913) - принят в начале 1870-х годов в ложу Великого Востока Франции "Взаимопомощь", изобретатель электрической лампочки накаливания П.Н.Яблочков (1847-1894) - принят в 1881 году в ложу "Труд и верные друзья истины" Верховного совета Старого шотландского обряда, врач-психиатр Н.Н.Баженов (1857-1923) - ложа "Соединенных друзей" (1884 г.), профессор социологии М.М.Ковалевский (1851-1916 гг.) – точная дата посвящения неизвестна, скорее всего, это мог быть период между 1887 и 1890 годами [937].

Особо важную роль в становлении русского масонства во Франции сыграли Григорий Николаевич Вырубов - вице-председатель совета Великого Востока Франции с 1885 года, и П.Н.Яблочков. В отличие от Г.Н.Вырубова, П.Н.Яблочков был достопочтимым мастером не Великого Востока Франции, а лож, придерживавшихся Древнего и принятого шотландского обряда. В историю русского масонства он вошел как организатор 25 июня 1887 года в Париже первой русской эмигрантской ложи "Космос". В 1888 году в ней получили посвящение такие известные впоследствии русские деятели, как профессора М.М.Ковалевский, Е.В. де Роберти и Н.А.Котляревский.

Магистерская диссертация последнего - "Мировая скорбь в европейской литературе XIX века" посвящена анализу размышлений европейских мыслителей об идеальном человеке как высшей ценности и, несомненно, несет на себе явный отпечаток увлечения ее автора масонством.

П.Н.Яблочков мечтал о том, чтобы превратить ложу "Космос" в элитарную, объединяющую в своих рядах все лучшее, что могла дать русская эмиграция в области науки, литературы и искусства. Мечте этой не суждено было, однако, сбыться. Болезнь, а затем и преждевременная смерть ученого (1894 г.) привели к тому, что созданная им ложа фактически развалилась и сумела возобновить свои работы только в 1899 году [938]. В 1898 году в одну из бельгийских лож вступил один из основоположников российской социал-демократии Сергей Николаевич Прокопович (1871-1955) [939].

К началу 1900-х годов во французских ложах насчитывалось около полутора десятков русских либералов. Конечно, этого было недостаточно для высадки масонского "десанта" в Россию. Обстоятельства, однако, благоприятствовали масонам. Нашелся человек, взявший на себя хлопоты по собиранию сил и организационному становлению русского масонства во Франции. Это был профессор Максим Максимович Ковалевский. По отзывам лиц, хорошо знавших профессора, это был "типичный русский барин. Хороший и добрый, умный и либеральный. Истый европеец, которому чуждо многое специфически русское в нашей духовной культуре, в традиционной сокровищнице наших идей" [940]. Уволенный из Московского университета за проповедь в своих лекциях конституционных идей, М.М.Ковалевский долгие годы провел за границей, встречался там с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, был одним из основателей Международного Социологического института. 14 ноября 1901 года, благодаря, главным образом, его усилиям и под контролем ложи "Космос" в Париже была открыта Русская высшая школа общественных наук, проработавшая до 1904 года [941].

Цель школы, помимо просветительской, состояла еще и в том, чтобы подготовить, в чисто масонском духе, разумеется, будущих участников борьбы за "освобождение России" без какой-либо оглядки на их партийные и идеологические пристрастия.

В 1903 году число слушателей школы достигло 400 человек, среди которых можно, в частности, отметить молодого А.В.Луначарского. Именно в эти годы, судя по всему, он и получил посвящение в одной из лож Великого Востока Франции.

Многие из преподавателей школы, как французы (писатель Эмиль Золя, бывший председатель французского правительства Леон Буржуа, профессора Тард и Реклю), так и русские (И.И.Мечников, М.М.Ковалевский, Е.В. де Роберти, Е.В.Аничков) были масонами Великого Востока Франции. Характерно, что одним из посторонних лекторов, выступивших в Русской высшей школе общественных наук, был и В.И.Ленин. Со своей стороны, профессура школы задумала издание литературно-философского масонского журнала. В качестве одного из редакторов-составителей его был приглашен уже достаточно известный к тому времени поэт М.А.Волошин [942]. Как и следовало ожидать, "роман" М.А.Волошина с масонами закончился посвящением его в мае 1905 года в одну из парижских масонских лож [943]. "Хотя преподаватели Русской высшей школы в Париже, - справедливо отмечает А.И.Серков, - и не стали масонами в своем большинстве, но именно в среде ее профессуры складывался круг лиц, возродивших орден вольных каменщиков в начале XX века" [944].

Кадры будущих масонов ковались, однако, не только в Париже, но и непосредственно в самой России. Неисчерпаемым резервуаром, из которого черпали масоны своих адептов, были оппозиционные правительству кружки либеральной интеллигенции.

Одним из наиболее известных среди них был московский земский кружок "Беседа" (1899-1905 гг.) [945], объединявший сторонников конституционной монархии в России. Большая часть из них (С.А.Котляревский, Д.И.Шаховской, В.А.Маклаков, Г.Е.Львов и другие) стали впоследствии одними из первых адептов вольного каменщичества в России.

Другим резервуаром масонских лож в России начала века стал союз "Освобождение" во главе с И.И.Петрункевичем, основанный в январе 1904 года на учредительном съезде в Санкт-Петербурге. В инициативную группу союза вошли люди, составившие впоследствии "цвет" русского политического масонства начала века: Л.И.Лутугин, В.Я.Богучарский, Н.Д.Соколов, Е.Д.Кускова, В.М.Гессен, В.А.Оболенский [946].

В мае 1905 года союз "Освобождение" вместе с "Союзом земцев-конституционалистов" объединились в единую структуру - Союз союзов, который послужил, в свою очередь, основой для образования в октябре 1905 года партии русских Конституционных демократов (кадеты). В дальнейшем именно кадетской партии, все высшее руководство которой (за исключением П.Н.Милюкова) было масонским, и

суждено было стать легальным политическим прикрытием тайной масонской организации в России.

Оживление либерального движения в начале века происходило на фоне резко возросшей активности кружков и групп радикально-социалистического направления.

В 1897 году начинает свою деятельность "Бунд" – Еврейский социал-демократический союз. В следующем, 1898 году в Минске было провозглашено создание РСДРП.

На начало 1900-х годов приходится и возникновение Боевой организации социалистов-революционеров, развернувшей настоящий террор против представителей царской администрации.

После убийства в июне 1904 года министра внутренних дел В.К.Плеве правительство вынуждено было маневрировать. В ноябре 1904 года был разрешен первый земский съезд в России, призвавший правительство к немедленному введению конституционного строя в России. Требование это, конечно же, было отклонено. Тогда осмелевшие земцы-конституционалисты из союза "Освобождение" организуют так называемую "банкетную кампанию" с принятием резолюций с требованиями созыва русского парламента и введения в стране политических свобод.

Тем временем события 9 января 1905 года и неудачи русско-японской войны привели к тому, что общественно-политический кризис в стране стал перерастать в революцию. 18 января 1905 года Николай II вынужден был принять принципиальное решение о созыве "законосовещательного учреждения". Конечно, среди революционеров и забастовщиков масонов не было, но в стороне от происходивших событий они не остались. Еще в мае 1905 года
Совет Закона Великого Востока Франции принял решение объединить всех русских братьев в одну общую для них ложу - "Космос". В мае-июне 1905 года членами этой ложи становятся А.В.Амфитеатров, Ю.С.Гамбаров, М.И.Тамамшев, И.З.Лорис-Меликов, А.С.Трачевский, К.В.Аркадский (Добренович) [947]. Принятию их в ложу предшествовал своеобразный масонский экзамен на парижской квартире М.М.Ковалевского 9 мая 1905 года. В качестве гостя на нем присутствовал и уже упоминавшийся нами Максимилиан Волошин. Сам он масоном, правда, еще не был (принят только 22 мая 1905 года), но доверие французских "братьев" к нему было полное.

"Я видел, - писал М.Волошин, - людей почтенных, старых профессоров, которых расспрашивали об их жизни, верованиях, и они мешались и краснели, как школьники.

Расспрашивал толстый *еврей* с бакенбардами, австрийской физиономией и острыми умными глазами. Он ловко играл душой старых русских профессоров и был по профессии каучуковых дел мастером ... Я сижу в стороне, так как меня должны принять в другую ложу" [948].

Другим центром посвящения русских эмигрантов во Франции стала в 1905 году ложа "Гора Синай" союза Великой ложи Франции. Среди членов этой мастерской были М.А.Волошин, доцент Московского университета С.А.Котляревский, журналист В.И.Немирович-Данченко. Происходили посвящения русских братьев и в других ложах: В.А.Маклаков ("Масонский Авангард" союза Великого Востока Франции), Е.И.Кедрин (ложа - Les Renovateurs" Великого Востока Франции). Общее число членов двух русских лож в Париже - "Космос" и "Гора Синай" - определяется в 16 человек: Е.В.Аничков, А.В.Добренович (псевдоним Аркадский), А.В.Амфитеатров, Н.Н.Баженов, Г.Н.Вырубов, Ю.С.Гамбаров, В.О.Ключевский, М.М.Ковалевский, С.А.Котляревский, Б.В.Кричевский, И.З.Лорис-Меликов, Ф.Ф.Макшеев, В.И.Немирович-Данченко, Е.В. де Роберти, М.И.Тамамшев, А.С.Трачевский [949].

Удивление вызывает в этом списке лишь имя знаменитого нашего историка-либерала В.О.Ключевского. И дело тут не только в почтенном возрасте историка, которому было в 1906 году 65 лет. Более существенно здесь другое. Масонство в России было запрещено, и не к лицу, казалось бы, столь почтенному престарелому ученому было

связывать себя с сомнительной, по крайней мере, в глазах большинства тогдашних россиян, тайной масонской структурой. Многое здесь проясняет, правда, обращение к университетскому курсу русской истории В.О.Ключевского.

Вопросы, тем не менее, остаются. Дело в том, что В.И.Старцев, который принимает дату посвящения В.О.Ключевского во французское масонство - вторая половина 1906 года [950], ссылается при этом на данные В.Л.Вяземского в его уже цитировавшейся нами работе "Первая четверть века существования зарубежного масонства" [951].

Однако Н.Н.Берберова приводит на этот счет другие сведения. "Ключевский Василий Осипович (1841-1911), - читаем мы в ее "Биографическом словаре русских масонов XX столетия", - историк, профессор Московского университета. Был посвящен Сеншолем и Буле" [952]. Очевидно, что посвящение В.О.Ключевского Н.Н.Берберова относит к маю 1908 года - времени, когда Сеншоль и Буле приезжали в Россию для инсталляции масонских лож Москвы и Петербурга. Но это в данном случае не так уж и существенно. Важен сам факт прикосновенности к масонству В.О.Ключевского.

А.В.Амфитеатров, принятый 16 мая 1905 года в ложу "Космос", вспоминал позже об этом времени так: "Перемасонил нас всех Максим Максимович Ковалевский.

И.З.Лорис-Меликов, Ю.С.Гамбаров, М.И.Тамамшев, Л.С.Трачевский и позже Е.И.Кедрин - это лекторский кружок Русской высшей школы социальных наук, основанной М.М.Ковалевским, и процветавший под его управлением". Что касается ложи "Космос", то возглавлял ее "некий доктор Николь, очень интересный и умный француз, южанин, кажется из *евреев*" [953].

Это было либеральное, политическое масонство, ставящее своей целью подготовку во Франции будущих "борцов за освобождение России". "Не принадлежа ни к одной из революционных партий (по непреодолимому отвращению ко всякой партийной дисциплине), я, тем не менее, - вспоминал об этом времени А.В.Амфитеатров, - стоял на крайнем левом фланге тогдашней революционной эмиграции, сочувствуя в ней наиболее эсерам-боевикам. Проповедывал объединение революционных сил для активного натиска на ослабевшее самодержавие, славил террор и террористов".

Не принять такого человека в вольные каменщики было бы, конечно, грешно.

Его, как мы уже знаем, и приняли, не забыв, однако, на всякий случай осведомиться о его личном отношении к террору. "После нескольких незначительных вопросов, - вспоминал Амфитеатров, - кто-то спросил по-русски с мягким *еврейским* акцентом: "Как Вы относитесь к убийству Плеве? Одобряете ли его и находите ли нужным дальнейшее развитие террора?"" [954].

К террору новый "брат" относился положительно, что, однако, ничуть не помешало его приему в масонскую ложу. Таковы они были, тогдашние масоны.

Манифест 17 октября 1905 года и введение демократических свобод в России не застали заграничных русских масонов врасплох. Они давно ждали этого часа. Неудивительно поэтому, что практически все они сразу же поспешили вернуться на свою историческую родину, чтобы уже не из прекрасного далека, а на месте включиться в борьбу за ее "освобождение". Это обстоятельство на фоне продолжающейся революции в стране, собственно, и побудило М.М.Ковалевского позаботиться о возможно скорейшем открытии масонских лож в России. Показательно в этом плане заявление А.В.Амфитеатрова, сделанное им во французской ложе "Космос" в 1905 году. "Масонство, - заявил он, - как феномен более высокой цивилизации установит свой моральный контроль над русской революцией и сыграет положительную роль в становлении будущей республиканской России" [955]. Как видим, планы у наших масонов были, можно сказать, наполеоновские.

11 января 1906 года М.М.Ковалевский направил официальное письмо председателю Совета Закона Великого Востока Франции с просьбой о делегировании его в Россию для открытия там регулярных масонских лож [956].

Правда, сам М.М.Ковалевский, как мы уже знаем, давно и прочно был связан не с Великим Востоком, а с другой масонской ассоциацией тогдашней Франции - союзом Великой ложи Франции и даже имел здесь 18-ю степень Древнего и принятого шотландского устава. Причинами, побудившими его обратиться к другому масонскому послушанию, были, с одной стороны, относительная простота обрядности в ложах Великого Востока, а с другой - его принципиальная установка на активное участие в политической жизни страны, борьбе за демократию, что, конечно же, не могло не импонировать М.М.Ковалевскому и его русским "братьям".

Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что среди масонских ассоциаций Французской республики наиболее авторитетной и богатой в это время как раз и был Великий Восток, число членов которого доходило до 30 тысяч человек. В одном только Париже у него было не менее 60 лож [957].

Широко были представлены масоны Великого Востока Франции и в парламенте.

Что касается Великой ложи Франции, то она была менее влиятельна (в Париже у нее было всего 33 братства) [958]. Русские же "братья", можно сказать, все как один были устремлены в политику. Тот же М.М.Ковалевский, помимо забот об организации первых масонских лож в России, не забывал в то же время и о собственном партийном строительстве, подвизаясь еще и в качестве лидера партии Демократических реформ (учреждена в декабре 1905 года). Видную роль в этой партии, помимо самого М.М.Ковалевского, играли также А.С.Посников и К.К.Арсеньев. Политическая ниша, которую заняла эта партия, была где-то между октябристами и кадетами [959].

Но возвратимся к письму М.М.Ковалевского в Совет Великого Востока Франции с просьбой, наряду с перенесением в Россию из Франции деятельности ложи "Космос" (27 апреля 1906 года уже в Петербурге в ней был посвящен князь Давид Бебутов), еще и о разрешении ему учреждения здесь новых, так называемых "временных лож" этой ассоциации. Дело в том, что именно масонство с его четко отлаженной структурой и прочными зарубежными связями представлялось М.М.Ковалевскому и его товарищам наиболее действенным средством в борьбе с самодержавием. Еще в 1904 году, вспоминал И.В.Гессен, он как-то зашел вместе с князем Д.Шаховским к только что прибывшему из-за границы Ковалевскому и был поражен тем, что едва успев поздороваться, тот сразу же стал доказывать ему, что "только масонство может победить самодержавие". Он положительно напоминал комиссионера, который является, чтобы сбыть продаваемый товар", - язвительно заметил по этому поводу И.В.Гессен [960].

Заслуживает в связи с этим внимания и другое высказывание М.М.Ковалевского, на этот раз в разговоре с П.Н.Милюковым, где он призывал его не упускать шанс использования "векового опыта масонства в организационной работе и в получении международной поддержки русскому либеральному движению" [961].

Тем временем, при посредничестве издателя масонского журнала "Акация" Ш.Лимузена, разрешение на открытие масонских лож от Великого Востока Франции было, наконец, получено. А вслед за этим уже 15/28 ноября 1906 года в Москве состоялось и открытие первой в XX веке русской масонской ложи - "Возрождение".

Открыта она была, и это стоит подчеркнуть, все-таки как временная ложа - обычный путь становления первых масонских лож в той или иной стране.

В качестве членов-основателей "Возрождения" выступили уже известные нам "братья" Максим Ковалевский, Николай Баженов, Василий Маклаков, Сергей Котляревский, Василий Немирович-Данченко, Евгений Аничков, Иван Лорис-Меликов, Евгений де Роберти и Юрий Гамбаров - всего 9 человек. Протокол собрания (опубликован в 1966 году Борисом Элькиным [962]) подписали: Баженов, Немирович-Данченко, Котляревский, Маклаков, Аничков, Ковалевский и Лорис-Меликов. Они и образовали первый состав членов этой ложи [963]. Председателем ложи стал Н.Баженов, первым наблюдателем - В.Маклаков, вторым наблюдателем - Е.Аничков, оратором С.Котляревский, секретарем - В.Немирович-Данченко. Можно, таким образом, констатировать,

что с 15 ноября 1906 года русское масонство вступило в принципиально новый этап своей деятельности - организационного оформления своих лож непосредственно на территории России.

Через несколько дней, пишет А.И.Серков, в Петербурге была открыта еще одна ложа - "Полярная звезда" [964]. Однако В.И.Старцев полагает, что произошло это все же не через несколько дней, а по крайней мере через месяц, не раньше декабря 1906 года. Как бы то ни было, уже в конце 1906 года на территории России существовало, помимо переехавшей из Парижа ложи "Космос" во главе с М.М.Ковалевским, еще две масонские ложи: "Полярная звезда" и "Возрождение". Венераблем "Полярной звезды" стал граф А.А.Орлов-Давыдов, первым наблюдателем - Е.И.Кедрин, вторым наблюдателем - барон Г.Х.Майдель, оратором - М.С.Маргулиес. Секретарем ложи, то есть главной деловой фигурой был избран князь Д.О.Бебутов.

Личный состав "Полярной звезды" во многом устанавливается по воспоминаниям Д.О.Бебутова и датируемым исследователями декабрем 1907 года списком 13 членов этой ложи, опубликованным в 1966 году Б.Элькиным. Особенностью списка, опубликованного Б.Элькиным, является то, что здесь не только перечислены члены ложи, но и проставлено время посвящения их в масонство: Василий Маклаков (1905), Евгений Кедрин (1906), Д.О.Бебутов (1906). В январе 1907 года были приняты в ложу Алексей Орлов-Давыдов и Мануэль Маргулиес. В феврале - врач Этьен Жихарев и инженер барон Герман Майдель. В апреле - помещик Алексей Свечин. В ноябре - архитектор Павел Макаров, адвокат Иван Переверзев, депутат Государственной Думы Александр Колюбакин и профессор Григорий Тираспольский, в декабре - судья Юлиан Антоновский [965].

В общей сложности с конца 1906 по февраль 1908 годов в обе масонские ложи ("Полярная звезда" и "Возрождение") было принято 35 человек. Всего же, с учетом отцов-основателей или, проще говоря, первоначального состава этих лож, цифра эта возрастает до 45 человек. Отнимем от нее 5 человек (Ковалевский, Иванюков, Аничков, Гамбаров, де Роберти), вскоре отказавшихся от дальнейшей работы в их составе, и получим цифру в 40 "братьев". Таково было общее число масонов Великого Востока Франции, работающих на середину 1908 года в России [966]. 12 из них (Ковалевский, Баженов, Маклаков, Котляревский, Немирович-Данченко, Лорис-Меликов, Орлов-Давыдов, Аничков, Бебутов, Гамбаров, де Роберти, Кедрин) получили свое первое посвящение во Франции, остальные - уже в России. Наиболее деятельной среди первых масонских лож этого времени была "Полярная звезда". Возглавлял ее, как уже отмечалось, один из наиболее близких друзей великого князя Николая Михайловича богач граф Алексей Орлов-Давыдов, в роскошном особняке которого на Английской набережной в Санкт-Петербурге она обычно и собиралась. А.А.Орлов-Давыдов взял на себя и фактическое содержание ложи в финансовом отношении. "Громадного роста, тучный, неуклюжий, Орлов-Давыдов, - отметил в своих воспоминаниях Д.О.Бебутов, - типичный дегенерат, отличался феноменальной глупостью - страшный тяжелодум и при этом привычен свое умственное мышление излагать громко и при всех". Но поскольку за А.А.Орловым-Давыдовым были большие деньги, его терпели [967].

Принципиальным отличием русского масонства начала XX века был, как уже отмечалось, его ярко выраженный политический характер, поскольку, в отличие от традиционного масонства, на первый план русские "братья" выдвигали не моральное усовершенствование, а борьбу за освобождение России от царского самодержавия. Правда, польский историк Людвик Хасс (см. его статью в сборнике: Историки отвечают на вопросы. Вып.2. М., 1990) не совсем согласен с выделением из масонства его политического крыла, поскольку масонство, по его мнению, едино и без общего для всех масонов масонского мировоззрения нет и не может быть никакой особой "масонской политики". Но это уже, как говорится, чисто формальная сторона дела. Более существенно здесь другое. Оказывается, что сам термин "политическое масонство" давнего происхож-

дения и был запущен в научный оборот еще в дореволюционные годы критиками масонства [968].

Очевидно, что уже с первых шагов в России масонство оказалось отягчено целями весьма и весьма далекими от целей "истинного" масонства. Проблема нравственного самоусовершенствования "братьев" интересовала мало. "Большинство русских масонов было либералами, выступающими как против самодержавия, так и против революции. Политические успехи французского масонства, особенно Великого Востока Франции, его роль в консолидации общества, вес и авторитет в общественной и культурной жизни страны не могли не вдохновлять русских братьев, не соблазнять их на использование масонства в политических целях.

Существовала у них также и надежда на помощь русскому освободительному движению со стороны свободных стран по масонской линии", - справедливо отмечает в этой связи историк С.П.Карпачев [969].

Главная задача, которая стояла на первых порах перед руководителями только что образованных масонских лож в России, заключалась в том, чтобы из временных превратить их в постоянные, для чего требовалась официальная санкция на то со стороны Верховного совета Великого Востока Франции. Первая делегация русских лож в составе М.М.Ковалевского и Е.И.Кедрина была отправлена с этой целью в Париж весной 1907 года. Однако вопреки надеждам большинства братьев, М.М.Ковалевский привез осенью того же года из Парижа диплом, ставящий русские ложи под юрисдикцию не Великого Востока Франции, а другой, соперничающей с ней в то время ассоциации - Великой ложи Франции. Правда В.И.Старцев полагает, что событие это произошло несколько ранее (весна 1906 года), однако принципиального значения этот спор между историками не имеет, поскольку очевидно, что приверженность М.М.Ковалевского союзу Великой ложи Франции резко расходилась со стремлением большинства русских "братьев" и дорого ему обошлась. Вопреки М.М.Ковалевскому, уже в январе 1908 года общее собрание русских "братьев" принимает принципиальное решение обратиться за содействием в инсталляции русских лож к соперничавшему с Великой ложей Великому Востоку Франции. М.М.Ковалевский же вместе со своими близкими друзьями Ю.Гамбаровым, И.И.Иванюковым, Е.В. де Роберти и Е.В.Аничковым вынужден был покинуть собрание [970] и как масон пуститься в "самостоятельное плавание". Из своих сторонников М.М.Ковалевский образовал впоследствии пять регулярных масонских лож юрисдикции Великой ложи Франции в Москве, Петербурге и Архангельске [971]. Однако сколько-нибудь заметного воздействия на общественно-политическую жизнь страны его ложи, вследствие их малочисленности и маловлиятельности, не оказывали.

2 февраля 1908 года в качестве полномочных представителей русских "братьев" в Париж были отправлены Д.О.Бебутов и Н.Н.Баженов. Здесь они сразу же были приняты президентом Совета Великого Востока Франции профессором Луи Лафером (1861-1929). Идя навстречу пожеланиям русских "братьев", Совет ордена принимает 6 мая 1908 года решение о направлении в Россию для официального открытия там масонских лож юрисдикции Великого Востока Франции своих полномочных эмиссаров. Первый из них, Бертран Сеншоль (1844-1930) - инженер, член Совета ордена, был в свое время одним из близких друзей М.А.Бакунина. Вторым был Жорж Буле (1855-1920) - вице-президент Совета ордена, известный промышленник [972].

9/22 мая 1908 года Сеншоль и Буле были уже в Петербурге. Наскоро устроившись в гостинице "Англия" на Исаакиевской площади, они сразу же отправились в "Кресты", где отбывал краткосрочное заключение "брат" М.С.Маргулиес, которого они тут же, в комнате свиданий, и произвели, очевидно, за перенесенные им страдания, в степень мастера, предоставив русским братьям право возвести его после освобождения сразу же в 18-ю степень [973].

Что же касается официальной инсталляции ложи, то она происходила на квартире В.А.Маклакова. После оглашения факта инсталляции ложи, вручения русским братьям

официального диплома и поздравительных речей большая часть братьев удалилась. Остались только А.А.Орлов-Давыдов, В.А.Маклаков, П.Майдель и Е.И.Кедрин. Всем им Сеншоль и Буле тут же присвоили 18-ю степень. Несколько позже, осенью 1908 года в 18-ю степень были посвящены Ф.А.Головин и С.Д.Урусов.

Что касается Д.О.Бебутова и Н.Н.Баженова, то они получили ее еще в феврале 1908 года в Париже. Все это позволило позже объединить их всех в особый капитул 18-й степени [974]. 11/24 мая 1908 года Сеншоль и Буле прибыли в Москву, где ими была инсталлирована уже известная нам ложа "Возрождение".

Представление о составе московского политического масонства той поры дает нам список членов ложи "Возрождение" от 11/24 мая 1908 года, опубликованный в 1966 году уже упоминавшимся Борисом Элькиным. Автором-составителем списка (всего в нем 12 фамилий) был, судя по всему, первый наблюдатель этой мастерской Сергей Дмитриевич Урусов. Среди первых членов московской ложи "Возрождение": Н.Н.Баженов, В.И.Немирович-Данченко, С.В.Котляревский, Е.И.Кедрин, В.А.Маклаков.

Затем идут фамилии вновь принятых братьев: присяжный поверенный И.Н.Сахаров, князь С.Д.Урусов, В.П.Обнинский - кадет, либеральный земец, присяжные поверенные О.Б.Гольдовский и С.А.Балавинский, кадет А.К.Дворжак, актер Малого театра в Москве А.И.Сумбатов (Южин). Все они, судя по всему, были приняты в ложу в один и тот же день 17 февраля 1908 года. Печать ложи "Возрождение" представляла собой треугольник, вписанный в круг. В центре его - изображение легендарной птицы Феникс, встающей из пепла. По сторонам треугольника следовала надпись "Возрождение".

Что касается печати петербургской ложи "Полярная звезда", то она была изготовлена Д.О.Бебутовым по образцу печати Великого Востока Франции и представляла собой девятиугольную звезду и скрещенные циркуль и наугольник в круге. Сама эмблема была обрамлена традиционной для масонов веткой акации. По кругу шла надпись: "Полярная СПБ звезда 1908" [975].

Ведущую роль в русском масонстве в 1907-1909 гг. играла петербургская ложа "Полярная звезда", что и не удивительно, так как именно в Петербурге находился, можно сказать, эпицентр политической жизни тогдашней России.

Рост численного состава ложи устанавливается, как уже отмечалось, на основании списков ее членов (май-июнь 1908 года), опубликованных Борисом Элькиным: профессор русской литературы в Женском педагогическом институте А.К.Бороздин, историк П.Е.Щеголев, историк-архивист Н.П.Павлов-Сильванский, полковник лейб-гвардии Измайловского полка В.В.Теплов, бывший народоволец Н.А.Морозов, заведующий рукописным отделом Публичной библиотеки А.И.Браудо, мировой судья И.А.Окунев, депутаты III Государственной думы А.И.Шингарев и А.А.Булат, мировой судья Гольм, адвокат Болотин, профессор Горного института Л.И.Лутугин, адвокат С.Е.Кальманович. Кроме того, по воспоминаниям Д.О.Бебутова устанавливается, что членами "Полярной звезды" в эти годы были также отсутствующие в списках Б.Элькина профессор Политехнического института И.И.Иванюков, помощник присяжного поверенного депутат II и III Государственной думы В.Л.Геловани и товарищ обер-прокурора Сената статский советник Н.В.Кармин [976].

В общей сложности, по состоянию на 29 июля 1908 года в двух русских политических ложах - "Полярная звезда" и "Возрождение" было уже 45 "братьев" [977].

К этому времени ложа "Полярная звезда" настолько разрослась, что из нее в феврале 1909 года были выделены еще две так называемые рабочие ложи - "Северное сияние" (наместный мастер Н.В.Некрасов) и "Заря Петербурга" (первый наблюдатель В.Д.Кузьмин-Караваев, секретарь А.А.Демьянов). Еще одной масонской мастерской, открытой в 1909 году, стала Военная ложа во главе с Н.Г.Андреяновым. Оратором в ней был С.Д.Масловский (Мстиславский).

В сентябре 1908 года представители русских лож Д.О.Бебутов и М.С.Маргулиес приняли участие в ежегодном масонском съезде Великого Востока Франции.

Следующим шагом на пути создания собственной организации русского масонства юрисдикции Великого Востока Франции стала структуризация и формирование его руководящих органов. Произошло это в ноябре 1908 года, когда масоны России созвали наконец свой первый съезд в Санкт-Петербурге, на котором присутствовало до 60 "братьев". Заседания его продолжались три дня. Председательствовали на нем М.М.Ковалевский, Д.О.Бебутов, Ф.А.Головин. В результате было сформировано два руководящих органа русского масонства начала века: Верховный совет во главе с председателем кадетом князем С.Д.Урусовым и Совет 18-ти для "братьев" высоких степеней, который возглавил князь Д.О.Бебутов. Как видим, несмотря на показной демократизм масонов, во главе организации стояли все-таки представители русской аристократии. Среди членов Верховного совета: Д.О.Бебутов (секретарь), Ф.А.Головин (1-й страж), М.С.Маргулиес (2-й страж). Обязанности казначея исполнял кооптированный в Верховный совет уже после окончания съезда князь А.А.Орлов-Давыдов. Что касается Совета 18-ти, то в качестве наблюдателей здесь подвизались М.М.Ковалевский и Е.И.Кедрин. Обязанности секретаря исполнял Г.Х.Майдель, оратора - М.С.Маргулиес [978].

Задачей Капитула или Совета 18-й степени являлось наблюдение за продвижением братьев по степеням масонской иерархии. Непосредственной же их работой в ложах руководил Верховный совет. Главная задача, которая стояла перед ним, заключалась в распространении масонского "света" и устройство лож не только в Москве и Петербурге, но и в других городах империи. Среди новых "братьев", пополнивших ряды масонских лож в самом конце 1908 года, обращает на себя внимание фигура бывшего профессора кафедры Всеобщей истории Киевского университета им. Св. Владимира, члена кадетской партии И.В.Лучицкого. В короткий срок этот новый "брат" сумел подготовить 11 кандидатов для посвящения в масонство. Это позволило уже в январе 1909 года открыть в Киеве первую масонскую ложу - "Киевская заря". Что касается состава ложи, то он был обычным для той поры: профессора, общественные деятели, гласные Киевской городской думы, юристы. Мастером-наместником ложи стал кадет барон Ф.Р.Штейнгель.

Через полгода в Киеве была открыта еще одна ложа [979].

Всего за период 1906-1909 гг. русскими "братьями" было создано 9 масонских лож, из которых четыре ("Полярная звезда", "Северное сияние", "Заря Петербурга" и Военная ложа) работали в Петербурге. Две ложи, как уже отмечалось, располагались в Киеве. По одной мастерской функционировало в 1909 году в Москве ("Возрождение), Нижнем Новгороде ("Звено одной цепи") и Одессе ("Истина"). Существовали планы открытия масонских лож в Саратове, Курске и на Кавказе [980].

27 апреля 1906 года в торжественной обстановке открылась I Государственная дума. На состоявшихся накануне выборах убедительную победу одержала Конституционно-демократическая партия (153 депутата из 448). Собственно она, а также солидаризировавшиеся с ней крестьянские депутаты (трудовики, 107 человек), а также ряд примкнувших к ним мелких партий и групп либерально-демократического толка и определили политическое лицо этого первого в русской истории парламента. Собственно масонов в I Государственной думе было немного - всего 11 человек: Е.И.Кедрин, М.М.Ковалевский, В.Д.Кузьмин-Караваев, В.П.Обнинский, А.А.Свечин, С.Д.Урусов, А.Г.Вязлов, К.К.Черносвитов, Д.И.Шаховской, Ф.Ф.Штейнгель, С.А.Котляревский.

Конечно, повлиять на ход заседаний Думы они не могли, но позицию по отношению к правительству они заняли жесткую и, что самое главное, солидарную.

Центральным вопросом первых заседаний Думы стало обсуждение ответного адреса депутатов на тронную речь Николая II. Активное участие в завязавшейся в связи с этим дискуссии приняли масоны. В частности, В.Д.Кузьмин-Караваев выступил с предложением об отмене смертной казни. Нечего и говорить, что предложение это было встречено овацией со стороны радикально настроенных думцев. Другой масон М.М.Ковалевский, со своей стороны, явно в унисон В.Д.Кузьмину-Караваеву предложил

немедленную амнистию политическим заключенным. Конечно же, предложение это сразу же было поддержано еще одним "братом" - С.А.Котляревским, призвавшим думцев к обновлению страны на демократических началах. А еше один "брат", князь Д.И.Шаховской пошел в своих требованиях к правительству еще дальше, предложив вставить в текст думского адреса к императору требование ответственного перед Думой правительства.

На седьмом заседании I Государственной думы 12 мая 1906 года М.М.Ковалевский призвал депутатов выразить недоверие правительству. Радикальную позицию заняли депутаты-масоны и при обсуждении аграрного вопроса, решительно поддержав кадетский проект "42-х", предусматривавший принудительное отчуждение у помещиков "излишков" земельной собственности [981].

Сенсацией стало выступление 8 июня 1906 года в Думе бывшего заместителя министра внутренних дел, а теперь уже и масона князя С.Д.Урусова, обвинившего "темные силы" в организации еврейских погромов, а своих недавних коллег по правительству, в частности Министерство внутренних дел, в попустительстве этим "темным силам". Попытавшемуся было защитить правительство министру внутренних дел П.А.Столыпину наши "демократы" попросту не дали говорить и он вынужден был, прервав свою речь, сойти с трибуны. Зато "брата" С.Д.Урусова, напротив, депутаты выслушали очень и очень внимательно, проводив его громом аплодисментов. Одним из последних актов I Государственной думы перед ее роспуском, необходимость в котором была очевидна для каждого непредвзятого человека, стало принятие ею законопроекта об отмене смертной казни. Важную роль в его разработке сыграли масоны, в частности В.Д.Кузьмин-Караваев, выступивший перед думцами со специальным докладом по этому вопросу.

Уяснив наконец, что никакая конструктивная работа с откровенно настроенными на продолжение революции в стране "думцами" невозможна, правительство вынуждено было 9 июля 1906 года распустить Думу и объявить новые выборы. Однако и они не оправдали ожиданий правительства. По большому счету, II Государственная дума (20 февраля - 2 июня 1907 года) оказалась еще более левой, чем I.

Крупнейшими фракциями в ней были трудовики, кадеты и социал-демократы.

Правда масонов среди них было всего 8 человек: А.А.Булат, Ф.А.Головин, В.Д.Кузьмин-Караваев, В.А.Маклаков, А.Шингарев, А.А.Демьянов, О.Я.Пергамент и К.К.Черносвитов. Из них В.Д.Кузьмин-Караваев представлял партию Демократических реформ, а А.А.Булат примыкал к Трудовой группе. Остальные 6 депутатов-масонов были кадетами [982]. Восемь человек - из 518 депутатов. Это, казалось бы, совсем немного. Но именно из их числа был избран председатель Государственной думы. Им стал земский деятель и масон Ф.А.Головин.

Благодаря усилиям "леваков", II Государственная дума больше напоминала антиправительственный митинг, чем серьезное законодательное учреждение.

Не были настроены на взаимодействие с правительством и депутаты-масоны, думские выступления которых носили поджигательский, конфронтационный по отношению к властям характер. "Вы расстреливаете не несчастных людей, не случайные жертвы, не отдельных озлобленных несчастных. Ваши пули - стреляли в совесть русского народа", - витийствовал на думской трибуне масон В.А.Маклаков.

Когда же депутаты-монархисты резонно напомнили ему о терроре подпольщиков-революционеров, В.А.Маклаков, не моргнув глазом, заявил, что "ужасы легального убийства превосходят все эксцессы революционного террора". "Рекорд по части забвения человеческой природы власть побила над революцией", - заявил он. II Государственная дума просуществовала всего 102 дня и уже 3 июня 1907 года повторила участь I Думы.

Плачевный опыт неудачного взаимодействия с "народными избранниками" в I и II Государственных думах кое-чему научил-таки правительство. Обнародованный 3 июня 1907 года новый избирательный закон положил заслон беспрепятственному проникнове-

нию радикалов в будущую III Государственную думу, начавшую свою работу 1 ноября 1907 года. Левые партии были в ней уже в явном меньшинстве.

Из масонов в нее прошло всего 11 человек: А.А.Булат, Ф.А.Головин, А.М.Колюбакин, В.А.Маклаков, Н.В.Некрасов, А.И.Шингарев, Г.Р.Килевейн, О.Я.Пергамент, Н.С.Розанов, В.А.Степанов, К.К.Черносвитов [983].

Что касается популярности, то вне всякой конкуренции среди думских ораторов был, несомненно, в это время В.А.Маклаков, не раз срывавший во время своих ярких зажигательных выступлений бурные аплодисменты. В.А.Маклаков специализировался на вопросах национального и гражданского равноправия, судебной реформы.

Другой думский оратор-масон А.И.Шингарев выступал по вопросам бюджета, финансов и местного самоуправления. Он яростно протестовал против правительственных попыток урезать расходы на образование. "Мы сотни миллионов тратим на оборону, - демагогически восклицал А.И.Шингарев, - и забываем, что основа страны заключается в культуре, что голодный, необеспеченный учитель не может быть созидателем хорошей культуры. Обеспечьте сначала учителя, дайте деревне хорошего учителя, и вы поднимете культуру страны!" [984].

Естественно, что коллеги А.И.Шингарева по масонской ложе были полностью солидарны со своим "братом".

Подводя итог думской деятельности масонов в период 1906-1910 гг., отметим, что общее число их среди членов Государственной думы всех трех созывов едва ли превысило три десятка человек. "Думские выступления "детей вдовы", - отмечает специально исследовавший этот сюжет историк С.П.Карпачев, - были проникнуты чувством государственной ответственности, демократизма и гуманизма, стремлением сделать русское государство более цивилизованным, приблизить его к более высоким мировым образцам" [985].

Что касается стремления масонов-думцев приблизить русское государство к мировым образцам - тут спору нет. Но что касается чувства государственной ответственности, которым якобы были проникнуты их выступления, то здесь можно поспорить. С нашей точки зрения именно как раз чувства государственной ответственности и не хватало нашим "братьям"-масонам. Зато демагогии и политиканства в их выступлениях было хоть отбавляй.

Главной задачей русских лож французского обряда была борьба за ограничение самодержавия и превращение России в современное правовое, демократическое государство. Однако поскольку численность лож в стране была еще незначительной, реально на первый план выходила более узкая и скромная цель: "обволакивание, - по словам М.С.Маргулиеса, - власти людьми, сочувствующими масонству" [986]. О том же по существу говорит в своих воспоминаниях и князь Д.О.Бебутов. "Мне казалось, при создании масонства можно было бы во всех центрах иметь группы, которые, разрастаясь, могли бы проникать во все отрасли государственной жизни", - отмечал он [987].

Важное значение придавалось также руководителями русского масонства налаживанию и укреплению международных связей русских лож. С этой целью в начале 1909 года по поручению Верховного совета М.С.Маргулиес и С.Д.Урусов посетили ряд масонских лож Италии, Швейцарии и Австро-Венгрии (Будапешт), а князь Д.О.Бебутов (позже к нему присоединились М.С.Маргулиес и С.Д.Урусов) - Константинополь, где русские "братья" были подробнейшим образом ознакомлены с организацией турецкого масонства и распространением масонских идей среди младотурок [988].

В мировоззренческом плане практически все адепты "вольного каменщичества" в России начала XX века были приверженцами рационалистической позитивистской философии и к религии и церкви относились равнодушно. Показателен в этой связи профессор М.М.Ковалевский. Почувствовав приближение смерти, он решился все-таки пригласить к себе православного священника и причаститься. Не сомневаясь во враждебном отношении "братьев"-масонов к этому шагу, он вынужден был оправды-

ваться перед ними, что делает это не из-за своих религиозных убеждений, которых у него как у масона нет, а только "в память и ради своей матери" [989].

Крайне враждебные позиции по отношению к Русской православной церкви занимали Н.А.Морозов, В.А.Маклаков, П.Н.Яблочков, другие масоны. "Альфой и омегой" этих людей был космополитизм и приверженность так называемым "общечеловеческим ценностям". Православие и патриотизм среди таких ценностей, естественно, не значились. Практически все русские масоны были убежденными западниками и превыше всего ставили ценности не своей русской, а западной европейской культуры: свобода, демократия и гуманизм. В продвижении этих любезных их сердцу ценностей на бескрайние пространства России они, собственно, и видели свою главную цель. Масонство как часть западной культуры, западной цивилизации, привлекало их, прежде всего, возможностями расширения западного влияния в нашем отечестве - считает уже цитировавший нами московский историк С.П.Карпачев [990].

"Я полностью офранцузился и понимаю потребности и стремления французского общества лучше, чем потребности и стремления того общества, в котором я родился", - с грустью вынужден был отметить Н.Вырубов [991].

Постоянно подчеркивает в своих воспоминаниях русскую косность и отсталость и князь Д.О.Бебутов. Убежденными западниками-космополитами были Ю.С.Гамбаров, Н.Н.Баженов и многие другие масоны. Правда С.П.Карпачев в своей книге о масонской интеллигенции в России конца XIX - начала XX века пытается доказать, что европоцентризм и западничество наших масонов якобы органично сочетались у них, или, по крайней мере, у части их с патриотизмом, национализмом и приверженностью к русской государственности. Спору нет, все это в целом ряде случаев действительно, как говорится, "имело место". Однако патриотизм этот был весьма и весьма специфическим - в смысле приобщения России к ценностям западной демократии. Оборотной стороной этого "патриотизма" было оправдание ими борьбы с самодержавием как главным препятствием на пути вхождения России в "мировое сообщество" и разрушение Российской империи - "тюрьмы угнетенных народов".

Конечно, люди в масонских мастерских были самые разные. Попадались среди них и государственники, выступавшие за сохранение "единой и неделимой России" и после свержения самодержавия в стране. Однако они в масонском сообществе той поры были в явном меньшинстве. Характерен в этой связи отказ государственника М.М.Ковалевского подписать так называемое "Выборгское воззвание" 1906 года части членов распущенной правительством Государственной думы. Как государственник, заявил он, я не могу подписывать документ, призывающий народ не платить налоги. Поддержки у "братьев" позиция М.М.Ковалевского, при всем уважении к нему как к организатору первых масонских лож в России, тем не менее не нашла. Погоду в ложах в этом отношении делали не государственники, а так называемые "автономисты" - сторонники вхождения нерусских народов, если они того после свержения самодержавия пожелают, в состав будущей Российской демократической республики на правах автономных образований. Существовала даже организация по координации усилий национал-сепаратистов – Союз автономистов и федералистов. Председателем его, понятное дело, был масон М.С.Маргулиес.

С.П.Карпачев, который отнюдь не скрывает своих симпатий к масонству, всячески подчеркивает альтруизм, бескорыстие российских вольных каменщиков.

И действительно, примеров такого бескорыстия в истории масонства найти, конечно, можно. Так, будущий масон и кадет А.И.Шингарев в свое время ради абстрактной идеи служения народу даже отказался от университетской кафедры и уехал в деревню лечить крестьян. Не придавал значения деньгам, охотно ссужая их в долг всем, кто попросит, и П.Н.Яблочков [992].

Фактически за свой счет содержал масонскую ложу "Полярная звезда" в Санкт-Петербурге и князь А.А.Орлов-Давыдов. Бескорыстие и альтруизм его были так велики,

что в годы Первой мировой войны он даже открыл за свой счет ряд столовых и лазаретов и давал пособия нуждающимся семьям мобилизованных в армию воинов.

Крупные суммы в пользу кадетской партии жертвовал и князь Д.О.Бебутов.

Большим альтруистом, человеком, чуждым всякого самовосхваления и рекламы был и Г.Н.Вырубов. Примеры такого рода можно было бы продолжить. Но еще никто и нигде не доказал и никогда не докажет, что другие люди, не масоны, были, есть или будут хуже, и не занимались, скажем, благотворительностью, не помогали друзьям и прочее. На самом же деле, вопреки установке С.П.Карпачева, какими-либо особыми нравственными качествами по сравнению с другими людьми масоны начала XX века как раз и не отличались: женились, разводились (а некоторые, как например, князь А.А.Орлов - дважды, или Н.А.Морозов - трижды).

Были среди них и карьеристы, и дельцы, и картежные игроки (А.И.Сумбатов-Южин), и пьяницы, и честолюбцы. В общем, все как у людей их состояния, их круга.

Примерно 2/3 состава русских масонских лож начала XX века были выходцами из первенствующего сословия государства, то есть дворянства. В том числе 1/10 часть личного состава относилось к дворянству титулованному - князья, графы, бароны. Около 10% масонов той поры были евреями [993].

Крайне незначительно были представлены в масонских ложах купечество и духовенство.

О рабочих и крестьянах, то есть собственно самом русском народе и говорить нечего. Что им было делать в масонских ложах, среди всех этих помещиков, крупных чиновников, преуспевающих адвокатов и профессоров.

Рыба гниет с головы - гласит народная поговорка. Парадокс русской действительности начала века состоял в том, что в оппозиции к правительству находились не низы, а прежде всего, верхи общества, его так называемые "сливки" - его наиболее состоятельная и привилегированная часть. Так, богатейшим, а следовательно, и свободнейшим человеком на Руси того времени был, несомненно, один из наиболее известных масонов граф А.А.Орлов-Давыдов, в собственности у которого были: свеклосахарный завод в Тамбовской губернии, обширные земельные владения в десятках других губерний, каменные дома в Москве и Петербурге, дачи под Ревелем и Мариенбургом, крупные капиталы в несколько миллионов рублей в русских и заграничных банках. Его коллега, князь С.Д.Урусов после окончания университета поселился в имении своей жены - "Расва" (1300 десятин). Здесь к его услугам были: 16-комнатный жилой дом, несколько экипажей, прислуга. В домашней оранжерее выращивались персики, сливы, дыни и арбузы. Кроме "Расвы" С.Д.Урусову принадлежали еще два имения: одно в Калужской (650 десятин) и одно в Орловской (750 десятин) губерниях. В то же время, при всем своем богатстве, этот выдающийся масон был неимоверно скуп и, по отзывам современников, всю свою сознательную жизнь вел приходо-расходную книгу, куда пунктуально заносил все свои даже малейшие траты. В конце же своей жизни, когда пришла пора подводить ее итоги, он констатировал: "Я вел очень регулярную жизнь, рано ложился спать, редко и случайно пил вино, не кутил, не подписал в течение своей жизни ни одного векселя". За 50 лет этот масон и гуманист сшил себе всего три фрака, шесть сюртуков, на конских бегах был всего два раза, причем на скачках - ни одного [994].

Конечно, далеко не все масоны были такими скрягами, как князь С.Д.Урусов.

Большинство "братьев" как раз не стеснялись в расходах и не пренебрегали радостями жизни. Тем более, что состояния их это позволяли. Так, не менее чем в 150 тысяч рублей оценивалась стоимость усадьбы "Турлика" известного масона В.П.Обнинского: хороший кирпичный дом, облицованный камнем в новоанглийском стиле высотой 6 аршин. В доме паркетные полы, кухня с лифтом для подачи воды и дров, душ с горячей и холодной водой, центральное отопление, голландские печи и камины, телефон, мебель из дворца имама Шамиля в Калуге, ковры, картины, библиотека

французских классиков (9 тысяч томов) и прочее. При усадьбе В.П.Обнинского были обширные хозяйственные постройки, погреба и 250 десятин земли [995]. В общем, жилось гуманисту-масону в самодержавной России, как видим, совсем неплохо. Неплохо жилось в ней и другим братьям. Обширным имением в 617 десятин в Дмитровском уезде располагал Ф.А.Головин. Большими земельными угодьями владели Г.Н.Вырубов и М.М.Ковалевский (последний считался одним из крупнейших землевладельцев Харьковской губернии).

Думать, что всех этих господ привела в масонские ложи печаль об униженных и оскорбленных на Руси не приходится. В то же время можно предположить, что отнюдь не личная корысть и не жажда власти как таковой питала неуемную оппозиционность большинства наших либералов конца XIX - начала XX веков.

Для этого, надо отдать им должное, они были слишком прекраснодушны. Истинная подоплека оппозиционности сливок тогдашнего русского общества лежит, можно сказать, на поверхности: полученное ими западное воспитание и образование.

И дело тут не только в иностранцах-гувернерах, подвизавшихся чуть ли не в каждой дворянской семье, или германских университетах, в которых стажировался чуть ли не каждый будущий русский университетский профессор. Сама система народного просвещения в стране была такова, что какого-либо другого убеждения, что если и есть настоящая, достойная человека жизнь, то искать ее следует только на западе, вынести из нее учащиеся едва ли могли. Русская дореволюционная школа, отмечал в связи с этим П.И.Ковалевский, убила у учащихся "Бога, убила национальность, убила государственность, убила семью, убила человека" [996]. Определенный элемент преувеличения в этом суждении, конечно же, есть. Одно несомненно: и "образовывали", и воспитывали учащихся в дореволюционной России со времен Петра Великого не в национальном, а в космополитическом духе, на западный, так сказать, манер. Отсюда и результаты.

Не следует забывать и то, что будучи людьми, как правило, состоятельными, будущие русские масоны годами вольготно жили за границей и какой-либо другой жизни для себя просто не представляли. Крайне любопытно в этой связи следующее признание известного масона В.А.Маклакова. "Я так привык к свободной жизни во Франции, она стала казаться мне настолько естественной, - вспоминал он, - что я почти позабыл уроки России, ту строгость и произвол, которые я испытывал на себе еще в гимназии" [997].

Организационные усилия руководителей русского масонства не пропали даром.

Общая численность мастерских французского обряда выросла за период 1908-1909 гг. по крайней мере вдвое. Общее же число масонов в России за 1907-1909 гг. определяется специалистами в 100 человек, причем имена 94 из них устанавливаются документально. К сожалению, это все, главным образом, члены столичных масонских лож, в то время как имена рядовых членов лож провинциальных остаются нам практически неизвестными [998].

В партийном отношении 25% из них принадлежали к конституционным демократам.

Да и сами заседания петербургской ложи "Полярная звезда" происходили над помещением бывшего кадетского клуба. Здесь же собиралась и думская фракция кадетской партии: Ф.А.Головин, В.А.Караулов, А.Н.Букейханов, Е.И.Кедрин, А.М.Колюбакин, С.А.Котляревский, В.А.Маклаков, В.П.Обнинский, Н.В.Некрасов, В.А.Оболенский, А.А.Свечин, К.К.Черносвитов, А.И.Шингарев, Ф.Р.Штейнгель.

Активно участвовали в масонских ложах этой поры и эсеры: В.М.Зензинов, П.Н.Переверзев, С.Д.Мстиславский, О.Я.Пергамент, П.М.Макаров, что, несомненно, способствовало дальнейшей радикализации и политизации думского масонства.

Менее представительным было участие в политическом масонстве начала века думских фракций народных социалистов и "трудовиков" (Н.С.Розанов, А.А.Булат, А.А.Демьянов) и депутатов от национальных меньшинств (И.З.Лорис-Меликов, Г.Ф.Зданович, В.Л.Гелованни) [999].

Глава 13. Переворот 1910 года в русском масонстве и образование Великого Востока народов России (1912 г.)

А теперь о том, что историк В.И.Старцев назвал "незримой драмой русского масонства" начала XX века. Дело в том, что общая обстановка в масонских ложах этого времени была далеко не братской. Разоблачение в декабре 1909 года провокационной деятельности Е.Ф.Азефа [1000] в партии социалистов-революционеров (напомним, что ряд видных представителей ее входили в то же время и в масонские ложи), а также неосторожное интервью Е.И.Кедрина, опубликованное в газете "Русское слово", где он объявил, что имеет степень мастера одной из парижских лож, сильно напугали "братьев", заподозривших проникновение в свою среду агентов Департамента полиции.

Под подозрением оказались: Д.О.Бебутов, Е.И.Кедрин, М.С.Маргулиес, В.А.Маклаков, С.С.Жихарев, Н.Н.Баженов и ряд других братьев, а деятельность некоторых из них (Д.О.Бебутов, С.С.Жихарев) даже подверглась специальному масонскому расследованию.

Конечно, осведомителями Департамента полиции вышеупомянутые "братья", скорее всего, не были. Но вели они себя, по меньшей мере, неосторожно, поскольку не считали нужным скрывать свою принадлежность к ордену вольных каменщиков. А об интервью Е.И.Кедрина и говорить нечего. На Западе, уверял он читателей газеты "Русское слово", в особенности во Франции масоны никогда не были так могущественны, как в настоящее время. "Черносотенцы стараются уверить, что освободительное движение в России вызвано масонами. Это совершенно неверно, к сожалению. Говорю "к сожалению", потому что при участии масонов движение получило бы совершенно другую окраску и было бы гораздо более могущественным" [1001]. Собственно, с этой целью – резко усилить натиск антиправительственных сил на самодержавие - и создавалась, как мы знаем, с помощью "братьев" из Великого Востока Франции масонская организация в России. Однако публично, во всеуслышание подчеркивать опасность связи французского масонства с освободительным движением в России - это для масона было, конечно же, чересчур.

Гнетущую атмосферу масонских лож той поры хорошо передает в своих мемуарах Д.О.Бебутов. "Мне часто приходилось замечать, - пишет он, - что между братьями нет настоящей близости, без чего масонство обречено на смерть. Из Москвы все чаще приходили сведения, что все очень недовольны Баженовым, который недостаточно конспиративен и часто чрезмерно болтлив. Кем то получено сведение, что Жихарев на подозрении у социалистов-революционеров. По этому случаю был назначен суд, который не нашел ничего подозрительного и даже пожалел Жихарева, который был искренне этим потрясен. Затем многих стала пугать систематическая травля в черносотенной прессе против жидомасонов кадетов ... Словом, начало создаваться какое то прекращение занятий" [1002].

Наконец, после получившего широкую огласку скандала, связанного с иском к Алексею Орлову-Давыдову, на котором, собственно, все и держалось с финансовой точки зрения, со стороны артистки Пуарэ по поводу необходимости признания им своего внебрачного ребенка, ложа "Полярная звезда" стала разваливаться буквально на глазах. О том, какого накала достигли споры в масонской среде этого времени, красноречивее всего говорит следующий факт. В конце 1909 года "братья" М.С.Маргулиес и П.М.Макаров ни с того, ни с сего потребовали у князя Д.О.Бебутова показать им его французский масонский диплом. Д.О.Бебутов показал и тут же горько пожалел об этом. Взбешенный П.М.Макаров выхватил из рук владельца злополучный диплом и тут же, на глазах изумленного Д.О.Бебутова разорвал его [1003]. А ведь, казалось бы, интеллигентный человек, инженер. Все дело в том, что П.М.Макаров подозревал в Бебутове провокатора.

Уверенность в наличии провокации была настолько распространена в масонских ложах Москвы и Петербурга, что, например, один из лидеров русского политического масонства Н.В.Некрасов не удержался, чтобы не заявить об этом даже в своих показаниях в НКВД 1939 года, указав на Д.О.Бебутова и М.С.Маргулиеса как на лиц не только нечистоплотных в моральном отношении, но и прямо опасных для масонов по их связям с царской охранкой [1004].

Однако современные историки масонства (А.Я.Аврех [1005], В.И.Старцев) не поддерживают эту версию. Суть конфликта, по мнению В.И.Старцева, была в том, что в отличие от Н.В.Некрасова и его единомышленников, смотревших на масонство как на действенный инструмент борьбы с самодержавием, старое поколение русских масонов в лице Д.О.Бебутова, М.С.Маргулиеса и других крепко держалось за морально-нравственные основы учения вольных каменщиков [1006]. Отсюда и конфликт между ними. А подозрения в отношении ряда "братьев" в их провокаторстве, кстати, ничем и никогда не подтвержденные - это уже закономерное следствие наметившейся среди масонов розни. Нечего много и говорить, что большинство "братьев" были на стороне Н.В.Некрасова и его сторонников. "Старики" вроде Д.О.Бебутова и Е.И.Кедрина, упрямо придерживавшиеся принципов "нравственного" масонства, им только мешали. Отсюда разрабатывавшиеся в это время среди реформаторов планы коренной реорганизации масонства в России, что позволило бы им избавиться от "балласта".

Инициатором коренной реорганизации русского масонства на новых, более отвечающих политическим реалиям страны началах, был А.М.Колюбакин. Деятельную роль в этом процессе сыграли также его коллеги по кадетской партии Н.В.Некрасов и князь С.Д.Урусов [1007]. Воспользовавшись циркулировавшими в то время в "братской" среде слухами о якобы проникших в масонские ложи провокаторах и агентах царской охранки, "молодые реформаторы" решили на время "прикрыть" якобы ставшие ненадежными масонские мастерские, чтобы, оставив таким образом за бортом несогласных с ними сторонников "нравственного" масонства, сформировать из оставшихся фактически новую масонскую структуру.

В феврале 1910 года по их инициативе во исполнение этого плана состоялось общее собрание "братьев", игравшее, по сути дела, роль своеобразного масонского конвента. От Петербурга на нем присутствовали Ф.А.Головин, С.Е.Кальманович, Н.А.Морозов, Я.Н.Гордеенко, Д.О.Бебутов и Н.В.Некрасов. От московских масонов присутствовали Н.Н.Баженов и С.Д.Урусов, от киевских - А.Г.Вязлов и Полторацкий.

Из Нижнего Новгорода - Г.Р.Кильвейн и Каминский. От Военной ложи - С.Д.Масловский и П.М.Макаров. Председательствовал Ф.А.Головин.

Повестка дня была одна: распускаться или нет. Д.О.Бебутов заявил, что на закрытие масонских лож у собравшихся нет необходимых полномочий. После горячих споров с перевесом в один голос победили сторонники предоставления ложам самим решить их дальнейшую судьбу. "При таком неопределенном настроении ложи предпочли временно уснуть", - отмечал Д.О.Бебутов [1008].

Ему и в голову не могло придти, что все это было не что иное, как фарс устроенный за его спиной спектакль, призванный "усыпить", прежде всего, его самого, а также его коллег Н.Н.Баженова, М.С.Маргулиеса и других противников чрезмерной политизации масонских лож.

Анализ состава мастерских Великого Востока Франции в России и пришедших им на смену лож Великого Востока народов России (1912 г.) показывает, отмечает в связи с этим А.И.Серков, что в феврале 1910 года произошло фактическое усыпление масонов, установивших тесные контакты с Францией и получивших капитулярные степени (Д.О.Бебутов, Н.Н.Баженов, Е.И.Кедрин, В.А.Маклаков, М.С.Маргулиес и другие) представителей национальных партий (И.З.Лорис-Меликов, В.Л.Гелованi). Формальным поводом было объявлено, как уже отмечалось, склонность этих "братьев" к болтовне,

которые, живя в Петербурге, активной политической жизнью, тем не менее, не занимались. Так фактически были выведены, отмечает А.И.Серков, из масонских лож "все профессора, которые стояли у истоков масонства в России, поскольку они тяготели к философскому, а не политическому масонству" [1009]. Не все, правда, подчинились решению февральского совещания об усыплении братьев. Среди мастерских Великого Востока Франции в России, деятельность которых была продолжена и после 1910 года, - "Литва" (Вильно), "Федерация" (ею руководил П.Н.Переверзев) и "Белый орел" (из польских уроженцев, проживавших в то время в Санкт-Петербурге).

Но погоды эти ложи в масонском сообществе того времени конечно же не делали.

Итак, после февраля 1910 года масонские ложи опять возобновили свои работы, но уже под руководством Николая Виссарионовича Некрасова. Профессор Томского университета, специалист по статике и сооружению мостов, он рано изменил своему призванию, увлекся политикой и вступил в 1907 году в кадетскую партию. Как впоследствии оказалось, это был правильный ход. Н.В.Некрасова тут же избирают депутатом III, а затем и IV Государственной думы. Здесь он зарекомендовал себя как яркий неординарный политик. Такие люди масонам были, конечно же, нужны и уже в 1908 году состоялось посвящение Н.В.Некрасова в петербургской ложе "Полярная звезда" под руководством А.А.Орлова-Давыдова.

Понятно, что оставаться на вторых ролях даже в масонской ложе такой умный и деятельный человек долго не мог. Он и не остался, причем решающую роль здесь сыграл, несомненно, февральский масонский мини-переворот 1910 года.

Был ли он необходим? Видимо, да.

Строгая конспирация была нужна масонам не только в целях сокрытия своих работ от агентов Департамента полиции, но и от некоторых деятелей левого крыла оппозиционных к масонству деятелей. Дело в том, что согласование в рамках масонских лож единой позиции различных политических фракций в Думе могло быть эффективно лишь только в том случае, если думцы-"профаны" ничего бы не знали и даже не догадывались, что выступают объектами масонской политической игры [1010].

Первоочередной задачей в этих условиях было провести немалую подготовительную работу по организационному становлению новой масонской структуры в России. И началась она, естественно, с учреждения новых, уже очистившихся от неугодных членов, масонских мастерских. Конечно же, основу или костяк их составляли старые проверенные масонские кадры. Но не только. Согласно подсчетам историка В.И.Старцева, из 94 человек - членов лож французского обряда, в ложи Великого Востока народов России перешло всего только 37 [1011].

"Усыплено", таким образом, было свыше 50 человек. Конечно, это не мешало им считать себя по-прежнему масонами и бывать в ложах, правда уже не в России, а во Франции.

"Усыпление" старых масонских лож и организация на их основе лож новых позволила реформаторам не только избавиться от мешавшего им балласта - сторонников так называемого "нравственного масонства", но и существенно обновить свои ряды, влить в еще не вполне окрепшую организацию "свежую кровь". К сожалению, мы еще слишком мало знаем о новых ложах, учрежденных после февраля 1910 года. Видное место среди них занимала, судя по всему, ложа "Малая медведица" (1911 г.). Среди ее членов - такие известные масоны, как Б.Г.Барт, А.И.Браудо, С.Д.Масловский, П.Н.Переверзев, П.М.Макаров, А.А.Демьянов, А.Я.Гальперн. Мастером-наместником ложи был А.А.Демьянов, первым надзирателем - П.М.Макаров, вторым - А.И.Браудо. В 1912 году в "Малой медведице" был посвящен А.Ф.Керенский.

Из других новых лож обращает на себя внимание думская ложа "Розы" (1910 г.), составившаяся из депутатов-масонов, членов III Государственной думы: Н.В.Некрасов, А.М.Колюбакин, В.А.Степанов, Н.К.Волков и других, причем среди них были не только кадеты, но и представители других политических партий, представленных в Думе:

меньшевиков - Е.П.Гегечкори, М.И.Скобелев, Н.С.Чхеидзе; прогрессистов - И.Н.Ефремов, А.И.Коновалов; трудовиков - А.Ф.Керенский.

В этом, собственно, и состоял смысл учреждения думской ложи.

Достойно упоминания присоединение в 1911 году к новому русскому масонству во главе с Н.В.Некрасовым и С.Д.Урусовым и двух так называемых "английских" лож. Одна из них работала в Санкт-Петербурге, другая - в Архангельске.

Основателем английского масонства в России в начале XX века был настоятель англиканской церкви посольства Великобритании в Санкт-Петербурге пастор Б.-С.Ломбард. Одним из деятельнейших членов английского масонства в Санкт-Петербурге был депутат Государственной думы В.П.Басаков [1012].

Заметного следа в России английское масонство, впрочем, не оставило. Как, впрочем, и масонство германское. Внедрение последнего на русской почве всецело было связано с деятельностью сотрудника германского посольства в Санкт-Петербурге Эрвина Германа (1859-1925). В России он появился в 1904 году и уже тогда попытался создать небольшой масонский кружок при посольстве, правда не вполне удачно. О работе этого кружка известно, впрочем, мало.

Но вернемся к работе лож масонской организации во главе с Н.В.Некрасовым и С.Д.Урусовым. Собрания их в 1910-1912 гг. происходили более или менее регулярно - один раз в неделю. Обсуждались на них, главным образом, вопросы политического характера: согласование действий "братьев" в Государственной думе и прочее. Сами ложи принципиальных решений, впрочем, не принимали, а только выносили свои предложения через секретаря организации Н.В.Некрасова в Верховный совет [1013]. Принципиальным отличием этой новой, или, во всяком случае, основательно обновленной организации являлся ее радикальный характер. В отличие от своих предшественников, "новые" масоны уже прямо заявляли, что они ориентируются на замену монархии демократической республикой через ту или иную форму государственного переворота. Вопросы нравственного совершенствования находились у них далеко не на первом плане.

Да и состав самих лож серьезно "полевел" по сравнению с периодом 1906-1909 гг., прежде всего за счет широкого привлечения в них левых кадетов, меньшевиков и эсеров.

В 1910-1911 гг. в петербургские ложи (состав провинциальных, к сожалению, практически неизвестен) были приняты следующие лица: В.А.Степанов, Н.С.Чхеидзе, А.Я.Гальперн, Е.П.Гегечкори, Н.К.Волков, Н.Д.Соколов, В.Г.Харитонов, В.А.Оболенский, Б.Г.Барт, В.А.Виноградов, Я.Я.Брусов. Шестеро из них были меньшевиками, четверо - кадетами [1014].

Очевидные успехи нового русского масонства побудили Н.В.Некрасова на дальнейшие организационные шаги по его укреплению. С этой целью уже в январе 1912 года им был поставлен вопрос о проведении учредительного масонского съезда русских лож французского обряда. Был ли уведомлен об этом Великий Восток Франции мы не знаем. Во всяком случае, известно, что через князя С.Д.Урусова связь с ними русские братья все-таки держали [1015]. Известно, что эмиссар Великого Востока Франции Лебук даже приезжал в это время в Петербург. Однако подробностей его визита мы не знаем. Практически ничего не известно нам и о том, при каких обстоятельствах именно Н.В.Некрасов - человек сравнительно новый в масонстве - оказался на должности временного секретаря русских лож в 1910-1912 гг.

Как полагает А.И.Серков, именно в это время (конец 1911 года) произошло объединение обновленных после февраля 1910 года так называемых реформаторских лож Великого Востока Франции в России с шотландскими ложами круга М.М.Ковалевского, хотя заметной роли в Великом Востоке народов России последние никогда не играли. Вторым важным событием, способствовавшим организационному укреплению новой, по сути дела, масонской организации, стало присоединение к ней уже упоминавшихся английских лож (мастерская В.П.Басакова в Петербурге и ложа в Архангельске) [1016].

Окончательное структурирование новой организации произошло на ее учредительном съезде в Москве летом 1912 года. Были ли до этого какие-либо масонские съезды или совещания после февраля 1910 года - мы не знаем. А.И.Серков полагает, впрочем, что да, поскольку только на них, этих совещаниях или съездах, и могли быть избраны в состав Верховного совета Н.В.Некрасов (секретарь), В.А.Степанов и Г.Д.Сидамон-Эристов, заменившие в нем ряд "усыпленных" к этому времени "братьев" [1017]. Заседания съезда происходили на квартирах "братьев" С.А.Балавинского и Ф.А.Головина. От Петербурга присутствовали: А.Я.Гальперн, Н.В.Некрасов, А.М.Колюбакин, В.А.Виноградов, В.А.Степанов, А.И.Браудо, К.Г.Голубков, А.Ф.Керенский. Московские ложи представляли С.А.Балавинский, Ф.А.Головин, В.П.Обнинский, С.Д.Урусов. От Киева присутствовали: Н.П.Василенко, М.С.Грушевский, Ф.Р.Штейнгель. Нижегородские ложи представлял Г.Р.Кильвейн. Присутствовали также делегаты от Минска и Одессы [1018].

Состоялось всего два заседания. Вел их секретарь Верховного совета Н.В.Некрасов. Обсуждалось два вопроса. Первый из них - конституирование русской масонской организации как формально независимой от Великого Востока Франции. Как заявил делегатам докладчик от Верховного совета Н.В.Некрасов, в России к этому времени насчитывалось не менее 14-15 лож, из них 5 в Петербурге, 3-4 в Киеве, 1-2 в Москве и по одной в Нижнем Новгороде, Минске и Одессе.

Этого, по его мнению, было вполне достаточно для выделения русских братьев в самостоятельный масонский орден наряду с Востоками других европейских стран [1019]. Каких-либо возражений у присутствующих это не вызвало. Правда на открытие ордена требовалось предварительное согласие Великого Востока Франции. Но его, как уверил присутствующих Н.В.Некрасов, можно будет получить несколько позже. На том и согласились.

В интервью, данном в 1920-е годы историку Б.И.Николаевскому, А.Я.Гальперн утверждал, что связь с Великим Востоком Франции осуществлялась в эти годы через князя С.Д.Урусова [1020]. Однако давал ли тот предварительное согласие на проведение конвента 1912 года в Москве, мы не знаем. Складывается впечатление, что предварительно вся эта акция была все-таки согласована с парижскими "братьями". Другое дело, что афишировать официальное согласие Великого Востока Франции на открытие в России масонского ордена им было ни к чему.

Совсем в другом ключе происходило на съезде обсуждение другого, и явно второстепенного, казалось бы, вопроса о названии ордена русских вольных каменщиков. Подавляющее большинство делегатов были русскими и стояли за то, чтобы орден носил традиционное и общепринятое в Европе название "Великий Восток России". Однако тут неожиданно поднялся со своего места украинский делегат историк М.С.Грушевский и решительно потребовал, чтобы в названии новой масонской ассоциации "ни в коем случае не было слова Россия. "Он занимал в этом вопросе совершенно непримиримую позицию, отрицая вообще за Россией как государственной единицей право на целостное существование; его с рядом оговорок поддерживал Василенко", - вспоминал впоследствии об этой истории А.Я.Гальперн [1021]. Слово "Россия" в названии ордена удалось в конце концов отстоять, согласившись на компромисс - "Великий Восток народов России".

Было бы неправильно, конечно, только на основании этого инцидента делать далеко идущие выводы. Одно несомненно: именно масонские ложи со своим показным демонстративным космополитизмом всегда притягивали и притягивают к себе до сих пор самые злобные антирусские силы. Дело дошло до того, с горечью отмечал В.А.Бобринский, что "самое слово "русский" безнаказанно поносилось в стенах Государственной думы. Там дико глумились над любовью к Отечеству и поверхностному наблюдателю не могло не казаться, что русский народ отжил свой век и что Россия отдана на расхищение своим внешним и внутренним врагам.

Враги торжествовали и глумились над Русью, над ее священнейшими требованиями и верованиями" [1022].

Но быть может, В.А.Бобринский преувеличивает антирусский характер заседавшей в Думе масонской либеральной братии? Есть поэтому смысл обратиться к свидетельству, исходящему из самого либерального лагеря, например, лидера октябристов А.И.Гучкова, о масонстве которого хотя и нет бесспорных доказательств, но сомневаться в нем по ряду косвенных свидетельств не приходится. Вот что вспоминал он об одной из наиболее видных масонских фигур февраля-марта 1917 года - Н.С.Чхеидзе. "Я относился брезгливо к Чхеидзе с его ненавистью к буржуазному строю, русскому народу, к России самой" [1023].

Ну, что касается буржуазного строя, который якобы ненавидел Н.С.Чхеидзе, то это, конечно же, не так. Опыт показал, что более последовательного защитника буржуазного строя, чем социал-демократы (а Н.С.Чхеидзе, напомним, был именно социал-демократом - меньшевиком), в мире, пожалуй, и не сыскать. А вот свидетельство А.И.Гучкова о ненависти Н.С.Чхеидзе к русскому народу и России самой поистине бесценно. Ведь Н.С.Чхеидзе - это не просто видный масон, не просто социал-демократ, он еще и первый председатель Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Советская власть, так сказать, хотя и в меньшевистско-масонском обличье.

Но вернемся к масонскому съезду 1912 года. Еще одной важной задачей, помимо конституирования организации и решения вопроса о ее названии, стала проблема формирования нового состава Верховного совета Великого Востока народов России. Сюда, в частности, вошли А.М.Колюбакин, Н.В.Некрасов, С.Д.Урусов.

В тот же день в Верховный совет были кооптированы Д.Н.Григорович-Барский, Н.С.Чхеидзе и А.Ф.Керенский. Секретарем (с 1913 года - генеральный секретарь) Верховного совета Великого Востока народов России был избран левый кадет А.М.Колюбакин. Работал Верховный совет на правах ложи. "Никаких обрядов в заседаниях Верховного совета, как и в ложе, не было", - свидетельствовал Н.С.Чхеидзе [1024]. Что касается устава Великого Востока народов России, то принятие его было отложено до второго съезда, намеченного на 1913 год. За это время Верховному совету было поручено позаботиться о разработке и предварительном обсуждении соответствующего проекта.

Второй съезд Великого Востока народов России (ВВНР) состоялся, как и было намечено, летом 1913 года, правда уже не в Москве, а в Петербурге на квартире В.А.Степанова. На нем, в частности, и был принят устав Великого Востока народов России, в котором были определены задачи новой организации и закреплена уже сложившаяся организационная структура ордена.

Согласно записке Л.Д.Кандаурова, автором устава ВВНР был В.П.Обнинский.

Однако исследователи отдают предпочтение сообщению А.Я.Гальперна [1025], который утверждал, что автор его - С.Д.Масловский (Мстиславский), которому якобы помогал князь С.Д.Урусов [1026]. Экземпляр этого проекта был обнаружен в 1988 году профессором В.И.Старцевым среди бумаг Б.И.Николаевского в архиве Гуверовского института войны, революции и мира в Стенфорде. Им же, В.И.Старцевым, впервые был дан и подробный разбор этого примечательного документа.

Цель организации, как она формулировалась в проекте устава 1912 г., заключалась в "создании связанного моральной общностью и взаимным доверием братского ордена; братья сохраняют свободу политического действия, но стремятся к утверждению и защите прав человека и гражданина" [1027].

Как установил В.И.Старцев, главным источником, из которого черпали Мстиславский и Урусов основные положения устава ВВНР, был Общий регламент Великого Востока Франции, хотя пункты, касающиеся масонской тайны и конспирации, были в нем несколько усилены. В целом же, с точки зрения содержания устава, масонство ВВНР может считаться, по авторитетному заключению В.И.Старцева, вполне нормальным

регулярным масонством. Нерегулярными в нем могут быть признаны только его цели – чисто политические, а не морально-этические, чего следовало бы ожидать от масонского ордена. Обращает на себя внимание также и сокращение обрядности при приеме в степень мастера, и исключение степени подмастерья или товарища, а также прием в ложи, наряду с мужчинами, и женщин [1028].

Политические цели, как мы знаем, преследовал не только ВВНР. Не чужды они были и Великим Востокам других европейских стран, в частности Франции и Италии. Так что в регулярности или правильности ВВНР как масонской организации можно не сомневаться.

Особо пристальное внимание уделялось в проекте Мстиславского-Урусова орденской тайне. "Братья обязаны хранить в тайне как само существование ордена, так и все, что касается его состава, планов и деятельности. Братья обязаны хранить все сообщенное им в братском порядке или ставшие известным в заседаниях ложи. Братья знают лишь членов ложи. Венерабль знает секретаря Верховного совета. Все, относящееся к орденской тайне, не должно быть излагаемо на письме. Письменные ответы испытуемого и баллотировочные записки немедленно сжигаются в самой ложе", - читаем мы здесь. Все это, а также клятва "братьев" не раскрывать существования братства, хотя бы они и были спрошены об этом даже на суде, восходящая в своей основе к клятве ордена московских розенкрейцеров XVIII века, не оставляет сомнений в двойной морали наших масонов: одна для членов ордена, другая - для профанов. О таком "пустяке", как требуемое масонской клятвой от "братьев" лжесвидетельство в интересах ордена на суде, вроде бы неудобно и говорить.

После небольших поправок устав ВВНР был утвержден "братьями" и, по решению конвента, в зашифрованном виде напечатан вразбивку в изданной в том же 1913 году в Санкт-Петербурге книге Е.Сидоренко "Италианские угольщики XVIII столетия". В конце 1980-х гг. была осуществлена, наконец, и научная публикация этого документа [1029]. Сравнение проекта Мстиславского-Урусова 1912 г. и официального устава, принятого на масонском съезде в 1913 году, было проведено В.И.Старцевым. Оно показало, что каких-либо принципиальных изменений на конвенте в него внесено не было. Если в проекте посвящаемый должен был при клятве поднимать правую руку вверх, то в окончательном варианте все свелось к прижиманию им ее к сердцу. Вместо двух степеней (ученик, мастер), которые предусматривал проект, окончательный вариант устава закреплял существование трех степеней. Должность секретаря Верховного совета ВВНР стала называться теперь не просто секретарь, а генеральный секретарь. Такой же мелочный, непринципиальный характер имели и другие поправки, внесенные в окончательный вариант устава.

Заслуживает внимания более обтекаемый характер, по сравнению с первоначальным вариантом, формулировки задач ордена. "Масонство, - читаем мы здесь, - имеет целью искание истины и достижение нравственного совершенства человечества путем объединения людей на началах братской любви, взаимопомощи, терпимости и полной свободы совести. Отсюда девиз масонов: свобода, равенство и братство" [1030]. Основные усилия орденской организации, в соответствии с уставом, должны были быть направлены на "общую работу по утверждению и защите прав человека и гражданина, при сохранении, разумеется, за ее членами свободы политического действия", - так комментирует это положение устава современный исследователь А.И.Серков [1031].

Высшей властью в ордене объявлялся, согласно уставу, его конвент или съезд, который должен был собираться не реже одного раза в год. Составлялся же он как из делегатов лож, так и из членов Верховного совета предыдущего состава. Последние входили в число делегатов съезда как бы автоматически, для обеспечения преемственности. Исполнительным органом ВВНР был Верховный совет, избираемый на съезде. Работал он, как уже отмечалось, на правах ложи. Обращает на себя внимание предусмотренный уставом порядок широкого пополнения рядов Верховного совета не

путем избрания на съезде, а путем кооптирования - процедура, как мы знаем, далеко не демократическая. Любопытно, что конвент как таковой избирал большинством в 7/8 голосов не самих членов Верховного совета, а только трех выборщиков, а уже те выбирали трех его членов, которые, в свою очередь, доизбирали еще трех. Общее число членов Верховного совета не должно было превышать 18 человек, однако открыть свои работы Верховный совет мог уже и при 6 членах, избрав из их числа своего секретаря. Нельзя не обратить внимание и на то, что имена членов Верховного совета конвенту, т.е. съезду масонов не сообщались [1032].

Верховный совет, отмечалось в уставе ВВНР 1913 года, "входит в случае надобности в сношения с другими дружественными союзами для координации действий мирового масонства и совещания по общим делам. Для этой миссии совет может обращаться к содействию всякого известного ему члена братства" [1033].

В обязанности Верховного совета входило также открытие новых лож и контроль за приемом новых членов. Прежде чем сделать предложение профану, его кандидатура не только тщательно обсуждалась в ложе, но и обговаривалась предварительно с генеральным секретарем Верховного совета. Функции его были весьма обширны: докладчик в Верховном совете по всем текущим делам, он, в то же время, контролировал кассу ордена и фактически единолично решал все текущие вопросы.

Такова она была, масонская демократия. Эффективный и целесообразный характер ее, если иметь в виду условия, в которых приходилось работать вольным каменщикам в нашей стране, не подлежит сомнению. Еще одной особенностью работы Верховного совета были регулярные поездки его членов по провинциальным городам России, в ходе которых они не только лично знакомились с "братьями" местных лож, но и выясняли возможность дальнейшего использования их в интересах организации.

Ритуал посвящения в ВВНР также, как уже отмечалось, был до крайности упрощен. После ответа на традиционные вопросы об отношении к семье, государству, религии, войне, космополитизму и прочее происходил уже сам обряд посвящения нового брата с принесением клятвы. Масонская иерархия в ВВНР также была предельно упрощена: ученик - подмастерье - мастер. Предусматривались уставом, впрочем, и так называемые "офицерские должности" в ложах: венерабль (председатель), наблюдатель, оратор, казначей и секретарь. Председатель вел собрания ложи. Он же осуществлял и ее связь с секретарем Верховного совета. За соблюдением "братьями" устава следил оратор. Сбором членских взносов занимался казначей.

Минимальное число членов ложи, как это и положено у масонов, было не ме нее 7, максимальное - не более 14. Последнее требование, впрочем, соблюдалось далеко не всегда. Членство в ордене было пожизненным. Уйти из него было нельзя. Другое дело - временное или постоянное "усыпление" "брата", отошедшего в силу ряда обстоятельств от дел. "Усыпить" можно было, правда только решением Верховного совета, и целую ложу. Можно констатировать, что, за исключением, быть может, некоторых пунктов, посвященных конспиративному характеру деятельности "братьев" (обойтись без чего в специфических российских условиях было бы затруднительно), ничего необычного устав ВВНР не представлял и вполне вписывался в общемасонскую традицию.

Серьезные споры среди исследователей, как уже отмечалось, вызывает вопрос о так называемой "регулярности" ВВНР, то есть признание или непризнание его в качестве масонской организации. Дело в том, что сами масоны ВВНР регулярной, то есть законной масонской организацией официально никогда не признавали и не признают до сих пор, указывая на якобы его недостаточное внимание к обрядовой и посвятительной традиции. И хотя для всякого непредвзятого исследователя очевидно, что создавался ВВНР с молчаливого согласия и по образцу Великого Востока Франции, парадокс состоит в том, что на официальное признание этого факта французские "братья" так и не пошли. Понять это можно так, что руководство Великого Востока Франции сознательно не хотело связывать себя с подпольной масонской антиправительственной структурой в России,

опасаясь испортить тем самым отношения с естественным союзником Франции кануна Первой мировой войны - русским правительством. Другое дело, что не все историки склонны считаться с этим соображением. "Учитывая факт возникновения Великого Востока народов России без санкции иностранных послушаний, - пишет, например, в своей последней работе О.Ф.Соловьев, - и отсутствие контактов между ними, его следует считать неправильной масонской организацией, которую другие федерации не признавали" [1034]. Основной аргумент О.Ф.Соловьева это то, что русские "братья" так и не были допущены на парижскую конференцию масонских орденов стран Антанты, проходившую 14-15 января 1917 года, хотя их представитель С.А.Балавинский в Париж все-таки приехал [1035]. О том, что французские "братья" не признавали русских масонов, посвященных в орден после февраля 1910 года, свидетельствует, по мнению О.Ф.Соловьева и сделанное ими в 1919 году в Париже предложение А.Ф.Керенскому и его сторонникам начать свой масонский путь с формального посвящения в степень ученика, от чего те, понятное дело, отказались. Именно это обстоятельство, доказывает О.Ф.Соловьев, и явилось причиной фактического разрыва А.Ф.Керенского с русским масонством в эмиграции [1036].

Другой исследователь, А.И.Серков, напротив, нисколько не сомневается, что, несмотря на факт формального непризнания ВВНР Великим Востоком Франции, структура эта была, тем не менее, его самой настоящей "дочерней организацией" или, говоря другими словами, организацией правильной, масонской, хотя и отмечает, ее последующую "несостоятельность" именно с этой точки зрения [1037]. Очевиден масонский характер ВВНР и для В.И.Старцева. Вместе с тем, более радикальный характер этой ассоциации по сравнению с французскими ложами периода 1906-1909 гг. и отказ русских братьев от некоторых элементов масонской обрядности (обязательное ношение фартуков, белых перчаток и прочее) позволяет ему заключить, что в этом смысле правы все же те, кто не считает ложи ВВНР настоящим или регулярным масонством. Аргумент В.И.Старцева не оригинален. Упор он делает на то, что внешние формы масонской работы были сведены в ложах ВВНР к минимуму [1038].

Как бы то ни было, и факты, введенные к настоящему времени в научный оборот, и соображения, высказанные в связи с анализом этих фактов исследователями, свидетельствуют о несомненно масонском характере Великого Востока народов России. Другое дело, что масонство это было ненравственно-этическое, а политическое. Ничего необычного в чрезмерном увлечении русских "братьев" политикой в ущерб духовной работе и масонской обрядности, учитывая характер деятельности Великих Востоков в других странах и реалии российской действительности, не было.

Глава 14. Великий Восток Народов России в 1912-1916 гг. Масоны и Департамент полиции

Как ни любопытна проблема правильности или неправильности Великого Востока Народов России как масонской организации, принципиального значения для оценки степени реального влияния русских масонов на общественно-политическую жизнь предреволюционной России она не имеет. А оно, это влияние, было весьма и весьма значительным.

К концу 1913 года Верховному Совету Великого Востока Народов России было подчинено 40 лож, в которых насчитывалось до 400 "братьев". Среди новых членов Великого Востока банкир А.П.Барт, текстильный король А.И.Коновалов, известный журналист Р.М.Бланк. В 1912 году вероятно уже после выборов в IV Государственную думу в ложе "Малая Медведица" получил масонское посвящение уже известный в то время адвокат А.Ф.Керенский [1039].

В одном только Петербурге число масонских мастерских достигло восьми. Точных названий их мы, к сожалению, не знаем. Но зато руководители в большинстве своем известны. Это, в частности, были: В.А.Оболенский, В.Я.Богучарский, В.А.Степанов, А.А.Демьянов, В.А.Виноградов, Д.П.Рузский, А.М.Колюбакин, Н.В.Чайковский. Секретарем городского петербургского совета Великого Востока Народов России был профессор Санкт-Петербургского политехнического института Д.П.Рузский двоюродный брат главнокомандующего Северным фронтом в 1917 году Н.В.Рузского [1040].

Тон в движении по-прежнему задавали левые кадеты во главе с Н.В.Некрасовым.

Кадеты же составляли и численное большинство в ложах по сравнению с представителями других партий - главным образом меньшевики и народнические группы. В профессиональном отношении - это все представители либеральной и демократической интеллигенции:

журналисты, адвокаты, профессора, депутаты III и IV Государственной думы, промышленники, финансисты, общественные деятели. Добрую половину масонской "братии" составляли юристы. В одной только петербургской судебной палате и петербургском коммерческом суде масонов было не менее 50 человек. Это присяжные стряпчие, присяжные поверенные и их помощники:

Б.Г.Барт, М.В.Бернштам, А.Я.Гальперн, А.К.Гольм, В.Я.Гуревич,
Н.Б.Глазберг, В.Л.Гелована, А.А.Демьянов, А.А.Исаев, С.Е.Кальманович,
А.Ф.Керенский, Е.И.Кедрин, М.С.Маргулиес, В.Д.Кузьмин-Караваев,
К.К.Черносвитов, И.Н.Сахаров, Г.Д.Сидомон-Эристов, А.Ф.Стааль, Л.М.Берлин,
Л.М.Брамсон, П.А.Брюнели, Б.Л.Гершун, К.П.Гес де Кальве, А.Э.Дюбуа,
Б.И.Золотницский, М.К.Адамов, М.Г.Казаринов, А.М. и Е.М.Кулишер,
И.А.Кистяковский, Н.В.Майер, А.Д.Лаврентьев, С.В.Познер, Б.С.Орнштейн,
П.Н.Переверзев, Н.В.Петровский, Я.М.Шефтель, А.С.Шапиро, Г.Б.Слиозберг,
М.Д.Ратнер, Б.Е.Шатский и другие.

Другим крупным поставщиком адептов вольного каменщичества была профессура Психоневрологического института, курсов П.Ф.Лесгафта, Высших Женских курсов и других учебных заведений столицы:

М.М.Ковалевский, И.И.Иванюков, Ю.С.Гамбаров, Е.В.Аничков, В.И.Иванов,
Н.О.Лосский, Н.А.Котляревский, И.В.Лучицкий, А.В.Карташев, С.И.Метальников,
В.Н.Гессен, М.П.Чубинский, В.И.Бауман, Н.А.Морозов, А.А.Мейер, Д.М.Одинец,
В.Н.Сперанский и другие.

Хорошее представительство имели масоны и в петербургской городской думе: Э.П.Беннигсен, А.Л.Велихов, В.Д.Кузьмин-Караваев, П.П.Макаров и другие. Такая же примерно ситуация была и в Москве, в масонских ложах которой подвизались такие присяжные поверенные и их помощники, как

О.Б.Гольдовский, П.М.Казначеев, В.А.Маклаков, И.Н.Сахаров, С.А.Балавинский,
Ф.К.Богров, В.В.Короленко, А.Ю.Раппопорт и другие [1041].

Понятно, что рассчитывать с таким составом лож на предметный разговор о действительных народных нуждах и чаяниях особенно не приходилось: страшно далеки были эти люди от народа. "На первом плане были вопросы высокой политики, - отмечал масон-эсер Л.К.Чермак (член ложи под руководством В.А.Степанова - Б.В.). - Я помню мы обсуждали вопросы о границах будущей Польши ... мы обсуждали проблему Константинополя, Дарданелл и пр. И когда я попытался обратиться к нашему внутреннему положению, к настроению трудового народа, к тому, что ожидает нас после окончания войны, особенно если она не будет благоприятна для России, то меня просто замолчали. Нам неоднократно внушали, что революционная работа не наше дело, что мы - организация надпартийная, что мы должны направлять через наших "братьев" - членов Думы ход нашей жизни и пр." [1042].

Общая цель, которая привела этих, казалось бы, таких разных людей в масонские ложи заключалась, говоря словами одного из руководителей Великого Востока Народов России

А.Я.Гальперна, в "стремлении к моральному усовершенствованию членов на почве объединения их усилий в борьбе за политическое освобождение России" [1043]. "Масонство было надпартийным, - показывал в 1939 году в НКВД Н.В.Некрасов, - т.е. в него входили представители разнообразных политических партий, но они давали обязательство ставить директивы масонства выше партийных. Народнические группы были представлены Керенским, Демьяновым, Переверзевым, Сидамон-Эристовым (исключен в 1912 году ввиду подозрений в связи с Азефовщиной). Меньшевики и близкие к ним группы имели Чхеидзе, Гегечкори, Чхенкели, Прокоповича, Кускову. Среди конституционных демократов были: Некрасов Н.В., Колюбакин А.М., Степанов В.А., Волков Н.К. и много других. Среди прогрессистов отмечу: Ефремова И.Н., Коновалова А.И., Орлова-Давыдова А.А., Коробку Н.И. Особенно была сильна организация на Украине, где ее возглавлял барон Ф.Р.Штейнгель, Д.Н.Григорович-Барский, Василенко Н.П., Писаржевский М.В. и ряд других крупных имен до Грушевского включительно" [1044]. Все это представители левого крыла политического спектора дореволюционной России.

В начале 1914 года при посредстве А.И.Коновалова были проведены предварительные переговоры с двумя представителями большевистского крыла РСДРП И.И.Скворцовым-Степановым и Г.И.Петровским на предмет координации усилий в борьбе с самодержавием.

Левый крен Великого Востока Народов России очевиден. Отсюда и "боевая политическая задача", которую ставили перед собой в это время "братья-масоны": "бороться за освобождение Родины и закрепление этого освобождения" или, говоря другими словами, бороться за власть и ее удержание [1045].

Что из себя будет представлять "освобожденная Россия" этого сказать заранее не мог, конечно, никто. Но общая установка масонов в отношении своей Родины заключалась в создании на месте России или того, что от нее после "освобождения" останется, буржуазно-демократической федеративной республики.

Специально для привлечения в Орден талантливых писателей и журналистов левой ориентации в 1912-1913 гг. учреждается т.н. "Литературная ложа".

Одним из первых ее членов стал известный историк церкви – кадет А.В.Карташев (1875-1960), подвизавшийся в это время в качестве сотрудника Императорской Публичной библиотеки. Помимо него в ложу входили также С.Д.Мстиславский, А.А.Мейер, В.Я.Богучарский, А.Я.Гальперн и ряд других лиц. В планах Верховного Совета было привлечь в Литературную ложу известного меньшевика А.И.Потресова и известного журналиста Канторовича из газеты "День". Впрочем, "братья" побуждали работать на общее масонское дело не только записных масонов, но и лиц, формально в ложах несостоявших, но духовно, идейно к ним весьма близких, как например, журналиста А.М.Клячко (Львова), печатавшегося в газете "Речь".

Заинтересованное в "уловлении" в свои сети определенных лиц из среды творческой интеллигенции не брезговали "братья" и созданием лож по принципу полезности тех или иных лиц для масонского дела. К числу именно таких лож смело можно отнести ложу для З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковского, что позволило масонам приобрести влияние на петербургское Религиозно-философское общество.

Масонское влияние на Техническое и Вольное экономическое общества обеспечивалось путем создания специальной ложи для Е.Д.Кусковой и С.Н.Прокоповича.

Примерно в это время (зима 1913-1914 гг.) было положено начало и Военной ложе Великого Востока Народов России. Организатором ее стал полковник Генерального штаба эсер С.Д.Мстиславский (Масловский). Кроме него сюда входили генерал А.А.Свечин, А.А.Орлов-Давыдов, полковник В.В.Теплов и ряд неизвестных нам офицеров, пишет проф. В.И.Старцев [1046].

К "неизвестным" офицерам В.И.Старцев относит, очевидно, таких известных генералов, как В.И.Гурко, П.А.Половцева, М.В.Алексеева, Н.В.Рузского и полковника

А.М.Крымова, привлеченных в 1916 году масонами к подготовке дворцового переворота [1047]. В Военную ложу входил, судя по всему, на правах одного из ее организаторов и А.И.Гучков [1048]. Бесспорных доказательств о их принадлежности к масонству у нас нет. Что же касается косвенных, то, как мы увидим в дальнейшем, их более чем достаточно.

Однако, самой многочисленной ложей Великого Востока Народов России в 1912-1916 гг. являлась, вне всякого сомнения, думская ложа "Розы", в которой объединились в 1912 году масоны-депутаты IV Государственной думы. Открылась она 15 ноября 1912 года. Принципиальное отличие ее от III Думы состояло в явном уменьшении влияния центра (число октябристов в Думе резко сократилось: вместо 120 их осталось всего 98, в то время как число правых (185 вместо 148) и левых (кадеты, прогрессисты - 107 вместо 87) напротив возросло.

Размежевание политических сил в Думе усилилось, а вместе с ним рухнули и надежды правительства на создание проправительственного большинства в ней. Год от года IV Государственная дума становилась все более оппозиционной к правительству, причем критика его раздавалась не только слева, но и справа.

Председателем IV Государственной думы стал октябрист М.В.Родзянко.

Масонов в IV Государственной думе было по меньшей мере 23 человека:
В.А.Виноградов, Н.К.Волков, И.П.Демидов, А.М.Колюбакин, Н.В.Некрасов,
А.А.Орлов-Давыдов, В.А.Степанов, Ф.Ф.Кокошкин, К.К.Черносвитов,
А.И.Шингарев, Ф.А.Головин, Д.Н.Григорович-Барский, Н.П.Василенко,
Ф.Р.Штейнгель, А.Н.Букейханов, А.А.Свечин, Е.П.Гегечкори, М.И.Скобелев,
Н.С.Чхеидзе, А.И.Чхенкели, И.Н.Ефремов, А.И.Коновалов, А.Ф.Керенский [1049].

Все они, как уже отмечалось, и составляли думскую ложу "Розы". Возглавлял ее прогрессист И.Н.Ефремов [1050].

Решающим условием приема в думскую ложу была не партийная принадлежность депутата, как это принято в думских фракциях, а именно его организационная принадлежность к одной из масонских лож.

"В IV Государственной думе, - показывал бывший масон Л.А.Велихов, - я вступил в так называемое масонское объединение, куда входили представители от левых прогрессистов (Ефремов), левых кадетов (Некрасов, Волков, Степанов), трудовиков (Керенский), социал-демократов (Чхеидзе, Скобелев) и которое ставило целью блок всех оппозиционных партий Думы для свержения самодержавия" [1051]. От кадетов, помимо уже упомянутых Л.А.Велиховым, Волкова, Некрасова и Степанова входили также В.А.Виноградов, И.П.Демидов, А.М.Колюбакин, А.А.Орлов-Давыдов, В.А.Степанов. От меньшевиков - Е.П.Гегечкори, М.И.Скобелев, Н.С.Чхеидзе, А.И.Чхенкели, от прогресс-систов - И.Н.Ефремов и А.И.Коновалов, от трудовиков - А.Ф.Керенский [1052].

Что касается октябристов (А.И.Гучков), то их принадлежность к масонству, хотя и не вызывает больших сомнений, но доказать ее пока еще не удается.

"Помню разговоры о войне, о Распутине, о стачечном движении и др., - вспоминал позже Н.С.Чхеидзе. - Попыток перехода к активной деятельности, обсуждению и разработке каких-либо планов не было". Согласование всякого рода личностных, групповых и партийных интересов и определение общей согласованной линии в думской борьбе - вот что определяло деятельность думской ложи в 1912-1915 гг. Не менее важной задачей являлось и согласование политических интересов внутри самой кадетской партии, внутри которой год от года набирала силу ее так называемое левое крыло во главе с Н.В.Некрасовым.

С началом первой мировой войны после недолгого колебания большинство лож Великого Востока Народов России решило встать на патриотические позиции.

А Генеральный секретарь Верховного Совета А.М.Колюбакин, так тот даже ушел в добровольцем в действующую армию, где и погиб на прифронтовой полосе от случайной пули [1053]. Секретарь Петроградского Совета лож Великого Востока Народов России В.А.Оболенский возглавлял санитарный отряд Союза городов от петроградской городской

Думы. От Москвы такой санитарный отряд возглавил масон князь Павел Долгоруков. Санитарный отряд от городов Сибири возглавил Н.В.Некрасов. Но продолжалось это недолго. Неудачи русской армии летом и осенью 1915 года не только донельзя обострил внутриполитическую обстановку в стране, но и привели в конце концов к созданию в августе 1915 года так называемого "Прогрессивного блока" в Думе и Государственном Совете.

Организаторами Прогрессивного блока были масоны, а главным требованием его стало создание "кабинета общественного доверия".

По инициативе "братьев" Ефремова И.Н. и Коновалова А.И. летом на квартире М.М.Ковалевского велись интенсивные переговоры между оппозиционными членами Думы и членами Госсовета. Результатом этих переговоров, собственно, и стало создание Прогрессивного блока, объединившего в своих рядах шесть думских фракций от октябристов и прогрессивных националистов до кадетов. И хотя представители левого спектра (социал-демократы, трудовики) войти в Прогрессивный блок отказались, устойчивое антиправительственное большинство в Думе было тем не менее сформировано. А это и было главной целью масонов на предварительном этапе на пути захвата власти. Правда в октябре 1916 года из Блока вышли прогрессисты, но на деятельности этого оппозиционного объединения это практически не отразилось. Опираясь на Прогрессивный блок либеральная оппозиция развязала настоящую войну против правительства.

Масонская подоплека этой войны секретом разумеется не была. Но вот что характерно: яростно обличая окопавшихся в Думе масонов и подчеркивая их несомненную связь с еврейством ("нынешнее масонство - это еврейство, а еврейство - это биржа") [1054], сами обличители от предложений назвать конкретные фамилии известных им масонов-думцев категорически отказывались ссылаясь на их, якобы, всеобщую известность. "Мы вовсе не желаем называть по имени наших политических деятелей, - заявлял, например, член Русского собрания депутат Государственной думы Г.Шечков, - и без того известных за масонство; мы лишь хотели освободить себя от упрека в голословности некоторых наших положений" [1055]. Другими словами ничего конкретного о масонах в Думе у их противников из правого лагеря не было.

По большому счету задачи думской ложи были те же, что и у Прогрессивного блока - способствовать всемерному объединению оппозиционных самодержавию сил, но только "с левым, - по словам А.Я.Гальперна, - уклоном". Левизна думской ложи не исключала, однако, возможность приема в нее отдельных представителей и консервативного лагеря, если они разумеется могли быть полезны масонскому делу. "Во всяком случае сознательного отстранения октябристов из этой группы не было", - пояснял А.Я.Гальперн [1056].

Резкое полевение Великого Востока Народов России с 1915 года привело к тому, что более радикальный характер приобретают и общие установки этой организации. "Произошла, - констатирует проф. В.И.Старцев резкая смена ориентации всей организации. Если раньше она принимала оппозиционеров, но не ставила цели насильственной революционной смены режима, а скорее рассчитывала перестроить существующую государственную машину путем проникновения в ее звенья, то теперь она прямо ориентировалась на замену монархии демократической республикой через ту или иную форму переворота" [1057].

Он и произошел, отметим от себя, в 1917 году, когда отказавшись подчиниться указу Николая II о временной приостановке деятельности Государственной думы, оппозиционные партии и группы в ней сформировали из своих рядов так называемый Временный Комитет, а затем и Временное Правительство, к которым собственно и перешла реальная власть в стране.

Наряду с Прогрессивным блоком много места уделялось в это время руководством Верховного Совета Великого Востока Народов России и созданию так называемого блока левых сил из представителей кадетов и других революционных групп.

Именно с этим связано появление в ложах таких ярко выраженных деятелей левой ориентации, как эсеры Н.Д.Авксентьев, Б.В.Савинков или большевик И.И.Скворцов-Степанов [1058]. "Очень стремились мы в этот период и к установлению связи с подпольными организациями революционных партий, - вспоминал позже А.Я.Гальперн. - Для нас самих вопрос о революционных методах тогда еще не стоял. Мнение о том, что революция невозможна и недопустима у нас все еще преобладало. Но интерес к революционным движениям все рос и желание связаться с ними становилось сильнее. Связи с эсерами нам давал Керенский, связи с социал-демократами я и Соколов; именно к этому времени относится вовлечение в ложи и некоторых большевиков, например, И.И.Скворцова-Степанова в Москве". В масонскую ложу этого известного большевика вовлек в 1914 году никто иной, как князь С.Д.Урусов [1059].

На заседаниях лож теперь все чаще и чаще стали обсуждаться вопросы создания рабочих групп при военно-промышленных комитетах, проблемы стачечного движения и некоторые другие вопросы текущей политики [1060].

Как полагает В.И.Старцев, уже с 1912 года т.е. с момента образования Великого Востока Народов России и выборов в IV Государственную думу наметилось определенное соперничество за лидерство в кадетской партии между Н.В.Некрасовым, представлявшим ее левое крыло и П.Н.Милюковым, проводившим правоцентристскую политику.

Если опорой П.Н.Милюкова был Прогрессивный блок в IV Государственной думе, созданный в августе 1915 года, то Н.В.Некрасов, не имея прямой поддержки ни в ЦК своей партии, ни в Думе, поневоле вынужден был опираться на так называемое тайное влияние посредством масонских лож. "У Милюкова, - пишет В.И.Старцев, были "друзья" справа, у Некрасова - слева. Именно по вопросам левого блока и отношения к революционным партиям и группам и шли главные споры в ЦК кадетской партии ... Левые кадеты часто терпели поражение внутри ЦК, но они компенсировали их тайной властью, которой они обладали через масонскую организацию", - считает этот исследователь [1061].

Сам П.Н.Милюков писал, что он всегда решительно отклонял лестные для него предложения о вступлении в "братство". "Дорожа своей свободой и не желая подчиняться решениям неизвестного мне коллектива, я упорно отказывался. Впоследствии мне, однако, пришлось считаться с готовыми решениями, принятыми без моего участия и довольствоваться тем, что я не нес за них личной ответственности. Все же о своем отказе я никогда не жалел. Против целого течения я все равно идти бы не смог". "В полном же объеме с влиянием масонов, - ядовито комментирует этот пассаж современный исследователь, - П.Н.Милюкову пришлось познакомиться только во Временном правительстве, из которого ровно через два месяца он вынужден был уйти в отставку" [1062].

Летом 1916 года в Петрограде состоялся третий Всероссийский съезд Великого Востока Народов России. Заседания его проходили на квартире В.А.Степанова и продолжались два дня. От самого Петрограда на съезде было представлено тринадцать человек: А.Я.Гальперн, А.Ф.Керенский, Н.В.Некрасов, В.А.Степанов, И.П.Демидов, В.А.Виноградов, А.В.Карташев, Д.П.Рузский, А.А.Мейер, В.А.Макаров, А.А.Демьянов, К.Г.Голубков. От Москвы на съезде присутствовали: Ф.А.Головин и С.Д.Урусов. Масонов Киева представляли: Д.Н.Григорович-Барский, Ф.Р.Штейнгель, Н.П.Василенко и другие всего семь человек. Были представлены на съезде и масоны от Екатеринбурга, Саратова, Харькова, Самары, Одессы, Ревеля, Риги, Вильно, Полтавы и Витебска.

С докладом выступил и.о. Генерального секретаря Верховного Совета Великого Востока Народов России Н.В.Некрасов. В центре внимания его оказалось положение на фронте и насущные задачи движения. Затем последовали доклады с мест, мотивом которых была мысль о необходимости перехода "братьев" к более радикальным формам борьбы. "Низы", таким образом, откровенно солидаризировались с заговорщическими настроениями в Верховном Совете Великого Востока Народов России. "Переменялась военная программа организации, - писал в связи с этим Людвик Хасс, вместо примирения

общества с властью руководство Великого Востока начало ориентироваться на военно-дворцовый переворот с заменой на царском престоле Николая II его братом Михаилом" [1063]. Правда, формально в принятой съездом официальной резолюции благодаря удачным выступлениям ряда членов Верховного Совета, сумевших несколько приглушить "революционный порыв" низов, эти революционные настроения отражения не нашли и резолюция была выдержана строго в духе политики Верховного Совета [1064].

Генеральным секретарем Верховного Совета на съезде был избран А.Ф.Керенский [1065]. Впервые об этом со всей определенностью поведал миру Леопольд Хаймсон в опубликованной в 1965 году статье "Проблема социальной стабильности в городской России (1903-1917 гг.)" [1066].

Честь этого, без всякого преувеличения, открытия принадлежит, впрочем, не ему, а русскому историку-эмигранту Б.И.Николаевскому, установившему сей примечательный факт в ходе своих интервью с А.Я.Гальперном и Н.С.Чхеидзе.

А.И.Серков, впрочем, полагает, что это не так и Генсеком на съезде стал А.Я.Гальперн. А.Ф.Керенский же, по его мнению, секретарствовал в Верховном Совете после смерти А.М.Колюбакина в 1915-1916 гг.; что же касается Н.В.Некрасова, то он занимал эту должность всего несколько месяцев в 1915 году [1067].

Сам Н.В.Некрасов в своих показаниях от 13 июля 1939 года следователю НКВД утверждал, однако, что именно он, а никто другой как раз и являлся секретарем Верховного Совета Великого Востока Народов России на протяжении всего периода 1910-1916 гг. [1068] Характерно, что этим периодом он датировал свое секретарство в Верховном Совете и на допросе 26 июня 1939 года [1069]. Да и организацию "Великий Восток Народов России" Н.В.Некрасов почему-то называет неправильно ("Масонство Народов России"), причем, возникновение ее связывает с 1910 годом, когда, говоря его словами, "русское масонство отделилось и прервало свою связь с заграницей" [1070]. Причину явного умолчания Н.В.Некрасова о секретарстве А.М.Колюбакина и А.Ф.Керенского еще предстоит выяснить исследователям.

Согласно данным В.Вяземского к августу 1914 года в России насчитывалось, по крайней мере, не менее 38 лож [1071]. Только в Петербурге работало 7 лож, в которых насчитывалось около 95 человек. Две ложи работали в Москве. Кроме того, масонские ложи функционировали еще в 14 городах: Киев, Рига, Ревель, Самара, Саратов, Нижний Новгород, Екатеринбург, Кутаис, Тифлис, Одесса, Минск, Вильно, Витебск, Харьков [1072].

Особо следует сказать о витебской масонской ложе, куда входил с 1913 года известный, впоследствии, художник-модернист Марк Шагал, который привлек туда через некоторое время своего товарища Г.Я.Аронсона. В 1914 году в Витебске побывал тогдашний Генсек Великого Востока А.М.Колюбакин и были приняты в ложу Г.Я.Брук и А.О.Волкович. В 1916 году Витебск посетил А.Ф.Керенский и опять этот приезд ознаменовался принятием в ложу рядом новых членов [1073].

"За численностью организации не гнались, - отмечал Н.В.Некрасов, - но подбирали людей морально и политически чистых, а кроме и больше того, пользующихся политическим влиянием и властью". Яснее, откровеннее и циничнее и не скажешь!

По прикидке Н.В.Некрасова в 1917 году Великий Восток Народов России насчитывал в своих рядах не более 300-350 членов. "Но среди них, - добавлял он, - было много влиятельных людей [1074]. В этом-то все и дело. От 300 до 500 политических масонов на всю Россию насчитывает к 1917 году и В.И.Старцев [1075]. Несколько большую цифру приводит (правда на начало 1915 года) - 600 человек и 49 лож польский исследователь Людвик Хасс [1076].

В 1915-1916 гг. девять лож, как уже отмечалось, распалось и, таким образом, к февралю 1917 года в России насчитывалось по прикидке Л.Хасса всего 40 лож. Что же касается численности масонской организации, то вследствие уменьшения ее на 200 человек она составляла всего 400 "братьев" [1077].

Цифры эти, вполне, реальны. Другое дело, что при попытке определения персонального списка политических масонов этого времени сразу же выясняется, что сделать это не так-то легко. Так В.И.Старцев, когда он предпринял такую попытку смог установить из них пофамильно только 104 масонов, принадлежавших к Великому Востоку Народов России [1078].

В лучшем случае это всего лишь одна четвертая, если не одна шестая общего их числа за эти годы (от 400 до 600 человек). Из этих 104 масонов более половины (67) члены петербургских лож, причем 25 человек из них - это так называемая старая гвардия, еще входившая ранее в 1906-1910 годах в ложи "Французского обряда" [1079].

Можно, таким образом, констатировать, что личный состав петербургских, а отчасти московских лож Великого Востока Народов России уже не представляет большого секрета для исследователей. Другое дело провинциальные ложи, по крайней мере, из 200 членов которых нам известно всего лишь только 24 человека [1080].

"Головку" русского политического масонства накануне 1917 года составляла тройка его наиболее деятельных членов: Н.В.Некрасов, А.Ф.Керенский и М.И.Терещенко.

В 1916 году к ним добавилось еще два "брата" - А.И.Коновалов и И.Н.Ефремов, после чего "тройка" превратилась в масонскую "пятерку". Распределение ролей между ними было следующим. Н.В.Некрасов отвечал за связь с либеральной оппозицией; А.Ф.Керенский общался с социалистами и радикалами всех мастей; М.И.Терещенко отвечал за работу среди военных; И.Н.Ефремов и А.И.Коновалов поддерживали связь с торгово-промышленными кругами. Душой русского политического масонства этого времени был князь С.Д.Урусов, через которого по-прежнему поддерживалась связь с Великим Востоком Франции.

Проводниками масонского влияния в России накануне революции были: Религиозно-философское общество во главе с А.А.Каменской, Русское Антропософское общество (председатель Е.В.Васильева), Лига Прав человека (председатель Яков Рубинштейн), Общество сближения между Россией и Америкой во главе Н.А.Бородиным и другие организации либерального и пацифистского толка. Наряду с творческой и научной интеллигенцией (З.Н.Гиппиусс, Марк Алданов, Д.С.Мережквоский, Б.В.Савинков, В.И.Немирович-Данченко, М.Волошин, академики В.И.Вернадский, С.Ф.Ольденбург, профессора Д.Д.Гримм, Е.В.Аничков, П.Б.Струве, С.П.Костычев, М.Таубе, А.В.Карташев, П.Е.Щеголев, широко были представлены в русском масонстве и торгово-промышленные круги: А.И.Гучков, Павел Бурышкин, А.И.Коновалов, М.И.Терещенко, Павел Штейнгель, Степан Морозов, Абрам Животовский, Карл Ярошинский, Алексей Путилов, П.П.Рябушинский и другие.

Практически полностью в масонских руках накануне революции находились и общественные структуры русской буржуазии: Земский и Городской союзы, объединившиеся в организацию - Союз земств и городов (Земгор) во главе с Г.Е.Львовым. Формально организация эта занималась налаживанием производства обмундирования, амуниции, медикаментов и теплых вещей для фронта. Фактически же она стала играть роль одного из центров оппозиции власти. Особенно сильным было масонское влияние в Военно-промышленном комитете, занимавшемся распределением военных заказов среди предприятий России. Ведущую роль в комитете играли А.И.Коновалов, П.П.Рябушинский, С.Н.Третьяков, М.И.Терещенко. Председателем Центрального военно-промышленного комитета (июль 1915) был избран А.И.Гучков, сразу же взявший курс на превращении его в центр политической оппозиции царской власти. "Итак, - справедливо отмечает Н.Н.Берберова, - кадры были готовы. В обеих столицах думцы, профессора, дипломаты, члены Военно-промышленного комитета, члены Земского и Городского союзов, адвокаты, военные, общественники созывали друг друга: их день наставал" [1081].

День этот, 27 февраля 1917 года ныне хорошо известен. Менее известны усилия масонов в 1916 начале 1917 годов, направленные на скорейшее приближение этого дня. Речь идет о масонских планах военного заговора против царя.

Резкая активизация антиправительственных сил в стране должна была бы, казалось, встряхнуть правительство и побудить его к более решительным и эффективным мерам по борьбе с врагами престола и Отечества. Этого, однако, не произошло.

По-прежнему, главные надежды здесь возлагались на Департамент полиции. Конечно же, там знали о масонах и о их антигосударственной деятельности.

Первым из лиц правительственной администрации, кто со всей определенностью поставил перед Департаментом полиции вопрос о необходимости оперативной разработки и нейтрализации антиправительственной деятельности масонов в России был министр иностранных дел В.Н.Ламздорф. В своем циркуляре от 14 декабря 1905 года на имя министра внутренних дел П.Н.Дурново, он прямо заявил, что в сложившейся в то время внутриполитической ситуации в стране "было бы весьма полезно иметь возможно подробные сведения о развитии масонской деятельности в пределах империи" и предложил своему коллеге провести соответствующее расследование по этому предмету [1082].

Первым проблеском масонства в России, замеченном в 1908 году Департаментом полиции стала деятельность уже известных нам оккультных кружков А.П.Чистякова и В.П.Быкова. О судьбе их уже шла речь. В июле 1908 года информация о московских "масонах" была доложена П.А.Столыпину, который наложил на докладе по этому вопросу следующую резолюцию: "Ведь масонство у нас запрещено законом!" [1083].

Главными экспертами Департамента по масонской проблеме были в те годы полковник Г.Г.Мец и чиновник МВД Б.К.Алексеев, составлявшие по его поручению аналитические обзоры на эту тему. Командированный в 1910 году своим начальством во Францию Б.К.Алексеев вошел здесь в контакт с руководителем "Антимасонской лиги" аббатом Жюлем Турмантэном [1084]. За свое сотрудничество Ж.Турмантэн требовал денег и не малых. П.А.Столыпин, которому был сделан соответствующий доклад вопроса не решил. Не решил его и царь, к которому обратился в декабре 1910 года товарищ министра внутренних дел генерал П.Г.Курлов. Проявив живейший интерес к масонам Николай II пожелал, тем не менее, более внимательно ознакомиться с проблемой.

В январе 1911 года к делу решено было подключить проживавшего в Париже под фамилией Рихтер бывшего заведующего Заграничной агентурой Департамента полиции Л.А.Ратаева. Первая его записка о масонстве поступила в Департамент полиции в марте 1911 года. "Масонство в России, - отмечал здесь Ратаев, - явление не новое. Проникло оно к нам в первой половине XVIII века и затем периодически то появлялось, то исчезало или, вернее сказать, притаивалось. Но неизменно и всегда кроме горя и напасти ничего с собою не приносило" [1085].

Конечно, можно подивиться тому, что в то время как масонские ложи почти беспрепятственно росли и множились в самой России, информацию о них Департамент полиции решил, почему-то, получать из Парижа. Но польза от вояжа Б.К.Алексеева во Францию и особенно записок Л.А.Ратаева (всего их 4) несомненно была большая. Так как это позволило Департаменту нащупать в конце концов суть масонской проблемы - политическое или кадетское масонство. "Главным приютом для масонов служит кадетская партия", - писал в Департамент полиции Л.А.Ратаев.

"Вглядитесь внимательно, - отмечал он, как между нашими масонами распределены роли и сферы влияния. Среди членов Государственного совета и в литературной среде действует М.М.Ковалевский; среди членов Государственной думы И.Н.Ефремов, П.Н.Милюков и В.А.Маклаков. Влияние последнего распространяется и на адвокатскую среду, где он пользуется популярностью. Деятельность Е.П.Коган-Семеновского обнимает жидовские круги и мелкую прессу. Наконец, А.Н.Бренчанинов, убежденный деятельный масон стремится воздействовать на высшее общество. Уже на его собраниях начинают появляться лица титулованные или же посещающие – громкие дворянские фамилии, как например: Кугушевы, Толстые и т.п. Будет весьма печально, если благодаря этим стараниям масонство внедрится в высшие слои русского общества" [1086].

Это был принципиально новый, свежий взгляд на масонскую проблему в России: ведь до этого в своих поисках масонов в нашем Отечестве Департамент полиции неизменно натыкался на мистиков: дело спирита В.П.Быкова и П.А.Чистякова с его "Великой ложей "Астрея"" 1908 года, петербургских и московских мартинистов (Г.О.Мебес, П.М.Казначеев, Ч.И.Чинский) 1911-1912 годов, организация Варвары Овчинниковой (Орден Филалетов) и др. [1087] Конечно, и за мистиками надо было "наблюдать". Но политическое влияние этих господ было невелико и борьба с ними была заведомо пустой тратой сил и средств Департамента полиции. А.Я.Аврех, в свое время пришел к выводу, что происходило это потому, что Департамент полиции, якобы, взял "ложный след", или иначе, говоря попросту проморгал политических масонов [1088].

Факты, однако, показывают, что подлинная картина была, несколько иной. На первых порах Департамент полиции действительно отождествлял масонов только с мистиками. Однако, продолжалось это недолго. И в конце концов, не без помощи докладных записок Б.К.Алексеева и, особенно, Л.А.Ратаева он нащупал таки суть проблемы. Убедительное свидетельство этому – уже цитировавшая нами записка Л.А.Ратаева 1911 года. О том же говорят и другие документы Департамента полиции по масонству. Правда, в составленном 12 декабря 1912 года в Департаменте полиции "Списке лиц, главнейших деятелей масонства в России, за корреспонденцией которых желательно установить наблюдение" наряду с политическими масонами, такими как князь Е.Н.Трубецкой и князь П.Д.Долгоруков в Москве, князь Д.И.Бебутов, М.М.Ковалевский, князья А.Д. и Н.Д.Оболенские, наблюдение за почтовой перепиской которых действительно могло что-то дать, фигурируют в то же время и уже известные нам масоны-мистики: В.П.Быков, П.А.Чистяков и В.С.Арсеньев в Москве, а также А.А.Каменская, Е.П.Семенов, И.К.Антошевский, Г.О.Мебес, Т.О.Соколовская, Б.А.Леман, К.К.Арсеньев, Е.К.Арсеньев, Е.И.Войно-Панченко - все в Петербурге. Курьезом можно считать наблюдение специалистов Департамента полиции за перепиской известной в то время писательницы на оккультные темы В.И.Семеновой-Крыжановской и жены бывшего председателя Совета министров С.Ю.Витте - графини Матильды Ивановны Витте [1089].

Однако, простаками чины Департамента полиции не были и за оккультистами они, скорее всего, наблюдали так, на всякий случай. Главным объектом их внимания были конечно же не оккультисты, как думал А.Я.Аврех, а политические масоны. Убедительное свидетельство этому – аналитическая записка Департамента полиции о масонстве от 25 июня 1913 года [1090].

Масонами, по сведениям Департамента полиции, являлось в это время около 90 человек. Особенно важно то, что за редким исключением (Александр Блок, Максим Горький) подавляющее большинство представленных здесь фамилий: А.В.Амфитеатров, Л.Андреев, Е.Аничков, М.М.Ковалевский, В.Д.Кузьмин-Караваев, Н.И.Астров, Ю.Гамбаров, князья Павел и Федор Долгоруковы, Е.В. де Роберти и другие - все это действиительно, как мы теперь уже точно знаем, деятельные члены тогдашних масонских политических лож; никаких мистиков среди них нет.

Можно констатировать, что широко распространенное среди историков представление, что организовав охоту за оккультистами Департамент полиции, якобы, взял "ложный след" едва ли справедливо. После некоторых колебаний след специалисты Департамента полиции взяли все-таки верный – политическое или кадетское масонство. Другое дело, что эффективная борьба с ним в тех условиях, которые сложились после царского манифеста 17 октября 1905 года (свободное функционирование в стране оппозиционных правительству партий и групп было гарантировано законом) борьба с ним была едва ли возможна.

Масонство, как отмечалось в аналитической справке Департамента полиции от 2 января 1914 года "О распространении масонства в России", как тайная организация, работающая над ниспровержением существующего в России строя под прикрытием всевозможных обществ: просветительных, оккультных и благотворительных практически

неуязвимо для полиции, так как доказать преступный умысел в их действиях юридически невозможно. "Распространение влияния масонства не встречает никаких препятствий на своем пути. Конечные цели их скрыты, и само масонство осторожно. Лица, непосредственно ведущие борьбу с революционным движением, с масонским движением не знакомы, и собираясь под прикрытием якобы заседаний всевозможных легализированных обществ, масонство, будучи тайным политическим обществом, может работать беспрепятственно", - с горечью констатирует автор аналитической справки [1091].

Последняя записка Л.А.Ратаева о масонах в Департамент полиции относится к февралю-марту 1916 года. Внимательно прочитав ее тогдашний директор Департамента генерал Е.К.Климович какого-либо хода этому документу так и не дал [1092].

Приближалась революция, и Е.К.Климович, очевидно, решил что есть у его ведомства и дела поважнее масонов. А между тем, в стране, можно сказать, почти в открытую зрел самый настоящий антиправительственный заговор и далеко не последнюю роль в нем играли, как теперь выясняется, "братья-масоны".

Глава 15. "Масонский заговор" накануне революции 1917 года. Масоны и отречение Николая II

Первым, кто со всей определенностью поставил вопрос о масонских планах насильственного отстранения императора Николая II от власти путем дворцового переворота или, иначе говоря, существовании накануне революции масонского заговора, а также ведущей роли, которую сыграли масоны в февральско-мартовские дни 1917 года был эмигрантский историк С.П.Мельгунов [1093].

В вышедшей в 1931 году в Париже сенсационной книге "На путях к дворцовому перевороту" он убедительно показал, что подготовкой и организацией Февральского переворота 1917 года руководили две группы или два кружка русских масонов.

Во главе одного из них - военного стоял А.И.Гучков. Другой - гражданский возглавлял А.Ф.Керенский. Последующие изыскания исследователей позволили во многом уточнить и детализировать картину масонского вхождения во власть в 1917 году. Но честь первопроходца в исследовании темы принадлежит, безусловно, С.П.Мельгунову.

Конечно, сами масоны, как непосредственные участники описываемых событий, отнюдь не стремились афишировать решающую роль своего присутствия в них.

Так, правда, уже в советское время, в своих показаниях в НКВД СССР в июле 1939 года бывший Генеральный секретарь Верховного совета Великого Востока народов России Н.В.Некрасов всячески подчеркивал, что надежды либералов на масонство как действенный инструмент политической борьбы с самодержавием оказались крайне преувеличенными. Но и он вынужден был признать "некоторую роль", которую сыграла эта масонская организация. Как в период подготовки революции, когда она была своеобразным "конспиративным центром народного фронта", так и в первые дни Февральской революции, когда именно она помогла объединению "прогрессивных сил под знаменем революции". "В Петрограде и в Москве встречи деятелей социал-демократической и социал-революционной партии с представителями левых кадетов и прогрессистов стали, - по его словам, - последние месяцы перед революцией постоянным правилом" [1094].

Преобладали на них левые настроения и основным лозунгом здесь была республика. "Большинство участников этих встреч (о них есть упоминание и в книге Суханова) оказались виднейшими деятелями Февральской революции. А их предварительный сговор сыграл, по моему глубокому убеждению, видную роль в успехе Февраль-ской революции. Велась даже некоторая техническая подготовка, но о ней долго говорить", - дипломатично отмечал Н.В.Некрасов [1095].

Что это была за техническая подготовка, на этом мы еще остановимся. Но сначала об общей атмосфере, господствовавшей в масонских ложах в 1915-1916 гг. Характерной особенностью ее была, говоря словами А.Я.Гальперна, "ненависть к трону, к монарху лично" [1096]. С.П.Мельгунов приводит в своей книге следующий примечательный факт. Принимали в масонскую ложу командира Финляндского полка В.В.Теплова. Один из "братьев" задал ему вопрос о его отношении к планам физического устранения царя. В.В.Теплов не долго думая с солдатской прямотой ответил: "Убью если велено будет" [1097].

Неудивительно, что в такой атмосфере левый эсер масон полковник Генерального штаба С.Д.Мстиславский (Масловский) взял да и предложил осенью 1915 года братьям "организовать заговор на жизнь государя". Осуществить его, уверял С.Д.Мстиславский не так уж и трудно, так как "имеется возможность найти нужных людей среди молодого офицерства" [1098].То, что убийству царя в "братской" среде обрадовались бы многие, сомневаться не приходится. Но сами масоны в таком опасном деле как истинные интеллигенты "светиться" не желали. Самое любопытное в этой истории - это то, что от своего собственного имени действовать С.Д.Мстиславский почему-то не захотел, решив непременно испросить на это разрешения Верховного совета ВВНР. Дай ему Верховный совет такое разрешение - и членам его наверняка не миновать было бы Сибири. Однако здесь, как оказалось, сидели совсем не глупые люди.

Они быстро сообразили, что кроется за предложением С.Д.Мстиславского.

"Прений о нем совсем не было, - свидетельствовал А.Я.Гальперн. – Было только сформулировано общее мнение, что в братском порядке говорить о такого рода делах нельзя, так как они не могут входить в задачи братства. В персональном же порядке все присутствующие братья относятся к предложению в высшей степени отрицательно" [1099]. Больше на заседании ложи С.Д.Мстиславский, которого подозревали в провокации, не появлялся. Все контакты "братьев" с ним были прерваны. Однако скорей всего провокатором С.Д.Мстиславский (наст. фам. Масловский) - участник Февральской и Октябрьской революции, известный советский писатель все же не был и действовал он вполне искренно. Но "братьев" он все-таки здорово напугал.

История с С.Д.Мстиславским ясно показывает, что идея военного заговора носилась в масонских кругах в 1915-1916 годах, можно сказать, в воздухе.

Любопытно что этот же вопрос о необходимости подготовки государственного переворота ставил осенью того же 1915 г. на заседании Бюро Прогрессивного блока другой масон, правда французского обряда - В.А.Маклаков [1100].

Однако формально "политического заговора как сознательно поставленной цели в программе нашей работы не стояло, - подчеркивал А.Я.Гальперн, - и если бы кто-то попытался в задачи организации такой заговор внести, то это вызвало бы протест со стороны многих". В то же время и он вынужден признать, что был среди братьев и "целый ряд лиц, из них часто очень влиятельных, которые очень сильно к заговору склонялись" [1101].

Понять это можно только так: формально выдвинуть идею антиправительственного заговора Верховный совет ВВНР не решился. Неофициально же разработка таких планов с его ведома велась, но уже не от имени организации, а якобы исключительно по личной инициативе отдельных частных лиц.

"Тем не менее, - пишет в связи с этим исследователь А.И.Серков, - даже среди масонов ложу Верховного совета стали считать центром заговора, что привело к глубокому кризису Великого востока народов России в 1915 году" [1102]. Отрицать, что в Верховном совете действительно рассматривались планы по устранению от власти Николая II не позволяет свидетельство масона Н.С.Чхеидзе "Переворот, - свидетельствовал он, - мыслился руководящими кругами в форме дворцового переворота; говорили о необходимости отречения Николая II и замены его. Кем именно, прямо не называли, но думаю, что имели в виду Михаила. В этот период Верховным советом был сделан ряд

шагов к подготовке общественного мнения к такому перевороту. Помню агитационные поездки Керенского и других в провинцию, которые совершались по прямому поручению Верховного совета. Помню сборы денег для такого переворота" [1103].

Правда, после протеста украинских масонов прямая подготовка дворцового переворота со стороны Верховного совета была прекращена и центр заговора переместился в группу А.И.Гучкова - А.М.Крымова [1104], якобы действовавшей уже исключительно на свой страх и риск. Но и "гражданский кружок", как называл Верховный совет П.Н.Милюков, продолжал свою деятельность по подготовке заговора. Важное заседание его состоялось в сентябре 1916 г. на квартире кадета М.М.Федорова с участием П.Н.Милюкова и председателя Государственной Думы М.В.Родзянко. Тон на нем задавали А.И.Гучков, Н.В.Некрасов и М.И.Терещенко, отстаивавшие в своих выступлениях план насильственного отстранения от власти Николая II и передачи ее наследнику при условии регентства великого князя Михаила Александровича и введения конституционного правления в России.

Еще одним центром зревшего заговора (правда, скорее потенциального, чем реального) против царя часто называют кружок князя Г.Е.Львова - А.И.Хатисова со ставкою на великого князя Николая Николаевича Младшего. 22 апреля 1928 г. некто С.П.Смирнов опубликовал в газете "Последние новости" (Париж) рассказ бывшего тифлисского городского головы А.И.Хатисова. 9 декабря 1916 г., свидетельствовал А.И.Хатисов, после закрытия полицией V съезда представителей городов на квартире князя Г.Е.Львова состоялось секретное совещание. Присутствовали: Н.М.Кишкин, М.М.Федоров и А.И.Хатисов и другие. Г.Е.Львов предложил собравшимся следующий план действий: Николая II заменить Великим князем Николаем Николаевичем который сразу же объявит о введении в стране ответственного министерства.

Очевидно, что именно с этими разговорами и возникла версия о существовании так называемого "Кавказского центра" готовившегося заговора. Однако на самом деле реально этот центр никак себя не проявил. Более того, когда в январе 1917 года А.И.Хатисов попробовал было заговорить на эту тему с самим великим князем Николаем Николаевичем, тот ответил отказом на предложение возглавить заговор [1105].

Как бы то ни было, в результате ряда организованных единым масонским центром совещаний оппозиционных деятелей был разработан общий план захвата царского поезда во время одной из поездок Николая II из Петербурга в Ставку или обратно. Арестовав царя, предполагалось тут же принудить его к отречению от престола в пользу царевича Алексея при регентстве Михаила Александровича и введения в стране конституционного строя [1106].

Роль первой скрипки, как уже отмечалось, играл на этих переговорах лидер октябристов А.И.Гучков. Следует в связи с этим подчеркнуть, что имеющиеся в литературе указания на его принадлежность к масонству абсолютно верны.

А.И.Гучков был принят в масонскую ложу еще 1913 году. Решительное же отрицание этого факта самими масонами объясняется последующей "радиацией" А.И.Гучкова в 1920 году [1107], т.е. исключением из масонства – процедура, требующая от "братьев" безусловного отрицания какой либо принадлежности исключенного к Братству. То, что А.И.Гучков и некоторые другие октябристы были посвящены в масонство - очевидно. Организовать широкий антиправительственный блок в Думе с последующим прицелом на взятие власти одним кадетам без их поддержки нечего было и думать. А ведь именно ради этого - взятия власти и создавалась организация политического масонства в России.

Другое дело, что афишировать посвящение некоторых видных октябристов в масонство даже в узком братском кругу никто, похоже, не собирался, и знали о нем немногие.

Что же касается самой политической атмосферы той поры, то о грядущем перевороте говорили, уже не таясь. Как-то в 1916 году известный масон А.В.Оболенский

разговорился со своим знакомым из *евреев* – служащим Сибирского торгового банка и тот взял да и рассказал ему о подготовке в Петербурге заговора против царя. Так случилось, что оказавшись вскоре у лидера октябристов А.И.Гучкова, А.В.Оболенский решил проверить у него справедливость услышанного. "Удивленный подробностями, - пишет он, - моего рассказа, особенно о дне восстания, Гучков вдруг начал меня посвящать во все детали заговора и называть его главных участников ... Я понял, что попал в самое гнездо заговора. Председатель Думы Родзянко, Гучков и Алексеев были во главе его. Принимали участие в нем и другие лица, как генерал Рузский, и даже знал о нем А.А.Столыпин, (брат Петра Аркадьевича)... Англия была вместе с заговорщиками. Английский посол сэр Бьюкенен принимал участие в этом движении, многие совещания проходили у него" [1108]. Однако главную ставку масонские заговорщики делали все же на армию. "Незадолго до Февральской революции, - отмечал Н.В.Некрасов в своих показаниях в НКВД СССР от 13 июля 1939 года, - начались и росли связи с военными кругами. Была нащупана группа оппозиционных царскому правительству генералов и офицеров, сплотившихся вокруг А.И.Гучкова (Крымов, Маниковский и ряд других) - и с нею завязалась организационная связь" [1109]. Готовилась и специальная группа в селе Медведь, где стояли запасные воинские части. Она то, судя по всему, должна была сыграть решающую роль в аресте царя.

Что касается нащупанной масонами группы оппозиционных царскому правительству генералов и офицеров, то не приходится сомневаться, что речь здесь идет о вовлечении их в уже упоминавшуюся нами Военную ложу. "Есть упоминания о создании в Петрограде Военной ложи с участием А.И.Гучкова, В.И.Гурко, А.А.Половцева и еще человек десяти высокопоставленных военных чинов", - отмечает историк О.Ф.Соловьев [1110]. Среди этих "человек десяти" высокопоставленных чинов, тайно посвященных через А.И.Гучкова в масонство, можно отметить уже упоминавшихся нами ранее М.В.Алексеева, Н.В.Рузского, А.М.Крымова, В.В.Теплова [1111].

9 февраля 1917 года в кабинете председателя IV Государственной думы М.В.Родзянко состоялось совещание лидеров оппозиционных думских фракций. Присутствовали также приглашенные на него генерал Н.В.Рузский и полковник А.М.Крымов. Переворот согласно сделанным здесь наметкам, должен был произойти в апреле 1917 года. Схема его была проста: во время очередной поездки государя в Ставку в Могилев постараться задержать царский поезд (эта задача возлагалась на главнокомандующего Северным фронтом Н.В.Рузского), а арестовав царя заставить его отречься от престола [1112].

Вот что вспоминал об этом А.Ф.Керенский. "Чтобы лучше понять атмосферу, царившую на последней сессии Думы, которая длилась с первого ноября 1916 года по 26 февраля 1917 года, - отмечал он, - надо иметь в виду, что мысли всех депутатов были заняты ожиданием дворцовой революции". В начале января 1917 года в Петрограде появился вместе с группой офицеров уже популярный в то время полковник А.М.Крымов - командующий 3-м кавалерийским корпусом на Юго-западном фронте. На состоявшейся встрече с лидерами оппозиционных думских фракций А.М.Крымов, свидетельствует А.Ф.Керенский, "от имени армии призвал Думу безо всякого промедления совершить переворот, заявив, что в противном случае у России нет шансов победить в войне. Все присутствовавшие поддержали точку зрения А.М.Крымова" [1113].

Правда, А.И.Гучков в своих воспоминаниях отрицал причастность А.М.Крымова к заговору. Однако историки (А.В.Смолин, С.Ляндерс) полагают, что слишком доверять его рассказу нельзя, так как, отрицая участие А.М.Крымова в заговоре генералов, А.И.Гучков тем самым "скорее намеренно преуменьшает практическое значение и последствия заговора" [1114].

Впрочем, справедливости ради, следует отметить: оговорившись, что лично он А.М.Крымова в свои заговорщические планы не посвящал, А.И.Гучков в то же время, допускал, что в планы эти его вполне могли посвятить другие, в частности А.И.Тере-

щенко. "Я склонен думать, что он знал, но отрицаю, что он участвовал", - утверждал А.И.Гучков [1115].

Основываясь на личных беседах с бывшими руководителями думского масонства, Б.И.Николаевский был твердо уверен, что "в месяцы предшествовавшие марту 1917 года руководители организации развернули энергичную деятельность, торопясь с осуществлением планов переворота сверху". Сдерживали же их, по его мнению, умеренно настроенные лидеры Прогрессивного блока (прежде всего П.Н.Милюков), доказывавшие, что возможности влияния на Николая II далеко еще не исчерпаны. "На этой почве, - подчеркивал Б.И.Николаевский, - произошло размежевание между руководителями масонства и лидерами Прогрессивного блока, часто в пределах одной и той же партии" [1116].

Ничего необычного в повороте "головки" российского масонства к заговорщической тактике накануне 1917 года не было: придумать что либо другое в сложившихся общественно-политических реалиях той поры было едва ли возможно. Тем не менее, признать русских политических масонов заговорщиками решаются далеко не все исследователи. Отсюда странный вывод А.И.Серкова о некоем исчезновении или перерождении русского масонства как раз накануне 1917 года в узкую "политическую группу". Если поверить А.И.Серкову, то никаких масонов к 27 февраля 1917 года в России просто не было. "В январе-феврале 1917 года, - пишет он в одной из своих последних работ, - произошел переход от политического масонства к политической группе" [1117].

Вот так-то читатель! Когда велась подготовка к перевороту, масоны в нашей стране вроде еще были, а когда наступил наконец решающий момент по взятию этой власти масоны сразу куда то исчезли. И все, что происходило в 1917 году в нашей стране, не имеет к масонам, по А.И.Серкову, никакого отношения. "Анализ мемуарных свидетельств, - пишет он далее, обосновывая свою точку зрения, - показывает, что Великий восток народов России не создавался как надпартийная политическая организация (то есть был все-таки масонской структурой - Б.В.), но постепенно удаляясь от чисто масонских задач приобрел характер политического объединения в 1915-1916 гг.". Первоначально же, т.е. 1912-1914 гг. в постановке задач своей организации руководители ее, считает А.И.Серков, стояли на масонской платформе и всячески стремились "следовать идеям Великого востока Франции и Великой революции 1789 г.- в их первобытном неискаженном виде.

И только активное участие Великого Востока народов России в политической борьбе привело к революционизированию этой масонской организации. В результате "точка зрения некоторых масонов", что их организация носит определенно революционный характер и должна стремиться к насильственному перевороту стала в конце концов преобладающей [1118].

Это-то, по А.И.Серкову, и погубило русское думское масонство. "Окончательный отход Великого Востока народов России от масонства даже в его наиболее политизированных формах произошел в январе-феврале 1917 года, - пишет в этой связи А.И.Серков. - Число лож сократилось до 28-30, но работа в организациях стала более интенсивной. В этих условиях Верховный совет принял решение оставить в ячейках общества лишь лиц, пригодных для будущей административной работы". Отмечены ими попытки "братьев" устраивать у себя в целях усиления своего влияния на общественное мнение и более широкие собрания "прогрессивной общественности" (в частности, у Н.Д.Соколова), на которые приглашались не только масоны, но и им сочувствовавшие [1119].

Прямо скажем, выглядит все это не слишком убедительно. На самом деле именно 1917 год, как справедливо утверждала Н.Н.Берберова, оказался для русских масонов настоящим апогеем их деятельности [1120].

Согласен с этим и такой осторожный исследователь, как В.И.Старцев. Влияние масонов на политическую жизнь двух столиц и ряд других городов было накануне февраля 1917 года "максимальным", констатирует он [1121].

Первый "звонок" для царизма прозвенел в ночь 16-17 декабря 1916 года, когда группой заговорщиков (великий князь Дмитрий Павлович, князь Ф.Ф.Юсупов и член Государственной Думы В.М.Пуришкевич) был убит пользовавшийся влиянием на царя Григорий Распутин. Несмотря на то, что собственно масонов среди убийц Г.Е.Распутина не было, само убийство расценивается некоторыми исследователями как своего рода подготовительный этап на пути к осуществлению задуманного ими государственного переворота. Убийство Г.Е.Распутина "задумала известная группа лиц, к которой принадлежал в качестве консультанта-соучастника, член кадетского ЦК масон В.А.Маклаков. В курсе был и П.Н.Милюков", - отмечает, например, О.Ф.Соловьев [1122]. К этому можно добавить, что В.А.Маклаков, этот масон-"гуманист" был не только советчиком-консультантом убийц Г.Е.Распутина, но, в известном смысле, и подстрекателем этой акции, так как лично вручил Феликсу Юсупову возможное орудие убийства – бандитский "кистень с двумя свинцовыми шарами" [1123].

А ведь адвокат, масон и вроде бы даже приличный человек, но и он почему-то считал, что убить "плохого" человека не такой уж и большой грех. А ведь Г.Е.Распутин, как бы к нему не относиться, никого никогда не убивал, закона Божественного и человеческого не преступал и как бессудная жертва именно в этом нравственном смысле стоит на недосягаемой высоте по сравнению со своими убийцами и рукоплескавшей им в то время "прогрессивной" общественностью.

Важно еще раз подчеркнуть, что руководство Верховного совета (А.И.Коновалов, А.Ф.Керенский, Н.В.Некрасов) было полностью осведомлено как о плане убийства Г.Е.Распутина, так и планах переворота, готовившегося "гражданским" и "военным" кружками и регулярно сообщало о них "братьям" [1124].

Некоторая же растерянность Верховного совета ВВНР в первые дни революции объясняется тем, что готовилась она, как мы уже знаем, не на февраль, а на апрель 1917 г. "Революция произошла на две недели слишком рано", - сетовал впоследствии А.И.Гучков. Однако говорить о неподготовленности заговорщиков к революционным событиям февраля-марта 1917 г. у нас нет никаких оснований.

Ведь к этому времени помимо Государственной думы под контролем масонов находились: армия, флот, большая часть прессы, а также такие влиятельные общественные организации русской буржуазии как Всероссийский земский союз во главе с князем Г.Е.Львовым и Центральный Военно-промышленный комитет во главе с А.И.Гучковым. С масонами был связан и председатель московского Военно-промышленного комитета крупный фабрикант Павел Рябушинский, издававший газету масонско-либерального толка "Утро России".

Волнения 23 февраля 1917 года в Петрограде, как это всегда и случается в таких случаях, начались неожиданно, практически сразу же после отъезда Николая II в Ставку. 25 февраля царь телеграфировал командующему Петроградским военным округом генералу Хабалову о немедленном прекращении беспорядков.

Днем 26 февраля войска начали стрелять по демонстрантам. Но сам переворот начался с выступления в ночь на 27 февраля 1917 года солдат одной из рот Волынского полка. Утром к ним присоединились солдаты запасного батальона гвардии Преображенского полка. К середине дня восставших солдат было уже около 20 тысяч. Соединившись с рабочими, они разгромили здание Окружного суда и дом Предварительного заключения, заняли Финляндский вокзал, другие стратегически важные объекты.

Толпа рабочих и солдат заполонила Таврический дворец, где в Полуциркульном зале собрались не желавшие подчиниться царскому указу о временной приостановке работы Государственной думы народные избранники, тут же образовавшие из своей среды Временный комитет Государственной думы. В то же время в другом помещении

дворца группа меньшевиков-думцев, а также несколько большевиков и левых эсеров учреждают в спешном порядке временный Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Председателем Исполкома в тот же день был избран масон, член Верховного совета Великого Востока народов России меньшевик Н.С.Чхеидзе. Членами Исполкома и его заместителями стали такие же масоны: Н.Д.Соколов, М.И.Скобелев, Н.Н.Суханов, А.Ф.Керенский.

Масонское влияние в Петросовете было таким образом обеспечено. Такая же примерно картина сложилась и с масонским представительством во Временном комитете Государственной думы, куда вошли следующие "братья": Н.В.Некрасов, А.Ф.Керенский, Н.С.Чхеидзе, А.И.Коновалов, В.А.Караулов [1125].

Едва ли такое было бы возможным, если бы "братья-масоны" оказались застигнутыми врасплох молниеносными событиями Февральской революции, как уверял впоследствии А.Я.Гальперн. "Революция застала нас врасплох. Растерянность среди нас была вначале просто фантастической", - говорил он в своем интервью Б.И.Николаевскому.

Факты, однако, свидетельствуют как раз об обратном: врасплох событиями Февральской революции оказались застигнутыми не столько масоны, сколько царь и его окружение.

Получив 27 февраля 1917 г. первые сведения о фактическом перевороте в Петрограде, царь распорядился о немедленной отправки туда батальона Георгиевских кавалеров в 700 человек во главе с генералом Н.И.Ивановым. По дороге к ним должны были присоединиться надежные части Северного фронта. Этого, в принципе, было вполне достаточно для восстановления правительственного контроля над столицей. А в 5 часов утра отправился из Могилева на Петроград и царский поезд. Маршрут его был следующим Смоленск - Лихославль - Тосно - Царское Село. 1 марта около 2 часов ночи поезд прибыл на станцию Малая Вишера. И вот здесь-то как раз и произошел первый сбой в планах царя. Пронесся слух что, все станции на пути царского поезда якобы заняты революционными солдатами и матросами. Это была ложь. Главным виновником задержки царского поезда был масонский комиссар А.А.Бубликов. Командированный своими "братьями"-думцами в Министерство путей сообщения, он буквально засыпал местное железнодорожное начальство на пути следования царского поезда своими "революционными" приказами о его немедленном блокировании [1126]. Однако коронным и, пожалуй, наиболее действенным номером А.А.Бубликова стала дезинформация о занятии тех или иных железнодорожных станций революционными солдатами и матросами [1127]. Ведь если кого и боялся царь, то это были, конечно же, именно "революционные солдаты и матросы".

А об окружении царя и говорить нечего.

Роль А.А.Бубликова в истории с блокированием царского поезда на пути его следования в Петроград, конечно же, важна. Но сам А.А.Бубликов в масонской иерархии был сравнительно мелкая сошка. Подлинным организатором погони или, правильнее, блокирования царского поезда и предательского направления его в Псков - прямо в руки заговорщика Н.В.Рузского был член Верховного совета Великого Востока народов России Н.В.Некрасов. "Два момента особенно врезались в память, - вспоминал он в 1921 году, - приказ командующему Балтийским флотом Непенину арестовать финляндского генерал-губернатора Зейна и погоня за царским поездом, которую мне довелось направлять из Государственной Думы, давая распоряжения Бубликову, сидевшему комиссаром в министерстве путей сообщения" [1128]. Сам Н.В.Некрасов о смысле своего управления погоней за царским поездом умалчивает, хотя он и очевиден. Нетрудно уяснить и то, что делалось это скорее всего не по личной инициативе Н.В.Некрасова, а уж тем более А.А.Бубликова, а по прямому поручению Верховного совета Великого востока народов России, который собственно и являлся фактическим штабом революции в эти дни. Самое поразительное в этой истории - так это удивительная синхронность действий А.А.Бубликова и ближайшего окружения царя, которое сумело-таки убедить его изменить

первоначально намеченный курс его поезда и повернуть на запад - на Псков, где якобы под командованием генерала Н.В.Рузского еще оставались надежные части Северного фронта. Это, как скоро выяснилось, была ловко подстроенная заговорщиками западня, так как именно Рузский как раз и являлся одним из наиболее деятельных участников готовившегося на апрель 1917 года государственного переворота. Ничего этого царь, разумеется, не знал и вечером 1 марта 1917 года его поезд благополучно прибыл в Псков.

"Мы знаем теперь, что генералы Алексеев, Рузский, Крымов, Теплов и, может быть, и другие были с помощью Гучкова посвящены в масоны (Военная ложа - Б.В.). Они немедленно включились в его заговорщические планы", - пишет Н.Н.Берберова [1129]. Все так.

О том, что Псков оказался ловко расставленной ловушкой для Николая II, стало ясно уже из первых реплик, которыми встретил царскую свиту хозяин положения - главнокомандующий Северным фронтом Н.В.Рузский. "На Вас только и надежда", - говорили они ему. И что же Н.В.Рузский? "Вовек не забуду, - с горечью вспоминал позже об этом эпизоде генерал Д.Н.Дубенский, - ответа генерал-адъютанта Н.В.Рузского на этот крик души всех нас ... - "Теперь надо сдаться на милость победителя", - сказал он. - После разговора с Рузским мы стояли потрясенные и как в воду опущенные ... С цинизмом сказанная Рузским фраза: "Надо сдаваться на милость победителя" – все уясняла и с несомненностью указывала, что не только Дума, Петроградский совет, но и лица высшего командования на фронте действуют в полном согласии и решили произвести переворот" [1130].

Так оно, как мы теперь знаем, и было. Вскоре царь пригласил Н.В.Рузского к себе и в ходе затянувшейся за полночь беседы с ним Николаю II воочию пришлось убедится в предательстве генерала, неожиданно предъявившему самодержцу требование о его немедленном отречении от престола. Давление Н.В.Рузского было столь велико (фактически, царь был полностью в его руках), что в 0 часов 20 минут 2 марта Николай II послал генералу Н.И.Иванову, который уже находился в Царском селе, приказ не предпринимать никаких действий по борьбе с заговорщиками без его специальных на сей счет указаний. Впрочем, едва ли Н.И.Иванов мог что либо сделать в сложившейся ситуации со своими георгиевскими кавалерами, так как Н.В.Рузский решительно отказался передать в его распоряжения какие либо войска. В 3 часа ночи 2 марта Н.В.Рузский вступил в телеграфные переговоры с председателем Государственной думы М.В.Родзянко в Петрограде и генералом М.В.Алексеевым в Ставке. Последний решил помочь Н.В.Рузскому и по своей инициативе как начальник Генштаба срочно разослал из Ставки телеграммы командующим фронтами с недвусмысленным призывом высказаться за отречение императора от власти. Содержание телеграмм М.В.Алексеев препроводил в Псков, лицемерно добавив от себя: Умоляю Ваше Величество безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам. Промедление грозит гибелью России [1131]. Увы, гибельным для России, как оказалось впоследствии, было не промедление, а скорее поспешность, с какой принял царь, предъявленный ему ультиматум.

Последняя телеграмма от командующих фронтами поступила в Псков 2 марта около 15 часов дня. А уже через 5 минут, пока еще только для себя, никому ничего не говоря, царь принимает принципиальное решение о своем отречении.

Сопоставление этих фактов не оставляет никакого сомнения, что главным виновником разыгравшейся драмы с отречением Николая II были военные: начальник Генерального штаба М.В.Алексеев и генерал Н.В.Рузский. Правда, поскольку М.В.Алексеев был далеко - в Могилеве, гнев царя обрушился главным образом на Н.В.Рузского.

"Генерал Рузский был первым, который поднял вопрос о моем отречении от престола. Он поднялся ко мне во время моего следования и вошел в мой вагон-салон без доклада", - с обидой вспоминал впоследствии царь. "Бог не оставляет меня. Он дает мне силы простить всех моих врагов и мучителей, но я не могу победить себя только в одном - генерал-адъютанту Рузскому я простить не могу" [1132].

Впрочем, предателям очень скоро пришлось горько пожалеть о содеянном.

"Никогда не прощу себе, что поверил в искренность некоторых людей; послушался их и послал телеграмму главнокомандующим по вопросу об отречении государя от престола", - сокрушался уже через несколько дней в беседе с генералом А.С.Лукомским М.В.Алексеев. Что это были за люди, по наущению которых М.В.Алексеев решился разослать главнокомандующим фронтами злополучную телеграмму, и какие отношения связывали его с ними, генерал предпочел умолчать. Догадаться, впрочем, в свете того, что мы уже знаем о его масонских контактах, не сложно. Заметим в то же время, что сожаление о беспрецедентном давлении, оказанном им вечером 1 марта 1917 года на Николая, высказывал впоследствии и Н.В.Рузский [1133] (расстрелян в 1918 г. В Пятигорске при занятии города красными повстанцами).

Но было поздно.

2 марта в 10 часов вечера с требованием об отречении Николая II прибыли наконец-то в Псков и посланцы Думы - октябрист А.И.Гучков и "монархист" В.В.Шульгин. Масоном, пусть под вопросом, из них мог быть только А.И.Гучков.

Но серьезного значения этот факт в данном случае не имеет. Вся необходимая подготовительная работа с царем была уже проведена до них М.В.Алексеевым и Н.В.Рузским. Принципиальное же решение об отречении было принято Николаем II, скорее всего, как уже отмечалось, еще днем - в 15 часов 15 минут или, иначе говоря, за 7 часов до появления думцев в салон-вагоне царского поезда.

В ходе беседы с царем А.И.Гучков и В.В.Шульгин настаивали на отречении Николая II в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича.

Царь, однако, настоял на отречении в пользу Михаила не только за себя, но и за больного сына Алексея. В 23 часа 40 минут 2 марта 1917 года долгожданный документ был наконец-то подписан царем. Старый масонский план по насильственному устранения Николая II от власти путем захвата царского поезда на его пути из Ставки был наконец-то осуществлен.

"2 марта. Четверг, - записал в своем дневнике Николай II. – Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь Министерство без Думы будто бессильно что либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К двум с половиной часам пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии, нужно решится на этот шаг. Я согласился.

Из Ставки прислали проект Манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный Манифест. В 1 час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, трусость и обман!" [1134].

Зато "революционная демократия" торжествовала, и в торжестве своем меньше всего была заинтересована в сохранении династии Романовых. Правда, лидер кадетов П.Н.Милюков и октябрист А.И.Гучков отстаивали необходимость сохранения конституционной монархии в России. Однако масонское большинство во Временном комитете Государственной думы и в Петроградском совете было решительно против. Принципиальное решение об отречении М.А.Романова было принято на заседании в доме М.С.Путятина с участием А.И.Гучкова, П.Н.Милюкова, Г.Е.Львова, А.Ф.Керенского, М.И.Терещенко, Н.В.Некрасова. Решительным оппонентом П.Н.Милюкова и А.И.Гучкова выступил здесь А.Ф.Керенский, пригрозивший в конце своей речи тем что в противном случае он не ручается за жизнь Михаила Александровича [1135].

Натолкнувшись, как пишет В.И.Старцев, на сплошной масонский фронт республиканцев во главе с Н.В.Некрасовым, П.Н.Милюков вынужден был отступить и идея отречения Михаила победила [1136]. И тому ничего не оставалось другого, как согласиться.

Текст отречения Михаила от власти составил, по его собственному признанию, Н.В.Некрасов.

"В момент начала Февральской революции всем масонам был дан приказ немедленно встать в ряды защитников нового правительства – сперва Временного комитета Государственной думы, а затем Временного правительства. Во всех переговорах об организации власти масоны играли закулисную, но видную роль", - подчеркивал Н.В.Некрасов [1137]. Сама инициатива образования 27 февраля 1917 года Временного комитета Государственной думы и решения не подчиняться царскому указу о временной приостановке ее работы исходила от масонов. "Весь первый день пришлось употребить на то, - вспоминал Н.В.Некрасов, - чтобы удержать Думу на этом революционном пути и побудить ее к решительному шагу взятия власти ... Когда в ночь на 28 февраля нам удалось убедить Родзянко провозгласить власть Временного комитета Государственной думы я ушел в техническую работу помощи революции" [1138].

Работа эта заключалась на первых порах, как мы уже знаем, в организованной им погоне комиссара А.А.Бубликова за царским поездом, и беспрецедентном давлении через Н.В.Рузского и М.В.Алексеева на царя с целью заставить его отречься от престола.

О возможных последствиях совершенного в разгар войны государственного переворота "братья" предпочитали особенно не задумываться. Зато на Западе услуга, оказанная ими извечным недругам России, была оценена по достоинству.

"Нет больше России, - с удовлетворением констатировал в своем дневнике, узнав о революции в России, британский посол в Париже Ф.Берти. – Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т.е. Финляндии, Польши, Украины и т.д. сколько бы их удалось сфабриковать, то по мне остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку" [1139]. Дело тут, конечно, совсем не в том, что Ф.Берти был таким уж отчаянным русофобом.

Даже при самом благожелательном отношении к России и русским английского дипломата и его европейских коллег трудно было бы убедить, что существование огромного, сильного и независимого соседа на востоке так уж отвечает национальным интересам их стран.

Хотели того русские масоны или не хотели, но сценарий разыгранного ими в 1917 году "действа", был написан все-таки на Западе и все складывалось так, что никакой другой роли, кроме "пятой колонны" "демократической" Европы в России, уготовлено им не было. Такова уж видно судьба нашей "прогрессивной интеллигенции", которая традиционно всегда равнялась и равняется на более передовые в ее понимании страны Запада.

Глава 16. Масоны у власти: Верховный совет Великого Востока народов России и Временное правительство (март-октябрь 1917)

"Русские политические масоны, - пишет проф. В.И.Старцев, - сыграли большую роль в усилении революционной ситуации в конце 1916 - начале 1917 гг.; первыми воспользовались результатом стихийного восстания 27 февраля 1917 года. Восемь месяцев после Февральской революции - это период наибольшего влияния в России тайного политического союза. Во Временном правительстве численность политических масонов непрерывно возрастала" [1140].

О том, как умело и грамотно воспользовались масоны результатом стихийного восстания 27 февраля 1917 года для захвата власти, мы уже знаем. Что касается Временного правительства, то его формирование не заняло у них много времени.

Ведь предварительный состав его был обговорен еще в 1916 году на совещании представителей оппозиционных думских фракций в номере Г.Е.Львова в петербургской

гостинице "Астория" [1141] и опубликовался в московской газете "Утро России" П.П.Рябушинского 13 августа 1915 года.

Всего же "общественностью" в 1915-1916 гг. было составлено 6 списков кандидатов в будущее демократическое правительство [1142].

Окончательный же вариант распределения министерских портфелей был обсужден в ночь на 2 марта 1917 года, получив полное одобрение на совместном заседании делегаций Петроградского Совета и Временного Комитета Государственной Думы.

Из принципиально новых лиц здесь фигурировал, пожалуй, только А.Ф.Керенский.

2 марта 1917 года Петроградский Совет выразил официальную поддержку правительству в его шагах, направленных на борьбу с контрреволюцией и усилиям по демократизации общественной жизни в стране.

Сам механизм формирования Временного Правительства и характер масонского участия в этом процессе хорошо показал Л.Д.Кандауров. Перед Февральской революцией, свидетельствует он, "Верховный совет поручил ложам составить список лиц, годных для новой администрации и назначил в Петрограде на случай волнений сборные места для членов лож. Все было в точности исполнено и революционными движениями без ведома их руководителей руководили члены лож и сочувствовавшие. Многие из первых вошли в состав Министерства князя Львова и Керенского (в последнем все министры были членами лож); многие заняли места комиссаров Временного правительства" [1143].

Правда профессор В.И.Старцев утверждает, что в первом составе Временного правительства было всего три министра-масона: министр путей сообщения Н.В.Некрасов, министр торговли и промышленности А.И.Коновалов и министр юстиции А.Ф.Керенский [1144]. Исследователь при этом ссылается на показания бывшего Генсека Верховного Совета Великого Востока Народов России Н.В.Некрасова в ОГПУ 1939 года. "Показательно, - отмечал он, - что в составе первого Временного правительства оказалось три масона: Керенский, Некрасов и Коновалов. А вообще на формирование правительства масоны оказали большое влияние, так как масоны оказались во всех организациях, участвовавших в формировании правительства" [1145]. Что это были за организации, мы уже знаем - Временный Комитет Государственной Думы и Петроградский Совет. Но слишком доверять Н.В.Некрасову нельзя, ибо помимо названных им трех "братьев" в составе первого правительства имелся еще один явный масон - министр земледелия А.И.Шингарев. Правда, как масон Великого Востока Франции официально в ложи Великого Востока Народов России он не входил. Но суть дела от этого не меняется. Пятым, несомненным масоном в первом составе Временного правительства был М.И.Терещенко (об этом свидетельствовал Е.П.Гегечкори). Во всяком случае, такой авторитетный исследователь, как Людвик Хасс, в масонстве М.И.Терещенко нисколько не сомневался [1146].

Однако В.И.Старцев стоит на своем. "Только Гегечкори считает его масоном. Все остальные свидетельства принадлежат не масонам или антимасонам", замечает он [1147]. Согласиться с такого рода источниковедческим изыском, когда окончательный вердикт выносится с оглядкой на свидетельства самих масонов, нельзя. Отказывается признать масоном В.И.Старцев и главу Временного правительства близкого к кадетам князя Г.Е.Львова. С ним решительно не согласен, однако, московский профессор О.Ф.Соловьев. Князь Г.Е.Львов ко времени назначения его главой Правительства был несомненным масоном [1148], - считает он.

Особые разногласия среди исследователей вызывает масонство А.И.Гучкова, занявшего в правительстве князя Г.Е.Львова один из наиболее важных постов - военного и морского министра. В.И.Старцев, как мы уже знаем, решительно отклоняет версию о Гучкове-масоне, появление которой он склонен объяснять "происками правых", так как Военная ложа, куда скорее всего он входил, объединяла в своих рядах, по версии В.И.Старцева, исключительно деятелей левой ориентации [1149] и, следовательно, октябристам там нечего было делать, можно сказать, уже "по определению".

Конечно, идеология движения важна. Но ведь есть еще и политическая целесообразность. Она то, как представляется, и привела А.И.Гучкова и некоторых его коллег по партии "Союз 17 октября" в масонские ложи. В своей основе версия В.И.Старцева уходит своими корнями в эмигрантскую историографию, некоторые представители которой (проф.Н.Первушин) даже полагали, что именно левый масонский курс Временного правительства как раз и привел страну к "катастрофе" 25 октября 1917 года [1150].

Если же исходить из данных Биографического словаря русских масонов XX столетия Н.Н.Берберовой [1151], то получается, что практически все министры - члены Временного правительства во главе с близким к кадетам князем Г.Е.Львовым (10 человек из 11) были масонами:

А.И.Гучков (октябрист), Н.В.Некрасов (кадет), А.И.Коновалов (прогрессист),
М.И.Терещенко (беспартийный), А.И.Мануйлов (кадет), А.И.Шингарев (кадет),
А.Ф.Керенский (трудовик), В.Н.Львов (центр.), И.В.Годнев (октябрист).

"Белой вороной" здесь был, по-видимому, только министр иностранных дел П.Н.Милюков.

Правда, в последнее время со ссылкой на данные архивов французских спецслужб некоторые исследователи (О.А.Платонов) считают, что и П.Н.Милюков был, все-таки, масоном, правда, не в русской, а во французской ложе. Однако, убедительные данные о масонстве П.Н.Милюкова все же отсутствуют. "П.Н.Милюков, осведомленный об этом движении, - писала Е.Д.Кускова (1955 год), - в него не вошел: "я ненавижу всякую мистику", якобы заявил он в ответ на предложение принять посвящение". Скорее всего, так оно и было, хотя никакой мистики в политических ложах Великого Востока Народов России, и П.Н.Милюков это наверняка знал, никогда не было.

Итак, 10 министров из 11. Поистине, Временное правительство можно именовать не только Временным, но и масонским. Но это, все же, быть может, несколько завышенные, оптимальные данные о масонском представительстве в правительстве.

Но и по минимальным данным (до 6 "братьев") картина получается, все-таки, впечатляющей. В целом же, даже по самой осторожной оценке проф.В.И.Старцева за весь период существования Временного правительства (март-октябрь 1917 года) в его составе перебывало не менее 15 "братьев":

А.Д.Авксентьев, П.А.Бурышкин, И.Н.Ефремов, А.В.Карташов, А.Ф.Керенский,
Ф.Ф.Кокошкин, А.И.Коновалов, А.В.Ливеровский, Н.В.Некрасов,
П.Н.Переверзев, С.Н.Прокопович, Б.В.Савинков, М.И.Скобелев, В.А.Степанов,
М.И.Терещенко, А.И.Шингарев [1152].

Одним из первых реальных результатов Временного правительства стал его отказ признать власть Михаила Александровича, против чего протестовали только А.И.Гучков и П.Н.Милюков. Текст отречения Михаила был составлен масоном Н.В.Некрасовым. 3 марта под давлением масонов Михаил вынужден был отречся от престола. Не менее сильными были разногласия П.Н.Милюкова и А.И.Гучкова с левым крылом Верховного Совета Великого Востока Народов России и по вопросу об отношении к Советам рабочих и солдатских депутатов. Если П.Н.Милюков настаивал на решительной борьбе с ними, то остальные "братья" из числа руководителей Великого Востока Народов России выступали под флагом сотрудничества с ними [1153].

Бороться со своими противниками, связанными единой незримой масонской цепью П.Н.Милюкову, как человеку, не вхожему в русские масонские ложи Великого Востока Народов России, было невероятно трудно, даже невозможно. Повествуя об этом в своих мемуарах П.Н.Милюков прямо писал: "Я хотел бы только подчеркнуть еще связь между Керенским и Некрасовым и двумя неназванными министрами - Терещенко и Коноваловым. Все четверо очень различны по характеру и по своему прошлому и по своей политической роли. Но их объединяют не одни только радикальные политические взгляды. Помимо этого, они связаны какой-то личной близостью, не только чисто

политически, но и своего рода, политико-морального характера. Их объединяют, как бы даже, взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника... Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь связывает центральную группу. Если я не говорю о ней здесь яснее, то это потому, что наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в это время и узнал об этом из случайного источника лишь значительно позднее периода существования Временного правительства" [1154].

Негласная связь руководящей четверки, о которой здесь пишет П.Н.Милюков - это, вне всякого сомнения, масонская, "братская" связь. Любопытно, что имено кадет П.Н.Милюков и октябрист А.И.Гучков, на которых как на скрытных масонов грешат (и не без оснований) некоторые историки, как раз и вынуждены были после апрельского правительственного кризиса оставить свои посты.

Бесспорные же масоны, напротив, не только остались в правительстве, но и получили здесь 6 (19 мая) 1917 года солидную поддержку в лице двух новых "братьев" - масонов-министров П.Н.Переверзева и М.И.Скобелева [1155].

Преимущественно министрами-масонами были представлены и последующие составы Временного правительства: 24 июля (2 августа) и третьего – 25 сентября (8 октября) 1917 года.

Поворотным пунктом масонского хождения во власть стала отставка князя Г.Е.Львова и назначение 8 (21) июля 1917 года главой Временного правительства министра-председателя А.Ф.Керенского. Правительство в результате резко полевело, усилив, тем самым, и без того напряженное состояние в обществе.

Центральной фигурой в русском политическом масонстве конца 1916-1917 гг. был А.Ф.Керенский, занимавший в нем с лета от 1917 года ключевую должность Генерального секретаря Верховного Совета Великого Востока народов России.

Этим собственно, и объясняется не вполне обычный для непосвященных взлет карьеры А.Ф.Керенского и завидная активность его в февральско-мартовские дни 1916 года. Да и первое послереволюционное заседание Верховного Совета Великого Востока Народов России состоялось 2 марта 1917 года не где-нибудь, а у него на квартире. Безусловно, прав поэтому, был старый и мудрый большевик В.Д.Бонч-Бруевич, когда писал в 1930 году об А.Ф.Керенском, что он был "вспоен и вскормлен масонами еще когда он был членом Государственной Думы и был специально воспитываем ими" в качестве наиболее подходящего кандидата на роль политического руководителя во время предстоящего движения за свержение самодержавия [1156]. Вскормлен и вспоен! Лучше, пожалуй, и не скажешь.

Напрасно, поэтому, по-масонски настроенный исследователь А.И.Серков, явно смазывая картину масонского вхождения во власть в 1917 году, пытается убедить доверчивого читателя (правда, без ссылок на источник), что Генеральным секретарем Верховного Совета Великого Востока Народов России в это время был (с лета 1916 года не А.Ф.Керенский, а А.Я.Гальперн [1157] - фигура в политическом отношении бесцветная и малозначащая. Кажется это понимали в то время многие интеллигенты-немасоны. "О, паршивый адвокатишка, такая сопля во главе государства - он же загубит все", - с возмущением говорил о А.Ф.Керенском после назначения его главой Временного правительства хорошо знавший новоиспеченного премьера острый на язык академик И.П.Павлов [1158]. Такие карьеры, какую сделал себе в 1917 году А.Ф.Керенский, индивидуальными усилиями не делаются. Здесь нужна коллективная воля. Но даже, если это и не совсем так, и формально Генсеком Верховного Совета А.Ф.Керенский в 1917 году все же не был, фактическое лидерство его в масонском тандеме не подлежит сомнению.

"Группа руководящих деятелей Верховного Совета, - свидетельствовал А.Я.Гальперн - Коновалов, Керенский, Карташов и я, - все время были вместе, по каждому вопросу обменивались мнением и договаривались о поведении". И хотя о "сознательном воздействии" на формирование Временного правительства, по его мнению, говорить,

вроде бы и нельзя, "известное влияние" на этот процесс, признает А.Я.Гальперн, масоны все же оказывали [1159].

Летом 1917 года в связи с перегруженностью административной работой А.Ф.Керенский, ставший уже к этому времени премьер-министром, вынужден был формально оставить должность Генсека Верховного Совета Великого Востока Народов России. Как полагал польский историк Людвик Хасс, сделано это было на специальном, уже четвертом конвенте русских масонов. Как раз в этом время, доказывал он, и произошла легализация Ордена в демократической России [1160]. В.И.Старцев, напротив, считает, что произошло это еще до официального назначения А.Ф.Керенского министром-председателем правительства 7 июля 1917 года [1161]. Поскольку преемником А.Ф.Керенского на столь ответственной должности стал А.Я.Гальперн, как публичный политик ничего из себя не представлявший (во Временном правительстве он занял должность управляющего делами Кабинета министров), не приходится сомневаться, кто был истинным хозяином в Верховном Совете Великого Востока Народов России. Несомненно, что и после формальной отставки с должности Генсека руководящая роль в масонской тройке А.Ф.Керенский, А.Я.Гальперн, Н.В.Некрасов по-прежнему принадлежала ему.

Много места в деятельности Верховного Совета в 1917 году занимали вопросы войны и мира, причем большинство масонов явно склонялись на позиции необходимости форсирования заключения мира (А.Я.Гальперн и другие). "Я считал тогда, - вспоминал он, - что воевать мы не можем (об этом говорили все доклады с фронтов), а поэтому необходимо убедить союзников, что мы можем лопнуть, если они не согласятся на общие переговоры" [1162].

Они не соглашались. "Сам А.Ф.Керенский, - пишет В.И.Старцев, - еще в апреле 1917 года на встрече с Французской правительственной делегацией общался с ее членами-масонами "братским образом" и дал твердое обещание, что Россия не заключит сепаратного мира с Германией и не бросит свою союзницу Францию.

Этому обязательству Керенский остался верен до 24 октября 1917 года, несмотря на то, что доводы благоразумия толкали его к необходимости выхода России из войны" [1163]. Здесь В.И.Старцев исходит из данных Н.Н.Берберовой, которая прямо писала, что видные руководители Великого Востока Франции Альбер Тома (министр вооружений) и социалист Марсель Кашен приезжали в апреле 1917 года в революционный Петроград, где были сразу же приняты А.Ф.Керенским. Здесь, ссылаясь на его масонскую клятву 1912 года они, якобы, потребовали от него не бросать Францию в беде и не заключать сепаратного мира с немцами. Альбер Тома (сама Н.Н.Берберова ссылается на устное свидетельство полковника Н.Н.Пораделова), якобы, на коленях стоял перед А.Ф.Керенским, а Марсель Кашен рыдал, закрыв лицо носовым платком [1164].

Поездка А.Тома и М.Кашена, действительно, имела место в указанное Н.Н.Берберовой время. Подтверждается и факт личной встречи 12 (25) апреля 1917 года этих политиков, по крайней мере, А.Тома [1165] с А.Ф.Керенским. Но сама сцена с стоящим на коленях Альбером Тома и рыдающим Марселем Кашеном, по оценке О.Ф.Соловьева, скорее всего плод журналистской фантазии Н.Н.Берберовой [1166], хотя тайные контакты Временного правительства с немцами в Стокгольме через журналиста Колышко, вроде бы, и имели место. Во всяком случае, некоторые основания для подозрений у французского правительства относительно позиции России в вопросе сепаратного мира с немцами, видимо, все-таки были. Что касается будущего лидера французских коммунистов Марселя Кашена, то он хотя и ушел из масонского Ордена еще в 1901 году, но сохранял, тем не менее, тесные связи с ним [1167]. Принадлежность же к масонству другого участника описанной Н.Н.Берберовой сцены - социалиста Альбера Тома, и вовсе не вызывает никаких сомнений. Еще до октября 1917 года как министр вооружений Франции он направил в Россию еще одного масона - капитана Ж.Садуля, игравшего здесь роль политического наблюдателя. "Несомненно, - констатирует

О.Ф.Соловьев, - министр Тома делился сведениями и с руководителями центров Ордена, имевшими информацию, как бы, из первых рук" [1168].

Так что, спорить тут, вроде бы, и нечего.

Особо важное значение придавало руководство Верховного Совета Великого Востока Народов России взаимодействию с Петроградским Советом, руководящая роль в котором, как и во Временном правительстве принадлежала "братьям-масонам": Н.С.Чхеидзе (председатель), М.И.Скобелев, Н.Д.Соколов, К.А.Гвоздев. "Тот факт, что Чхеидзе был "братом", - отмечал, впоследствии А.Я.Гальперн, - сильно облегчал мою задачу. Я мог говорить с ним совсем просто: чего кочевряжетесь, ведь все же наши считают это неправильным, надо исправить и сделать по-нашему" [1169]. С учетом существования единого тайного масонского центра (кадеты, меньшевики, трудовики, прогрессисты, эсеры) цепко державшего под своим негласным контролем и Временное правительство и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, традиционное ленинское представление о периоде с марта по июль с 1917 года, как периоде двоевластия нуждается в серьезной корректировке. Власть то, оказывается, была у нас все-таки одна. Впрочем, оговаривается В.И.Старцев, "было бы ошибкой считать, что масоны подчинили себе обе власти или даже представляли собой третью, подлинную тайную власть в революционной России" [1170].

Конечно, преувеличивать значение единого тайного масонского центра в событиях 1917 года, может быть, и не стоит, тем более, что сами события развивались, отнюдь, не по масонскому сценарию. Но виноваты в этом были, конечно же, не одни масоны. Для нас в данном случае важна констатация факта, что центр такой в 1917 году все же был и тайная координация с его стороны деятельности основных очагов революционной власти – Исполкома Петросовета и Временного правительства успешно до поры до времени осуществлялась.

Наиболее ощутимым это незримое масонское присутствие сказывалось в кадровой политике Временного правительства. "Решающим моментом" при принятии тех или иных государственных назначений при А.Ф.Керенском (министр-председатель с 7 июня 1917 года) была прикосновенность того или иного кандидата к масонству [1171]. О том, как происходило формирование Временного правительства мы уже знаем. Этот же принцип - брать только своих неукоснительно соблюдался и при формировании новой "революционной" администрации на местах. "Большую роль, - отмечал, в связи с этим, А.Я.Гальперн, - играли братские связи в деле назначения администрации в 1917 году на местах. Да это и вполне естественно: когда вставал вопрос о том кого назначить на место губернского комиссара или на какой-либо другой видный административный пост, то прежде всего, мысль устремлялась на членов местных лож, и если среди них было сколько-нибудь подходящее лицо, то на него и падал выбор".

В.И.Старцев, который посвятил исследованию этого вопроса специальную статью "Русские политические масоны в правящей элите Февральской революции 1917 года", установил имена 44 масонов, назначенных на свои высокие административные и выборные должности благодаря их масонским связям. Большинство таких назначений приходится на вторую половину 1917 года, то есть уже при А.Ф.Керенском:

министр Временного правительства, председатель Предпарламента (Временный Совет Российской Республики) Н.Д.Авксентьев, представитель российского общества Красного креста во Франции П.А.Бурышкин, управляющий делами Временного правительства А.Я.Гальперн, товарищ министра внутренних дел А.А.Демьянов, а также министры И.М.Ефремов, Ф.Ф.Кокошкин, А.В.Карташов, А.И.Коновалов, А.В.Ливеровский, П.Н.Переверзев, С.Н.Прокопович, Б.В.Савинков, М.И.Скобелев, В.И.Степанов, М.И.Терещенко, А.И.Шингарев [1172].

Из масонов-комиссаров "керенского призыва" известны: Алихан Букейханов - представитель Временного правительства в Тургайской области, Л.А.Велихов - комиссар Временного правительства в Одессе, А.А.Волкович – комиссар Временного правительства

в Витебской губернии, С.М.Писаревский – секретарь Витебского губернского комитета, В.В.Федорович - уездный комиссар Витебской губернии [1173]. Основным поставщиком кадров для местной администрации при Временном правительстве были провинциальные масонские ложи. Никакого отрыва Верховного Совета от местных лож, о чем пишет А.И.Серков [1174], не произошло, и ни о каком прекращении деятельности Великого Востока Народов России, как масонской структуры, ни накануне, ни тем более после Февральской революции не может быть и речи.

Другое дело, что центр тяжести этой работы по условиям времени оказался перемещен из местных лож в Верховный Совет. Но и ложи не совсем бездействовали. Так известно, что 4 апреля 1917 года в петроградской ложе "Истинные друзья" получил посвящение в вольные каменщики известный эсер-террорист Б.В.Савинков [1175].

Основной причиной некоторого спада активности местных лож и перенесения центра тяжести в Верховный Совет следует признать проявившиеся после февраля-марта 1917 года несогласия между "братьями". Не следует забывать, что состав их в политическом плане был весьма и весьма разношерстным. В дореволюционные годы перед лицом общего врага в лице царского самодержавия разногласия эти отходили на задний план. После же февраля 1917 года, когда самодержавие пало, исчезла и та цементирующая сила, которая по необходимости склеивала столь разных людей в единое тайное братство. "Вражда между братьями в это время была настолько сильна, что я, например, состоя председателем одной из петербургских лож, не мог созвать после февральского переворота не одного ее собрания, ибо члены моей ложи просто не могли бы сесть за один стол", - отмечал в этой связи В.А.Оболенский [1176].

Идеей-фикс Верховного Совета была идея коалиции, за которую он по свидетельству А.Я.Гальперна и держался в 1917 году до конца, хотя и меньшевики и эсеры, которые резко в это время полевели и протестовали против коалиции с кадетами.

Как то ни было, жизнь показала, что такая практика на первых порах себя оправдывала. Во всяком случае, в критические дни 3-4 июля 1917 года поддавшись на уговоры Верховного Совета Н.С.Чхеидзе и другие масонские руководители ЦИК сумели - таки, повлиять на представителей демонстрантов обещанием созвать в ближайшее время 2 съезд Советов, который, якобы, и рассмотрит вопрос о власти. Это, пишет В.И.Старцев, способствовало успокоению массы демонстрантов.

Но 8 июля ЦИК объявил Временное правительство правительством спасения революции и заявил о передаче ему всей полноты власти [1177].

Это была капитуляция, но капитуляция, как теперь выясняется, хорошо продуманная и хорошо спланированная. 22 июля 1917 года было сформировано второе коалиционное правительство А.Ф.Керенского. Возобновились и переговоры о коалиции с кадетами.

По-другому, впрочем, и быть не могло, ибо дирижеры у ЦИК и правительства были общие и играли они по одной и той же партитуре.

Задача, которая стояла перед правительством, заключалась прежде всего в стабилизации власти на основе соглашения ведущих политических партий и подготовки на этой основе к созыву Учредительного собрания. Своеобразным смотром демократических сил и их возможностей в смысле поддержки усилий Временного правительства стало Государственное совещание 12 (25) августа 1917 года в Москве. Корниловский мятеж 25 августа (7 сентября) 1917 года, несмотря на успешное его подавление, нанес тяжелый удар по Временному правительству.

Леворадикальные оппоненты его в лице большевиков постарались извлечь максимальную выгоду из этого инцидента. Чувствуя по мере большевизации Советов, что власть уходит из рук, и правительство, и Верховный Совет Великого Востока Народов России, как его теневая структура, предпринимают в это время лихорадочные усилия по сплочению демократических сил. Именно в этом ключе и следует рассматривать работу 14-22 сентября (22 сентября – 5 октября) 1917 года Демократического совещания с участием представителей городских дум, кооперативов и профсоюзов, а также открытие 7

(20) октября Временного Совета Российской Республики (Предпарламент), как своеобразных подпорок уже зашатавшемуся правительству.

24 сентября 1917 года было объявлено о создании 3-го коалиционного правительства А.Ф.Керенского. Но было уже поздно. "Кучка интеллигентов не могла играть большой роли и сама распалась под влиянием столкновения классов", - отмечал Н.В.Некрасов [1178]. Однако, главная причина катастрофического падения влияния Великого Востока народов России на ход событий в стране и фактическое бездействие низовых ячеек масонского сообщества - его лож заключалась в том, что создавался Великий Восток, как мы знаем, с одной единственной целью - захват и удержание власти. После того, как власть была захвачена и закреплена, исчезла и необходимость его дальнейшего существования, по крайней мере, в том виде в каком он продолжал функционировать в это время. Пытаясь выявить причины резкого уменьшения влияния масонов на события уже со второй половины 1917 года, В.И.Старцев называет, в частности, возвращение из эмиграции и ссылки большой группы "политиков высшего класса", к масонским организациям не причастных: Г.В.Плеханова, Е.К.Брешко-Брешковскую, Н.Д.Авксентьева и других. "Хотя некоторых из вернувшихся удалось вовлечь в ложи, большинство этих лидеров действовали независимо от масонов, нарушали их планы и масонскую солидарность" [1179].

В новых политических условиях ситуация повернулась так, что политическая деятельность уже перестала быть привилегией только избранных "братьев". Отсюда и резкое падение численности масонских лож. К октябрю 1917 года их в России оставалось, по сведениям В.Вяземского, не более 28 [1180]. Сходную цифру приводит и Людвик Хасс. Из 40 лож, насчитывавшихся в феврале 1917 года, к октябрю этого же года осталось 29 [1181].

Последнее заседание Верховного Совета состоялось в конце сентября или в начале октября и было посвящено борьбе с украинским сепаратизмом. Прибывшие на это заседание из Киева украинские масоны К.П.Григорович-Барский и С.Н.Чебаков упрекали Временное правительство в неоправданных уступках украинским сепаратистам.

Верховный Совет поддержал их, и было принято решение воздействовать в соответствующем смысле на Временное правительство [1182].

Все это, конечно, замечательно, но не дай вам Бог, читатель, подумать, что антирусская позиция российских масонов в национальном вопросе претерпела в 1917 году серьезные изменения. Нет, стратегический курс "братьев" вольных каменщиков, несмотря ни на что, оставался прежним - разрушение "империи" и создание на основе России ряда независимых или полузависимых от Центра государств.

Любопытно в связи с этим характерное признание бывшего главы Временного правительства А.Ф.Керенского. Дело было в 1953 году. Интервьюировавший его французский журналист Роже Лютеньо, видимо, желая угодить отставному политику, напомнил А.Ф.Керенскому о провозглашенной им в 1917 году автономии Финляндии. Однако тот неожиданно запротестовал: "Нет! Мы восстановили независимость Финляндии. Она была аннексирована Россией в ходе Наполеоновских войн и вошла в империю в качестве независимого государства, заключившего союз лично с императором ... Временное правительство немедленно вернуло Финляндии все права, при одном единственном условии: независимость Финляндии должна быть принята Учредительным собранием. Одновременно мы провозгласили и независимость Польши. Начал разрабатываться режим предоставления независимости для прибалтийских стран, для Украины" [1183]. Говорить о последствиях для нашего народа разрабатывавшихся оказавшимися у руля государства временщиками планов предоставления независимости для прибалтийских стран и Украины, здесь, очевидно, большой необходимости нет. Всякому непредвзятому человеку ясно, что одной только "сдачей" Прибалтики и Украины ограничиться никак в то время было нельзя, ибо на очереди стояли уже сепаратисты Кавказа, Сибири и Поволжья.

Октябрьский переворот 1917 года не только поставил жирную точку на этих планах, но и положил фактический конец деятельности как Временного правительства, так и Великого Востока Народов России. Отдельные члены его продолжали свою работу на территории России вплоть до конца 1918 года. С отъездом в декабре этого года за границу Генерального секретаря Верховного Совета Великого Востока Народов России А.Я.Гальперна, исполнение его обязанностей взял на себя С.А.Балавинский. Но продолжалось его секретарство недолго, и в конце 1918 года Великий Восток народов России, как организация, фактически, прекратил свое существование.

В годы Гражданской войны остававшиеся еще в стране деятели Великого Востока Народов России заняли открыто антисоветские позиции. Так, во главе Комитета Учредительного собрания, захватившего в мае 1918 года при содействии бывших союзников России власть в Поволжье, подвизался лидер эсеров, видный масон одной из парижских лож А.Д.Авксентьев. Другой видный масон - народный социалист Н.В.Чайковский встал во главе Временного правительства в Архангельске.

Еще один "брат" эсер Б.В.Савинков возглавил антисоветские мятежи в Рыбинске и Ярославле. Немало было масонов и в окружении Колчака, горько жаловавшегося на их происки.

В 1919 году в Париже, группа оказавшихся здесь политических масонов, попыталась было восстановить Великий Восток Народов России. Был даже избран его новый Генеральный секретарь - И.П.Демидов [1184].

Но инициатива эта из-за прохладного отношения к ней со стороны французских "братьев" ни к чему не привела. Не жаловали А.Ф.Керенского и его ближайших коллег по Великому Востоку Народов России и русские эмигранты. Возрождение русских масонских лож во Франции происходило, вследствие этого, уже без их участия [1185].

Глава 17. Религиозно-мистические кружки и ордена в России (1900-1917 гг.)

Как ни важно для нас уяснение подлинной роли кадетского или политического масонства в истории России XX века, не следует забывать, что оно все-таки всего лишь вершина айсберга [1186], с которым столкнулся в начале века громадный и неповоротливый корабль российской государственности.

Проникновение в толщу русского материка масонской "подземной реки", неумолимо и методично размывающей самые глубинные основы традиционного русского самосознания, началось, конечно же, задолго до февральско-мартовских дней 1917 года. Продолжалось это проникновение и в послереволюционные годы, причем как до, так и после 1917 года видная роль здесь принадлежала практически неизвестным сейчас масонским кружкам (мартинисты, филалеты, розенкрейцеры) или масонствующим (спириты, теософы, софианцы) и группам российской интеллигенции. Непросто складывались отношения тайных интеллигентских сообществ и со спецслужбами. Особенно драматичный характер приобрели они в 1920-е годы.

Масонская традиция утверждает, что первой попыткой легализации масонства в России после запрета его в 1822 году явилось посвящение в 1866 году в Копенгагене во Всемирное братство цесаревича Александра Александровича - будущего царя Александра III. Руководил его посвящением будущий тесть - датский король Кристиан IX.

Большого впечатления на воспитанного в национальном духе наследника российского престола масонская церемония, однако, не произвела. "Да, все это интересно, - заявил он, - но боюсь, что преждевременно в России вводить" [1187].

Тем временем работа по распространению масонского "света" в России уже шла полным ходом. Первыми освоили русскую почву в этом плане спириты. Спиритизм (Spiritus - дух) как вера в возможность появления в мире физическом духов загробного

мира был известен еще в глубокой древности. Однако в современном его звучании он берет начало с 1848 года, когда в американском городке Гайдесвиль проживавшую там семью Фокс стали беспокоить некие таинственные стуки в доме [1188]. Одна из дочерей Фокс, Кэт, вступила путем перестукивания в контакт с таинственным незнакомцем.

Им оказался дух убитого в этом доме 31 год назад человека. Сестры Кэт были признаны медиумами или посредниками между миром духов и людей. Желающих вступить в контакт с духами умерших родственников оказалось немало, и у сестер Фокс появились последователи не только в Америке, но и в Европе.

В России первые спиритические сеансы были устроены в 1853 году и сразу же вызвали горячие споры. В 1875 году по предложению профессора С.-Петербургского университета Д.И.Менделеева была образована комиссия для изучения спиритических явлений. Членам ее были показаны два медиума, доставленные из Англии горячим пропагандистом этого учения профессором Н.П.Вагнером, - братья Петти, и женщина-медиум Кляйер. Результаты их медитации оказались плачевными, и комиссия констатировала, что спиритизм есть не что иное, как обман и суеверие.

Это, однако, нисколько не охладило приверженцев учения, в числе которых был и известный химик, академик А.Н.Бутлеров [1189].

Присущая спиритизму способность увлекать неофита чудесами и необычными для обыденного восприятия феноменами способствовала популярности этого явления.

Наибольшую известность среди спиритических кружков и групп 1907-1908 гг. получил кружок (до 15 человек), группировавшийся вокруг издателя журнала "Спиритуалист" почетного гражданина Владимира Павловича Быкова. При нем также издавались оккультный журнал "Голос всеобщей любви" и газета спиритуально-оккультного направления "Оттуда". Важно подчеркнуть наличие у В.П.Быкова, который являлся мастером стула одной из московских лож и поддерживал тесные связи с масонами Чернигова и Петербурга, посвятительных тетрадей, паролей и знаков некоего "Ордена Розенкрейцеров". Это, во-первых, исключает самодеятельный характер работ московских "братьев", а во-вторых, прямо указывает на их связь, ввиду союза двух орденов, с мартинизмом. Едва ли случайно поэтому, что уже в январе 1908 года московские "братья" посылают в Париж к главе Ордена мартинистов Папюсу своего представителя с приглашением принять участие в работе журналов и, что самое любопытное, получают его полное согласие на это. Никак нельзя поэтому согласиться А.Я.Аврехом в оценке В.П.Быкова как "обыкновенного проходимца, который делал весьма выгодный бизнес на глупости и суеверии замоскворецких клиентов" [1190].

В 1910 году В.П.Быков участвовал в работе Всемирного конгресса спиритов в Брюсселе, где русским делегатам было прямо заявлено, что только из-за отсутствия в России политических свобод и изобилия невежества и темноты в народе у них еще держится представление о Христе как о Боге. Во всех других странах, за исключением двух небольших религиозных общин в Швейцарии, спириты уже давно развенчали Спасителя и считают его обыкновенным человеком, и даже обыкновенным медиумом. Более того, современный медиум-целитель Пиле из Дуэ якобы имеет больше основания называться Христом.

"И эти страшные слова, - пишет В.Быков, - при взгляде на жирного, с лоснящейся физиономией француза Пиле, присутствовавшего при этой кощунственной речи, были громовым ударом для бедных русских делегатов от русского спиритизма, уже давно катившихся по наклонной плоскости, но еще бывших на некотором расстоянии от такого конца" [1191].

Так, к удивлению многих, вчерашний горячий пропагандист этого учения в одночасье превратился в его яростного ниспровергателя [1192]. "Могу уверить горьким опытом, - писал он теперь, - что девять десятых спиритических феноменов представляют собою результат самой бессовестной грубой подделки, в которой души умерших не принимают ни малейшего участия". Вместе с тем, наряду с обыкновенным мошенни-

чеством на почве галлюцинаций, самовнушения и гипноза, и коллективного психоза, в спиритических сеансах, доказывал он, присутствует и нечто большее, вырастающее в "яркую картину мировой борьбы с Богом и святой церковью. Сила эта есть не что иное, как сила Сатаны" [1193].

Повальное увлечение российской интеллигенции спиритизмом и столоверчением во многом облегчило восприятие ею более сложного религиозно-мистического учения масонскмо характера, каким является теософия.

Основу теософской мудрости составляет герметическая философия, названная так по имени Гермеса Трисмегиста (Трижды величайшего) - легендарного автора учения, дошедшего до нас в 14 книгах (или отрывках из них) египетско-греческого происхождения. В литературе эти книги получили название герметических (Гермес, как известно, древнегреческий бог, сопровождающий души умерших в загробный мир, и покровитель тайного знания). Само учение представляет собой сплав египетского многобожия, иудейско-христианского монотеизма и греческого философского идеализма. Его элементы встречаются практически во всех религиозно-философских учениях древности от брахманизма и древнееврейской каббалы до розенкрейцеров.

В современном понимании теософское учение сложилось, однако, только во 2-й половине XIX века. Основоположником его является Елена Петровна Блаватская (урожд. Ган) - двоюродная сестра графа С.Ю.Витте, выдававшая себя за ученицу и посланницу великих буддийских мудрецов, якобы живущих в горах Тибета [1194].

Несостоятельность теософских претензий Е.П.Блаватской убедительно показал в свое время в хорошо известной специалистам брошюре "Современная жрица Изиды" близко знавший ее Всеволод Соловьев [1195].

В 1875 году вместе с английским полковником Генри Олькоттом Блаватская основывает Теософское общество в Нью-Йорке, ставящее целью образование первоначального ядра будущего всечеловеческого братства, развитие сверхъестественных сил человека, изучение и пропаганду религиозно-философских учений древности [1196]. Основной труд Е.П.Блаватской - сочинение "Тайная доктрина" [1197].

Главной задачей человека современные теософы считают познание им Бога в себе самом путем добродетельной и созерцательной жизни. Важной составной частью учения является вера в перевоплощение человека и многократность его существования на Земле, а также стремление к созданию мировой универсальной религии. Бог в представлении теософов есть совокупность мира, проявление которого можно наблюдать во всей природе.

В России московское и петербургское теософические общества были созданы в 1908 году. Петербургское общество возглавила А.А.Каменская. Официальным органом общества был журнал "Вестник теософии". Среди русских последователей этого учения был и Н.К.Рерих, развивавший в своих произведениях мысль о легендарных Учителях человечества, постигших законы эволюции мироздания, и о легендарной Шамбале, где якобы живут эти Учителя.

Многие теософы были членами масонских лож. Н.К.Рерих был посвящен в одной из эзотерических масонских лож в Лондоне. Отдали дань увлечению теософией и масонством Андрей Белый, Вячеслав Иванов и другие поэты-символисты. Однако официально теософы отрицают свою связь с масонскими ложами. Во всемирном братстве им отведена роль своеобразного идеологическою прикрытия "вольного каменщичества.

Яснее всего темная духовная сущность теософии проявляется в ее отношении к христианству; теософы решительно отрицают Божественность Христа, который для них не более чем медиум.

Весьма популярным среди российской интеллигенции предреволюционных лет было и учением антропософов, объединявшее в своих рядах последователей Рудольфа Штейнера (1861-1925) - генерального секретаря немецкого отделения Теософского

общества. В 1913 г. он порывает с теософией и основывает собственное Антропософское общество (январь 1913) с центром в г. Дорнахе (Швейцария).

Считается, что антропософия - это теософия, так сказать, высшего порядка, предназначенная для тех, кто хочет внести в нее дух научного знания. "Она увлекала, - как писал Н.А.Бердяев, - более культурных людей".

Русское Антропософское общество в Москве [1198] было открыто уже 20 сентября 1913 года в день положения краеугольного камня будущего антропософского храма Гетеанума в Дорнахе. Первым председателем Антропософского общества стал Б.П.Григоров, в 1921 г. его сменил Т.Г.Трапезников.

10 октября 1913 г. было зарегистрировано и петербургское отделение общества.

Возглавила его жена инженера путей сообщения Елизавета Васильева. Секретарем общества стал Борис Леман.

Среди наиболее горячих пропагандистов антропософского движения в России - Андрей Белый (Бугаев) [1199], его вторая жена Клавдия Васильева, М.Я. фон Сиверс, О.Н.Анненкова, М.А.Сабашникова (первая жена М.А.Волошина), М.А.Столяров, В.О.Анисимова (Станевич), А.С.Петровский.

В 1923 г. Теософское и Антропософское общества были формально закрыты, хотя фактически продолжали существовать вплоть до конца 1920-х годов. Первый серьезный удар по ним нанесли аресты 1927 года. Окончательно же их добили в 1931 году, когда большая часть участников движения оказалась в ссылках и лагерях.

Активно подвизались в начале XX века на русской почве и духовно-мистические ордена: мартинисты, розенкрейцеры, рыцари-"филалеты" (друзья истины), иллюминаты.

Председателем петербургского отделения ордена Иллюминатов был Фриц Дезор.

Среди членов: А.Маркович, А.Лосская, А.Трояновский, М.Исаев, Н.Дондукова и др. Как утверждал В.Л.Вяземский, в Кронштадте еще в начале XX века работала и новиковская ложа "Нептун", членом которой был якобы сам академик А.Н.Пыпин (умер в 1904 году), Н.Н.Беклемишев и ряд других лиц [1200].

Хорошо осведомленный современный исследователь масонства А.И.Серков относится к этой версии скептически [1201]. Это и понятно вследствие практически полного отсутствия документальных подтверждений этого факта.

Не так много знаем мы, к сожалению, и о другом масонско-мистическом ордене, действовавшем на территории дореволюционной России – Рыцарей Филалетов (Друзей истины). Орден этот был основан во Франции еще в 1890 году неким масоном шотландского обряда Алкаестом. В самом конце 1890-х годов там же, в Париже была учреждена и центральная ложа ордена - "Карма", объявившая себя преемницей ордена средневековых розенкрейцеров. Первые ложи ордена Филалетов в России - "Пирамида" и "Карма" были учреждены при покровительстве великого князя Александра Михайловича еще в 1898 году [1202].

В 1900-е годы большой поклонницей идей ордена становится русская феминистка Варвара Авчинникова-Архангельская. В 1910 году она получает назначение делегата Ордена в России. В Петербурге В.Авчинникова-Архангельская была поддержана уже упоминавшимся отставным генерал-майором Н.Н.Беклемишевым.

На страницах редактируемого им журнала "Море" была развернута (правда, под прикрытием критики западного политиканствующего масонства) самая настоящая пропаганда масонских идей в нашем Отечестве [1203].

В 1914 году В.В.Авчинникова-Архангельская неожиданно умирает и Великим провинциальным мастером ордена Филалетов в Санкт-Петербурге становится Н.Н.Беклемишев. К 1917 году под его руководством известны, в частности, следующие ложи Ордена: "Северная пирамида", "Два горизонта", "Четыре элемента", "Нептун" и "Карма". Одну из этих лож ("Карма") возглавлял, судя по всему, великий князь Александр Михайлович. Впрочем, Л.Д.Кандауров в своей "Записке" утверждал, что великий князь всего лишь покровительствовал Ордену [1204].

В 1916 году в Петрограде была открыта еще одна мастерская ордена Филалетов - Великая ложа "Астрея". 12 апреля 1917 года в ложе "Карма" получил посвящение А.П.Веретенников. Формально ложа просуществовала вплоть до конца 1919 года.

Собирались "братья" обычно в гостинице "Англетер". Деятельнейшим членом этого сообщества был секретарь германского генерального консульства в Петрограде Юлиус Германн [1205].

Самой таинственной оккультной организацией дореволюционной России, вне всякого сомнения, могут считаться розенкрейцеры. Каббалистический Орден Креста и Розы был воссоздан в 1880-х годах во Франции Станиславом Гуайта.

Его последователи считают себя наследниками традиций знаменитого Братства Розенкрейцеров XVI-XVII столетий. Особенностью Ордена является чрезвычайно скрытный характер его деятельности и поощрение образования вокруг себя различного рода свободных групп и ассоциаций, из которых розенкрейцеры и черпают свежие силы. Розенкрейцеры, отмечает исследователь Ордена Ю.П.Граббе, работают, состоя не в рядах масонства, а значительно выше его (18-я степень в масонстве есть степень розенкрейцера) [1206].

Из петербургских лож Ордена достоверно известно только о кружке Александра Каспаровича Кординга в Озерках (основан 30 июня 1907 г.). Кроме того, есть упоминания и о существовании розенкрейцерских лож в Москве, Саратове, Казани и Нижнем Новгороде. Ложи в Полтаве ("Кирилл и Мефодий"), Киеве ("Северное сияние") и Феодосии ("Иордан") работали под управлением центральной ложи "Нарцисс" [1207]. Более точными сведениями об их деятельности исследователи, к сожалению, не располагают, так как розенкрейцеры имеют обыкновение работать "в тиши", не афишируя своей деятельности.

К розенкрейцерским сообществам следует отнести и так называемую ложу "Астрея", учрежденную в 1908 году на основе мистического кружка Петра Александровича Чистякова - издателя оккультного журнала (вышло всего несколько номеров) "Русский франк-масон". Инициатива учреждения ложи принадлежала британскому подданному из русских евреев Ивану (Исаак) Федоровичу Персицу (Джеймс Перси).

Появившись в 1908 году в России, он выдавал себя за представителя англо-американского масонства. Этим он привлек к себе внимание не только московских простаков, не подозревавших, что имеют дело с секретным сотрудником Департамента полиции [1208], но и газетчиков. Поскольку Джеймс Перси публично заявлял, что он хлопочет об открытии масонских лож в России, один из них напомнил ему, что с 1822 года масонство в России запрещено.

"Да, я знаю это, - парировал Дж. Перси, - но объясняется это тем, что представители властей знакомы с учением масонов по французским ложам, а не по английским. Английское масонство - враг всякой политики, и я уверен, что познакомившись с ним, правительство разрешит нам пропаганду его в России. Я еду в ближайшее будущее в Петербург, куда имею много рекомендательных писем" [1209]. Что двигало Джеймсом Перси, когда он делал это явно провокационное заявление, остается только гадать.

Но масонская ложа в Москве с помощью П.А.Чистякова была им все же, судя по всему, организована.

Мастером стула этой во многом "полицейской" по своему происхождению ложи стал, благодаря своему авторитету в кругах московских оккультистов, П.А.Чистяков. Секретарем при нем, по утверждению И.Персица, была известная исследовательница масонства Т.О.Соколовская. 21 декабря 1908 года, когда члены ложи собрались на квартире П.А.Чистякова для проведения своего обыкновенного заседания, туда неожиданно нагрянула полиция. "Братьев" наскоро переписали и предложили разойтись по домам [1210]. Что касается И.Ф.Персица, то, как английский подданный, он был

выслан в Австро-Венгрию [1211], оставив в архиве "охранки" так называемый "Список членов масонской ложи "Астрея"". Единственным человеком, который этот список видел, был в 1917 году по его утверждению С.П.Мельгунов [1212].

Практически одновременно с орденами Филалетов и Розенкрейцеров активно работали в России и тесно связанные с ними мартинисты. Не следует забывать, что непременным условием посвящения в 18-ю розенкрейцерскую степень "братьев"-масонов является успешное прохождение ими герметической науки у мартинистов. Мартинизм - одна из наиболее распространенных форм эзотерического масонства. Основан был Орден в 1890 году во Франции врачом практиковавшим в области гипноза Жераром Энкоссом (1860-1916), более известным под своим эзотерическим именем "Папюс". Большой вклад в становление Ордена внес еще один известный оккультист - Огюст Шабосо. Масонская традиция связывает истоки учения мартинистов с деятельностью знаменитого мистика XVIII века Мартинеса Паскалиса. Большой вклад в развитие учения и становление организационной структуры внесли во второй половине XVIII века ученики и последователи Паскалиса Ж.-Б.Виллермоз и Клод Сен-Мартен, именем которого и был назван Орден. Декларируемая цель мартинистов вполне в масонском духе: нравственное возрождение личности и всего человечества.

Главное средство в достижении поставленной цели они видели в личном примере, в "духовно-нравственном подъеме своих членов", что обеспечивалось их неустанными поисками "духовного" сближения с Божеством в лице Искупителя.

Пантаклем Ордена мартинистов является черный круг с двумя пересекающимися треугольниками (светлою вершиною вверх и черною вершиною вниз).

Начало проникновения мартинизма в Россию относится к 1894 году, когда в Петербурге появился первый делегат Ордена, однако заметным оно становится лишь с деятельностью на этом поприще полковника графа Валериана Валериановича Муравьева-Амурского (брата министра юстиции). Еще будучи военным атташе во Франции, он увлекся оккультизмом и около 1895 года был принят в Орден самим Папюсом. По возвращении из Парижа В.В.Муравьев-Амурский основывает в Петербурге в 1899 году первую в России мартинистскую ложу, подчиняющуюся Верховному совету Ордена в Париже - "Аполлония".

К этому же времени относятся и сведения об увлечении мартинизмом Николая II. В начале 1900 года герцогиня Лейхтенбергская Анастасия Николаевна по поручению Николая II посетила во Франции некоего "святого" старца Филиппа Ансельм-Вашо из Лиона, чтобы убедиться в его чудотворной силе. Филипп родился 25 апреля 1849 года в Савойе в крестьянской семье и был известен во Франции к этому времени как целитель и гипнотизер. Законченного медицинского образования, как водится в таких случаях, он не имел и лечил внушением. 20 сентября 1901 года произошла личная встреча Николая II с мосье Филиппом в Компьене [1213], организованная все той же герцогиней Лейхтенбергской, после чего глубокой осенью того же года по личному приглашению царя почтенный старец прибыл в Петербург. По сведениям П.А.Бурышкина, первое посещение Филиппом Вашо России было непродолжительным (около двух месяцев) и ограничивалось Царским Селом, где он вместе со своей дочерью госпожой Лаланд был на попечении дворцового коменданта П.П.Гессе.

Второй визит, в ходе которого старец посетил Крым, где он жил во дворце великого князя Петра Николаевича, П.А.Бурышкин относит к осени 1902 года.

В принципе, это вполне согласуется с выводом исследователей о центральной роли в этой истории доклада руководителя русской заграничной агентуры в Париже П.А.Рачковского, смело разоблачившего "святого старца" как авантюриста и агента масонов. Доклад этот стоил карьеры П.А.Рачковскому. 15 октября 1902 года он был уволен в отставку [1214].

Однако другой исследователь, А.М. дю Шайла относил приезд Филиппа к осени 1903 года и даже называл точную дату его отъезда - 25 ноября [1215].

Примирить эти данные может, впрочем, предположение, что на самом деле первый визит Филиппа Вашо в Россию был более продолжительным, чем считал П.А.Бурышкин, и растянулся без малого на целый год.

Как бы то ни было, "святой старец", а именно так неизменно выставлял себя мосье Филипп, сумел полностью очаровать и подчинить своему влиянию как государя, так и в особенности его суеверную супругу. Характерно, что по настоянию Филиппа Николай II повелел руководству Военно-медицинской академии в Петербурге выдать ему диплом доктора медицины. Одновременно с этим мосье Филипп получил чин действительного статского советника и, по некоторым, не вполне впрочем подтвержденным данным, получил назначение на должность инспектора по военно-санитарной части [1216].

Как отмечал в своем дневнике за 30 августа 1902 года А.А.Половцев, именно мосье Филипп внушил императрице путем гипноза навязчивую мысль о ее беременности. Однако когда она показалась врачам, оказалось, что это не так. Между тем, история с мнимой беременностью императрицы получила огласку. Конфуз "старца" был, казалось бы, полным, и ему не оставалось ничего другого, как собираться в дорогу. Однако перед отъездом старец вновь предсказал императрице скорую беременность и рождение сына. "Я видела госпожу Ольгу Мусину-Пушкину несколько раз после этого, - вспоминала позже уже упоминавшаяся нами госпожа Лаланд, - и она рассказала мне, что едучи в карете императора и императрицы, мосье Филипп обещал императрице сына, и на этот раз не он, а царица поцеловала руку Учителя. У Ольги Мусиной-Пушкиной были на глазах слезы. Это обещание впоследствии исполнилось" [1217].

Важно подчеркнуть, что роль Филиппа при русском дворе не ограничивалась советами по медицинской части, что хорошо видно из переписки императрицы Александры Федоровны с Николаем II. "Это не по моей воле, а Бог желает, чтобы твоя бедная жена была твоей помощницей. Григорий всегда это говорил, - тоже", - писала она своему супругу 16 июня 1915 года. Эта же тема неизменно присутствует и в целом ряде других писем государыни. "Вспомни, что даже m-r Филипп сказал, что нельзя давать конституцию, так как это будет гибелью России и твоей. И все истинно русские говорят это" (письмо от 14 декабря 1916 года) [1218].

На медиумических сеансах по желанию царя Филипп якобы вызывал дух его отца Александра III, который советовал сыну крепить дружбу с Францией и подталкивал его к войне с Японией [1219].

Советы эти не случайны, так как Филипп был не только целителем, но и крупным оккультистом и масоном, членом Верховного совета ордена мартинистов, своего рода духовным отцом Папюса.

2 августа 1905 года Филипп умер и был похоронен в местечке Лояс. Однако в России его не забыли. Мы уже указывали на ряд писем императрицы с упоминанием о "святом старце". В одном из них она прямо характеризует Филиппа как "одного из двух друзей, посланных нам Богом" (под вторым другом подразумевался, конечно, Григорий Распутин). Во многом странную и не всегда разумную приверженность царя дружбе с Францией объясняли тесными связями царя с парижскими орденами мартинистов и розенкрейцеров [1220]. На роль первого оккультного советника царя после смерти Филиппа выдвинулся уже известный нам Папюс. Относительно времени его первого знакомства с царской семьей у нас нет точных данных. По сведениям Мориса Палеолога, первая поездка Папюса в Петербург относится к 1902 году [1221].

Как бы то ни было, в самый разгар революции в России (октябрь 1905 года), когда для романовской династии действительно наступили черные дни, именно к нему обратил свои взоры встревоженный монарх. Срочно прибыв поиего приглашению в Царское Село, Папюс уже едва ли не на следующий день устроил здесь вызывание духа Александра III. Кроме царя и царицы на этой тайной, по его словам, литургии присутствовал только один свидетель - адъютант императора капитан Мандрыка (несколько позже – губернатор Тифлиса). "Ты должен во что бы то ни стало подавить начинающуюся революцию, -

якобы заявил ему Александр III." Но она еще возродится и будет тем сильнее, чем суровее должна быть репрессия теперь. Чтобы ни случилось, бодрись, сын мой, не прекращай борьбы" [1222]. В последний раз в Петербург Папюс приезжал в феврале 1906 года [1223].

Конечно, некоторые детали изложенных здесь фактов небесспорны и нуждаются в дополнительном, в первую очередь документальном обосновании - слишком уж они необычны для нашего, ставшего уже традиционным восприятия личности последнего русского императора. Но сам факт увлечения Николая II и его супруги Филиппом Вашо и Папюсом, как впрочем, и тесной связи царской семьи с этими проходимцами не подлежит никакому сомнению.

С увлечением царской четы французскими оккультистами доктором Папюсом и мосье Филиппом связана и такая сложная проблема, как прикосновенность Николая II к масонству. Ведь мартинисты по сути дела - те же масоны. Речь идет о так называемой "царской" ложе "Крест и звезда" в Царском Селе, в которой якобы и посвятил мосье Филипп Николая II. О времени этого посвящения единого мнения среди исследователей нет. Так, согласно сведениям Л.Д.Кандаурова, ложа "Крест и звезда" была основана Филиппом Вашо еще в 1895 году. Но это очевидная ошибка, что подтверждается, в частности, и данными Департамента полиции, относящим ее учреждение к 1900 году [1224] и согласуется со временем знакомства царской четы с Филиппом и последующим приглашением его посетить Россию. Согласно данным В.Л.Вяземского, Николай II лично председательствовал в ложе "Крест и звезда", "учрежденной в Зимнем дворце под руководством опытных мартинистов Филиппа и самого Папюса" [1225]. Сведения эти Вяземский почерпнул из сочинения о Филиппе главы ордена мартинистов 1920-х годов Жана Брико.

Современный российский исследователь А.И.Серков полагает, что легенда эта не имеет под собой реальной исторической основы [1226], однако доводов в пользу своего предположения не приводит. А следовало бы. Ведь сведения о пребывании Николая II в мартинистской ложе содержатся и в других источниках, в частности в брошюре Кружка русских масонов в Лондоне (1928) [1227]. О том же сообщает в своей записке (ЦХИДК, ф.730, оп.1., д.172, л.33) и хорошо информированный Л.Д.Кандауров.

"В числе членов ложи, - пишет он, - был император Николай II. Собрания открывались и закрывались молитвословиями. Ритуал был выработан собственный. Интересовалась ложа, главным образом, вопросами религиозно-нравственными. Как говорят, созыв первой Гаагской мирной конференции (1899 г. - Б.В.) был вызван в значительной степени влиянием этой политики. Позднее царь отвернулся от оккультизма и обратился к святому Серафиму Саровскому, перестав посещать ассоциацию".

О.Ф.Соловьев склонен верить сообщениям о масонстве Николая II [1228]. Сомнения, впрочем, все же остаются.

Что касается обособленности этой ложи от других мартинистских кружков и групп, то объяснить это можно ее особым положением как ложи, в которую входил сам император. В результате сношения поддерживались, главным образом, только с французской мартинистской ложей в городе Тур. В 1902-1903 гг.

Николай II отворачивается, как уже отмечалось, от оккультизма, и фактически прекращает посещать ложу, которая, тем не менее, просуществовала вплоть до 1916 года. "Полицейские скоро напали на след мартинистов, - отмечал в своей записке Л.Д.Кандауров, - группировавшихся вокруг издававшегося в Царском Селе журнала "Ребус", среди которых было несколько великих князей (Николай Николаевич, Петр Николаевич, Георгий Михайлович) и лиц, близких ко двору. Их не тронули" [1229].

Как бы то ни было, громадное влияние Филиппа на Николая II и его жену не подлежит сомнению. "У их величеств, - вспоминала Анна Вырубова, - в спальне всегда стояла катанная рамка с засушенными цветами, данными им m. Philippe, которые, по его словам, были тронуты рукой самого Спасителя" [1230]. И дело тут совсем не в том, что у Григория Распутина, оказывается, при царском дворе был французский предшественник –

мосье Филипп, а в так характерном для Николая II мистически-религиозном умонастроении, которое, собственно, и довело его до Ипатьевского дома.

Что уж тут говорить о масонской ложе, тем более что масонский характер мартинизма далеко не очевиден для непосвященных. Ведь основные усилия членов этого ордена направлены на овладение тайным знанием, в благих, разумеется, целях - ради спасения человечества от бедности, войн и других напастей.

Что касается посвятительной традиции и ритуальной стороне в практике ордена, то ей не уделялось серьезного внимания. А ведь посвятительно-символическая работа, собственно, и составляет основу нравственного масонства. Все это позволяет некоторым исследователям характеризовать орден мартинистов лишь как формально-масонскую организацию [1231].

Такой же формально-масонской могла быть, если следовать этой логике, и прикосновенность к масонству Николая II. Несмотря на кажущуюся экзотичность, сама по себе версия о мартинизме Николая II правдоподобна и вполне имеет право на существование. Тем более, что как уже отмечалось, ближайшие родственники царя князья Николай и Петр Николаевич (внуки Николая I и двоюродные братья Александра III), а также великий князь Георгий Михайлович, будучи мартинистами высокого посвящения, продолжали свои работы в Царском Селе вплоть до 1916 года. Заядлым оккультистом был и великий князь Александр Михайлович (брат Георгия), возглавлявший в Петербурге накануне войны масонскую ложу розенкрейцерского толка, состоявшую из придворных аристократов.

Роль ложи-матери петербургских мартинистов в 1900-е годы играл "масонский кружок" актрисы императорской труппы Ольги Ивановны Мусиной-Пушкиной, куда, помимо В.В.Муравьева-Амурского, входили: ротмистр лейб-гвардии конного полка Д.Ф.Левшин, библиотекарь Зимнего дворца А.И.Леман, а также "братья", укрывшиеся за инициалами П.Н. и Н.Н. Сюда же входил и сам Папюс. Первоначально "кружок" пытался воздействовать на императорский двор через аббата Филиппа, а после его отъезда из России действовал непосредственно через Папюса.

Видное место среди масонско-оккультных кружков и групп Петербурга этого времени занимал кружок почетного академика, ответственного редактора (с 1909 года) либерального журнала "Вестник Европы" Константина Константиновича Арсеньева (1837-1919), который, в свою очередь, состоял в тесной связи с Папюсом. В этот кружок входили бывший профессор Московского университета князь Е.Н.Трубецкой, шталмейстер двора его величества князь А.Н.Оболенский, член Государственного Совета С.К.Войналаченко, адъютант великого князя Сергея Михайловича гвардейский капитан С.М.Война-Панченко, полковник В.Н.Андронников, княгиня В.Ф.Гагарина и др. Как и члены "кружка" Мусиной-Пушкиной, К.К.Арсеньев и его "братья" также стремились воздействовать на двор, в частности, через шталмейстера А.Д.Оболенского. Есть сведении и о связях кружках Оболенского с английскими (через некую Мари Поле) и американскими масонами [1232].

Оккультические бдения в доме Арсеньева продолжались вплоть до его смерти в 1919 году [1233].

В связи с масонскими бдениями у К.К.Арсеньева в Петербурге стоит, очевидно, упомянуть и о аналогичном кружке в Москве. Возглавлял его тоже Арсеньев. Правда не Константин Константинович, а Василий Сергеевич (1829-1915). Как и его петербургский родственник и собрат, он также был потомственным масоном. Ведь отец его входил в свое время в ближайшее окружение самого Н.И.Новикова. Мать была дочерью известного масона В.Д.Комынина. Масоном был и дядя матери Л.В.Левшин. Несмотря на то, что масонство в николаевское время официально как бы и не существовало, обстоятельство это нисколько не помешало В.С.Арсеньеву вступить в 1850 году в ложу.

Но вернемся в оккультно-масонский Петербург начала века. Из других кружков и групп этого времени здесь можно отметить еще и так называемую "масонскую фракцию"

"Денница", куда входили уже известные нам О.И.Мусина-Пушкина, М.И.Доможирова (вдова контр-адмирала), частный поверенный Б.В.Никольский, И.Н.Семенов (муж известной писательницы В.И.Крыжановской) и ряд других лиц.

Особый интерес вызывает дьявологическая ложа "Люцифер" (1910-1916) розенкрейцерского толка, куда входили увлекавшиеся декадансом представители творческой интеллигенции, среди которых были поэты-символисты: Вяч. Иванов, В.Брюсов, А.Белый, А.Петровский, а в период работы над мистической пьесой "Роза и Крест", возможно, и Александр Блок [1234].

В январе 1906 года В.В.Муравьев-Амурский опубликовал в ряде газет ("Русское слово", "Русские ведомости") объявления о вызове им лиц, желающих вступить в масонские ложи, и получил в ответ на свое приглашение 63 письма. В числе отозвавшихся был и внук масона александровского времени (ложа "Соединенных друзей") судебный исполнитель из города Владимира Петр Михайлович Казначеев (р. в 1854 г.). В 1907 году В.В.Муравьев и его ближайший помощник М.К.Исаев лично прибывают во Владимир с целью посвящения в мартинисты как самого П.М.Казначеева, так и его сына Дмитрия, а также жену и дочь Петра Михайловича. Одновременно в мартинисты были посвящены и братья К. и М.Соковнины [1235]. Так во Владимире летом 1907 года возникла еще одна мартинистская ложа - "Святого Иоанна".

Тем не менее, общее число мартинистов в России было крайне незначительным.

Так, даже в Петербурге во времена Муравьева число членов его кружка едва превышало 10 человек. Можно поэтому констатировать, что распространение мартинистских лож в России того времени не подкреплялось сколько-нибудь серьезной работой по руководству их деятельностью со стороны Генерального делегата Ордена для России графа В.В.Муравьева-Амурского, относившегося к своим обязанностям весьма своеобразно: лож он не открывал, посвятительных тетрадей не вручал и посвящал сам безо всякого ритуала и часто сразу в третью степень. Кроме того, граф много играл на бирже, причем котировку бумаг предыдущего дня ему безошибочно угадывала постоянно сопровождавшая его женщина-медиум.

Возникшие на этой почве недоразумения В.В.Муравьева с Папюсом, которого он обвинил в люциферанстве, привели к тому, что незадачливый граф, связывавший свои неудачи в биржевой игре с происками сатанистов, вынужден был в 1907 году оставить должность. Ушел из ордена и его помощник М.К.Исаев, правда не к профанам, а в берлинский орден Иллюминатов, отделение которого было открыто в Петербурге в 1908 году. Среди первых членов этого ордена был, в частности, известный переводчик сочинений Папюса на русский язык А.В.Трояновский [1236].

Должность руководителя русских мартинистов оставалась вакантной вплоть до 2 мая 1910 года, когда Генеральным делегатом Ордена в России был назначен хиромант и спирит, автор популярных брошюр по этой теме ("Страдания самоубийцы в потустороннем мире". СПб., 1910; "Графология". СПб., 1903 и др.) граф Чеслав Иосифович Чинский. Родился он в 1858 году в Варшавской губернии. До 1890 года жил в Кракове, выдавая себя за гипнотизера. В марте 1893 года был выслан из Пруссии, после чего поселился в Дрездене. Лечил стареющих дам "бальзаковского возраста" наложением рук на живот. С женой не жил. Неприятности у Чинского начались после того, как соблазнив баронессу Ядвигу Цедеш, он вступил с ней в фиктивный брак под именем пастора Веретемана. В дело вмешались, однако, отец и брат потерпевшей, подавшие на Чинского в суд. Вердикт суда (17-20 декабря 1894 года, Дрезден) был суров: три года тюрьмы и "потеря чести" на пять лет.

В Петербурге Ч.И.Чинский появился еще в 1906 году. Здесь под псевдонимом "Пунар-Бхава" он публиковался в "Биржевых ведомостях". За умеренную плату предсказывал будущее и подавал советы на все случаи жизни. Имел хорошую клиентуру, состоявшую, в основном, из состоятельных дам романтического умонастроения [1237].

В Петербурге делегат ордена поселился по адресу: Кузнечный переулок, дом 16/19, в квартире Е.К.Лосской, вдовы присяжного поверенного, с которой, по сведениям Департамента полиции, видимо и сожительствовал.

Главная задача, которая стояла перед ним, заключалась в объединении мартинистских лож в стране в рамках единой организации – русского отделения Ордена, в связи с чем уже 9 июля 1910 года он представил петербургскому градоначальнику заявление с просьбой о легализации мартинизма в России [1238]. Впрочем, не дожидаясь разрешения, которое так и не последовало, Чинский стал открывать ложи явочным порядком, щедро раздавая высокие масонские степени своим новым знакомым. К этому времени относится знакомство Чинского с выходцем из Лифляндии (родился в 1868 году в Риге) бароном Григорием Оттоновичем Мебесом - наиболее серьезным и глубоким из оккультистов России.

Г.О.Мебес после окончания в 1891 году физико-математического факультета Петербургского университета оставил мечты о карьере и всецело посвятил себя изучению "тайного знания". Глубокий ум, прекрасное знание древних языков (греческий, латинский, древнееврейский), не говоря уже о языках новых, а также солидная математическая подготовка позволили ему создать фундаментальный "Курс энциклопедии оккультизма" в двух томах (вышел в 1913-м) - наиболее серьезное пособие по этому предмету не только в русской, но и западноевропейской оккультной литературе того времени. В 1906-1917 годах Г.О.Мебес - преподаватель математики в Пажеском корпусе и Николаевском кадетском корпусе. Его женой была Ольга Евграфовна Нагорнова, с которой он порвал в 1912 году, что не помешало ей играть впоследствии видную роль в мартинизме.

"Худой, очень некрасивый, с каким то немного перекошенным лицом, с пенсне на носу" [1239], Г.О.Мебес являл собой пример ученого поистине энциклопедических знаний. "Вся внешность Григория Оттоновича, - пишет А.М.Асеев, - производила впечатление внутренней силы. Крупный, с широкими плечами, немного сутулый, резкие черты лица, с тяжелым горбатым носом и густыми бровями, нависшими над спокойными и всегда внимательными серыми глазами, густыми усами и клинообразной бородкой. Цвет волос рыжий, с проседью. Обычно был одет в черный сюртук. Манеры имел спокойные и несколько старомодные, говорил изысканно вежливо, зачастую вставляя в речь шутку" [1240].

Серьезное отношение Г.О.Мебеса к оккультизму и глубина его познаний в этой области произвели впечатление на Чинского, и, недолго думая, он предложил ему степень "Неведомого начальника" (полное мартинистское посвящение) и почетный диплом доктора герметизма Высшей герметической школы в Париже.

В конце 1910 года Г.Мебес становится Генеральным инспектором (секретарем) петербургского отделения Ордена, Генеральной ложей которого (ложа-мать) стала "Великая ложа Аполлония Тианского", объединявшая вокруг себя малые ложи. В том же году 5 августа уже сам Г.О.Мебес официально открывает во Владимире мартинистскую ложу "Апостола Иоанна". Основной костяк ее составила уже известная нам семья Казначеевых и их ближайшие друзья и родственники.

В 1911 году в связи с переездом Казначеевых в Москву ложа "Святого Иоанна" также была перенесена в первопрестольную.

Деятельным членом ложи "Святого Иоанна" в Москве была актриса Л.Д.Рындина - жена известного политического масона С.А.Соколова. Большой интерес к деятельности московских мартинистов проявил уже известный нам патриарх русского масонства В.С.Арсеньев, сохранивший в своем архиве многие рукописи московских розенкрейцеров XVIII века. Основываясь на этих контактах русских мартинистов начала XX века, известный писатель-масон Ю.К.Терапиано даже писал, что благодаря знакомству П.М.Казначеева с В.С.Арсеньевым якобы произошло символическое слияние русского масонства новиковского толка с орденом мартинистов [1241], что, конечно же, большая натяжка.

Существовала еще и третья мартинистская ложа - "Святого Андрея" в Киеве, которой руководил С.К.Маркотун. Известно также о существования русской мартинистской ложи в Маньчжурии, которая, впрочем, скоро была "усыплена" [1242].

Широкая известность Ч.И.Чинского привлекла внимание царя. Прибыв в октябре 1910 года по его приглашению в Царское Село, Ч.И.Чинский, как и его предшественник, аббат Филипп, стал вызывать дух Александра III. Облачившись в ритуальные одежды мага и заключив царя вместе с присутствующими в магический круг, с мечом в руке Ч.И.Чинский силился вызвать потустороннюю силу, определяющую судьбу России. В конце концов ему это удалось, и дух предсказал Николаю II великую войну и невиданные потрясения империи. Когда же заинтригованный царь осведомился о собственной судьбе и стал настаивать на ответе, то, как вспоминал позднее Чинский, раздался страшный шум, потух свет и магический алтарь опрокинулся. Царь был разочарован.

Это обстоятельство, а также скандальная слава, которую приобрел Чинский своими денежными аферами, привели к тому, что он был выслан в 1911 году под гласный надзор полиции в Белозерский уезд Новгородской губернии, где у него было имение "Кочево". Продав его вскоре за 40 тысяч рублей, Чинский в декабре 1913 года покидает Россию. Воспользовавшись этим, Г.О.Мебес постарался избавиться от опеки парижских руководителей, объявив в августе 1912 года о провозглашении независимости русских мартинистов. Возглавляемую им ложу "Аполлония" Г.О.Мебес (посвятительное имя Butator) объявил великой ложей (Великий совет России). В ответ на это его начальник Ч.И.Чинский немедленно отстранил Г.О.Мебеса от дел. Управляющим Российской верховной делегацией ордена им был назначен П.М.Казначеев, который тут же выдал патент С.К.Маркотуну на учреждение ложи "Святого апостола Андрея" в Киеве. Окончательно ситуация прояснилась только к концу 1912 года, после официального сообщения Г.О.Мебесом Папюсу о своем разрыве с ним и учреждении в России самостоятельного ордена под названием "Автономный разряд мартинизма русского послушания" во главе с "невидимым магистром".

В 1913 году петербургские мартинисты во главе с Г.О.Мебесом образовали особую автономную цепь О.М.О.Р. с ярко выраженной тамплиерской окраской. В 1916 году она была преобразована в "Орден мартинистов Восточного послушания". Управлялся Орден "Невидимым магистром" или Отцом (Г.О.Мебес). Его официальным представителем был ученик Г.О.Мебеса генерал-инспектор И.К.Антошевский (посвятительное имя Гиацинтус). Летом 1917 года, когда И.К.Антошевский был убит, его сменил в этой должности другой ученик Мебеса - В.В.Богданов. Капитул Ордена состоял из семи лиц. Официальным печатным органом русских мартинистов был оккультный журнал "Изида".

Противоречия между петербургскими и московскими "братьями" имели принципиальный характер. Если П.М.Казначеев во главу угла ставил посвятительную традицию, что сближало его с философским или нравственным масонством, то Г.О.Мебес приоритетным для себя и своих учеников считал овладение оккультным знанием.

На фоне подчеркнуто корректного отношения к христианству со стороны москвичей открыто антихристианская направленность оккультических бдений петербуржцев бросалась в глаза. Тем временем в 1915 году в Варшаве во время вступления туда немцев лишился рассудка Ч.И.Чинский, и управление русской делегацией ордена мартинистов перешло к П.М.Казначееву [1243].

Декларативная цель, которую ставили перед собой русские мартинисты, заключалась в том, чтобы, с одной стороны, подготовить идущего к Высшему посвящению (программа-максимум), а с другой - расширить среднее эзотерическое образование непризнанных достойными посвящения.

А.М.Асееву принадлежит версия, согласно которой все три главные ветви русского посвятительного движения: масонство, мартинизм и розенкрейцерство существовали в виде отдельных и самостоятельных организаций. Однако руководил ими один и тот же человек - Г.О.Мебес. Нечего и говорить, что все три ордена работали в тесном контакте

друг с другом и входили в них зачастую одни и те же лица. Мартинистские и розенкрейцерские ложи располагались, по сведениям А.М.Асеева, на квартире Г.О.Мебеса в Песках и были прекрасно обставлены [1244]. Комментатор текста А.М.Асеева Н.А.Богомолов отмечает, однако, что на самом деле квартира Г.О.Мебеса находилась не в Песках, а на углу Греческого проспекта и 5-й Рождественской. Это действительно так. К сожалению, Богомолов не учитывает того обстоятельства, что в 1917 - начале 1918 года Г.О.Мебес действительно жил некоторое время в Песках, где учительствовал. Все это указывает на то, что А.М.Асеев был весьма и весьма хорошо информирован, и информации его можно, следовательно, доверять.

Хотя вывод его, что Г.О.Мебес якобы был негласным руководителем посвятительного движения в России не только начала века, но и в 1920-е годы - явное преувеличение.

Другое дело, что и масоны, и мартинисты, и розенкрейцеры, в сущности говоря, звенья одной цепи - они всегда работали и работают в тесном контакте друг с другом. Скрытная деятельность их в России, а затем и в СССР продолжалась вплоть до 1925 года, когда ими всерьез заинтересовалось ОГПУ [1245].

Стоит отметить, что за эти годы как московские, так и петербургские мартинисты проделали немалую эволюцию, суть которой заключалась во все большем и большем сближении их с масонами. Первый шаг в этом направлении был сделан с принятием в 1912 году в Италии известного киевского мартиниста С.К.Маркотуна в 18-ю шотландскую степень масонства. П.М.Казначееву же, как фактическому руководителю московской ветви ордена, и вовсе была присвоена высшая 33-я степень шотландского масонства. В 1916-1917 гг. дело дошло и до официального учреждения мартинистами настоящих масонских лож. Первым, кто подал пример учреждения на основе мартинистского кружка масонской ложи, были киевские "братья" во главе с Маркотуном (1916 год). В апреле 1917 года такая же ложа - "Семен Гамалея к кубическому камню" - была учреждена и в Москве. Кроме П.М.Казначеева, первыми членами ее стали Ю.К.Терапиано, переведенный как офицер в один из московских полков, и Леон Гольторп. Официальное открытие ее пришлось, однако, отложить на октябрь 1917 года, когда членами ложи стали барон А.Ф.Каульбарс, генерал И.Новицкий, Л.Хорват, Н.А.Назарьев и Ф.И.Шилов [1246]. Официальные заседания ложи "Семен Гамалея к кубическому камню" были прекращены 13 июня 1918 года.

Неофициальные же работы "братьев" продолжались до 1920 года [1247]. Знали о их существовании и масоны Великой ложи Франции, отправившие в 1923 году в Советскую Россию через масона Н.П.Вакара ряд вещевых посылок "братьям" в качестве посильной гуманитарной помощи [1248].

Заслуживает внимания и то, что к Великому Востоку Италии принадлежал и один из руководителей петербургских мартинистов в 1918-1919 годах Борис Викторович Кириченко (Астромов).

Недостаточное внимание Г.О.Мебеса, Б.В.Астромова и некоторых других руководителей оккультно-масонских кружков и групп начала века к посвятительной традиции позволяет отнести созданные и возглавляемые ими организации: "Орден мартинистов восточного послушания" (1912 г.), "Мартинезический разряд строгого восточного послушания" (1919 г.), "Автономное русское масонство" Б.В.Астромова, "Орден мартинистов" во главе с П.М.Казначеевым - не столько к масонским, сколько к парамасонским образованиям, считает А.И.Серков. Впрочем, в принципиальном плане суть дела от этого не меняется.

Спириты, теософы, розенкрейцеры, мартинисты не скрывают антиправославной, шире - антихристианской сущности своего учения. Сложнее обстоит дело с софианством или неоправославием, подрывающим под предлогом требований реформ православную церковь изнутри. Связь софианцев с масонством и розенкрейцерством не подлежит

сомнению. Софианство произошло из "семян, упавших с символической Розы и проросщих в плодородной почве современного общества", - отмечал Ю.П.Граббе [1249].

Вопросом о розенкрейцерских истоках софианства занимался в свое время и П.А.Бурышкин. "Вряд ли это можно утверждать, - пришел он к выводу, - если не считать антропософию своего рода розенкрейцерством, а самого Штейнера - прежде всего рыцарем Креста и Розы. Но косвенное влияние, может быть, и было" [1250]. В том то и дело, добавим мы от себя.

Основоположник учения о Святой Софии - Владимир Соловьев (1853-1900), обладая гениальным умом, представлял собой, в то же время, как полагают некоторые исследователи, "врожденно неполноценную личность с несомненными психопатическими чертами психической дегенерации. На слабых плечах своей телесной и нервно-психической неполноценности нес он тяжкое бремя яркой гениальности. Рано пробудившаяся и, "как жало во плоть", всю жизнь мучившая Соловьева патологическая эротика, вместе с тлетворными влияниями неправославной, нецерковной мистики, извратили его религиозный мистический опыт, пленили его в прелесть и увели в бесконечность блужданий в поисках истины - вне церкви" [1251].

Даже если согласиться, что присоединение В.С.Соловьева к католической церкви 18 февраля 1896 года (в Москве, в домашней часовне о. Н.А.Толстого) было канонически неправильным, одна его идея "соединения церквей" (уния), не говоря уже о его учении о Святой Софии, ясно показывают, насколько далеко ушел он от ортодоксального, охранительного православия в духе отца Иоанна Кронштадтского.

Но именно это-то, как раз, и требовалось по условиям того времени, таков был тогдашний, говоря языком нашего времени, "идеологический заказ". Отсюда и энтузиазм поклонников В.С.Соловьева, не жалевших усилий для пропаганды "модернизированного православия" своего кумира. Не смутило их и появление некоей Анны Шмидт, объявившей себя в 1900 году "тварным воплощением" Святой Софии, а Владимира Соловьева - земным воплощением Иисуса Христа, чего тот, правда, не признал.

Характерно, что в качестве "тварного воплощения" Святой Софии у каждого софиолога был, как говорится, свой персонаж женского пола. Если для Андрея Белого воплощением Подруги Вечной выступала Маргарита Кирилловна Морозова (урожденная Мамонтова - жена промышленника и мецената М.А.Морозова), которую он впервые увидел на симфоническом концерте в 1901 году (само знакомство произошло только в 1905 году), то у Александра Блока в качестве таковой выступает Незнакомка, Прекрасная Дама - Л.Д.Менделеева, вдохновлявшая в те годы его поэтическую музу.

31 июля 1900 года В.С.Соловьев умер. Это дало сигнал для возникновения среди его поклонников небольшого кружка, члены которого ставили своей задачей развитие и популяризацию учения о Святой Софии. Собирались они в Москве в доме брата знаменитого философа, Михаила Сергеевича Соловьева. Среди членов кружка - поэт Андрей Белый, А.С.Петровский, С.Н.Трубецкой, Л.Л.Кобылинский (Эллис), сын М.С.Соловьева - поэт С.М.Соловьев. Бывали здесь и В.Я.Брюсов, Д.С.Мережковский, З.Н.Гиппиус.

Центральной идеей, объединявшей этих людей, являлось учение Владимира Соловьева о Святой Софии как женственном начале в Боге, неустанными поисками "познания" которого они и занялись. Что же касается подходов к проблеме, то здесь его участники разошлись. Если одних интересовала ее преимущественно религиозно-философская сторона, базировавшаяся на учении гностика II в. н.э. Валентина, то другие, напротив, перенося Святую Софию в область идейно-политическую, усматривали ее проявление в приближающейся революции в России.

Задача, которую они перед собою ставили, заключалась в идейной подготовке приближающегося революционного взрыва. Революции социально-политической, утверждали они, должна предшествовать "революция духа". Судя по тому, что в феврале

1917 года Русь, по меткому выражению Василия Розанова, "слиняла за три дня", задумка "революционеров сознания" вполне удалась.

Тем временем в 1903 году умирает М.С.Соловьев, и на месте его кружка возникает новая организация "Братство Аргонавтов". Председателем "Арго" был поэт Андрей Белый. Среди членов - философы и поэты Л.Л.Кобылинский (Эллис), С.М.Соловьев, Г.А.Рачинский, П.И.Астров, А.С.Петровский, В.В.Владимиров, А.С.Челищев, М.А.Эртель, которые и составляли его основное ядро. Кроме них, собрания "Аргонавтов" посещали поэты К.Д.Бальмонт, В.Я.Брюсов, Ю.К.Балтрушайтис, философы М.О.Гершензон, Г.Т.Шпет, Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, В.Ф.Эрн и другие.

В идейном плане "аргонавты" были продолжателями кружка М.С.Соловьева. Святая София, согласно их представлениям, "открывается" только индивидуумам, коллективному сознанию она недоступна. Индивидуум созерцает ее как владычицу мира, в мистическом восприятии она - "душа мира", но может раскрыться и как "душа человечества". Ее откровения могут гласить и народам.

С Братством "Аргонавтов" были тесно связаны русские символисты с характерным для них мистическим восприятием культуры (Д.С.Мережковский, В.Брюсов, К.Бальмонт, Вяч. Иванов, А.Белый и др.). У Д.Мережковского и З.Гиппиус это вылилось в поиски некой новой религии, у Вячеслава Иванова и Андрея Белого - в разработку теории символов как знамения и средства выражения новой реальности. Близок к "Аргонавтам" был и Александр Блок, хотя, живя в Петербурге, он не посещал их заседаний. У Блока, отмечал А.Белый, едва ли не раньше других "братьев", "выработалось конкретное учение о Софии", в котором он исходил из гностической системы Валентина [1252].

"Для нас символизм, - писал в 1909 году Л.А.Кобылинский (Эллис), - дорог более всего как путь освобождения, неизбежно ведущий нас к единству воли и знания и к примату творчества над познанием. Этим он сближается с сокровенным ядром последних глубоких мистических учений и великих религий, с заветнейшими устремлениями и положениями оккультной науки и практики, превращая самых высших из среды своих последователей в жрецов как бы новой религии, посвященных Откровения, высочайшего среди всех в наши дни" [1253].

Говоря об "Аргонавтах", следует иметь в виду, что это была свободная ассоциация людей искусства, литературы и науки, не связанная каким-либо уставом и не имеющая четко обозначенных контуров. А отсюда и непрочность, недолговременность этого объединения. В 1910 году кружок "Аргонавтов" прекратил существование. Одновременно с московским кружком и в тесной связи с ним работали и петербургские софианцы, группировавшиеся вокруг Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус, квартира которых получила среди "братьев" название "логовище мысли". Здесь собирались С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев, А.В.Карташев, А.С.Аскольдов, И.М.Андреевский, Д.В.Философов, А.М. и С.П.Ремизовы, В.В.Розанов. Одной из излюбленных тем этой публики была теория "брака трех" (menage en trois), горячим пропагандистом которой выступал, в частности, Д.С.Мережковский.

Практическим воплощением этой идеи была некоторое время "тройка" - А.А.Блок, его жена Л.Д.Блок (Менделеева) и Борис Бугаев (Андрей Белый). "Л.Д. мне объясняет, - отмечал в связи с этим А.Белый, - что Александр Александрович ей не муж; они не живут как муж и жена; она его любит братски, а меня подлинно; всеми этими объяснениями она внушает мне мысль, что я должен ее развести с Александром Александровичем и на ней жениться; я предлагаю ей это; она - колеблется, предлагая мне, в свою очередь, нечто вроде menage en trois, что мне не симпатично. Мы имеем разговор с Александром Александровичем, где ставим вопрос, как нам быть. Александр Александрович молчит, уклоняясь от решительного ответа, но как бы давая нам с Любовью Дмитриевной свободу ..." [1254].

Да и что ему оставалось делать, если по признанию самой Любови Дмитриевны, "короткая вспышка чувственного его увлечения мной в зиму и лето перед свадьбой скоро,

в первые же два месяца погасла, не успев вырвать меня из моего девического неведения, так как инстинктивная самозащита понималась Сашей всерьез" [1255]. По авторитетному свидетельству Андрея Белого, в интимном плане А.Блок был извращенец, неспособный на нормальный половой акт и большой любитель так называемых "ночных фиалок".

Интересующихся вопросом о том, что скрывается за этим специфическим термином, мы отсылаем к мемуарам Р.Гуля [1256]. Сказанное, как представляется, вполне оправдывает многочисленные любовные увлечения Л.Д.Блок. Наиболее сильное из них - К.Н.Кузьмин-Караваев, от которого она родила сына (это при живом-то муже, Александре Блоке!). Ребенок умер в 1912 году.

Любопытный штрих на тему нравственного облика этой богемы "серебряного века русской культуры" приводит в своих воспоминаниях поэт Максимилиан Волошин. Поэт Эллис (Л.Л.Кобылинский - Б.В.) заговорил "при Брюсове: почему Вячеслав Иванов так восторгается Городецким (С.М.Городецкий, поэт - Б.В.). " Брюсов ответил ему: "Знаете, Лев Львович, нельзя быть таким наивным. Кто не знает, в каких отношениях Вячеслав Иванов и Городецкий?".

"Эллис не вполне поверил и спросил приехавшего В.Ф.Нувеля. Тот засмеялся ему в лицо: "Вы совсем наивное дитя, несмотря на Ваш голый череп. Наша жизнь, - моя, Кузмина, Дягилева, Вячеслава Иванова, Городецкого - достаточно известна всем в Петербурге"" [1257].

Это было время, когда отношения Андрея Белого и четы Мережковских были наиболее близкими. "Они приняли меня на свои тайные моления; их малая община имела свои молитвы, общие; было 2 чина; 1-ых: чин ежедневной вечерней молитвы; и 2-х: чин служб: этот чин свершался приблизительно раз в 2 недели, по "четвергам"; во время этого чина совершалась трапеза за столом, на котором были поставлены плоды и вино; горели светильники; на Мережковском и Философове были одеты широкие пурпурные ленты, напоминающие епитрахили. В числе участников "четвергов" в это время были: Мережковский, Гиппиус, Философов, Карташев, я, Татьяна Николаевна Гиппиус, Наталья Николаевна Гиппиус; вот и все: Мережковские одно время надеялись ввести в чин свой Бердяева и Волжского; но те скоро отошли от них" [1258].

Господствовавшая у Мережковских атмосфера "кадетской религиозной общественности" и "абстрактное направление" их кружка [1259] не вполне устраивали его членов. Во главе "оппозиции" встал В.И.Иванов, организовавший в ноябре-декабре 1905 года новое "братство", которое и становится с этого времени центром софианской жизни Петербурга. Помимо организаторов кружка (В.И.Иванов, А.Белый, А.Блок), собрания на квартире Иванова ("Башня") посещали также А.Н.Бенуа, Н.С.Гумилев, Е.В.Аничков, В.А.Пяст, С.М.Городецкий, Лев Шестов, А.С.Аскольдов, Н.О.Лосский, А.Р.Минцлова [1260].

Собирались "братья", как правило, по средам [1261]. Помимо обычного для таких собраний чтения рефератов на религиозно-философские темы, случались на "средах" В.И.Иванова и масонские оргии, известные как "Дионисово действие". Во время черной смуты 1905 года, с укоризной отмечал в связи с этим В.Ф.Иванов, наши "богоискатели" и рыцари Св. Софии создавали "христианские братства борьбы" и оправдывали "освободительное движение" с его ложью, грязью, насилием и кровью.

"Мы были свидетелями, когда самые выдающиеся представители нашей интеллигенции, пресловутый "мозг страны", устраивали мистерии с музыкой, песнями, плясками и вином, причащались кровью, выпущенной из музыканта-еврея, и посвящали восторженные стихи дьяволу" [1262], - писал он. Факт, как оказалось, действительно имевший место 2 мая 1905 года на квартире петербургского литератора Николая Минского (Виленкина).

"Где-то, кого-то кололи булавкой и пили его кровь, выжатую в вино под флагом той же мистерии - это только смешило", - свидетельствует в связи с этим Андрей Белый [1263].

Кроме самого Вячеслава Иванова (в 1926 г. перешел в католичество) активное участие в работе кружка принимала и его жена - Л.Д.Зиновьева-Аннибал. Разыгрывая из себя дионисийскую натуру, она принимала своих гостей в "Башне" не иначе, как в красном хитоне. "Об этой женщине, - восторженно пишет современная исследовательница, - слагали легенды. Когда она, в огненно-красной тунике, прихотливо задрапированной на плечах, обнажавших ее прекрасные руки, появлялась в помещении без мебели, с накинутыми на подушки оранжевыми коврами (а именно такой была обстановка знаменитой "Ивановской башни" на Таврической, 25 в Петербурге, где собирались близкие к "новым" течениям в искусстве ученые, музыканты, поэты), смолкали готовые вспыхнуть споры, взоры людей жадно обращались к ней, ловя каждое произнесенное ей слово" [1264].

В кружке Зиновьева-Аннибал играла роль вдохновительницы. Н.А.Бердяев называл ее душою, Психеей ивановских сред. Широкой публике эта дама была известна скандальной повестью "Тридцать три урода" (Спб, 1907), в которой подробно описывается лесбийская любовь.

В плане усилий членов кружка, направленных на внедрение в общественное сознание идеи "свободной любви" или, проще говоря, подготовки сексуальной революции в нашей стране, обращает на себя внимание выступление на одном из заседаний кружка в "Башне" М.Волошина, прочитавшего доклад "Новые пути Эроса". В ходе возникшей затем дискуссии "дивно говорил" Вячеслав Иванов, энергично доказывавший, что "в сущности, вся человеческая и мировая деятельность сводится к Эросу, что нет ни этики, ни эстетики – обе сводятся к эротике".

В свете последних розысканий становится все более очевидным, что так называемый "серебряный век" в России, о котором с таким придыханием говорит сегодня наша интеллигенция, породил, между прочим, откровенно антихристианское направление в нашей литературе (В.Я.Брюсов, К.Д.Бальмонт, Ф.К.Сологуб, Н.С.Гумилев, А.А.Блок и др.), восходящее в своей основе к идеям древних гностиков II-III веков новой эры [1265].

В то же время, несмотря на очевидные издержки увлечения нашей творческой интеллигенции начала XX века мистикой и теософией, оно имело и положительную сторону, так как способствовало расцвету у нас такого известного направления в литературе и искусстве, как символизм с его подчеркнуто мистическим восприятием мира и попытками постижения его скрытой от непосвященных сущности. Это и уже неоднократно упоминавшиеся нами Александр Блок, Андрей Белый, Вяч. Иванов, В.Я.Брюсов, З.Гиппиус, Д.С.Мережковский, К.Д.Бальмонт, Ю.Балтрушайтис, Эллис (Л.Кобылинский), И.Анненский и другие [1266].

Особый интерес в этой связи представляет увлечение оккультизмом и спиритическими сеансами поэта Валерия Брюсова [1267]. Вот что вспоминал об этом В.К.Станюкович: "Как то раз я зашел к Брюсову вечером, - пишет он (воспоминания относятся к 1894 году - Б.В.), - он торопился к А.Лангу на спиритический сеанс и затащил меня к нему, зная мое отрицательное отношение к этим сеансам. В слабо освещенной комнате с темными портьерами мы нашли длинного, странного, с блестящими глазами Ланга. Он был один и никого не ждал. В торжественной тишине хозяин и Брюсов приступили к священнодействию. На дощечку, сквозь которую проходил карандаш, они положили правые руки, и он тотчас забегал по большому листу, расположенному на столе. Как только лист исписывался, он убирался в сторону, а под ним оказывался чистый, готовый к дальнейшим откровениям. Быстро покрывались листы строками, написанными крупным почерком. Мягкий мрак и тишина кругом, а в круге света, падающего из-под низко опущенного абажура, склоненные фигуры над бегающими по белому листу руками. Я сидел в глубоком кресле, мне было уютно, и никакой таинственности я не ощущал. Продолжая так около часу, они остановились.

Спириты хотели и меня вовлечь в их мистерию, но я отказался и мое явное неверие вызвало чрезвычайное раздражение Духа. Он начал покрывать очередной лист самыми

отборными ругательствами, которыми никогда не осквернялись уста товарищей. Я начал хохотать и разогнал таинственную атмосферу уютной комнаты с мягкими темными драпировками, разомкнув руки товарищей. Дух, возмущенный моим присутствием, перестал двигать карандаш и исписанные листы были приобщены к толстой груде прежних откровений.

Мы возвращались по темной Москве. Брюсов упрекал меня в нетерпимости и неверии. Убеждал меня в том, что Дух, а не он ругал меня. В этом я ему наполовину поверил (их было двое). Обещал никогда более не искушать Духа. Насколько помню, - замечает В.К.Станюкович, - эти общения с духами, совместно с Лангом, длились долго. Брюсов вообще интересовался областью тайного знания, а Ланг был убежденный спирит. Брюсов говорил мне, что стихи Ланга написаны не им, а духами ... Ланг выступил со стихами вместе с Брюсовым в первом выпуске "Русских символистов" под псевдонимом Митропольский, а затем выпустил под фамилией Бедина книжку стихов "Одинокий труд"" [1268].

Самое удивительное, что увлечения своего Валерий Яковлевич не оставлял и в зрелые годы. "В эту зиму (1903 год - Б.В.), - писал в своих воспоминаниях М.А.Волошин, - литературная молодежь обычно встречалась у Брюсова в старом фамильном доме на Цветном бульваре. Дом этот, очевидно, принадлежавший родителям Брюсова, находился на противоположной стороне, супротив тогдашних цирков Саломоновского и Никитина, на самой периферии московской "Субурры", описанной в рассказе А.Чехова "Припадок". Дом носил московский купеческий характер. Здесь, в небольшой белой столовой, рядом с гостиной, уставленной цветочными горшками, где "лопасти латаний рисовались на эмалевой стене" высокой изразцовой печки, собиралась у Валерия Яковлевича, в зиму, предшествующую основанию "Весов", московская поэтическая молодежь того времени. За чайным столом читали по очереди свои стихи и выслушивали критические замечания хозяина. Разговоры Брюсова, который в это время собирал матерьялы для "Огненного Ангела", были сухи, богаты, остры, осведомлены и часто вращались около оккультных тем. Его интерес к оккультизму был не только книжный. Незадолго до этого он сам, по-видимому, пережил оккультный роман.

"Меня интересовало, - рассказывал он, - как спиритические духи, т.е. те существа, с которыми мы разговариваем на спиритических сеансах, сами относятся к нам, как они видят и принимают человеческий мир. Я иногда ставил им вопрос об этом и получал ответы очень неожиданные:

" Так, как будто огонек в поле и около него тени.

В виде огонька они, значит, видят спиритический столик. Я пробовал спрашивать:

- А сколько же нас сидит около огонька?

Но у них не было явно ни восприятия лиц, ни числа. Ответы были самые противоречивые и разные:

- Один, пять - толпа ...

Считать они совсем не умели. Мы занимались обыкновенно вдвоем с Лангом (Миропольским, поэма которого "Лествица" напечатана "Скорпионом"). Постепенно у нас составился круг знакомцев, которые с нами беседовали. В этом круге сущностей они являли свои виды и планы на нас - и мы им в чем-то должны были помочь. В чем, так и осталось для меня неясным. Они начали нами руководить и давали нам ряд указаний и формул, носивших характер чисто магический, который часто трудно было исполнить. По смыслу их требований, необходимо было иметь в своем распоряжении обширное пустопорожнее место. Требование, которое трудно было осуществить в условиях городской жизни. Мне показалось, что этому мог бы удовлетворить большой чердак недостроенного дома. Я подал эту мысль, и они одобрили. У меня был на примете такой четырехэтажный, строящийся дом, хозяин которого был знакомым моей семьи. Я отправился к нему просить разрешения, и тут случилась первая странность. Этот человек,

уже не молодой и почтенный, принял меня в отдельной комнате, и когда я ему изложил все мое дело и он поднялся со стула, чтобы ответить мне, - он вдруг упал - у него был удар и паралич языка. Ответа я так и не получил.

В другой раз все уже было устроено и разрешение получено - я ждал только Ланга, чтобы идти туда, он должен был зайти за мной. Но он не пришел ко мне, и сеанс не состоялся. Потом выяснилась вещь еще более странная:

Когда он шел по Цветному бульвару, какой-то прохожий, поровнявшись с ним, ударил его по голове тяжелым кирпичом, завернутым в клетчатый платок. Он потерял сознание и очнулся только через два часа в аптеке, куда его отнесли. Так и второй раз наш сеанс не состоялся.

Лишь по третьему разу нам удалось его устроить. Я расставил светильники, как нам было указано, начертил знаки и круг, но когда начал произносить заклинания, то рядом с нами упала тяжесть в несколько десятков тысяч пудов. Светильники наши были разбиты вдребезги и погасли, не понимаю, как чердачные балки вынесли этот удар и как мы сами не пострадали. Очевидно, я сам недостаточно тщательно замкнул круг или сдвинул один из светильников. Словом, эксперимент был неудачен, и наше общение с этой группой духов этим кончилось. Никто из них на сеансах с нами больше не разговаривал. Мы старались узнать о их судьбе, расспрашивая других духов, но ответы были странные, мало понятные.

Нам отвечали: "Их нет. Они заперты" и раз даже - "Они умерли"" [1269].

Любопытна в связи с этим реакция Брюсова на провозглашенный Андреем Белым на одной из "сред" у Вячеслава Иванова масонский тост: "Пью за Свет!" -Брюсов, сидевший рядом со мной, - свидетельствует А.Белый, - вскочил как ужаленный и, поднимая свой бокал, прогортанил: "За тьму!"". Впрочем, такие "богомерзкие" выходки были обычным явлением в этой среде. "Я не выдержал, - вспоминал А.Белый, - вдруг за столом при всех сорвал с себя крест, бросив его в траву. А.А. (Блок - Б.В.) усмехнулся недоброй улыбкой" [1270].

Сам Андрей Белый всю свою сознательную жизнь оставался глубоким и законченным мистиком. "Человек начинается там, - писал он, - где кончается слово, где слово свивается - там начинается оккультизм; и все мы - оккультисты ... Оккультизм - это воздух, которым мы дышим; и изучение оккультистов без овладения жестами, без уменья их видеть, читать – есть дурная привычка. Назвавши себя оккультистом, не думаю что я оккультист в полном смысле: тот смысл постигается в десятилетиях подвига упражнений, в конкретности, и не лежит путь смысла в сентенциях об оккультизме". Воспаленное воображение поэта рисовало впечатляющие картины некоей вселенской мистерии, участники которой "строятся в им одним открытые знаки и образуют фигуры как в танцах; танцуют треугольники из людей, пересекаются в гексаграммы ... если знак пентаграммы есть пять, то вхождение шестого в обряд пентаграммы обогащает в шесть раз возникающие возможности встречи... Но этого не поймут, о чем, собственно, говорю; обрываю слова ...", - записывал он в своем дневнике.

И далее следует обширный пассаж о месте оккультной символики в современном мире. "Священные фигуры - оккультные знаки нельзя созерцать безнаказанно (опрокинутый треугольник - не то, что прямой: опрокинутый - самосознание, обращенное к духу, прямой - на себя); созерцание треугольника на калоше, которую топчем мы (знак божества!) есть пародия на обряд: и неспроста святым этим знаком давно штемпелюют калоши и, ежедневно мы топчем в грязи властный знак Божества. И это - дело "их" рук ..." [1271].

"Приступ медиумизма" и усиление антиправославных, антихристианских настроений у "аргонавтов" во многом были связаны с деятельностью в их среде А.Р.Минцловой - известно, что одно время она подвизалась в качестве помощницы известного теософа Рудольфа Штейнера. Порвав с ним, она появилась сначала в Москве, а

затем в Петербурге в качестве представителя некой таинственной организации, судя по всему, Ордена розенкрейцеров, и имела своей задачей создание "Братства Святого Духа".

"Минцлову, - писал в связи с этим Н.Валентинов, - дочь известного в Москве адвоката, я видел один только раз в кафе на Тверской улице: меня познакомил с нею приехавший из Петербурга Арабажин - двоюродный брат Белого. Она произвела на меня самое неприятное впечатление: толстый обрубок, грязные желтоватые волосы, огромный глупый лоб, узенькие свиные глаза, а главное - речи! За два года я привык говорить с символистами, к "воздуху" символизма достаточно принюхался и на всякие мистические "всмутки" уже не реагировал. Но Минцлова раздражала своими таинственными намеками вроде: "Как маловажно то, что вы говорите, в сравнении с тем, что вот здесь, рядом с нами, находится и нас слушает", "О ком вы говорите?", "Да зачем мне отвечать - ведь все равно вы этого не поймете. У вас нет для этого органов восприятия".

Минцлова была вхожа ко всем писателям, и особенно к символистам. В Петербурге она была постоянным гостем и другом Вяч. Иванова, а в Москве "обрабатывала" А.Белого. Осенью 1908 г. Белый, действительно, бегал не только к "раввину" (М.О.Гершензону - Б.В.), проникаться у него духом "Вех", - мысль его бежала и в другом направлении: он входил "в стихию теософических дум", штудировал " Doctrine Secrte" Блаватской, посещал теософический кружок Христофоровой, где у него завязались отношения с Минцловой, уже прошедшей через антропософскую школу Рудольфа Штейнера. "Оккультистка" Минцлова была, несомненно, сумасшедшей, и она околдовала Белого" [1272].

Результатом медиумического затмения Андрея Белого стало появление (июль 1908 года) у него антирусского по своему духу, упаднического стихотворения "Отчаянье", заканчивающегося следующим пассажем: - Исчезни в пространстве, Исчезни, Россия, Россия моя!" [1273].

Что это было затмение, свидетельствует появившаяся в 1909 году в журнале "Весы" большая статья А.Белого под названием "Штемпелеванная культура", где он восстает против засилья инородческих элементов в русской культуре. Проштемпелеванный, т.е. прошедший сквозь цензуру биржевиков, интернационализм с пафосом провозглашается последним словом искусства морально шаткой и оторванной от народа группой критиков - негодует здесь А.Белый. Кто же эти критики?

"Главарями национальной культуры, - пишет он, - оказываются чуждые этой культуре люди ... Чистые струи родного языка засоряются своего рода безличным эсперанто из международных словечек ... Вместо Гоголя объявляется Шолом Аш, провозглашается смерть быту, учреждается международный жаргон ... Вы посмотрите на списки сотрудников газет и журналов в России: кто музыкальные и литературные критики этих журналов? - Вы увидите сплошь и рядом имена евреев ... пишущих на жаргоне эсперанто и терроризирующих всякую попытку углубить и обогатить русский язык". Рать критиков и предпринимателей в России пополняется "в значительной степени одной нацией; в устах интернационалистов все чаще слышится привкус замаскированной проповеди самого узкого и арийству чуждого юдаизма". "Ударяясь в космополитизм, - предупреждает Андрей Белый, - мы подкапываемся под само содержание души народной, то есть под собственную культуру" [1274].

С резким протестом против "оброссиивания" и нтернационализации русской культуры выступил в это же время и П.Б.Струве.

"Не знаменательно ли, - писал он в статье "Интеллигенция и национальное лицо", - что рядом с "Российской империей", с этим в глазах всех радикально мыслящих, официальным казенным чудовищем-левиафаном, есть тоже "российская" социал-демократическая рабочая партия". Не русская, а именно "российская". Ни один русский, иначе как слегка иронически не скажет про себя, что он "российский" (уже говорят - Б.В.) человек, а целая и притом наирадикальнейшая партия применила к себе это официальное -

ультра-государственное название, ультра-имперское обозначение. Это значит: она хочет быть безразлична, бесцветна, бескровна в национальном отношении... Для меня важно сейчас подчеркнуть, что ради идеала человечной и разумной государственности - русская интеллигенция обесцвечивает себя в "российскую". Этот космополитизм очень государственен, ибо "инородцев" нельзя ни физически истребить, ни упразднить как таковых, то есть нельзя сделать "русскими", а можно лишь воспринять в единое "российское" лоно, и в нем успокоить". "Но позвольте мне, - заявил П.Б.Струве, - убежденному стороннику государственности, восстать против обнаруживающейся в этом случае чрезмерности культа государственного начала. Позвольте мне сказать, что так же, как не следует заниматься "обрусением" тех, кто не хочет "русеть", так же точно нам самим не следует себя "оброссиивать"". Мы, русские, также имеем право на свое "национальное русское чувство" и "не пристало нам хитрить с ним и прятать наше лицо" [1275].

Однако погоды такого рода заявления не делали и большинство представителей русской дореволюционной интеллигенции твердо стояло на космополитических, интернационалистских позициях.

Это к ней с горечью обращался в свое время известный русский философ Н.А.Бердяев: "Вы, - говорил он, - неспособны проникнуть в интимную тайну национального бытия ... Вы готовы были признать национальное бытие и национальные права евреев или поляков, чехов или ирландцев, но вот национальное бытие и национальные права русских вы никогда не могли признать. И это потому, что вас интересовала проблема угнетения, но совершенно не интересовала проблема национальности" [1276]. В тех же случаях, когда отдельные представители русской интеллигенции, вопреки всему, все же пытались встать на национальные, патриотические позиции, интернациональная, космополитическая среда, к которой они всецело принадлежали, тут же ставила их "на место".

И эпизод с Андреем Белым, возмутившимся засильем космополитических элементов в русской культуре, в этом смысле весьма показателен. Дело в том, что это один из редких случаев, когда мы знаем, чем закончился этот инцидент. А закончился он тем, чем, очевидно, всегда заканчиваются у нас и другие, подобные этой, истории. Друзья и знакомые после злополучной публикации сразу же отшатнулись от Андрея Белого. Но это еще было полбеды. Главная беда заключалась в том, что отшатнулись от него и издатели. В результате наш "патриот" вынужден был дать задний ход, каяться и просить прощения, получив выволочку от одного из властителей дум тогдашней русской прогрессивной интеллигенции в Петрограде - М.О.Гершензона.

"А ведь какой кипучка он был, - вспоминал А.Белый в 1925 году в связи со смертью М.О.Гершензона. - Раз на меня натопал, накричал, почти выгнал от себя (за заметку "Штемпелеванная культура). Я смутился, и – внутренне сказал себе: заслужу прощение ... И заслужил; дулся он на меня два месяца и после вернул расположение" [1277].

Больше таких "проколов" в смысле патриотизма Андрей Белый уже не допускал.

Но вернемся к той атмосфере, в которой жила, можно сказать, "варилась" тогдашняя петербургская богема, увлеченная проповедями А.Минцловой. В 1910 году Минцлова неожиданно исчезает из поля зрения "братьев", оставив Андрею Белому аметистовое кольцо, по которому его должны были найти посланцы "Братства".

По словам П.А.Бурышкина, которого А.Минцлова перед своим уходом успела-таки посвятить в свою тайну, миссия, ей порученная, заключавшаяся, якобы, в том, чтобы "возжечь к свету сердца, соединив их для мира духовного", осталась ею неисполненной; "миссия де провалилась, потому что ее неустойчивость и болезненность вместе с растущей атмосферой недоверия к ней расшатали все светлое дело каких-то неведомых благодетелей человечества, за нею стоящих ... Ее удаляют они навсегда от людей и общения" [1278].

"В кратких заметках, - отмечала в своих мемуарах А.А.Тургенева (первая жена А.Белого), - нельзя передать бредовую атмосферу, окружавшую группы людей в России, переживавших эти и подобные им происшествия в обстановке того времени. С разными оттенками, эти настроения были свойственны многим кругам. И приезжая из Западной Европы, ты каждый раз был захвачен душевным богатством и интенсивностью московских разговоров до трех часов ночи, за остывшим самоваром; в Петербурге в "башне" Вячеслава Иванова они длились нормально до шести часов утра, но были более определенными, литературно-эстетическими. Но что следовало из этих разговоров? Они велись изо дня в день непрерывно, пока кто-нибудь из учеников не выдерживал и не начинал бунтовать, впадая в истерику - такой тотчас отправлялся друзьями в деревню на поправку" [1279].

В 1912 году Андрей Белый увлекается антропософией и становится учеником и последователем Рудольфа Штейнера. Вместе со своей тогдашней женой Асей Тургеневой он покидает Россию и уезжает в Швейцарию, чтобы слушать лекции Учителя и принять участие в строительстве антропософского храма в Дорнахе ("Иоанново здание").

К этому времени в Петербурге и Москве уже вовсю действовала новая масонская организация - Религиозно-философское общество (РФО). Возникло оно в 1907 году и состояло в основном из последователей учения Владимира Соловьева и так называемых "обновленцев", требовавших "обновления" и реформирования православной церкви в духе времени, а то и вовсе замены ее учения неким "новым религиозным сознанием" [1280]. Результатом этой кипучей деятельности "реформаторов" было резкое усиление нападок либеральной прессы на православное духовенство. Само же Общество быстро превратилось во враждебный всему русскому центр масонства.

Кого только не было на его собраниях. Богоискатели, владимиросоловьевцы, раскаявшиеся декаденты, отважно либеральничающие священники, соборные анархисты, эсдеки, а также оккультисты всех мастей, теософы и антропософы. Само собой разумеется - студенты, курсистки, взыскующие Града Господня и просто ищущие [1281].

Председательствовал на заседаниях петербургского отделения Общества профессор С.-Петербургской Духовной академии масон Антон Владимирович Карташев. Среди наиболее активных членов РФО - такие же масоны: Д.С.Мережковский, Зинаида Гиппиус, Петр Струве, Александр Мейер, Д.В.Философов, Евгений Аничков и целый сонм сливок петербургской масонствующей интеллигенции.

Духовным и организационным предтечей Общества явились уже упоминавшиеся выше Религиозно-философские собрания 1901-1903 гг. Вот какое впечатление произвели они на только что возвратившегося в январе 1903 года из Парижа М.А.Волошина.

"Петербург и русская жизнь меня поразили, - пишет он. - Читался доклад В.В.Розанова на тему о возможности творчества в области церковных догматов. Читал доклад не Розанов, который никогда публично не говорил, а читал Мережковский по его рукописи. Нервный, женский и высокий голос Мережковского, трагический шишковатый лоб В.В.Розанова, который он молча и нервно охватывал властными пальцами, прикрывая глаза; бледные испитые лица петербургских литераторов, вперемешку с черными клобуками монахов; огромные седые бороды и живописные головы священников, лиловые и коричневые рясы; острый трепет веры и ненависти ... над собранием. Это рождало смутные представления о раскольничьем соборе XVII века" [1282].

Неудивительно поэтому, что в том же году собрания были закрыты. Однако идея их не умерла, воплотившись в заседания Религиозно-философского общества. Возглавлял петербургское отделение общества с 1912 года Вячеслав Иванов, которого сменил в 1917 г. А.В.Карташев. Секретарем была Ксения Половцева.

"Мятежный дух" в обществе постоянно поддерживала уже упоминавшаяся нами Зинаида Гиппиус - "святая дева с ликом бляди" (С.Соловьев), в отношении которой современники расходились, пожалуй, только в одном: гермафродит она или только лесбиянка.

Во главе московского отделения Религиозно-философского общества стояли: Г.А.Рачинский (председатель), Андрей Белый, В.А.Свенцицкий, С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев, Е.Н.Трубецкой. Церковное течение в софианстве представлял Сергей Булгаков. Наиболее же радикальная часть Общества группировалась вокруг В.П.Свенцицкого и его "Христианского братства борьбы" (1905-1908), пытавшегося вести революционную работу под флагом христианских идей [1283].

Лейтмотивом развернутого ими похода на традиционные основы русского самосознания стал призыв к разрыву с православием и возвращение к "первоисточникам христианства" [1284].

Результатом оголтелой проповеди "внецерковного религиозного революционаризма" стал очевидный накануне 1917 года раскол среди членов Общества. Еще в 1914 году в знак протеста против исключения В.В.Розанова вынуждены были покинуть его ряды С.А.Аскольдов (Алексеев) и П.Б.Струве. И уж совсем нетерпимое положение сложилось в петербургском Религиозно-философском обществе после "победоносного Февраля", когда потерявшие всякое чувство меры "леваки" (А.А.Мейер, К.А.Половцева) попытались организовывать религиозные митинги на животрепещущие по тем временам темы: социализм и религия, Бог и наука, церковь и государство, революция сознания, религия и революция. Не менее любопытен и состав предполагаемых участников "народных митингов": А.Ф.Керенский, Б.В.Савинков, А.В.Карташев, А.А.Мейер, Н.Д.Соколов, В.П.Соколов, Н.О.Лосский, Г.В.Плеханов [1285].

Не удивительно поэтому, что деятели РФО не только не испугались "Великого Октября", но напротив, основав (ноябрь 1919 г.) в Петрограде т.н. "Вольную философскую ассоциацию" (Вольфила [1286]), можно сказать, удвоили свои силы в борьбе против ортодоксального православия и традиционных ценностей русского народа. На то, что Вольфила, как и РФО, была организацией определенно масонского толка, указывает большой интерес, который проявлял к ней руководитель петербургских мартинистов Г.О.Мебес.

"Этой организацией, - писал А.М.Асеев, - очень интересовался Г.О.М.; он встречался и подолгу беседовал с глазу на глаз с Андреем Белым. Постоянно бывали в Вольфиле и некоторые петроградские масоны, принимавшие активное участие в ее работе [1287]. В октябре 1921 г. было открыто и московское отделение Вольфилы. Однако должного взаимопонимания с большевиками они не нашли и в 1922 году многие активные деятели Вольфилы и Религиозно-философского общества были высланы из страны на "философском пароходе".

Глава 18. Ленинградские масоны 1920-х годов и их судьба

Как бы то ни было, масонская идеология в начале XX века пустила настолько глубокие корни в среде российской интеллигенции, что даже знаменитый большевистский террор 1920-х гг. оказался не в состоянии сразу уничтожить ее быстрорастущую поросль. На сегодняшний день известно, по крайней мере, десять тайных масонских или полумасонских организаций, действовавших в 1920-е годы в СССР: "Единое трудовое братство", "Орден мартинистов", "Орден Св. Грааля", "Русское автономное масонство", "Воскресенье", "Братство .истинного служения", "Орден Света", "Орден Духа", "Эмеш Редивиус", "Орден тамплиеров и розенкрейцеров". Шесть первых из них располагались в Ленинграде. "Орден Света" и "Эмеш Редивиус" объединяли в своих рядах московских "братьев и сестер".

Тесно связанные с московским "Орденом Света", "Орден Духа" и "Орден тамплиеров и розенкрейцеров" располагались соответственно в Нижнем Новгороде и Сочи. Дочерними ложами "Русского автономного масонства" были ложа "Гармония" в Москве и "Рыцари Пылающего Голубя" в Тбилиси.

Крупнейшей оккультной организацией 1920-х гг. в Ленинграде был "Орден мартинистов", представлявший собой ветвь одноименного французского Ордена.

Напомню, что первая мартинистская ложа была организована здесь еще в 1899 году графом Валерианом Муравьевым-Амурским. Трения, возникшие между ним и главой "Ордена мартинистов" в Париже известным оккультистом Папюсом, привели к тому, что около 1905 г. В.В.Муравьев-Амурский был отставлен от должности делегата Ордена в России. В 1910 г. на его место был назначен поляк граф Ч.И.Чинский, с именем которого собственно и связано создание русского отделения "Ордена мартинистов".

В 1912 г. среди них произошел раскол, и петербургская часть Ордена во главе с Григорием Мебесом объявила о своей автономии или, проще говоря, независимости от Парижа. Московские же братья во главе с П.М. и Д.П.Казначеевыми, напротив, остались ему верны и продолжали свою деятельность под руководством своего парижского начальства вплоть до 1920 года. Петербургские же мартинисты образовали в 1913 г. особую автономную цепь с тамплиерской окраской, которая и просуществовала вплоть до ее разгрома в 1926 году ОГПУ.

В основе учения мартинистов лежит оккультизм - особое направление религиозно-философской мысли, стремящееся к познанию божества интуитивным путем, путем психических переживаний, связанных с проникновением в потусторонний мир и общением с его сущностями. В отличие от своих "братьев" из "Великих Востоков" Франции, Италии и "Великого востока народов России" (А.Ф.Керенский и Ко), преследовавших чисто политические цели, мартинизм ориентирует своих членов на внутреннюю духовную работу над самим собой, своим собственным моральным и интеллектуальным совершенствованием.

Это позволяет отнести мартинистов к особой, т.н. духовной или эзотерической ветви Мирового братства. Отличительным знаком русских мартинистов являлся круг с шестиконечной звездой внутри, основные цвета: белый (ленты) и красный (плащи и маски). Посвящения производились по примеру масонских с несколько упрощенным ритуалом. В 1918-1921 гг. лекции по Зогаре (часть Каббалы) читал Г.О.Мебес, по истории религии, с ярко выраженным антихристианским уклоном, его жена Мария Нестерова (Эрлангер). С историей масонства слушателей знакомил Борис Астромов. Помимо чисто теоретических занятий, в "школе" велась и практическая работа по развитию у ее членов цепи способностей к телепатии и психометрии.

Всего нам известны имена 43 человек, прошедших "школу" Г.О.Мебеса в 1918-1925 гг., в том числе известный военный историк Г.С.Габаев и поэт Владимир Пяст. Однако в целом состав Ордена был вполне зауряден: юристы, бухгалтеры, студенты, домохозяйки, несостоявшиеся художники и журналисты - одним словом, рядовая, разочаровавшаяся в жизни и ударившаяся в мистику русская интеллигенция [1288].

Неприглядную роль в судьбе ленинградских мартинистов сыграл Борис Викторович Астромов-Ватсон [1289] (наст. фамилия Кириченко), о котором уже шла речь в начале очерка. Выходец из обедневшей дворянской семьи, он уезжает в 1905 году в Италию, где поступает на юридический факультет Туринского университета. Здесь он становится учеником знаменитого криминалиста масона Чезаре Ломброзо. В 1909 г. состоялось его посвящение в Братство (ложа "Авзония", принадлежащая к "Великому Востоку Италии"). В 1910 г. Б.В.Астромов возвратился в Россию, но в работе русских масонских лож, по его словам, участия не принимал. Посвящение его в "Орден мартинистов" состоялось только в 1918 году после знакомства с Г.О.Мебесом. В 1919 г. Г.О.Мебес назначает Б.В.Астромова генеральным секретарем Ордена.

Трения, возникшие между ними, приводят к тому, что в 1921 г. Б.В.Астромов вынужден был уйти из Ордена. Г.О.Мебес в своих показаниях в ОГПУ в 1925 году основной упор делал на низкие моральные качества Б.В.Астромова (авторитаризм, половая распущенность, финансовые злоупотребления и пр.). Но существовали, как представляется, и более серьезный причины для их разрыва. Дело в том, что после 1917

года Г.О.Мебес, по информации А.М.Асеева, "сильно сократил масонскую сторону своей деятельности; считал масонство по своей конструкции организацией сложной и громоздкой, а потому опасной в условиях советской действительности" [1290]. Б.В.Астромов же, напротив, в центр своей деятельности поставил именно масонство как таковое. В результате он вышел из юрисдикции Г.О.М. и начал самостоятельную работу совместно с О.Е.Нагорновой - мастером женской масонской ложи, организованной уже после революции.

Казалось бы, пути незадачливого генсека и мартинистов навсегда разошлись. Однако оказалось, что это далеко не так. В мае 1925 г. Б.В.Астромов неожиданно появляется в приемной ОГПУ в Москве и предлагает свои услуги по освещению масонства в стране в обмен на разрешение покинуть СССР. Разрешения на эмиграцию Б.В.Астромов не получил, зато его предложение по освещению масонства в СССР заинтересовало чекистов, тем более что, как оказалось, они следили за ним еще с 1922 года.

Однако оставим на некоторое время чекистов с их проблемами и обратимся к личности героя нашего очерка - Б.В.Астромова. Скупые данные его биографии мы уже привели. Теперь, как представляется, самое время обратиться к его "художественному", так сказать, портрету. Принадлежит он известным ленинградским журналистам 1920-х годов - Л.Д.Тубельскому и П.Л.Рыжей, писавших под псевдонимом "Тур". В 1928 году по следам масонских дел ленинградского ОГПУ ими были опубликованы две статьи-фельетона: "Галиматья" - в "Ленинградской правде" и "Тень от нуля (Масоны в Ленинграде)" - в "Красной газете".

"Перед нами, - писали они, - фотографическая карточка: нечто вроде крылатого грифона, озаренного вспышкой магния - кивер, доломан, шкура пантеры, кожаные рейтузы. На бледном изможденно-наглом лице зияют огромные жемчужные пустые глаза, холодные, серые как платина. Они похожи на две склянки эфира - кажется, вот-вот они испарятся к небесам. Лицо, сжигаемое тайными страстями аскета и негодяя. Это - Астромов, он же Ватсон, он же Кириченко. Это именно он в своем опереточном пышном наряде - юрист, лиценциат, мечтатель, золоторотец, окончивший академию в Италии с ученой степенью магистра иллюзорных наук, великий мастер ордена масонов.

Даже его родная мать (теща - Б.В.) не может объяснить происхождение трех его фамилий. Вся его прошлая и настоящая жизнь покрыта пеленой таинственности, не совсем вспоротой даже ланцетом следствия.

Биография его заслуживает внимания. Он родился в разорившейся дворянской семье, учился в кадетском корпусе, из которого был выгнан за попытку изнасиловать учительницу французского языка. 1906 год застает его в Италии, куда он попал невесть каким путем. Во Флоренции он сходится с масонами и принимает обет вольного каменщика. Далее карьера его идет извилистыми странными путями.

Он возвращается в Россию, где пытается организовать мистическое объединение. Мирно служит в страховом обществе "Саламандра". Между дел кончает юридический факультет (Факт не подтверждается. Юридический факультет Б.В.Астромов закончил еще в Италии. - Б.В.). Затем непосредственно поступает на службу в сыскное отделение (Документального подтверждения не имеется - Б.В.). Открывает игорный дом. Женится на баронессе Либен. Несколько лет Астромов живет на ее средства, окончательно подчиняя себе ее волю. Разорив ее, заставляет при посторонних играть роль жилицы, водит к себе на семейную квартиру женщин, живет с известной кокоткой из "Аквариума" Анжеликой Гопп. - Награждает жену за четырехлетнюю совместную жизнь истерией.

Во время мировой войны Астромов занимается шпионажем и мародерством (Документальные подтверждения отсутствуют - Б.В.). Делает себе изрядное состояние на шарлатанских поставках каких-то корборундовых кругов для патронных заводов. Занимается искусными спекуляциями субтропическим рисом "индиго". В перерывах между сделками - совсем как в бульварном романе - Ривьера, Ницца, Иль-де-Франс.

Томительные сумерки Ронсара. В один, как говорится, прекрасный день Астромов играет на бирже на повышение манташевских акций и ленских шерри и проигрывает все, вплоть до трости и котелка. Спасаясь от долгов, устав от мирской суеты, он уезжает в качестве лесничего в лес, в имение знакомого помещика под Курском.

Революционные потрясения не меняют жизненного стиля Астромова. В революции он продолжает жить той же паразитической жизнью авантюриста. Высокомерный анатом любви, изысканный бульвардье, он мешочничает, возит в деревню граммофоны и ситец. Транспортирует обратно соль и муку. Насилует в деревнях девушек под лозунгом "улучшения породы". Необъяснимыми путями он получает академический паек в Доме ученых. Потом профессии его меняются с быстротой необыкновенной. Он занимается кустарной выработкой бальзамов и снадобий против клопов и тараканов, причем называет эти снадобья "Эликсир сатаны". Затем, при переходе к нэпу, он открывает масонское кафе "Веселый фарисей". Играет в ресторанном джаз-банде на саксофоне. Заведует прачечной от Комхоза. Наконец, устраивается инспектором в Губфинотделе.

Меняя профессии как перчатки, он все чаще меняет женщин и жен. На вечеринке у масона Сверчкова он пытается насиловать присутствовавших там дам ... Материальный достаток Астромова складывается из торговли гороскопами по червонцу за штуку и из поборов подчиненных ему масонов. Великий мастер страдает манией величия: любит облачаться в странные одеяния, командовать и приказывать; написал два своих портрета в костюмах бенедиктианского монаха и маркиза XVIII столетия. Показывая их посетителям, скромно дает понять, что это его портреты в прошлых инкарнациях. Сообщает, что он живет две тысячи лет. Туманно рассказывает о своем происхождении от Наполеона I, подтверждая это своим наружным сходством с ним.

Великий мастер нечист на руку: продал мебель своей четвертой жены (третьей? - Б.В.), украл четыре фунта серебра у одной из масонок, украл старинный меч из приемной врача. Таков, - заключают авторы, - один из характерных представителей отечественного масонства в наши дни. Таков один из последних могикан крупного авантюризма типа Калиостро. Родись он веком раньше, он был бы Калиостро или де Роккетом. Сейчас он - опереточная, смешная фигура".

Досталось от авторов статьи и коллеге Б.В.Астромова - С.Д.Ларионову. Места ему в фельетоне уделено, правда, значительно меньше, но яркость и выпуклость зарисовки от этого не пострадали.

"Подобно тому, как Калиостро сопровождал его друг и доверенный Петер Шенк, точно также тенью Астромова являлся этот Ларионов, - пишут они.

- Он происходил из семинаристов. Был одновременно студентом-медиком, студентом Консерватории по классу гобоя, актером фарса Сабурова, православным священником и, конечно, масоном. Когда Синод лишил его священнического сана, он принял католичество и быстро стал ксендзом одного из соборов.

Это - авантюрист астромовского толка. И тот, и другой сейчас - вымирающая, редкая порода бобров или марабу. Жестокие законы Дарвина действительны и в применении к поколениям авантюристов" [1291].

Как ни художественна и занимательна характеристика Б.В.Астромова, данная ему "братьями Тур", она все же пристрастна. Во всяком случае, к появлению Б.В.Астромова на Лубянке и к его предложениям там отнеслись со всей серьезностью.

Очевидно, что несмотря на присущие ему недостатки, столь красочно описанные фельетонистами, Б.В.Астромов оставался, в то же время, достаточно умен и убедителен в глазах своих высокопоставленных собеседников из ОГПУ.

После допросов и бесед в Москве со "специалистами" ОГПУ (член коллегии Я.С.Агранов, начальник Секретно-оперативного отдела Генкин), Б.В.Астромов прибыл в начале июня 1925 г. в Ленинград, где и стал "работать" под контролем ОГПУ. Оперативную связь с ОГПУ (зам. начальника Райский) Б.В.Астромов осуществлял через некоего Лихтермана, встречаясь с ним время от времени на конспиративной квартире по

Надеждинской улице. Не возбранялось ему появляться в ОГПУ и по собственной инициативе, позвонив, правда, предварительно по соответствующему телефону.

Повышенный интерес этого учреждения к Б.В.Астромову понятен, так как он "заложил" не только мартинистов, но и собственную подпольную организацию "Русское автономное масонство", генеральным секретарем которого и представился чекистам. Начало ей было положено еще в 1921 г. Учреждением Б.В.Астромовым из недовольных Г.О.Мебесом мартинистов собственной, независимой от него масонской ложи "Три северные звезды".

Сделать это было не так уж и сложно, поскольку в результате проведенной в 1919 году Г.О.Мебесом реорганизации ордена мартинистов (введение так называемого "строгого послушания" или, проще говоря, строгой дисциплины) недовольных было много. Часть их группировалась вокруг А.Н.Семигановского (старый мартинист, возглавлявший с 1916 года ложу "Зодиак"), исключенного Г.О.Мебесом в 1919 году и основавшего после разрыва с Учителем собственный "Христианский Эзотерический орден" (1920-1923 гг.) - С.Д.Ларионов, Б.Л.Киселев, Н.Н.Молчанов, Н.П.Смирнов и другие. Часть пошла за Б.В.Астромовым. Членами его ложи вскоре стали: инженер-архитектор П.Д.Козырев, инженер-путеец М.М.Петров, бывший присяжный поверенный В.П.Остен-Дризен, художник Н.Г.Сверчков, киноартист С.Д.Васильев, бывший адъютант командующего Ленинградским военным округом Д.И.Аврова, служащий АРА в Ленинграде Р.А.Кюн, кинорежиссер Г.В.Александров, бывший инспектор консерватории Г.Ю.Бруни, артист балета Е.Г.Кякшт. Б.В.Астромову удалось организовать четыре диссидентствующие ложи мартинистского толка - "Пылающий лев" (мастер стула В.П.Остен-Дризен), "Дельфин" (мастер стула М.М.Петров, наместный мастер А.Н.Вольский), "Золотой колос" (наместные мастера Н.А.Башмакова и О.Е.Нагорнова). Упражнения в передаче мыслей, столоверчение, гипнотические сеансы, лекции - таков, приблизительно, был круг их занятий.

В августе 1922 года представители этих лож учредили т.н. ложу-мать "Великая ложа Астрея" и объявили о создании новой, независимой от мартинистов организации "Русское автономное масонство" (члены: А.Н.Вольский, С.В.Полисадов, М.М.Севастьянов, В.В.Петров, А.Н.Остен-Дризен, Р.А.Кюн). Генеральным секретарем "Великой ложи Астреи" стал Б.В.Астромов.

Располагалась Astrea Ruthenica или "Великая ложа Русская звезда" в доме на Михайловской площади, напротив Михайловского театра, на втором этаже, в квартире О.Е.Нагорновой и ее приемной дочери, на которой был женат Б.В.Астромов.

Ложа занимала большой зал с драпировкой голубого цвета. Окна помещения выходили на Михайловскую площадь. Собственная ложа Б.В.Астромова "Три северные звезды" располагалась в его собственной квартире недалеко от Владимирской церкви. Это был обычный кабинет с двумя окнами. В нише одного из них помещался алтарь со всеми необходимыми атрибутами. Чтобы превратить обычный кабинет в масонскую ложу, достаточно было отдернуть занавеси.

Что касается должности Великого мастера, которым был объявлен бывший директор императорских театров В.А.Теляковский (1861-1924), то она, судя по всему, оставалась вакантной, так как в ходе следствия Астромов вынужден был признать факт мистификации "братьев" в этом вопросе и подделку подписи Теляковского на официальных документах ложи.

На основании патентов, выданных Б.В.Астромовым, были открыты две ложи за пределами Ленинграда: "Гармония" в Москве во главе с бывшим мартинистом Сергеем Полисадовым и "Рыцарей пылающего голубя" в Тифлисе во главе с братом Б.В.Астромова Львом Кириченко-Мартовым.

Отношения Б.В.Астромова с Советской властью в первые послереволюционные годы были весьма дружественными. "Петрогубчека, - вспоминал он позднее, - призвав наших руководителей и побеседовав с ними, выяснила, что наша организация стояла и

стоит в стороне от политики и занимается философскими вопросами человеческого самоусовершенствования и перевоспитания ... Следователь ... Владимиров еще до революции был знаком с деятельностью Российского Автономного масонства. Поэтому, распросив нас и заслушав доклад Владимирова, председатель Петрогубчека Комаров махнул добродушно рукой: "Раз вы не против нас, то живите мирно, принося в своем маленьком масштабе известную пользу человечеству"".

"Я не буду касаться моего дальнейшего прохождения гражданской службы после демобилизации по болезни в начале 1920 года, - показывал 3 февраля 1926 года Б.В.Астромов на допросе, - лишь расскажу происшедший у меня разговор с членом Президиума Коминтерна, а тогда Комиссаром Петрогуботдела Юстиции тов. Я.И.Анвельтом. Тов. Анвельт назначил меня в 1921 г. юрисконсультом в Смольный. Тогда я пришел к нему и откровенно сказал, что я - масон, а потому, может быть, он передумает. Тот, пристально посмотрев на меня, сказал - "я знаю, что вы порядочный человек". И я был назначен. Этот разговор всегда можно проверить, т.к. т. Анвельдт находится в Москве. Труднее проверить разговоры мои с Председ. Сов. Нар. Суда в Ленинграде тов. Филиповой, спрашивавшей меня неоднократно, почему я не вступаю в коммунистическую партию, потому что тов. Филипова, захваченная эстонским правительством, и не желая попасть ему в руки, покончила с собой в 1923 г. в Ревеле, но один такой разговор происходил в присутствии Нарсудьи тов. Арнольд, которая теперь служит в ВЦИКе и наверно помнит мой шутливый ответ: "Все равно я уже синдикалист. Ведь и Джон Рид - тоже синдикалист". Это был период моего увлечения масонством.

Каковы мои политические убеждения. Как масон - я гражданин мира, т.е. для меня теперь (во времена студенчества еще существовали) не существует национальных и государственных границ. Для меня все равны: русский, еврей, татарин, индус, китаец и т.д., француз, итальянец и американец; хотя тянет меня к Востоку. Как масон - я стремлюсь к счастью и прогрессу всего человечества, когда не будет ни войн, ни болезней, ни страданий; и вижу, что у нас, в СССР, через диктатуру пролетариата это будет со временем достигнуто в малом масштабе, т.е. в пределах С.С.С.Р. Значит нужно стараться поскорее: а) изжить этот переходный период - диктатуру, и б) расширить советы до Всемирного Союза Советов всех освобожденных народностей" [1292].

Б.В.Астромову даже удалось получить охранную грамоту для "Великой ложи Астреи" и помещения ложи "Аполлония Тианского" ордена мартинистов во главе с Г.О.Мебесом. Копия этого документа, вместе с телефоном уполномоченного ЧК по борьбе с левыми партиями хранилась у председателя домкома масона С.Д.Ларионова [1293].

Церемония посвящения в младшие степени Ордена сводилась к следующему.

Преклонив колена перед алтарем, неофит зачитывал соответствующий его степени отрывок посвятительной тетради, после чего председательствующий в белой одежде мага делал ему краткое наставление. Заканчивалась церемония приведением неофита к присяге, скрепляемой его подписью кровью из проколотого пальца.

По свидетельству М.М.Севастьянова, которого Б.В.Астромов посвятил в 30-ю масонскую степень (4-я мартинистская), ему в ходе этого таинства пришлось не только поставить кровью оттиск указательного пальца у своейподписи под текстом клятвы с обетом молчания, но и поцеловать рукоятку ритуального меча и шестиконечную звезду на груди Б.В.Астромова. Кроме того, в соответствии с оккультной традицией, Астромов нарисовал ему на лбу еще и изображение священной пентограммы, т.е. пятиконечной звезды. Среди ленинградских оккультистов "школа" Б.В.Астромова считалась магической, так как позволяла, по общему мнению, прошедшим ее "подчинять" себе окружающую среду, правда, не прибегая в отличие от черной магии к услугам темных, сатанинских сил.

Такова была в общих чертах организация Б.В.Астромова, члены которой оказались втянутыми своим руководителем в крупную политическую игру. Некоторое представление о ней дает подготовленный Б.В.Астромовым и его коллегой по Ордену М.М.Сева-

стьяновым 15 августа 1925 г. по просьбе ОГПУ специальный доклад (о нем уже упоминалось в начале нашего очерка), целиком посвященный возможному сотрудничеству между большевиками и масонами.

При помощи ОГПУ доклад был перепечатан на машинке и отправлен в двух экземплярах в Москву, а копия его представлена в Ленинграде в местное отделение ОГПУ. Доклад Б.В.Астромова не был его личной импровизацией на "масонскую" тему. Это был масонский ответ на интересовавшие "специалистов" ОГПУ конкретные вопросы. В первую очередь речь шла, естественно, о возможности использования масонской организации в интересах строительства коммунизма в СССР.

Развивая эту мысль, Б.В.Астромов в своем докладе подчеркнул, что "конечно, масоны не претендуют на открытую легализацию, т.к. это будет скорее вредно, чем полезно для работы". И тогда, отмечал он, смогут обвинить в "чекизме" или "рептильности", что непременно оттолкнет от масонства русскую интеллигенцию.

Роль масонства должна была главным образом заключаться в том, чтобы убедить лучшую часть ее в "закономерности переживаемых событий, а следовательно, и неизбежности их".

Здесь, по мнению Б.В.Астромова, "реальная работа" "Автономного русского масонства" могла бы выразиться прежде всего "в укреплении в правосознании русской интеллигенции идей интернационализма и коммунизма, а также в борьбе с клерикализмом". В конечном итоге Б.В.Астромов предлагал советскому правительству следующий "modus vivendi": советская власть терпит существование масонских лож и ячеек, входящих в союз "Генеральной ложи Астреи", не преследуя ее членов, а "Генеральная ложа Астрея", в свою очередь, берет на себя обязательство "не иметь никаких тайн от правительства СССР и не находиться в связи или в союзе ни с одним иностранным масонским Орденом".

Документ - что и говорить - примечательный. Но что или кто стоит за ним? Действительно ли Б.В.Астромов сам додумался до идеи масонизации при негласной поддержке правительства если не всей страны, то хотя бы русской интеллигенции, или же эта идея была подсказана ему во время бесед со "специалистами" ОГПУ.

Ответить на этот вопрос непросто. Дело в том, что, заявляя в ходе следствия, что никаких других целей при создании своей организации, кроме "самоусовершенствования и самодисциплинирования" ее членов, он не преследовал, Б.В.Астромов был не вполне искренен. Во всяком случае, попытки Б.В.Астромова связаться с английским масоном Ломбартом Деритом - бывшим пастором англиканской церкви в С.-Петербурге, а также с ректором Туринского университета масоном Горрини позволяют предположить, что планы его шли несколько дальше работы "над собой" членов сообщества. Об этом же говорит переписка Астромова с Р.А.Кюном и его хлопоты, начиная с 1923 года, о получении заграничной визы.

Р.А.Кюн был приятелем Б.В.Астромова и членом его ложи. Эмигрировав в начале 1920-х гг. в Америку, он попытался установить связь ленинградских масонов с тамошними "братьями", предъявляя им при этом подписанный Б.В.Астромовым "диплом" или "патент" Великой ложи Астрея Автономного русского масонства.

Но никакого впечатления на американских масонов бумаги Р.А.Кюна не произвели.

"Вчера говорил опять с историком здешнего факультета (руководитель масонской ложи - Б.В.), - писал он Астромову из Америки. - Он шельма, очень образованный и недаром историк (масон - Б.В.). Очень трудно его убедить. Все эти дипломы - все не то, хотя они еще будут рассматриваться на заседании консилиума.

Он говорит: почему? - 1) шотландский стиль; 2) египетский рисунок; 3) еврейские подписи ... Должно быть не больше трех факультетов (степеней - Б.В.). И много, много еще ерунды, которой здесь больше нет давным давно. Они говорят: таких обманщиков много на свете, почитали немного и лезут в ученые" [1294].

Как видим, Б.В.Астромов отнюдь не собирался засиживаться на берегах Невы. И все же сама мысль о возможном сотрудничестве масонов с советской властью принадлежит, судя по всему, не Б.В.Астромову.

Здесь скорее всего, как представляется автору этих строк, были задействованы иные силы. Некоторый свет на них проливают показания масона Н.Н.Беклемишева, который свидетельствовал, что уже в конце 1925 г. Б.В.Астромов говорил ему о своем желании устроить в Москве "ложу с ведома Политуправления, чтобы работать совместно на сближение с западными державами". "Припоминаю, - показывал он 3 марта 1926 г. Следователям ленинградского ОГПУ, - что сначала Астромов приписывал эту идею некоему Барченко, а потом уже стал говорить от себя и, кажется, ездил по этому вопросу в Москву". Таким образом выясняется, что идея использования масонских каналов для сближения Советской России с западными державами была подброшена Б.В.Астромову со стороны А.В.Барченко, который, как мы уже знаем, вовлек в 1919 г. в масонскую ложу Г.И.Бокия (могло, впрочем, быть и наоборот) и был, несомненно, связан с ОГПУ.

Правой рукой Б.В.Астромова был наместный мастер московской ложи "Гармония" Сергей Полисадов, с помощью которого ему удалось "выйти" на своего коллегу из "Великого Востока Франции" В.И.Забрежнева, работавшего в середине 1920-х гг. в Совнаркоме СССР. Ободренный этим, Б.В.Астромов дает С.В.Полисадову задание связаться посредством орденских знаков с А.В.Луначарским и редактором "Известий" Ю.С.Стекловым (Нахамкисом). Сам Астромов тоже не сидел сложа руки и сумел заинтересовать масонством заведующего отделом международных расчетов в Ленинграде члена ВКП(б) А.Р.Рикса и настойчиво искал встреч с бывшим следователем Петроградской Губчека К.К.Владимировым.

"Иисус Христос, - смущал Б.В.Астромов работавших с ним чекистов, - самый первый христианин, можно сказать, был и первым масоном ... Но его можно также назвать и первым большевиком. Хотя все это очень спорно ... В нашем понимании Христос - самозванец. Мы чтим Бога как Архитектора Вселенной, как нечто отвлеченное, отвергая официальную религию и церковь. Масоны - скорее большевики, чем христиане" [1295].

Сведения о ленинградских масонских ложах, имевшиеся к этому времени в ОГПУ, сводились к тому, что среди их членов немало "высококвалифицированных научных как гражданских, так и военных сил, технических специалистов и пр. - лиц, занимающих крупные должности в советском аппарате, готовящихся выступить против Соввласти". Было известно также и о связях ленинградских лож с заграницей, в частности, с масонскими ложами "фашистской Италии".

Не остался без внимания чекистов и конспиративный характер работы масонских лож и их бешеная "борьба с "засильем жидов", Соввластью и ВКП(б)", а также попытки втянуть в масонство "отдельных членов партии, дабы проводить через них свою работу".

Летом 1924 года ОГПУ установило, что вождем ордена мартинистов в Ленинграде является Г.О.Мебес, причем деятельную помощь ему оказывает "проживающая с ним М.А.Нестерова". Не было секретом для ОГПУ и имя руководителя Союза "Астрея" - Борис Викторович Астромов-Кириченко-Ватсон. 14 июля 1924 года ОГПУ сумело установить, что на квартире у П.П.Ишимерского собирается оккультный кружок, члены которого занимались вызовом духов и различного рода предсказаниями, в том числе и политического характера: "смерть тов. Троцкого от руки женщины", "приближающееся царство Николая III" и т.п. Наружным наблюдением была установлена связь этого кружка с Г.О.Мебесом.

Выяснилось также (апрель 1925 года), что оккультист Г.В.Александров занимался "вербовкой людей в масонскую организацию, где посвящение производится только после длительного предварительного испытания, причем после посвящения производится тщательное наблюдение за вновь принятым, вплоть до его спальни".

Члены кружка занимались развитием воли, строгим подчинением себе своих желаний. Было установлено также, что сам Г.В.Александров, в свою очередь, является членом ложи Б.В.Астромова.

2 июня 1925 года ОГПУ стало известно о существовании подготовительной масонской группы (20 человек), собиравшейся на квартире у Е.П.Вартапетовой-Бершадской-Баресковой, которая вместе со своим братом А.П.Баресковым и являлась ее руководителем.

Семь месяцев продолжалась провокационная по своей сути деятельность Б.В.Астромова, пока, наконец, работавшие с ним чекисты не поняли, что их подопечный явно не та фигура, с которой можно иметь серьезное дело. Инвалид второй группы (последствие контузии, полученной им в русско-японскую войну), Б.В.Астромов пользовался у масонов незавидной репутацией не только неуравновешенного, но и лживого, морально нечистоплотного человека. Ни о каком уважении к нему со стороны учеников не могло быть и речи. Весь авторитет Б.В.Астромова среди "братьев" покоился на присущей ему силе гипнотического воздействия на собеседника. В связи с этим среди части братьев даже распространилось поверье, что вся магическая сила Астромова заключается в семи длинных волосках на его лысом черепе под академической шапочкой, направление концов которых якобы регулярно меняется им с переменой направления астрального влияния.

Крайне неблагоприятные для Б.В.Астромова показания относительно его морального облика дали в ходе следствия его теща О.Е.Иванова-Нагорнова и две первые жены: Л.И.Хальфина и баронесса А.Н.Либен. Особенно много нареканий вызывало практикуемое Б.В.Астромовым принуждение своих учениц к вступлению с ним в половую связь в извращенных формах - так называемое "трехпланное посвящение", якобы распространенное в некоторых эзотерических ложах Западной Европы. В развитие этого сюжета стоит отметить, что в ходе следствия в представительство ОГПУ в ЛВО поступило заявление от Е.Л.Юргевич, просящей привлечь Б.В.Астромова за оскорбление "имевшее место на вечеринке у Н.Л.Сверчковой, где он пытался ее изнасиловать, а затем, пользуясь гипнозом, подчинил ее волю и принудил к противоестественному половому сношению с собой, а впоследствии неоднократно пытался склонить ее к тому же". Свидетельскими показаниями Н.Л.Сверчковой было установлено, что Б.В.Астромов сожительствовал со своей ученицей К.В.Степановой-Михайловой, которая, в свою очередь, не только подтвердила этот факт, но и рассказала, что одновременно с этим тот сожительствовал и с актрисой Гарязиной и пытался сожительствовать с другими ее подругами.

Припертый к стенке в ходе следствия своими "братьями" по ордену, Б.В.Астромов защищался как лев. Прежде всего, он постарался отвести свидетельства о якобы присущей ему клептомании. Характерны в этом отношении его показания от 11 февраля 1926 года:

"Предупрежденный, что за дачу ложных показаний буду привлечен к ответственности по статье 178 УК, показываю:

В [опрос]. Крали ли у кого-либо из знакомых или присваивали ли себе чужие вещи?

[Ответ] Ни у кого и ничего никогда не крал и чужих вещей не присваивал. В краже меня обвиняет, очевидно, приемная мать моей жены - Нагорнова-Иванова Ольга Евграфовна. Был следующий случай: в 1923 году, когда Г.О.Мебес окончательно запретил ей бывать у него (с Г.О.М. она жила до 1912-13 года), благодаря ее интриганскому и взбалмошному характеру она, разозленная на Г.О.М. предложила мне кому-нибудь продать подаренный ей Г.О.М. мартинистический знак 4-й тайной степени в виде пятиконечной звезды, состоящий из семи металлов.

Тогда я ей сказал, что зачем ей продавать другим, когда я сам куплю у ней его. Мне она ответила: "Нет, Вам я его подарю". Когда же у нас начались с ней несогласия, я ей возместил этот знак вещами, стоимость коих значительно превосходит указанную ею сумму - 50 рублей. Правдивость вышеизложенного могут подтвердить письма моей жены.

Никаких других вещей я у Нагорновой не брал и споров о вещах с ней не заводил, зная ее характер.

В. Какие меры запугивания вы употребляли в отношении непокорных или уходивших от вас масонов?

О. Никаких физических мер запугивания мною не предпринималось. Помню один случай, когда на масона Сверчкова было наложено взыскание за недисциплинированность, а он, обидевшись, подал заявление об уходе. Тогда мною ему было написано письмо, где указывалось, что из-под наказания не уходят, что нужно его сначала выполнить, а потом уходить. В письме была ссылка на принесенную им при посвящении присягу с вытекающими из нарушения ее нравственными последствиями. После этого Сверчков явился ко мне со слезами раскаяния и извинениями.

Уходящих учеников у меня не было, и никаких мер и угроз в отношении других масонов мною не предпринималось".

Отрицал Б.В.Астромов какие-либо элементы принуждения и в отношении сожительствовавших с ним учениц, признавая, впрочем, свою приверженность нетрадиционным" приемам секса. "Фактов своей извращенности не отрицаю", - отмечал он в своих показаниях.

Однако моральный облик Б.В.Астромова, судя по всему, не так уж интересовал следствие. Материалов на эту тему у него и так было предостаточно. Другое дело - заграничные связи Б.В.Астромова. Впрочем, здесь Борис Викторович был немногословен и ответы на задаваемые ему следователями ОГПУ вопросы давал продуманные и взвешенные.

"В. Кому за границу вы посылали сведения о русском масонстве?

О. Собирался послать выдержки из своей лекции о масонстве для напечатания в итальянских журналах и об этом писал Горрини. Но этой статьи не собрался перевести на итальянский язык и послать. Предполагал везти с собой (речь идет о предполагаемой поездке Астромова в Италию - Б.В.).

В. Имеете ли родственников за границей помимо жены, и где?

О. Имею только одного брата Михаила Викторовича в Мукдене. Письмо от него получил одно летом 1924 года и на него не отвечал. Был один дядя (двоюродный) в Италии, католик, настоятель католической церкви в Риме. Умер в 1910 году.

В. Почему вы искали знакомства с консульствами.

О. Знакомств с консульствами я не искал, но, когда собирался уезжать за границу, то хлопотал о визах для себя и своей жены. Бывал в латвийском, итальянском, германском и в Москве был в австрийском консульстве уже с готовым паспортом моей жены. Знаком по Итальянскому обществу с итальянским консулом, секретарем итальянского консула, а из германского консульства знаю служащего Блюменфельда по Коллегии защитников. В каждом из этих консульств я был не более двух-трех раз по надобностям виз.

В. Кто вам дал визу из Италии?

О. О визе я начал хлопотать в 1923 году через находившееся тогда в Ленинграде коммерческое представительство, где и познакомился с нынешним секретарем итальянского консульства. Визу я получил непосредственно из итальянского министерства иностранных дел по представлению коммерческого агентства.

В. В каких взаимоотношениях вы находитесь с парижской конторой по розыску наследников?

О. Ни в каких. Но знаю о ней следующее. Дризен мне рассказывал, что гражданин Хазин, наживший в свое время крупный капитал на розыске наследников, ныне, переехав в Париж, открыл там такое же бюро и имеет, полагаю, большую агентуру в СССР. Дризен является его рядовым агентом, так как я знаю, что он сам ездил куда-то за Москву, кажется, в Рязань, за какими-то документами по поручению Хазина. Я лично с Хазиным виделся несколько раз; в моих хлопотах о получении паспорта в бюро виз и на квартире у

Дризена. Хазин мне однажды дал адрес парижского адвоката, некоего Бентовского, полагаю, что это его поверенный ...".

Воспользовавшись словоохотливостью Б.В.Астромова, следствие потребовало от него подробной характеристики названных им ранее известных ему оккультных групп и их отдельных членов. Б.В.Астромов с готовностью откликнулся на это требование.

"Дополнительно к предыдущему, - читаем мы в его показаниях от 11 февраля 1926 года, - показываю:

Помимо упомянутых оккультных групп существовал "Эзотерический орден Восточного Послушания" под руководством Семигановского Антона Николаевича. Он родился в Париже в 1887 году от матери-итальянки Диальти, почему эту фамилию он и присоединил после революции к своей. Кончил университет в Санкт-Петербурге. В 1916/17 годах читал лекции по оккультизму в обществе "Сфинкс", председателем коего был Лабода Георгий Осипович. С Г.О.М. он познакомился в 1916 г. (кажется) у оккультистки Гревцовой. Скоро Семигановскому была дана 4-я степень мартинизма, соответствующая 30-й масонской, которая дает право посвящать в младшие степени, и было ему поручено управлять мартинистской ложей "Зодиака". Эта ложа находилась на квартире Семигановского на площ. Мариинского театра. В этой ложе находились также Ларионов Сергей Дмитриевич и Киселев Борис Львович, а также, кажется, и художник Молчанов Николай Петрович. В своих практических работах по оккультизму (так наз. астральный выход) Семигановский стал прибегать к морфию, к которому скоро пристрастился.

К нему же он приучил и своего ученика - Киселева Б.Л.

Благодаря морфию у Семигановского развилась болтливость и мания величия.

Для подтверждения ходивших об этом слухов к Семигановскому была подослана мартинистка Демченко Екатерина Григорьевна, которой Семигановский действительно выболтал о своей тайной степени посвящения и своих планах образовать самостоятельный орден, так как он "не хочет подчиняться женщине", то есть Нестеровой Марине Альфредовне. За это он был лишен своих степеней и исключен в 1919-20 годах из ордена мартинистов.

Семигановский не успокоился и основал собственный христианский "Эзотерический орден". Его помощниками были Ларионов С.Д., Киселев Б.Л. и Смирнов Н.П., которым он для авторитетности сразу дал третью степень мартинизма (чисто формально, не дав им посвятительных тетрадей и не подготовив их теоретически к этой степени). Зимой 1923 года член ложи "Трех северных звезд" Казанский Петр Васильевич доложил мне, как своемумастеру стула, что на Бассейной 8, в квартире некоего Ордовского (бухгалтера по профессии) читаются лекции по оккультизму, причем лектора говорят, что у них имеется несколько групп, большая библиотека по оккультизму и что всю организацию возглавляет видный оккультист, имя которого они пока отказались назвать. Заинтересованный этим, я вместе с Казанским стал посещать эти лекции под видом якобы интересующегося оккультизмом. Сразу же я узнал в лекторах исключенных из среды мартинистов Ларионова и Киселева, которые, как младшие, меня, конечно, не знали ...

Случай раскассировать орден скоро представился. Ларионов, который был "великим канцлером", давно собирался "съесть" Семигановского, но некем было его заменить. Сам же он, очевидно, не решался на самостоятельную деятельность.

Мой приход в этом отношении был ему на руку. Тем более, что я совершенно не был в курсе их орденских дел, а следовательно, сделав меня магистром, а себя наместником, Ларионов получал полную свободу действия. Он подговорил Киселева, слабовольного, как морфиниста, и тот подал заявление в капитул, прося суда над магистром ...

Вместо того, чтобы исключить Семигановского, я воспользовался своими правами верховного судьи, и, взяв предварительно с них подписку ... закрыл "Эзотерический орден" и примыкающую как подготовительная ступень к нему, "Эзотерическую церковь" - кружок подготавливавшихся. Происходило это весной 1923 года. Ларионов и Киселев затаили недоброжелательство против меня, но им пришлось подчиниться".

Большой интерес представляют характеристики, данные Б.В.Астромовым ближайшим помощникам Семигановского - С.Д.Ларионову, Б.Л.Киселеву, Н.П.Смирнову.

"Ларионов Сергей Дмитриевич, рождения 1893-1895 гг. Был студентом-медиком 3-го курса, учился в Консерватории, был артистом у Сабурова и, наконец, в одно время с Семигановским сделался священником. В ордене мартинистов он был в младшей степени ассоциата. За устройство своего мистического брака Ларионов был на год исключен из ордена. В 1920 году он появился снова у Нестеровой, предлагая сорганизованную им, якобы, группу. Эту группу поручено было "посмотреть" Комарову и тот дал отрицательный отзыв и ее вхождение (группы) не состоялось. После этого, по слухам, Ларионов принял католичество и был в сношениях с католическим епископом Цепляком. В чем выражалась деятельность Ларионова после возвращения Семигановского в Москву, не знаю.

Киселев Борис Львович, одних почти лет с Ларионовым, был студентом Политтехникума. В ордене мартинистов был в младшей степени. Находился под руководством Богданова Василия Васильевича. Сначала подавал надежды, но потом, под влиянием Семигановского, пристрастился к морфию и стал обнаруживать признаки клептомании, за что был удален из ордена. При образовании Семигановским своего "Эзотерического ордена" был привлечен последним в качестве "ректора" оккультных курсов. Перед самым закрытием ордена у него снова стали проявляться болезненные признаки клептомании. Думаю, что угроза Ларионова рассказать об этом другим и заставила Киселева согласиться на предложение Ларионова подать свою жалобу на Семигановского, так как по натуре своей Киселев не злой человек и не интриган ...

Смирнов Николай Петрович, был священником 35 лет и ничего из себя интересного не представляет. Семигановскому и Ларионову он, очевидно, нужен был для рекламы, так как редко можно встретить простого попика, который бы занимался столь "богомерзким" делом, как оккультизм.

О других руководителях оккультных групп в Ленинграде дополняю:

Клочков Григорий Владимирович. Знаю, что он был литератором, печатавшимся в газетах. Теперь "профессор" в каком-то военно-учебном заведении. В 1918-19 гг. жил в Ялте, где, как говорят, успешно лечил магнетизмом (пассами). Говорят, что некоторые, приходившие на костылях, уходили от него совершенно здоровыми ...

Лобода Георгий Осипович, бывший председатель общества "Сфинкс", где бывали Семигановский и Барченко А.В. Серьезное вначале, общество впоследствии выродилось в столоверчение и в ужины с вином за отдельными столиками. В 1917 году Лобода составил компилятивный сборник "Сфинкс", который, если бы не был так проникнут "лампадным маслом", мог бы служить руководством для начинающих оккультистов. Занятия Лободы оккультизмом носили явно выраженный эротический характер, за что он и поплатился: в него стреляли, пуля попала в рот, и выбив несколько зубов, вылетела наружу и рана быстро зажила, не оставив повреждений, кроме следов пороха на лице. В 1923-24 годах он принимал участие в комиссии по изучению психических явлений при Институте мозга. Жена его популярная в Сенновском районе гадалка" [1296].

Словоохотливость Б.В.Астромова, помимо, так сказать, шкурного интереса, связанного с возможностью облегчения своей участи, имела и другую, не менее важную основу. Всякие отношения со своими коллегами по ордену были к этому времени у него уже порваны. И дело тут не только в изъянах нравственного облика генерального секретаря "Автономного русского масонства", который, конечно же, не могли не беспокоить их. Не менее важно и то, что "братья" быстро догадались о контактах Б.В.Астромова с ОГПУ и, понятное дело, не одобряли их, справедливо подозревая в нем провокатора. Смута, возникшая в связи с этим в "братской" среде, закончилась в конце концов тем, что 16 ноября 1925 г. астромовская ложа "Кубического камня" была закрыта "братьями", что означало фактическое исключение его из им же созданной организации.

22 ноября Б.В.Астромову был предъявлен ультиматум о сложении им с себя звания генерального секретаря сообщества, который он в сложившихся обстоятельствах вынужден был принять. 12 декабря 1925 года после долгих проволочек Б.В.Астромов объявил об официальном снятии с себя "звания" члена "Генеральной ложи Астреи" и генерального секретаря. Это был конец Б.В.Астромова, ибо как с частным лицом ни о каком сотрудничестве с ним ОГПУ уже не могло быть и речи. Теперь он мог интересовать чекистов лишь в качестве подследственного.

И действительно, 30 января 1926 г. Б.В.Астромов был арестован. Начались усиленные допросы ленинградских оккультистов - Г.О.Мебеса, М.А.Нестеровой и других.

"Эзотеризмом, - показывал Г.О.Мебес на допросе 28 апреля 1926 года, - интересовался с давних пор (могу сказать, с молодости). В 1910 году, имея уже вполне сложившееся эзотерическое миросозерцание, знакомлюсь с фон Чинским, тогдашним делегатом Ордена мартинистов парижского послушания; через два месяца посвящаюсь им в Неведомого начальника (полное март. посвящение); в конце 1910 (или в начале 1911), несмотря на снабжение меня Парижской Высшей герметической школой Почетным дипломом на степень доктора герметизма и очень почетное и доверчивое обращение со мною фон Чинским, я неофициально ухожу из Ордена, недовольный поверхностным отношением к науке и Преданию большинства членов ордена, его печати, а также периодической печати дружественного с ним Парижского каббалистического ордена Креста-Розы. В 1911-1912 гг. работаю самостоятельно, прочитываю несколько публичных лекций; в 1912-1913 читаю лекции у себя на дому. В этот период времени, собственно, и возникает у меня Автономный разряд мартинизма русского послушания (термин "русский" после Октябрьской революции заменен термином "восточный", и тот и другой термины фактически означали - "не зависящий от Парижа"), что не мешает мне в 1912 исполнить по просьбе Чинского два-три поручения по части справочной и по посвящению отдельных лиц. В конце 1912 (или в начале 1913) я официально сообщаю Папюсу, что я категорически утверждаю не только фактическую, но и формальную свою автономию, и прошу провозгласить это печатно, что и выполняется журналом Initiation (правда, в очень мягкой и почтительной ко мне форме, но все же категорично) ...

Вся работа по школе велась мною и М.А.Н. только в Ленинграде. Иногородних делегатов не имелось, и самый институт делегирования признается мною неортодоксальным и нецелесообразным, ибо его отрицательные стороны мне исторически известны, хотя бы на примере Парижского мартинизма.

Лично я работаю программно только с полноправными Нев[едомыми] нач[альниками], расширяя их философское миросозерцание и критико-исторические подходы к Преданию и к этиологии религиозных верований. В общем плане работы своей идейно преследую нижеперечисленные цели:

мне желательно заставить ученика в строгой постепенности самоанализа пересмотреть все свои знания, все свои верования, все свои привычки, все свои этико-эстетические подходы к жизни. Для облегчения этой работы я с ним рассматриваю сложный философский, научный, жизненный и т.п. материал в очень широких пределах - от грубейших суеверий почти дикого человека до тончайших методологических потуг человека высококультурного. Таким планом работы думаю развить в человеке, во-первых, сознательность, во-вторых, бодрое, мужественное отношение к жизни и спокойное довольство своим положением, как бы скромно оно ни было.

Никаких догматических тезисов не навязываю, но как учитель ставлю обязательство работать по моему плану и вести себя согласно тому, что я считаю обязательным минимумом порядочности и серьезности.

На вопрос о том, как я отношусь к дивинации, отвечаю, что считаю уместным для работающих у меня, проверять в жизни данные френологического, физиогномического характера, а также данные теории психологических "планетных" типов и так называемых "аналогично-групповых планетных" влияний". Что касается астрологии, то она, по-моему,

интересна только с точки зрения ознакомления с ее терминологией, проникшей далеко за пределы учения о дивинации, а отчасти и с точки зрения истории религий. Лично я к астрологии отношусь ультраскептически, но годичный гороскоп для Северного полушария составляю, признавая за ним педагогическое значение в смысле указания на опасность тех или. других человеческих слабостей: люди всегда лучше запомнят указание на определенные слабости, чем на слабости вообще, хотя бы эти определенные слабости были выбраны случайно.

На вопрос о том, какое я себе отвожу место, как оккультисту и знаю ли я себе равного по эрудиции в этой области в пределах территории СССР, вынужден ответить, что самого себя судить не могу, а стараюсь только применить честно те скромные познания, которыми обладаю ...

Раскрывать псевдонимы и называть своих учеников я не могу – не позволяет совесть" [1297].

Решительно отказалась выдавать своих учеников по "школе" и М.А.Нестерова:

"Руководила школой Старого восточного послушания, причем отвечала за правильность руководства перед Григорием Оттоновичем Мебесом. Эта школа организована мною весной 19 года, и работала до последнего времени. Школа ставила своей задачей общеобразовательные цели и затем этико-эстетическое развитие. Устав и программа школы нигде не были зарегистрированы и школа, следовательно, не является легальной. Ничего противного существующему строю в школе не преподавалось. Всего приблизительно через школу прошло человек 35. Школа отличалась текучестью состава.

Вопрос. Кто персонально являлись Вашими учениками?

Ответ. Отказываюсь назвать" [1298].

Принципиальная позиция отказа от "сотрудничества" со следствием, занятая руководителями мартинистов, заслуживает уважения. Однако придерживались ее далеко не все. Особенно неприглядно вел себя с этой точки зрения Б.В.Астромов, который не только раскрыл личный состав Ордена, но и "засветил" ряд других оккультных кружков Ленинграда, чего он, конечно, мог и не делать.

"Из других оккультных организаций мне известны:

1) Группа Лободы Георгия Осиповича, образовавшаяся из оккультного общества "Сфинкс", легально существовавшего до 1918 года. Как велико общество и состав его, мне неизвестно. Полагаю, что состав женский, и занимаются там больше столоверчением и молитвословиями.

2) Остаток эзотерического Ордена восточного послушания Семигановского под названием "Внутренняя (эзотерическая) церковь". Руководят кружком священник Ларионов Сергей Дмитриевич и Киселев Борис Львович. У них ведутся лекционные занятия по истории оккультизма. Состава кружка не знаю.

3) Кружок Клочкова Григория Владимировича с антихристианским направлением. Он работает вместе с женой Патцнер. Знаю, что после ухода из Ордена мартинистов у Клочкова бывал Трапицын с женой, который читал там лекции по истории буддизма.

4) Орден рыцарей Грааля под руководством некоего Гошерона-де-ля-Фосс. Занимаются они оккультизмом. Придерживаются чрезвычайно пышного ритуала. Предполагаю в них христианское направление.

5) Кружок доктора Барченко Александра Васильевича. В свое время он бывал в обществе "Сфинкс" и пытался с ним соединиться, но безуспешно. Из членов кружка Барченко знал Шандаревского Петра Сергеевича и Кондалайна А.А. Среди оккультистов Барченко не пользуется хорошей репутацией, как, например, могу указать на распространение им среди учеников рукописи, выдаваемой им за свою, которая есть не что иное, как плохой перевод с французского одной из книжек Элифаса Леви.

6) Знавал группу Ломана (жив[ет] на Адмиралтейском канале), занимающуюся также оккультизмом и принадлежащую к антропософии, т.е. учеников Рудольфа Штейнера.

7) Из одиночек оккультистов знаю: 1. Наумова Александра Адельфиевича, ушедшего из кружка Ларионова и занявшегося магнетическим лечением знакомых; 2. Хлебникова Михаила Владимировича (?), у коего на квартире в свое время помещалось общество "Сфинкс"; 3) Беклемишева Николая Николаевича, который, думаю, за старостью оккультизмом уже не занимается.

8) Из одиночек масонов Великого Востока Франции знаю: а) Зарудного А[лександра] С[ергеевича]; б) Морозова Николая Александровича; в) Грузенберга Семена Оскаровича; г) Геккена Вениамина Григорьевича; д) Некрасова [Николая Виссарионовича]" [1299].

Уже находясь в Доме предварительного заключения, Астромов пишет 11 февраля 1926 г. письмо И.В.Сталину, где развивает мысль об использовании "красного масонства" не только как объединения коммунистически мыслящих интеллигентов, но и как "форму и маскировку, которую мог бы принять Коминтерн".

"В поданном в авг. м. пршл. года вместе с управляющим мастером московской ложи "Гармония" Полисадовым докладе наблюдающему органу СССР о возможности совместной деятельности Авт.(ономного) рус(ского) мас.(онства) и коммунизма, - писал Б.В.Астромов, - была вскользь брошена фраза: "красное масонство свободно могло бы существовать рядом с буржуазным " ведь существует же Профинтерн и Коминтерн рядом с рабочими и крестьянскими союзами, примыкающими к Амстердамскому соглашению" [1300].

Теперь я хочу указать на красное масонство не только как на объединение коммунистически мыслящих, но как на форму и маскировку, которую мог бы принять Коминтерн. Ни для кого не секрет, что Коминтерн (негласное московское правительство и штаб мировой революции как его называют на Западе) является главным камнем преткновения для заключения соглашений с Англией, Францией и Америкой, и следовательно задерживается экономическое возрождение СССР.

Между тем, если бы Коминтерн был перелицован по образцу масонства, т.е. принял бы его внешние формы (конечно, упростив и видоизменив многое), ни Лига Наций, ни кто другой, ничего не осмелились бы возразить против его существования, как масонской организации. Особенно Франция и Америка, где имеются целые ложи с социалистическим большинством и где правительство большею частью состоит тоже из масонов (напр. Президент Тафт, не бывший раньше масоном, сейчас же по избрании был посвящен в масоны).

Принятие Коминтерном масонской личины - совсем несложно и коснется лишь внешности. Каждая национальная секция его могла бы образовать отдельную ложу - мастерскую, а представители их (президиум) сформировали бы генеральную ложу.

Я удивляюсь, как рабоче-крестьянскому правительству раньше не пришло в голову воспользоваться этой старо-рабочей, профессиональной организацией, захваченной буржуазией. Конечно, реформировав ее и очистив ее, согласно духу и заветам ленинизма (ведь позаимствовали же рабочие организации идею скаутизма и завели у себя отряды пионеров). Тем более, что Соввласть уже взяла масонские символы: пятикон.(ечную) звезду, молоток и серп.

Наконец, сама пропаганда ленинизма, благодаря масонской конспирации и дисциплине, могла бы вестись успешнее, особенно в странах Востока, где так склонны ко всему таинственному.

Все, что я здесь пишу, только отдельные мысли, не обработанные и не детализированные.

Мне хотелось бы этими строками лишь дать толчок, пробудить Вашу творческую созидательную мысль.

А может быть, это Вас заинтересует. Тогда я готов служить своими знаниями и опытом в этой области, в качестве советчика-консультанта или как Вы найдете удобным".

Характерно, что себя незадачливый генеральный секретарь "Автономного русского масонства" видел "в качестве советчика-консультанта" при И.В.Сталине [1301].

Жизнь, однако, распорядилась по-другому. Сразу же после ареста Б.В.Астромова дошла очередь и до членов "Русского автономного масонства" и "Ордена мартинистов" во главе с Г.О.Мебесом. В ночь с 16 на 17 апреля 1926 года ОГПУ провело обыски на квартирах наиболее активных деятелей оккультных лож: Г.О.Мебеса, М.А.Нестеровой, С.В.Слободовой, А.П.Барескова, В.Ф.Гредингера, Г.И.Лободы, С.Д.Ларионова, Г.В.Клочкова, А.Н.Патцнер, Н.Г.Сверчкова. "Улов" чекистов был ошеломляющим: огромное количество книг, масонских значков, мечей, шпаг, плащей, ленточек и других предметов масонского ритуала, которые были немедленно изъяты. Сложнее обстояло дело с масонским алтарем и молельней, обнаруженными на квартире у Г.О.Мебеса (Греческий пр., д.13/3, кв.5), который было решено отставить под сохранность хозяина. После этого ленинградских оккультистов стали то и дело вызывать на допросы в ОГПУ. Однако под арестом держали одного только Б.В.Астромова. В отношении остальных было решено ограничиться подпиской о невыезде.

Характерно, что уже после ареста Б.В.Астромова его ближайшие друзья: Георгий Александров, Николай Сверчков и Василий Гредингер пытались спасти организацию, преобразовав ее в ложу "Возрожденного Сфинкса", основанную уже на розенкрейцерских началах. Основу этого масонского сообщества должны были составить масоны, "оставшиеся от Астромова" [1302].

Но было уже поздно.

20 мая 1926 года Б.В.Астромову, Г.О.Мебесу и другим оккультистам было предъявлено официальное обвинение. История масонства в России, читаем мы здесь, показывает, что оно всегда было в услужении того или иного капиталистического государства и как течение выросло и развилось из усилий буржуазии, направленных на то, чтобы притупить противоречия, рождаемые классовой борьбой и капиталистической эксплуатацией. "Усилия буржуазии в этом направлении чрезвычайно разнообразны и в маскировке классовых противоречий масонство занимает важное место, создавая в обществе атмосферу незыблемости капиталистического строя. Политика буржуазии делается не только в парламентах и передовых статьях. Буржуазия обволакивает сознание промежуточных слоев общества и вождей рабочих партий, парализуя их мысль и волю, создавая на их пути могущественное, хотя и не всегда заметное препятствие".

Масонство, подчеркивалось в обвинительном заключении, по существу своему является ничем иным, как "мелкобуржуазной переделкой католицизма, где роль кардиналов и аббатов играют банкиры и парламентские дельцы, продажные журналисты и адвокаты, а также прочие политические авантюристы. Разбавив католицизм и сократив небесную иерархию до одного лица – Великого архитектора вселенной, масонство приспособило к своему обиходу терминологию демократии: братство, гуманность, истина, справедливость, добродетель и в такой форме является важной составной частью буржуазного режима".

Вступление в масонскую ложу в буржуазных странах означает, как правило, приобщение к высшим сферам политики, так как именно здесь "завязываются карьеристские связи, создаются группировки и вся эта работа покрывается флером морали, мистики и обрядности ... Масонство не меняет своей тактики в отношении коммунистической партии: оно не исключает коммунистов из своей среды. Наоборот, оно широко открывает перед ними двери, поскольку его политической функцией как раз и является всасывание в свои ряды представителей рабочего класса, дабы содействовать размягчению их воли, а по возможности и мозгов" [1303].

Опасения, что широкая огласка этого дела могла бы привлечь к нему внимание "еще не окрепших идеологически некоторых групп населения" СССР привели к тому, что судьба ленинградских оккультистов была решена во внесудебном порядке. 18 июня 1926 года дело было рассмотрено Особым совещанием Президиума коллегии ОГПУ. Самое тяжелое наказание - три года концлагерей по ст. 61 УК РСФСР получил сотрудничавший с ОГПУ Б.В.Астромов, заподозренный чекистами в неискренности. По три года получили

его коллеги: В.Ф.Гредингер и С.Д.Ларионов. Остальные 16 обвиняемых - Г.В.Александров, А.А.Егоров, А.А.Антонова, Н.З.Кирюнов, Б.Л.Киселев, А.А.Наумов, С.В.Слободова, М.А.Нестерова, Г.В.Клочков, Г.О.Лобода, Е.П.Вартапетова-Барескова, М.А.Колокольцева, Г.С.Габаев, А.Н.Патцнер, А.В.Клименко, Г.О.Мебес - отделались сравнительно легким испугом. Как "социально опасные элементы" они подлежали административной ссылке в отдаленные местности СССР сроком на три года. Н.Г.Сверчкову в связи с "временной отлучкой", а также А.П.Барескову, находившемуся в психиатрической больнице обвинение предъявлено не было [1304].

После отбытия срока практически все осужденные получили дополнительно трехлетний срок (это так называемый "минус с двенадцати") и были отправлены на вольные поселения: Г.О.Мебес - в город Усть-Сысольск на Урале, Астромов, Дризен, Петров и Гредингер - на Урал, Палисадов – в Ташкент. Остальные масоны, мартинисты и розенкрейцеры оказались в Сибири (Нарымский край) и Средней Азии. Наконец, после отбытия трех лет ссылки, они были освобождены.

Но не все дождались долгожданной свободы. В ссылке в Череповце в возрасте 30 лет умер Г.В.Александров. Такая же участь постигла в Усть-Сысольске и Г.О.Мебеса. Характерно, что после его смерти русские масоны передавали из уст в уста, что на его могиле якобы совершенно неожиданно вырос большой куст акации (масонский символ жизни). Одни говорили, что его якобы специально посадил один из учеников Г.О.Мебеса, другие - что кустик появился сам, без всякого содействия рук человеческих, как некогда расцвел на могиле Хирама куст акации [1305].

Что касается московской ложи "Гармония", то она, как это ни удивительно, практически не пострадала. Арестован был один только С.В.Палисадов (сидел в Бутырской тюрьме), который всю вину за организацию нелегального сообщества взял на себя. Очень скоро "Гармония" опять возобновила свою работу, правда уже под руководством не Палисадова, а преподавателя Московского института восточных языков Петра Михайловича Кайзера. Однако просуществовала ложа недолго, и уже в 1930 году, в связи с делом "Русского национального центра", была разгромлена, а члены ее: П.Н.Киселев, М.Г.Попов и другие - арестованы.

Руководитель ложи П.М.Кайзер-Ясман был расстрелян. В том же 1930 году был расстрелян и ряд ленинградских масонов: бывший полковник пограничной стражи Александр Сергеевич Гирс и бывший подпоручик лейб-гвардии Павловского полка Георгий Алексеевич Клодт [1306].

Что же касается Б.В.Астромова, то местом его пребывания после отбытия наказания стал город Гудауты Абхазской АССР, где он устроился работать зав. лабораторией местного табачного завода. 10 июля 1940 года он был вновь арестован сотрудниками 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

"Трудно поверить, - писала в связи с делом Б.В.Астромова "Ленинградская правда", - что еще совсем недавно в Ленинграде функционировали четыре масонские ложи. Четыре самых настоящих, вполне серьезных масонских ложи с несколькими десятками членов, с магистрами, с мастерами, с посвящениями, клятвами, подписанными кровью, с уставом, заграничной перепиской, служениями, заседаниями и даже членскими взносами. Генеральным секретарем, магистром и инициатором этой "Великой ложи Астреи" - братства российских масонов был некто Астромов-Кириченко-Ватсон. Его личность сама по себе требует клинического изучения. Хронический и врожденный авантюрист, гипнотизер, бывший кавалергард, тип патологический в половом смысле, утверждавший, что ведет свой род от Наполеона I и доказывавший это своим поразительным сходством с последним - он был идеологом и трибуном "вольных каменщиков".

Бульварный авантюризм сочетался в масонском главаре со своеобразной эрудицией.

В делах житейских он прошел сложный темный путь ... Для организации масонского ордена он окружил себя не только соответствующей бутафорией, но и компанией изуверов, обскурантов и мракобесов. Откуда-то он приискал для своего дела некоего

Мебеса - дворянина, автора многих оккультных книг и владельца крупнейшей в мире коллекции порнографических открыток. В анкете Мебес на вопрос о социальном происхождении ответил, что происходит "от Адама". Каким-то образом Астромов раздобыл и старуху (М.А.Нестерова - Б.В.), имевшую гипнотическое влияние на женщин - членов ложи, и вымогавшую у них деньги и молчание.

Дело развивалось в порядке строгой последовательности. Упомянутый изысканный актив занимался вербовкой "вольных каменщиков", агитацией и пропагандой. Новые братья и сестры, в свою очередь, вербовали своих друзей.

Отечественное масонство разрасталось. Нового посвящаемого приводили в комнату Великого магистра под таинственный свет старинных фонарей, среди библий, иероглифов, эмблем, "кафинских узлов" и пентаграмм. Ему демонстрировали пару-другую призраков, сделанных с помощью киноаппарата, несколько вертящихся столов, переламывали над ним шпагу, заставляли подписаться кровью и требовали членские взносы. Таким образом были посвящены покойный Теляковский, балерина (ошибка: надо артист балета - Б.В.), несколько видных кинорежиссеров и артистов, сын придворного кондитера, библиотекарь, пара-другая счетоводов, десяток женщин без определенных занятий, поэты, славянофилы, интеллигенты, обыватели, бывшие офицеры, дворяне и даже пом. прокурора ЛВО Гредингер, оказавшийся впоследствии авантюристом и заявлявший, что он розенкрейцер и что он уже жил в нескольких веках на протяжении разных столетий.

Конечно же, происходили служения и собрания. Они заключались в мистических занятиях и, как гласит устав, "гармонизации" братьев с сестрами, то есть, попросту говоря, в самом настоящем блуде. В распоряжении ложи имелась обширная порнографическая литература ... Однако, конечно, этой музыкой не ограничивалось истинное лицо масонской ложи. Кроме денежного вымогательства, здесь имелись и политические задачи: масоны мечтали о власти масонства на Руси и о постепенном совращении большевиков на путь масонства!

Но, пожалуй, самое примечательное во всей этой галиматье - это то, что внешне под нее подводится архиреволюционный "идеологический базис".

Масоны писали льстивые письма нашим ответственным работникам и рядовым партийцам, в которых заверяли о своем горячем сочувствии Советской власти и Коммунистической партии. Более того, они заявляли, что задачи и цели масонства тождественны задачам и целям ВКП(б). Астромов пытался даже напечатать в "Прожекторе" статью "Великая Французская революция и масоны". Масонская ложа посылала своих наиболее красноречивых агитаторов к советским работникам, но - ясное дело - им не удалось завербовать ни одного партийца" [1307].

Характерной особенностью фельетонов является усиленный нажим (особенно это характерно для второй публикации - в "Красной газете") на моральную нечистоплотность "братьев" и "сестер".

Трудно, да и омерзительно описывать в газетной статье, - констатируют авторы, - все формы и разветвления масонской работы. Кроме телепатии и психометрии, в промежутках между антисоветской пропагандой, во всех этих ложах: "Пылающего льва", "Дельфина", "Золотого колоса", "Цветущей акации", "Кубического камня" процветали самые противоестественные формы порока. "Пылающий лев" на поверку оказывался всего лишь тлеющей собакой.

Среди главарей масонской организации существовала так называемая любовная цепь, по которой все женщины переходили от одного главаря к другому в последовательном порядке. (В протоколах допросов этот факт не отражен - Б.В.). Половые литургии у аналоев, радения среди кадильниц, похабнейший блуд в стиле Поль-де-Кока, среди стигматов божественного блаженства. Здесь, в этой масонской галиматье, лишний раз подтвердилось известное психологическое сочетание метафизики и эротизма,

аскетическое богословие Фомы Аквината и вавилонский разврат Таисы всегда были связаны роковой близостью" [1308].

Самое любопытное во всей этой истории с фельетонами - это то, что появились они задним, так сказать, числом - через полтора-два года после осуждения Б.В.Астромова и руководителей Ордена мартинистов. И на то были серьезные причины.

Дело в том, что вскоре после окончания "масонского дела" 1926 года ОГПУ вышло на след еще нескольких оккультных организаций. Едва ли не на первом месте среди них значился и "Орден рыцарей святого Грааля". Возглавлял его француз - Александр Габриэлович Гошерон-Делафос, подвизавшийся в 1920-е гг. в роли контролера финансового контрольного отдела Губфо.

Мы уже знаем, что первыми, кто получил возможность обратиться к изучению архивно-следственных дел ленинградских оккультистов, были не историки, а журналисты - Л.Д.Тубельский и П.Л.Рыжей, разразившиеся целым рядом написанных на их основе статей, опубликованных в 1928 году в ленинградских газетах.

Не обошли они своим вниманием и дело Гошерон-Делафоса. Было бы несправедливо, если бы мы оставили без внимания их, или вернее сказать, "огэпэушную" интерпретацию истории и характера деятельности его кружка. Правда, в отличие от предыдущих фельетонов, статья о "Братстве святого Грааля" лишена присущего их произведениям блеска (сказалось бедность и сухость имевшегося в их распоряжении следственного материала), но читается она, безусловно, с большим интересом.

"Мы слышали о Черном Интернационале анархистов, - начинают свою статью Л.Д.Тубельский и П.Л.Рыжей. - Нам известен Желтый Интернационал Бонкура и Жуо. Мы знаем, наконец красный Интернационал коммунизма. Но голубой Интернационал! Вряд ли слышал о таком кто-нибудь из читателей. Между тем, этот лазурный интернационал существовал совершенно конкретно и неопровержимо, причем центр его до сего времени находился в Лениграде, - интригуют они читателя. - Правда, этот интернационал состоял всего из нескольких десятков человек, но тем не менее, он имел вполне определенное лицо и четкую идеологическую платформу.

В сущности говоря, этот голубой интернационал являлся детищем "Ордена Святого Грааля". Поэтому сначала расскажем пару слов о самом ордене, ибо "к сожалению", сей орден не пользовался достаточной популярностью среди широких масс.

Ленинградский Орден Святого Грааля являлся средоточием мистически настроенной интеллигенции, богемы, и "бывших людей". Его возглавлял некто Александр Габриэлович Гошерон-Делафос. Этот гражданин со звучной фамилией служил контролером Губфо. В орден принимались исключительно бывшие дворяне.

Сюда входили, кроме Гошеро-Делафоса, Цуханов – делопроизводитель Академии Наук, Пуаре-Пургольд - художница, чьи муж и мать сидят в Соловках, Михновский - контролер Госипподрома, уже не раз привлекавшийся за агитацию, Шляхтина-Адамсон - дочь полковника, эмигрировавшего во Францию, Анна Фогт - актриса, переводчица издательства "Радуга", Тюлин - преподаватель Консерватории, Битютко - работник концессионного предприятия "Бергерт и Вирт" и другие. Все эти колоритные фигуры, - подчеркивалось в статье, - обладают высшим образованием и происходят, конечно, из дворян...".

Лейтмотивом статьи являлся тезис об антисоветском характере деятельности Ордена. "Согласно устава, - утверждали ее авторы, - рыцарям Чаши Святого Грааля вменялось в обязанность вести антисоветскую агитацию на кораблях, на пристани, дома, у друзей, на улице, в консерватории, на высокой работе, на низкой, в пивной, везде, всюду, всегда, где находятся рыцари святого Грааля".

Политическая программа Ордена, утверждали они, достаточно четко "окрашена в национальные цвета бывшей Российской империи. Критикуя все существующие формы государственного устройства, Орден признавал идеальной формой государственного строя систему абсолютной монархии. Основой этого учения являлся "научно

обоснованный" догмат, что не личность должна служить обществу, а наоборот, общество - личности. "Индивидуализм – знамя и двигатель прогресса. Масса, толпа - символ грубой силы, застоя, косности. Все тонкое, красивое - от индивида, все животное, безобразное - от массы" (официальная доктрина Ордена).

Но спасение одной своей заблудшей Отчизны тщедушным рыцарям Грааля, видите ли, казалось мало. Необходимо облагодетельствовать все человечество.

Они желали поселить свои мудрые идеи в душах всего мира и для этого считали необходимым создать свой интернационал. Об этом они декларировали почти в стихотворной форме: "не красный - символ крови, ненависти и насилия. Не черный - символ мрачной решимости и смерти. А лазурный – символ неба, воздуха и простора. Итак - новый, Голубой интернационал монархии".

Сии политические гекзаметры нуждались в реальном подкреплении, тем более, что Орден признавал необходимость активной борьбы за свои идеи.

Члены Ордена должны были заниматься "изучением целей и путей борьбы, особенностей поля битвы, качества оружия и способов владения им".

Магистр Гошерон-Делафос для того чтобы поддержать дух своих рыцарей, кормил их баснями о том, что Орден должен скоро получить значительные денежные субсидии от заграничных капиталистов. Конечно же, для него самого было ясно, что никто из финансистов, хотя бы и ослепленный ненавистью к Советскому Союзу, не даст ни копейки на это маниакальное предприятие. Но магистр Делафос не останавливался на этом и продолжал хвастать, что имел встречу с каким-то приезжавшим из Рима аббатом и будто бы вел переписку с "мыслящим" Западом.

Такова история голубого интернационала в Ленинграде, - отмечала в заключение газета. - Влача серенькое и жалкое существование, его рыцари питали весьма голубые и прозрачные надежды. Но эти надежды были растоптаны бдительными руками рабочей диктатуры в самом цвету".

Характеризуя далее Орден Святого Грааля как "экстракт из тупого юродства и неудавшихся покушений", "перья ОГПУ" - Л.Д.Тубельский и П.Л.Рыжей усматривали в этой оккультной организации "бесплодную злость некоторой категории общественных импотентов", "озлобленное отчаяние", "жестокую тоску", и даже "собачьи порывы" людей, выбитых из седла и очутившихся "под конем, легших как обреченные шпалы под железный путь нашей эпохи. И в этом бесплодном бесновании - их печальный и единственный удел" [1309].

Теперь, когда читатель уже получил, хотя и "огэпэушное", но все же какое-то самое общее представление о "Братстве Святого Грааля", самое время обратиться к первоисточнику вдохновения Л.Д.Тубельского и П.Л.Рыжей - самому архивно-следственному делу А.Г.Гошерона-Делафоса.

Старейшими членами Ордена были близкие друзья Делафоса: Николай Цуханов и Михаил Битютко, которые и составляли вместе с ним руководящий "треугольник" организации. Среди других "братьев" и "сестер": художница М.А.Пуаре-Пургольд, артистка театра А.И.Фогт, студентка ЛГУ Наталья Тарновская, музыкант А.А.Кинель, археолог Г.В.Михновский, композитор и музыковед Ю.А.Зингер. Фактически Орден возник не ранее 1916 года, хотя первые посвящения в него А.Г.Делафос совершил еще в 1914 году (поэт Дмитрий Коковцов и Николай Цуханов). Дело в том, что к этому времени Делафос возвратился из поездки по Франции, где и был, видимо, посвящен, хотя на следствии он и отрицал этот факт.

Во главе ордена стоял "треугольник" (Александр Гошерон-Делафос, Николай Цуханов, Михаил Бицютко). Степеней посвящения в Ордене было семь: паж, рыцарь, лебедь, страж, шеф, помощник, учитель. Высшей степенью посвящения - "Учитель" - обладал Александр Гошерон-Делафос. Николай Цуханов и Михаил Бицютко подвизались в качестве "помощников" ("эдов"). А.А.Кенель обладала степенью "внемерный луч". Георгий Михновский и Александра Шляхтина-Адамсон были посвящены в степень

"шеф", Анна Фогт, Марианна Пуарэ-Пургольд и Юрий Тюлин - "хранитель" (или "страж"). Наконец, самый младший член сообщества, 22-летняя студентка Зинаида Иванова подвизалась и в самой младшей степени - "рыцарь".

В свою очередь, каждый "эд" должен был иметь трех учеников - "гардов" ("стражей"), каждый "гард" - трех "лебедей", каждый "лебедь" – двух "рыцарей".

Настольным руководством для членов Ордена являлись: "Историческая традиция Святого Грааля" и "Великое наставление" как образец высоконравственного поведения рыцаря Святого Грааля. Истоки своего ордена члены его возводили к дому французских герцогов Анжуйских, традиции которого якобы выражал потомок этого дома, глава ордена, "Учитель" А.Г.Гошерон-Делафос.

Прием новых членов происходил при соблюдении соответственного ритуала, который состоял в том, что "треугольник" произносил ряд формул и заклинаний, а посвящаемый давал торжественную клятву - хранить тайны Ордена и его название.

На собраниях рыцарей перед посвящением и включением в магическую цепь новых членов, глава Ордена читал лекцию-наставление и рассказывал подробности своего посещения центра всей системы Ордена, находящегося во Франции, где якобы производится такая же работа и подготовка к посвящению новых рыцарей.

На торжественном собрании рыцарей "Св. Грааля" 8 мая 1927 года по случаю годовщины существования Ордена в России Гошерон-Делафос сообщил о предстоящем приезде представителя высшей системы Ордена из-за границы для обследования степени подготовленности рыцарей в Ленинграде и предложил усилить как занятия с учениками, так и связь между отдельными рыцарями. Одновременно Гошерон указал, что если работа будет признана удовлетворительной, возможно последует денежная субсидия Ордену и ежемесячное вознаграждение его членам.

Официально декларируемая цель Ордена - "усовершенствование мыслительных и нравственных способностей" рыцарей Чаши святого Грааля по мере их продвижения по лестнице степеней - не отличалась оригинальностью и была сродни целям, декларируемым другими масонскими сообществами всех времен. Легенды о Граале - чаше, в которую якобы стекала кровь распятого Христа, после того, как римский центурион Лонгин пронзил копьем его грудь, и Парсифале - рыцаре, который удостоился высокой чести войти в братство Св. Грааля, - так же почитаемы у масонов, как и миф об Адонираме – строителе Соломонова Храма.

Сам А.Г.Делафос говорил своим ученикам о существовании некоего идеального центра Св. Грааля в полуразрушенном рыцарском замке Монсалват в Бретани во Франции, увидеть и войти в который могут только посвященные.

Мистико-религиозная философия, проповедуемая Делафосом, уходит своими корнями в средневековое сектантство, известное в литературе как манихейство - доктрина, исповедуемая еретическими движениями катаров, вальденсов и альбигойцев. Помимо чаши, в символике Ордена присутствовали также крест и светящаяся пентаграмма.

В ночь на 15 июня 1927 года члены мистического братства были арестованы. При обыске у них было изъято большое количество оккультной литературы и богатый архив Ордена: протоколы собраний, записи лекций, описания ритуалов при посвящении, а также рисунки разного рода оккультной символики.

В ходе следствия А.Г.Гошерон-Делафос энергично отрицал факт своего посвящения и связывал образование Ордена исключительно со своим интересом к европейскому средневековью и своей литературной работой [1310]. Собственно, так и должен был себя вести в ходе допросов эзотерист-масон, да и просто разумный человек. Немногословны были и другие члены сообщества. "Организация, если можно так выразиться, - заявил, например, Н.И.Цуханов на допросе 16 июня 1927 года, - существует как научно-философское течение с 1917 или с 1916 года. Впервые я узнал об этом из книг, название которых не помню. Несколько человек, как то: Битютко Михаил Михайлович,

Пуарэ Марианна Александровна, Колокольцева Мария Александровна и семья Фогт: Анна Ивановна, Михаил Федорович и Федор Федорович объединились в то время и занимались вопросами оккультного характера с научно-философским подходом. Эта группа существует и до настоящего времени. Больше лиц, этим занимающихся, я не знаю" [1311].

Более откровенен был допрошенный в качестве свидетеля музыкант Юрий Зандер, отметивший антисоветский характер высказываний некоторых членов кружка (Н.И.Цуханова, Г.В.Михновского) [1312].

В целом же протоколы допросов арестованных поражают удивительной бедностью своего содержания. Понять это можно. Большой политики в деятельности членов кружка не было - одни обывательские разговоры. Что же касается оккультной, мистической стороны работы кружка, то она следствие интересовала мало. Еще меньше в ее раскрытии были заинтересованы сами арестованные.

Как бы то ни было, в обвинительном заключении по делу однозначно утверждалось, что Орден Святого Грааля является "организацией нелегальной и антисоветской", а посему следствие на этом основании было решено считать законченным, а предъявленное обвинение в преступлении, предусмотренном ст. 58-5 УК РСФСР, - доказанным [1313].

Наиболее суровое наказание, в соответствии с постановлением Коллегии ОГПУ от 8 июля 1927 года - 10 лет концлагерей - было определено А.Г.Гошерон-Делафосу, по 5 лет получили М.М.Битютко, Г.В.Михновский и Н.И.Цуханов. По 3 года концлагерей получили М.А.Пуарэ-Пургольд и А.А.Кенель. Более мягкое наказание - 3 года ссылки - ждало А.И.Фогт (Сибирь) и А.Я.Шляхтину-Адамсон (Средняя Азия). В отношении Ю.Н.Тюлина и З.К.Ивановой дело было прекращено.

Суровость приговора, явно не соответствующая тяжести содеянного арестованными, не может не озадачить, хотя только на первый взгляд. Если же обратить внимание на то, что практически все подследственные "из дворян", то все становится на свои места. Да и позиция ОГПУ в отношении оккультистов к этому времени уже определилась, что не замедлило сказаться и на судьбе других групп масонского толка, действовавших в 1920-е годы в Ленинграде. Одной из них являлось "Братство истинного служения", известное, впрочем, и под другим названием - "Эзотерическая ложа".

В начале февраля 1927 года в ПП ОГПУ в ЛВО стали поступать сведения о том, что в квартире 28, дом 43-в по Кирочной улице у Георгия Анатольевича Тюфяева, конторского служащего из недоучившихся студентов (3 курса юрфака Петербургского университета) происходят собрания оккультистов, устроивших тайный оккультный клуб для совершения молитв и проведения спиритических сеансов. После проверки указанных сведений выяснилось, что сведения эти соответствуют действительности, поскольку на квартире Тюфяева происходят собрания членов нелегальной оккультной и религиозной организации, носящей название "Эзотерическая ложа" или "Братство истинного служения".

Собрания членов этой ложи происходили каждые 9 дней в специально приспособленном храме для совершения молитв, после которых устраивались спиритические сеансы.

В них участвовало до 40 человек. "Братство истинного служения" возникло в начале 1925 года, а до этого существовало как оккультный кружок, члены которого занимались спиритизмом и изучением оккультных наук под руководством уже упомянутого Г.А.Тюфяева и Владимира Германовича Лабазина.

Прием новых лиц производился по поручительству одного из членов "Братства". Вступающий приносил клятву верности "Братству" и брал на себя обязательство под страхом строгой кары хранить в тайне все происходящее в "Братстве", а также само его существовани, не открывая этого никому, даже своим родственникам. После этого вступающий принимал посвящение в первую степень - "ищущего". Всего существовало четыре степени посвящения: "ищущий", "идущий", "ведущий", "поучающий".

Вступающий в "Братство" проходил определенный курс оккультных знаний в специально составленных группах (согласно подготовленности отдельных членов "Братства"), причем члены одной группы не могли переходить по своему желанию в другую группу и должны были хранить в секрете все происходящее в своей группе.

Кроме того, члены "Братства" платили членские взносы в размере не меньше 1 рубля в месяц и, по возможности, вносили пожертвования на содержание храма. Считалось, что все члены "Братства", находясь под покровительством архангела Рафаэля, должны строго выполнять все его распоряжения, которые передаются во время спиритических сеансов через дисковые беседы или медиумов.

Основной целью "Братства", доложил информатор ОГПУ, являлось практическое и теоретическое изучение эзотерических явлений посредством спиритических сеансов. "Братство истинного служения" имело рукописные материалы выработанных обрядов и ритуал, по которым совершались молитвы архангелам, а также формулы клятв и посвящений, а также специально сшитую одежду, одеваемую при молитвах всеми посвященными "братьями" и "сестрами".

Особый интерес у ОГПУ вызвали проповеди пастырей "Братства": Георгия Анатольевича и Лидии Владимировны Тюфяевых, Владимира Николаевича Очнева-Лефевра и Александра Ивановича Сикстеля, энергично внушавших своим слушателям, что в течение веков происходит борьба между Христом и Антихристом. В России в 1917 году победил Антихрист и с силой распространяет свою власть, увлекая всех в непроглядную бесконечную тьму Черного треугольника. Постепенно, через организации, устроенные Антихристом на земле он разрушает храмы и церкви, а руководителей их убивает и отправляет в ссылку.

Сами руководители - пастыри "Братства" не могут служить в советских учреждениях, потому что такой службой они поддерживали бы власть Антихриста.

Членам "Братства" от имени архангела Рафаэля разрешалось работать в советских учреждениях исключительно "за хлеб", чтобы не умереть с голода, и запрещалось участвовать в работе общественных советских организаций, так как этим они поддерживали власть Антихриста.

В конце марта были получены сведения, что ложа Г.А.Тюфяева настолько заполнена, что не может принимать новых членов, для чего в квартире 27 того же дома была срочно устроена новая ложа, где был оборудован еще один храм под руководством Алексея Алексеевича Разуваева. Одновременно, по предложению Тюфяева, проводилась большая кампания по вовлечению в ложу новых членов, главным образом из мистически настроенной молодежи.

В ночь на 13 мая ОГПУ произвело обыски у членов "Братства" и арестовало 15 наиболее активных его участников: Г.А.Тюфяева, Л.В.Тюфяеву, В.С.Берестина, А.И.Сикстеля, В.Н.Очнева-Лефевра, Е.И.Очневу-Лефевр, А.А.Разуваева, А.А.Разуваеву, Л.Н.Люценко, Н.А.Ольховскую-Ростову, М.П.Протасова, О.П.Грицнер-Варламову, Е.М.Калачникову, А.Д.Локтеву и В.Г.Лабазина. При обысках было изъято оборудование двух храмов, а также большое количество оккультной литературы, символических изображений, пасторская одежда, устав и печать "Братства", а также такие сугубо "мирские" предметы, как пишущая машинка и револьвер.

В ходе предварительного следствия выяснилось, что еще в конце 1924 года Г.А.Тюфяев, В.Г.Лабазин и М.Д.Нилов организовали кружок под названием "Научно-спиритическое общество", в который, помимо них, вошли Любовь Зюньзя, Надежда Радынская, Вера Лабазина, Аглаида Раттай, Эмиль Солтис и несколько девиц из соседнего интерната. Через некоторое время Г.А.Тюфяев сообщил, что архангел Рафаэль требует от общества гармонии между его членами. Гармония эта должна была выражаться в телесной и духовной связи между мужчинами и женщинами кружка.

"Сгармонироваться", согласно требованию архангела Рафаэля, должны были следующие пары: Г.А.Тюфяев с Н.А.Радынской, Н.Д.Нилов с А.Н.Ратай, Э.Л.Солтис - с В.Г.Лабазиной, В.Г.Лабазин - с Л.А.Зюньзя.

Неофициально Г.А.Тюфяев, пользуясь положением руководителя, пожелал "сгармонироваться" и с другими женщинами, в частности, с двумя девушками из интерната. Последние от этого предложения, однако, отказались, переведя все в шутку. Больше их на заседаниях кружка никто не видел. Несмотря на претензии к Г.А.Тюфяеву со стороны "сестер" и его трения с В.Г.Лабазиным, также претендовавшим на роль руководителя кружка, основное его ядро не только было сохранено, но и сам кружок непрерывно пополнялся за счет новых членов. Как видно из протоколов допросов арестованных, многие из них оказались втянутыми в кружок, наивно надеясь пообщаться таким образом со своими умершими родственниками, что вполне определенно обещал им Г.А.Тюфяев.

Как бы то ни было, резкое возрастание численности кружка позволило Г.А.Тюфяеву объявить в конце 1925 года о преобразовании его в "Братство истинного служения", численность которого, как уже отмечалось, доходила до 40 человек. Достоверные же сведения о членстве в "Братстве" ОГПУ удалось получить только в отношении 33 "братьев" и "сестер". Это "пасторы ложи ‘4" Г.А.Тюфяев, Л.В.Тюфяева, А.И.Сикстель, В.Н.Очнев-Лефевр, "пасторы ложи ‘2 (базировавшейся в квартире ‘27)" А.А.Разуваев и В.Г.Лабазин, казначей ложи ‘4 В.С.Берестин, медиумы ложи ‘2 Н.А.Ольховская-Ростова и Л.А.Зюньзя, медиум ложи ‘4 Е.И.Крель, временный пастор ложи ‘4 М.П.Протасов, "сестры" ложи ‘4 Е.М.Калачникова, А.Д.Локтева, Е.И.Очнева-Лефевр, Н.И.Бутова, А.А.Разуваева, Н.А.Радынская, А.Н.Раттай, А.С.Кункевич, Т.В.Калачникова, А.М.Розенгейм, А.Н.Азбелева, М.М.Александрова, Е.И.Лапина, А.В.Козлянинова, Д.В.Титова, Т.В.Козлянинова, Л.П.Масленникова, Н.А.Азмидова, А.И.Мишина, "сестры" ложи ‘2 Л.Н.Люценко и О.П.Грицнер-Варламова, и, наконец, "брат" ложи ‘4 М.Д.Нилов.

В ходе следствия Г.А.Тюфяев вынужден был сознаться в мистификации "братьев" и "сестер" [1314]. Я признаю себя виновным, заявил он, в том, что обманывал "братьев", поскольку сам не верил в правоту теософских учителей и высших духов. Относительно "высокопосвященных братьев" Эбрамара и Андрея он также вынужден был признать, что в действительности они не существовали и были использованы им для поднятия своего авторитета среди членов "Братства". Вынужден был он признать и неприглядность своего поведения в отношении "сестер" "Братства". Я, свидетельствовала "сестра" Л.В.Шернспец, участвовала в спиритических сеансах, устраиваемых Г.А.Тюфяевым в помещении Государственного Художественно-Промышленного техникума и в квартирах по Пушкинской и Кирочной улицах, где оказалась под его влиянием.

Оказывается, Г.А.Тюфяев принуждал ее к половому сожительству, симулируя приказания архангела Рафаэля через диск. Фанатизм Лиды Шернспец был, однако, настолько велик, что она уже была намерена отдаться ему, но вовремя узнав об обманах Тюфяева, она ушла из "Братства".

Из допросов Ю.М. и В.М.Шернспец выяснилось, что они также оказались жертвами Тюфяева, который вымогал у них деньги и одежду, а В.М.Шернспец таким же образом принуждал к вступлению с ним в половую связь. Под давлением улик Г.А.Тюфяев также вынужден был признать свою вину, что пользуясь авторитетом братьев Эбрамара и Андрея, посылал от их имени письма членам "Братства" - Наталье Ольховской и Лидии Люценко с целью принуждения их к половой с ним связи.

В ходе следствия всплыл вопрос об отношении Г.А.Тюфяева к ордену "Звезды на Востоке", члены которого Агния Разуваева, Анна Калачникова и Евгения Лапина подвизались, в то же время, и в качестве сестер "Братства истинного служения". Признав факт агитации его в это теософское оккультное сообщество, Г.А.Тюфяев подчеркнул свое отрицательное отношение к нему. "Скажу так, - показывал он. - Впервые я узнал об этой

организации от гражданки Агнии Разуваевой, которая и познакомила меня весьма спутанно с идеями ордена, показавшимися мне абсурдными ... так как я совершенно не разделял мнения теософских учителей о каком-то пришествии на землю Христа, что является сущей утопией" [1315].

Видную роль в "Братстве" играл безработный артист драмы В.Н.Очнев-Лефевр.

"Этот дом по Советскому проспекту, - писала "Красная газета", - почти ничем не выделяется среди остальных. На нем нет ни памятной доски, ни геральдических гербов. Однако - кто бы мог подумать - еще совсем недавно в нем проживал Людовик XVI, король Франции и Наварры. Он проживал здесь до нынешних времен, пока не выбрал места не столь отдаленные, к северу от Ленинграда. Впрочем, настоящее имя Людовика XVI было Владимир Николаевич Очнев-Лефевр. Дворянин, сын придворного кондитера, он был одним из активнейших членов "Эзотерического ордена" или "Братства истинного служения". Этот орден был основан в 1924 году и работал вплоть до наших дней. Мистическое братство это возглавлялось неким Тюфяевым, отцом Георгием - бывшим дворянином, бывшим студентом, бывшим человеком. Очнев же играл в "Братстве" роль перевоплощенного Людовика XVI, призванного спасти Россию и Францию ... В одной из проповедей Тюфяев, между прочим, сообщил, что наряду с "Братством истинного служения" существует "Черное братство", где собираются слуги антихриста. И что на одном из этих "Черных братств" он, Тюфяев, был, и видел, как Зиновьев причащался кровью двухлетнего убитого ребенка" [1316].

Состав "Братства" - безработные артисты (В.Н.Очнев-Лефевр, Л.Н.Люценко, Н.А.Ольховская-Ростова, Е.М.Калачникова, Л.А.Зюньзя), вдовы и дочери бывших царских офицеров (А.С.Кункевич, Е.И.Крель, М.М.Александрова, О.П.Грицнер-Варламова и другие) - практически все "из дворян". Успех у этой специфической публики умело организуемых Георгием Тюфяевым "медиумических сеансов" и "трансов" вполне закономерен.

Несмотря на очевидное отсутствие серьезной "политики" в деятельности "Братства истинного служения", приговор Коллегии ОГПУ от 8 июля 1927 года был суров: Г.А.Тюфяев - 10 лет концлагерей, В.Н.Очнев-Лефевр, В.Г.Лабазин, А.И.Сикстель, В.С.Берестин, М.П.Протасов - 5 лет. Л.В.Тюфяева, А.А.Разуваев, Н.А.Ольховская-Ростова - 3 года концлагерей. О.П.Грицнер-Варламова, А.А.Разуваева, Л.Н.Люценко, Е.И.Очнева-Лефевр, Л.А.Зюньзя, Е.И.Крель, Е.И.Лапина - 3 года ссылки (Средняя Азия). А.Д.Локтева, Е.М.Калачникова, М.М.Александрова и А.С.Кункевич были лишены права проживания в Москве, Ленинграде и ряде пограничных областей СССР сроком на три года.

"При ликвидации этой веселой компании, - отмечала "Ленинградская правда" в уже упоминавшемся нами фельетоне "Галиматья", - можно только удивляться и разводить руками. Действительно, вот необыкновенное дело! Какой странный и нелепый парадокс. На десятом году революции в советской стране, в городе рабочей диктатуры - такие странные птицы. Поистине, нужно быть талантливым авантюристом, чтобы в век атомистических теорий, химического анализа, индустриализации, волго-донских каналов, гидростроительства, океанских перелетов, шедевров металлургии - проповедовать масонство. Да где еще - в Советском Союзе!

Но этот парадокс, если вглядеться в него поглубже, совсем не так удивителен, а пропитан печальной иронией. Это маленький парадокс, создавшийся в результате больших социальных перемещений. Масонская ложа в 1927 году - это последняя и диковинная форма, в которую вылились искания внутренней эмигрантщины и опустошенной обывательщины. Это последняя спазма изгоев революции, сиротливо шатающихся на историческом ветру как недожатые колосья. Это одно из предчувствий выражения "бессильной активности" "третьей силы". И в небывалой нелепости этой масонской истории можно прочесть издевательскую иронию времени над историческим барахлом, забытым в наших днях прошедшей эпохой" [1317].

"Чем же по существу является советское масонство? - Оно является жалкой трагикомедией старой консервативной "великодержавной" интеллигенции, которая осталась на старых идеологических позициях. Это один из ее последних, наиболее полно выраженных и четко окрашенных тупиков. Это - наиболее издевательское знамение ее распада. Это вырождение вылилось в карикатуру. И когда разворотили эту зловонную плесень, обнаружилось во всей отвратительной наготе потрясающее ничтожество этих спиритов, этих завонявшихся в самих себе дрянненьких брюзжащих великодержавных интеллигентов. Как клопы понюхав персидского порошку, высыпали наружу, на листы следствия, все эти дворяне, генеральские вдовы, доктора богословия, спившиеся актеры, воспитанники кадетских корпусов, доценты христианской экзегетики, кокаинисты, кантианцы, идеалисты, старорежимные прокуроры, гвардейские поручики, апостолы чистого разума, предводители дворянства, пенсионерки, сестры милосердия, черносотенцы, потомственные и почетные скулодробители, доморощенные Пуришкевичи и Крушеваны. Стало еще раз ясно, что они со всеми своими усилиями - абсолютное ничтожество, совершеннейший нуль, скорее, тень от нуля. Стало еще раз ясно, что их уже ничто не спасет в их зачумленной моральной пустоте, даже высокий перст Рафаэля, даже небесный пуп Эбромара" [1318].

Из зарубежных откликов на дело ленинградских мартинистов удалось обнаружить лишь публикацию в издававшейся в Париже русской эмигрантской газете "Возрождение" за 2 и 3 июля 1926 г. Однако ничего нового по сравнению с архивными документами она не содержит.

Глава 19. "Воскресенье"

Наряду с оккультными сообществами откровенно масонского характера широкое распространение в интеллигентской среде получили в 1920-е годы религиозно-философские кружки и группы, промасонская сущность деятельности которых хотя и не подлежит сомнению, но далеко не так очевидна для непосвященных. Крупнейшей из такого рода подпольных организаций интеллигенции Ленинграда являлось в те годы "Воскресенье".

Начало ей было положено в декабре 1917 года собранием инициативной группы сотрудников Публичной библиотеки на квартире философа Г.П.Федотова. Кроме самого Г.П.Федотова, здесь присутствовали его коллеги, тоже сотрудники библиотеки: Н.П.Анциферов и А.А.Мейер с женами, и Л.В.Преображенская.

То, что начало кружку было положено сотрудниками Публичной библиотеки, не было, конечно, случайностью, так как уже в годы войны стараниями известных масонов Александра Мейера и Александра Браудо [1319] она была превращена в один из опорных пунктов "вольного каменщичества" в Петербурге. Как показывала на допросах в ОГПУ Ксения Половцева, именно Г.П.Федотов стоял у истоков "Воскресенья", он же разработал, по ее словам, и "детальные тезисы", положенные в основу работы кружка. Тем не менее очень скоро на роль лидера рядом с ним выдвигается масон А.А.Мейер и сама К.А.Половцева, что имело, как увидим, далеко идущие последствия для организации.

В идейном плане кружок Г.П.Федотова - А.А.Мейера был продолжателем традиций левого крыла Религиозно-философского общества, представленного такими именами, как З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский, А.В.Карташев, В.П.Свенцицкий, Е.П.Иванов, А.А.Мейер и др. Петербургское отделение Общества всегда было левее московского.

Его наиболее видные члены - масоны З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковский – в свое время резко осудили "Вехи" и призывали народ к революции. Члены Общества исключили В.В.Розанова за признанные ими "антисемитскими" его статьи о "деле Бейлиса" ("Андрюша Ющинский") и еврейском вопросе ("Наша кошерная печать") в России, а З.Н.Гиппиус яростно протестовала против "русского шовинизма" в годы первой

мировой войны и, в частности, против переименования Петербурга в Петроград. В отличие от своих московских коплег петербургские члены РФО сознательно стремились теснее увязать свою деятельность с современным им общественным движением, ставя в центр своего внимания такие важные для русской действительности начала века проблемы, как преодоление разрыва между интеллигенцией и народом, между религией и социальной революцией.

Вот что вспоминал о зарождении кружка и его первых шагах Н.П.Анциферов.

"Я служил в эти дни в отделе Rossica в Публичной библиотеке. Ко мне обратился А.А.Мейер с предложением встретиться и вместе подумать. Встреча была назначена у Ксении Анатолиевны Половцевой в ее квартире на Пушкарской.

Так возник кружок А.А.Мейера. Александр Александрович был очень красив, статен, высок, с тонкими правильными чертами лица, окаймленного густыми длинными волосами. Лицо нервное, одухотворенное, речь, сперва медленная, становилась все более страстной. Ксения Анатолиевна была также красива, с синими глазами и темными, просто причесанными волосами. Ее внутренняя жизнь была всегда напряженной ...

В кружке Мейера было решено воздерживаться от споров. Кто-нибудь выдвигал какой-нибудь вопрос, и начиналось обсуждение по кругу. В моем дневнике, сгоревшем в нашем домике в дни ленинградский блокады, я записывал все прения, и теперь по памяти мне трудно восстановить даже наши темы. Все же кое-что запомнилось. "Патриотизм и интернационализм" (правда того и другого), "Взаимосвязь понятий свобода, равенство и братство". Еще юношей в 1907 году я писал о свободе и равенстве как о ценностях отрицательных, не имеющих своего положительного содержания. Человек может переживать рабство, неравенство как болезнь общества. Но здоровье переживать нельзя. Переживание - это освобождение от рабства, от гнета неравенства. Так переживается не здоровье, а выздоровление. Братство - реальное переживание, оно имеет свое содержание в любви друг к другу и к чему-то высшему, стоящему над нами (Бог, родина). Еще обсуждалась тема "Товарищество и дружба". Это разные понятия (их теперь путают). Товарищей объединяет какое-нибудь дело (учение, борьба, труд). Друзей объединяет внутренняя жизнь человека. Дружба - глубоко индивидуальное понятие. Оно не исключает дела, но не сводится к нему. Что дает смысл жизни, ее наполнение: любовь, творчество, искусство, труд. Запомнилось мне своеобразное выступление Марии Константиновны Неслуховской (теперь жена Н.Тихонова). Она говорила о смысле грехопадения: "Адам и Ева вздумали приобрести самое ценное - познание добра и зла - без всякого труда, просто вкусив запретное яблоко". Труд для нас был основой нравственной жизни. Собирались мы первоначально по вторникам, а потом решили встречаться в воскресные дни, чтобы иметь более свежие головы. Наши вечера напоминали собрания кружка Н.В.Станкевича строго трезвенным характером: только чай.

Встречались самые разнообразные люди. Приходили и уходили. Бывали биолог Л.А.Орбели, художники К.С.Петров-Водкин и Л.А.Бруни, литературовед Л.В.Пумпянский, музыкант М.В.Юдина, бывал рабочий Иван Андреевич. Скромный и обаятельный человек, но фамилию его забыл. Постепенно кружок срастался и начинал менять свой характер: становился более религиозным. По инициативе Мейера и Половцевой собрания начинались молитвой. В нее были включены слова о "свободе духа", А беседа начиналась с пожатия рук всех собравшихся. Получался круг вроде хоровода. Мейер и Половцева всячески стремились придать собраниям характер ритуала. Отмечая годовщину 1-го собрания кружка, испекли хлеб и перед началом роздали его всем присутствующим. Это были дни голода. Меня, и в особенности мою жену, смущали эти тенденции.

Переменили и адрес собраний, но не в конспиративных целях. Мы подчеркивали, что у нас нет ничего тайного. К нам может прийти каждый желающий. Не помню, с какого времени мы стали собираться на Малом проспекте близ Б.Спасской в одноэтажном домике, двери которого не запирались. Приходившие приносили несколько поленьев, и, когда трещал огонь в печках, становилось уютно и создавалось особое чувство близости.

Бывало, прежде чем разойтись, просили мужа Ксении Анатолиевны Павла Дмитриевича Васильева спеть нам что-нибудь. Голос у него был очень приятный, и пел он с большим чувством. В особенности хорошо выходила ария князя Игоря.

Не помню, у кого возникла идея издавать свой журнал. Не помню, кто дал средства. Это был 1918 год (начало). Свой орган мы назвали "Свободные голоса". Вышло всего два номера. Журнал вызвал резкую оппозицию Д.Мережковского и З.Гиппиус. Они обвинили нас в том же грехе, что и А.Блока за его "Двенадцать"". [1320].

Уже в марте 1918 года кружок состоял из 18 человек. Это позволило его руководителям поставить вопрос об общественной роли кружка. Тогда же выносится постановление о пропаганде идея кружка и ведении массовой агитационной работы среди населения. С этой целью было решено издавать свой журнал - "Свободные голоса". За средствами остановки не было (частные пожертвования), и уже в том же марте месяце был выпущен его первый номер под редакцией А.А.Мейера и Г.П.Федотова.

Содержание журнала отражало идейно-политические позиции кружка. Его статьи самым энергичным образом призывали русских людей к борьбе с большевизмом и взывали к патриотическим чувствам русской интеллигенции, побуждая ее к объединению во имя спасения родины. Со страниц журнала члены кружка как бы обращались к русским людям с предупреждением, что их родина, отечество, находится на краю гибели. Главная задача русской интеллигенции, считали они, заключается в том, чтобы возвратиться к вере и, выявив "слово русское", создать общий фронт против большевизма (статья Н.П.Анциферова "Россия и будущее").

"У всякого народа, - развивал эту мысль Г.П.Федотов (статья "Лицо России"), - есть родина, но только у нас - Россия... В начале войны у части русских социалистов проснулось сознание права на Отечество, как самостоятельную ценность. Теперь пора определить, это все еще международное отечество, как наше, как Россию. Еще недавно это стоило бы многим из нас тяжких усилий. Мы не хотели поклониться России-царице, венчанной царской короной. Гипнотизировал политический лик России - самодержавной угнетательницы народов. Вместе с Владимиром Печериным мы проклинали Россию, с Марксом - ненавидели ее. И она не вынесла этой ненависти. Теперь мы стоим над ней, полные мучительной боли. Умерла ли она? Все ли жива еще? Или может воскреснуть?..

К России приблизилась смерть. Отвернувшись от царицы, мы возвращаемся к страдалице, к мученице, к распятой. Мы даем обет жить для ее воскресения, слить с ее образом все самые священные для нас идеалы" [1321].

"Магия интернационалистических лозунгов, - писал А.А.Мейер (статья "Интернационал и Россия"), - подкрепляемая усталостью населения, привела к развалу армии и к торжеству непрошенных гостей. Интернационал оказался новой державой, вмешавшейся в войну, союзницей Германии, являющейся крепким оплотом всей европейской социальной реакции. Лозунги Интернационала непримиримы с пониманием национальной культуры и любовью к Родине. "Единство трудящихся всех стран" базируется на национальном обезличении, на ослаблении любви к нации, на угасании пафоса к личному и является полным отрицанием национального лица. Только религиозное понимание истории могло бы дать выход из противоречия между нациями. До тех пор, пока социализм не подчинит свою общественную идеологию религиозной идеи личности, он будет служить целям, чуждым его собственной правде. Интернационал - это суррогат великого вселенского братства, который соблазняя малых сил правдой мира и единения, делает из себя особую державу, подданные которой неизбежно становятся изменниками делу национального и всякого вообще творчества".

Такой же характер имел и второй номер журнала "Свободные голоса" (июнь 1918 г.), после чего из-за опасения репрессий со стороны властей его издание было прекращено, Ядро кружка в первые годы его существования составляли: Г.П.Федотов, А.А.Мейер, К.А.Половцева, М.В.Пигулевская, П.Ф.Смотрицкий, Н.П.Анциферов, Деятельное участие в нем принимали также историк И.М.Гревс, философ С.А.Алексеев-

Аскольдов, родственница С.М.Кирова (сестра его жены) старая большевичка С.Л.Маркус, Н.И.Конрад, А.А.Гизетти, Н.А.Крыжановская, литературовед М.М.Бахтин, его брат В.В.Бахтин, Д.Д.Михайлов, антропософ Н.В.Мокридин, библиограф Л.Ф.Шидловский, пианистка М.В.Юдина, морской офицер С.А.Тиличев. "Этот кружок, - отмечала Е.П.Федотова, - никак не мог быть назван не только церковным, но даже и православным. Три протестанта, две католички, перешедшие из православия, несколько некрещеных евреев и большинство православных, но православных по рождению и мироощущению, а пока стоящих вне Таинства" [1322].

Никакой строго определенной политической ориентации кружок, судя по всему, не имел. Среди его членов было 2 коммуниста, 1 монархист, но большинство надеялось на эволюцию советской власти. Путь, по которому решили идти "кружковцы", был путь широкой пропаганды и идеи религиозного возрождения, который только и мог, по их мнению, спасти Россию.

В конце 1919 года на одном из заседаний организации, разросшейся к этому времени до 25-30 человек, она получает название "Воскресенье" как символ воскресения, возрождения России.

К 1919 году ядро кружка (около 11 человек) выделилось в Братство "Христос и свобода", В отличие от остальных, которые по-прежнему продолжали собираться по вторникам ("вторичане"), члены Братства стали собираться узким составом и по воскресеньям. Так продолжалось до 1923 года, когда произошел разрыв между кружковцами. Формальным поводом для него явился доклад Г.П.Федотова "О жертве", прочитанный им 6 марта 1923 года, после чего часть "вторичан" заявила, что эти вопросы им "слишком чужды, что они боятся и, вероятно, больше не придут". После этого "вторники" вскоре прекратились. Что же касается "воскресений", то они продолжались вплоть до декабря 1928 года.

Главная задача, которую ставили перед собой участники кружка, заключалась в том, чтобы не дать большевикам возможности "уничтожения христианской культуры". По свидетельству Н.П.Анциферова, члены кружка, разделяя экономическую и социальную программу большевиков, считали вместе с тем ее явно недостаточной для "обновления человечества и построения коммунизма", так как она игнорировала религию. Другими словами, они хотели соединить несоединимое, надеясь, что придет время, "когда 1 Мая встретится с Пасхальным воскресеньем". "Основная установка моя в вопросе религия и революция - сводится к следующему: религия не частное и не национальное дело, - отмечал А.А.Мейер. - Религия не может быть безразлична к историческим путям человечества. Христианская религия в принципе своем утверждает преодоление индивидуализма, и в этом главный путь смычки христианства с социальной революцией".

Члены кружка, особенно в первый период его деятельности, отрицательно относились к православию и православной церкви, полагая, что в рамках ее невозможно свободное развитие христианских идей. Этому же соответствовали и доклады, прочитанные на заседаниях кружка в 1921-1922 гг.: об аскетизме, о церковных делах, о еврействе, о коммунизме, о собственности, о Василии Великом и др. "Для меня вторники, - отмечала К.А.Половцева, - это та лаборатория, где будет приготовляться идеология современной интеллигенции, которая учтет и религиозность, и коммунизм".

В 1920-1921 гг. так думало большинство интеллигенции. Советская действительность заставила их вскоре если не переменить свои убеждения, то по крайней мере внести в них серьезные коррективы. "Я в свое время, - писала в этой связи Н.В.Пигулевская 7 ноября 1922 года, - исповедовала такое убеждение: коммунизм строит здание, и строит без креста, но когда достроит до конца, мы сделаем купола, поставим крест, и все будет хорошо. Я так думала. Теперь иначе. Я знаю, что из ратуши церквей не делают. Теперь строится синагога сатаны, из которой - сколько колоколов ни вешай, ничего не сделать".

С весны 1920 года начинается процесс возвращения "вторичан" в лоно православной церкви. Инициаторы кружка все еще оставались вне таинства, но евреи крестились и

попадали под влияние своих православных священников, обличавших А.А.Мейера в "мережковских ересях". Это заставило в конце концов и самого А.А.Мейера также вернуться в лоно православной церкви.

С закрытием в 1923 году "Вольно-философской ассоциации" (Вольфила), которая использовалась как место встреч участников кружка и подбора подходящих кандидатов для его пополнения и высылкой за границу ее наиболее активных членов (Л.П.Карсавин, И.И.Лапшин, Н.О.Лосский и др.) возможности легальной деятельности "Воскресенья" резко сократились. Чтобы не привлекать внимания ОГПУ, в начале 1924 года решено было собираться не всем сразу, а поочередно, небольшими группами, на квартирах К.А.Половцевой, Г.П.Федотова, П.Ф.Смотрицкого, П.Д.Васильева, Г.В. и И.В. Пигулевских.

По инициативе или при непосредственном участии наиболее активных членов "Воскресенья" в 1924-1925 годах в Ленинграде был создан и успешно функционировал целый ряд интеллигентских кружков: "Содружество" (из студентов Института им. Лесгафта, руководитель А.А.Мейер), "Кружок переоценки ценностей" (руководитель Г.П.Федотов), "Религиозно-философский кружок" (из бывших студентов и преподавателей Богословского пасторского училища, руководитель А.А.Мейер), "Кружок медиевистов" (руководители И.М.Гревс и О.А.Добиаш-Рождественская), "Культурный уголок" (руководитель П.Ф.Смотрицкий). Однако в состав собственно "Воскресенья" как кружка за все время его существования было введено всего 32 человека:

Елизавета Вахрушева, Анна Дмитрук, Алексей Максимович, Анастасия Дедок, Клавдия Некрасова, Тамара Арнсон, Анна Лишкина, Эмилия Лаббе, Татьяна Смотрицкая, Юлия Цезарева-Боярова, Евгений Иванов, Мария Юдина, Евгения Тиличева-Оттен, Лев Пумпянский, Иван Гревс, Евгения Бахтина, Всеволод Бахтин, Ольга Дедок, Сергей Алексеев (Аскольдов), Николай Анциферов, Алексей Смирнов, Ольга Петрова (Менжинская), Татьяна Гиппиус, Вера Гиппиус, Николай Спицын, Вера Штейн, Иван Шилов, Самуил Дружкин, Вера Дружкина, Сильвия Зильберштейн, София Маркус [1323].

В 1925 году Г.П.Федотов уезжает за границу, и руководство "Воскресеньем" полностью переходит в руки А.А.Мейера. "Александр Александрович Мейер, - свидетельствует близко знавший его Д.С.Лихачев, - это – колоссальная человеческая личность". Видный философ [1324], он оказался в то же время неплохим организатором и умел привлекать к себе людей. Где бы ни появлялся этот человек, сразу же около него начинала группироваться интеллигентная молодежь.

"Ни как религиозный мыслитель, ни как просто верующий Мейер не был ортодоксален, не любил "людей в мундирах", как говорил Достоевский. Мейер воспитывался в лютеранской атмосфере, но считал себя православным (похоронен философ на лютеранском Волковом кладбище). В своем учении о слове, об имени он близок М.Бахтину, с одной стороны, а с другой - имяславческой традиции. На Соловках, кстати, были заключенные из женского имяславческого монастыря, обитательницы которого все погибли поодиночке: их отказ назвать свое имя был расценен как контрреволюционная конспирация. Самое главное в Мейере - это гениальность самой его личности. Он был способен, встав утром с постели, тут же начать разговор с соседом на общие философские темы. Когда в арестантской роте он читал лекцию, большинство публики не понимало, о чем он говорит, но покорены его обаянием были все. Он больше состоял из мыслей, чем из тела, не распределяясь поровну меж телом и мыслью. Распространяя себя на других, он не терял себя, был энергетически собран, как шаровая молния. Он воздействовал на людей всем целостно организованным внешним обликом, внутренне сопряженным с миром его идей. Помню, когда однажды на Соловках ему остригли волосы, он очень стеснялся этим нарушением гармонии внешнего и внутреннего. Мейер не строил свою жизнь как художественное произведение, но артистизм мыслителя, обаяние учителя были свойственны ему в высшей степени" [1325].

По инициативе К.А.Половцевой уже в том же 1925 году принимается решение о развертывании целой сети кружков среди школьной молодежи для занятий с ними по Закону Божьему, среди которых можно отметить кружок учительницы Е.М.Вахрушевой в школе первой ступени (б. Стоюниной), в котором "заливали мозги" детям 12-13 лет.

После долгих споров к 1925 году среди членов кружка возобладала точка зрения А.А.Мейера, бывшего лютеранина, перешедшего в православие, о необходимости создания общего фронта представителей всех религиозных конфессий в борьбе против атеизма. На этом основании был даже разрешен доступ в "Воскресенье", наряду с православными, людям других вероисповеданий, если только они подходят под остальные требования "Воскресенья". В своем докладе на эту тему А.А.Мейер подробно изложил, как будет протекать эта совместная борьба, если такое объединение состоится. В виде иллюстрации к его докладу К.А.Половцева продемонстрировала перед слушателями графическую схему, согласно которой в дополнение к существующим должны были быть созданы еще пять кружков: из католиков, лютеран, евреев и проч. Однако решение это вызвало резкие разногласия среди членов сообщества, некоторые из которых заявили о своем отказе от общей молитвы с иноверцами.

Убеждения А.А.Мейера, что принятая в "Воскресенье" еврейка не может помешать общей молитве, так как она солидарна с православием и дала обещание креститься - не помогли, и большая группа членов кружка (до 10 человек: П.Д.Васильев, Е.М.Вахрушева, Н.В.Пигулевская, В.В.Бахтин, В.П.Герман, А.Л.Лишкина, Е.С.Бахтина, Н.В.Спицын и другие) составила оппозицию руководителям кружка. Не считая себя вправе участвовать в общей молитве с иноверцами, они собирались с этой целью отдельно по средам на своих собственных квартирах.

"Воскресенье" не было ни чисто религиозной, ни тем более православной организацией, поскольку среди ее членов находились люди самых различных вероисповеданий. Вместе с тем не было оно и безобидной ассоциацией кружков интеллигентных людей, связанных общим культурным интересом, - речь, безусловно, может идти только о масонской структуре. На это намекал и сам А.А.Мейер еще в 1922 году, призывавший своих коллег "не захватывать власти... не строить партии, а создавать б. м. Ордена, которые пробудили бы идею в своей жизни, которая потом даст эффект вовне". Промасонский характер "Воскресенья" нашел свое отражение и в символике этой организации: "Светоносный треугольник с Всевидящим Оком Провидения". По инициативе А.А.Мейера и К.А.Половцевой собрания кружка открывались молитвой (всего их было две), в которую были вставлены слова о свободе духа. Что же касается бесед по кругу, то начинались они со взаимного пожатия рук всеми собравшимися - знаменитая масонская цепь. "Мейер и Половцева, - подчеркивал Н.П.Анциферов, - всячески стремились придать собраниям кружка характер ритуала" [1326].

"Когда я впервые начал посещать "Воскресенье", - показывал 3 января 1929 года на следствии Всеволод Бахтин, - и присмотрелся к тому, что тампроисходит, то для меня стало ясно, что "Воскресенье" - не просто кружок интеллигентных людей, связанных общим культурным интересом, а нечто, что почти можно назвать религиозной сектой. Об этом говорило существование своей обрядности: свои молитвы, свои праздники по кругу. Впечатление усиливалось тем обстоятельством, что руководители и члены, избегая говорить об этом подробно и полно, несомненно, придавали этой обрядности очень большое значение. Я как новое лицо, естественно, захотел узнать смысл и происхождение обрядов, дабы не поступить религиозно, безответственно связывая себя с чем-то неизвестным. К моему удивлению, попытки расспросить встречали весьма уклончиво, а на настоятельные вопросы отвечали довольно решительным отпором. В частности, никоим образом нельзя было добиться, каково происхождение "своих" молитв. В результате у меня сложилось убеждение, что я не могу участвовать в религиозной жизни объединения, религиозное лицо которого мне неизвестно, и даже более того, со временем все более и более затемняется. Наряду с этим постепенно все крепло подозрение, что

религиозные искания "Воскресенья" для меня, как для православного человека, неприемлемы. Подозрение, ибо повторяю, что ничего определенного в ответ на свои сомнения я добиться не мог.

Приблизительно также как и я думали некоторые другие члены "Воскресения" (Васильев, Пигулевская, Вахрушева, Герман, моя жена). Так как у нас была потребность в религиозном общении и так как в "Воскресеньи" она по указанным причинам не могла удовлетвориться, то мы решили собираться отдельно. К нам вначале примкнул Смотрицкий П.Ф., но очень быстро порвал с нами. Новое объединение по традиции не имело какого-либо названия, а именовалось днем недели, когда мы встречались, т.е. "Среда". Особенностью "Среды" было то, что в нее входили только определенно православные люди, поддерживающие живую религиозную связь с Церковью. Внешним признаком этого должно было служить то, что каждый из участников "Среды" говел не реже двух раз в год.

Задачей "Среды" было оказывать помощь друг другу в личной религиозной жизни, причем члены "Среды" воспринимались как лично близкие люди. Иными словами, "Среда" должна была быть маленькой религиозной общиной православных людей. Встречи наши мы посвящали чтению (Евангелие, духовная литература) и общей молитве. Из вошедших первоначально в "Среду" людей большая часть постепенно отходила, так что в 1928 г. нас оставалось только четверо (я, жена, Вахрушева, Васильев), вернее даже трое (я, жена, Васильев) и Вахрушева поддерживала связь нерегулярно. Тем не менее, мы не прекращали наших встреч по средам, которые приняли, таким образом, совсем интимный характер (но сохранили общую молитву и чтение вслух)" [1327].

Явное желание А.А.Мейера превратить организацию в масонскую ложу привело в конце 1928 года к тому, что часть членов "Воскресенья" вынуждена была порвать с ним. Этому событию предшествовала попытка руководителей организации выявить предварительно наиболее близких им по духу людей. 2 декабря 1928 года после перерыва в деятельности "Воскресенья", устроенного из конспиративных соображений, на квартире Половцевой состоялось собрание, поставившее всех перед фактом перехода "Воскресенья" к новым методам работы. Присутствовали А.А.Мейер, П.Ф.Смотрицкий, К.А.Половцева, Е.П.Иванов и другие - всего 10 человек. В докладе о религиозном и культурном положении населения нынешней России К.А.Половцева осветила падение религиозности среди населения, уничтожение русской культуры и указала, какие обязанности в связи с этим падают на членов организации. Она предупредила, что для серьезной и успешной работы нужна сильная, дисциплинированная организация с членами, не считающимися с личным благополучием. В самом конце доклада она попросила высказаться, и если есть колеблющиеся, не желающие рисковать, то, заявила она, они обязаны об этом сообщить немедленно секретарю организации - Тамаре Наумовне Арнсон и раз и навсегда уйти из ее состава.

После этого Т.Н.Арнсон огласила новый устав "Воскресенья", суть которого сводилась к следующему: 1) люди мы все церковные; 2) Христос и свобода; 3) скрещивание религиозного и социального вопросов; 4) о культурности церковных людей. Смысл устава принципиально менял лицо и задачи кружка. "Воскресенье" было объявлено организацией людей разных вероисповеданий, религиозной лишь постольку, поскольку она занимается обсуждением религиозных вопросов.

В ходе обсуждения вопроса часть собравшихся (В.В.Бахтин, Е.П.Иванов, М.В.Юдина, Е.О.Тиличева, А.Г.Дмитрук) выразили свое несогласие с тезисами и покинули собрание, заявив о выходе из "Воскресенья". Среди членов организации произошел, таким образом, раскол. Это было, как показали дальнейшие события, началом ее конца.

К этому времени А.А.Мейер и его коллеги уже находились под наблюдением ОГПУ. 8 декабря 1928 года был арестован В.В.Бахтин, 11 декабря А.А.Мейер, а вслед за ними и другие члены организации. Начались допросы.

В известной мере, дело "Воскресенья" - это прямое следствие дела "Братства преподобного Серафима Саровского" (1928 г.). Дело это решилось постановлением Коллегии ОГПУ в октябре 1928 года. А уже в ноябре в ОГПУ стали поступать сведения о сборе средств и вещей в пользу осужденных. Заинтересовавшись этим сообщением, ОГПУ быстро установило, что занимались этим избежавшие суда коллеги осужденных: студент Института гражданских инженеров Лев Косвен, врач-психиатр Модест Моржецкий, лектор политпросвета Наталья Бурцева и преподаватель педагогического института им. А.И.Герцена Александр Сухов [1328]. Все четверо были арестованы, после чего в ходе допросов (Косвен, Моржецкий) выяснилось, что кроме ликвидированного ОГПУ "Братства Серафима Саровского" во главе с Иваном Михайловичем Андреевским, на свободе остаются члены еще одного интеллигентского сообщества, находившиеся с ним в тесной связи.

Так следствие вышло на т.н. "Содружество пяти" (И.М.Андреевский, к этому времени уже осужденный, С.А.Алексеев (Аскольдов), В.Н.Финне, Н.А.Молочковский и Б.В.Сланский), "составлявшее как бы коллегию по руководству "Братством Серафима Саровского"". В конце ноября 1928 года все они были арестованы.

Не приходится отрицать сам факт близости И.М.Андреевского и других членов т.н. "Содружества пяти". Как и он, арестованные Н.А.Молочковский и В.Н.Финне были врачами-психиатрами, Б.В.Сланский - студент медицинского института.

Однако в том, что они составляли коллегию по руководству "Братством Серафима Саровского" и "Космической академии наук" (руководитель Э.К.Розенберг), члены которой к этому времени также были осуждены - позволительно усомниться. Скорее всего, это был домысел следователей ОГПУ. Сомнительно также и то, что "Содружество пяти" имело какое-то отношение (хотя бы и через И.М.Андреевского) к кружку бывшего бухгалтера Госторга Григория Тайбалина, как то утверждало следствие. Во всяком случае, сами арестованные этого не подтвердили, хотя и признали, что были осведомлены о существовании кружков.

В дальнейшем в ходе следствия выяснилось также, что осужденный по делу "Братства Серафима Саровского" бывший профессор Петроградского университета С.А.Алексеев (Аскольдов) входил, наряду с ним, в еще одну подпольную организацию под названием "Воскресенье". Каких-либо конкретных данных о составе этой таинственной организации не было, и только в результате длительного и, надо сказать, профессионального агентурного наблюдения ОГПУ удалось получить о ней необходимые сведения. Они то и послужили основанием для проведенных в декабре 1928 года - январе-феврале 1929 года арестов членов этой организации и связанных с ней кружков.

Первое время после ареста в ходе предварительного следствия почти все арестованные отказывались от дачи показаний. Принципиальную позицию отказа от сотрудничества занял А.А.Мейер, отказавшийся от дачи каких-либо показаний по существу дела.

"С самого возникновения Религиозно-философского общества в Ленинграде в 1906 (1907 - Б.В.) году, - показывал он 5 января 1929 года, - я начал в нем работать. В Религиозно-философском обществе было много различных течений. Я примыкал тогда к тому течению, которое представлено было Мережковским и Карташевым. Сущность этого учения сводилась к борьбе за освобождение христианства от связи с монархизмом. Во время революции РФО прекратило существование (в марте 1917 года). В конце 1917 года Карташев уехал за границу. Мережковский еще года два был в России, работал в Публичной библиотеке. Уже тогда мы разошлись с Мережковским в понимании происходивших социальных процессов. Именно поэтому Мережковский не был привлечен тогда мною к работе моего кружка, в котором, по существу, продолжалась работа того течения в РФО, к которому примыкал и я. Основная установка моя в вопросе "религия и революция" сводится к следующему: религия не частное, и не национальное дело. Религия не может быть безразлична к историческим путям человечества.

Христианская религия в принципе своем утверждает преодоление индивидуализма и в этом главный путь смычки христианства с социальной революцией" [1329].

Ближайшим помощником и единомышленником А.А.Мейера по "Воскресенью" являлась, как уже отмечалось, Ксения Анатольевна Половцева, бывший секретарь РФО, с которой он состоял в так называемом гражданском браке, не порывая, впрочем, официально и с законной женой - Прасковьей Аркадьевной Мейер, от которой имел двоих детей: дочь Марию и сына Аркадия. Что касается К.А.Половцевой, то она к этому времени, судя по всему, была уже разведена с П.Д.Васильевым, кстати, тоже членом этого братства.

"Я, нижеподписавшаяся, Половцева Ксения Анатольевна, 42 лет, бывшая дворянка проживающая Петроградская сторона Малый проспект, дом 7 кв.10, работающая зав. библиотекой завода "Электроаппарат", разведенная, муж - артист б. Мариинского театра, неимущая, беспартийная, сочувствую советской власти. - показывала она 25 декабря 1928 года. - Образование – Высшие женские строительные курсы. Архитектор. Сознаюсь в том, что действительно активно работала с моим мужем Мейером в объединении "Воскресенье". Объединение берет фактически свое начало от инициативной группы во главе с Федотовым, который в данное время в Париже. Федотов служил с моим мужем Мейером в Публичной библиотеке. Однажды Мейер придя домой, позвал меня к Федотову на совещание инициативной группы. Здесь присутствовали: Анциферов с женой, я с Мейером, Преображенская Лидия Васильевна и ее приятельница, фамилии которой я не помню. На этом совещании Федотов сделал доклад на тему: "Пойдут ли церковь и религиозное движение вместе?". Обсуждали, но естественно ни к какому результату не пришли. Так этот вопрос остается до сих пор для нас не решенным. Прочли молитву: "Отче наш", кончили чаем и угощением. Решили впредь также собираться. После этого первого совещания собирались на квартире у Федотова, почти ежемесячно. Бывал, несколько раз Гревс. Деятельное участие принимал Шайтан. Бывал Курицын Владимир Николаевич, архитектор Пумпянский, Пигулевский, Оттен Евгения Оскаровна, Покровский Александр Михайлович, еще какие-то люди приходили, фамилии которых я не знаю. Одновременно бывали ныне находящиеся за границей Маркович Наталья Николаевна, Алина Карловна и Вероника (*NB: одни евреи!*). Федотов разработал детальные тезисы, положенные в основу работы и обсуждения нашего объединения. Я сама составила и начертила графическую схему. Так продолжалось до отъезда Федотова за границу т.е. до 1925 года. После отъезда Федотова вскоре уехали за границу также Маркович Вероника и Алиса Карловны, Бауман Анна Ивановна. Наступил второй период. Остались Мейер, я, Смотрицкий с женой, Дмитрук Анна Герасимовна, Максимович Алексей Яковлевич, Некрасова Клавдия Ильинична, Лишкина Анна Леонидовна, Арнсон Тамара Наумовна, Дедок Анастасия Анатольевна, и Федорова Лена. Продолжали собираться ежемесячно в разных местах преимущественно у Смотрицкого и последние два раза у меня на квартире На этих собраниях прорабатывались аналогичные вопросы, иногда с молитвами. Помимо этого у Смотрицкого был еще свой кружок. Последнее время собрания проводились у меня. 2 декабря 1928 года было поставлено задачей выявить всех лиц, которые будут серьезно прорабатывать все вопросы поставленные общиной "Воскресенье". Для этого я предварительно с Арнсон разработала тезисы. Сущность их сводилась к следующему: 1) люди мы все церковные, 2) Христос и свобода, 3) скрещивание религиозного и социального вопросов, 4) о культурности церковных людей. Собралось человек двенадцать-четырнадцать. Когда собрались, я объяснила, почему я собрала их. Смысл моего обращения сводился к тому, что необходимо было окончательно выявить, остались ли еще люди, сочувствующие идее "Воскресенья", и кто из них остался верен ей. После моего обращения Арнсон зачитала составленные мною тезисы. Некоторые из присутствующих не были согласны, возражали и ушли. Например, Юдина, Иванов, Бахтин и его жена. Остальные были согласны. Наметили собраться 24 декабря 1928 года у Смотрицкого. В намеченный день действительно собрались у

Смотрицкого, обсуждали результаты организационного собрания. Констатировали, что откликнулись не все. Одновременно говорили о молитве, как молиться. Решили употреблять молитвы церковные, а не своими словами. Решили и впредь встречаться по возможности регулярно. Информацию о религиозном движении в рядах эмиграции получали со слов Мейера. Приятельница жены Федотова в 1926 или 1927 гг. ездила за границу в Париж, виделась там с Федотовым, о чем рассказала Мейеру, а он в свою очередь - мне. Я знаю, что у Мейера была книга, сочиненная Федотовым "Митрополит Филипп", изданная за границей в 1928 году. Откуда взята эта книга, мне неизвестно. В свое время я также видела у Мейера заграничный журнал религиозного направления. Откуда он взял его, я тоже не знаю. Протокол записан с моих слов правильно, в чем и подписываюсь".

Допрошенная в тот же день дополнительно, К.А.Половцева сообщила:

"В дополнение своих чистосерцечных показаний показываю, что лиц, связывающих Мейера с за границей я знаю лишь двух, 1 - подруга жены Федотова, кажется Маргарита, фамилия возможно Грюнвальд. Помню, что жена Федотова называла ее Маргаритой. Маргарита ездила в Париж в 1927 году по командировке ее учреждения. По возвращении своем из Парижа она Мейеру рассказала, а он в свою очередь мне, следующее. Подробно о личной жизни Федотова говорила, что Федотов читает лекции в Богословском институте, встречается часто с молодежью. Но идеологически он совсем одинок. О Карташеве рассказывала, что он занимается общественной деятельностью, у него бывает очень много людей и он вообще живет на широкую ногу. Говорили о его личной жизни, что Карташев женился и у него есть ребенок. Параллельно рассказывал, что у них есть церковь (переоборудованный костел), расписанная русским художником.

Недалеко от него есть общежитие, где живут молодой Струве, сделавшийся священником, Вместе с этим могу заявить, что второе лицо, которое ездило в Париж и рассказывало то же самое, является Добиаш-Рождественская. Больше о заграничных связях Мейера я не знаю. Протокол написан правильно, в чем и подписываюсь К.Половцева" [1330].

Весьма уклончивые и неопределенные показания дали в ходе следствия Т.Н.Арнсон, А.П.Смирнов, Е.В.Корш, Т.Н.Гиппиус, Б.М.Назаров, Э.А.Зыкова, Н.А.Александров, Г.Г.Тайбалин и Е.А.Тайбалина, Б.В.Бахтин, И.А.Аполлонская-Стравинская, Т.М.Смотрицкая, А.П.Сухов. Однако в дальнейшем такую принципиальную позицию выдержать удалось далеко не всем. Благодаря показаниям Всеволода Бахтина, Евгения Иванова, Павла Смотрицкого и ряда других арестованных, согласившихся в конце концов на "откровенные" показания (правда, с условием не называть личностей), общая картина истории и функционирования организации прояснилась вполне.

В итоге следствию удалось обнаружить или проявить, по крайней мере, пять кружков ленинградской интеллигенции, общее руководство которыми восходило, согласно версии ОГПУ, к А.А.Мейеру: "Содружество" (руководитель А.А.Мейер), "Переоценка ценностей" (руководитель до 1925 г. Г.П.Федотов), "Кружок медиевистов" (руководитель И.М.Гревс и О.А.Добиаш-Рождественская), "Культурный уголок" (руководитель П.Ф.Смотрицкий), кружок Г.Г.Тайбалина. Состав же их оказался следующим.

Кружок Мейера "Содружество" (собирался по пятницам): Вахрушева Елизавета Михайловна, Лишкина Анна Леонидовна, Максимович Алексей Яковлевич, Ганьковский Дмитрий Михайлович, Якобсон Фаня Германовна, Давыдова Евгения Владимировна, Федорова Елена Семеновна, Арнсон Тамара Наумовна, Дмитрук Анна Герасимовна, Воронид Николай Степанович, Некрасова Клавдия Ильинишна, Зыкова Эликонида Александровна, Лаббе Эмилия Васильевна.

Кружок Федотова "Переоценка ценностей" (собирался по вторникам): Юдина Мария Вениаминовна, Батурина Александра Николаевна, Шилов Иван Андреевич, Гиппиус Вера Альбертовна, Мишонов Алексей Михайлович, Спиро Мария Семеновна,

Пумпянский Лев Васильевич, Покровский Николай Александрович, Потулов Иван Ерофеевич.

Кружок Гревса и Добиаш-Рождественской (собирался по субботам): Федотов Георгий Петрович, Бахтин Всеволод Владимирович, Пигулевская Нина Викторовна, Герман Вера Петровна, Люблинский Владимир Сергеевич, Ушаков Сергей Александрович, Тиханова-Клименко Мария Александровна, Гуковский Матвей Александрович, Штерн Георгий Александрович, Винберг Нина Анатольевна, Люблинская Александра Дмитриевна, Скржинская Елена Чеславовна, Вальтер Георгий Ульрихович, Тубянский Илья Давыдович.

Кружок Смотрицкого "Культурный уголок" (собирался по четвергам): Арнсон Тамара Наумовна, Мишенов Сергей Михайлович, Грузова Валентина Сергеевна, Кареев Константин Николаевич, Приселков Сергей Васильевич, Венгировская Стелла Георгиевна, Жуков Владимир Акимович, Палей Петр Николаевич, Муликовская Елизавета Павловна, Платунов Борис Аркадьевич, Мухина Анна Ивановна, Спиро Мария Семеновна, Пешекирова Мария Сергеевна, Туманова Нина Владимировна, Баканова Екатерина Михайловна, Лукина Мария Васильевна, Волкович Михаил Михайлович, Ганьковский Дмитрий Михайлович, Якобсон Фаня Германовна, Гелландер Рудольф Оттович, Штейн Михаил Петрович.

Кружок Тайбалина: Аполлонская-Стравинская Инга Александровна, Дидерикс Михаил Михайлович, Вальдгарт Павел Петрович, Бельгардт Валериан Валерианович, Бахтин Борис Владимирович, Роменская Вера Васильевна, Кенель Александр Александрович, Мюллер Василий Федорович, Катенина Анна Алексеевна, Аничков Игорь Евгеньевич, Барковский Михаил Михайлович, Миханков Андрей Михайлович, Таубе Сергей Михайлович, Конюченко Андрей Тимофеевич.

Сам факт существования этих кружков, равно как и преобладания среди их членов лиц еврейской национальности, не подлежит сомнению. Менее очевидна центральная организующая роль А.А.Мейера и "Воскресенья" в их возникновении и деятельности. Даже в самом "Воскресеньи" среди членов его не было должного идейного единства. Наряду с либерально-масонским ядром его во главе с А.А.Мейером и К.А.Половцевой достаточно сильные позиции в кружке имели представители энергично противостоящего ему православно-монархического направления [1331].

Правда, в "Воскресеньи" они были в меньшинстве. Однако в ряде других кружков (Григория Тайбалина, Бориса Назарова, Ивана Андреевского (Хельфернак, "Братство Серафима Саровского"), Эдуарда Розенберга ("Космическая академия наук")) ситуация была принципиально иной и тон в них задавали не либералы, а резко православные люди. Сбить их с толку было не так то просто.

Как бы то ни было, притянув к "Воскресенью" более или менее с ним связанные (по крайней мере, идейно) кружки и группы, следствие получило возможность раскрутить на этом материале крупнейшее даже по тем временам "интеллигентское дело".

Оказывается, как гласит Обвинительное заключение по нему [1332], "вскоре после Октябрьской революции некоторые ученые последователи идеалистических течений в науке, профессора Духовной Академии и бывшие общественные деятели, оказавшиеся отстраненными от преподавательской и общественной работы, устроились при содействии двух академиков в аппарате Академии Наук, Публичной библиотеке, музеях и научных институтах. Не участвуя в общественной жизни и наблюдая за укреплением ненавистного им государственного строя в конце 1917 года в квартире одного из академиков членов ЦК партии кадетов при участии профессора государственного университета (тоже кадета) И.М.Гревса собрались несколько человек для обсуждения вопросов как сохранить чистоту русской интеллигенции от влияния новых идей. В результате был признано желательным организовать встречи интеллигентных одинаково мыслящих людей, с таким расчетом, чтобы не нарушить старых традиций и, главным образом, сохранить свое влияние на своих бывших учеников, молодых ученых и

подрастающую молодежь. Для опыта было решено связаться с проживавшим в Москве бывшим князем Д.И.Шаховским, организовавшим там кружок молодежи из своих близких знакомых. Результаты этих переговоров сказались сразу же. В декабре 1917 года создается маленький кружок (ядро) из членов бывшего Петроградского религиозно-философского общества - сотрудников Публичной библиотеки и Академии Наук Карташева Антона Владимировича, бывшего министра Временного правительства по делам вероисповедания, Половцевой Ксении Анатольевны, дочери придворного чиновника, Мейера Александра Александровича – бывшего духовного проповедника, Гревса Ивана Михайловича – профессора университета, бывшего орловского помещика Федотова Георгия Петровича, ученики Гревса и др., положивших начало регулярным собраниям на частных квартирах для обсуждения тенденций политических событий в России".

Так было положено начало созданию подпольной "контрреволюционной" организации правой интеллигенции под названием "Воскресенье".

"Во главе организации стояли бывшие активные деятели Петроградского религиозно-философского общества и за все время своего существования организация насчитывала до 110 членов. "Воскресенье" было связано с парижской белой эмиграцией в лице активных политических деятелей: члена группы "Борьба за Россию" и председателя Всеэмигрантского национального комитета Антона Владимировича Карташева и активного деятеля Союза христианской молодежи в Париже - Георгия Петровича Федотова, которым регулярно посылалась информация о деятельности организации.

Лидеры "Воскресенья" из разных источников получали белоэмигрантские газеты и литературу. Имея своей конечной целью свержение Советской власти, организация задачей текущего дня ставила создание крупного общественного движения против существующей политической системы.

Пытаясь создать такое движение, организация широко использовала религиозные и националистические настроения той интеллигенции, которая, благодаря своему враждебному отношению к Советской власти, оказалась выбитой из колеи общественной жизни.

Из этой интеллигенции организация по плану создавала целую сеть подпольных кружков, которыми руководили отдельные члены организации и для которых подлинные ее политические цели маскировались целями борьбы с культурной и религиозной политикой Советской власти.

Помимо систематической антисоветской пропаганды в своих кружках, организация проводила широкую агитацию всюду, куда могли проникнуть ее члены (церкви, вузы, школы и частные квартиры) и распространяла антисоветские материалы, которые печатались силами и средствами организации" [1333].

Из 110 человек, прошедших за все время существования "Воскресенья" через его кружки и группы к ответственности, в конечном счете, было привлечено всего 70. Материалы в отношении И.М.Гревса, О.А.Добиаш-Рождественской и Л.С.Косвена были выделены в самостоятельное производство. "По своему социальному прошлому, - отмечалось в обвинительном заключении, - члены организации - осколки бывшего дворянского сословия, уничтоженного революцией, среди них дети бывших помещиков, дворцовых чиновников, бывшие статские советники и их жены, бывшие офицеры, попы и монахи".

И это правда. Перед нами действительно представители "старого дворянского класса", дореволюционной русской интеллигенции. Практически все обвиняемые – из дворян, явного или "скрытого" еврейства, имели высшее образование.

Не менее существенно, однако, и другое. Наряду с попами (С.П.Мачихин, П.И.Жарков), монахами (Е.А.Зыкова, Г.М.Егоров) и бывшими офицерами (Н.А.Александров, С.М.Таубе, Г.Г.Тайбалин, А.В.Розеншильд-Паулин), как, впрочем, и библиотекарями (В.В.Бахтин, Н.В.Стебницкая-Пигулевская - ГПБ), певцами (П.Д.Васильев - бывший муж К.А.Половцевой), врачами (В.А.Дегтярева, М.Н.Моржецкий, Н.А.Молочковский), художниками (С.Г.Венгировская), студентами (М.М.Дитерихс, М.М.Волкович,

Б.В.Сланский, А.Я.Максимович), среди проходивших по делу свыше трети оказались все же преподавателями высших и средних учебных заведений Ленинграда. Это:

А.А.Мейер (Петроградский богословский институт), А.П.Смирнов (Институт истории искусств), Е.Л.Тенчинская (108-я сов. школа), А.В.Болдырев (ЛГУ), Б.В.Бахтин (33-я сов. школа), Н.А.Александров (108-я сов. школа), А.П.Сухов (Педагогический институт им. А.И.Герцена), А.А.Дедок (32-я сов. школа), Е.М.Вахрушева (51-я сов. школа), А.П.Алявдин (ЛГУ), П.П.Вальдгардт (Центральный музыкальный техникум), С.В.Приселков (доцент и проректор Академии художеств), О.В.Яфа (157-я сов. школа).

Очевидно, что острие репрессий второй половины 1920-х годов было направлено не столько против старой интеллигенции вообще, о "вредительстве" которой много говорилось в то время, сколько против ее наиболее активной, духовно развитой, думающей части.

Уже в мае 1929 года следствие по делу "Воскресенья" было закончено и за подписями начальника СОУ В.Р.Домбровского и ПП ОГПУ в ЛВО С.А.Мессинга ушло в Москву на рассмотрение коллегии ОГПУ. Участь обвиняемых была решена последней 22 июля 1929 года. Наиболее суровое наказание - 10 лет концлагерей - было определено А.А.Мейеру, Э.А.Зыковой, П.Ф.Смотрицкому и К.А.Половцевой.

А.М.Мишенов, С.П.Мачихин, Г.Г.Тайбалин, М.М.Бахтин, А.В.Болдырев, Т.Н.Арнсон, А.И.Голубинский, А.Я.Максимович, Е.А.Назарова-Заржецкая, А.В.Розеншильд-Паулин, Н.В.Стебницкая-Пигулевская, Н.В.Спицын и П.П.Сланский получили по 5 лет концлагерей.

По 3 года получили: В.В.Бахтин, Б.В.Бахтин, Л.А.Барышева, П.П.Вальдгардт, М.М.Волкович, Т.Н.Гиппиус, В.С.Грузова, А.Л.Лишкина, Н.А.Молочковский, К.И.Некрасова, А.П.Сухов, Б.В.Сланский, М.М.Таубе и С.М.Таубе, В.Н.Финне, О.В.Яфа, В.П.Герман, В.Ф.Штейн, Е.Л.Тенчинская, Н.П.Анциферов. Более мягкое наказание - 3 года ссылки - было определено А.А.Дедок, И.Н.Дукельской, Е.С.Бахтиной, Н.Б.Бурцевой (Гришковской, Долбежневой), С.Г.Венгировской-Приселковой (урожд. Коган), С.В.Приселкову, Е.П.Иванову, А.А.Катениной, М.Н.Маржецкому, А.Ф.Мушниковой, Т.М.Смотрицкой, Е.А.Тайбалиной, Е.Н.Харламовой, М.И.Шалиско, Г.М.Егорову, М.К.Гринвальд, Е.В.Корш, П.И.Жаркову, И.А.Аполлонской-Стравинской.

3 года концлагерей получила В.А.Дегтярева, но ввиду преклонного возраста подсудимой наказание ей было смягчено - 3 года ссылки. В отношении остальных:

Е.О.Оттен-Тиличеевой, М.М.Дитерихса, К.Н.Кареева (сын известного историка) и других - решено было ограничиться условным наказанием - лишением их права проживания в Москве, Ленинграде и ряде других городов СССР с обязательным прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года.

Глава 20. Московское масонство 1920-х - 1930-х гг. Масоны и ОГПУ

Крупную роль в русском масонстве 1920-х годов играл "епископ церкви Иоанновой, каббалист, хиромант, иерофант", известный поэт и скульптор Борис Михайлович Зубакин (Эдвард) (1894-1938). Сам Зубакин-Эдвард определял себя как свободномыслящего мистика-анархиста и христианина.

Еще в 1911 году из числа своих товарищей по 12-й С.-Петербургской гимназии он организовал первую в своей жизни масонскую ложу - "Лоджия Астра". Среди ее членов: В.Владимиров, О.Богданова, Е.Розанова. Собирались, как правило, на даче Зубакина, сочиняли и пели масонские гимны, изучали оккультную литературу.

В 1913 году Зубакин знакомится с руководителем ложи розенкрейцеров в Санкт-Петербурге - уже упоминавшимся Александром Кордингом - и вступает вместе со своими друзьями в его организацию. В 1915 году А.Кординг умирает, передав руководство орденом Б.М.Зубакину.

В 1922 году Зубакин был арестован и вскоре освобожден. Это сразу же дало основание тогдашним властителям умов московской интеллигенции заподозрить в нем провокатора и агента ОГПУ. Современные исследователи не дают однозначного ответа на этот вопрос. В 1929 году Б.М.Зубакина высылают в Архангельск. 3 февраля 1938 г. он был расстрелян [1334].

"По матери, - показывал 31 декабря 1922 года Б.М.Зубакин, - наш род английский, Эдварды, мистики, масоны. Мистикой интересуюсь с детства".

Отвергая предъявлявшиеся ему обвинения в принадлежности к контрреволюционной организации и в 1922, и в 1929, и в 1937 гг., он неизменно подчеркивал, что с 1913 г. принадлежал к духовно-религиозному мистическому братству нео-розенкрей-церского характера, являющемуся тайной церковью Иоанновой, отличающейся "отсутствием политической идеологии, духовно-каббалистическим вероучением, целью".

"Почему было "нелегальным"? По исторической традиции всегда маленькие (по своей природе не могли быть большими) группы - т.к. наз[ываемые] братства, - церкви Иоанновы были тайны и интимны, желая жить в тишине и не подвергаться обвинению официальных церковников в ереси, чтоб не слыть еретиками.

Какие были условия принятия в братство?

А) Изучение (многолетнее) каббалистического учения арканов, каббалы.

В) Принятие и выполнение нравств[енно] и физич[ески] особой школы,

С) Принятие сана - рыцаря Духа (КА) и алтаря = диакону церкви Иоанновой и алтаря: Дарохранителя (ОР) = пресвитеру: Высокого или Ведущего = первосвященнику, епископу (по-греч[ески] иерофанту). Были 2-е, 3-е и более, - Братьями т[ак] ск[азатъ] "по доверию" слушающих курс, но не принявших пока сана. Ибо целью было всем быть на уровне "ВА" третьей степени нравствен[ного] пути и духов[ного] сана. Было свое богослужение - и форма - таинства принятия сана, почти не соблюдаемая последние годы".

Собственно история ордена в изображении Б.М.Зубакина выглядит следующим образом. "В 1913 году мы назывались "Лоджиа Астра" = звездная обитель церкви Иоанновой (или капелла). С присоединением к нам старика каббалиста Кординга стали называться "Эль-а" ("Эль" - по древнееврейской каббале=имя Божие, т.е. носители имени Божия, его основ - Альфы= "А").". С Кордингом "высокое счастье" заниматься каббалой, арканами (система герметических наук) и мистической философией он имел вплоть до 1916 года. "Занятия с ним меня совершенно поглотили. Теперь уже я, Владимиров (связь с ним я утерял с 1917 и что с ним, увы, не ведаю), и Волошинов уже не мечтали с прежним пылом попасть во Французский оккультный институт. Мы уже с пренебрежением относились к слову "масон" (пренебрежение это у меня неизменно и до сих пор).

Мы решили, что мы сами достаточный институт во главе с Кордингом и Владимировым. К нам примкнул д-р Злобин, быв[ший] репетитор Волошинова (пропал без вести с конца 1916 г.), мой гимназический учитель А.Ал.Попов (в 1917 уехал к родным в Уфу и с тех пор ни слуху ни духу) и приятель Волошинова Георгий Ченцов, Шандаровский Петр Сергеевич, Бржезинский (имени не помню). С 1917 г. связи с ними не поддерживаю (почему, объясню ниже), имел сведения, что они в Петербурге.

Мы сами открыли свою школу. Это значило, что я (заместитель умирающего от неизлечимой болезни Кординга и почти никому не показывающегося) и Волошинов читали лекции по философии мистики и по каббале.

Мы мечтали съехаться все у меня в Озерках по ж.д. и жить общежитием. Были мы недотрогами, как мимозы, боялись любопытствующих, теософствующих дам и молодых бездельников - стремившихся к нам влезть в душу" [1335].

Вскоре к ним примкнул отец Б.М.Зубакина - Михаил Зубакин, первая жена Б.Зубакина - Евгения Пшесецкая и другие. Через знакомого Б.М.Зубакину было обещано знакомство с Г.О.Мебесом - представителем ордена мартинистов в России, однако воспользоваться его лекциями он не смог, ибо в 1916 году он был мобилизован в армию и "совершенно сдуру" пошел на войну. "Патриотом, как понятно, я не был. Я был и есть

мистик-анархист, мечтающий о небольшой интимной мистически-философской общине", - отмечал он.

В начале 1916 года Б.М.Зубакин и его друг В.Н.Волошинов объявили себя преемниками (через Кординга) христианского розенкрейцерства: "Духовным орденом, государствованием и школой-институтом "Lux Astralis". Установили четырехгодичный курс школы (1-й год - символика и введение, 2-й год - каббала и магия, 3-й - мажорные арканы и 4-й - минорные арканы), себя объявили "В-А" (Ведущими в Астральную мудрость) и, так как их было очень мало, почти всех своих учеников включили в совещание или "Верховный совет Духовного рыцарства LA". Уход в конце февраля 1916 года Зубакина на фронт надолго выключил его из кружка.

Все дело теперь осталось на В.Н.Волошинове. Он придумал печать с египетским ключом и буквами, вел занятия с учениками, магнетизировал больных, занимался самообразованием и подбором оккультной библиотеки. Цель кружка его руководители видели в том, чтобы "создать общежитие либо в сельской местности, либо в двухкомнатных соединенных вместе квартирах, создать духовную общину, обитель, коммуну "рыцарей Духа", Грааль - "Монсальват". Жить и молиться вместе". Собственно, это было в миниатюре осуществлено в 1913-17 годах в Озерках и на квартире Волошинова.

В 1918 г. семья В.Н.Волошинова переехала к Зубакину и художнику А.Буйницкому под Невель. Возникла "коммуна-церковь" "Эль". А.Буйницкий пытался организовать "Капитул" нового розенкрейцерства "LA", т.е. собрание-общежитие образцовой ячейки братьев высшей, третьей степени. В 1920 году коммуна распалась.

А.Буйницкий и В.Н.Волошинов ушли из нее. Б.М.Зубакин пытался самостоятельно основать общину вместе с оставшимися, но ничего не вышло. В 1924 году он и Л.Ф.Шевелев объявили о прекращении деятельности кружка. "Братья" разошлись.

Деятельность "Лоджии Астра" как целого прекратилась. Остались лишь персональное учительство и надежда когда-нибудь вновь воссоздать обитель-общежитие.

Братство "Лоджия Астра" стало "странствующей церковью Иоанновой".

Крупная роль Б.М.Зубакина в истории масонских или полумасонских оккультных кружков и групп очевидна. Не все, впрочем, разделяют это мнение. "Судя по всему, - пишет Н.А.Богомолов, - Б.М.Зубакин стоял совершенно в стороне от сколько-нибудь институционализированных орденов, однако устремления его были, несомненно, ориентированы на ту же систему эзотерических ценностей, что и у деятелей различных посвятительных орденов" [1336].

Не исключено, впрочем, как полагает А.Л.Никитин, что организация Б.М.Зубакина поддерживала в 1920-е годы какую-то связь еще с одним мистическим сообществом - Амаравэлла, во главе с артисткой В.Н.Руной-Пшесецкой. О самой организации, кроме того, что это были советские последователи Н.К.Рериха, мало что известно. Среди членов этого кружка подвизался, в частности, одно время известный художник Б.А.Смирнов-Русецкий [1337].

Как бы то ни было, в 1927 году Б.М.Зубакин уходит, по его словам, на покой, назначив своим духовным преемником Л.Ф.Шевелева, однако фактически это произошло едва ли раньше 1929 года, то есть времени его высылки в Архангельск.

С 1929 по 1936 годы организация работала, по крайней мере формально, под руководством Леонида Федоровича Шевелева, умершего в 1936 году. Его преемником стал Яков Онисимович Монисов (расстрелян в 1938 году). Духовное руководство движением по-прежнему осуществлял Б.М.Зубакин. Н.Н.Леонгард (агент ОГПУ), В.А.Пяст (Пестовский), проф. В.К.Бочкарев (Вязьма), М.А.Жуков (Ленинград), Н.А.Мещерская, А.С.Шевелева, К.С.Шевелева, К.Л.Журавлев (Ленинград), Е.Н.Штарк-Михайлов отошли к этому времени от сообщества. Однако основное ядро кружка в составе Я.О.Монисова, Ф.Ф.Попова, Н.А.Геевского, а также А.П. и Е.А.Ракеевых - продолжало,

судя по всему, функционировать. Деятельным последователем учения Б.М.Зубакина оставалась все эти годы его личный секретарь Анастасия Ивановна Цветаева.

Конец наступил 26 января 1938 года.

"Слушали: дело ‘13602, - гласит выписка из протокола состоявшегося в этот день заседания тройки ОГПУ, - по обвинению Зубакина Бориса Михайловича, 1894 г. рожд., уроженца г. Ленинграда, бывшего дворянина, бывшего офицера царской армии, беспартийного, за контрреволюционную деятельность арестовывавшегося органами НКВД в 1922 и 1929 гг., осужденного к 3-м годам высылки в Северный край, скульптора.

Обвиняется в том, что проводил и был организ[атором] и руководит[елем] антисоветской мистическ[ой] фаш[истской] и повст[анческой] организ[ации] масонского направления, ставил себе задачей сверж[ение] сов[етской] власти и установл[ение] фаш[истского] строя.

Постановили: Зубакина Бориса Михайловича - расстрелять" [1338].

3 февраля 1938 года приговор был приведен в исполнение.

Из провинциальных лож неорозенкрейцерского "Ордена Духа" (Невель, Смоленск) наибольший интерес по составу участников и их дальнейшей судьбе представляет минская ложа "Stella" (1920 год), куда входили художник Павел Аренский, Леонид Никитин и кинорежиссер Сергей Эйзенштейн.

"Я никогда не забуду помещения ложи в Минске, - несколько иронично вспоминал позднее С.М.Эйзенштейн это время. - Мы приходили туда - несколько человек. Громадного роста, состоявший когда-то в анархистах дегенерировавший аристократ с немецкой фамилией (еврейской: Борис Плеттер - Б.В.). Неудачник - сын одного из второстепенных русских композиторов (Павел Аренский (1887-1941), поэт, драматург, востоковед - Б.В.). Актер Смолин из передвижной фронтовой труппы ... Тренькает за дверью балалайка. Стучат котелки из походной кухни во дворе. А здесь, накинув белую рубаху поверх гимнастерки и обмоток - трижды жезлом ударяет долговязый анархист. Возвещает о том, что епископ Богори готов нас принять. Омовение ног посвященным руками самого епископа. Странная парчовая митра и подобие епитрахили на нем. Какие-то слова. И вот мы, взявшись за руки, проходим мимо зеркала. Зеркало посылает наш союз в... астрал. Балалайку сменяет за дверью гармонь. Красноармейцы уже веселы. Печаль их была ожиданием ужина. А мы уже - рыцари-розенкрейцеры".

Далее последовало посвящение Б.М.Зубакиным новоиспеченных рыцарей в учение Каббалы, арканов Таро (метод пророчеств с помощью 78 символических изображений на игральных картах) и другие азы оккультизма. "Не сплю, - вспоминает далее С.М.Эйзенштейн, - только на самой интересной части учения, все время вертящегося вокруг божеств, Бога и божественных откровений. А тут в самом конце выясняется, что посвященному сообщают: ... "Бога нет, а Бог - это он сам". Это мне нравится" [1339].

"Имел здесь очень интересную встречу - писал из Минска С.М.Эйзенштейн о Зубакине своей матери, - сейчас перешедшую в теснейшую дружбу нас троих с лицом совершенно необыкновенным: странствующим архиепископом Ордена Рыцарей Духа ... Начать с того, что он видит астральное тело всех и по нему может о человеке говорить самые его сокровенные мысли. Мы все испытали это на себе. Сейчас засиживаемся до 4-5 утра над изучением книг мудрости древнего Египта, Каббалы, Основ Высшей Магии, оккультизма... какое громадное количество лекций (вчетвером) он нам прочел об "извечных вопросах", сколько сведений сообщил о древних масонах, розенкрейцерах, восточных магах, Египте и недавних (дореволюционных) тайных орденах! Тебя бы все это бесконечно заинтересовало, но всего писать не могу и прошу дальше никому не говорить.

Сейчас проходим теоретическую часть практического курса выработки воли. Вообще он излагает удивительно захватывающее учение. И опять же дальнейшее - Москва. Туда, вероятно, прибудет и он. Знания его прямо безграничны..." [1340].

В том же году, уже в Москве, к ним присоединился актер Михаил Чехов, театральные режиссер Валентин Смышляев и ряд других "сливок" московской т.н.

"творческой интеллигенции". В 1921 году рыцарями "Ордена Духа" становятся актер МХАТа Юрий Завадский с женой.

В Москве занятия Б.М.Зубакина с рыцарями были продолжены, причем большое внимание, почему-то, уделялось им беседам на тему "Незримого Лотоса", якобы расцветающего в груди посвященного. "Несомненно, в Незримом Лотосе что-то есть, - кощунствовал в связи с этим Михаил Чехов. – Вот возьмите собачек. Мы не видим ничего. А они что-то друг у друга вынюхивают под хвостиками" [1341].

Вскоре "братья-рыцари" начинают отходить от Зубакина, чтобы положить начало новой масонской организации, известной как "Орден тамплиеров" ("Орден света") или масонская ложа А.А.Солоновича [1342].

У истоков этой организации стоял Аполлон Андреевич Карелин (1863-1926), более известный в своем кругу под эзотерическим именем как рыцарь Сантей. Популярный писатель на темы из русского общинного быта, он начинал как народник, позже перешел к эсерам, а к 1905 году окончательно сформировался как анархист. Эмигрировав за границу, читал лекции в организованной русскими масонами Высшей школе социальных наук в Париже, где и был, видимо, посвящен в "вольное каменщичество". В Россию Карелин вернулся осенью 1917 года с репутацией теоретика анархо-коммунизма. Здесь он сразу же был введен в состав ВЦИКа и развернул кипучую деятельность: была учреждена Всероссийская Федерация анархистов и анархо-коммунистов, создан "Черный крест" (организация, оказывавшая помощь анархистам) и знаменитый клуб анархистов в Леонтьевском переулке.

"Не помню, при каких условиях я познакомился с Карелиным, - писал в своих показаниях Ю.Завадский, - кто и когда меня к нему привел, знаю только, что он мне представлялся человеком, принятым Советской властью и вполне лояльным. Он жил в 1-м Доме Советов и сам мне рассказывал о своих хороших отношениях с А.С.Енукидзе, которому, в свою очередь, я как-то рассказал о своем знакомстве с Карелиным... В те времена, воспитанный моим учителем по театру Е.Б.Вахтанговым в большой мере идеалистически, я интересовался всевозможными философскими и мистическими проблемами. Карелин меня тогда заинтересовал своей философией - я сейчас совершенно не в силах восстановить в памяти (так это для меня далеко сейчас) подробное содержание его взглядов, но помню только, что они были очень отвлеченными и туманными, касались, главным образом, проблем подсознательной работы, проблем душевных и духовных сущностей и т.д.

У Карелина я встречал Смышляева, жену Солоновича, мою сестру - В.А.Завадскую, Аренского и ряд лиц, которые, промелькнув, вовсе не остались в моей памяти.

Белая роза - его любимый цветок - часто стояла у него на столе. Карелин рассказывал легенды, потом слушатели задавали вопросы и беседовали... Иногда вместо Карелина у него в квартире вел с нами такие беседы Солонович...".

Весной 1924 года кружок был реорганизован в "Орден Света", руководителем которого несколько позже стал А.С.Поль – преподаватель экономического института им. Плеханова. Братья, посвященные ранее в "Орден Духа", автоматически перешли в разряд его старших рыцарей высших степеней. Всего их было семь, и каждой из них соответствовала определенная орденская легенда: об Атлантах, потомки которых якобы жили в подземных лабиринтах в Древнем Египте, об Эонах, взявших на себя роль посредников между миром Духов и людей, о Св. Граале - священной чаше с кровью Христа и т.п.

Обряд посвящения в Орден был прост: после ознакомления посвящаемого с соответствующей орденской легендой руководитель кружка слегка ударял рукой по его плечу, имитируя таким образом удар плашмя мечом при посвящении средневекового рыцаря, и на этом церемония считалась законченной. Символом ордена являлась восьмиконечная голубая звезда - олицетворение надзвездного мира восьми измерений.

Подробное описание картины посвящения в Орден дал в своих показаниях Ф.Ф.Гиршфельд:

"Проводивший посвящение старший рыцарь с белой розой в руке рассказывал вступавшим в Орден легенду о Древнем Египте. К посвящаемому подходили два других старших рыцаря (мужчина и женщина), призывая его быть мужественным, блюсти честь и хранить молчание. Затем принимавший ударял посвящаемого рукой по плечу, имитируя удар плашмя мечом в рыцарском посвящении, и предлагал ему выбрать орденское имя. В разных кружках эти имена начинались с разных букв. При вступлении неофиту сообщалось следующее: Орден имеет семь степеней, во главе его стоит командор; рыцари переводятся из степени в степень в зависимости от их деяний (практически это делалось по прослушивании определенного количества орденских легенд); цель Ордена - борьба со злом (которое заключается во всяком проявлении власти и насилия); в Орден не принимаются члены политических партий (принадлежность к анархическим группировкам допускается)".

Средства Ордена составляли ежемесячные отчисления рыцарями одного или полутора процентов их заработка.

В архивно-следственном деле имеются показания Е.А.Поль с описанием рождественской трапезы, происходившей в конце 1924 года:

"Мы сидели за круглым столом, накрытым скатертью, в середине которого стояла чаша с вином, накрытая белым покровом с черным крестом посреди. Сверху лежала какая-то веточка. На столе лежало Евангелие, заложенное голубой лентой. Праздник начался с вопроса младшего из присутствовавших о том, есть ли совершенная красота. Все остальные по очереди отвечали на этот вопрос, после чего можно было приступить к еде. Затем руководитель рассказывал какой-то миф, содержание которого совершенно не помню. Праздник закончился пением хором гимна архангелу Михаилу. Надо прибавить, что на стене висело изображение рыб, а в руке корифея была небольшая черная палочка, которой давался знак к действию...".

Отличительным же знаком рыцарей второй и последующих степеней была белая роза - олицетворявшая возвышенность и чистоту помыслов "братьев". Дочерней организацией Ордена в Москве была ложа "Храм искусств" и "Общество милосердия" (руководитель - В.Р.Никитина), где и группировались художественные и артистические круги масонствующей московской интеллигенции. В Нижнем Новгороде и в Сочи действовали филиалы московской организации - соответственно, "Орден Духа", куда входили студенты агрономического факультета Нижегородского университета (М.А.Владимиров, С.Н.Раева и другие, всего 12 человек - т.н. "нижегородское дело" июля-октября 1930 года) и "Орден тамплиеров и розенкрейцеров" (Н.А.Ладыженский, Я.Т.Чага).

Что касается приемов, при помощи которых производилось пополнение "личного состава" кружка, то ничего оригинального здесь не было. "Если им кажется, что вы податливый человек, вам начинают предлагать переходную литературу: оккультные романы, йогов, каббалистов, теософов и антропософов, Карпентера, Эмерсона, церковных мистиков, Бердяева, Булгакова, литературу по сектантству, индусскую, персидскую и т.п. мистическую литературу, соответственно тому, что окажется подходящее. Вам читают лекции, направленные против материализма, или даже в первое время против наименее удобных форм материализма. Затем вводят в кружок взаимопомощи, изучения евангелия, изучения философии и т.п. Затем начинают незаметно прививать свой псевдо-пневматизм, антисемитизм, ненависть к науке и технике и к индустриальной культуре. Прививают любовь к средневековью, к магизму и т.д. ..." [1343].

А то, что многие русские интеллигенты были (и есть) весьма податливы на такого рода ухищрения, очевидно.

Вот что показывал 14 октября 1930 года А.В.Уйттенховен:

"На повторный вопрос об эволюции моего мировоззрения могу сообщить следующее: интерес к вопросам философского характера возник у меня очень рано (мне

было тогда лет четырнадцать), и первым был интерес к анархизму, выразившийся в чтении Эльцбахера и Ницше. Чтение Эльцбахера (книга "Анархизм", где излагаются разные системы анархизма) привело меня к изучению Льва Толстого и к увлечению его "Евангелием", так что в течение нескольких лет (до 1915-1916 гг.) я считал себя толстовцем. От этого периода осталась у меня склонность к вегетарианству (мяса я не ем до сих пор, рыбу - изредка) и некоторые взгляды на искусство (например, нелюбовь к Шекспиру). Знакомство с различными религиозными системами (через Толстого) привело к изучению буддизма и теософии. Первое выразилось в том, что в университете я занялся изучением санскрита, прерванным призывом меня на военную службу в мае 1916 г. В университете же прочитал почти все книги по теософии, имевшиеся на русском языке. Пребывание на военной службе до октября 1917 г. (когда я вернулся с Юго-Западного фронта) прервало это изучение, возобновившееся отчасти осенью этого же года. В университете я занятия не возобновлял, т.к. интересующие меня предметы (санскрит и экспериментальная психология) не начинали читаться. В это время я нашел (по объявлению на обложке книги) библиотеку Теософского общества, некоторое время брал там книги и познакомился с некоторыми теософами - председателем московского Общества Герье, библиотекарем Зелениной, Н.А.Смирновой, П.Н.Батюшковым. Из теософской литературы мне больше всего нравились книги Р.Штейнера, но тогда же я узнал, что Штейнер не теософ, а антропософ. Они привели меня к антропософии, и это увлечение (вытеснив теософию) продолжалось вплоть до осени 1920 г. Попав в это время за границу (в г. Ригу, в качестве секретаря военного атташе), я стал изучать последние работы Штейнера в области социального организма. По возвращении в Москву в 1922 г. я прочел в Антропософском обществе доклад "Очередная утопия", в котором резко критиковал идеи Штейнера, после чего всякие связи, кроме личных, с антропософией были прерваны ..." [1344].

Несколько иной характер имела духовная эволюция коллеги А.В.Уйттенховена по "Ордену" Н.К.Богомолова. "Одного анархо-коммунизма мне казалось мало, казалось необходимым подвести под него более обширные основания идеологического порядка. Толстой связывал свое учение с христианством ... Так я вошел в число членов-соревнователей Толстовского общества в Москве. Посещал собрания Общества и много думал, какой путь правильный: с применением насилия или без применения насилия? Решение этого вопроса я считал для себя важным.

На этом пути мне пришлось обратиться даже к прочтению Евангелия и литературы по истории христианства. Должен оговориться, что я вообще не церковник, не хожу в церковь. К церкви, как властной организации, как к организации принципиально иерархического порядка у меня всегда было ярко отрицательное отношение. Нужно проводить резкую грань между церковью и христианством, беря последнее как одно из учений о нравственности. Прочитавши некоторые источники, я увидел в поучениях церкви, что вопрос об оправдании государства и власти, оправдании насилия является нелогичным, двойственным и явно неверным.

Размышления над текущей политической деятельностью как в СССР, так и за границей, привели меня к мысли, что применение насилия и должно становиться все менее действенным для тех, кто его применяет. Насилие не дает тех результатов, которые ожидают от него ... Ознакомление с мистическими идеями, с учением Христа по Евангелию показало мне и с этой стороны правильность основных установок анархизма, как я их понимал, то есть принципов любви, красоты, безвластия, принципа добра ... Слова Христа "не убий", "взявший меч от меча и погибнет" явились для меня определяющими мое личное поведение ...".

Учение московских мистиков не претендовало на оригинальность и представляло собой сплав гностицизма, теософии, розенкрейцерства, средневекового тамплиерства и оккультной египтологии. Одним из центров практического воплощения мистического знания членов Ордена стала в 1923-1924 годах Белорусская государственная

драматическая студия в Москве, среди преподавателей которой подвизались в эти годы Ю.А.Завадский, В.С.Смышляев, П.А.Аренский. Первоначально студия была создана при МХАТ. Однако в связи с тем, что его основная труппа гастролировала за рубежом, в качестве опекуна студии утвердился 2-й МХТ.

Уже первый спектакль Белорусской студии - "Царь Максимиллиан" по А.М.Ремизову (1924) - был решен в форме средневековой мистерии с использованием рыцарской символики. В таком же мистическом духе был решен и второй спектакль - "Апраметная".

Во 2-м МХТе мистическая идеология его руководства сказалась, прежде всего, в постановке "Золотого горшка" Э.-Т.А.Гофмана (переработка П.А.Аренского, художник Л.А.Никитин). Неудивительно, что спектакль этот так и не был пропущен цензурой.

Одним из центров кружка в эти годы, помимо музея Кропоткина, была квартира Л.А. и В.Р.Никитиных в доме на углу Арбата и Денежного переулка (д.57).

Собрания, происходившие у Никитиных, показывала на следствии пианистка И.В.Покровская, носили "определенно организованный характер. ... Программа была следующая. Читали стихи А.Блока, К.Бальмонта, Н.Гумилева, рассказывали легенды и сказки, читали доклады на разные художественные и мистические темы, как-то: иероглифы в Египте, Врубель и его творчество, портрет и его развитие. С этими докладами выступал Никитин. Были музыкальные номера и чай. Никитин же водил нас в музеи - в Щукинский, Кропоткинский, Морозовский, Музей Изящных Искусств. По прочтении докладов бывал обмен мнений. Жена Поля пела следующих композиторов - Глиэра, Рахманинова, Чайковского, Римского-Корсакова. Я играла и аккомпанировала".

Неожиданный арест А.А.Солоновича в апреле 1925 года приостановил работу кружков, которая возобновилась только осенью. К этому времени был освобожден из Суздальского концлагеря и сам А.А.Солонович, что объясняется, как полагает А.Л.Никитин, "провалом широкомасштабной провокации ОГПУ против анархистов, задуманной как раскрытие терактов против правительства (в частности Зиновьева).

Вслед за провокацией должен был начаться широкий процесс над анархическим движением в целом. В этом причина массовых арестов анархистов весной 1925 года. Однако провокация не удалась, а внимание ОГПУ переключилось на "троцкистско-зиновьевскую оппозицию", уничтожение которой заняло три года.

Для анархо-мистиков это было время передышки, время реализации наиболее значительных планов в области организации орденских кружков и в области искусства. Именно тогда, с осени 1925 года, вернувшийся в Москву Солонович становится во главе анархической секции Кропоткинского комитета. Секция почти полностью обновляет свой состав и резко меняет направленность работы. На ее собраниях, конечно, не читают орденских легенд, однако ставят вопросы, связанные с орденским учением" [1345].

Главным источником пополнения личного состава Ордена, членами которого стали в эти годы Н.К.Богомолов, Д.А.Бем, Л.И.Дейкун, Г.И.Ивакинская, А.Е.Смоленцева, Н.А.Лодыженский, Н.И.Проферансов, И.В.Покровская, В.И.Сно, А.В.Уйттенховен, его жена И.Н.Уйттенховен-Иловайская и др., по-прежнему оставалась московская творческая интеллигенция; художники, музыканты, литераторы. Попадались, впрочем, и недоучившиеся студенты - Илья Рытавцев и даже бывший морской офицер Евгений Смирнов.

Сами московские тамплиеры нисколько не сомневались в своей принадлежности к сообществу, ведущему свое начало от средневекового ордена храмовников или тамплиеров (основан в 1118 году в Иерусалиме). Стремлением подчеркнуть эту преемственность можно объяснить и парадные одежды "рыцарей" - белые льняные плащи с красным восьмиконечным крестом и белые холщовые пояса - символ чистоты помыслов у тамплиеров.

Однако настоящими тамплиерами, восходящими к традиции Ордена Рыцарей Храма, члены московского "Ордена Света", конечно же, не были. И тамплиерство, усвоенное ими благодаря А.А.Карелину, имело, скорее всего, не исторический, а общекуль-

турный характер [1346]. Не принадлежали "братья-рыцари", судя по всему, и "ни к одной ветви масонства, хотя какие-то связи А.А.Карелина с Великим Востоком Франции (или сходной системой) и представляются возможными" [1347].

В то же время, нельзя не учитывать, что символика божественного света, которой придерживались московские тамплиеры, является едва ли не основной в учении "вольных каменщиков". Уже только на этом основании их вполне можно записать "по масонскому разряду". Сближает их с масонами и особый пиетет перед Евангелием от Иоанна, Апокалипсисом и, особенно, перед образом Иоанна Крестителя, день которого является, как известно, главным праздником для масонов. Не следует забывать и о том, что в древнем Шотландском обряде 17-й градус - "Рыцарь Востока и Запада" - также отмечен почетным знаком восьмиугольника. На лицевой стороне его изображали обычно агнца с книгой Семи Печатей. Ассоциировались же они как с Апокалипсисом, так и с печатями мистического молчания из масонских легенд.

На масонскую сущность "Ордена Света" указывают и семь ступеней его внутренней структуры: ведь действительных степеней и в Шотландском масонском обряде насчитывается тоже семь: ученик, подмастерье, мастер, тайный мастер, рыцарь избранник Девяти, князь розенкрейцер (соответствует 18 градусу), рыцарь-кадош (соответствует 30 градусу). Да и в специальной литературе связь масонства с тамплиерством, в общем-то, не вызывает больших сомнений. Споры, скорее, идут здесь о формах и времени передачи традиций, нежели о самом факте ее существования.

Можно, таким образом, констатировать, что идейный установки и этические нормы, положенные в основание "Ордена Света", роднят его "братьев-рыцарей" не столько со средневековыми тамплиерами, сколько с "вольными каменщиками" нового и новейшего времени. Неприязнь к православию и традиционным русским национальным ценностям, поиски некоей новой философии, призванной синтезировать анархическое мировоззрение с мировоззрением раннего христианства, широкая пропаганда необходимости организации коммун, артелей и союзов анархистского толка не оставляют сомнений относительно масонского характера "Ордена Света".

Именно так и воспринимали его современники. Заслуживает внимания свидетельство скрипача Большого театра З.М.Мазеля о посещении им вместе с М.А.Чеховым "заседаний масонской ложи в Москве". О масонской ложе Солоновича, в которую его приглашали в 1924 году московские "братья", показывал на допросах в ОГПУ руководитель "Братства Серафима Саровского" в Ленинграде Иван Андреевский [1348]. Критика большевизма велась "братьями-рыцарями" явно с масонских позиций, так как в революции они видели не "диктатуру пролетариата", а "духовное и социальное преображение человека, раскрытие всех его потенциальных сил и способностей, победу Света над Мраком, Добра над Злом". Обескураживающие реалии советской действительности не только ставили их в оппозицию к большевистскому режиму, но и показали ошибочность прежних представлений о скором и, главное, легком осуществлении масонского идеала. "Человек, - писал А.А.Солонович, - есть "Гроб Господень", освободить который можно только новыми крестовыми походами Духа, для чего и нужны новые рыцарские ордена - новая интеллигенция, если хотите, которая и положит в основу свою непреодолимую волю к действительной свободе, равенству и братству всех в человечестве" [1349].

К этому времени Алексей Александрович Солонович - преподаватель МВТУ им. Баумана - был известнейшим в своем кругу теоретиком мистического анархизма. Его лекции в Кропоткинском музее, где он возглавлял секцию анархистов, или на дому - пользовались большим успехом у слушателей. После смерти А.А.Карелина 20 марта 1926 года А.А.Солонович становится духовным лидером не только Ордена, но и всего движения. Наиболее крупным и, к сожалению, не сохранившимся теоретическим трудом А.А.Солоновича является его трехтомное исследование "Бакунин и культ Иалдобаофа" (одно из воплощений Сатаны), ходившее в машинописном виде по рукам среди членов сообщества. А.А.Солонович был разочарован результатами Октябрьского переворота 1917

года. Большевики, доказывает он в своей книге, растоптали идеалы Октября, "предали", "задушили" революцию, последними вспышками которой он считал Кронштадтский мятеж и крестьянские восстания 1921-1922 годов.

"После Октябрьской революции моя установка по отношению к советской власти,- показывал он в ходе допроса 14 сентября 1930 года,- была:

принципиально не признал советской власти, как и всякой другой, но фактически считал невозможным и нецелесообразным вести против нее борьбу, так как такая борьба могла бы дать только победу буржуазии, ибо такова была общая ситуация и, в частности, положение самого анархического движения. Однако считал возможным и необходимым вести пропаганду анархических идей в легальных и лойяльных формах. До 1919 г. я входил в Московский Союз Анархистов, а затем во Всероссийскую Федерацию анархистов-коммунистов и анархистов. Состоял членом секретариата (кто входил в секретариат, кроме меня, я принципиально отказываюсь говорить)...

После смерти Кропоткина организовался Кропоткинский Комитет, в который я вошел (других членов принципиально отказываюсь называть). Моя работа в Комитете заключалась в музейной деятельности - собирание средств при помощи подписных листов, пожертвований, выступлений публичных и пр.: в архивной - собирании биографических материалов, писании очерков, библиотечной работе; в организационной - организации анархической секции Комитета, научной секции, социально-экономической и литературной, причем сам я состоял в анархической и научной секциях. Наконец, была пропагандистская работа, которая заключалась в написании статей и в лекциях по различным вопросам, связанным с личностью, мировоззрением и отдельными идеями Кропоткина ...

Мои лекции, читаемые в музее Кропоткина, дома или по приглашению на какой-либо квартире, стенографировались анархическим кружком и потом давались мною читать желающим. Их задачей было показать, как от любого мировоззрения можно прийти к анархизму. Особенное значение здесь имели религиозно-мистические установки, так как они свойственны очень многим людям, и гораздо целесообразнее не суживать анархизм до одного частного типа мировоззрения, но расширить его, показать его совместимость с любым..." [1350].

"По следам Иоалдобаофа, - предупреждал А.А.Солонович,- ползут лярвы, и бесовская грязь пакостит души людей и их жизни". Нигилистически, как и всякий масон, относился он и к русской православной церкви, которая нуждалась, по его мнению, не только в очищении от якобы присущего ей догматизма, но и в коренном реформировании.

А.Л.Никитин, ссылаясь на "обскурантизм", "доносительство" и ряд других "грехов" Русской Православной церкви, пытается оправдать эту позицию. "Изучая различные силы, действующие в истории общества, - пишет А.Л.Никитин, - Солонович не мог, конечно, обойти вопрос о Церкви - достаточно острый для России 20-х годов. Большевики не просто разрушили российскую Православную Церковь, но и занялись физическим уничтожением людей, так или иначе с ней связанных. Сейчас, когда спала первая волна запоздалого сочувствия, все чаще задаются вопросом: как такое могло произойти? Как могла это допустить сама Церковь, занимавшая, по словам ее апологетов, "стержневое" место в сознании русского народа? Да и общество в целом довольно равнодушно смотрело на гибель национальных святынь. Именно в то трагическое время была заметна явная враждебность широких масс к Церкви; шли поиски новых духовных ценностей.

Те же тамплиеры - лишь одно из многих направлений религиозно-мистической жизни общества тех лет (вспомним популярность теософских и антропософских организаций, толстовцев и т.п.). Пожалуй, это можно назвать поисками новой религии, основанной на постулатах христианства, однако отрицающей его прежнюю организационную структуру.

Не претендуя на исчерпывающее решение этой сложной проблемы, можно сказать, что к началу XX века организация Русской Православной Церкви себя в достаточной

степени дискредитировала: подчиненностью бюрократической машине государства, догматизмом, а порой и малой культурой. В отличие от католичества и протестантизма, Православная Церковь оппонировала обществу и науке и в организационном плане действительно была феодальным пережитком.

Для Солоновича церковная иерархия всегда представала "властнической структурой", построенной на подчинении и принуждении. Он резко выступал против той Церкви, которая подменяла учение Христа о любви и терпимости - нетерпимостью к инакомыслящим, то есть несвободой духа. Солонович обращается к проблеме, обсуждавшейся еще на вселенских соборах: возможно ли наличие благодати у человека недостойного только на том основании, что он утвержден вышестоящей церковной инстанцией, когда "избранничество" подменяется "назначением"" [1351].

"Церковь еще задолго до революции потеряла паству, вызывая со стороны населения, в первую очередь образованного, неприязнь своим обскурантизмом, сотрудничеством с государством в области запретительной и доносительной, своим сопротивлением давно назревшим внутренним реформам. Она не сумела объединить общество и противопоставила себя науке, которая бурно развивалась в XIX веке ...

Не так ли было и в нашем случае? Анархо-мистицизм - не религия. Он не давал программы действий, не требовал исполнения устава, не вмешивался в личную и духовную жизнь человека. Анархо-мистицизм пытался убедить своих адептов лишь в том, что данная жизнь, имея физический конец, отнюдь не означает конца для духовной личности, которой не все равно, как будет пройден краткий, но обязательный отрезок земного существования.

В мире распада и разрушения, в мире крушения, казалось бы, всех ценностей эта философия, питаемая достижениями человеческого духа всех времен и всех культур, опиравшаяся на один из наиболее понятных для европейцев идеалов нравственной чистоты - рыцарство, - заинтересовала и увлекла множество людей. Их сознание было не способно смириться с разрушением многовековой культуры, с физическим уничтожением миллионов людей, по большей части не понимавших, что с ними происходит. Те же, которые понимали, видели, что у них отнята не только религия, но и вера. Они не верили существующей Церкви, ибо видели, как она предавала их прежде и предает теперь, пойдя на сотрудничество с убийцами. Они убедились, что пропасть разделяет Церковь (организацию) и Учение, которое служителями Церкви было искажено.

Нужна была новая вера и новая религия. Эту потребность и использовал поток чувственной мистики, оккультизма, интерес к тайным (и не тайным) учениям Востока. Но новые учения характеризовались либо ярко выраженным "учительством", либо попыткой уловить души обещанием наделить "сверхъестественными" силами. Человек опять оказывался игрушкой в руках посредников, теряя представление о собственном пути и предназначении, о той естественной духовной эволюции, которая раздувает искорку, упавшую от Логоса в косную материю, в пламя, рвущееся к изначальному источнику Света.

Христианская церковь учила человека смирению и выполнению своих обязанностей.

Масонство провозгласило необходимость активных действий в круге этических задач. Обращение анархо-мистиков к гносису потребовало от человека не только упражнений в нравственности, но и знаний об окружающем мире (в том числе полученных мистическим путем). Это не обогащало его материально, не наделяло сверхъестественными способностями, однако давало спокойную уверенность в том, что он двигается вперед, в назначенном ему направлении, для дальней, непостижимой, но прекрасной цели" [1352].

Московские тамплиеры, по А.Л.Никитину, просто обязаны были заполнить тот ваккуум, который образовался в духовной жизни общества в начале века и подобрать ту паству, которую потеряла в это время Русская Православная церковь. Со стороны населения, особенно образованных классов, православная церковь вызывала очевидную неприязнь из-за своего "обскурантизма", сотрудничества с государством в области

запретительной и доносительской, а также своим сопротивлением реформаторским ожиданиям русского общества, считает А.Л.Никитин.

Не пожалев черной краски для своей, православной церкви, которая "не сумела объединить общество и противопоставила себя науке, которая бурно развивалась в XIX веке", в качестве ориентира для наиболее адекватной оценки роли "Ордена Света" в духовной жизни страны А.Л.Никитин выбрал ... итальянского масона Дж. Гамберини, хотя, казалось бы, немало и своих.

"Возникла ситуация, аналогичная той, о которой (применительно к Западу) говорил Дж. Гамберини, некогда Великий Мастер Великого Востока Италии, отмечая "универсализм" масонства: "Благодаря протестантской реформе, этическое единство западного мира прекратило свое существование в силу распадения христианства. Европейцы доказали, что они могут вполне обходиться без единства веры. Однако они оказались не в состоянии развиваться при отсутствии этического единства, общей нравственной ткани, связующей их воедино. Когда окончательно погибла иллюзия Священной Римской империи, а религиозное единство вступило в полосу трагического кризиса, вот тогда европейцы и обратились к масонству. Оно приняло их в объятия своего конкретного универсализма, который тем прочнее, чем меньше в нем идеологических примесей"".

И выпады А.Л.Никитина против православной церкви, и его пассажи как о "новой вере", так и о "новой религии", которые, якобы, были нужны русским людям (каким? Уж не Вячеславу ли Иванову сотоварищи?), так и его рассуждения о "множестве людей", увлеченных "одним из наиболее понятных для европейцев идеалов нравственной чистоты " рыцарством", озадачивают. Очевидно, он не только глубоко вжился в тему, но и, быть может, сам того не замечая, впитал в себя и основные мировоззренческие установки "братьев-рыцарей". А они, как мы знаем, независимо от того, в какие бы бутафорские одежды они не рядились: тамплиеров ли, мартинистов или розенкрейцеров - в принципе одни и те же и легко вписываются в простую, но емкую формулу - граждане мира.

"Сейчас я понимаю, - пишет А.Л.Никитин, - что все они жили по заветам Ордена - по тем же заветам, по которым жили и действовали члены московского кружка Новикова и Шварца в конце XVIII века, "работавшие над камнем" - над собственной личностью, чтобы освободить от уз невежества, себялюбия и других пороков ту божественную искру, которая должна указывать каждому дорогу к свету истинного знания и любви, помочь противостоять распаду личности.

Собственно говоря, это и было самым важным в том деле, которое начиналось на "воскресниках" у Никитиных на Арбате разговорами о культурных и духовных ценностях, с катастрофической быстротой выпадавших из круга тогдашней жизни, с ее варварской идеологией "обостряющейся классовой борьбы". На собраниях в кружках не только читали легенды, о которых мы еще будем говорить. Здесь велись беседы о самовоспитании, борьбе с собственными недостатками, о необходимости овладения знаниями и мастерством в избранной сфере деятельности, чтобы через нее преобразовывать к лучшему окружающий мир, воспитывать нравственное чувство" [1353]. Яснее и не скажешь.

Разгром "Ордена Света" и связанные с этим аресты во многом были подготовлены борьбой, которую развернули в конце 1920-х годов против А.А.Солоновича его противники во главе с видным анархистом А.А.Боровым. Стремясь во что бы то ни стало убрать А.А.Солоновича из Кропоткинского музея и "захватить" его, А.А.Боровой со своими сторонниками - т.н. "политические" анархисты не стеснялись в средствах, выставляя в печати А.А.Солоновича и Кропоткинский комитет во главе с В.Н.Фигнер и С.Г.Кропоткиной (вдова анархиста) как цитадель реакции и черносотенства [1354].

Апофеозом разнузданной кампании против московских анархо-мистиков стала статья Юрия Аникста против А.А.Солоновича, опубликованная в 1929 году в парижском анархическом журнале "Дело труда" [1355]:

"Преподаватель Московского Высшего Технического Училища по курсу математических упражнений; наследник покойного А.А.Карелина по "анархическим" и оккультно-политическим делам и организациям, Алексей Александрович Солонович несомненно талантливая и незаурядная личность. Внешнее безобразие придает энергии его внушения особую силу, особенно действующую на восторженных натур и женщин. Громадная активность, пропагандистская и организационная, искупает его организационную бездарность, окружая его постоянно видимостью организационного кипения, вереницей эфемерных организаций. Бесконечные ордена и братства: Света, Духа, Креста и Полумесяца, Сфинкса, Взаимопомощи и т.п., целая иерархия оккультных, политических, "культурных" организаций, посвященных Иалдабаофу и его альтер эго - архангелу Михаилу, феерией болотных огней вспыхивают на темных и извилистых тропинках его жизни...

Талант Солоновича своеобразен. Он пишет стихи. Но они никуда не годны по форме и их нельзя понимать: это какой-то набор звонких слов и образов. Он читает лекции и доклады, ошеломляет ими публику до одурения: столь они блестят эффектами остроумия, сравнений, неожиданных "новых" (хотя и вычитанных) взглядов и оборотов. Но как я ни пытался самое позднее на другой день после их произнесения узнать от его слушателей, о чем же говорил в лекции Солонович, ни разу ни один, несмотря на все потуги, не мог ничего, кроме внешних эффектов, припомнить ...

Он написал труд "О Христе и христианстве", "Волхвы и их предтечи", "Бакунин-Иальдобаоф" и т.п. - бесконечный ряд трудов, кроме оккультных "Голубых сказок", пьес (подражая Карелину), медитаций и т.п. О "Бакунине-Иальдобаофе" он ухитрился в два года написать шесть громадных томов... (на самом деле три, хотя и в шести экземплярах - Б.В.)".

Отрекомендовав его как "отъявленного антисоветчика и антисемита", Ю.Аникст припомнил командору помимо уже известной нам рукописи о М.А.Бакунине едва ли не все его прегрешения перед Советской властью, начиная от симпатий к кронштадтским мятежникам 1921 года и кончая принадлежностью к зарубежному масонству - словом, весь тот букет, который скоро будет предъявлен ему уже в качестве официального обвинения.

Первый "звонок" для анархо-мистиков прозвенел еще в ноябре 1929 года, когда ОГПУ была арестована группа молодежи во главе с Н.Р.Лангом, работавшая при библиотеке Кропоткинского музея над библиографией трудов П.А.Кропоткина [1356]. Однако по-настоящему за них взялись только в августе-сентябре 1930 года. 7 августа был "изъят" Н.А.Ладыженский, 14 августа в Мацесте арестовали Н.И.Проферансова - одного из руководителей сочинского филиала Ордена. Наиболее же крупная волна арестов пришлась на 11 сентября 1930 года, когда за одну ночь были арестованы Е.Г.Адамова, Г.И.Аносов, Н.К.Богомолов, Ф.Ф.Гиршфельд, Г.Д.Ильин, И.В.Покровская, Н.Н.Русов, А.И.Смоленцева, А.А.Солонович, И.Н.Уйттенховен (Иловайская), Н.В.Водовозов, Ю.Г.Завадский, И.И.Леонтьев, В.Н.Любимова. Е.Н.Смирнов, Н.А.Никитина, В.Ф.Шишко.

14 сентября были арестованы Д.А.Бем, Е.К.Бренев и И.Е.Рытавцев. 15 сентября - Г.К.Аскаров, А.А.Поль. 16 сентября - Л.А.Никитин, 24 сентября - В.И.Сно, 25 сентября - И.Е.Корольков, 26 сентября - Е.А.Поль, 7 октября - А.В.Уйттенховен и Н.А.Леонтьева, 11 октября - А.В.Андреев, 13 октября - П.А.Корнилов, 1 ноября - В.Р.Никитина. Всего по делу проходило 33 человека [1357].

В ходе допросов некоторые члены сообщества пытались затушевать его подлинную сущность, делая упор на несерьезном, игровом характере "Ордена Света".

"В период 1924-25 годов, - показывал 23 января 1931 года Л.А.Никитин, - увлеченный формами романтического искусства, я близко подошел к представлениям о рыцарстве как универсальной форме романтической культуры... Никаких организационных форм, никакой мысли о воссоздании рыцарства в орденском смысле у меня не было и потому никаких уставов, никаких программ какого-либо действия тоже не предполагалось

... Лабораторные занятия, требовавшие участия иногда нескольких лиц, породили, по-видимому, у некоторых представление о действительном наличии рыцарской организации, чему могло многое способствовать. Во-первых, наименование работы Орденом Света произошло от как бы некоего лозунга или девиза, под которым эта работа проводилась. Дело в том, что, взявшись за идею рыцарства, как материала для разработки, я прежде всего постарался отбросить все то историческое и классовое, что было связано с рыцарством Средневековья, взяв здесь рыцарство как бы в некой его абстракции. Таким образом, был поставлен вопрос о вообще "светлом" рыцарстве, понимая под этим отсутствие всякого рода каких-либо иных его определений... Наряду с этой основной работой наметилась также возможность идеологической проработки вообще проблем искусства под лозунгом искусства большого стиля в духе мистерии с привлечением соответствующей терминологии вроде "храма искусства". Мистериальная основа такого искусства взята была именно потому, что вообще представляла собой форму синтетического искусства, из которой в дальнейшем развился театр и другие виды искусства. Все это в целом, однако, не ставило никаких политических целей и задач, и те организационные формы, в которые это выливалось, существовали постольку, поскольку какой-то минимум организованности должен был быть для осуществления самой работы...". Успеха, однако, эта тактика не имела.

Уже в ходе следствия выяснилось, что ряд арестованных, несмотря на приятельские отношения с "рыцарями", сами таковыми не являлись. Так, Н.Н.Русов, И.В.Покровская, Г.К.Аскаров, как вынуждено было признать следствие, никакого отношения к организации А.А.Солоновича не имели. Категорически отрицала свое участие в Ордене и Н.А.Леонтьева. Немногословными были и показания А.И.Смоленцева, В.Р.Никитиной,И.Е.Рытавцева.

Судя по всему, сами следователи не слишком интересовались орденскими делами. Главное внимание их было сосредоточено на констатации нелегального характера собраний и антисоветских высказываниях членов кружка. К моменту ареста ОГПУ, уже давно следившее за московскими анархо-мистиками, имело среди них своего агента - некоего Я.К.Шрайбера (Шрейбера). Существенную помощь следствию оказали и сами арестованные (Ф.Ф.Гиршфельд, И.В.Покровская, Н.В.Водовозов, В.Ф.Шишко), которые не только сами дали откровенные показания, но и охотно изобличали своих несговорчивых товарищей. Сознался и "командор" Ордена А.А.Солонович [1358].

Обвинительное заключение по делу "контрреволюционной организации "Орден Света" (дело ‘103514, 1930 год, по первоначальной нумерации) за подписью помощника начальника 1-го отдела СО ОГПУ Э.Р.Кирре было утверждено 9 января 1931 года, а уже 13 января Особым совещанием Коллегии ОГПУ (С.А.Мессинг, Г.И.Бокий в присутствии прокурора Р.П.Катаняна) была решена и участь арестованных:

А.А.Солонович, П.Е.Корольков, Г.И.Аносов, Д.А.Бем, Н.И.Проферансов – по 5 лет тюрьмы. 5 лет лагерей получил Л.А.Никитин. По 3 года тюрьмы получили И.Н.Уйттенховен, П.А.Корнилов, В.Н.Любимова, Е.К.Бренев. На этот же срок, но уже концлагерей были осуждены А.С.Поль, В.Р.Никитина, К.И.Леонтьев, Е.Н.Смирнов, Е.Г.Адамова, Н.А.Леонтьева, А.И.Смоленцева. Трехлетняя ссылка была определена Н.К.Богомоловой-Николиной, Е.А.Поль, Н.А.Ладыженскому (Западная Сибирь), А.В.Андрееву (Урал), Н.А.Никитиной (Средняя Азия), А.В.Уйттенховен и И.Е.Рытавцеву (Северный Край), Г.Д.Ильину (Восточная Сибирь). В отношении же сотрудничавших со следствием Н.В.Водовозова, Ф.Ф.Гиршфельда, И.В.Покровской, Н.Н.Русова, В.Ф.Шишко и Г.К.Аскарова дело было прекращено. Та же участь постигла, в конце концов и дело Ю.-Г.Завадского, за которого хлопотали К.С.Станиславский и А.С.Енукидзе.

В феврале 1928 года в Москве были проведены аресты по делу оккультного розенкрейцерского ордена "Эмеш Редивиус" во главе с Вадимом Карловичем Чеховским (1902-1929) и Евгением Карловичем Тегером (1890). Главной своей задачей руководители ордена ставили, с одной стороны, практическое решение вопроса о передаче мыслей на

расстоянии, а с другой - овладение при помощи оккультных методов стихийными духами или элементалиями. Е.К.Тегер, немец по происхождению, еще в юношеские годы увлекся анархизмом и оккультным знанием. После октябрьского переворота 1917 года он перешел на сторону Советской власти и даже работал некоторое время в качестве советского консула в Афганистане. Вернувшись в начале 1920-х годов в Москву, Е.К.Тегер организовал здесь в 1923 году небольшой розенкрейцерский кружок (А.И.Ларионов, Ф.П.Веревин), ставящий своей задачей овладение тайнами средневековых розенкрейцеров.

В 1925 году в кружок вошел молодой метеоролог В.К.Чеховской, В.В.Преображенский и ряд других лиц. В Москве, на Малой Лубянке, д.16, члены кружка арендовали небольшой подвал у домкома, где и проводили свои опыты.

В феврале 1928 года, как уже отмечалось, В.К.Чеховской и Е.К.Тегер были арестованы, а вместе с ними та же участь постигла еще десятка два тесно с ними связанных членов кружка. После проведенного ОГПУ расследования этого дела руководители сообщества Тегер и Чеховской были отправлены в концлагерь на Соловки. Тегера вскоре, впрочем, перевели по болезни в Среднюю Азию, где он и сгинул. Чеховской же в октябре 1929 года был расстрелян за участие в подготовке побега группы заключенных [1359].

Признанным лидером московских розенкрейцеров первой половины 1920-х годов был инженер путей сообщения Владимир Алексеевич Шмаков. Сын черносотенца А.А.Шмакова, он получил известность в оккультных кругах Москвы и Петербурга своим фундаментальным исследованием по тайному знанию "Священная книга Тота". В 1922 году, то есть уже при Советской власти, выходит в свет еще одно фундаментальное исследование В.А.Шмакова - "Пневматология". Выдающиеся способности и фундаментальные знания, которыми обладал В.А.Шмаков в области тайной науки, позволили ему организовать в 1922 году на своей квартире в Москве небольшой розенкрейцерский кружок. Его посещали известный философ и богослов П.А.Флоренский, искусствовед А.А.Сидоров, биофизик М.И.Сизов, инженер В.П.Веревин, врач М.В.Дорогова, филолог-языковед В.В.Белюстин.

Круг занятий членов кружка был вполне традиционен для оккультистов: лекции по арканологии (философия мистики), практические занятия по каббалистике и прочее [1360].

В 1924 году В.А.Шмаков покидает СССР (умер в 1929 году в Аргентине от "удара"). Преемником его в роли руководителя кружка стал Всеволод Вячеславович Белюстин (1899-1943) - сын сенатора, окончил Александровский лицей по филологическому отделению. В годы гражданской войны в России он оказался в Крыму, откуда перебрался в 1922 году в Москву. Благодаря хорошей языковой подготовке был принят в 1924 году в Наркомат иностранных дел СССР в качестве переводчика. Здесь Белюстин проработал вплоть до 1932 года, когда его уволили как бывшего дворянина. По свидетельству знавших его, В.В.Белюстин был умен, образован, красив и хорошо воспитан. Это, однако, ничуть не мешало ему выдавать себя (по крайней мере, он никогда не опровергал этого) за очередное воплощение легендарного розенкрейцера графа Сен-Жермена [1361].

Конечно, В.В.Белюстин был авантюрист, но авантюрист несомненно талантливый и очень умный. В 1926 году на основе распадавшегося кружка В.А.Шмакова он организует свой собственный Московский орден манихеистов или, как они себя называли, неорозенкрейцеров орионийского посвящения. Общее число членов его составляло 16 человек: М.И.Сизов, С.В.Палисадов, В.В.Новиков, В.Л.Волкова, А.Л.Толмачева-Виппер, М.В.Дорогова, Ф.П.Веревин, художник В.П.Монин, инженер В.И.Жданов, супруги Трущевы [1362]. Большая часть членов этого сообщества активно участвовала в работе ряда других оккультных кружков и групп Москвы 1920-х годов, в частности, ордена тамплиеров.

Цель ордена В.В.Белюстина, как и в близком к нему по направлению кружке Чеховского-Тегера, заключалась в овладении магическими способностями средневековых розенкрейцеров. Что же касается средств достижения этой цели, то ими было признано достижение астрального посвящения, то есть возможности существования в двух мирах - реальном физическом мире и мире астральном, потустороннем. Как обязательная ступень на пути выхода в астрал рассматривалось овладение "братьями" первоначальными навыками ясновидения и телепатии.

С арестом в 1928 году Тегера и Чеховского и ликвидацией их кружка та же участь должна была, казалось бы, постигнуть и кружок Белюстина. Этого, однако, не произошло, хотя сам Белюстин и был арестован. Но продержали в заключении его недолго, и уже через три месяца ОГПУ отпустило его на свободу. В результате, несмотря на легкий испуг, члены его кружка спокойно работали вплоть до весны 1933 года. Здесь нет необходимости в подробном изложении учения неорозенкрейцеров вследствие его исключительно книжного происхождения. Из доступной оккультной литературы была почерпнута символика и обрядность ордена. Что касается целей кружка В.В.Белюстина, то сошлемся здесь на А.Л.Никитина. Московские розенкрейцеры, пишет он, "стремились к власти - сначала, как исторические розенкрейцеры, к власти над стихийными силами Земли и космоса, затем - к власти над мировыми силами зла, чтобы стать владыками мира и облагодетельствовать человечество" [1363].

Аресты 1933 года положили конец ордену неорозенкрейцеров. Чудеса, однако, продолжались. Речь идет об очередном освобождении В.В.Белюстина. Не пострадали, за редким исключением (Ф.П.Веревин, М.В.Дорогова, супруги Трущевы) и другие члены ордена. Все это, конечно, не спроста. В.В.Белюстин, несомненно, работал на ОГПУ. Но очевидно, что и других неорозенкрейцеров до поры до времени ОГПУ берегло. Время их, казалось, пришло только в 1940 году. Именно на апрель этого года приходится новый, и на этот раз уже по настоящему серьезный арест "графа Сен-Жермена". Взяли В.В.Белюстина в далеком Сталинабаде (Душанбе), где он преподавал немецкий и английский языки в местном педагогическом институте. В это же время, 10 июля 1940 года был арестован и обосновавшийся в поселке Гудауты в Абхазии Б.В.Астромов [1364].

В Москве им предложили выступить в качестве свидетеля затевавшегося НКВД большого процесса против ученых-востоковедов, которых оно намеревалось представить в качестве шпионов, работавших на разведки целого ряда зарубежных государств. В качестве других свидетелей по этому процессу, наряду с показаниями В.В.Белюстина и Б.В.Астромова, предполагалось использовать и показания других масонов, в частности С.А.Палисадова и Е.К.Тегера. Однако безусловное согласие на это дали только В.В.Белюстин и С.В.Палисадов, что выдает их, как говорится, с головой как бывших сотрудников ОГПУ. Что же касается Б.В.Астромова и Е.К.Тегера, то они отказались участвовать в готовившемся судебном спектакле.

Конечно, не стоит думать, что именно их позиция явилась тому причиной, но процесс этот так и не состоялся. Что касается В.В.Белюстина, то ему на этот раз уйти от ответственности не удалось. 10 лет лагерей - таков был приговор по его делу Коллегии НКВД. Такая же участь постигла и Б.В.Астромова. Дальнейшие следы их затерялись на просторах ГУЛАГа.

Говоря о масонах и оккультистах в СССР, не обойтись без сюжета и о так называемой "Кремлевской ложе". Для начала, так сказать, для затравки, небольшой отрывок из диалога, состоявшегося в декабре 1982 года между московским писателем Феликсом Чуевым и бывшим Председателем Совнаркома СССР Вячеславом Молотовым. "Сейчас много разговоров идет о масонстве. Говорят, что у нас в стране тоже есть масоны-, - заводит разговор Чуев. -Наверное, есть. Подпольные. Не может не быть", - отвечает Молотов. "И про вас говорят, что вы тоже масон". - "Масон давно. С 1906 года", - улыбается Молотов, имея в виду время своего вступления в РСДРП. "Существует мнение,

что масоны есть и среди коммунистов", - не отстает от него Чуев. "Могут быть", - допускает Молотов. "И вот говорят, что в Политбюро Молотов был главным масоном". - "Главным, " отзывается Молотов. - Да, это я между делом оставался коммунистом, а между тем успевал быть масоном. Где это вы копаете такие истины?" [1365].

Разговор этот не случаен. Дело в том, что на тесную связь (по крайней мере, внешнюю) масонства и большевизма обращали внимание многие исследователи.

Связь эта (опять-таки чисто внешняя, конечно), прослеживается уже в символике Советского государства: серп, молот, пшеничные колосья и знаменитая пятиконечная красная звезда. Конечно же, звезда – широко распространенный символ, в том числе и в христианстве. Но те звезды - голубые. Большевики же избрали в качестве одного из своих важнейших символов именно красную (пламенеющую) звезду, а это, как уже отмечалось, чисто масонский символ. Стоит отметить, что впервые в качестве революционного символа красная пятиконечная звезда появляется еще в апреле 1917 года в новой военно-морской кокарде. В Красной Армии пятиконечная звезда с помещенным в центре изображением плуга и молота была введена 7 мая 1918 года и имела наименование "марсовой звезды с плугом и молотом". Дело в том, что по древнеримскому преданию бог войны Марс вырос из красно-оранжевого пятиконечного цветка лилии. Этот символ становится в 1918 году принадлежностью лиц, состоящих на службе в Красной Армии. Любопытно, что в начале марсова звезда носилась красноармейцами двумя лучами вверх, а одним вниз, что означало знак антихриста из-за ассоциации с рогами дьявола.

Вследствие этого военный отдел ВЦИК вынужден был даже выпустить специальную листовку: "Смотри, товарищ. Вот красная звезда". В листовке первоначальная оплошность была исправлена и пятиконечная звезда была уже нарисована правильно, то есть двумя лучами вниз. И с этого времени знак этот больше не менял своего положения [1366].

"Под знаменем масонской звезды, - писал в 1932 году председатель Архиерейского собора русской православной церкви за границей митрополит Антоний, - работают все темные силы, разрушающие национальные христианские государства. Масонская рука принимала участие и в разрушении России. Все принципы, все методы, которые большевики применяют для разрушения России, очень близки к масонским. Многолетнее наблюдение над разрушением нашей Родины воочию показало всему миру, как ученики подражают своим учителям и как поработители русского народа верны программе масонских лож".

Что же касается еврейства, то иудаизм, по его мнению, -исторически связан с масонством самыми тесными узами в своей ожесточенной борьбе с христианством и в масонских устремлениях к мировому владычеству" [1367].

"В 1918 году, - вторит ему историк-эмигрант В.Ф.Иванов, - над Россией восходит пятиконечная звезда - эмблема мирового масонства. Власть перешла к самому злобному и разрушительному масонству - красному во главе с масонами высокого посвящения - Лениным, Троцким и их приспешниками - масонами более низкого посвящения: Розенфельдом, Зиновьевым, Парвусом, Радеком, Литвиновым ... Программа борьбы "строителей" сводится к уничтожению православной веры, искоренению национализма, главным образом великорусского шовинизма, разрушению быта, русской православной семьи и великого духовного наследия наших предков" [1368].

"Для торжества масонских идеалов, - отмечал он, - нужно было убить душу русского народа, вырвать у него Бога, национально обезличить, затоптать в грязь его великое прошлое, развратить молодое поколение и воспитать новую породу людей без Бога и Отечества, двуногих зверей, которые, выдрессированные укротителем, покорно засядут в масонскую клетку".

Самое любопытное, что общность конечных целей масонов и большевиков не отрицают и сами масоны. Читатель уже знает из "масонского дела", возбужденного в январе 1926 года ОГПУ против ленинградских "братьев", о весьма любопытном

документе, адресованном правительству СССР. Датирован он августом 1925 года и принадлежит перу Генерального секретаря "Автономного русского масонства" Бориса Астромова. А говорилось в нем следующее: дорога и цель вольных каменщиков и коммунистов одни и те же - "обращение человечества в единую братскую семью ... Преследуя одни и те же цели, признавая справедливыми и подлежащими проведению в жизнь одни и те же воззрения, коммунизм и русское масонство совершенно не должны подозрительно смотреть друг на друга, наоборот, пути их параллельны и ведут к одной цели". Разница, по мнению Б.В.Астромова, только в "методах действий", т.к. в отличие от революционного пути, которым идут большевики, "путь русского масонства - это путь медленной интеллектуальной работы, путь тихой сапы". А враги у большевиков и масонов, отмечал Б.В.Астромов, одни и те же - национальные и религиозные предрассудки, классовый эгоизм, частная собственность. Суть сделки, которую он предлагал большевикам, заключалась в том, что в обмен на "негласную легализацию" в стране масонских лож "братья" взяли бы на себя обязательства содействовать "перемагничиванию" русской интеллигенции на сторону советской власти, т.к. "стремления коммунизма совпадают в общих чертах со стремлениями русского масонства". Сопоставим теперь эти рассуждения масона Астромова, заподозрить которого в "черносотенстве" едва ли возможно, с высказываниями на эту тему противников масонства - Василия Иванова и митрополита Антония. Совпадение взглядов, как видим, поразительное.

"Не подлежит, однако, сомнению, - писал А.М.Асеев, - что в прошлом масонами были Анатолий Луначарский - нарком просвещения, и Карл Радек. Принадлежали к масонству и один из крупнейших русских поэтов Валерий Брюсов (член коммунистической партии с 1920 года) и знаменитый писатель Максим Горький (Алексей Пешков). Ходили слухи, что масоном был Лев Троцкий" [1369]. Мы уже отмечали как бесспорный факт принадлежности к масонству двух большевиков: И.И.Скворцова-Степанова и С.П.Середы. Отметим, уточняя сведения Асеева, что масоном был, правда недолго, и Л.Д.Троцкий. Как видно из закрытых масонских источников - письмо адепта берлинской эмигрантской ложи "Великий свет Севера" С.А.Соколова достопочтимому мастеру ложи А.К.Елухину от 12 марта 1937 года, "Троцкий был некогда в течение нескольких месяцев рядовым членом одной из французских лож, откуда согласно уставу был исключен за переездом в другую страну без извещения и за неуплату обязательного сбора" [1370].

Правда в 1922 году на IV конгрессе Коминтерна Л.Д.Троцкий решительно отрицал свою принадлежность к ордену. Протестуя против разговоров о его и В.И.Ленина якобы масонстве, Л.Д.Троцкий публично выразил недоумение "почему подобные обвинения не адресуют нашим товарищам Зиновьеву, Радеку, особенно Бухарину, который вполне подходит для масонства" [1371].

"Товарищи", впрочем, тоже уже давно под подозрением у историков. Что касается В.И.Ленина, то речь здесь идет о масонской ложе "Союз Бельвиля" Великого Востока Франции, в которую он якобы входил до 1914 года. Согласно другой версии, ложа, в которую якобы входили Ленин и Зиновьев, называлась "Ар э Травай" [1372]. Архив ее, к сожалению, погиб в годы Второй мировой войны. Косвенным подтверждением этой версии может служить публикация московской журналистки Екатерины Деевой, в которой утверждается об обнаружении французскими масонами книги почетных посетителей Великой ложи Франции за 1905 год, где якобы имеется и запись В.И.Ульянова (Ленина) [1373]. Все это, однако, частности.

Гораздо важнее другое. Несмотря на то, что документального подтверждения эти сведения пока не получили, каких-либо препятствий для вхождения большевиков (по крайней мере до 1917 г.) в заграничные масонские ложи не было. Ведь как и их коллеги меньшевики, все они были социал-демократами, входили в одну и ту же партию - РСДРП, хотя ипринадлежали к разным ее фракциям.

Активное же участие в работе масонских лож меньшевиков, как и вообще социалистов Европы и Америки, никогда не вызывало сомнений.

Можно, конечно, сомневаться, был или не был, скажем, Г.Е.Зиновьев масоном. Но то, что он предлагал через различные оккультные организации и масонские ложи Западной Европы "вытащить" Советский Союз из экономической дипломатической изоляции - это факт [1374]. И надо думать, что такого мнения придерживался не только Григорий Евсеевич. В этом-то, собственно, и состоял интерес "кремлевских насельников" и ОГПУ к масонам. Сейчас можно уже утверждать, что ОГПУ, а через него и Политбюро ЦК ВКП(б), не только было осведомлено о роли масонства в мире, не только держало "под колпаком" наши отечественные масонские кружки и группы, но и стремилось извлечь из этого определенную пользу. Об "Автономном российском масонстве" Б.В.Кириченко-Астромова и его контактах с ОГПУ мы уже знаем. Теперь, как представляется, самое время возвратиться к истории другой масонской структуры 1920-х - 1930-х годов - "Единое Трудовое Братство". Оно тоже, как оказалось, представляет в этом плане большой интерес.

Организовал его в начале 20-х годов в Петрограде уже хорошо известный к тому времени оккультист Александр Васильевич Барченко. Родился он в 1881 году. Отец его был из бывших крепостных крестьян, мать - из духовного сословия.

Окончил медицинский факультет Юрьевского университета. С детства А.В.Барченко проявлял склонность к религиозности и мистицизму. В Юрьевском университете профессор римского права А.С.Кривцов рассказал ему о книге Сент-Ив де Альвейдера о существовании в горах Тибета некоего очага древней тайной культуры и науки - Агарте или Шамбале, который расположен где-то на стыке границ Индии, Афганистана и Тибета. То, что предлагают своим адептам европейские мистики и масоны, уверял юного студента А.С.Кривцов, ничто по сравнению с теми знаниями, которыми якобы владеют живущие в Агарте тайные учителя человечества.

Вера - понятие субъективное. Не удивительно, что при всей абсурдности, идея эта чрезвычайно увлекла А.В.Барченко и, можно сказать, перевернула всю его оставшуюся жизнь.

К Октябрьской революции А.В.Барченко отнесся отрицательно, но и особой враждебности к ней вследствие своего низкого происхождения, судя по всему, не испытывал, и был, к тому же, убежденным противником частной собственности.

К этому времени он уже зарекомендовал себя как знающий оккультист и литератор, много писавший для журналов "Вестник труда" и "Паломник". Особую известность приобрел его оккультный роман "Доктор Черный", в основу которого он как раз и положил идею о существовании в горах Тибета легендарной Шамбалы.

Все это позволило А.В.Барченко сплотить в начале 1920-х годов вокруг себя небольшой философско-мистический кружок, получивший название "Единое Трудовое Братство". Организационное становление его относится к периоду 1920-1922 гг. В качестве морально-этического кодекса этого сообщества легли составленные А.В.Барченко "Правила жизни". В 1923 году был, наконец, принят и официальный устав "Единого Трудового Братства". Название этого кружка обнаруживает его связь с другим аналогичным ему кружком александропольского грека Георгия Ивановича Гюрджиева - "Единое Трудовое Содружество" (1919 г.).. Среди членов кружка Г.И.Гюрджиева были такие известные петроградские оккультисты, как инженер А.Н.Петров, скульптор С.Д.Меркурьев, литератор Николай Успенский, инженер В.А.Шмаков, юрист П.С.Шандровский. В конце 1919 года с группой своих учеников Г.И.Гюрджиев перебрался в Турцию, откуда уехал во Францию. Оставшись без руководителя, основанное им братство распалось, дав, в свою очередь, "человеческий материал" для возникновения на его основе ряда оккультных кружков и групп. Одним из них и был, судя по всему, кружок А.В.Барченко.

Среди первых членов "Единого Трудового Братства" А.В.Барченко были: сотрудники Академии Наук Кондиайн и Нилус, поляки доктор Бобровский и инженер Островский, дочь черносотенца Н.А.Маркова-второго Лидия Николаевна Шишелова и ее муж, студент Восточного института Ю.В.Шишелов, В.П.Королев и ряд других лиц [1375].

Во главе "Единого Трудового Братства", согласно его уставу, стоял Совет (А.В.Барченко, А.Кондиайн, П.С.Шандровский). Степеней продвижения по мистической лестнице тайного знания здесь предусматривалось всего две: "ученик" и "брат".

В качестве символа Братства была принята "шестигранная фигура со знаком ритма, окрашенная в черные и белые цвета. Отличительным признаком "брата" была красная роза с лепестком белой лилии и крестом. Характерно, что все эти знаки следовало обязательно носить на перстне, розетке или булавке, а также помещать в окнах своей квартиры, чтобы другие члены кружка могли по этому признаку отыскать среди окон окно своего "брата".

Свое сообщество члены кружка однозначно рассматривали, по словам А.В.Барченко, как передовой отряд "в борьбе человечества на арене истории, объединяющий своих членов на почве помощи телесно и духовно страдающему человеку, независимо от его политических и религиозных убеждений, в обладании приобретенным опытом древних цивилизаций, а также залечивании социальных ран средствами, имеющимися в распоряжении Братства" [1376].

Летом 1920 года А.В.Барченко организовал экспедицию в легендарную Гиперборею к берегам Лавозера и Сейдозера в Лапландии на Кольском полуострове, где он искал следы древней цивилизации, аналогичной той, которая якобы существовала в Тибете [1377]. На Севере (Мурманск) А.В.Барченко - профессор и заведующий морского института краеведения - пробыл без малого два года и в Петроград вернулся только в 1923 году. Характерно, что не имея здесь постоянной квартиры, А.В.Барченко поселился временно в ламаистском дацане, надеясь заняться там исследованиями в области древней науки - системы "Дюнхор", и войти в непосредственные контакты с тибетскими ламами, среди которых он нашел немало друзей. Они, в частности, дали ему более точную ориентировку местонахождения знаменитой Шамбалы, которая якобы располагается к северо-западу от Непала. Беседы с тибетскими ламами, находившимися в Петрограде, еще более убедили его в правильности своей теории.

"Проповедь непротивления, христианского смирения, помощь человеку в нужде, не входя в обсуждение причин нужды, овладение одним из ремесел, работа в направлении морального саморазвития и воспитание созерцательного метода мышления - в этом я видел ближайшие функции Единого Трудового Братства, ориентирующегося на Шамбалу, и призванного вооружить опытом древней науки современное общество", - подчеркивал А.В.Барченко [1378].

Научный поиск Барченко во многом стимулировался его духовными исканиями, размышлениями о путях нравственного совершенствования человека в эпоху мировых катаклизмов. Поворотным в его жизни как в плане научном, так и сугубо личном, стало его приобщение, не без помощи тибетских и монгольских лам, к таинствам буддийского эзотерического учения Дюнхор (Калачакры), происходящего из легендарной Шамбалы. В этом учении Барченко нашел ответы на самые злободневные вопросы современности. Однако, подобно бодхисаттвам, он не хотел довольствоваться собственным прозрением, а чувствовал потребность разделить свое знание с другими людьми. Первым делом, он поставил себе задачу - посвятить в тайну Дюнхор "высших руководителей коммунистического движения в России". Сделать это было необходимо, поскольку "Россия в данный момент совершенно далека от понимания той величайшей общечеловеческой ценности, коей скрыто владеет Восток", - писал он в 1927 г. бурятскому ученому Г.Цыбикову. По своему неведению большевики ломают "коренной быт" азиатских народов, оказываясь тем самым "в одном ряду среди западных угнетателей

Востока". А между тем, "учение марксизма об основной мировой субстанции, о "материи", родственно учению Дюнхор", - доказывал он [1379].

В том, что А.В.Барченко пытался заинтересовать своими опытами правительственные структуры, ничего удивительного, конечно, нет. Удивительно здесь другое: та легкость, с какой фантастические прожекты А.В.Барченко нашли живой отклик в правительственных структурах молодой Советской республики, и в первую очередь - в ОГПУ.

Первые контакты А.В.Барченко с чекистами относятся к 1919 году, когда он совершенно неожиданно для него был вызван в Петроградскую ЧК, якобы в связи с поступившим на него доносом. Здесь ему было заявлено, что доносу чекисты не верят и положат его под сукно. Из дальнейшего разговора выяснилось, что чекисты уже давно следили за А.В.Барченко и хорошо представляли общее направление его кружка. Чекисты, с которыми стал с этого времени контактировать А.В.Барченко, были некто Рикс и Отто. Еще одним хорошим знакомым А.В.Барченко из чекистской среды стал известный террорист, убийца графа Мирбаха Яков Блюмкин, проживавший в то время под фамилией Владимиров. Впрочем, первое их знакомство состоялось еще раньше, в 1918 году. Наконец, в 1923-1924 гг. А.В.Барченко знакомится еще с одним чекистом - Лейсмейером. Все они, как уверял впоследствии А.В.Барченко, формально в "Единое Трудовое Братство" не входили и выступали в качестве высоких покровителей возглавляемого им кружка [1380].

Поворотным пунктом в судьбе А.В.Барченко стало его близкое знакомство с всемогущим тогда начальником Спецотдела ОГПУ Глебом Ивановичем Бокием.

Масонами и масонством этот видный чекист заинтересовался еще в Петрограде в годы своей работы в местной Чрезвычайной Комиссии. В Москве, куда Г.И.Бокий был переведен в 1921 году, он сразу же выдвинулся в число руководящих работников ОГПУ, возглавив здесь криптографический отдел (СПЕКО), специализировавшийся на подслушивании и расшифровке переписки иностранных посольств в Москве.

Познакомился с ним А.В.Барченко в конце 1924 года через уже известных нам чекистов Блюмкина и Лейсмейера. "В ходе обсуждения с Бокием, - показывал А.В.Барченко в 1937 году, - я привлек его интерес к мистической теории "Дюнхор" и установлению контакта с Шамбалой с тем, чтобы продвигать эти вопросы в Политбюро ЦК ВКП(б)" [1381].

При помощи Г.И.Бокия А.В.Барченко переезжает в Москву, положив здесь в 1925 году начало фактически уже новой мистической группе, сохранившей, впрочем, старое название - "Единое Трудовое Братство". Впрочем, продолжал свою деятельность и петроградский кружок во главе с Александром Кондиайном.

Задача, которая стояла перед А.Кондиайном, заключалась в вовлечении в "Братство" ряда ленинградских доцентов и профессоров: Парчука, Кашкадамова, Никитина и Ризена. Идентифицировать нам удалось только доцента Василия Павловича Кашкадамова (родился в 1863 г.) - зав. Кабинетом Рефлексологического института по изучению головного мозга им. Бехтерева. Но не приходится сомневаться, что оттуда были, по преимуществу, и другие кандидаты на вступление в "Братство".

Как бы то ни было, требовалось ознакомить их с уставом кружка, правилами и требником, после чего они должны были явиться в Москву для получения уже непосредственно от А.В.Барченко ученического посвящения. Были ли в конце концов посвящены в "Единое Трудовое Братство" указанные профессора или нет, мы не знаем.

В Москве же в состав "Единого Трудового Братства" вошли следующие лица: начальник Спецотдела ОГПУ Г.И.Бокий, член ЦК ВКП(б) И.М.Москвин, зам. наркома иностранных дел Б.С.Стомоняков, работник Спецотдела Г.И.Бокия Е.Е.Гоппиус, а также старые товарищи Г.И.Бокия по Горному институту инженеры Миронов и Кострикин. Кроме того известно, что на докладах А.В.Барченко о "Дюнхоре" присутствовали в разное

время ответственный работник ЦК ВКП(б) Диманштейн, руководитель Главнауки Ф.Н.Петров, сотрудники Спецотдела ОГПУ Гусев, Цибизов, Филиппов и Леонов [1382].

Говоря об организации А.В.Барченко чекистской масонской ложи в Москве, было бы неправильным, в то же время, не напомнить читателю, что именно к этому же времени (лето 1925 года) относятся и контакты с чекистами ленинградских масонов во главе с Кириченко-Астромовым, также развивавшим перед принявшим его в Москве чекистом Яковом Аграновым не менее широкие планы использования масонов в интересах Советского государства. Однако с ним, как мы знаем, связываться чекисты, правда немного поколебавшись, все же не стали и отправили его в концлагерь. Другое дело – респектабельный профессор А.В.Барченко, за спиной которого стоял всесильный тогда Г.И.Бокий.

Едва ли случайно, что здесь же в Москве, по протекции Г.И.Бокия, А.В.Барченко сразу же возглавил лабораторию нейроэнергетики Всесоюзного института экспериментальной медицины. Лаборатория (ближайшим помощником А.В.Барченко здесь был Е.Е.Гоппиус) занималась, как уже наверное догадался читатель, изучением паранормальных явлений (взрывы и передача мыслей на расстояние и проч.), и субсидировалась, естественно, Спецотделом ОГПУ.

Одной из причин пристального внимания чекистов к А.В.Барченко являлись, несомненно, установленные им в 1923 году связи с так называемым "Великим братством Азии", объединившим ряд мистических течений Востока, с представителями которого Хаяном Хирвой и Нага Навеном он встречался в этом же году в Ленинграде.

За всем этим стояла большая политика, поскольку, в отличие от далай-ламы, ориентировавшегося на англичан, духовный лидер Тибета Панчен-Богдо и ламство Западного Тибета обнаруживали стремление к сближению с СССР. "Из совещаний с Нага Навеном, - показывал в 1937 году А.В.Барченко, - я получил от последнего санкцию на сообщение большевикам моих мистических изысканий в области древней науки через специально созданную группу коммунистов и на установление контактов Советского правительства с Шамбалой. От Нага Навена я получил также указание на желательность созыва в Москве съезда мистических объединений Востока и на возможность этим путем координировать шаги Коминтерна с тактикой выступлений всех мистических течений Востока, которыми, в частности, являются: гандизм в Индии, шейхизм в Азии и Африке" [1383].

В общем, повторим, это была большая политика, суть которой, говоря словами А.В.Барченко, заключалась в том, чтобы при помощи ряда мистических сообществ, традиционно пользующихся авторитетом на азиатском континенте, "добиться этим путем изменения политического курса и прорыва революционной базы на Восток" [1384]. Яснее, пожалуй, и не скажешь. В Москве А.В.Барченко призывал советское руководство повернуться лицом к Востоку. У Востока, заявлял он, свой путь развития, путь эволюции и бескровного разрешения социальных противоречий на основе овладения наследством древней науки, якобы уцелевшей в Шамбале.

Трудно сказать, насколько искренен был А.В.Барченко. Что касается советских руководителей, то единственное, чем их могли привлечь идеи А.В.Барченко - так это возможность "разбудить Азию" в свете господствовавшей тогда среди них идеи мировой революции. Поскольку на рабочих в странах Востока особенно рассчитывать не приходилось, для целей этих, в принципе, могли пригодиться и мистики. Важное место в этих планах отводилось, в частности, Индии и Афганистану. "Я ориентировал, - отмечал А.В.Барченко, - правительственные круги на Ага-хана, главу исмаилитов - президента Всеиндийской лиги мусульман, как на хранителя революционных традиций Востока".

С целью установления тесных связей с исмаилитами, при ближайшем участии Г.И.Бокия, А.В.Барченко была подготовлена в 1925 году экспедиция вАфганистан.

К этому же времени относятся тесные контакты А.В.Барченко с крупным советским чиновником Владимиром (Ильдар) Ивановичем Забрежневым – масоном

Великого Востока Франции. "Между прочим, - показывал А.В.Барченко в 1937 году, - Забрежнев писал обо мне Чичерину перед тем, как подготовлялась моя экспедиция в Афганистан. В беседе со мной Чичерин упоминал, что он получил это письмо от Забрежнева" [1385].

Что связывало этих людей, становится ясным из оброненного А.В.Барченко в ходе следствия замечания о Г.В.Чичерине как "старом члене Великого Востока Франции" [1386].

На роль комиссара афганской экспедиции планировалось определить уже известного нам Якова Блюмкина, выступавшего теперь под именем К.К.Константинова.

В последний момент планы эти были блокированы, однако, никем иным, как наркомом иностранных дел Г.В.Чичериным. Осторожный Г.В.Чичерин не хотел зря дразнить англичан. Вместо этого он предложил другой ход: поддержать экспедицию в Лхасу уже связанного к этому времени с ОГПУ [1387] американского гражданина русского происхождения Н.К.Рериха. Несмотря на отчаянные усилия Г.И.Бокия помочь планировавшейся А.В.Барченко экспедиции он так и не смог. Экспедиция так и не состоялась. Вместо нее А.В.Барченко организовал в 1927 году при поддержке все того же Г.И.Бокия другую экспедицию, на этот раз в крымские пещеры. На 1929-1930 гг. приходится следующая экспедиция неутомимого А.В.Барченко - на Алтай. Цель у них была, в принципе, одна и та же - поиски следов древней культуры и установление контактов с Шамбалой и якобы находящимися там духовными учителями человечества.

Большое место в деятельности Барченко этого времени занимала практическая работа по подготовке созыва в Москве съезда религиозно-мистических сообществ России и Востока. С этой целью, начиная с 1925 года, им были установлены связи с хасидами, исмаилитами, мусульманскими суфийскими дервишами, караимами, тибетскими и монгольскими ламами, а также алтайскими старообрядцами, кержаками и русской сектой голбешников. Конечно, сидя в Москве, сделать это было довольно затруднительно. Впрочем, А.В.Барченко и не сидел. "В этих условиях, - отмечал он, - я выезжал из Москвы в разные районы Союза: в Крым, в Ленинград, на Алтай, в Уфу, в бывшую Самарскую губернию, а также в Кострому" [1388].

На все эти поездки нужны были, конечно, деньги и немалые. Деньги давало ОГПУ. "Денежными средствами, - рассказывал в 1937 году А.В.Барченко, - как и всем моим материальным обеспечением субсидировал член группы Бокий Глеб Иванович. Начиная с 1925 года, от него в общей сложности получено около 100 тысяч рублей" [1389].

Имея такого могущественного покровителя, "Единое Трудовое Братство" не только благополучно пережило "масонские дела" второй половины 1920-х годов, но и просуществовало вплоть до 1937 года. Неожиданный арест Г.И.Бокия 7 июня 1937 года и последовавшие затем аресты других "братьев" из этого сообщества, в том числе и самого А.В.Барченко, положили конец "Единому Трудовому Братству".

Расстреляли А.В.Барченко в апреле 1938 года. Еще раньше, 15 ноября 1937 года Особым совещанием НКВД был приговорен к расстрелу и его покровитель Г.И.Бокий [1390]. Среди обвинений, предъявленных ему, наряду со связями с английской разведкой и подготовкой покушения на И.В.Сталина, значилась, между прочим, и организация им масонской ложи.

Достойно упоминания, что следователь, ведший дело Г.И.Бокия и А.В.Барченко - некий Али Адхенович Али (бывший пом. нач. ОБХСС города Перовска Кызыл-Ординской области) был 15 июня 1938 года арестован и вскоре расстрелян [1391].

ОГПУ умело хранить свои тайны.

Стоит, видимо, упомянуть, что вскоре после этого пристальный интерес к Тибету проявляют в 1930-е годы нацистские спецслужбы, организовавшие туда три экспедиции СС под личным патронажем Гиммлера и Розенберга. Никаких Учителей, не говоря уже о входе во "внутреннюю полость Земли" они, конечно же, не обнаружили. Не нашел их и

Н.К.Рерих, которому помогал спецотдел Г.И.Бокия, хотя он и утверждал, что его экспедиция, как никто другой, была близка к цели. Но это уже несколько другая история.

Глава 21. Масоны в современной России

"Большой кабинет окнами на Садовое кольцо. Общественная организация, арендующая помещение в правительственной конторе. Отмечается день рождения видного журналиста. Среди гостей - зам. министра, руководитель Информагентства, солисты Большого театра, полковники (один из Минобороны, остальные из штабов частей), коллеги-журналисты. Хорошая компания, объединенная, казалось бы, случаем - общим знакомством с виновником торжества; возвышенные речи, подарки со значением, завязывание новых связей... И вдруг замечаешь на пальцах одного из присутствующих масонский перстень, в петличке пиджака другого - масонский значок. А тихий гуманитарий-доцент в очках, оказывается, поразительно похожим на Великого мастера, мелькнувшего инкогнито на телеэкране. Так вот, какие они масоны, вот их сфера действия - частная жизнь, совместные трапезы, полезные знакомства, вневедомственные коммуникации. Настраивание на один общий духовно-моральный камертон" [1392], - таким солидным и респектабельным предстает перед нами современное русское масонство со страниц демократических изданий. А ведь еще лет 10-15 назад ни о каких масонах в Москве не могло быть и речи.

"Если говорить серьезно, - пишет О.Ф.Соловьев, - то до конца 1980-х годов масонов СССР вообще не водилось; центры Ордена ничего не предпринимали для насаждения лож" [1393]. С эти можно было бы согласиться если бы мы ничего не знали о масонских ложах в Советской России в 1920-1930-х гг. Но в чем-то О.Ф.Соловьев прав: те ложи все-таки были ложами как теперь говорят "неправильными", то есть официально не признанными ведущими масонскими центрами Запада. И не потому что они этого не заслуживали. Масонскому патронажу из-за границы над интеллигентскими кружками и группами в Советской России препятствовало и весьма эффективно само государство в лице ОГПУ - НКВД - КГБ СССР. Да и существование таких кружков было вне закона и члены их как мы уже то же знаем подвергались жестоким репрессиям. Попытки диалога руководителей ряда масонских кружков 1920-х годов с властью с предложением своих услуг по "перемагничиванию" российской интеллигенции на сторону большевиков не увенчались успехом. Не помогло и непосредственное обращение одного из руководителей ленинградских масонов того времени Б.В.Кириченко (Астромова) к И.В.Сталину (1926 г.) [1394]. В масонских и около масонских кругах и по сей день сохраняется легенда, что якобы, узнав о просьбе "братьев" разрешить им работать на благо государства рабочих и крестьян вождь тут же распорядился принести ему список "красных масонов" после чего больше их уже никто не видел [1395].

Не жаловали масонов и последующие советские руководители. "Спрашиваю Великого магистра Великой ложи Великого Востока (Жан-Пьера-Рагаша-Б.В.), - пишет корреспондент "Правды" во Франции Владимир Большаков, - почему масоны на заре советской власти разошлись с ней? - Он отвечает: - Дело в том, что антимасонство было вмонтировано в саму идею советской системы, которая терпеть не могла рядом с собой какой-либо организации, не зависящей от тоталитарного государства и действующей абсолютно свободно. Когда в свое время у Хрущева спросили нельзя ли будет восстановить в России масонство он сказал: "Я не намерен запускать вшей себе под рубаху!" [1396].

Однако помимо масонства внутреннего существовало у нас на протяжении почти всей советской истории еще и масонство эмигрантское. И если советские масоны, лишенные связи с зарубежными масонскими центрами вынуждены были вариться в собственном соку, то эмигрантские ложи полностью направлялись и контролировались

зарубежными "братьями". Конечно сами масоны ничего предосудительного в этом тогда не видели, да едва ли видят и теперь. Однако непредвзятый взгляд на проблему позволяет усомниться в корректности такой позиции. "Подлинная политика Западной Европы, - писал еще в 1904 г. на страницах закрытого масонского журнала "Акация" его редактор известный в то время прогрессивный журналист Ш.Лимузен, - должна бы состоять в расчленении этого колосса, пока он еще не стал слишком опасным. Следовало бы использовать возможную революцию для восстановления Польши в качестве защитного вала Европы, а остальную часть России разделить на три или четыре государства" [1397].

"Конечно, - комментирует этот примечательный опус современный исследователь О.Ф.Соловьев, - в приведенных строках нетрудно обнаружить зримые черты генезиса заговора масонов против России. Бесспорно, здесь проявились важные подходы некоторых влиятельных кругов Запада, причем не только Парижа, но и Лондона". Однако преувеличивать значение масонских планов расчленения России, по его мнению, все же не стоит, так как основные параметры курса западных демократий определялись все же с учетом той роли, которая отводилась царизму, как мощному противовесу против Германии. Вариант расчленения России отрабатывался ими, по его мнению, про запас, на всякий случай и по настоящему был задействован только после Октябрьской революции 1917 г. [1398] Во исполнение его 23 декабря 1917 г. было подписано англо-французское соглашение о разделе России на сферы влияния западных держав. Суть его заключалась в курсе на расчленение страны при пособничестве антисоветских сил внутри России [1399]. Фактически это означало, что старый масонский план 1904 г. получал, таким образом, реальный шанс воплотиться, наконец, в жизнь. Что же касается наших "братьев-масонов", оказавшихся после 1917 г. в эмиграции, то им в рамках осуществления этого откровенно антирусского проекта отводилась незавидная роль подручных ведущих западных масонских центров.

Первая русская эмигрантская ложа - Астрея (достопочтимый мастер Ф.Ф.Макшеев) юрисдикции Великой ложи Франции была учреждена здесь еще в 1922 г. [1400] Активно работал с эмигрантами и другой масонский союз – Великий Восток Франции. Им были открыты ложи: Северное Сияние (1925 г.), Свободная Россия (1931 г.) и др. В 1928 г. общее число русских масонов во Франции превысило 400 человек. Около 100 русских масонов подвязалось в это время в ложах других стран Европы: Англии, Германии, Югославии [1401].

Главным объектом внимания "братьев-масонов" была все эти годы Советская Россия. Однако все их попытки забросить масонские сети на территорию СССР успехом не увенчались и в конце концов русским "братьям" досталась незавидная роль своеобразного масонского резерва с тем, чтобы в нужный момент они могли бы "возглавить любое идейное течение будущей России" (из письма председателя специального русского совета 33 градуса шотландского обряда Л. де Гойера Великому командору Верховного Совета Франции Ж.Раймону от 10 декабря 1955 г.) [1402]. Тем временем, ожидание этого "нужного момента" растянулось на многие десятилетия. Для русских масонов это имело самые катастрофические последствия: старые "братья" один за одним уходили на "Восток вечный"; новое же пополнение лож практически отсутствовало.

В результате, когда в 1991 г. давно ожидаемый "братьями" нужный момент масонского десанта в разваливавшийся на глазах изумленного мира СССР все таки наступил, выяснилось, что посылать то в Россию в принципе уже и некого.

Конечно, русских по происхождению в масонских ложах Франции не так уж и мало. Все дело, однако, в том, что несмотря на их русские корни настоящей их родиной была уже Франция и рассчитывать на их укоренение в России было нельзя.

Наибольший интерес к происходившим в конце 1980-х начале 1990-х гг. в СССР переменам и появившейся в связи с этим реальной перспективой возрождения здесь масонства проявили, как и следовало ожидать, масоны из наиболее влиятельной и политизированной масонской структуры Франции - Великого Востока Франции.

"Тихая парижская рю Кадет, - делится своим впечатлениями от посещения штаб-квартиры Ордена московский журналист Владимир Большаков. – Обычные жилые дома, маленькие забегаловки. На их фоне дом под номером 16 своим суперсовременным бетонно-алюминиевым фасадом напоминает средневековую многоэтажную крепость. Здесь штаб-квартира ложи Великий Восток Франции... Высший служитель масонского храма по имени "Великий Восток" Жан-Пьер-Рагаш встречает меня на пороге своего кабинета.

Почему-то я ожидал увидеть Великого магистра таким, как на журнальных фотографиях - в расшитом золотом парадном треугольнике с замысловатым орденом и шелковом фартуке, на котором вышиты циркуль, треугольник и еще какие-то масонские знаки отличия.

Мсье Рагаш, однако, был в цивильном пиджаке и скорее напоминал учителя старших классов, чем руководителя такого влиятельного тайного общества или по-масонски послушания как "Великий Восток" (на декабрь 1991 г. - 35 тысяч членов в 500 ложах) - ударного отряда почти что десяти миллионной всемирной масонской армии" [1403].

А началось все с того, что уже в 1990 г. руководство Великого Востока Франции установило неофициальный контакт с уже давно интересовавшимся масонством первым секретарем посольства СССР во Франции Юрием Рубинским. "Он сказал нам, - рассказывал Великий магистр этой ассоциации Жан-Пьер-Рагаш, - что возможность восстановить франк-масонство в Советском Союзе, без всякого сомнения, существует" [1404].

Однако, первым российским интеллигентом, посвященным в 1990 г. в одной из парижских лож Великого Востока Франции (L "Ouvre Fraternel) стал не он, а москвич, философ по образованию Г.Б.Дергачев. Инициатива исходила от самого Г.Б.Дергачева. Узнав, что его приятель француз-масон, Г.Б.Дергачев попросил его о содействии в приеме в ложу. 4 декабря 1990 г. по предложению уже самого Г.Б.Дергачева был посвящен, как и он сам сразу в третью степень и его друг - художник. Первоочередной задачей новоявленных советских масонов, возвратившихся из Парижа в Москву стала усиленная вербовка ими новых кандидатов в масонство среди своих друзей и знакомых. Справились они с ней блестяще.

В результате, когда представительная делегация Великого Востока Франции (отставной полковник французской армии А.В.Липский, историк А.Комб и др.) прибыла в апреле 1991 г. в Москву, ей было представлено еще пять москвичей, жаждущих посвящения. Состоялось оно 28 апреля 1991 г. в Подмосковье [1405].

Вместе с Г.Б.Дергачевым и его другом художником масонов в Москве стало уже, таким образом, целых семь человек. Это как раз то минимальное количество членов, которое необходимо для официального открытия масонской ложи. Ее в тот же день и открыли. Назвали ложу "Северная звезда". Возглавил ее, естественно, Г.Б.Дергачев. Регулярная работа ложи наладилась несколько позже - в ноябре 1991 г. Ровно через год после открытия Северной Звезды в апреле 1992 г., опять же, в Москве была открыта еще одна ложа Великого Востока Франции - Свободная Россия. Это дало возможность посещения Москвы самим великим мастером Великого Востока Франции Жаком Робером Рагашем.

Произошло это в начале июля 1992 г. Через год 11 июля 1993 г. в Москве были учреждены еще две ложи Великого Востока Франции: Северные Братья и Девять Муз. "Нам нечего скрывать и, конечно, нечего стыдиться, - заявлял тогда журналистам представитель или вернее куратор лож Великого Востока Франции в России еврей А.В.Липский. - Наоборот есть многое чем мы могли бы гордиться. Но гордость нам не нужна. Мы всегда предпочитаем молчание. С древних лет у нас существует такая традиция: мы скромно живем и творим как можно больше блага. Главное для нас - это жить в согласии со своей совестью и помогать людям жить во взаимопонимании и дружбе" [1406].

В Москве на 1994 г. было уже четыре ложи Великого Востока Франции. Пятая - Полярная Звезда открылась 12 июня 1994 г. в Архангельске. Для руководства ложами Великого Востока Франции в России еще в декабре 1992 г. была учреждена (правда, не в Москве, а в Париже) так называемая административная ложа "Григорий Вырубов" во главе с А.В.Липским. Дела у политических масонов шли, таким образом, настолько хорошо, что возникла мысль об учреждении, на основе уже существующих лож своего собственного ордена - Великий Восток России, в связи с чем, был разработан проект его "Конституции" [1407].

Однако, далеко идущим планам политических "братьев" из Великого Востока Франции не суждено было сбыться. Помешала им измена в 1992 г. достопочтимого мастера Северной Звезды уже известного нам Г.Б.Дергачева, внезапно перешедшего со своими сторонниками в союз другого масонского объединения Франции - Великую Национальную ложу Франции. Много неприятностей руководству Великого Востока Франции доставил и Жак Орефис - новый куратор русских лож с 1992 года. Именно он открывал в апреле этого года ложу "Свободная Россия" в Москве. Вскоре, однако, выяснилось, что мастер нечист на руку. Уличенный в присвоении значительных средств, отпущенных на организацию масонских лож в России Жак Орефис был исключен из Ордена. Разочаровавшись в русских братьях руководство Великого Востока Франции в 1996 году приняло решение закрыть (на время, конечно) все свои ложи в России. Однако, уже в 1997 г. была открыта мастерская этого союза - "Москва". Получила разрешение в 1998 г. на возобновление своих работ и прикрытая ранее парижскими "братьями" ложа Северная Звезда (Москва) и масонская ложа Воскресение в Санкт-Петербурге.

Однако, об организации в России на их основе нового масонского союза Великий Восток России масоны уже не говорят.

Не просто складывались в России дела и другого масонского либерального союза Франции - Великой ложи Франции. Еще в январе 1991 г. в Париже была учреждена специальная русская ложа - "Александр Сергеевич Пушкин" во главе с евреем К.В.Мильским. Цель у нее была одна - организация первых масонских лож Великой ложи Франции на территории СССР. 22 марта 1991 г. через диктора радиостанции "Свобода", вещавшей на территорию СССР – Фатиму Салказанову было объявлено об организации масонской ложи в России, причем желающие вступить в нее должны были написать об этом в штаб-квартиру Великой ложи Франции на рю Пюто, 8 в Париже.

Желающие получить посвящение, разумеется нашлись. Но приглашать их с этой целью в Париж расчетливые французские "братья" нашли нецелесообразным. Вместо этого руководство Великой ложи Франции решило направить в Москву семь "братьев" русского происхождения - ровно столько, сколько необходимо для открытия там временной масонской ложи. "Существует очень простая практика, - откровенничал Великий магистр Великой ложи Франции Мишель Бара. - Да, нужно семь человек, и на место едет столько, сколько не достает. Так было и в этом случае. Семь человек выехало в Россию.

- Это были советские граждане или командированные отсюда? Или вы создали нечто вроде совместного предприятия? допытывался корреспондент. - Нет. Не советские. Но они поехали туда и там начали работать. И посвятили в масоны нескольких советских граждан. Точнее русских. После этого, завершив свою миссию, они уехали".

Конечно же, ехали "братья" в СССР не с пустыми руками. И речь здесь не только о деньгах. Делегацию или вернее мобильную масонскую ложу с рю Пюто сопровождали две машины, доверху набитые масонским оборудованием. Помимо современной аппаратуры, без которой уже не обходится ни одна масонская ложа, были тут еще и фартуки, мечи, мастерки и даже канделябры со свечами. В общем, весь масонский арсенал. Ведь начинать "братьям" в Москве приходилось с нуля.

В Москву они добрались благополучно, хотя и опасались таможни. Однако, события в Москве (дело было в конце августа 1991 г.) их основательно напугали.

Возникли даже сомнения: уж не поторопились ли они? До поры до времени московские профаны прятали французских "братьев" на одной из подмосковных дач. Вскоре, однако, стало ясно: "путч" гэкачепистов провалился. Путь для внедрения масонства в России был окончательно открыт [1408].

30 августа 1991 г. на одной из подмосковных дач посланцам Великой ложи Франции удалось, наконец, учредить здесь свою первую масонскую ложу - "Николай Новиков". В дальнейшем к ней присоединилась еще одна московская ложа - "Лютеция" (основана 30 октября 1993 г.). Была учреждена соответственно (в августе 1994 г.) и петербургская ложа союза Великой ложи Франции, поучившая типично петербургское название - "Сфинкс". Внутренние неурядицы между "братьями" не обошли стороной и мастерские Великой ложи Франции: к 1997 г. московская ложа "Лютеция" из-за убыли "братьев" вынуждена была временно прекратить свои работы.

Кризис русских лож Великого Востока Франции и союза Великой ложи Франции далеко не случаен. И дело тут совсем не в отсутствии должной дисциплины в их мастерских. Проблема в том, что Великий Восток и Великая ложа Франции олицетворяют собой политическое или либеральное направление в масонстве.

Главный ориентир "братьев" этих послушаний - не нравственное "просветление" человека, а борьба за торжество демократических и либеральных ценностей в мире, а это, как мы понимаем, далеко не одно и то же. Впрочем, понимают это и сами "братья". Не успели "политические масоны" организовать на территории России свои первые ложи, как уже 5 июня 1993 г. поспешили подписать между собой, то есть русскими ложами Великого Востока и Великой ложи Франции, масонский договор в Страсбурге (текст его опубликован) [1409], где прямо заявили, что борьба за создание "единой политической и социальной Европы" является их, то есть русских масонов, первостепенной задачей. Даже при самом благожелательном отношении к масонам и масонству нельзя не признать, что от декларации этой здорово попахивает старым масонским планом расчленения России, ибо в том виде, в каком она сохраняется на конец XX в., в Европу Россию никто не пустит; для этого она еще слишком сильна и велика. Явно масонским душком веет, в связи с этим, и от демократических планов дальнейшей федерализации России и превращении ее в 30-40 самоуправляющихся республик и краев, после чего распад государства был бы в принципе неизбежен. Все это видно, как говорится, даже невооруженным глазом и не может не вызывать отторжения у людей. Отсюда и неурядицы в русских ложах либерального масонства.

Но масонство на Западе, в том числе и во Франции отнюдь не исчерпывается, так называемыми, либеральными ложами. Существует, более того, в мире оно как раз и является преобладающим, еще и так называемое регулярное или "правильное" масонство, тесно связанное с Великой ложей Англии и ориентирующееся на традиционные масонские ценности нравственного порядка и сторонящееся, по крайней мере, формально от активного участия в политической борьбе. Во Франции это направление представляет Великая национальная ложа.

Штаб-квартира Великой национальной ложи Франции расположена в одном из пригородов Парижа - Нейи. "Если у человека на банковском чеке видно, что он проживает в Нейи, - рассказывает побывавший здесь журналист, - документов у него уже никто не спрашивает. Адрес - солидная рекомендация. Великая национальная ложа Франции прописана в Нейи на бульваре Бино, дом 66. В уютном дворе, который с улицы не виден, стоят машины. По маркам можно сказать, что их владельцы далеко не бедные. Великая национальная ложа Франции, вот и вся вывеска при входе в штаб-квартиру ложи - одной из самых влиятельных во Франции и самых при этом проамериканских. На проходной, где никаких служителей нет, об этом напоминают американские масонские календари и поздравительные открытки" [1410].

Неудивительно поэтому, что именно это послушание как раз и нашло наибольший отклик среди масонствующей московской интеллигенции. Первая ложа этой ассоциации в

Москве - "Гармония" была учреждена 14 января 1992 г. [1411] специально прибывшей из Парижа масонской делегацией. "Начальниками" ложи стали: А.А.Римский-Корсаков (первый страж), В.С.Шидловский (второй страж) и уже известный нам Г.Б.Дергачев (достопочтимый мастер). Самое любопытное, что в этот день с завидной оперативностью в качестве общественной организации ложа была зарегистрирована в московском управлении юстиции.

Завесу на тайной создания первой московской ложи Великой национальной ложи Франции приподнимает интервью Владимира Большакова с Великим секретарем Великой национальной ложи Франции Трестурнелем. "Где же посвящали и обучали тех русских масонов, которые 14 января этого года открывали свою ложу в Москве? - спрашивает журналист. - Здесь, - отвечал Великий секретарь. - Они приезжали, жили здесь некоторое время, потом уезжали, потом опять приезжали ...". "Но ведь это есть нелегальщина чистой воды. А вы говорите, что не действуете нелегально? - не отстает корреспондент - Конечно, не действуем. Ваши профаны, то есть не посвященные, приходили к нам во Франции. Мы их не искали в России. Разве нам следовало их выставить за дверь, потому что масонство не нравилось вашим властям? Мы их принимали по их просьбе. И обучали. И теперь их около 20 человек. Они сформировали эту ложу. Из русских.

Из тех, что живут здесь, во Франции. И из тех, кто там, в России. Они уже там. Они будут работать, принимать в свои ряды новых членов, посвящать профанов мало-помалу. Со временем, они создадут вторую, а затем и третью ложу. Такова цель" [1412].

На первых порах не все, конечно, ладилось у новоиспеченных московских "братьев". На поверку оказалось, язвительно писал в этой связи "Московский комсомолец", что далеко не всех из них привела в ложу их приверженность "чистым идеалам" масонства. "Больше всего им, очевидно, нравились поездки в Париж, куда их возили перенимать опыт. По слухам, двое русских "братьев" прославили себя тем, что пытались "впарить" парижским "братьям" скатерть, якобы, принадлежавшую Николаю II. А потом, прихватили из хозяйского холодильника весь запас спиртного" [1413].

Но это, конечно же, мелочи.

7 сентября 1992 года в Москву прибыла новая делегация Великой Национальной ложи Франции из семи человек во главе с С.В.Гардером. Она произвела ревизию состояния дел с организацией масонства в России и установила уже известную нам ложу - "Гармония", в качестве официальной ложи союза Великой Национальной ложи Франции под номером 698. В ходе этого визита в Москве получили посвящение сразу 12 русских "братьев" [1414].

В период 1992-1993 гг. к двум уже существовавшим ложам этого союза присоединилось еще три: "Лотос" (1993, Москва), "Гамаюн" (Воронеж) и "Новая Астрея" или просто "Астрея" (Санкт-Петербург). Во многом этот успех стал возможен благодаря переходу в них "братьев" из либеральных лож Великого Востока и Великой ложи Франции. Особенно заметен был отток "братьев" из Северной Звезды в Москве и Сфинкса в Санкт-Петербурге. Много "братьев" ушло и из Полярной Звезды в Архангельске. Покидая либеральные ложи масоны тут же переходили под знамена Великой Национальной ложи Франции, пополняя ряды новых ее русских лож.

Особенность Великой Национальной ложи Франции - это наличие в ней довольно таки развитой системы высоких степеней (33 степени), причем характерно, что французские "братья" не скупились на отличия сразу вознося изумленных русских на самую вершину масонской иерархии. Это позволило им объединить новоиспеченных обладателей "высших градусов" в особые ложи: "Сократ" (для четвертой - четырнадцатой степени), Суверенный Капитул Розенкрейцеров "Роза России" (для "братьев" восемнадцатой степени), ареопаг "Святой Георгий" (для "братьев", посвященных в тридцатую степень), трибунат "Озирис" (для тридцать первой степени) и консисторию "Михаил Гардер" (для тридцать второй степени). Название последней требует пояснения, так как

именно Михаил Гардер (умер в 1993 г.) - представитель Великой Национальной ложи Франции как раз и курировал образование первых масонских лож этого союза в России.

Очевидный успех, достигнутый Великой Национальной ложей Франции на пути насаждения масонства в России позволил ей учредить 24 июня 1995 года Великую Национальную ложу России. Фактически это означало отделение или "независимость" русских регулярных масонов от Великой Национальной ложи Франции. Официальное открытие Великой ложи России происходило в одном из залов ЦДРИ в двух шагах от знаменитой Лубянки. На церемонии и последовавшим после нее банкете в "Центральном" было замечено немало зарубежных гостей. Первое место среди них занимала, естественно, делегация Великой Национальной ложи Франции во главе с Великим мастером Клодом Шарбонье. "Среди тех, - кого пришлось увидеть на церемонии, - отмечал корреспондент "Коммерсант Daily", - были люди действительно разного достатка и профессии. Кое-кто явно отдал на банкет если не последние, то предпоследние, но были и те, кто "стоит" в долларах немало".

Были среди гостей и банкиры, о чем свидетельствует подарок, сделанный Интурбанком Великому мастеру Великой ложи России Г.Б.Дергачеву: мастерский перстень с одиннадцатью бриллиантами. "Похоже, что "русские каменщики", в конце концов, найдут спонсоров, заинтересованных в масонских контактах и выйдут из денежного прорыва", - язвительно замечает в связи с этим корреспондент "Коммерсант Daily". Что же касается присутствия на масонском торжестве российских политиков, то полной неожиданностью для него стала встреча здесь только что вернувшегося из Буденновска "добровольца", который "спасая заложников, проследовал с террористами Шамиля Басаева в Чечню" (Сергей Ковалев, "правозачинщик" - В.Б.). Как и следовало ожидать на его долю выпало не меньше поздравлений, чем на долю Великого мастера Г.Б.Дергачева [1415].

Следующим шагом регулярных русских масонов после образования Великой Национальной ложи России стало учреждение ими в июле 1996 г. из масонов-обладателей высшей тридцать третьей степени еще одной масонской структуры - Верховного Совета России, как высшего органа для регулярных масонских лож.

Большим успехом Великой ложи России и ее Верховного Совета стало их признание со стороны материнской Великой ложи Англии. Общее число лож этой ассоциации достигло уже одиннадцати, причем восемь из них: "Гармония", "Лотос", "Аврора", "Юпитер", "Четыре Короны", "Северное Сияние", "Братская Любовь" и "А.С.Пушкин" располагаются в Москве.

Обращают на себя внимание национальные (нерусские) ложи:
Северное Сияние - для армян, (основана 28 ноября 1998 года) и как это не странно - для турок - Братская Любовь (основана 6 марта 1999 года). Есть в Москве и англоязычная ложа - Аврора, состоящая из проживающих в Москве иностранцев. Собственно русских лож этого послушания в Москве, таким образом, всего пять. По одной масонской ложе имеется в Воронеже (Гамаюн), Полярная Звезда (Архангельск) и Астрея (Санкт-Петербург) [1416].

Несмотря на то, что на дворе уже, можно сказать, почти что XXI век в обрядности регулярных масонов Великой ложи России мало что изменилось по сравнению с обрядностью их далеких предшественников XVIII-XIX вв., хотя на масонские собрания теперь положено приходить не иначе как в черном костюме с галстуком или бабочкой. Однако, по-прежнему обязательными являются для "братьев" фартук и широкая лента поверх пиджака: до 3 градуса - голубая и белые перчатки на руках. Не менее традиционен и обряд посвящения. Снимается один ботинок, штанина закатывается до колен, а рубашка надевается так, чтобы одно плечо и рука оставались обнаженными. На шею надевают веревочную петлю, завязывают глаза. Испытуемый проходит символическое испытание водой, воздухом, огнем и мечом; слышит как точат ножи, звенят мечи, то и дело натыкается голой грудью то на шпагу, то на молоток своих "братьев". Все это призвано

подчеркнуть духовные стремления испытуемого и препятствия, которые он встретит на своем пути. После того, как посвящаемый приносит наконец присягу, повязка с его глаз снимается. Новоиспеченному "брату" повязывают фартук, и вручают две пары перчаток: одну он надевает сам, другая предназначается его супруге или даме сердца. Заканчивается все, как правило, агапой, то есть обильным праздничным ужином [1417].

Но это праздничное, так сказать, мероприятие, связанное с приемом в ложу нового "брата". Обыкновенные же собрания современных российских регулярных масонов, по отзывам присутствовавших на них, однозначно скучны и больше всего напоминают научные семинары и конференции и посвящены, как правило, обсуждению разного рода богословских, философских, исторических и морально-этических проблем. К этому можно еще прибавить, что в конце заседания ложи один из ее начальствующих членов (дародатель) обязательно обходит "братьев", с так называемой "кружкой вдовы" для пожертвований нуждающимся членам ложи. Кроме того, существует еще и обязательный взнос - и немалый - 50 долларов в год с "брата" [1418].

Впрочем, и масоны, как правило, люди не бедные, хотя сами они непрерывно жалуются на скудость своих финансов. "Пожертвования, конечно, есть, - говорит Великий магистр Великой ложи России Г.Б.Дергачев, - но средств не хватает. Нужно, например, создавать Храм; до сих пор мы кочуем из одного арендованного помещения в другое. Высоких покровителей у масонов в России, хотя об этом много говорилось, нет. В частности, даже упоминалось имя Президента. Это не так. Насколько мне известно, Борис Ельцин покровительствует Мальтийскому Ордену. Этот Орден чем то похож на масонский. Но к масонам не имеет отношения. У нас есть сочувствующие, в том числе и во властных структурах и в Думе, но чаще там доминирует страх. Нужно время" [1419].

Общая численность "братьев", принадлежащих к мастерским Великой ложи России уже давно перевалила за 100 человек, причем, как уверяет Г.Б.Дергачев все они не только верующие, но и в массе своей коренные русские православные люди [1420].

Подчеркивание Г.Б.Дергачевым православности современных российских масонов не случайно. Стремясь преодолеть негативное отношение к масонству русских людей его руководители не скупятся на дифирамбы по отношению к России. "Дух" на Западе, заявляет, например, все тот же Дергачев, уже утерян. Многие масоны даже на Западе, уверяет он, считают, что если и произойдет настоящее возрождение масонства в мире, то это произойдет обязательно только в России.

Успех Великой Национальной ложи Франции в России во многом был обеспечен благодаря неутомимой деятельности куратора русских лож от этой ассоциации полковника Михаила Гардера (род. в 1916 г. в Саратове) - сотрудника французских спецслужб еще с 1940 года. Кадровым военным и тоже полковником французской армии был и первый куратор русских лож со стороны Великого Востока Франции А.В.Липский - активный участник спецопераций в Алжире и Индокитае.

Непростая биография и у К.В.Мильского, курировавшего русские ложи Великой ложи Франции в России. К.В.Мильский много лет прожил в Китае и отсидел там по обвинению в шпионаже, в общей сложности, восемнадцать лет, сначала в гоминдановских, а затем и маоистских лагерях [1421].

Все трое родились, в свое время, (в 1916 г.) в России. Но скорее всего, отнюдь не это чисто формальное обстоятельство было главным, когда решался вопрос о поручении им организации первых масонских лож в нашей стране. Из этого, конечно, еще не следует, что все масоны - обязательно агенты спецслужб, но когда организацией масонства занимаются полковники (пусть и в отставке) иностранных государств, набившие руку на спецоперациях в Алжире, Индокитае и других государствах призадуматься над побудительными мотивами их очень уж активной деятельности по насаждению масонства в нашей стране, видимо, все-таки, стоит.

Но вернемся к регулярному масонству во главе с Великой ложей России и ее Верховным Советом. Несмотря на очевидные успехи движения едва ли не основное место

в ее деятельности по-прежнему занимает пропаганда масонства через средства массовой информации и пополнение своих рядов новыми адептами Ордена. Что же это за люди? - Конечно же это, в первую очередь, наши российские интеллигенты (половина из них москвичи) в возрасте от 30 до 40 лет; есть студенты и даже люди предпенсионного возраста, но их немного. Больше всего в мастерских Великой ложи России преподавателей вузов и школ - историки, философы, экономисты, врачи. Есть военные (конечно же офицеры) и коммерсанты [1422].

Что же касается мотивов их вступления в ложи вольных каменщиков, то вот как объясняет это один из уловленных "братьев" учитель по профессии - Виктор.

"Меня увлекали идеи перестройки, демократии. Потом наступило разочарование. Тут один знакомый сказал мне, что есть братство людей, не занимающихся политикой; их усилия сконцентрированы на духовном самосовершенствовании. Меня это очень заинтересовало... В ложе я могу заниматься религиозной, духовной практикой, оставаясь светским человеком. Здесь я ощутил чувство локтя, тыла. Когда заболела мама "братья" по ложе помогли мне больше родственников. Кроме того - ложа это своеобразный мужской клуб" [1423].

Широко используют масоны для привлечения в свои ряды новых членов и заказные рекламные статьи. Как типичный пример, можно привести материал Александра Колпакова "Братство вольных" в "Московском комсомольце" за 13 августа 1997 г., в конце которого всем заинтересовавшихся масонством предлагается написать по указанному, здесь же адресу: 103001, Москва а/я 83. Надо полагать, "мастеру" г-ну Гурьеву, которого интервьюировал А.Колпаков [1424].

Любопытное свидетельство о характерных приемах вербовки современными масонами адептов Ордена приводит В.М.Острецов, столкнувшийся с ними во время своей работы в читальном зале Особого архива (1993 г.). "В маленьком зале сидели мужчины и женщины. Как выяснилось из Германии. Седовласый мужчина крупного телосложения, скорее славянского типа. Узнав, что я работаю над масонским архивом и имею публикации, связанные с масонством, он спросил, не масон ли я. При этом доктор К., представившись отвернул лацкан пиджака и показал на маленький значок - циркуль с наугольником из желтого металла. А после недолгого оживленного разговора о публикациях в России о масонской теме - истории Ордена спросил, не хочу ли я вступить в члены Ордена... В случае принятия предложения мне будут даны возможности пользоваться масонскими архивами лож и публиковаться в изданиях Ордена. Кроме того, взяв чистый лист бумаги, он написал печатными буквами фамилию одного известного человека, его координаты и сказал, что если я захочу стать членом ложи, то мне нужно будет связаться с этим человеком" [1425].

В.М.Острецову можно верить, так как автор этих строк тоже имел подобную встречу с адептами Ордена.

Дело было летом 1991 г. - это как раз то время, когда руководство практически всех трех послушаний французского масонства осуществляло высадку массированного десанта своих "братьев" в Советский Союз. То что, высадку эту осуществляли именно французские масоны не было, конечно, случайностью, а следствием специального соглашения между ведущими масонскими ассоциациями о разделе сфер влияния в мире. Конечно, не следует думать, что французские "братья" предлагали в это время вступить в масонскую ложу едва ли не первому встреченному ими русскому интеллигенту. Нет. Но определенный элемент некоей стихийности этого процесса все же был. Так достаточно было мне опубликовать в 1990 г. в одном из ленинградских журналов небольшую работу по истории масонства дореволюционной России, как меня тут же вычислили, причем не в России, а во Франции, отнеся к числу возможных кандидатов в вольные каменщики. Убедительное свидетельство этому - полученное мною в конце июня 1991 г. несколько странное письмо из Москвы от некоего Филиппа Кавафяна - представителя французской Электрической компании в Москве, которое я привожу здесь полностью.

"Уважаемый господин Брачев, - говорилось в нем. - Мы познакомились с вашими статьями, опубликованными в 8 и 9 номерах "Ленинградской Панорамы" за 1990 год. Технический переводчик г-жа БОРИ, которая перевела эти статьи, попросила меня связаться с Вами и передать, что французские специалисты проявляют интерес к теме, затронутой в Ваших статьях. Они могли бы встретиться с Вами по Франции. Я буду в Ленинграде в 20-х числах июля и мог бы встретиться с Вами для обсуждения этого вопроса. Если эта встреча не состоится в этот период, то мне было бы приятно встретиться с Вами в Москве в конце июля или в августе. К настоящему письму прилагаю визитные карточки. В ожидании нашей встречи прошу принять, уважаемый господин Брачев, мои уверения в искреннем к Вам уважении. Филипп Кавафян".

Увы, в прекрасный Париж за счет французских масонов я так и не съездил. Однако, я не настолько самонадеян чтобы думать, что только моя более чем скромная фигура (в то время ассистента ЛГПИ А.И.Герцена) могла привлечь внимание руководителей французского масонства. Нет сомнения, что письма аналогичного содержания получили в то время многие наши интеллигенты. А уж не съездить на "халяву" за счет французских масонов в Париж было бы и вовсе грешно. Они и съездили, можно в этом не сомневаться. Съездили, а теперь отрабатывают вложенные в них деньги в российских масонских ложах.

Но это, так сказать, одна сторона дела. Другая заключается в том, что письмо Филиппа Кавафяна приоткрывает, как мне представляется, тайну персонального состава современных масонских лож: ведь одним из первых кандидатов в ложу оказался исследователь масонства. Так что к известным нам именам современных русских масонов: философа по образованию Г.Б.Дергачева, профессора В.И.Новикова, А.А.Римского-Корсакова и В.С.Шидловского читатель смело может прибавить еще с десяток имен исследователей и пропагандистов масонства в нашей стране.

Любопытное впечатление о своих контактах с масонами и масонством приводит и уже известный нам историк О.А.Соловьев. Произошло это, однако, уже не в читальном зале архива, как в случае с В.М.Острецовым, а в другом не менее примечательном месте - филиале Музея революции в Москве на Моховой, дом 6 в ноябре 1994 г. на научных чтениях, посвященных 250-летию со дня рождения одного из столпов русского масонства Николая Ивановича Новикова.

В качестве независимого исследователя принимал участие в этих масонских "чтениях" и О.Ф.Соловьев. "Итак, - пишет он, - в средний по размерам лекционный зал пришло до 50 мужчин и несколько женщин моложавого вида. Среди них можно было опознать и настоящих масонов, приветствовавших друг друга троекратным "братским" поцелуем ... Вскоре, - продолжает О.Ф.Соловьев - подошел куратор от Великого Востока Франции А.В.Липский в сопровождении двух персон от этого послушания. Председательствовал доктор исторических наук, переводил гостям Липский. Выступления отмечались неоднозначным уровнем; некоторые были глубокими, другие слишком многословными. Аудитория внимала им с глубоким молчанием и лишь после каждого доклада следовали вопросы и реплики. Ход чтений отличался респектабельностью в лучшем академическом духе. Полемизировать друг с другом или давать оценки текущих событий участники встречи почти не отваживались. В их демократическом настрое и лояльности властям сомневаться не приходится" [1426].

О.Ф.Соловьев искал среди присутствующих сколько-нибудь известных деятелей политической или финансовой элиты современной России. И не нашел. "Большинство принадлежало к ученому миру; видных политических или государственных мужей что-то не приметил", - свидетельствует он [1427].

Это и неудивительно, - добавим мы от себя. Что забыли российские политики на конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Н.И.Новикова? Но похоже, в самом деле, с привлечением в масонские ложи сколько-нибудь заметных политических деятелей пока еже не все ладно. Крупных политических деятелей, заявляет уже цитировавший нами руководитель "регулярного" масонства в России, у нас нет. Но если

они придут, добавляет скромно мастер, то "мы только будем рады, это повысило бы авторитет братьев, но это не самоцель. Главное, чтобы человек соответствовал нашим условиям". Впрочем, отдельные представители политической и финансовой элиты в масонские ложи все же пришли: уже в правительстве Е.Т.Гайдара, как выясняется было два министра-масона, принадлежавших к ложам Великого Востока Франции [1428].

Сам Егор Тимурович энергично отрицает свою прикосновенность к масонским ложам: "Нет, с масонством я знаком только по книгам" [1429].

Но Великий Восток Франции, как мы знаем, это ярко выраженное политическое масонство. "Регулярные" же масоны, как правило, стараются избегать прямых выходов на "злобу дня". "Мы строго придерживаемся одного из основных принципов масонства - быть вне политики. Мы никогда не обсуждаем политических проблем на своих заседаниях. Не принимается никаких политических деклараций, ибо политика разъединяет людей", - утверждает один из руководителей Великой ложи России Владимир Новиков [1430].

Не следует сбрасывать со счетов и незавидную в целом репутацию, которой традиционно пользуются масоны в России. Все это, конечно же, побуждает российских политиков, даже радикально демократической ориентации, весьма осторожно относиться к масонству и по крайней мере стараться публично "не светиться" на масонских тусовках.

Можно констатировать, что возрождающееся в нашей стране масонство делает только свои первые шаги и похоже пока еще не совсем определилось окончательно: будет ли оно откровенно политическим, подобно Востокам Франции и Италии, или, как в большинстве англо-саксонских стран, предпочтет все же прикрыться фиговым листком религиозно-нравственного просветления человечества. Но уже сейчас, впрочем, ясно, что побеждают судя по всему сторонники второго пути, видящие свою главную цель не столько в непосредственном участии в политической борьбе, сколько в отборе, формировании и воспитании через масонские ложи прозападно ориентированной политической элиты либерально-демократического толка для нашей страны.

"Это не секта, не партия и не религия, - заявляют российские масоны. Это не выше и не ниже религии; просто находится на другом уровне. Это философия жизни, духовное учение о постоянном самосовершенствовании" [1431].

В идеологическом плане современные российские масоны независимо от "послушания", к которому они принадлежит, люди, как правило, демократических и либеральных воззрений, "стоящие на позициях толерантности и гуманизма, нравственной философии, естественных прав и свобод человека. Это внесословная, внеклассовая, внеконфессиональная и наднациональная организация, в которой осуществляется общее распространение взглядов, нравственное совершенствование, мистико-символическая практика" [1432].

Понятно, что люди такого сорта можно сказать находка для западных стратегов переустройства современного мира на "демократических" началах американского образца и большое несчастье для их собственной страны.

Любопытен в этой связи пассаж О.Ф.Соловьева, констатирующего банальный, в общем то, факт, что мировое масонство "бесспорно сочувствовало и косвенно содействовало проведению согласованной политики Запада в "русском вопросе"", но самостоятельного значения его в деле распада СССР, якобы, не имело из-за отсутствия на его территории "в первую очередь своих главных рычагов - лож".

Хочет того О.Ф.Соловьев или нет, но из этого следует фактическое признание им того в общем то бесспорного факта, что так называемые "национальные" масонские ложи есть один из мощнейших очагов влияния мирового масонства на национальные государства, его своего рода пятая колонна в них. Впрочем, ничего нового тут нет. В этом масонов подозревала еще Екатерина II.

Но вернемся к О.Ф.Соловьеву. Итак, в 1980-е гг. утверждает он, мировое масонство самостоятельного значения в деле распада СССР не имело, так как у него не было здесь

масонских лож. Но сейчас то, после 1991 г. масонские ложи у нас уже есть и не одна и, если следовать логике рассуждения О.Ф.Соловьева, влияние мирового масонства на внутриполитические события и внешнюю политику России должно бы быть весьма и весьма ощутимым. Однако, у О.Ф.Соловьев на это счет свое мнение. "Возрождение братств идет пока медленно, их воздействие на внутреннюю и внешнюю политику пока не просматривается. Доморощенные адепты при всем том понятно относятся к демократиическому лагерю и содействуют его успехам", - уверяет нас О.Ф.Соловьев [1433].

Почтенный ученый делает вид, что не знает, что русские масоны 1990-х гг. это ни какие не доморощенные, а самой что ни на есть европейской (французской) пробы, и ложи, в которых они состоят, самые что ни на есть настоящие или правильные ложи, утвержденные и признанные не только Великой Национальной ложей Франции, но и Великой ложей Англии. Однако, с формальной стороны О.Ф.Соловьев безусловно прав. За годы своего существования в современной России русское масонство действительно так и не смогло добиться того, на что рассчитывало. Как пишет С.П.Карпачев "хотя Великая ложа России признана большинством мировых послушаний консервативного направления, но российское королевское искусство не приобрело сколько-нибудь массовую социальную базу и не превратилось даже в минимально значимую общественную силу; оно не смогло обеспечить себя материальными средствами, создать свой центр (храм), наладить выпуск периодического издания. Вся история отечественного масонства показывает, что оно чуждо национальным устоям, заимствовано из иной цивилизации и, по крайней мере, в ближайшее время не имеет каких-либо серьезных перспектив развития" [1434], - пессимистически заключает он.

И опять-таки с этим можно было бы согласиться, если бы мы не знали, что помимо масонства патентованного, официального в виде официальных масонских лож существует еще, прежде всего на Западе, и масонство неофициальное, или полумасонство, адепты которого разделяя взгляды и цели масонов, но не желая связывать себя рутинной работой в ложах над своей нравственностью "кучкуются" преимущественно в разного рода элитарных масонских клубах, фондах и комиссиях: Магистериум, Ротари-клуб, Пен-центр и другие.

На Западе эти организации не только играют роль своеобразных филиалов масонских лож, но и зачастую прямо подменяют их.

О том, что такого рода клубы для элиты появились в 1990-е гг. и у нас, неоднократно сообщалось в печати. Не представляет большого секрета состав их участников. Так что предположение, что именно здесь и следует искать скорее всего настоящих современных российских масонов не лишено некоторых оснований. Справедливости ради следует отметить, что сами масоны энергично отрицают это. "С масонством, - сетует, например, Г.Б.Дергачев часто путают Лайнз-клуб, Ротари-клуб, Мальтийский Орден, Бнай-Брит и так далее, т.е. вольных каменщиков критикуют за деятельность других, сходных с ними организаций" [1435].

Прямо противоположного мнения на этот счет держится московский профессор-американист О.А.Платонов. Если в Америке Ротари-клуб или Лайнз-клуб - это подмасонские организации, то почему в демократической России, которая во всем подражает Западу, это должно быть иначе. Конечно, надо понимать, что это в известной степени умозрительное допущение. Поэтому обратимся к фактам.

Первая организация такого рода копирующая западные образцы - "Ротари-интернейшнл" возникла по инициативе группы энтузиастов еще в июне 1990 г. Среди ее первых членов такие известные тогда люди, как ныне бывший мэр А.Собчак, банкир В.Гусинский, журналист Э.Сагалаев и другие. В 1992 г. в Москве создается Международный Русский клуб. Среди первых членов его: М.Бочаров, П.Вощанов, С.Федоров, генерал К.Кобец - всего 40 человек. В том же 1992 г. по образцу знаменитого Бильдербергского клуба был образован его московский двойник - клуб "Магистериум", куда вошли: А.Яковлев, Е.Евтушенко, С.Шаталин [1436].

Не забыл упомянуть О.А.Платонов в своем "масонском" списке М.С.Горбачева и Б.Н.Ельцина, засветившихся на посвящении в "братья-рыцари" Мальтийского Ордена (первый в 1990 г., а второй в 1994 г.). М.С.Горбачева у нас сегодня уже никто не защищает, но у Б.Н.Ельцина защитники нашлись. Орден, в который посвятили Б.Н.Ельцина, утверждают они, католический и никакого отношения к масонству не имеет. Все было бы хорошо, если бы не случился скандал. Как выяснилось из интервью Великого канцлера Мальтийского Ордена сам он узнал о факте посвящения Российского Президент только из сообщений прессы [1437].

Недоумения разрешил историк О.Ф.Соловьев, выяснивший, что на самом деле М.С.Горбачев и Б.Н.Ельцин получили посвящение не в Мальтийский Орден, а всего лишь в дополнительную степень "рыцаря Мальты" тамплиерской организации США [1438].

А это, как ни крути, уже масоны, хотя и "неправильные".

Как бы то ни было, общее число масонов в современной России, как уже отмечалось, едва ли превышает цифру в 200-300 человек. Но это только известные нам ложи "французского обряда", т.е. пришедшие или, правильнее сказать, занесенные к нам из Франции. Но ведь масонские ордена имеются не только во Франции, но и в других странах. Логично предположить, что воспользовавшись переменами, произошедшими в начале 1990-х годов в России, они тоже учредили или, во всяком случае, попытались учредить здесь свои мастерские.

И действительно, в печать уже просочились сведения о попытках учреждения в России масонской ложи "Великий Свет Севера", работающей по актам одноименной русской эмигрантской ложи в Берлине 1920-х годов системы германского масонства.

Появились сообщения и об образовании в Москве и Петербурге нескольких лож, принадлежащих к американскому масонству йоркского ритуала. Но о деятельности и количественном составе их мы, к сожалению, ничего не знаем.

Попытки назвать общее число масонов всех систем, действующих сегодня на территории России, обречены в этих условиях на неудачу. Тем не менее, профессор О.А.Платонов считает, что, по крайней мере, "число членов всех масонских лож в России - не менее двух тысяч человек". Называет он и приблизительное число собственно масонских лож, то есть таких кружков и групп, в которых соблюдаются традиционные обряды и ритуалы вольных каменщиков. Таковых, по его мнению, не менее 160 [1439].

Доказательств, естественно, никаких, так как в масонские ложи О.А.Платонов сам, судя по всему, не вхож, масонских списков не видел, масонской документацией не пользовался. Впрочем, обстоятельство это его ничуть не смущает. Масонские списки О.А.Платонов составляет сам. А поскольку из членов всех российских масонских лож 1990-х годов ему доподлинно известен один только Г.Б.Дергачев, почтенному исследователю невольно приходится идти на маленькую хитрость и вводить, как уже отмечалось, в научный оборот такое скользкое понятие, как "организация масонского типа" или "организация, преследующая масонские цели".

Понятное дело, что подвести под такое определение можно кого угодно.

О.А.Платонов и подводит. "Сахаров Андрей Дмитриевич, 1921-1989, до 60-х годов ученый-физик, позднее - еврейско-советский общественный деятель, диссидент антирусского толка, агент влияния США", - читаем мы в его знаменитом Словаре российских масонов. "Раушенбах Борис Викторович, родился в 1935, академик РАН, член исполнительного комитета института Сороса "Открытое общество" (Москва, 1995)"; "Салказанова Ф., ведущая радио "Свобода" (служба ЦРУ, США)" и т.д. и т.п. [1440].

Общее число организаций "масонского типа" вместе с собственно масонскими ложами составляет не менее 500, считает О.А.Платонов. А число их членов, но уже без адептов собственно масонских лож - "не менее 10 тысяч". Это, по его определению, так называемое "белое масонство" – то есть организации масонского типа, не использующие традиционные ритуалы вольных каменщиков, но принимающие масонские принципы жизни и возглавляемые, как правило, настоящими масонами. Первое место, по

О.А.Платонову, занимают среди них члены клубов "Ротари" (в России их насчитывается несколько десятков).

Весьма характерными для "белого масонства" являются также организации типа "Орден Орла", клубы "Магистериум", "Реформа", "Взаимодействие", "Международный Русский клуб" и "Фонд Сороса" [1441].

Очевидно, таким образом, что ничего конкретного и заслуживающего внимания о масонских ложах в современной России и их членах О.А.Платонов не знает, да и знать, вследствие секретного характера и закрытости работ вольных каменщиков, не может. Будь по-другому, он бы, конечно, поименно назвал всех известных ему русских масонов и указал названия лож, к которым они принадлежат. Составленный же им "Краткий словарь" есть не список современных российских масонов, а, в лучшем случае, список масонствующих представителей современной российской интеллигенции, "засветившихся" как члены сомнительных, с точки зрения О.А.Платонова, общественных организаций либерально-демократического толка.

Наиболее последовательным критиком О.А.Платонова и составленного им Краткого масонского словаря или масонской галереи современной России выступил О.Ф.Соловьев. "Подавляющая часть галерейщиков, - пишет он - является лишь участниками "Пен-центра", клубов "Ротари", "Магистериум", "Возрождение", отнесенных бездоказательно к порождениям масонства ... Бывший министр иностранных дел А.В.Козырев оказался в их компании. Неизвестно почему указана только его должность, как и впрочем сменившего его Е.М.Примакова...

Словом, в список попали практически все видные деятели демократической ориентации, в том числе женщины; Г.В.Старовойтова лишь за пост советника Ельцина по национальным вопросам, который она оставила три года тому назад". Из почти 400 фамилий, приведенных в "Кратком словаре" русских масонов О.А.Платонова, по мнению О.Ф.Соловьева, масонами можно считать лишь "недавно умерших деятелей эмиграции; нынешние же ему (О.А.Платонову - Б.В.) неведомы ... Грош - цена такому перечню", - заключает О.Ф.Соловьев [1442].

Можно согласиться с О.Ф.Соловьевым, когда он отмечает недостаточную обоснованность отнесения к масонам большинства помещенных у О.А.Платонова лиц, как то: бывшего посла Российской Федерации в Израиле А.Е.Бовина, бывшего мэра Санкт-Петербурга А.Собчака, бывшего советника Президента Г.В.Старовойтову и ряда других. Но ведь уже из названия списка видно, что туда включены не только члены собственно масонских лож, но и "организаций, созданных для достижения масонских целей". А это уже совсем другое дело, хотя именно такой поворот темы резко снижает ценность проделанной О.А.Платоновым работы. Но и особенно нападать на него за это, как это делает О.Ф.Соловьев, вроде бы не за что. Разве только что за его субъективизм и чрезмерную пристрастность в оценке изучаемого явления, именуемого им не иначе как "преступным сообществом" [1443].

Уязвимым местом работы О.А.Платонова является то, что источником для его "Краткого словаря" послужили исключительно публикации в российской и зарубежной периодической печати - источник, как известно, весьма и весьма ненадежный. Документальное же подтверждение принадлежности к масонским или полумасонским структурам для большинства из поименованных О.А.Платоновым лиц отсутствует. Но и с этим не все так просто. Ведь отсутствуют такого рода доказательства, как мы знаем, и по многим персоналиям и масонства начала XX века. Основной источник для суждения о нем - это зачастую противоречивые свидетельства и показания самих масонов, сделанные ими уже много лет спустя после описываемых событий. В предреволюционные же годы даже робкий намек на масонство какого-нибудь "демократа" вроде Н.С.Чхеидзе или "либерала" В.А.Маклакова иначе как происки "черносотенцев" всерьез и не воспринимался.

Почему в современной России все должно быть совсем по другому? Кто знает - пройдет время, может быть и нынешние российские "демократы" из "Краткого словаря" О.А.Платонова когда-нибудь признаются в своей прикосновенности к масонству и поведают какому-нибудь журналисту, как по планам и чертежам Великого архитектора Вселенной, а проще говоря финансовой и политической элиты Запада, они "перестраивали" и "обустраивали" Россию.

Заключение

Взятый Петром I курс на европеизацию России привел к тому, что, наряду с другими новациями, пришло в наше Отечество и масонство. Пришло, но так и не прижилось. Что и не удивительно. Россия - не Европа, и условия деятельности здесь вольных каменщиков (самодержавие, крепостничество, православная вера) были принципиально иными, чем, скажем, во Франции или Англии. Правда, верхушка быстро европеизировавшегося русского дворянства масонские ложи посещала охотно. Куда более сложным было отношение к ним со стороны правительства.

С одной стороны оно, конечно, не могло не понимать опасность и даже противоестественность существования тайных масонских сообществ в самодержавной стране. Но и прямо возражать против существования в России столь широко распространенного в Европе явления оно тоже не хотело.

И Екатерина II, и Александр I были, как мы знаем, просвещенные монархи, либеральные начинания которых далеко не всегда находили должный отклик не только в массе рядового дворянства, но и среди его верхов. Поддержка со стороны масонов либеральных начинаний Екатерины II и Александра I дорого в этих условиях стоила. Отсюда и благожелательное отношение к масонам в первые годы царствования этих монархов.

Жизнь, однако, показала, что двум медведям (самодержавие и масонство) в одной берлоге ужиться трудно. Вопреки уверениям "братьев", деятельность их явно выходила за рамки чисто духовной работы в ложах и грозила распространиться на то, что всегда считалось в России прерогативой государства (издательская деятельность Н.И.Новикова, борьба с голодом, открытие масонских аптек, школ, богаделен). Да и в политическом плане деятельность вольных каменщиков, все более превращавшаяся в орудие вельможной оппозиции Екатерине II, была весьма и весьма подозрительной. Особенно нетерпимыми в глазах императрицы были связи русских масонов с заграницей и попытки установления ими таких связей с наследником престола Павлом Петровичем. Итог этого первого столкновения власти с масонством известен - дело Н.И.Новикова 1792 года и негласное запрещение масонских лож.

Однако сама идея установления по примеру других европейских государств тесного альянса между масонством и русским самодержавием не умерла. Особенно много было сделано в этом отношении при Александре I во времена М.М.Сперанского, когда дело чуть было не дошло до введения так называемого государственного масонства в стране. Однако скрестить масонство с православием и самодержавием оказалось делом нереальным и, как и следовало того ожидать, масонские ложи, несмотря на строгий, казалось бы, правительственный контроль, все более и более превращались, особенно после 1812 года, в центры единения оппозиционно настроенных по отношению к власти сил, прежде всего военных. Логическим следствием складывания именно такого порядка вещей и стал знаменитый указ Александра I от 1 августа 1822 года о запрещении масонских лож. Лишившись в одночасье какой-либо поддержки "наверху", масонство в России стало быстро угасать - более чем убедительное свидетельство отсутствия у него сколько-нибудь прочной опоры в русском образованном обществе, и смогло возродиться только в начале XX века, когда расклад общественных сил в стране был уже совсем иным.

Превратившись во второй половине XVIII века, после освобождения от обязательной службы, в самое свободное, привилегированное и материально обеспеченное сословие в стране, российское дворянство получило, наконец, отсутствовавшую ранее у него возможность формирования из своей среды того тонкого умственного интеллектуального слоя, который получит известность 100 лет спустя как русская интеллигенция. В своей основе это был, конечно, прозападнический, космополитически настроенный круг людей, уже изначально ориентированный на западные культурные и идеологические ценности.

Одной из основополагающих мировоззренческих опор его как раз и являлось масонство. Несмотря на фальшивость масонского учения, усиленный поиск его адептами масонского идеала, правда, главным образом не столько в политической, сколько в морально-этической плоскости, много способствовал пробуждению личности русского интеллигента, индивидуального начала в нем. Во всяком случае, принадлежность к братству вольных каменщиков многих крупных людей XVIII - первой четверти XIX века (Н.И.Новиков, М.М.Херасков, М.И.Кутузов, Н.М.Карамзин, А.С.Грибоедов, П.А.Чаадаев, А.С.Пушкин) бесспорна и, как представляется, свидетельствует о заметной роли масонской идеологии и практики в культурной и интеллектуальной жизни России этого времени.

Расширительное же толкование масонства как чуть ли не единственного двигателя культуры, прогресса и демократии в нашей стране не находит подтверждения в источниках, хотя попытки такого рода неоднократно предпринимались еще в дореволюционные годы. Корни таких явлений русской истории, как зачатки крестьянской реформы в виде указа о трехдневной барщине, военно-чиновничий социализм времен Александра I (военные поселения), власть "святого царя" (Мальтийский орден), даже организация Священного союза восходят, доказывал, например, известный историк Г.В.Вернадский, к тем кругам русского общества XVIII века, которые объединялись в свое время масонством [1444].

Особенно далеко в этом направлении заходила Т.О.Соколовская, которая в своей книге "Русское масонство и его значение в истории общественного движения", опубликованной в 1907 году, прямо писала о масонах как людях, чья деятельность якобы и подготовила определяющую почву для развития республиканских и конституционных идей в России. Т.О.Соколовской, конечно же, возражали.

"Вопреки мнению госпожи Соколовской, - резко заявил в рецензии на это издание С.Сватиков, - масонство не только не подготовило почву для развития республиканских и конституционных идей, не только не было предтечей декабристов, но наоборот, оно было движением реакционным. Декабристы только тогда стали активными политическими борцами, когда расстались с масонством", - подчеркивал он [1445].

Конечно же, Т.О.Соколовская была не одинока в своем стремлении во что бы то ни стало "приподнять" русское масонство. Из этого, собственно, исходила и исходит, за редким исключением, практически вся наша либеральная историография, начиная от А.Н.Пыпина и кончая современным российским историком А.И.Серковым.

"Некоторые историки, " писал в свое время, полемизируя с попытками идеологически ангажированного подхода к масонству профессор Московского университета А.А.Шахов, - впадают относительно масонства в странное заблуждение. Они видят в нем светлый культурный факт, занимающий видное место в истории просвещения. Они говорят о благих стремлениях масонства, о сочувствии масонов человеческому прогрессу, об их стараниях к нравственному совершенствованию.

В учении масонов мы действительно встречаем подобные фразы и слова, подобные идеи, облеченные всегда туманным покровом. Но определенного содержания и направления в деятельности масонов мы не находим. Благих следов своей деятельности они также не оставили. Если внимательнее присмотреться к занятиям всех этих многочисленных орденов, то мы заметим, что все дела их заключаются либо в

мистических священнодействиях и таковых же мистических умствованиях, либо в игре формальностями ... Между тем, вред явления не подлежит сомнению" [1446].

Последующие исследования только подтвердили справедливость такого вывода.

Русское масонство, вынужден констатировать уже современный российский историк О.Ф.Соловьев (кстати, весьма и весьма лояльно к нему относящийся), в качестве оформленного течения нигде и никогда не служило двигателем общественного прогресса, никогда не было поборником подлинной демократии и не внесло никакого "самостоятельного вклада ни в область политики, ни в сферу общественной мысли" [1447]. Не менее определенно по вопросу о "прогрессивности" масонства в связи с "правдой", которую якобы олицетворяла собой деятельность таких известных членов масонских лож, как Н.И.Новиков и А.Н.Радищев, высказывался в свое время и наш философ и публицист В.В.Розанов.

Соглашаясь, в принципе, с тем, что масоны XVIII - начала XIX веков проповедовали "правду и высокочеловеческую правду", он справедливо замечал вместе с тем, что "правда" эта была явно не ко времени и объективно вредна для России, так как духовно разоружала ее перед лицом ее злейших врагов. И если бы, подчеркивал В.В.Розанов, не дай Бог она, эта правда, "расползлась в десятках и сотнях тысяч листков, брошюр, книжек и журналов по лицу Русской земли, - дошла бы до Пензы, до Тамбова, Тулы, объяла бы, наконец, и Петербург, то пензенцы и туляки, смоляне и псковичи не имели бы духа отразить Наполеона. Вероятнее они призвали бы способных иностранцев завоевать Россию, как собирался позвать Смердяков и как призывал их к этому идейно "Современник"; также и Карамзин не написал бы своей истории" [1448].

Духовно разоружая противостоящие ему народы и их интеллектуальные национально-ориентированные элиты, основное внимание масонство сосредотачивает на так называемом "правящем классе" общества. Очевидная неоднородность этого класса, противоречия, раздирающие его, приводили и приводят к тому, что и в масонские ложи зачастую попадали и попадают люди, культурные, идеологические и политические устремления которых, несмотря на принадлежность к одному и тому же общественному классу, далеко не совпадают.

Неудивительно поэтому, что уже применительно к второй половине XVIII века в русском масонстве можно выделить три струи: либеральная, представленная, главным образом, Елагинским союзом, консервативная (шведские ложи) и мистико-просветительская, представленная московскими розенкрейцерами 1780-х годов. В первой четверти XIX века говорить о розенкрейцерских ложах как очагах просветительства уже не приходится и, наряду с ложами шведского обряда (Великая Директориальная ложа "Владимира к порядку" и сменивший ее Провинциальный союз) теперь и их уже смело можно причислить к консервативно-охранительному крылу вольного каменщичества в России.

Либеральное же крыло его представляли теперь мастерские французского обряда (ложи "Соединенных друзей", "Палестины" и союз Великой ложи "Астреи").

Выделять еще и так называемое радикальное крыло в масонстве первой четверти XIX века, представленное декабристами, как предлагают некоторые исследователи, едва ли целесообразно. Дело в том, что уже с 1810 года масонские ложи были взяты под жесткий правительственный контроль. Не случись этого (кто знает?), целый ряд масонских лож действительно мог бы превратиться в конспиративные ячейки антиправительственного заговора, однако этого, как мы знаем, все же не произошло, и радикально настроенные братья по необходимости вынуждены были вынести подготовку антиправительственного заговора за пределы масонских лож. Другое дело, что именно масонство во многом определило не только возникновение и организационное строительство, но также и тактические установки на военный заговор преддекабристских и первых декабристских тайных организаций.

Реформы 1860-х годов, удовлетворив основные чаяния либерального русского дворянства, резко тем самым сузили потенциальную общественную базу масонства в стране. Сказывался, несомненно, и факт официального запрещения масонских лож. Во всяком случае, рисковать карьерой ради масонского братства либералы во второй половине XIX века не хотели. Радикалам же из "Народной Воли" и других подобных ей разночинских в своей основе организаций в масонских ложах делать было нечего. Конечно, "по духу" масоны в России были всегда, но как организационно оформленное общественное явление во второй половине XIX века масонство прекратило свое существование.

Возрождение его стало возможным только в начале XX века, когда в преддверии революционных потрясений в стране масонство было востребовано из-за рубежа политиканствующей либеральной российской интеллигенцией. То, что и политическая, и мистическая ветви его были импортированы ею именно из Франции ввиду особых отношений между двумя странами в начале XX века, удивлять, кажется, никого не должно.

В отличие от лож екатерининского и александровского времени, действовавших с негласного разрешения правительства, политическое или думское масонство начала XX века было уже подпольным и имело откровенно антиправительственный характер. Оно уже изначально было ориентировано не на духовную работу "братьев" в ложах, а на захват власти, разрушение империи и изменение основ тогдашнего государственного строя в России. Недаром основным поставщиком адептов вольного каменщичества в эти годы была кадетская партия, известная в то же время и как партия леволиберальной российской интеллигенции по преимуществу.

Радикальнее левых кадетов были, пожалуй, только эсеры и социал-демократы.

Террористическая деятельность социалистов-революционеров в нашей стране слишком хорошо известна. Не представляют большого секрета и политические устремления тогдашних социал-демократов. Правда, большевиков среди масонов было, можно сказать, считанные единицы, но кто из них в этом больше "виноват" - это еще вопрос. Что касается меньшевиков и эсеров, то их в масонские мастерские приглашали более чем охотно. И не случайно, так как идеей-фикс политического масонства являлась идея создания широкого антиправительственного "народного фронта".

Несмотря на кратковременность существования и некоторую узость в понимании своих задач (борьба в Думе, по преимуществу), свой вклад в падение самодержавия русские политические масоны, несомненно, внесли. Принципиально важное значение в этом плане имело образование ими в августе 1915 года Прогрессивного блока и создание на его основе прочного антиправительственного большинства в Думе. Опираясь на него, руководство Верховного совета Великого Востока народов России уже с лета 1916 года берет курс на насильственное устранение от власти Николая II и установление конституционного строя в стране.

Огромное значение в этой связи сыграло установление масонами в 1916 - начале 1917 гг. тесных контактов с представителями русского генералитета (М.В.Алексеев, Н.В.Рузский и др.), что, в сущности, и позволило в февральско-мартовские дни 1917 года обеспечить бескровный характер отречения Николая II и осуществление по всем правилам "королевского искусства" плавного масонского вхождения во власть (Временное правительство) с последующим закреплением в ней. Однако удержать эту власть в условиях продолжавшейся войны и начавшегося распада государства и его структур масоны не смогли. Октябрь 1917 года положил конец политическому масонству в нашей стране.

Но борьбой за прогресс и конституцию отнюдь не исчерпывается деятельность масонов. Огромное значение в учении ордена всегда придавалось нравственному совершенствованию "братьев". Именно последнее обстоятельство - духовная сторона масонства - как раз и являлось той незримой силой, которая всегда притягивала к нему

многих русских интеллигентов либерального толка. Так, быть может, несколько неожиданно масонская тема выводит нас на другую, не менее важную проблему - духовные искания русской интеллигенции.

Странное, противоречивое чувство вызывают эти искания. Стремление выйти за пределы серой повседневности бытия и погрузиться в волшебный мир ирреальности, потусторонности, в общем-то понятно, и даже, в какой то мере, естественно для человека, особенно когда речь идет о людях одаренных, творческих. Понятно и стремление сообразительных людей, тоже по своему творчески одаренных, используя эту склонность человека ко всему таинственному и необычному, плодить различного рода новые религии, новые ложи и "ордена". Поражает другое - удивительная легкость, с какой самозванные "учителя" находили и находят себе паству в нашей стране, хотя, казалось бы, прежде чем войти в ту или иную ложу или оккультный кружок, стоило бы задуматься: а что или кто стоит за проповедниками тайного знания, новой веры и новой религии.

Спириты, теософы, мартинисты, филалеты, розенкрейцеры, софианцы ... Пути разные, но цель одна - эрозия национального самосознания народа, причем главный удар всегда направлялся против "живущей силы Руси" – ее государственности, национальных основ и православия.

Трудно сказать, то ли по этой, то ли по другим причинам, но оккультистов в первые годы советской власти ОГПУ не трогало. К ликвидации их кружков оно приступило только с 1925 года, причем с самого начала отношение к ним было неоднозначным. Дело в том, что в руководстве этого ведомства (Глеб Бокий, Яков Агранов) существовали определенные планы использования масонов в интересах советского государства. Окончательная ликвидация масонских кружков и групп растянулась вследствие этого вплоть до конца 1930-х годов.

Как бы то ни было, к началу Великой Отечественной войны старые масонские центры в стране были окончательно ликвидированы. Для возникновения же новых не было подходящих условий. Когда же наконец с перестройкой и распадом СССР такие условия появились, то опять, как и в начале века, не обошлось без помощи наших французских "братьев". Благодаря их инициативе и финансовой поддержке собственно и стало возможным новое возрождение масонства в нашей стране.

Говоря о перспективах движения, сами масоны излучают оптимизм. "Масонство отвечает национальному характеру русских. А славянской душе понятны те метафизические и мистические поиски, которым привержено франк-масонство", - уверял в 1992 году корреспондента "Правды" великий секретарь Великой Национальной ложи Франции Трестурнель [1449].

Последующие события показали, однако, что это, мягко говоря, далеко не так. Однако и тешить себя иллюзиями, что в России, вследствие якобы только ей присущей национальной специфики, масонство не имеет должных перспектив, у нас тоже нет оснований. Почва в лице либерально-демократической российской интеллигенции для внедрения в общественное сознание масонской идеологии в нашей стране, безусловно, есть.

Примечания:

[1] Брачев В.С. Религиозно-мистические кружки и ордена в России. Первая треть XX века. СПб, 1997.
[2] Свитков Н. Масонство в русской эмиграции (к январю 1932 года). Составлено на основании масонских документов. Париж, 1932.
[3] Вяземский В.Л. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал. Нью-Йорк, 1985. Кн.161. С.231-248.
[4] Theckston S. La frane Maconnerie russe en France entre l"exode de 1919 et la guerrte de 1940 // Cahiers de Villard de Honne-court Cahier. VIII. Paris, 1972. S.45-62.

[5] Серков А.И. История русского масонства 1845-1945. СПб, 1997. С.127-436; Серков А.И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб, 1999.
[6] Старцев В.И. Русское эмигрантское масонство во Франции (1918-1939). // Российское зарубежье: история и современность. М., 1998. С.41-52.
[7] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг, 1917. С. X.
[8] Летописи русской литературы и древности. Т.4. Отд. III. М., 1862. С.60.
[9] Там же. С.58-60.
[10] Лонгинов Н.М. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.016-0159.
[11] Новые сведения о Н.И.Новикове и членах компании Типографической. Сообщение Д.И.Иловайского // Летописи русской литературы и древности. Т.5. Отд. II. М., 1863. С.3-96.
[12] Новые документы по делу Н.И.Новикова. Сообщены А.Н.Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т.2. СПб, 1868. С.91-158.
[13] Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства. СПб, 1868. С.125-168.
[14] Ростопчин Ф.В. Записка о мартинистах // Русский архив. 1875. ‘3.
[15] Русская старина. 1877. Т.XVIII. С.435-479, 641-650.
[16] Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма князя А.Б.Голицына и М.Магницкого к императору Николаю I об иллюминатах // Русская старина. 1899. Т.97. ‘1-3. См. также: Гордин Я.А. Мистики и охранители. Дело о масонском заговоре. СПб, 1999.
[17] Соколовская Т.О. Устав вольных каменщиков XVIIIXIX веков // Журнал "Море". 1907, ‘25-26. См. также: Законы Великой ложи "Астрея" на востоке Санкт-Петербурга. Ч.1-2. СПб, 1815-1818 гг.
[18] Виноградов А.Е. Масонские собрания в фондах Отдела рукописей // Тезисы научной конференции специалистов Государственной библиотеки СССР имени В.И.Ленина. М., 1990. С.48-50.
[19] Лопухин И.В. Записки сенатора. М., 1990.
[20] Встречи с мартинистами // Аксаков С.Т. Семейные и литературныевоспоминания. Т.3. М., 1902.
[21] Петровский С.А. Дневник масона А.Д.Тейльса. Тула, 1902.
[22] В масонских ложах (дневник Л.А.Симанского). СПб, 1914.
[23] Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990.
[24] Русская старина. 1900. Т.14. С.629-649.
[25] Русская старина. 1892. Т.74. С.565-567.
[26] Русская старина. 1872. Т.5. С.526-568.
[27] Вяземский П.А. Сочинения. Т.7. СПб, 1883. С.175.
[28] Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С.41-47.
[29] Русская старина. 1887. Т.53. С.100-104.
[30] Русская старина. 1901. Т.105. ‘11. С.52-54; Т.106. ‘4. С.157-159.
[31] Храповицкий А.В. Дневник. М., 1901.
[32] Елагин И.П. Записка // Русский архив. М, 1864. Вып.1. С.99-100.
[33] Модзалевский Б. К биографии Н.И.Новикова. СПб, 1913.
[34] Русский архив. 1871. С.1013-1094.
[35] Русская старина. 1890. Т.67. С.457-467.
[36] Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л.Барсков. Пг., 1915.
[37] Русский архив. 1864. Т.1. С.94-110.
[38] Лопухин И.В. Искатель премудрости или Духовный рыцарь. М., 1994. С.31-37.
[39] Мартынов И.Ф. Масонские рукописи в собрании Библиотеки АН СССР // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги. Л., 1978. С.252-258.
[40] Викентьев В.М. Собрание масонских предметов Российского исторического музея. Вып.1. М., 1918; Некрасов С.М. Масонские предметы в Собрании Музея истории религии и атеизма // Атеизм, религия и современность. Л., 1973. С.206-212.

[41] Bourychkine P. Bibliographie sur le frane-maconnerie en Russie. Paris, 1967.
[42] Лонгинов М.Н. Новиков и Шварц. Материалы для истории русской литературы и просвещения. М., 1857. См. также: Лонгинов М.Н. Сочинения. Т.1. М., 1915. С.251-268.
[43] Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867.
[44] Попов А.Н. Дело Новикова и его товарищей // Вестник Европы. 1868, Кн.4. С.617-680.
[45] Тихонравов Н.С. Четыре года из жизни Карамзина // Русский вестник. 1862, ‘4. С.738-740.
[46] Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России в XVIII веке. СПб, 1869.
[47] Ешевский С.В. Сочинения. Ч.3. М., 1870. С.445-568.
[48] Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб, 1871.
[49] Пыпин А.Н. Хронологический указатель русских лож от первого введения масонства до запрещения его. СПб, 1873.
[50] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916.
[51] Финдель И.Т. История франкмасонства. Пер. с немецкого. Т.1, 2. СПб, 1872-1874.
[52] Незеленов А.А. Николай Иванович Новиков - издатель журналов (1769-1785). СПб, 1875.
[53] Ключевский В.О. Воспоминание о Н.И.Новикове // Русская мысль. 1895.
[54] Петровский С.А. Очерки из истории русского масонства в XVIII веке. М., 1890.
[55] Суровцев А. И.В.Лопухин. Его масонская и государственная деятельность. СПб, 1901.
[56] Сиповский В.В. Новиков, Шварц и московское масонство // Сиповский В.В. Н.М.Карамзин, автор Писем русского путешественника. СПб, 1899.
[57] Мезьер А.В. В поисках правды и смысла жизни. Очерки из истории русского масонства. СПб, 1906; Тукалевский В. Искания русских масонов. СПб, 1911.
[58] Соколовская Т.О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения XVIII и первой четверти XIX столетия. СПб, 1907.
[59] Соколовская Т.О. Масонские знаки // Столица и усадьба. Журнал красивой жизни. 1917, ‘89-90. С.22-25.
[60] Соколовская Т.О. Обрядность прежнего масонства // Русская старина. 1907, ‘11.
[61] Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778-1822). Пг., 1916.
[62] Соколовская Т.О. Масонство в теории и жизни. СПб, 1906.
[63] Соколовская Т.О. Масонство как положительное движение русской мысли в начале XX века // Всемирный вестник. 1905, ‘5.
[64] Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. М., 1905.
[65] Семевский В.И. Декабристы - масоны // Минувшие годы. 1908, ‘2, с.1-50; ‘3, с.127-170; ‘5-6, с.379-433.
[66] Масонство в его прошлом и настоящем. Т.1-2. М., 1914-1915. В 1991 году в Москве было осуществлено репринтное воспроизведение этого ценного труда.
[67] Боровой А.А. Современное масонство на Западе. М., 1923.
[68] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917.
[69] Вернадский Г.В. Николай Иванович Новиков. Пг., 1918.
[70] Бронзов А.А. Современное масонство. СПб, 1912.
[71] Бутми М.А. Фран-масонство и государственная измена. СПб, 1908.
[72] Селянинов А. Тайная сила масонства. СПб, 1911. Есть и современное переиздание (М., 1999).
[73] Толь С.Д. Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов. М., 1914.
[74] Свитков Н. Масонство в русской эмиграции (к январю 1932 года). Составлено на основании масонских документов. Париж, 1932.
[75] Бостунич Г.В. Масонство и русская революция. Правда мистическая и правда реальная. Нови-Сад, 1922.
[76] Марков Н.Е. Войны темных сил. Т.1-2. Париж, 1928-1930.

[77] Иванов В.Ф. От Петра I до наших дней. Русская интеллигенция и масонство. Харбин, 1934.
[78] Башилов Б. История русского масонства. Вып.1-17. М., 1992-1995.
[79] Шаховской Д.Н. Татьяна Алексеевна Бакунина-Осоргина // Из глубины времен. Вып.10. СПб, 1998. С.196-208.
[80] Вяземский В.Л. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал. Нью-Йорк, 1985. Кн.161. С.231-248.
[81] Алефиренко П.К. Общественное движение в Москве во второй половине XVIII столетия // Известия АН СССР. Серия "История и философия". Т.IV, ‘6. М., 1947.
[82] Макогоненко Г.П. Новиков и русское просвещение XVIII века. М., 1951.
[83] Плимак Е.Г. Масонская реакция против материализма в России // Вопросы философии. 1957, ‘2.
[84] Некрасов С.М. Масонство в России во второй половине XVIII века и критика просветителями его религиозно-мистической идеологии. Автореф. дисс. На соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1978. Из других работ этого автора см.: Некрасов С.М. Сквозь жар души, сквозь хлад ума. Русские вольнодумцы XVIII века. Л., 1987.
[85] Дружинин Н.М. Масонские знаки П.И.Пестеля // Труды Музея Революции Союза ССР. Сборник 2. М., 1929. Эта же работа, но под другим названием: "К истории идейных исканий П.И.Пестеля" была переиздана в "Избранных трудах" ученого (М., 1985. Т.2).
[86] Нечкина М.В. Движение декабристов. Т.1-2. М., 1955.
[87] Семенников В.П. Радищев. Очерки и исследования. М., 1950.
[88] Болдырев А.И. Проблема человека в русской философии XVIII века. М., 1987.
[89] Лотман Ю.М. "Сочувственник" А.Н.Радищева А.М.Кутузов и его письма к И.П.Тургеневу // Труды по русской и славянской филологии. Вып.139. Т.4. Тарту, 1963.
[90] Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1985.
[91] Лебедев С. Масоны и вокруг них. Библиографический указатель публикаций на русском языке за 1989 год. СПб-Волгоград, 1991.
[92] Серков А.И. Русское масонство 1800-1861. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1991.
[93] Виноградов А.Е. Российское масонство после правительственного запрета 1822 года. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1992.
[94] Максимов К.С. Общественная деятельность И.П.Елагина. Социально-политический анализ. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1986.
[95] Пахомова Л.М. Российское масонство XVIII века как феномен общественно-политической и философской жизни России. Автореф. дисс. На соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Пермь, 1998.
[96] Ведьмин О.П. Масоны в России (1730-1825). Кемерово, 1998.
[97] Николаев Н.И. "Внутренний человек" и мир в сознании писателей-масонов 70-х годов XVIII века // Концепты. Вып.1. Архангельск, 1997. С.130-156.
[98] Аржанухин С.В. Философские взгляды русского масонства. По материалам журнала "Магазин свободнокаменщический". Екатеринбург, 1995.
[99] Пахомова Л.М. Общественно-политические взгляды русских масонов XVIII века (система розенкрейцерства) // Философские концепции русских мыслителей. Пермь, 1994.
[100] Некрасов С.М. Апостол добра. Повествование о Н.И.Новикове. М., 1994.
[101] Серков А.И. "Племянник" Новикова - А.Ф.Лабзин // Масонство и масоны. Вып.3. Отв. ред. С.П.Карпачев. М., 1998.
[102] Сахаров В.И. Масонские оды П.И.Голенищева-Кутузова и Н.Ф.Остолопова // Масонство и масоны. Вып.3. Отв. ред. С.П.Карпачев. М., 1998.
[103] Винницкий И.Ю. Масонская карьера В.Л.Пушкина // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып.2. С.173-194.

[104] Рогушина Л.Г. "Великая ложа Астрея" и ее роль в русском масонстве первой четверти XIX века // Россия в XIX веке. Сборник статей. Под ред. В.И.Старцева. Ч.2. СПб, 1994.
[105] Акульшин П.В. Масоны Санкт-Петербурга в 1822 году // Петербургские чтения. СПб, 1997. С.313-315.
[106] Лотарева Д.Д. Знаки масонских лож в Российской империи. М., 1994.
[107] Масонство и масоны. Вып.1-3. М., 1994-1998.
[108] Михайлова Н.В. Либерализм в России на рубеже XVIII-XIX веков. Автореф. канд. дисс. М., 1998. С.17.
[109] Серков А.И. 250 лет масонства в России. М., 1993.
[110] Карпачев С.П. Масонство и масоны в России XVIII - первой четверти XIX веков. Краткий очерк истории // Вопросы отечественной истории. Межвузовский сборник научных трудов. Отв. ред. А.В.Ушаков. М., 1996. С.11-27. См. также: Карпачев С.П. Масонство в России // Масоны в России: вчера ... сегодня ... завтра?.. М., 1999. С.32-51.
[111] Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731-1996. М., 1996.
[112] Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С.210.
[113] Вопросы истории. 1998, ‘9. С.156.
[114] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С.62-63.
[115] Карпачев С.П. Источники и литература по истории русского масонства конца XIX - начала XX веков // Вопросы отечественной истории и историографии. Отв. ред. В.И.Сучков. М., 1998. С.74-98.
[116] Elkin Boris. Attempts to Review Freemasonry in Russia // The Slavonic and East European Review. London. July. 1966. Vol.XLIV. ‘103. P.454-472.
[117] Островский А.В. Осторожно! Масоны! // Из глубины времен. СПб, 1996. С.168-175.
[118] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996. С.49-51.
[119] Keiler H.K.H. Abris Freimaurerischen Geschichte in Russland // Quatuor Coronati. Jahrbuch. 1993. ‘30. S.166-178.
[120] Серков А.И. История русского масонства 1845-1945. СПб, 1997. С.21.
[121] Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Ньй-Йорк, 1986.
[122] Серков А.И. История русского масонства 1845-1945. СПб, 1997. С.43.
[123] Там же. С.23.
[124] "Два брата моего отца, племянники, мои двоюродные братья - все были масонами", - признавалась Н.Н.Берберова (Книжное обозрение. 1989, ‘35. С.8-9). Масонами были первый и второй мужья Н.Н.Берберовой поэт В.Ф.Ходасевич и Н.В.Макеев.
[125] Вечерний Ленинград. 1989. 18 сентября. С.3.
[126] Серков А.И. История русского масонства 1845-1945. СПб, 1997. С.18.
[127] Там же. С.43.
[128] Коростелев О.О. Книга "Люди и ложи" и ее автор // Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С.387-389.
[129] Серков А.И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб, 1999. С.8.
[130] Grunwald C. Historie de la Franc-Maconnerie en Russie // Cahiers de Villard de Honnecourt. Cahier V. Paris, 1969.
[131] Вяземский В.Л. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал. Нью-Йорк, 1985. Кн.161. С.231-248.
[132] Бурышкин П.А. Филипп - предшественник Распутина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн.40.
[133] Л.Д.Кандауров о "Великом Востоке народов России" // Вестник Московского университета. Сер.8 (История). 1994, ‘3. С.77-79.
[134] Осоргин М.А. Доклады и речи. Париж, 1949.
[135] Серков А.И. История русского масонства 1845-1945. СПб, 1997. С.32

[136] Островский А.В. От редакции // Из глубины времен. Вып.1. СПб, 1992. С.174.
[137] Соловьев О.Ф. Международный империализм - враг революции в России. М., 1983.
[138] Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990.
[139] Там же. С.337-338.
[140] Бурцев В.Л. Сионские протоколы // Общее дело. 1921. 14 апреля. С.2.
[141] Щеголев П.Е. Охота за масонами или похождения асессора Алексеева // Былое. 1917, ‘4. С.108-145. См. также в кн.: Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. М., 1930.
[142] Корнеев В.Е. Документы Департамента полиции о масонах в России // Масоны в России: вчера ... сегодня ... завтра?.. М., 1999. С.98-128.
[143] Записки Л.А.Ратаева см. в кн.: Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731-1996. М., 1996. С.630-694.
[144] Брачев В.С. Царский жандарм - борец с масонами // Секретное досье. 1998, ‘1. С.50-59.
[145] Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов. Публ. В.В.Шелохаева и В.В.Поликарпова // Вопросы истории. 1998, ‘11-12. С.10-48.
[146] Поликарпов В.В. Вступительная статья к публикации // Вопросы истории. 1998, ‘11-12. С.10-15.
[147] Панеях В.М. О полемической заметке В.С.Брачева "Возражения критикам" // Клио. 1999, ‘2. С.362-364.
[148] Там же. С.364.
[149] Старцев В.И. Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1999, ‘4-5. С.173.
[150] Там же. С.174.
[151] Там же. С.174.
[152] Козлов С., Оливетская Т. Документы масонских лож в Особом архиве // Родина. 1993, ‘2.
[153] Острецов В.М. Секреты особых хранилищ // Слово. 1995, ‘1-2.
[154] Л.Д.Кандауров о "Великом Востоке народов России" // Вестник Московского университета. Сер.8 (История). 1994, ‘3. С.77-79.
[155] Безбрежьев С.В. Русские масоны и Борис Савинков // История СССР. 1991, ‘2. С.200-201.
[156] Поссе В.А. Воспоминания. 1905-1917. Пг., 1923. С.95.
[157] Бонч-Бруевич В.Д. Мои воспоминания о П.А.Кропоткине // Звезда. 1930, ‘4. С.182-183.
[158] Белый Андрей. Между двумя революциями. М., 1934. С.316.
[159] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. Сост. Ю.Фельштинский. М., 1990.
[160] Русское политическое масонство 1906-1918 годов (Документы из Гуверовского института революции, войны и мира). Вступ. статья и комментарии В.И.Старцева // История СССР. 1989, ‘6. С.119-134; Там же. 1990, ‘1. С.139-155.
[161] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. Сост. Ю.Фельштинский. М., 1990. С.49-121.
[162] Амфитеатров А.В. Мое масонство // Сегодня (Рига). 1930, 6 июля.
[163] Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С.215-218.
[164] Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988.
[165] Чермак Л.К. Как я был масоном. Публ. А.И.Серкова // Масоны в России: вчера ... сегодня ... завтра?.. М., 1999. С.129-151.
[166] Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С.200.
[167] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С.61-65.
[168] Милюков П.Н. Воспоминания. Т.2. М., 1990. С.285-286.
[169] Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Ч.1. Париж, 1964. С.142-143.
[170] Аронсон Г. Россия накануне революции. Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты. Нью-Йорк, 1962. С.138-143.
[171] Александр Исаевич Браудо (1864-1924). Очерки и воспоминания. Париж, 1937.

[172] Ленинградские масоны и ОГПУ: протоколы допросов, вещественные доказательства. Публ. В.С.Брачева // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Вып.1. Л., 1991. С.252-279; Петербургские мартинисты. 1910-1925 гг. Документы архива Министерства безопасности РФ. Публ. В.С.Брачева // Отечественная история. 1993, ‘1. С.177-192.
[173] Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С.193-241; Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия. 1992, ‘4-12; 1993, ‘1-4, 6-7.
[174] Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд или последний русский розенкрейцер. М., 1995.
[175] Брачев В.С. Архивно-следственные материалы ОГПУ как источник по истории ленинградской интеллигенции 1920-х годов // Петербург и Россия. Петербургские чтения. 1997. СПб, 1997. С.494-504.
[176] Белый Андрей. Начало века. М., 1990.
[177] Жемчужникова М.Н. Воспоминания о московском антропософском обществе // Минувшее. Исторический альманах. Вып.1. М., 1992. С.7-53.
[178] Волошин М. Зеленая змея. История одной жизни. М., 1993.
[179] Эйзенштейн С.М. Мемуары. Т.1. М., 1997. С.61-64.
[180] Шиповская Е.А. Исповедь Рыцаря света. М., 1998.
[181] Белый А. Между двумя революциями. М., 1934. С.316.
[182] L"Acacia. 1925, fevr, ‘ 16. S.288-292.
[183] Тураев Б. Масонские заговорщики против России // Двуглавый орел. 1931, ‘4.
[184] Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. Париж, 1931.
[185] Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С.215-218.
[186] Милюков П.Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Есть и русское издание: М., 1991.
[187] Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952.
[188] The Slavonic and East European Review. London. Vol.XLIV. ‘103, 1966. July. P.454-472.
[189] Smith N. The role of Russian Freemasonry in the February Revolution // Slavic Review. Vol.XXVIII. ‘ 4. 1968, December. P.604-608. См. также его более позднюю работу: Smith N. Political Freemasonry in Russia. 1906-1918 // The Russian Review. Vol.44. 1985. P.157-171.
[190] Haimson L. The problem of social stability in urban Russia. 1905-1917 //
Slavic Review. Vol.XXIV. 1965, ‘ 1. P.13-17.
[191] Русский перевод см.: Катков Г. Февральская революция в России. Париж, 1984.
[192] Аронсон Г. Россия накануне революции. Исторические этюды. Монархисты.
Либералы. Масоны. Социалисты. Мадрид, 1986.
[193] Русское издание книги: Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1996.
[194] Масонские воспоминания В.А.Оболенского были опубликованы Натаном Смитом в 1968 году. См.: Slavic Review. 1968. Vol.XXVII. ‘4. P.606-608.
[195] Smith N., Norton B. The constitution of Russian political Freemasonry
(1912) // Handbuch rur Geskchichte des Osten Europas. Wisbaden, 1986. Bb 34. H.4. S.498-517.
[196] Norton B. Russians political masonry and the February Revolution in 1917 // International Review of Social History. 1988, vol.28, pt.2; Norton B. Russians Political Masonry, 1917, and historians // Russian History. II ‘1 (Spring, 1984). P.83-100.
[197] Hass Ludwic. Ambicje, rachubei, rzeczynistose: Wolnomularstwo w Europie Srodkowo-Wschotovlnie 1905-1928. Warszawa, 1984. T.2. S.57-76, 110-112. Есть и русские публикации трудов А.Хасса о масонстве: "Русское масонство первых десятилетий XX века" в сборнике "Историки отвечают на вопросы" (Вып.2, с.134-155), а также его статья "Еще раз о масонстве в России в начале XX века" (Вопросы истории. 1990, ‘1. С.24-35).
[198] Keiler H.K. Abris der Freimaurerischen Geschichte in Russland // Quatuor Coronati. Jahrbuch. 1993. ‘30. S.147-188.

[199] Игрицкий Ю.И. Юбилей Октября и буржуазная историография // История СССР. 1968, ‘3. С.219-221.
[200] Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 года. М., 1974. С.4, 18, 230-234. 3-е, дополненное издание этой книги вышло в Москве в 1993 году.
[201] Минц И.И. Метаморфозы масонской легенды // История СССР. 1980, ‘4. С.107-122.
[202] Черменский Е.Д. Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С.8-9.
[203] Касвинов М.К. 23 ступеньки вниз. М., 1978. С.303-305.
[204] История СССР. 1983, ‘1. С.158-159.
[205] Соловьев О.Ф. Обреченный альянс. М., 1986. С.201.
[206] Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990.
[207] Там же. С.342.
[208] Ливчак Б.Ф. О политической роли масонов во второй русской революции // Политическая организация общества и современность. Сб. науч. трудов. Вып.56. Свердловск, 1977. С.135-141.
[209] Старцев В.И. Революция и власть: Петроградский совет и Временное правительство в марте-апреле 1917 года. М., 1978. С.205-207. См. также: Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С.121-129.
[210] За кулисами видимой власти. М., 1984.
[211] Эрнст Г. Новые заметки по истории современности. М., 1976. С.290-297.
[212] Старцев В.И. Российское масонство XX века // Вопросы истории. 1989, ‘6. С.30-50; Старцев В.И. Русские политические масоны в правящей элите Февральской революции 1917 года // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сборник научных статей. Вып.2. СПб, 1994. С.18-23; Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996.
[213] Соловьев О.Ф. Международный империализм - враг революции в России. М., 1983. С.27-28, 68-74, 88-90 и др.; Соловьев О.Ф. Обреченный альянс. М., 1986. С.58-60; Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730-1917. М., 1993; Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. См. также журнальные публикации этого автора: Масонство в России // Вопросы истории. 1988, ‘6; Споры вокруг масонства: некоторые итоги изучения // Вестник АН СССР. 1990, ‘9; Масонство далекое и близкое // Новая и новейшая история. 1992, ‘4-5.
[214] Бегун В.Я. Рассказы о "детях вдовы". Издание 2-е. Минск, 1986. С.76-107. (Первое издание вышло в свет в 1983 году).
[215] Шульгин В.И., Швецов С.П. От неонародника к участию в социалистическом строительстве // Научная биография - вид исторического исследования. Л., 1985.
[216] Замойский Л. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990.
[217] Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990.
[218] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945. СПб, 1997; Серков А.И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб, 1999.
[219] Карпачев С.П. Масонская интеллигенция в России в конце XIX - начале XX века. М., 1998.
[220] Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731-1996. М., 1996.
[221] Острецов В.М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М., 1998.
[222] Андреев Д.А. Русская периодическая печать начала XX века о масонстве // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1996, ‘1. С.27-38.
[223] Лунин А.Н. Масонство в оценке провинциальной русской национально-патриотической прессы начала XX века // Мининские чтения. Нижний Новгород, 1992. С.77-79.

[224] Егошина В.Н. Масоны и политика // Масоны в России: вчера ... сегодня ... завтра?.. М., 1999. С.67-73.
[225] Русское политическое масонство 1906-1918 годов (Документы из Гуверовского института революции, войны и мира). Вступ. статья и комментарии В.И.Старцева // История СССР. 1989, ‘6. С.119-134. 1990, ‘1. С.139-155.
[226] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. Сост. Ю.Фельштинский. М., 1990.
[227] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945. СПб, 1997. С.109.
[228] Старцев В.И. Русские политические масоны в правящей элите Февральской революции 1917 года // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сб. науч. статей. Вып.2. СПб, 1994. С.18-23.
[229] Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990.
[230] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945. СПб, 1997. С.47-90.
[231] Брачев В.С. Религиозно-мистические кружки и ордена в России. Первая треть XX века. СПб, 1997. С.3-29.
[232] Там же. С.53-88, 125-151. См. также: Брачев В.С. "Красное масонство" // Оккультные силы СССР. Под ред. А.Д.Балабухи. СПб, 1998. С.239-364.
[233] Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998; Никитин А.Л. Мистические общества и ордена в России (20-е - 30-е годы) // Россия и гнозис. Материалы конференции. М., 1996. С.60-68; Никитин А.Л. Анархо-мистики Кропоткинского музея и масонство // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1995. С.136-144.
[234] Шишкин О.А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. См. также: Шишкин О.А. Оккультные тайны НКВД // Секретное досье. 1998, ‘1. С.3-13; Шишкин О.А. Искатели Шамбалы // Оккультные силы СССР. Под ред. А.Д.Балабухи. СПб, 1998. С.109-166.
[235] Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд или последний русский розенкрейцер. М., 1995.
[236] Новиков В.И. Масонство и русская культура. Предисловие // Масонство и русская культура. Сборник. М., 1998. С.5-49.
[237] Острецов В.М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М., 1998.
[238] Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999.
[239] Карпачев С.П. Роль масонства в общественно-политической и культурной жизни страны конца XIX - начала XX вв. Автореферат докторской диссертации. М., 1998.
[240] Никитин А.Л. Мистические ордена в культурной жизни Советской России // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. Т.1. Кн.4. СПб, 1995. С.189-276.
[241] Багдасарян В.Э. "Теория заговора" в отечественной историографии второй половины XIX - начала XX вв. М., 1999.
[242] Клизовский А. Правда о масонстве. Рига, 1990. С.10-11.
[243] Яблоков И.Н. Религиоведение. М., 1998. С.406.
[244] Элбакян Е.С. Масоны, их деятельность в современной России // Словарь религий народов современной России. Отв. ред. М.Мчедлов. М., 1999. С.214.
[245] Вашутин М. Политическое масонство и его участие в крамоле в России. По поводу книги "Масонское действо". Харьков, 1914. С.3-4.
[246] Йейтес Францез. Розенкрейцерское просвещение. М., 1999. С.368.
[247] Соловьев О.Ф. Предтечи масонства // Свободная мысль. 1994, ‘7-8. С.86-87.
[248] Карпачев С.П. Краткий очерк истории западноевропейского и русского масонства XVIII-XIX веков // Масонство и масоны. Сборник. Вып.2. М., 1997. С.27.
[249] Херасков И.М. Происхождение масонства и его развитие в Англии в XVIII-XIX веках // Масонство в его прошлом и настоящем. Т.1. Изд. 2-е. М., 1991. С.2-3.

[250] Замойский Л. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С.123-124.
[251] Некрасов С.М. И.В.Лопухин - автор Духовного рыцаря // Лопухин И.В. Искатель премудрости или Духовный рыцарь. М., 1994. С.52.
[252] Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.44-47.
[253] Мелком Барбер. Процесс тамплиеров. М., 1998. С.413-424.
[254] Там же. С.405.
[255] Замойский Лоллий. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С.108.
[256] Волошин М.А. Пророки и мстители. Предвестники великой революции // Масонство и русская культура. Сост. В.И.Новиков. М., 1998. С.365.
[257] Мельвиль Марион. История ордена Тамплиеров. СПб, 1999. С.386.
[258] Парнов Е.И. Трон Люцифера. Критические очерки магии и оккультизма. М., 1985. С.194-198.
[259] Соловьев О.Ф. Русское масонство (1730-1917). М., 1993. С.13.
[260] Гартинг Франц. Жизнь Парацельса и сущность его учения. Пер. с англ. Изд. 2-е. М., 1998.
[261] Йейтес Франсес. Р озенкрейцерское просвещение. М., 1999. С.67-68.
[262] Там же. С.68.
[263] Шустер Георг. Тайные общества, союзы и ордена. СПб, 1905. Т.1. С.291.
[264] Там же. С.291.
[265] Херасков И.М. Происхождение масонства и его развитие в Англии XVIII-XIX века // Масонство в его прошлом и настоящем. Т.1. Изд. 2-е. М., 1991. С.15.
[266] Парнов Е.И. Трон Люцифера. Критические очерки магии и оккультизма. М., 1985. С.39-41.
[267] Замойский Лоллий. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С.106.
[268] Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730-1917. М., 1993. С.24.
[269] Законы великой масонской ложи Астрея на Востоке Санкт-Петербурга или Под конституциею великой ложи Астреи состоящего масонского союза. Часть 2. 5815 (1815). С.99.
[270] Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов (1791) // Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.055-060.
[271] Законы великой масонской ложи Астрея на Востоке Санкт-Петербурга или Под конституциею великой ложи Астреи состоящего масонского союза. Часть 2. 5815 (1815). С.314.
[272] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.144.
[273] День. 1992, 26-31 октября. С.4.
[274] Бердяев Н.А. Жозеф де Местр и масонство // Путь. Журнал русской религиозной мысли. Париж. 1926, ‘4. С.146.
[275] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.186.
[276] Прот. Молчанов Борис. Антихрист // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1990. ‘1-2. С.22.
[277] Бердяев Н.А. Жозеф де Местр и масонство // Путь. Журнал русской религиозной мысли. Париж. 1926, ‘4. С.146.
[278] Саттон Энтони. Как орден организует войны и революции. Пер. с английского. М., 1995. С.20.
[279] Боголюбов Николай. Тайные общества XX века. Изд. 2-е. СПб, 1997. С.231.
[280] Бердяев Н.А. Жозеф де Местр и масонство // Путь. Журнал русской религиозной мысли. Париж. 1926, ‘4. С.145.
[281] Кружок русских масонов в Англии. Заметки о масонстве. Лондон, 1928. С.13.
[282] Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С.17.

[283] Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т.3. М., 1995. С.347.
[284] Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.1. Изд. 2-е. М., 1991. С.IX.
[285] Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731-1996. М., 1996. С.2.
[286] Острецов В.М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М., 1998. С.527.
[287] Соколовская Т.О. Масонские системы // Масонство в его прошлом и настоящем. Изд. 2-е. Т.2. М., 1991. С.51.
[288] Карпачев С.П. Краткий очерк истории западноевропейского и русского масонства XVII-XIX веков // Масонство и масоны. Сб. статей. М., 1997. С.4.
[289] Кружок русских масонов в Англии. Заметки о масонстве. Лондон, 1928. С.14.
[290] Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С.12-13.
[291] Финдель И.Г. История франкмасонства. Т.1. СПб, 1872. С.104.
[292] Батеньков Г.С. Масонские воспоминания // Масонство и русская культура. Сост. Н.И.Новиков. М., 1998. С.329.
[293] Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С.111.
[294] Соколовская Т.О. Обрядность прежнего русского масонства // Русская старина. 1907, ‘11. С.351-352.
[295] Микеле Морамарко. Масонство в прошлом и настоящем. М., 1990. С.160-161.
[296] Уложение Великой ложи Астрея на Востоке Санкт-Петербурга. СПб, 1815. С.117.
[297] Соколовская Т.О. Обрядность вольных каменщиков // Масонство в прошлом и настоящем. Т.2. М., 1991. С.89-90.
[298] Уложение Великой ложи Астрея на Востоке Санкт-Петербурга. СПб, 1815. С.121.
[299] Соколовская Т.О. Обрядность вольных каменщиков // Масонство в прошлом и настоящем. Т.2. М., 1991. С.86-92.
[300] Там же. С.104.
[301] Васильев С., Гайдук Д., Нугатов В. Энциклопедия мистических терминов. М., 1998. С.378.
[302] Соколовская Т.О. Обрядность вольных каменщиков // Масонство в прошлом и настоящем. Т.2. М., 1991. С.98.
[303] Соколовская Т.О. Обрядность прежнего русского масонства // Русская старина. 1907, ‘12. С.710.
[304] Бердяев Н.А. Жозеф де Местр и масонство // Путь. Париж, 1926. ‘4. С.146.
[305] Херасков И.М. Происхождение масонства и его развитие в Англии // Масонство в его прошлом и настоящем. Т.1. Изд. 2-е. М., 1991. С.9.
[306] Йейтес Францез. Розенкрейцерское просвещение. М., 1999. С.369.
[307] Морамарко Микеле. Масонство. Страницы истории // Европейский альманах. М., 1990. С.55.
[308] Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С.14.
[309] Херасков И.М. Происхождение масонства и его развитие в Англии // Масонство в его прошлом и настоящем. Т.1. Изд. 2-е. М., 1991. С.19-21.
[310] Соколовская Т.О. Устав вольных каменщиков (XVIII-XIX вв.) . СПб, 1907. С.3.
[311] Бердяев Н.А. Жозеф де Местр и масонство // Путь. Париж, 1926. ‘4. С.146.
[312] Соловьев О.Ф. Предтечи масонства // Свободная мысль. 1994, ‘7-8. С.83.
[313] Замойский Лоллий. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С.124-126.
[314] Там же. С.122.
[315] Морамарко Микеле. Масонство в прошлом и настоящем. М., 1990. С.160-165.
[316] Замойский Лоллий. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С.131.

[317] Соколовская Т.О. Масонские системы // Масонство в его прошлом и настоящем. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.59-79.
[318] Перцев В.Н. Немецкое масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем. Т.1. Изд. 2-е. М., 1991. С.61-111.
[319] Соколовская Т.О. Масонские системы // Масонство в его прошлом и настоящем. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.72.
[320] Там же. С.74.
[321] Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.076.
[322] Финдель И.Г. История франкмасонства. Т.1. СПб, 1872. С.249-252.
[323] Васютинский А.М. Орден иллюминатов // Масонство в его прошлом и настоящем. Т.1. Изд. 2-е. М., 1991. С.112-129.
[324] Замойский Лоллий. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С.138.
[325] Там же. С.143.
[326] Черняк Е.Б. Западноевропейское масонство XVIII века // Вопросы истории. 1981, ‘12. С.116.
[327] Чудинов А.В. Масоны и французская революция XVIII века: дискуссия длиною в два столетия // Новая и новейшая история. 1999, ‘1. С.47-49.
[328] Там же. С.55.
[329] Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.67-68.
[330] Морамарко М. Масонство: страницы истории // Европейский альманах. 1990. С.158.
[331] Соловьев О.Ф. Предтечи масонства // Свободная мысль. 1994, ‘7-8. С.92.
[332] Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730-1917 гг. М., 1993. С.149.
[333] Рубинский Ю.Н. Масоны во Франции (вчера и сегодня) // Вопросы истории. 1976, ‘9. С.143.
[334] Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем. М., 1990. С.163.
[335] Херасков И.М. Масонство в Северо-Американских Соединенных Штатов // Масонство в его прошлом и настоящем. Т.2. М., 1991. С.245-251.
[336] Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С.22.
[337] Платонов О.А. Почему погибнет Америка. Тайное мировое правительство. М., 1999. С.219.
[338] Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С.36.
[339] Там же. С.79.
[340] Там же. С.80.
[341] Там же. С.86.
[342] Там же. С.177.
[343] Черняк Е. Невидимые империи. М., 1987. С.228.
[344] Гудрик-Кларк Николас. Оккультные корни нацизма. Пер. с нем. М., 1999. С.170.
[345] Замойский Лоллий. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С.207.
[346] Там же. С.20-24.
[347] Исповедь нетипичного масона // За рубежом. 1989, ‘19. С.19.
[348] Шлаен Б. Масоны во Франции // Знание народу. 1989, ‘8. С.43-46.
[349] Замойский Лоллий. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С.13-14.
[350] Комсомольская правда. 1992, 13 мая. С.2.
[351] Исповедь нетипичного масона // За рубежом. 1989, ‘19. С.19.
[352] Саттон Э. Как орден организует войны и революции. М., 1995. С.20.
[353] Там же. С.27.
[354] Эсперсон Ральф. Невидимая рука. Введение во взгляд на историю как на заговор. СПб, 1999.
[355] Шмаков А.С. Международное тайное правительство. М., 1912. С.207.

[356] Платонов О.А. Почему погибнет Америка. Тайное мировое правительство. М., 1999. С.110-119.
[357] Соловьев О.Ф. Предтечи масонства // Свободная мысль. 1994, '7-8. С.93.
[358] Платонов О.А. Почему погибнет Америка // Наш современник. 1998, '9. С.229.
[359] Замойский Лоллий. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С.14.
[360] Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С.214.
[361] Платонов О.А. Почему погибнет Америка // Наш современник. 1998, '9. С.229.
[362] Замойский Лоллий. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С.167.
[363] Масоны без тайн // Поиск. 1989, '29. 16-22 ноября. С.6.
[364] К.Л...р. К истории масонства в России. Перевод Н.С.Иванина // Русская старина. 1882. '9. С.533.
[365] Там же. С.534.
[366] Соколовская Т.О. Был ли Петр I масоном? // Море. 1917, '12. С.15-22.
[367] Уничтожение масонских лож в России (1822). Сообщ. И.И.Ореус // Русская старина. Т.XVIII (январь-апрель). СПб., 1887. С.467.
[368] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С.2.
[369] Там же. С.3.
[370] Пыпин А.Н. Хронологический указатель русских лож с первого возникновения масонства до запрещения его (1717-1822) // Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII - первая четверть XIX вв. Пг., 1916. С.498.
[371] От редакции // Море. 1917, '12. С.23.
[372] Новиков В.И. Меншикова башня // Масонство и масоны. Сб. статей и материалов. Вып.3. Под ред. С.П.Карпачева. М., 1998. С.38.
[373] К.Л...р. К истории масонства в России. Перевод Н.С.Иванина // Русская старина. 1882. '9. С.534.
[374] Ешевский С.В. Московские масоны 80-х годов прошедшего столетия (1780-1789) // Ешевский С.В. Сочинения. Ч.3. М., 1870. С.446.
[375] Пыпин А.Н. Русское масонство до Новикова // Вестник Европы. 1868. Кн.6 (июнь). С.549.
[376] Пыпин А.Н. Хронологический указатель русских лож с первого возникновения масонства до запрещения его (1717-1822) // Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII - первая четверть XIX вв. Пг., 1916. С.498-499.
[377] К.Л...р. К истории масонства в России. Перевод Н.С.Иванина // Русская старина. 1882. '9. С.535.
[378] Пыпин А.Н. Русское масонство до Новикова // Вестник Европы. 1868. Кн.6 (июнь). С.551.
[379] Донесение о масонах // Летописи русской литературы и древности. Т.4. М., 1862. Отделение 3. С.52.
[380] Hass L. Loza i politika. Masoniria rosyiska. Warszawa. 1966. S.34.
[381] Карпачев С.П. Масоны и масонство в России XVIII - первой половины XIX веков // Вопросы отечественной истории. Отв. редактор А.В.Ушаков. М., 1996. С.12.
[382] Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.92-93.
[383] Летописи русской литературы и древностей. Т.4. М., 1862. Отдел 10. С.51.
[384] Там же. С.49-50.
[385] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С.5.
[386] Новые материалы для истории масонства. Записка И.П.Елагина // Русский архив. Вып.1. М., 1864. С.100.
[387] Там же. С.99.
[388] Пекарский П.П. Дополнение к истории масонства в России XVIII века. СПб., 1869. С.5-8.

[389] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С.9.
[390] Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т.2. М., 1993. С.134.
[391] Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730-1917. М., 1993. С.38.
[392] Сборник Русского исторического общества. Т.7. СПб., 1871. С.202-215.
[393] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX вв. Пг., 1916. С.550.
[394] Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730-1917. М., 1993. С.42.
[395] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX вв. Пг., 1916. С.111-112.
[396] Семека А. Русское масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Изд. 2-е. Т.2. М., 1991. С.132.
[397] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX вв. Пг., 1916. С.118.
[398] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С.36.
[399] Новые материалы по истории масонства. Записка И.П.Елагина // Русский архив. М., 1864. Вып.1. С.99.
[400] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX вв. Пг., 1916. С.99-100.
[401] Максимов К.С. Общественная деятельность И.П.Елагина. Социально-политический анализ. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1981.
[402] Пекарский П.П. Дополнение к истории масонства в России XVIII века. СПб., 1869. С.34.
[403] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С.17-19.
[404] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX вв. Пг., 1916. С.127.
[405] Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730-1917. М., 1993. С.44.
[406] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.096.
[407] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С.11.
[408] Савва В.И. Из дневника масона // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1908. Т.4. С.12.
[409] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С.36.
[410] Семека А. Русское масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Изд. 2-е. Т.2. М., 1991. С.145-146.
[411] К.Л...р. К истории масонства в России. Перевод Н.С.Иванина // Русская старина. 1882. ‘9. С.542.
[412] Семека А. Русское масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Изд. 2-е. Т.2. М., 1991. С.174.
[413] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.133.
[414] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX вв. Пг., 1916. С.150.
[415] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С.41.
[416] Серков А. Великий мастер живет в Стокгольме // Родина. 1997, ‘10. С.98.
[417] Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778-1822). Пг., 1916. С.8.
[418] Там же. С.11.
[419] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С.46.
[420] Шумигорский Е.С. Император Павел I. СПб., 1907. С.53-56.
[421] Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778-1822). Пг., 1916. С.9.
[422] Там же. С.23-33.
[423] Там же. С.8.
[424] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С.49.
[425] Серков А. Великий мастер живет в Стокгольме // Родина. 1997, ‘10. С.97-98.
[426] Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778-1822). Пг., 1916. С.17.
[427] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С.48-49.

[428] Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778-1822). Пг., 1916. С.18.
[429] Соколовская Т.О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения XVIII и первой четверти XIX столетия. СПб, 1907. С.83.
[430] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С.49.
[431] Допрос Н.И.Новикова // Н.И.Новиков и его современники. М., 1961. С.475.
[432] Вернадский Г.В. Н.И.Новиков. Пг., 1918. С.2.
[433] Допрос Н.И.Новикова // Н.И.Новиков и его современники. М., 1961. С.421-422.
[434] Сатирические журналы Н.И.Новикова. М.-Л., 1951.
[435] Незеленов А.И. Н.И.Новиков, издатель журналов. 1769-1785 гг. СПб, 1875. С.432.
[436] Новые документы по делу Н.И.Новикова. Сообщ. А.Н.Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т.2. СПб, 1868. С.156.
[437] Тукалевский В.Н. Искания русских масонов. Из истории философских направлений в русском обществе XVIII века. СПб, 1911. С.18-19.
[438] Незеленов А.И. Н.И.Новиков, издатель журналов. 1769-1785 гг. СПб, 1875. С.262-269.
[439] Вернадский Г.В. Н.И.Новиков. Пг., 1918. С.205.
[440] Неизданный документ об аренде Н.И.Новиковым типографии Московского университета. Публ. А.В.Маштафарова // Книга. Исследование и материалы. Вып.28. М., 1974. С.150-156.
[441] Материалы для биографии Н.И.Новикова // Сборник, издаваемый студентами Императорского Санкт-Петербургского университета. Вып.1. СПб, 1857. С.323.
[442] Фурсенко В.В. Шварц Иван Георгиевич (Егорович) // Русский биографический словарь. Т.22. СПб, 1905. С.621-629.
[443] Тихонравов Н.С. Профессор И.-Г.Шварц // Тихонравов Н.С. Сочинения. Т.3. Ч.1. М., 1998. С.61.
[444] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1868. С.126.
[445] Там же. С.128.
[446] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С.207.
[447] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1868. С.129, 181, 182.
[448] Лонгинов М.Н. Новиков и Шварц. Материалы для истории русской литературы в конце XVIII века // Русский вестник. 1857. Т.11. С.551.
[449] Сушков Н.В. Московский университетский благородный пансион. М., 1858. С.21.
[450] Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века // Русский архив. 1874, ‘4. Кн.1. С.1036.
[451] Лонгинов М.Н. Новиков и Шварц. Материалы для истории русской литературы в конце XVIII века // Русский вестник. 1857. Т.11. С.548-549.
[452] Новые документы по делу Н.И.Новикова. Сообщ. А.Н.Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т.2. СПб, 1868. С.156.
[453] Ответы Н.И.Новикова Шешковскому в Шлиссельбурге в июне 1792 года // Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1868. С.080.
[454] Там же. С.081-083.
[455] Ешевский С.В. Московские масоны 80-х годов прошедшего столетия (1780-1789) // Ешевский С.В. Сочинения. Ч.3. М., 1870. С.497-498.
[456] Ответы Н.И.Новикова Шешковскому в Шлиссельбурге в июне 1792 года // Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1868. С.084-085.
[457] Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л.Барсков. Пг., 1915. С.259.
[458] Новые документы по делу Н.И.Новикова. Сообщ. А.Н.Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т.2. СПб, 1868. С.149-153.

[459] Материалы для истории русского просвещения и литературы в конце XVIII века. Новые подробности для биографий Новикова и Шварца. Сообщ. М.Н.Лонгинова // Русский вестник. 1858. Т.16. С.454.
[460] Ода на кончину И.Е.Шварца // Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1868. С.014.
[461] Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т.3. М., 1993. С.357.
[462] Сиповский В.В. Н.М.Карамзин, автор Писем русского путешественника. СПб, 1899. С.9-12.
[463] В 1784 году орден был закрыт, однако существовало мнение, что тайная деятельность братьев, тем не менее, продолжается.
[464] Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века // Русский архив. 1874, ‘4. Кн.1. С.1031-1042.
[465] Тимощук В.В. Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность (1741-1808) // Русская старина. 1892, ‘6. С.561-562.
[466] Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века // Русский архив. 1874, ‘4. Кн.1. С.1031-1042.
[467] Тимощук В.В. Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность (1741-1808) // Русская старина. 1892, ‘6. С.562.
[468] Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л.Барсков. Пг., 1915. С. LII.
[469] Ешевский С.В. Московские масоны 80-х годов прошедшего столетия (1780-1789) // Ешевский С.В. Сочинения. Ч.3. М., 1870. С.495-496.
[470] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.2. СПб, 1868. С.152.
[471] Ответы Н.И.Новикова Шешковскому в Шлиссельбурге в июне 1792 года // Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1868. С.085.
[472] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С.67-68.
[473] Семека А. Русские розенкрейцеры и сочинения императрицы Екатерины II против масонства // Журнал Министерства народного просвещения. 1902, ‘2. С.349.
[474] Допрос Н.И.Новикова // Н.И.Новиков и его современники. М., 1961. С.475.
[475] Семека А. Русское масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Изд. 2-е. Т.2. М., 1991. С.167-168.
[476] Материалы для истории русского общества XVIII века. Несколько замечаний о Н.И.Новикове // Сочинения С.В.Ешевского. Ч.3. М., 1870. С.413-414.
[477] Соколовская Т.О. Братья Златорозового креста // Русский архив. 1905, ‘9. С.89.
[478] Три письма Коловиона начальнику. Материалы для истории масонских лож. Сообщ. А.Н.Пыпин // Вестник Европы. 1872, ‘1. С.181-184.
[479] Лопухин И.В. Записки сенатора. М., 1990. С.20.
[480] Шахов А. Вольтер и его время. Изд. 2-е. СПб, 1912. С.327.
[481] Пыпин А.Н. Материалы для истории масонских лож // Вестник Европы. 1872, ‘1. С.190.
[482] Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л.Барсков. Пг., 1915. С.16.
[483] Кизеветтер А.А. Московские розенкрейцеры XVIII столетия // Русская мысль. Кн.10. М.-Пг., 1915. С.115.
[484] Сидоров П.Н. Масонство и крепостное право // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т.2. М., 1911. С.173-175.
[485] Выдержки из старых записных книжек, начатых в 1813 году // Русский архив. 1873, ‘11. С.2148-2149.
[486] Н.И.Новиков - П.П.Бекетову. 25.10.1802 // Письма Н.И.Новикова. СПб, 1994. С.56.
[487] Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л.Барсков. Пг., 1915. С. LVII.
[488] Там же.

[489] Семека А. Русское масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Изд. 2-е. Т.2. М., 1991. С.171.
[490] Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб, 1869. С.151-153.
[491] Там же. С.152-153.
[492] Ешевский С.В. Московские масоны 80-х годов прошедшего столетия (1780-1789) // Ешевский С.В. Сочинения. Ч.3. М., 1870. С.553.
[493] Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.-Л., 1952. С.507.
[494] Семенников В.П. Книгоиздательская деятельность Н.И.Новикова и Типографическая компания. Пг., 1921. С.17-944.
[495] Там же. С.60-72.
[496] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916. С.241.
[497] Там же. С.254.
[498] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.019-033.
[499] Якушкин В. Николай Иванович Новиков // Почин. Сборник Общества любителей российской словесности на 1895 год. М., 1895. С.166.
[500] Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.-Л., 1952. С.508-509.
[501] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916. С.233-236.
[502] Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л.Барсков. Пг., 1915. С.36.
[503] Материалы для истории русского просвещения и литературы в конце XVIII века. Новые подробности для биографий Новикова и Шварца. Сообщ. М.Н.Лонгинова // Русский вестник. 1858. Т.16. С.461.
[504] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.228-229.
[505] Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии // Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.-Л., 1954. С.577.
[506] Там же. С.558.
[507] Там же. С.577-578.
[508] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.018.
[509] Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии // Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.-Л., 1954. С.580-581.
[510] Там же. С.579.
[511] Новые сведения о Н.И.Новикове и членах компании Типографической. Сообщ. Д.И.Иловайский // Летописи русской литературы и древности. Т.5. М., 1863. Отд.2. С.5.
[512] Лонгинов М.Н. Новиков и Шварц. Материалы для истории русской литературы в конце XVIII века // Русский вестник. 1857. Т.11. С.567.
[513] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.263-264.
[514] Там же. С.034-035.
[515] Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии // Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.-Л., 1954. С.587.
[516] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.037.
[517] Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1998. С.28.
[518] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С.123.
[519] Западов В.А. К истории правительственного преследования Н.И.Новикова // XVIII век. Сборник 11. Н.И.Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С.37-48.
[520] Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.-Л., 1952. С.518.

[521] Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века // Русский архив. 1874, ‘4. Кн.1. С.1040.
[522] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С.198.
[523] Наиболее крупной из них вне Москвы было, несомненно, открытие в 1786 году в Ярославле ярославским наместником А.П.Мельгуновым дома призрения (детдом), рассчитанного на 40 человек, для всех сословий, кроме крепостных людей.
[524] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С.214.
[525] Пыпин А.Н. Материалы для истории масонских лож // Вестник Европы. 1872, ‘1. С.183.
[526] Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб, 1869. С.144.
[527] Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии // Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.-Л., 1951. С.664-666.
[528] Там же. С.665.
[529] Гаршин Е.М. Мартинист и филантроп прошлого века // Исторический вестник. 1887, ‘9. С.633.
[530] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.060-061.
[531] Там же. С.069.
[532] Дополнение к допросу Н.И.Новикова 26 апреля 1792 года // Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.065.
[533] Материалы для истории русского просвещения и литературы в концеXVIII века. Новые подробности для биографий Новикова и Шварца. Сообщ. М.Н.Лонгинова // Русский вестник. 1858. Т.16. С.443.
[534] Акт уничтожения Типографической компании 1791 года // Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.-Л., 1951. С.588-589.
[535] Гаршин Е.М. Мартинист и филантроп прошлого века // Исторический вестник. 1887, ‘9. С.636.
[536] Там же. С.634.
[537] Вернадский Г.В. Н.И.Новиков. Пг., 1918. С.132.
[538] Там же. С.133.
[539] Гаршин Е.М. Мартинист и филантроп прошлого века // Исторический вестник. 1887, ‘9. С.638.
[540] Вернадский Г.В. Н.И.Новиков. Пг., 1918. С.132.
[541] Гаршин Е.М. Мартинист и филантроп прошлого века // Исторический вестник. 1887, ‘9. С.639.
[542] Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ф.В.Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875, ‘9. С.77.
[543] Новые сведения о Н.И.Новикове и членах компании Типографической. Сообщ. Д.И.Иловайский // Летописи русской литературы и древности. Т.5. М., 1863. Отд.2. С.19.
[544] Новые документы по делу Н.И.Новикова. Сообщ. А.Н.Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т.2. СПб, 1868. С.148-149.
[545] Там же. С.156.
[546] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С.84.
[547] Новые сведения о Н.И.Новикове и членах компании Типографической. Сообщ. Д.И.Иловайский // Летописи русской литературы и древности. Т.5. М., 1863. Отд.2. С.82.
[548] Там же. С.41.
[549] Новые документы по делу Н.И.Новикова. Сообщ. А.Н.Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т.2. СПб, 1868. С.156-157.

[550] Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб, 1869. С.204.
[551] Допрос Н.И.Новикова // Н.И.Новиков и его современники. М., 1961. С.475.
[552] Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л.Барсков. Пг., 1915. С. LIX.
[553] Тихонравов Н.С. Четыре года из жизни Н.М.Карамзина // Тихонравов Н.С. Сочинения. Т.3. Ч.1. С.271.
[554] Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб, 1869. С.130.
[555] Пиксанов Н.К. И.В.Лопухин // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.227-255.
[556] Лопухин И.В. Записки сенатора И.В.Лопухина. М., 1990.
[557] Лопухин И.В. Искатель премудрости или Духовный рыцарь. М., 1994.
[558] Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ф.В.Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875, ‘9. С.80.
[559] Записки из старой записной книжки // Русский архив. 1883. ‘11. С.2150.
[560] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.163.
[561] Тарасов Е.И. Масон И.П.Тургенев // Журнал Министерства народного просвещения. 1914, ‘6. С.129-175.
[562] Михаил Матвеевич Херасков // Русский архив. 1873. ‘8. С.1463.
[563] Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. М., 1991. С.14.
[564] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996. С.19.
[565] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С.84.
[566] Новые сведения о Н.И.Новикове и членах компании Типографической. Сообщ. Д.И.Иловайский // Летописи русской литературы и древности. Т.5. М., 1863. Отд.2. С.35.
[567] Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века // Русский архив. 1874, ‘4. Кн.1. С.1040.
[568] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С.85.
[569] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916. С.501-522.
[570] Соловьев О.Ф. Русское масонство в 1730-1917 гг. М., 1993. С.69.
[571] Соколовская Т.О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения XVIII и первой четверти XIX столетия. СПб, 1907. С.165.
[572] Державин Г.Р. Избранная проза. М., 1984. С.225.
[573] Острецов В.М. Масонство, культура и русская история. Историко-политические очерки. М., 1998. С.244.
[574] Сборник Русского императорского общества. СПб, 1868. Т.2. С.147.
[575] Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л.Барсков. Пг., 1915. С. LVIII.
[576] Барсков Я.Л. Предисловие // В кн.: Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л.Барсков. Пг., 1915. С.LI-LII.
[577] Екатерина Великая о масонах // Русский архив. 1908, ‘6. С.178.
[578] Семека А. Русские розенкрейцеры и сочинения императрицы Екатерины II против масонов // Журнал министерства народного просвещения. 1902, ‘2. С.396.
[579] Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Пг., 1915. С.136.
[580] Новые документы по делу Н.И.Новикова. Сообщ. А.Н.Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т.2. СПб, 1868. С.148-149, 156.
[581] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С.84.

[582] Там же. С.210.
[583] Материалы для истории русского общества XVIII века. Несколько данных о Н.И.Новикове // Сочинения С.В.Ешевского. Ч.3. М., 1870. С.414.
[584] Храповицкий А.В. Дневник. СПб, 1874. С.173.
[585] Материалы для истории русского просвещения и литературы в конце XVIII века. Новые подробности для биографий Новикова и Шварца. Сообщ. М.Н.Лонгинова // Русский вестник. 1858. Т.16. С.457.
[586] Новые сведения о Н.И.Новикове и членах компании Типографической. Сообщ. Д.И.Иловайский // Летописи русской литературы и древности. Т.5. М., 1863. Отд.2. С.44-45.
[587] Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб, 1869. С.126.
[588] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.304.
[589] Якушкин В.Е. Суд над русским писателем в XVIII веке // Русская старина. 1882, ‘9. С.457-532.
[590] Разбор сочинения А.Н.Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву", написанный императрицей Екатериною Великой // Архив князя Воронцова. Кн.5. М., 1872. С.407.
[591] Храповицкий А.В. Дневник. СПб, 1874. С.338.
[592] Якушкин В.Е. Суд над русским писателем в XVIII веке // Русская старина. 1882, ‘9. С.504.
[593] Некрасов С.М. Апостол добра. Повествование о Н.И.Новикове. М., 1994. С.59.
[594] Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.-Л., 1952. С.466-467.
[595] Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т.3. М., 1995. С.409.
[596] Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ф.В.Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875, ‘9. С.96-97.
[597] Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т.3. М., 1995. С.413.
[598] Опросные пункты статскому советнику Ивану Лопухину. Новые сведения о Н.И.Новикове и членах компании Типографической. Сообщ. Д.И.Иловайский // Летописи русской литературы и древности. Т.5. М., 1863. С73.
[599] Лопухин И.В. Записки сенатора И.В.Лопухина. М., 1990. С.51.
[600] Там же. С.63.
[601] Новые документы по делу Н.И.Новикова. Сообщ. А.Н.Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т.2. СПб, 1868. С.142-143.
[602] Довнар-Запольский М.В. Правительственные гонения на масонов // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.126.
[603] Допрос Н.И.Новикова в Москве 25 апреля 1792 года // Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.065-067.
[604] Вознесенский А.В. Старообрядческие издания XVIII - начала XIX вв. Введение в изучение. СПб, 1996. С.101-104.
[605] Допрос Н.И.Новикова в Москве 25 апреля 1792 года // Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.065-067.
[606] Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII в. Перевела Ольга Балашова // Русский архив. М., 1874. Кн.1. С.1039.
[607] Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб, 1869. С.132-133.
[608] Новые сведения о Н.И.Новикове и членах компании Типографической. Сообщ. Д.И.Иловайский // Летописи русской литературы и древности. Т.5. М., 1863. Отд.2. С.17.
[609] Там же. С.38-48.

[610] Показания доктора Багрянского // Сборник Русского исторического общества. Т.2. СПб, 1868. С.130-133.
[611] Допросные пункты С.И.Шешковского к Н.И.Новикову. Новые документы по делу Новикова. Сообщ. А.Н.Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т.2. СПб, 1868. С.112-117.
[612] Ответы Н.И.Новикова Шешковскому в Шлиссельбурге в июне 1792 года // Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.072-0112.
[613] Храповицкий А.В. Дневник. СПб, 1874. С.404.
[614] Довнар-Запольский М.В. Правительственные гонения на масонов // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.119.
[615] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.0114.
[616] Там же.
[617] Незеленов А.А. Новиков в Шлиссельбургской крепости (по новым документам) // Исторический вестник. 1882, ‘12. С.497.
[618] Вернадский Г.В. Н.И.Новиков. Пг., 1918. С.124-125.
[619] Новые сведения о Н.И.Новикове и членах компании Типографической. Сообщ. Д.И.Иловайский // Летописи русской литературы и древности. Т.5. М., 1863. Отд.2. С.93-94.
[620] Там же. С.10.
[621] Вернадский Г.В. Н.И.Новиков. Пг., 1918. С.125.
[622] Там же. С.132.
[623] Новые документы по делу Н.И.Новикова. Сообщ. А.Н.Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т.2. СПб, 1868. С.144-145.
[624] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.0114.
[625] Незеленов А.А. Новиков в Шлиссельбургской крепости (по новым документам) // Исторический вестник. 1882, ‘12. С.487.
[626] Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л.Барсков. Пг., 1915. С. XLVI.
[627] Лопухин И.В. Записки сенатора И.В.Лопухина. М., 1990. С.61-62.
[628] Там же. С.57-58.
[629] Переписка князя Прозоровского с Шешковским в 1792 году // Сборник Русского исторического общества. Т.2. СПб, 1868. С.106.
[630] Материалы для истории русского общества XVIII века. Несколько замечаний о Н.И.Новикове // Ешевский С.В. Сочинения. Ч.3. М., 1870. С.415.
[631] Довнар-Запольский М.В. Правительственные гонения на масонов // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.128.
[632] Там же. С.135.
[633] Сиповский В.В. Новиков, Шварц и московское масонство // Сиповский В.В. Н.М.Карамзин, автор "Писем русского путешественника". СПб, 1899. С.13-15.
[634] Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л.Барсков. Пг., 1915. С. XXXVII.
[635] Там же. С.LVIII.
[636] Кизеветтер А.А. Московские розенкрейцеры XVIII столетия // Русская мысль. Кн.10. М.-Пг., 1915. С.123.
[637] Там же. С.124.
[638] Довнар-Запольский М.В. Правительственные гонения на масонов // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.119, 128.
[639] Незеленов А.А. Николай Иванович Новиков, издатель журналов. 1769-1785 гг. СПб, 1875. С.432.

[640] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.329.
[641] Боголюбов В. Н.И.Новиков и его время. М., 1916. С.457.
[642] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916. С.322.
[643] Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.-Л., 1952. С.521.
[644] Там же. С.519, 522.
[645] Там же. С.514.
[646] Некрасов С. Апостол добра. Повествование о Н.И.Новикове. М., 1994.
[647] Лихоткин Г.А. Оклеветанный Коловион. Л., 1972. С.40.
[648] Пахомова Л.М. Российское масонство XVIII века как феномен общественно-политической и философской жизни России. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Пермь, 1998. С.14.
[649] Письма Н.И.Новикова. СПб, 1994. С.283.
[650] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.085.
[651] Довнар-Запольский М.В. Правительственные гонения на масонов // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.132.
[652] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С.240.
[653] Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730-1917. М., 1993. С.42.
[654] Шумигорский Е.С. Император Павел I и масонство // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.142.
[655] Соколовская Т.О. Два портрета императора Павла I с масонскими эмблемами // Русская старина. 1908. Октябрь. С.81-95.
[656] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С.229.
[657] Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина "Рассуждение о непреложных государственных законах" // Шумигорский Е.С. Император Павел I. Его жизнь и царствование. СПб, 1907. С.4-13.
[658] Семевский В.И., Богучарский В, Щеголев П.Е. Общественное движение в России в первую половину XIX века. Т.1. СПб, 1905. С.97-202.
[659] Шумигорский Е.С. Император Павел I. Его жизнь и царствование. СПб, 1907. С.53.
[660] Там же. С.13-20.
[661] Там же. С..2 [662] Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И.Панина - Д.И.Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VI. Л., 1974. С.261-280.
[663] Тихонравов Н.С. Сочинения. Т.3. Ч.1. М., 1898. С.273.
[664] Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730-1917. М., 1993. С.44.
[665] Эйдельман Н.Я. Твой XVIII век. М., 1986. С.107-111.
[666] Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб, 1869. С.134.
[667] Там же. С.194.
[668] Мельгунов С.П. Один из русских розенкрейцеров // Голос минувшего. 1917, ‘1. С.80.
[669] Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л.Барсков. Пг., 1915. С. XXXVII.
[670] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.088, 0109.
[671] Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л.Барсков. Пг., 1915. С. XXVI- XXVII.
[672] Дневник неизвестного розенкрейцера на немецком языке // Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб, 1869. С.77-91.
[673] Янчук Н.А. Знаменитый зодчий В.И.Баженов и его отношение к масонству // Журнал Министерства народного просвещения. 1916, ‘12. С.167-238.

[674] Новиков В.И. Масонские усадьбы // Масонство и масоны. Вып.3. Отв. ред. С.П.Карпачев. М., 1998. С.46.
[675] Вернадский Г.В. Н.И.Новиков. Пг., 1918. С.76.
[676] Новые документы по делу Н.И.Новикова. Сообщ. А.Н.Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т.2. СПб, 1868. С.118-119.
[677] Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л.Барсков. Пг., 1915. С.245.
[678] Новые документы по делу Н.И.Новикова. Сообщ. А.Н.Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т.2. СПб, 1868. С.120.
[679] Там же.
[680] Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб, 1869. С.217.
[681] Лихоткин Г.А. Оклеветанный Коловион. Л., 1972. С.34-35.
[682] Там же. С.35-36.
[683] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.071.
[684] Там же.
[685] Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л.Барсков. Пг., 1915. С. XLVIII.
[686] Там же. С. XLVIII- XLIX.
[687] Новые документы по делу Н.И.Новикова. Сообщ. А.Н.Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т.2. СПб, 1868. С.144.
[688] Там же. С.144-145.
[689] Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908, ‘2. С.12.
[690] Сборник, издаваемый студентами Императорского Санкт-Петербургского университета. Вып.1. СПб, 1857. С.323.
[691] Выписка из письма дочери Н.И.Новикова Веры Николаевну к Н.И.Тургеневу // Летописи русской литературы и древности. Т.4. М., 1862. С.80.
[692] Незеленов А.А. Новиков в Шлиссельбургской крепости (по новым документам) // Исторический вестник. 1882, ‘12. С.500.
[693] Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб, 1869. С.221.
[694] Лонгинов М.Н. Новиков и Шварц. Материалы для истории русской литературы в конце XVIII века // Русский вестник. 1857. Т.11. С.580.
[695] Вернадский Г.В. Н.И.Новиков. Пг., 1918. С.138.
[696] Тихонравов Н.С. Сочинения. Т.3. Ч.1. М., 1898. С.162.
[697] Незеленов А.А. Николай Иванович Новиков, издатель журналов. 1769-1785 гг. СПб, 1875. С.199.
[698] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916. С.312.
[699] Лонгинов М.Н. Н.И.Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С.0110.
[700] Лонгинов М. Посещение села Авдотьина-Тихвинского, принадлежавшего Н.И.Новикову // Русский вестник. 1858. Т.XVIII. С.180-181.
[701] К истории масонства в России. Перевод с немецкой неизданной рукописи // Русская старина. 1882, ‘9. С.544.
[702] Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908, ‘2. С.12.
[703] Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ф.В.Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875, ‘9. С.75.
[704] Шумигорский Е.С. Император Павел I и масонство // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.151.
[705] Там же. С.150.
[706] Перминов П.В. Под сенью восьмиконечного креста. Мальтийский орден и его связи с Россией. М., 1991.
[707] Андреев А., Захаров В., Настенко И. История Мальтийского ордена. М., 1999. С.290.

[708] Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Изд. 4-е. СПб, 1908. С.297.
[709] Перминов П.В. Под сенью восьмиконечного креста. Мальтийский орден и его связи с Россией. М., 1991. С.130.
[710] Там же. С.131.
[711] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916. С.522.
[712] Сахаров В. Калигулы последний час. Император Павел I и вольные каменщики // Родина. 1997, ‘7. С.39.
[713] Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731-1996. М., 1996. С.54.
[714] Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730-1917. М., 1993. С.82-83.
[715] Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731-1996. М., 1996. С.54.
[716] Сахаров В. Калигулы последний час. Император Павел I и вольные каменщики // Родина. 1997, ‘7. С.40.
[717] Марков Н.Е. Войны темных сил. М., 1993. С.81.
[718] Шумигорский Е.С. Император Павел I и масонство // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.152.
[719] Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731-1996. М., 1996. С.54.
[720] Серков А.И. "Племянник" Н.И.Новикова - А.Ф.Лабзин // Масоны и масонство. Вып.3. М., 1998. С.28.
[721] Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908, ‘3. С.129.
[722] Серков А.И. "Племянник" Н.И.Новикова - А.Ф.Лабзин // Масоны и масонство. Вып.3. М., 1998. С.28.
[723] Соколовская Т.О. Раннее масонство Александровского времени // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.168.
[724] Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. М., 1991. С.77-78.
[725] Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730-1917. М., 1993. С.89.
[726] Кропотов П. Жизнь графа М.Н.Муравьева. СПб, 1874. Т.1. С.187.
[727] Соколовская Т.О. Раннее масонство Александровского времени // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.153.
[728] Герцен А.И. Былое и думы. М., 1979. С.289.
[729] Записки академика А.Л.Витберга // Масонство и русская культура. Сост. В.И.Новиков. М., 1998. С.275.
[730] Новиков В.И. Предисловие // Масонство и русская культура. Сост. В.И.Новиков. М., 1998. С.27.
[731] Материалы для истории масонских лож в России. Сообщ. А.Н.Пыпин // Вестник Европы. 1872, ‘1. С.208.
[732] Соколовская Т.О. Раннее масонство Александровского времени // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.172-173.
[733] Там же. С.158.
[734] Там же. С.170.
[735] Материалы для истории масонских лож в России. Сообщ. А.Н.Пыпин // Вестник Европы. 1872, ‘1. С.198-199.
[736] Бурышкин П.А. Масонство в романе Л.Н.Толстого "Война и мир" // Масонство и русская культура. Сост. В.И.Новиков. М., 1998. С.344-350.
[737] Там же. С.350.

[738] Аксаков С.Т. Встреча с мартинистами // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т.3. М., 1895. С.160-164.
[739] Там же. С.165.
[740] Соколовская Т.О. Раннее масонство Александровского времени // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.159-160.
[741] Материалы для истории масонских лож в России. Сообщ. А.Н.Пыпин // Вестник Европы. 1872, ‘1. С.564.
[742] Лотарева Д.Д. Знаки масонских лож Российской империи. М., 1994. С.47-50.
[743] Материалы для истории масонских лож в России. Сообщ. А.Н.Пыпин // Вестник Европы. 1872, ‘1. С.565.
[744] Соколовская Т.О. Раннее масонство Александровского времени // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.176.
[745] Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма А.Б.Голицына и М.Л.Магницкого императору Николаю I об иллюминатах. Сообщ. Н.К.Шильдер // Русская старина. 1899, ‘2. С.297-298.
[746] Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т.1. СПб, 1861. С.261.
[747] Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма А.Б.Голицына и М.Л.Магницкого императору Николаю I об иллюминатах. Сообщ. Н.К.Шильдер // Русская старина. 1899, ‘2. С.298.
[748] Русская старина. 1902. Т.110. Кн.2. С.253.
[749] Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Изд. 4-е. СПб, 1908. С.310.
[750] Там же. С.306-309.
[751] Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма А.Б.Голицына и М.Л.Магницкого императору Николаю I об иллюминатах. Сообщ. Н.К.Шильдер // Русская старина. 1899, ‘12. С.533.
[752] Серков А.И. Русское масонство (1800-1861 гг.). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1991. С.10.
[753] Богданович М. Падение Сперанского // Вестник Европы. 1868, ‘12. С.495-505.
[754] Попов Н.А. Игнатий-Аврелий Фесслер // Вестник Европы. 1879, ‘12. С.635-637.
[755] Пыпин А.Н. Российское библейское общество (1812-1826) // Вестник Европы. 1868. ‘8, с.639-712; ‘9, с.231-257; ‘11, с.222-285; ‘12, с.708-768.
[756] Пыпин А.Н. Российское библейское общество (1812-1826) // Вестник Европы. 1868. ‘8, с.662.
[757] Острецов В.М. Масонство, культура и русская история. М., 1998. С.326.
[758] Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908, ‘2. С.13-14.
[759] Там же. С.16.
[760] Соколовская Т.О. Раннее масонство Александровского времени // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.168.
[761] К.Л...р. К истории масонства в России. Перевод Н.С.Иванина // Русская старина. 1882. ‘9. С.546.
[762] Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730-1917. М., 1993. С.93.
[763] Соколовская Т.О. Из истории масонской ложи "Палестина" // Русская старина. 1907, ‘10. С.84.
[764] Из материалов по истории масонства. Сообщ. Т.О.Соколовская // Русская старина. 1907, ‘2. С.344.
[765] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916. С.381-385.

[766] Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778-1822). Пг., 1916. С.44.
[767] Там же. С.46.
[768] Соколовская Т.О. Раннее масонство Александровского времени // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.189.
[769] Из материалов по истории масонства. Сообщ. Т.О.Соколовская // Русская старина. 1907, ‘2. С.345.
[770] Михайловский-Данилевский А.И. Из мемуаров русского масона // Масонство и русская культура. Сост. В.И.Новиков. М., 1998. С.321.
[771] Там же. С.322-323.
[772] Соколовская Т.О. Возрождение масонства при Александре I // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С.195.
[773] Дружинин Н.Н. Революционное движение в России в XIX веке. Избранные труды. М., 1985. С.306.
[774] Соколовская Т.О. Из истории масонской ложи "Палестина" // Русская старина. 1907, ‘10. С.86.
[775] Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778-1822). Пг., 1916. С.49.
[776] Там же. С.34. См. также неопубликованную статью Т.О.Соколовской "Русское течение в масонстве" (РГАЛИ, ф.442, оп.1, ед. хр. 134).
[777] Воспоминания Т.П.Пассек // Русская старина. 1878. Т.21. С.210-211.
[778] Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778-1822). Пг., 1916. С.47.
[779] Серков А.И. Русское масонство 1800-1861. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1991. С.11.
[780] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916. С.400-406.
[781] Кушелев Е.А. Записка краткая историческая о начальном введении в России масонских лож // Русская старина. 1877. Т.18. С.470.
[782] Материалы для истории масонских лож в России // Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916. С.398-428.
[783] Кушелев Е.А. Записка краткая историческая о начальном введении в России масонских лож // Русская старина. 1877. Т.18. С.471-472.
[784] Воспоминания Т.П.Пассек // Русская старина. 1878. Т.21. С.210-211.
[785] Толстой Ф.П. Из записок // Масонство и русская культура. Сост. В.И.Новиков. М., 1998. С.242.
[786] Михайловский-Данилевский А.И. Из мемуаров русского масона // Масонство и русская культура. Сост. В.И.Новиков. М., 1998. С.318.
[787] Толстой Ф.П. Из записок // Масонство и русская культура. Сост. В.И.Новиков. М., 1998. С.240-250.
[788] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916. С.408.
[789] Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778-1822). Пг., 1916. С.59.
[790] Соколовская Т.О. Ложа "Трех добродетелей" и ее члены-декабристы // Русский архив. 1908, ‘10. С.226.
[791] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916. С.527.
[792] Там же. С.399.
[793] Материалы для истории масонских лож в России. Сообщ. А.Н.Пыпин // Вестник Европы. 1872, ‘2. С.600.

[794] Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778-1822). Пг., 1916. С.67.
[795] Уложение Великой ложи "Астреи" С.-Петербурга. СПб, 5815 (1815). С.3.
[796] К истории масонства в России. Перевод с немецкой рукописи // Русская старина. 1882, ‘9. С.557.
[797] Кушелев Е.А. Записка краткая историческая о начальном введении в России масонских лож // Русская старина. 1877. Т.18. С.474.
[798] Там же.
[799] Закон Великой ложи "Астреи" на Востоке Санкт-Петербурга // Уложение Великой ложи "Астреи" С.-Петербурга. СПб, 5815 (1815). С.285.
[800] Уложение Великой ложи "Астреи" С.-Петербурга. СПб, 5815 (1815). С.1.
[801] Там же. С.2.
[802] Там же. С.99-100.
[803] Там же. С.74.
[804] Там же. С.2.
[805] Там же. С.3-4.
[806] Маромарко М. Масонство: страницы истории // Европейский альманах. М., 1990. С.165.
[807] The Slavonic and East European Review. London. Apr. 1982. P.255.
[808] Акт взаимных отношений двух Великих лож на Востоке Санкт-Петербурга {СПб, 1817 }. С.1-18.
[809] Там же. С.5.
[810] Там же. С.4.
[811] Масонская грамота 1818 года. Сообщ. Т.О.Соколовская // Русский архив. 1903, ‘12. С.531.
[812] Из истории масонства в России. Пер. с нем. Н.С.Иваниной // Русская старина. 1882, ‘10. С.66.
[813] Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778-1822). Пг., 1916. С.76.
[814] Акт взаимных отношений двух Великих лож на Востоке Санкт-Петербурга {СПб, 1817 }. С.15-17.
[815] Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778-1822). Пг., 1916. С.68.
[816] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916. С.456.
[817] Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778-1822). Пг., 1916. С.70-71.
[818] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916. С.456.
[819] Соколовская Т.О. В масонских ложах (1817-1822). Пг., 1914. С.17.
[820] Семевский В.И. Декабристы - масоны // Минувшие годы. 1908, ‘3. С.123.
[821] Уложение Великой ложи "Астреи" С.-Петербурга. СПб, 5815 (1815). С.285.
[822] Там же.
[823] Из истории масонства в России. Пер. с нем. Н.С.Иваниной // Русская старина. 1882, ‘10. С.66-67.
[824] Уложение Великой ложи "Астреи" С.-Петербурга. СПб, 1818. С.341-345.
[825] Семевский В.И. Декабристы - масоны // Минувшие годы. 1908, ‘3. С.127.
[826] Там же. С.28.
[827] Кушелев Е.А. Записка о Великой ложе "Астрее" // Русская старина. 1877. Т. XVIII. С.664.
[828] Щеголев П.Е. К истории пушкинской масонской ложи // Голос минувшего. 1908. Кн.5. С.517-520.
[829] Серков А. "Пророк" и "мастер стула". Новое о масонстве Пушкина // Родина. 1997, ‘5. С.48-49.

[830] Пушкин А.С. Письма. Под ред. Б.Л.Модзалевского. Т.2. М.-Л., 1928. С.3.
[831] В...ев В.В. Исторические очерки русского масонства и его главнейших представителей // Орловские епархиальные ведомости. 1869, ‘2. С.134.
[832] Фомичев С.А. Пушкин и масоны // Русская литература. 1991, ‘1. С.162.
[833] Зуев Н. Кто виноват в гибели поэта? // Наш современник. 1989, ‘6. С.139.
[834] Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778-1822). Пг., 1916. С.78.
[835] Соколовская Т.О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения XVIII и первой четверти XIX столетия. СПб, 1907. С.116.
[836] Ростопчин Ф.В. Записка о мартинистах // Русский архив. 1875. ‘9. С.80.
[837] Дубровин Н. Наши мистики-сектанты: А.Ф.Лабзин и его "Сионский вестник" // Русская старина. 1894, ‘12. С.101.
[838] Из материалов по истории масонства. Сообщ. Т.О.Соколовская // Русская старина. 1907, ‘2. С.345.
[839] Семевский В.И. Декабристы - масоны // Минувшие годы. 1908, ‘5-6. С.409.
[840] Там же.
[841] Русский архив. 1892, ‘9. С.55.
[842] Из масонских песен. Сообщ. Т.О.Соколовская // Русский архив. 1905, ‘10. С.288.
[843] Уничтожение масонских лож в России. 1822. Сообщ. И.И.Ореус // Русская старина. 1877. Т.18. С.478-479.
[844] Там же. С.464-467, 467-479, 641-650, 661-664.
[845] Там же. С.644.
[846] Там же. С.465.
[847] Там же. С.642-643.
[848] Семевский В.И. Декабристы - масоны // Минувшие годы. 1908, ‘3. С.25.
[849] Там же. С.26.
[850] Там же. С.28.
[851] Уничтожение масонских лож в России. 1822. Сообщ. И.И.Ореус // Русская старина. 1877. Т.18. С.645-649.
[852] Там же. С.650.
[853] Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция. СПб, 1998. С.105-107.
[854] К закрытию масонских лож в России. Публ. А.А.Лебедева // Русская старина. 1912, ‘3. С.524.
[855] Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб, 1904. С.204-215.
[856] Семевский В.И. Декабристы - масоны // Минувшие годы. 1908, ‘2. С.42-43.
[857] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т.38 (1822-1823 гг.). СПб, 1830. С.579.
[858] Базанов В.Г. Ученая республика. М.-Л., 1964. С.84.
[859] Семевский В.И. Декабристы - масоны // Минувшие годы. 1908, ‘2. С.127-128. ‘3, С.123.
[860] Там же. ‘2, С.48.
[861] К истории масонства в России. Сообщ. З.Н. // Русская старина. 1907, ‘3. С.540.
[862] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916. С.454.
[863] Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730-1917. М., 1993. С.121.
[864] Там же. С.122.
[865] Там же. С.124.
[866] К закрытию масонских лож в России. Сообщ. А.А.Лебедева // Русская старина. 1912, ‘3. С.528.
[867] Шильдер Н.К. Император Александр I. Т.4. СПб, 1899. С.250-251.

[868] Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция. СПб, 1998. С.126.
[869] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996. С.33.
[870] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916. С.498-532.
[871] Bakonina Tatiana. Repertoure Biographique des Francs-Masons Russes (XVIII et XIX solcles). Paris, 1967.
[872] Шаховской Д.М. Татьяна Алексеевна Бакунина // Из глубины времен. Вып.10. СПб, 1998. С.196-208.
[873] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996. С.19, 23.
[874] Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731-1996. М., 1996. С.64.
[875] Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778-1822). Пг., 1916. С.80.
[876] Письма Н.И.Новикова. СПб, 1994. С.307.
[877] Толь С.Д. Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов. СПб, 1914. С.192.
[878] Кобылин В. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В.Алексеев. СПб, 1998. С.402.
[879] Семевский В.И. Декабристы - масоны // Минувшие годы. 1908, ‘5-6. С.412.
[880] Толь С.Д. Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов. СПб, 1914. С.205.
[881] Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731-1996. М., 1996. С.90.
[882] Лотман Ю.М. Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов - поэт, публицист и общественный деятель // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т.2. Таллин, 1992. С.249-282.
[883] Лотман Ю.М. Краткие наставления Русским рыцарям М.А.Дмитриева-Мамонова // Вестник ЛГУ. 1949, ‘7. С.137-147.
[884] Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб, 1909. С.378.
[885] Дружинин Н.М. К истории идейных исканий П.И.Пестеля // Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX веке. М., 1985. С.323.
[886] Нечкина М.В. Движение декабристов. Т.1. М., 1955. С.134.
[887] Там же.
[888] Серков А.И. Российское масонство. 1800-1861. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1991. С.15.
[889] Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб, 1909. С.401.
[890] Нечкина М.В. Движение декабристов. Т.1. М., 1955. С.136.
[891] Дружинин Н.М. К истории идейных исканий П.И.Пестеля // Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX веке. М., 1985. С.324.
[892] Серков А.И. Из истории русского масонства. Ложа "Трех добродетелей" и декабристы // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1988, ‘5. С.72-73.
[893] Соколовская Т.О. Ложа "Трех добродетелей" и ее члены-декабристы // Русский архив. 1908, ‘10. С.218-230.
[894] Семевский В.И. Декабристы - масоны // Минувшие годы. 1908, ‘5-6. С.389.
[895] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916. С.426-427.
[896] Семевский В.И. Декабристы - масоны // Минувшие годы. 1908, ‘3. С.140.
[897] Соколовская Т.О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения. XVIII и первая четверть XIX столетия. СПб, 1907. С.174.
[898] Дружинин Н.М. К истории идейных исканий П.И.Пестеля // Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX веке. М., 1985. С.312.
[899] Там же. С.315.

[900] Мордовцев Д.Л. О масонской ложе "Соединенных славян" // Русская старина. 1878. Т.21. С.187-189.
[901] Семевский В.И. Декабристы - масоны // Минувшие годы. 1908, ‘3. С.159-160.
[902] Серков А.И. Российское масонство. 1800-1861. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1991. С.13.
[903] Там же. С.12.
[904] Семевский В.И. Декабристы - масоны // Минувшие годы. 1908, ‘3. С.143-146.
[905] Там же. С.144.
[906] Соколовская Т.О. Ложа "Трех добродетелей" и ее члены-декабристы // Русский архив. 1908, ‘10. С.225.
[907] Дружинин Н.М. К истории идейных исканий П.И.Пестеля // Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX веке. М., 1985. С.327.
[908] Соколовская Т.О. Ложа "Трех добродетелей" и ее члены-декабристы // Русский архив. 1908, ‘10. С.230.
[909] Семевский В.И. Декабристы - масоны // Минувшие годы. 1908, ‘5-6. С.380.
[910] Серков А.И. 250 лет масонства в России. М., 1993. С.35.
[911] Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731-1996. М., 1996. С.83.
[912] Ведьмин О.П. Масоны в России (1730-1825). Кемерово, 1998. С.160-161.
[913] Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916. С.532.
[914] Воспоминания М.Ф.Каменской // Исторический вестник. 1894, ‘8. С.328.
[915] Список гг. военным, кои принадлежали масонским ложам // Русская старина. 1907, ‘7. С.197-216. ‘8, С.405-452. ‘9, с.643-653.
[916] Московского университета профессоры-масоны (1826) Публ. Дм.Щепкина // Русский архив. 1901, ‘6. С.301.
[917] Соколовская Т.О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения. XVIII и первая четверть XIX столетия. СПб, 1907. С.167.
[918] Русский архив. 1886. Т.2. С.197-198.
[919] Русская старина. 1874. Т.11. С.466-468.
[920] К истории масонской деятельности князя Баратаева. Публ. Т.О.Соколовской // Русская старина. 1909. Т.137. Кн.2. С.424-431, 631-649.
[921] Нилус С.А. Великое в малом. Записки православного. Сергиев Посад. 1911. С.119.
[922] Там же. С.120.
[923] Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731-1996. М., 1996. С.68.
[924] Корнеев В.Е. Документы Государственного архива Российской Федерации о московских масонах XIX - начала XX веков // Масоны в России: вчера ... сегодня ... завтра? М., 1999. С.89-90.
[925] Острецов В.М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М., 1998. С.335.
[926] Там же. С.420.
[927] Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. М., 1992. С.354.
[928] Серков А.И. История русского масонства 1845-1945. СПб, 1997. С.3.
[929] Виноградов А.Е. Российское масонство после правительственного запрета 1822 года. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1992. С.12-13.
[930] Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта (1860-1867). М., 1934. С.326-329.
[931] Вяземский В.Л. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал. Нью-Йорк, 1985. Кн.161. С.232-233.
[932] Там же. С.233.
[933] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.5.
[934] Там же. С.53-54.

[935] Письма М.А.Бакунина к А.И.Герцену и Н.П.Огареву. СПб, 1906. С.271.
[936] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.52.
[937] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала ХХ века. СПб, 1996. С.39-40.
[938] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.56-57.
[939] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала ХХ века. СПб, 1996. С.42.
[940] Овсянико-Куликовский Д.Н. Максим Максимович Ковалевский // Овсянико-Куликовский Д.Н. Воспоминания. СПб, 1903. С.161.
[941] Погодин С.Н. М.М.Ковалевский и Русская высшая школа общественных наук в Париже // Русская эмиграция во Франции (1850-1950 гг.). Сб. научн. статей. СПб, 1995. С.17-24.
[942] Волошин М.А. Из литературного наследия. Вып. 1. СПб, 1991. С.140-141.
[943] Волошин М. Автобиографическая проза. Дневник. М., 1991. С.225, 227.
[944] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.61.
[945] Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1938. Т.2. С.295.
[946] Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С.236-237.
[947] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.62.
[948] Волошин М. История моей души. М., 1996. С.107-108.
[949] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала ХХ века. СПб, 1996. С.44.
[950] Там же.
[951] Вяземский В.Л. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал. 1985. Кн.161. С.234.
[952] Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русское масонство ХХ столетия. М., 1997. С.163.
[953] Амфитеатров А.В. Мое масонство // Сегодня (Рига). 1930, 6 июля.
[954] Там же.
[955] Карпачев С.П. Масонская интеллигенция в России конца XIX – начала XX веков. М., 1998. С.161.
[956] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала ХХ века. СПб, 1996. С.46.
[957] Рубинский Ю.Н. Масонство во Франции (вчера и сегодня) // Вопросы истории. 1986, ‘9. С.143.
[958] Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1830-1917. М., 1993. С.158-159.
[959] Ковалевский М.М. Партия Демократических реформ и ее программа // Вестник Европы. 1906, ‘11. С.786-793.
[960] Гессен И.В. В двух веках // Архив русской революции. Т.22. Берлин, 1937. С.217.
[961] Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1830-1917. М., 1993. С.173.
[962] The Slavonic East European Review. Volume XLIV. ‘103. July1966. P.454-472.
[963] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала ХХ века. СПб, 1996. С.50.
[964] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.92.
[965] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала ХХ века. СПб, 1996. С.56.
[966] Там же. С.65.
[967] Бебутов Д.О. Русское масонство ХХ века // Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.126-127.
[968] Вашутин М. (М.Ф.Таубе) Политическое масонство и его участие в крамоле в России. Харьков, 1914.
[969] Карпачев С.П. Масонская интеллигенция в России конца XIX – начала XX веков. М., 1998. С.161-162.
[970] Бебутов Д.О. Русское масонство ХХ века // Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.130.
[971] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.94.
[972] Там же. С.95.
[973] Вяземский В. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал (Нью-Йорк). 1985. Кн.161. С.234.

[974] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.131, 133, 135-136.
[975] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996. С.64.
[976] Там же. С.61-62.
[977] Там же. С.65.
[978] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.136.
[979] Там же. С.142-143.
[980] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.96.
[981] Карпачев С.П. Масонская интеллигенция в России конца XIX – начала XX веков. М., 1998. С.179-183.
[982] Там же. С.191.
[983] Там же. С.197.
[984] Там же. С.179.
[985] Там же. С.190.
[986] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.100.
[987] Там же. С.145-146.
[988] Там же. С.139-142.
[989] Карпачев С.П. Масонская интеллигенция в России конца XIX – начала XX веков. М., 1998. С.139.
[990] Там же. С.160.
[991] Там же. С.149.
[992] Там же. С.117.
[993] Там же. С.65.
[994] Там же. С.121-129.
[995] Там же. С.122-123.
[996] Ковалевский П.И. Национализм и национальное воспитание в России. Нью-Йорк, 1922. С.50.
[997] Карпачев С.П. Масонская интеллигенция в России конца XIX – начала XX веков. М., 1998. С.90.
[998] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996. С.84.
[999] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.102.
[1000] Огромную роль в разоблачении этого известного провокатора сыграли, как выясняется в свете последних изысканий, масоны Н.А.Морозов и А.И.Браудо. См.: Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.103.
[1001] Масоны // Русское слово. 1908. 8 ноября. С.3.
[1002] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.143-144.
[1003] Там же. С.144.
[1004] Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В.Шелохаева и В.В.Поликарпова // Вопросы истории. 1998, ‘11-12. С.38.
[1005] Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С.317-325.
[1006] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996. С.81.
[1007] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.65.
[1008] Бебутов Д.О. Русское масонство XX века // Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.144-145.
[1009] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.105.
[1010] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.23-24.
[1011] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996. С.84.
[1012] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.108.
[1013] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.79.
[1014] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996. С.96.
[1015] Там же. С.142.
[1016] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.108.
[1017] Там же.

[1018] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.53-55.
[1019] Русское политическое масонство в 1906-1918 гг. Документы архива Гуверовского института войны, мира и революции. Публ. В.И.Старцева // История СССР. 1990, ‘1. С.141.
[1020] Там же. С.142.
[1021] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.54-55.
[1022] Бобринский В.А. Пробный камень славянского братства // Ладо. Сборник литературно-общественный. СПб, 1911. С.136.
[1023] Александр Иванович Гучков рассказывает. М., 1993. С.118.
[1024] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.85.
[1025] Там же. С.61.
[1026] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.119.
[1027] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996. С.119.
[1028] Русское политическое масонство. 1906-1918 гг. Документы из архива Гуверовского института войны, революции и мира. Публ. В.И.Старцева // История СССР. 1989, ‘6. С.129.
[1029] Русское политическое масонство. 1906-1918 гг. Документы архива Гуверовского института войны, революции и мира. Публ. В.И.Старцева // История СССР. 1989, ‘6. С.129-134; см. также: Масоны и масонство. Сборник статей. Вып.1. М., 1994. С.111-117.
[1030] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996. С.124.
[1031] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.108.
[1032] Русское политическое масонство. 1906-1918 гг. Документы архива Гуверовского института войны, революции и мира. Публ. В.И.Старцева // История СССР. 1989, ‘6. С.132.
[1033] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996. С.127.
[1034] Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С.53.
[1035] Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730-1917 гг. М., 1993. С.259.
[1036] Там же. С.259.
[1037] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.126.
[1038] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996. С.107.
[1039] Хасс Л. Русские масоны первых десятилетий XX в. // Историки отвечают на вопросы. Вып.2. М., 1990. С.148.
[1040] Русское политическое масонство начала XX в. (1906-1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В.И.Старцева // История СССР. 1990. ‘1. С.145.
[1041] Серков А.И. История русского масонства 1845-1945 гг. СПб., 1997. С.117-118.
[1042] Чермак Л.К. Как я был масоном. Публ. и прим. А.И.Серкова // Масоны в России: вчера ... сегодня ... завтра?.. М., 1999. С.132.
[1043] Русское политическое масонство начала XX в. (1906-1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В.И.Старцева // История СССР. 1990. ‘1. С.145.
[1044] Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В.Шелохаева и В.В.Поликарпова // Вопросы истории. 1998. ‘11-12. С.38.
[1045] Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В.Шелохаева и В.В.Поликарпова // Вопросы истории. 1998. ‘11-12. С.38.
[1046] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С.115-116.
[1047] Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С.43.
[1048] Александр Иванович Гучков рассказывает. М., 1993. С.134.
[1049] Серков А.И. История русского масонства 1845-1945 гг. СПб., 1997. С.116-112.
[1050] Вяземский В. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал (Нью-Йорк). Книга 161. С.235.
[1051] Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 года. М., 1993. С.277.
[1052] Серков А.И. История русского масонства 1845-1945 гг. СПб., 1997. С.116-117.
[1053] Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж. 1988. С.461-462.

[1054] Шечков Г.А. Масоны и Государственная Дума // Мирный труд. Харьков. 1909. ‘4. С.120-151.
[1055] Там же. С.147.
[1056] Русское политическое масонство начала XX в. (1906-1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В.И.Старцева // История СССР. 1990, ‘1. С.143.
[1057] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С.96.
[1058] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.66.
[1059] Русское политическое масонство начала XX в. (1906-1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В.И.Старцева // История СССР. 1990, ‘1. С.147.
[1060] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.66, 67.
[1061] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С.147.
[1062] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С.147.
[1063] Хасс Л. Русские масоны первых десятилетий XX века. // Историки отвечают на вопросы. М., 1990. Вып.2. С.152.
[1064] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.68.
[1065] Хасс Л. Русские масоны первых десятилетий XX века. // Историки отвечают на вопросы. М., 1990. Вып.2. С.152. См. также: Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб. 1996. С.160.
[1066] Slavic Review. 1965. Vol.XXIV. P.3-14.
[1067] Серков А.И. История русского масонства 1845-1945 гг. СПб., 1997. С.115.
[1068] Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В.Шелохаева и В.В.Поликарпова // Вопросы истории. 1998, ‘11-12. С.38.
[1069] Там же. С.36.
[1070] Там же. С.38.
[1071] Вяземский В. Первая четверть века существования зарубежного масонства//Новый журнал (Нью-Йорк). Книга 161. С.235.
[1072] Русское политическое масонство начала XX в. (1906-1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В.И.Старцева // История СССР. 1990. ‘1. С.148.
[1073] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С.145.
[1074] Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В.Шелохаева и В.В.Поликарпова // Вопросы истории. 1998, ‘11-12. С.38.
[1075] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С.158.
[1076] Хасс Л. Русские масоны первых десятилетий XX века. // Историки отвечают на вопросы. М., 1990. Вып.2. С.152.
[1077] Там же. С.152.
[1078] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С.109.
[1079] Там же. С.109.
[1080] Там же. С.110.
[1081] Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С.31.
[1082] Документы Департамента полиции о масонстве в России. Публ. В.Е.Корнеева // Масоны в России: вчера ... сегодня ... завтра?.. М., 1999. С.99.
[1083] Там же. С.114-115.
[1084] Щеголев П.Е. Охота за масонами или похождения асессора Алексеева // Былое. 1917. ‘4. С.108-145.
[1085] Ратаев Л.А. Международный парламентский союз // Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731-1996. М., 1996. С.645.
[1086] Ратаев Л.А. Записка о масонстве. // Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731-1996. М., 1996. С.648.
[1087] Корнеев В.И. Документы Государственного архива Российской Федерации о московских масонах XIX - начала XX веков. // Масоны в России: вчера ... сегодня ... завтра?.. М., 1999. С.98-128.
[1088] Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С.337-338.

[1089] Масоны в России: вчера ... сегодня ... завтра?.. М., 1999. С.120-122.
[1090] Из аналитического доклада Департамента полиции министру внутренних дел 25 июня 1913 года // Масоны в России: вчера ... сегодня ... завтра?.. М., 1999. С.118-120.
[1091] Масоны в России: вчера ... сегодня ... завтра?.. Сборник научных трудов под ред. А.А.Королева. М., 1999. С.124.
[1092] Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С.336.
[1093] Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту.Заговоры перед революцией 1917 г. Париж. 1931. С.149, 180, 185.
[1094] Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931, и 1939 гг. Публ. В.В.Шелохаева и В.В.Поликарпова // Вопросы истории 1998. ‘11-12. С.39.
[1095] Там же. С.19.
[1096] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.63.
[1097] Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Париж.1931.С.185.
[1098] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.65-66.
[1099] Русское политическое масонство начала XX века (1906-1918гг.). Вступительная статья и комментарии В.И.Старцева // История СССР. 1990, ‘1. С.146.
[1100] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996. С.140.
[1101] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.63.
[1102] Серков А.И. История русского масонства (1845-1945 гг.). СПб., 1997. С.119.
[1103] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.88-89.
[1104] Там же. С.92-96.
[1105] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.143.
[1106] Александр Иванович Гучков рассказывает. М., 1993. С.31, 32, 121.
[1107] Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С.152.
[1108] Кобылин Виктор. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В.Алексеев. СПб, 1998. С.423.
[1109] Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931, и 1939 гг. Публ. В.В.Шелохаева и В.В.Поликарпова // Вопросы истории. 1998, ‘11-12. С.38.
[1110] Соловьев О.Ф. Русское масонство 1730-1917 г. М.,1993. С.183.
[1111] Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С.43.
[1112] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996. С.150.
[1113] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С.106.
[1114] Александр Иванович Гучков рассказывает. М., 1993. С.134. Прим.
[1115] Там же. С.23.
[1116] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.41-42.
[1117] Серков А.И. История русского масонства 1845-1945 М. 1997. С.122.
[1118] Там же. С.109.
[1119] Там же. С.122.
[1120] Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М.,1997. С.30.
[1121] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996. С.148.
[1122] Соловьев О.Ф. Русское масонство 1730-1917 г. М., 1993. С.250.
[1123] Маклаков В.А. Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и князя Юсупова об убийстве Распутина. // Современные записки (Париж). 1928. Кн.34. С.271-272.
[1124] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.68-69.
[1125] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996. С.156.
[1126] Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С.241.
[1127] Сафонов М.М. Кругом измена, трусость и обман.// Диван. 1997. ‘11. С.15.
[1128] Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931, и 1939 гг. Публ. В.В.Шелохаева и В.В.Поликарпова // Вопросы истории. 1998, ‘11-12. С.20.
[1129] Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М.:1997. С.43.
[1130] Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С.54.

[1131] Миллер Любовь. Царская семья - жертва темной силы. Мельбурн. 1998. С.508.
[1132] Винберг А.Ф. Крестный путь. Т.1. Мюнхен, 1922. С.142
[1133] Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. С.633.
[1134] Дневники императора Николая II. М., 1991. С.625.
[1135] Шульгин В.В. Дни. М., 1990. С.272-274.
[1136] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996. С.150.
[1137] Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931, 1939 гг. // Вопросы истории. 1998, ‘11-12. С.39.
[1138] Там же. С.20.
[1139] Национальная политика России и современность. Отв. ред. В.А.Михайлов. М., 1997. С.255.
[1140] Старцев В.И. Русское эмигрантское масонство во Франции (1918-1939 гг.) // Российское зарубежье: история и современность. М., 1998. С.41.
[1141] Алданов М.А. 3 марта // Сборник в честь 70-летия П.Н.Милюкова. Париж, 1929. С.25.
[1142] Коваленко Н.А. Февральская революция и образование Временного правительства. // Историки размышляют. Сб. Под ред. Л.И.Семенниковой. М., 1999. С.61.
[1143] Острецов В.М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М., 1998. С.422-423.
[1144] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб, 1996. С.150.
[1145] Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В.Шелохаева и В.В.Поликарпова // Вопросы истории. 1998, ‘11-12. С.38.
[1146] Хасс Людвик. Русские масоны первых десятилетий XX в. // Историки отвечают на вопросы. Вып.2. М., 1990. С.154.
[1147] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб, 1996. С.163.
[1148] Соловьев О.Ф. Русское масонство (1730-1917 гг.). М., 1993. С.254.
[1149] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб, 1996. С.111, 157.
[1150] Первушин Н. Русские масоны и революция // Новый русский. (Нью-Йорк). 1986. 1 августа.
[1151] Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С.126-216.
[1152] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб, 1996. С.162-163.
[1153] Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В.Шелохаева и В.В.Поликарпова // Вопросы истории. 1998, ‘11-12. С.20.
[1154] Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С.478.
[1155] Список русских политических масонов лож французского обряда и Великого Востока народов России // Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб, 1996. С.170-174.
[1156] Бонч-Бруевич В.Д. Мои воспоминания о Петре Алексеевиче Кропоткине // Звезда. 1930, ‘4. С.183.
[1157] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945. СПб, 1998. С.115.
[1158] Орбели Л.А. Воспоминания. М.-Л., 1966. С.83-84.
[1159] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.149.
[1160] Хасс Людвик. Русские масоны первых десятилетий XX в. // Историки отвечают на вопросы. Вып.2. М., 1990. С.153.
[1161] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб, 1996. С.160.
[1162] Русское политическое масонство 1906-1918. Публ. В.И.Старцева // История СССР. 1990, ‘1. С.149.
[1163] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб, 1996. С.164.
[1164] Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С.41.
[1165] Палеолог Морис. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С.433.
[1166] Соловьев О.Ф. Русское масонство (1730-1917 гг.). М., 1993. С.260.
[1167] Соловьев О.Ф. Русское масонство (1730-1917 гг.). М., 1993. С.69.

[1168] Там же. С.70.
[1169] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.150.
[1170] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб, 1996. С.157.
[1171] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб, 1996. С.163-164.
[1172] Старцев В.И. Русские политические масоны в правящей элите Февральской революции 1917 года // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сборник статей. Вып.2. СПб. 1994. С.18-23.
[1173] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб, 1996. С.162-163.
[1174] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945. СПб, 1998. С.122.
[1175] Хасс Людвик. Русские масоны первых десятилетий XX в. // Историки отвечают на вопросы. Вып.2. М., 1990. С.150.
[1176] Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1998. С.450.
[1177] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб, 1996. С.165.
[1178] Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В.Шелохаева и В.В.Поликарпова // Вопросы истории. 1998, ‘11-12. С.38.
[1179] Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб, 1996. С.158.
[1180] Вяземский В.Л. Четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал. 1985. Кн.161. С.236.
[1181] Хасс Людвик. Русские масоны первых десятилетий XX в. // Историки отвечают на вопросы. Вып.2. М., 1990. С.154.
[1182] Русское политическое масонство начала XX в. (1906-1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В.И.Старцева // История СССР. 1990, ‘1. С.150.
[1183] Императрица требовала моей головы. Беседа с Александром Керенским // Литературная газета. 1990. 5 сентября. С.13.
[1184] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.74.
[1185] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945. СПб, 1998. С.127-170.
[1186] Соловьев О.Ф. Русское масонство 1730-1917 гг. М., 1993; Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб, 1996; Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731-1996. М., 1996.
[1187] Орден. Интервью главы русской масонской ложи во Франции Михаила Гардера // "Политика", 1991, ‘11, с.12.
[1188] Конан-Дойл А. История спиритизма. СПб, 1999. С.50-51.
[1189] Прибытков В.И. Спиритизм в России от возникновения до настоящего времени. СПб., 1901, с.75-83.
[1190] Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С.252.
[1191] Быков В.П. Спиритизм перед судом науки, общества и религии. М., 1914, сс.318-319.
[1192] Шахнович М. Петербургские мистики. СПб, 1996, с.216.
[1193] Быков В.П. Спиритизм перед судом науки, общества и религии. М., 1914, с.265.
[1194] Мэрфи Г. Елена Блаватская. Пер. с англ. Челябинск, 1999.
[1195] Соловьев Вс.С. Современная жрица Изиды. Мое знакомство с Е.П.Блаватской и "Теософическим обществом". Изд. 2-е. М., 1994.
[1196] Пазилова В.П. Современна ли жрица Изиды? М., 1990, с.13.
[1197] Блаватская Е.П. Тайная доктрина. Синтез науки, философии и религии. Т.т.1-2. Москва-Харьков, 1999.
[1198] М.Н.Жемчужникова. Воспоминания о Московском антропософском обществе (1917-1923) // Минувшее. Исторический альманах. Вып.6. М., 1992.
[1199] Андрей Белый и антропософия. Публ. Дж.Мальмстада // Минувшее. Исторический альманах. Вып.6. М., 1992, с.337-448.
[1200] Вяземский В.Л. Первая четверть века существования русского зарубежного масонства // Новый журнал (Нью-Йорк). 1985. Кн.161. С.233.
[1201] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.89.

[1202] Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731-1996. М., 1996. С.165-166.
[1203] Лебедев С.Б. Масоны и вокруг них на страницах журнала "Море" с 1901 по 1917 гг. Библиографический аннотированный указатель. СПб, 1994.
[1204] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.88.
[1205] Серков А. Придет ли к нам "Великий Восток"? // Родина. 1993, ‘11. С.87.
[1206] Граббе Ю.П. Корни церковной смуты. Белград, 1927, с.1.
[1207] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.90.
[1208] Документы Департамента полиции о масонах в России. Публ. В.Е.Корнеева // Масоны в России. Вчера ... сегодня ... завтра?.. М., 1999. С.104.
[1209] Происки масонов // Вече (Москва). 1908, 4 декабря. С.2.
[1210] Новое время. 1908, 23 декабря. С.3.
[1211] Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730-1917. М., 1993. С.197-205.
[1212] Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Масонские заговоры перед революцией. Париж, 1931. С.182.
[1213] Бурышкин П.А. Филипп - предшественник Распутина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн.40. С.179-199.
[1214] Брачев В.С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб, 1998. С.27.
[1215] А.М. дю Шайла. Монархическая идея и действительность. Последние новости. Париж, 1921, 2 июня, с.2.
[1216] Бурышкин П.А. Филипп - предшественник Распутина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн.40. С.190.
[1217] Там же. С.196.
[1218] Там же. С.198-199.
[1219] А.М. дю Шайла. Монархическая идея и действительность. Последние новости. Париж, 1921, 2 июня, с.2.
[1220] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. "Вопросы истории", 1990, ‘10, с.123.
[1221] Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С.235.
[1222] Там же. С.237.
[1223] Там же. С.236.
[1224] Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730-1917. М., 1993. С.167.
[1225] Вяземский В.Л. Первая четверть века существования русского зарубежного масонства // Новый журнал (Нью-Йорк). 1985. Кн.161. С.234.
[1226] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.71.
[1227] Заметки о масонстве. Лондон, 1928. С.41.
[1228] Вопросы истории. 1998, ‘9. С.157.
[1229] Острецов В.Л. Масонство, культура и русская история. М., 1998.С.421.
[1230] Неизвестные фрагменты воспоминаний Анны Вырубовой // Родина. 1998, ‘2. С.66.
[1231] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.69.
[1232] О членах масонско-оккультных кружков Санкт-Петербурга // Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731-1996. Издание 2-е. М., 1996, с.578-585.
[1233] Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990, с.309-312.
[1234] Берберова Н.Н. Люди и ложи. Нью-Йорк, 1986, с.23.
[1235] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.74.
[1236] Там же. С.75.
[1237] П.Ухтубжский. Процесс Чинского // "Земщина", 11 октября 1910 г., с.2; См. также: Процесс Чинского в истинном свете. СПб., 1908.
[1238] О деятельности масона-афериста Ч.Чинского // Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731-1996. Издание 2-е. М., 1996, с.593.

[1239] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.78.
[1240] Асеев А.М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство. Публ. Н.А.Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998, ‘2. С.33.
[1241] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.78-79.
[1242] Заметки о неомартинизме // Музей истории религии (Санкт-Петербург). Р.О. Колл. II. Д.14. Л.1-4.
[1243] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.83.
[1244] Асеев А.М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство. Публ. Н.А.Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998, ‘2. С.33.
[1245] Петербургские мартинисты 1910-1925 гг. Публ. В.С.Брачева - "Отечественная история", 1993, ‘3, с.177-182.
[1246] Серков А.И. История русского масонства. 1845-1945 гг. СПб, 1997. С.83-84.
[1247] Там же. С.84.
[1248] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.185.
[1249] Граббе Ю.П. Корни церковной смуты. Белград, 1927, с.5.
[1250] Бурышкин П.А. Розенкрейцерские истоки софианства // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С.462.
[1251] Андреев (Андреевский) И.М. Очерки по истории русской литературы XIX века. Вып.1. Джорданвилль, 1968. С.301.
[1252] Белый А. Воспоминания о Блоке. Эпопея, т. I. М., 1922, с.149, 164.
[1253] Эллис (Л.Л.Кобылинский). Культура и символизм // Весы, 1909, ‘10-11, с.108.
[1254] Белый А. Между двух революций. М., 1990, с.468.
[1255] Л.Д.Блок. И были, и небылицы о Блоке и о себе // Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995, с.74.
[1256] Гуль Р. Я унес Россию // Новый журнал (Нью-Йорк). 1985. Кн.161. С.10.
[1257] Волошин М. Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991, с.269.
[1258] Белый А. Начало века. М., 1990, с.672.
[1259] Записки петербургских религиозно-философских собраний (1902-1903). СПб, 1906.
[1260] Белый А. Воспоминания о Блоке. Эпопея, т.III. М.-Берлин, 1922, с.173.
[1261] Из оккультного быта "башни" Вяч. Иванова // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С.311-334.
[1262] Иванов В.Ф. Православный мир и масонство. Харбин, 1935. С.127.
[1263] Белый А. Между двумя революциями. М., 1990. С.499.
[1264] Мария Михайлова. Мы - две руки единого креста // "Наука и религия", 1995, ‘3, с.30.
[1265] Слободнюк С.Л. "Идущие путями зла". Дьяволы серебряного века. Древний гностицизм и русская литература. 1880-1930 гг. СПб., 1998. С.4.
[1266] Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999.
[1267] Спиритизм Валерия Брюсова // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С.279-310.
[1268] В.К.Станюкович. Воспоминания о Брюсове // Литературное наследство. Т.83. Валерий Брюсов. М.: 1976, сс.727-728.
[1269] М.А.Волошин. В.Брюсов. Воспоминания. Фрагменты // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн.2, М., 1994, сс.391-392.
[1270] Белый А. Воспоминания о Блоке. Эпопея, т.II. М.-Берлин, 1922. С.250.
[1271] Белый А. Записки чудака. "Геликон", Москва-Берлин, 1922, с.153-155, 171.
[1272] Н.Валентинов. Встречи с Андреем Белым // Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995, с.137.
[1273] Белый А. Стихотворения и поэмы. М.-Л., 1966. С.160.
[1274] Б.Бугаев. Штемпелеванная культура // Весы, 1909, ‘9, с.74-76, 80.
[1275] П.Б.Струве. Интеллигенция и национальное лицо // Слово, 10 (23) марта 1909 г., с.2.

[1276] Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990. С.91.
[1277] А.Белый - Р.В.Иванову-Разумнику. Март, 1925 // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С.312.
[1278] Бурышкин П.А. Розенкрейцерские истоки софианства // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С.458-459.
[1279] А.Тургенева. Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995, с.190.
[1280] Мейер А.А. Петербургское религиозно-философское общество//Вопросы философии, 1992, ‘7, с.112.
[1281] Розенталь Л. Как изгоняли Розанова. Ленинградская панорама. 1989, ‘11, с.32.
[1282] М.А.Волошин. В.Брюсов. Воспоминания. Фрагменты // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн.2, М., 1994, с.389.
[1283] Е.В.Иванова. Флоренский и Христианское братство борьбы//Вопросы философии, 1993, ‘6, с.159-166.
[1284] Колеров М.А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от "Проблем идеализма" до "Вех" (1902-1909 гг.). СПб., 1996. С.253.
[1285] Петербургское Религиозно-философское общество (1907-1917). Публ. Е.В.Бронниковой // Вопросы философии, 1993, ‘6, с.121.
[1286] Гаген-Торн Н.И.. Вольфила: Вольная философская ассоциация в Ленинграде 1920-22 годов.//Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С.214.
[1287] Асеев А.М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство. Публ. Н.А.Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998, ‘2. С.36.
[1288] Петербургские мартинисты 1910-1925 гг. Публ. В.С.Брачева - "Отечественная история", 1993, ‘3, с.180-182.
[1289] Ватсон - это артистический псевдоним Б.В.Кириченко. Дело в том, что в начале 1920-х гг. он окончил кинотехникум. Это дало ему возможность принять участие в съемках ряда кинофильмов тех лет: "Красный партизан", "Чудотворец", "Скорбь бесконечная".
[1290] Асеев А.М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство. Публ. Н.А.Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998, ‘2. С.34.
[1291] Тур. Тень от нуля (Масоны в Ленинграде) // "Красная газета", 15 июня 1928 г. Веч. Выпуск, с.5.
[1292] Архив УФСБ РФ по СПб и Ленинградской области. Д.12517. Т.1. Л.78.
[1293] Виталий Оппоков. Кащеева игла масонства. "Молодая гвардия", 1995, ‘2, с.107.
[1294] Там же, с.104.
[1295] Виталий Оппоков. Кащеева игла масонства. "Молодая гвардия", 1995, ‘2, с.112.
[1296] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.12517, т.2, л.109-117об.
[1297] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.12517, т.2, л.503-504.
[1298] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.12517, т.2, л.444.
[1299] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.12517, т.2, лл.94-95.
[1300] Такой фразы в августовском докладе Б.В.Астромова 1925 г. нет, хотя общий смысл его предложения передан им верно.
[1301] Ленинградские масоны и ОГПУ. Публ. В.С.Брачева - "Русское прошлое", 1991, кн.1, с.275-276.
[1302] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.12517, т.2, л.687.
[1303] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.12517, т.2, л.655-656.

[1304] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.12517, т.2, л.694-698.
[1305] Асеев А.М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство. Публ. Н.А.Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998, ‘2. С.35.
[1306] Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С.63.
[1307] Тур. Галиматья // "Ленинградская правда", 5 января 1928 г., с.2.
[1308] Тур. Тень от нуля (Масоны в Ленинграде) // "Красная газета", 15 июня 1928 г. Веч. Выпуск, с.5.
[1309] Тур. Голубой интернационал магистра Делафосса // "Ленинградская правда", 29 июня 1928 г., с.3.
[1310] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.14368, л.7-9.
[1311] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.14368, л.40.
[1312] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.14368, л.102-104.
[1313] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.14368, л.103-111.
[1314] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.9315, т.2, л.130-138.
[1315] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.9315, т.2, л.137.
[1316] Тур. Тень от нуля (Масоны в Ленинграде) // "Красная газета", 15 июня 1928 г. Веч. Выпуск, с.5.
[1317] Тур. Галиматья // "Ленинградская правда", 5 января 1928 г., с.2.
[1318] Тур. Тень от нуля (Масоны в Ленинграде) // "Красная газета", 15 июня 1928 г. Веч. Выпуск, с.5.
[1319] Русское политическое масонство 1906-1918 гг. Вступительная статья и комментарии В.И.Старцева - "История СССР", 1990, ‘1, с.142.
[1320] Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1992, с.324-325.
[1321] Федотов Г.П. Лицо России // Федотов Г.П. Собр. соч. в 12 томах, т.1. М.: "Мартис", 1996, с.104.
[1322] Федотов Г.П. Лицо России. Париж. 1988, с.37.
[1323] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. ДП-81782, т.1, л.391.
[1324] К.Г.Исупов. Слово как поступок (о философском учении А.А.Мейера) // Вопросы философии, 1992, ‘7, сс.93-102.
[1325] Д.С.Лихачев. Об Александре Александровиче Мейере // Вопросы философии, 1992, ‘7, сс.92-93.
[1326] Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1992, с.325.
[1327] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. ДП-81782, т.1, л.400.
[1328] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. ДП-81782, т.1, л.181.
[1329] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.14284, т.1, л.230.
[1330] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д.14284, т.3, л.244-246.
[1331] В.В.Антонов. "Воскресенье" Мейера и "воскресники" Тайбалина // "Санкт-Петербургские епархиальные ведомости", вып.18, СПб, 1997.
[1332] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. ДП-81782, т.1, лл.179-242.
[1333] Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. ДП-81782, т.1, л.180.

[1334] Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1995, с.275.
[1335] Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1995, с.110.
[1336] Богомолов Н.А. К истории эзотеризма советской эпохи // Литературное обозрение. 1998, ‘2. С.24.
[1337] Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С.32.
[1338] Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1995, с.274.
[1339] Эйзенштейн С.М. Мемуары. Т.1. М., 1997, с.62-63.
[1340] Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1995, с.96.
[1341] Эйзенштейн С.М. Мемуары. Т.1. М., 1997, с.64.
[1342] Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве. "Наука и религия", 1992, ‘‘4/5, 6/7, 8-12, 1993, ‘‘1-7.
[1343] Ю.Аникст. Трубадур мистического анархизма // Дело труда (Париж), ‘50-51, июль-август 1929 г.
[1344] Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве. "Наука и религия", 1993, ‘6, с.60.
[1345] Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве. "Наука и религия", 1993, ‘1, с.45.
[1346] Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве. "Наука и религия", 1993, ‘3. С.25.
[1347] Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве. "Наука и религия", 1993, ‘6. С.55.
[1348] Антонов В.В. Братство прп. Серафима Саровского. СПб епархиальные ведомости. Вып.16. СПб, 1996, с.94.
[1349] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-33312. Т.2. Л.16.
[1350] Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве. "Наука и религия", 1992, ‘12, с.11.
[1351] Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве. "Наука и религия", 1992, ‘12, с.14.
[1352] Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве. "Наука и религия", 1993, ‘7, с.24.
[1353] Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве. "Наука и религия", 1992, ‘6-7, с.27.
[1354] Никитин А.Л. Заключительный этап развития анархистской мысли в России // Вопросы философии. 1991, ‘8, с.89.
[1355] Аникст Ю. Трубадур мистического анархизма//Дело труда (Париж). 1929, ‘50-51 (июль-август). С.17.
[1356] Никитин А.Л. Заключительный этап развития анархистской мысли в России // Вопросы философии. 1991, ‘8, с.101.
[1357] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-33312. Т.2. Л.1.
[1358] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-33312. Т.2. Л.10-17.
[1359] Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С.186.
[1360] Там же. С.179.
[1361] Никитин А.Л. Московский Сен-Жермен или работник комиссариата иностранных дел - глава тайного мистического ордена // Знания - сила. 1998, ‘6. С.119-130.
[1362] Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С.181-182.
[1363] Там же. С.190.
[1364] Виталий Оппоков. Кащеева игла масонства. "Молодая гвардия".
1995, ‘2. С.107.
[1365] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф.Чуева. - М., "Терра", 1991, с.267.
[1366] Антонов О.И., Казаков А.В. Военная символика Красной Армии в период гражданской войны // Гражданская война в России. Материалы X всероссийской заочной научной конференции. СПб., 1998. С.99.
[1367] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. - М., "Терра", 1990, с.174.

[1368] Иванов В.Ф. От Петра I до наших дней. Харбин, 1934, с.497.
[1369] Асеев А.М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство. Публ. Н.А.Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998, ‘2. С.32.
[1370] Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С.234.
[1371] Там же. С.79.
[1372] Виноградов А. Ретушью по белым пятнам. "Молодая гвардия", 1991, ‘8, с.267.
[1373] Деева Е. Тайна убитого мастера // Московский комсомолец. 17 мая 1994. С.4.
[1374] Олег Шишкин. Исчезнувшая лаборатория // "Огонек", 1995, ‘34(4413), с.71.
[1375] Допрос А.В.Барченко от 10 июня 1937 г. // Шишкин О. Битва за Гималаи. М., 1999. С.352-356, 362.
[1376] Там же. С.367.
[1377] Демин В. Космист. Чекист. Хранитель тайны // Наука и религия. 1997, ‘4. С.38-39.
[1378] Допрос А.В.Барченко от 10 июня 1937 г. // Шишкин О. Битва за Гималаи. М., 1999. С.368.
[1379] Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы. СПб-Прага-Самара, 1997, с.244-245.
[1380] Допрос А.В.Барченко от 10 июня 1937 г. // Шишкин О. Битва за Гималаи. М., 1999. С.363.
[1381] Там же. С.370.
[1382] Там же. С.372.
[1383] Там же. С.369.
[1384] Там же. С.370.
[1385] Там же. С.362.
[1386] Виноградов А. Тайные битвы XX столетия. М., 1999. С.41.
[1387] Там же. С.189.
[1388] Допрос А.В.Барченко от 10 июня 1937 г. // Шишкин О. Битва за Гималаи. М., 1999. С.374.
[1389] Там же. С.375.
[1390] Бережков В.И. Искушения чекиста Бокия. СПб., 1999. С.66.
[1391] А.С.Барченко. Кем он был? Судьба Александра Барченко // "Наука и религия", 1997, ‘7, с.14-16.
[1392] Масоны возращаются в Россию. // Московский комсомолец. 1996, 9 июля. С.4.
[1393] Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С.207.
[1394] Ленинградские масоны и ОГПУ. Протоколы допросов, вещественные доказательства. Публ. В.С.Брачева. // Русское прошлое. Вып.1. Л., 1991. С.274-276.
[1395] Лебедева Елена. Каменщики вне политики. // Московские новости (‘56), 20-27 августа 1995 г. С.29.
[1396] Большаков Владимир. Масоны. Ч.1. Разговор с Великим магистром. // Правда. 1992. (‘65). 7 мая. С.3.
[1397] Цит. по: Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С.42.
[1398] Там же. С.43.
[1399] Там же. С.69.
[1400] Старцев В.И. Русское заграничное масонство во Франции (1918-1939 гг.). // Русское Зарубежье: история и современность. М., 1998. С.51.
[1401] Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С.119.
[1402] Там же. С.163.
[1403] Большаков Владимир. Масоны. Ч.1. Разговор с Великим Магистром. // Правда. 1992. 7 мая. С.3.
[1404] Там же. С.3.
[1405] Липский А.В. Возрождение масонства в России. // Масонство и масоны. Сборник статей. Вып.1. М., 1994. С.63-65.
[1406] Масонство и масоны. Сборник статей и материалов. Вып.1. М., 1994. С.11.

[1407] Сучков И.В. Современные уставы вольных каменщиков России. (сер. 90-х гг. XX в.). // Масонство и масоны. Сборник статей. Вып.2. М., 1997. С.102-126.
[1408] Большаков Владимир. Масоны. Часть 3. Ложа "Пушкин" // Правда. 1992. 16 мая. С.3.
[1409] Масонство и масоны. Сборник статей и материалов. Вып.1. М., 1994. С.118-122.
[1410] Большаков Владимир. Масоны. Часть вторая. В тихом пригороде // Правда. 1992. 13 мая. С.3.
[1411] Элбакян Е.С. Масоны, их деятельность в современной России. // Словарь религий народов современной России. Ответ. ред. М.П.Мчедлов. М., 1999. С.216.
[1412] Большаков Владимир. Масоны. Часть вторая. В тихом пригороде // Правда. 1992. 13 мая. С.3.
[1413] Деева Екатерина. Тайна убитого Мастера//Московский комсомолец. 1994. 17 мая. С.4.
[1414] Серков А.И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб, 1999. С.336.
[1415] Романов Петр. Русские каменщики стали по-настоящему вольными. // Коммерсант Daily. 1995 (‘110). 28 июня. С.4.
[1416] Серков А.И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб, 1999. С.340-341.
[1417] Лебедева Елена. "Каменщики" - вне политики. // Московские новости. 1995., ‘56 (797), 20-27 августа. С.29.
[1418] Там же. С.29.
[1419] Русские каменщики стали по-настоящему свободными. // Коммерсант Daily. 1995. ‘118. 28 июня. С.4.
[1420] Пирамида. Интервью с Великим мастером Великой ложи России Г.Д. // Воробьевский Юрий. Стук в Золотые врата. М., 1998. С.335.
[1421] Серков А.И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб, 1999. С.336, 337.
[1422] Лебедева Елена. "Каменщики" - вне политике. // Московские новости. 1995, ‘56 (797), 20-27 августа. С.29.
[1423] Там же. С.29.
[1424] Колпаков А. Братство вольных. // Московский комсомолец. 1997. 13 августа. С.4.
[1425] Острецов В.М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М., 1998. С.588-589.
[1426] Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX в. М., 1998. С.210.
[1427] Там же. С.29.
[1428] Пирамида. Интервью с Великим мастером Великой ложи России Г.Д. // Воробьевский Юрий. Стук в Золотые врата. М., 1998. С.339.
[1429] Деева Екатерина. Тайна убитого Мастера // Московский комсомолец. 1994. 17 мая. С.4.
[1430] Масоны возвращаются в Россию. // Московский комсомолец. 1996. 9 июля. С.4.
[1431] Тарасова Ольга. Граф Арсений Липский: "Я возродил масонство в России". // Архангельск. 1994 (‘89) 18 июня. С.4.
[1432] Элбакян Е.С. Масоны, их деятельность в современной России. // Словарь религий народов современной России. Ответ. ред. М.П.Мчедлов. М., 1999. С.217.
[1433] Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С.213.
[1434] Карпачев С.П. Масонство в России. // Масоны в России: вчера ... сегодня ... завтра? // Сборник научных трудов. Под редакцией А.А.Королева. М., 1999. С.49.
[1435] Пирамида. Интервью с Великим мастером Великой ложи России Г.Д. // Воробьевский Юрий. Стук в Золотые врата. М., 1998. С.335.
[1436] Платонов О.А. Терновый венец России. История русского народа в XX в. Т.2. М., 1997. С.692.

[1437] Старцев С. Девять веков иоаннитов. Первое интервью в российской прессе Великого канцлера Мальтийского Ордена Карло Марулло ди Кондояни. // Фигуры и лица. Приложение к "Независимой газете". 1998, ‘10. С.7.
[1438] Соловьв О.Ф. Масонство в мировой политике XX в. М., 1998. С.212. Прим.
[1439] Платонов О.А. Масонство в России // Русский вестник. 1999, ‘44-47. Специальный выпуск. С.2.
[1440] Краткий словарь лиц, принадлежащих к масонским ложам и другим организациям, созданным для достижения масонских целей (с 1945 по 1999 гг.) // Русский вестник. 1999, ‘44-47. С.9-16.
[1441]Платонов О.А. Масонство в России // Русский вестник. 1999, ‘44-47. Специальный выпуск. С.2.
[1442] Соловьв О.Ф. Масонство в мировой политике XX в. М., 1998. С.212.
[1443] Платонов О.А. Масонство - преступное сообщество // Русский вестник. 1999, ‘44-47. Специальный выпуск. С.8. "В существующем виде, - пишет здесь О.А.Платонов, - масонство представляет огромную угрозу русскому обществу. Перед Россией, как и в начале века, стоит задача полного уничтожения и запрета масонских организаций".
[1444] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг, 1917. С.243.
[1445] Минувшие годы. 1908, ‘2. С.311.
[1446] Шахов А.А. Вольтер и его время. Изд. 2-е. СПб, 1912. С.320-321.
[1447] Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730-1917. М., 1993. С.265.
[1448] Розанов В.В. Опавшие листья // Розанов Василий. Уединенное. М., 1998. С.519.
[1449] Большаков В. Масоны. Часть вторая. В тихом пригороде // Правда. 1992, 13 мая. С.3.